

КАВКАЗЪ И ЕГО ГЕРОИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

СВЯТЫНИ, БОГАТСТВА И НАРОДЫ.

СОСТАВИЛЪ

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Е. Колпинскаго. Конная ул., д. № 3—5.

1902.

*«Создана на средства гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства»*



Императоръ Павелъ I.

КНИГА ПЕРВАЯ.

СВЯТЫНИ, БОГАТСТВА И НАРОДЫ.

ОГЛАВЛЕНИЕ *).

КНИГА ПЕРВАЯ.

	СТРАН.
Предисловіе	1

Ч А С Т Ь I.

Святѣныи и богатства.

1. Св. Нина, просвѣтительница Грузіи	7
2. Церковь св. Давида въ Тифлисѣ	9
3. Сафарскій и Зарэмскій монастыри и древнія церкви близъ Ахалцыха	10
4. Кавказъ до Петра I	12
5. Основаніе Тифлиса	19
6. Присоединеніе Грузіи	22
7. Изъ „Путешествія въ Арзрумъ“	26
8. Военно-Грузинская дорога	36
9. Баку и его нефтяные источники.	43
10. Кавказскія минеральныя воды:	
а. Группы Сѣвернаго Кавказа.	53
б. Боржомъ	59
в. Абастуманъ	61
11. Винодѣліе на Кавказѣ	67
12. Кавказское шелководство.	78
13. Каменноугольныя и рудныя богатства на Кавказѣ	88

*) Статьи, авторы коихъ не указаны въ текстѣ книги, написаны
ея составителемъ.

	Стран.
14. Кавказское побережье Чернаго моря	101
15. Русская Ривьера	119
16. Сѣрные источники близъ Сочи	151

ЧАСТЬ II.

Казакѣ и горцы.

17. Черноморскіе казакѣ—кубанцы и плáстуны	161
18. Терскіе казакѣ—гребенское войско и терское	185
19. Браки и разводы у чеченцевъ	195
20. Отрывокъ изъ повѣсти „Казакѣ“	200
21. „Максимъ Максимычъ“	210
22. По Дагестану	217
23. Какъ жили и живутъ горцы Кавказа	223

КНИГА ВТОРАЯ.

Предисловіе	239
-----------------------	-----

ЧАСТЬ I.

До смѣны Ермолова.

1. Начало войны съ черкесами	243
2. Геройскій подвигъ Монтезора	249
3. Генераль А. П. Ермоловъ	251
4. Подвигъ полковника Карягина	265
5. Подвиги Котляревскаго	269
6. Защита Чирагскаго укрѣпленія	282
7. Генераль Власовъ	286
8. Генераль Кацыревъ	291
9. Якубовичъ и Подпрядовъ	301
10. Черноморье подъ управленіемъ Власова (1825—1826 гг.)	305
11. Увольненіе Ермолова	316

ЧАСТЬ II.

Посль Ермолова.

	Стран.
12. Татары	321
13. Развитіе мюридизма на Кавказъ	356
14. Покореніе карачаевцевъ	370
15. Койсубулинская экспедиція и поэтъ Полежаевъ	380
16. Геройскій подвигъ рядового Тингинскаго полка Архипа Осипова	383
17. Генераль Пассекъ	389
18. Смерть Слѣщова	391
19. „Валерикъ“	406
20. Три безвѣстныхъ героя	411
21. Мужественная защита укрѣпленія Ахты	414
22. Подвигъ кн. Андронникова	427
23. Хаджи-Муратъ	428
24. Въ плѣну у черкесовъ	433
25. Князь А. П. Барятинскій	443
26. Графъ Н. П. Евдокимовъ	446
27. Шамиль въ русскомъ плѣну	448
28. Встрѣча съ сыномъ Шамиля и его рассказы объ отцѣ	464

ПРЕДИСЛОВІЕ.

16-го февраля 1801 года жители Тифлиса, собранные въ Софійскій соборъ, присягнули на вѣрность своему новому государю, императору Павлу Петровичу, а 12-го апрѣля 1802 года, въ Великую Субботу, былъ обнародованъ въ Тифлисѣ и самый манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россійскому государству. Этотъ день собственно и можетъ быть правильно названъ временемъ фактическаго вступленія Россіи во владѣніе царствомъ Грузинскимъ *). Императорскій же манифестъ Павла I былъ обнародованъ еще раньше, въ Петербургѣ, 18-го января 1801 г., вслѣдствіе письма послѣдняго грузинскаго царя Георгія къ императору Павлу, написаннаго незадолго до смерти, на одрѣ болѣзни. „Грузія—писалъ Георгій—должна покончить свое самобытное, политическое существованіе, и грузинскій народъ желаетъ теперь же вступить, единожды и навсегда, въ подданство Россійской имперіи, съ признаніемъ всероссійскаго императора за своего природнаго государя и самодержца“.

Однако, несмотря на это, повидимому *добровольное*, присоединеніе Грузіи, просившей защиты и покровительства Россіи противъ постоянно нападавшихъ и разорявшихъ ее персіянъ и турокъ,—намъ пришлось все-таки заплатить дорогою цѣною за обладаніе этимъ царствомъ: сотни ты-

*) Нѣкоторые военные писатели считаютъ, что столѣтіе владѣнія Грузіей исполнилось 26-го ноября 1900 года, т.-е. когда, сто лѣтъ назадъ, послѣдовало вступленіе въ Тифлисъ егерскаго генералъ-майора Лазарева полка (нынѣшній лейбъ-гренадерскій Эриванскій Его Величества полкъ), по просьбѣ царя Георгія. Но это едва ли правильно, такъ какъ вступленіе полка въ главный городъ Грузіи отнюдь не можетъ считаться государственнымъ актомъ, присоединяющимъ цѣлое царство къ владѣніямъ Россіи. Вѣдь, русскія войска вступали когда-то и въ Берлинъ, и въ Парижъ и даже вступили недавно въ Пекинъ, но это не означало еще территориальнаго „присоединенія“. Скорѣе же днемъ столѣтія можно считать *12 сентября 1801 года*, т.-е. день подписанія императоромъ Александромъ I манифеста объ окончательномъ присоединеніи Грузіи.

сичъ жизней и сотни милліоновъ рублей довелось затратить Россіи ради окончательнаго закрѣпленія за собою Кавказа и ради его умиротворенія.

Да и нельзя было иначе поступить. Во-первыхъ, въ центрѣ Кавказа находилось *православное* Грузинское царство, существованію котораго постоянно угрожали два сильныхъ и воинственныхъ народа, исповѣдывавшихъ религію Магомета—турки и персы; а во-вторыхъ, эти самые народы, находясь по сосѣдству съ Кавказомъ, постоянно угрожали также и намъ и, при помощи воинственныхъ и хищныхъ горскихъ племенъ, ютившихся въ кавказскихъ горахъ, причиняли намъ часто вредъ и наслія и держали въ великомъ страхѣ пограничное русское населеніе, устроеншееся по Кубани. Мы уже не говоримъ о томъ, что, владѣя Астраханью, устьемъ Волги и большею частью Каспійскаго моря, Россія *должна была*, рано или поздно, позаботиться о распространеніи своего политическаго и торговаго господства на весь западный берегъ этого моря, а также и на весь Кавказскій край, упирающійся съ востока въ это же море.

И вотъ, пришлось намъ, волей-неволей, воевать, и война эта тянулась шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, окончившись лишь въ царствованіе императора Александра II, въ 1859 году, вмѣстѣ съ плѣненіемъ тогдашняго повелителя Кавказа—Шамиля. Окончателное же *замиреніе* Кавказа послѣдовало лишь въ 1864 году.

За время этой продолжительной войны въ горахъ Кавказа проявилось съ обѣихъ сторонъ не мало истинныхъ героевъ, отличившихся разными доблестями и беззавѣтною храбростью. Для русскихъ военныхъ людей Кавказъ былъ *школою*, гдѣ воспитывались и закалялись военные таланты, а равно и характеры многихъ даровитыхъ людей, посвятившихъ себя военному дѣлу. Съ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ читатели ознакомятся изъ второй книги: „Герои Кавказа“.

Теперь Кавказъ *замиренъ* и лишь совершающіеся въ этомъ краѣ время отъ времени разбои, убійства и грабежи напоминаютъ намъ о характерѣ хищныхъ и буйныхъ племенъ, населяющихъ его. Къ сожалѣнію, лучи свѣта, науки и цивилизаціи еще не проникли въ аулы горцевъ, расположенные въ дикихъ ущельяхъ мѣстныхъ горъ и скалъ. Религіозный фанатизмъ стоитъ въ этомъ случаѣ непреодолимою твердынею противъ русскихъ цивилизаторовъ и миссіонеровъ; но это, полагаемъ, вопросъ лишь времени,—и тьма все-таки должна будетъ уступить свѣту. И тогда, конечно, не придется пожалѣть о тѣхъ жертвахъ и затратахъ, которыхъ стоитъ намъ этотъ богатѣйшій край, эта древняя Колхида, съ ея древними святынями и съ ея золотымъ руномъ—пальмовыми, орѣховыми, дубовыми и краснаго и каштановаго дерева лѣсами, въ которыхъ еще держатся рѣдкостные экземпляры зубровъ, барсовъ, туровъ, медвѣдей, кабановъ и мно-

жество иныхъ звѣрей и птицъ; съ табунами прекрасныхъ породъ лошадей, (покупаемыхъ ежегодно, въ огромномъ количествѣ, въ мѣстные казачьи полки и пограничную стражу), богатѣйшими садами, виноградниками, пчельниками и тутовымъ деревомъ, дающими прекрасные фрукты и медъ, вино и шелкъ; съ неисчерпаемыми богатствами, лежащими въ нѣдрахъ земли—съ этими многомилліонными, по цѣнности, фонтанами нефти, съ цѣлебными минеральными водами, съ серебряными, мѣдными и желѣзными рудами, съ богатѣйшими пластами алебастра и мрамора и лишь недавно открытыми каменноугольными Ткварчельскими кошами (въ Сухумскомъ округѣ), которыхъ, по численію специалистовъ, хватить *на шестьдесятъ лѣтъ на весь Кавказъ*,—со всѣми этими щедрыми дарами природы, ожидающими лишь предприимчивыхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ людей для своей эксплуатаціи.

Въ настоящей книгѣ заключается далеко *не полное* описаніе Кавказа, его древнихъ святынь и его богатствъ, а указываются лишь *главныя*, выдающіяся; иначе книга приняла бы чрезчуръ большіе размѣры, не соответствующіе планамъ и намѣреніямъ ея составителя и издателя—дать, въ доступномъ изложеніи, возможно *сжатые и краткіе очерки Кавказа и его героевъ*.

Кромѣ моего давняго, непосредственнаго знакомства съ краемъ, матеріалами для составленія оубихъ книгъ о Кавказѣ мнѣ служили нижеслѣдующіе источники. Капитальное сочиненіе В. А. Потто, изданное В. Березовскимъ *), „Кавказская война“; интересный и серьезный трудъ о кавказской же войнѣ Н. Ф. Дубровина; книга проф. П. П. Ковалевскаго „Абас-туманъ“; монографія покойнаго генерала Попоко „Черноморскіе казаки“; книга В. С. Кривенко „Очерки Кавказа“; книга „Родные курорты“ Святловскаго; журналы „Русская Старина“, „Чтеніе для солдатъ“ и выдержки изъ сочиненій Пушкина, Лермонтова, гр. Л. Н. Толстого и др. При этомъ считаю излишнимъ, во избѣжаніе могущихъ быть упрековъ въ „позаимствованіи“, объяснить слѣдующее: гг. В. А. Потто, В. А. Березовскій, Н. Ф. Дубровинъ, П. П. Ковалевскій и В. С. Кривенко дали мнѣ, лично, разрѣшеніе воспользоваться ихъ книгами—въ необходимомъ для составляемыхъ мною книжекъ размѣрѣ.

Ив. Захаринъ.

С.-Петербургъ.

26 декабря 1900 г.

*) Сочиненіе В. А. Потто издано В. Березовскимъ въ двухъ видахъ: собственно „Кавказская война“ издана въ пяти томахъ; а отдѣльные эпизоды этой героической войны изданы особо, цѣлою серіей небольшихъ рассказовъ, подъ общимъ заглавіемъ „Солдатская бібліотека“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.



СВЯТЫНИ И БОГАТСТВА.

Святая Нина, просвѣтительница Грузіи.

Какъ съ легендарнымъ именемъ царицы Тамары связаны въ Грузіи различныя преданія о бывшихъ войнахъ, о старинныхъ замкахъ и башняхъ, сохранившихся, въ видѣ живописныхъ руинъ, и понынѣ по всей Грузіи, такъ съ именемъ святой Нины связано навѣки въ этой же странѣ упроченіе христіанства.

По сохранившимся свѣдѣніямъ, святая Нина была дочерью римскаго полководца и сестры іерусалимскаго патріарха. Еще въ раннемъ возрастѣ она любила слушать рассказы о дальней Иверіи, куда, по преданію, былъ унесенъ хитонъ Господень, доставшійся по жребію одному изъ воиновъ, присутствовавшихъ при крестной смерти Христа, и приобрѣтенный затѣмъ нѣкимъ Еліазаромъ, явившимся изъ тогдашней Иверіи, съ Кавказа, въ Іерусалимъ. И вотъ, у Нины явилась мысль отправиться въ эту дальнюю страну, куда увезена была святая одежда Спасителя, отыскать ее—и, въ то же время, сдѣлаться просвѣтительницею этой дальней, невѣдомой страны... День и ночь стала молиться Нина Пресвятой Дѣвѣ, прося Ея помощи, — и Богоматерь явилась ей въ сновидѣніи, вручила — по существующему апокрифу — крестъ, сложенный изъ виноградныхъ лозъ, и сказала: „Иди въ Иверскую страну и благовѣстуй евангеліе; Я буду тебѣ покровительницей“. Проснувшись и увидѣвъ въ своихъ рукахъ чудный крестъ, Нина со слезами поцѣловала его и перевязала своимъ волосами. И вотъ, въ началѣ IV вѣка, св. Нина прибыла въ Иверію (Грузію) и достигла города Мцхета, столицы страны. Въ день ея прибытія совершался языческій праздникъ въ честь бога Армаза: на высокой горѣ стоялъ идолинскій кумиръ, весь въ золотѣ, а по сторонамъ его были два другіе, поражавшіе, какъ говоритъ преданіе, огнемъ всякаго дерзавшаго подступитъ къ нимъ безъ воли жрецовъ. Гремѣли трубы, курился огнемъ, текла кровь жертвъ... Царь Миріанъ (современникъ Константина Великаго) распростерся ницъ передъ идолами, и только одна, всѣмъ чужая и никому невѣдомая дѣ-

вушка стояла, не преклонивъ колѣнъ... Это была св. Нина. Въ это время вдругъ разразилась страшная буря съ громомъ и молніей, и отъ одного изъ ударовъ капище рухнуло. Идолы, разбитые въ куски, лежали на землѣ. Весь народъ разбѣжался въ ужасѣ, а на развалинахъ языческаго храма стояла одна Нина, спокойно смотрѣвшая на разрушеніе... Это было 6-го августа, и этотъ день сталъ для Иверіи началомъ христіанства.

Съ этого дня начался рядъ подвиговъ св. Нины и совершенныхъ ею чудесъ, память о которыхъ сохранилась въ мѣстныхъ преданіяхъ. Такъ, между прочимъ, она исцѣлила жену царя Миріана, лежавшую уже на смертномъ одрѣ, и одного изъ родственниковъ персидскаго царя, заболѣвшаго въ домѣ Миріана. Самъ царь, долго колебавшійся, принялъ христіанство при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Разъ, когда онъ былъ на охотѣ въ соедѣнныхъ горахъ, его настигла страшная буря, и онъ отъ блеска молніи мгновенно ослѣпъ. Тогда онъ палъ на колѣни, восклицая: „Ты Богъ надъ богами, Господь надъ властителями—Богъ Нины!“—и въ то же мгновеніе прозрѣлъ. Вся царская семья и народъ, узнавъ о чудесномъ событіи, вышли царю навстрѣчу, и онъ громко объявилъ имъ: „Славьте Бога Нины, Бога вѣчнаго!“—и, не заѣзжая во дворецъ, посѣтилъ скромное жилище, хижину Нины, палъ на колѣни передъ животворящимъ ея крестомъ и исповѣдалъ Христа. Нина осыпила крестомъ воды Куры и Арагвы, и въ нихъ окрестились царь и весь грузинскій народъ.

Св. Нина скончалась въ Кахетин, близъ нынѣшняго города Сигнаха, послѣ 35-лѣтняго апостольскаго своего подвига. Тамъ, надъ священнымъ прахомъ ея, царь Миріанъ, пережившій подвижницу, соорудилъ первую въ Кахетин церковь во имя св. Георгія, въ предѣлѣ которой и положилъ мощи св. проповѣдницы религіи Христовой. Впослѣдствіи, при этой погребальной церкви, учредилась митрополія (Водбійская),—и отсюда распространилась евангельская проповѣдь въ горахъ Кавказа.

Въ Мцхетѣ же, на правомъ берегу Куры, высится и по сіе время горная вершина, называемая Картли, гдѣ, по преданію, и стоялъ идолъ Армаза; здѣсь была потомъ сооружена церковь, развалины коей существуютъ и понынѣ. Есть въ Мцхетѣ и сохранившіяся еще древнія святыни первыхъ временъ христіанства въ Грузіи: Патріаршій соборъ, Сомтарскій храмъ и друг. *).

*) Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія взяты, отчасти, изъ небольшой брошюры „Св. Нина“, изд. В. Березовскаго.

Церковь св. Давида въ Тифлисъ.

Церковь св. Давида, гдѣ покоится прахъ Грибоѣдова, извѣстна у туземцевъ подъ именемъ *Мтацминды*, что значитъ „Св. Гора“. Зданіе ея не отличается ничѣмъ особеннымъ въ архитектурномъ отношеніи, но мѣстность, на которой она воздвигнута, пользуется большимъ уваженіемъ грузинъ, потому что она освящена пребываніемъ св. Давида, одного изъ отцевъ-сподвижниковъ, прибывшихъ, въ X в. по Р. X., изъ Сиріи для распространенія въ Грузіи христіанства. Тогда гора эта была дика, пустыня и совершенно соответствовала желанію отшельника (она вся состоитъ изъ темныхъ слоевъ шифера, между которыми весною зеленѣютъ рѣдкія и тощія полосы горныхъ травъ). Но когда вкорѣ грузинскій царь Вахтангъ Гургасланъ основалъ здѣсь, близъ теплыхъ сѣрныхъ ключей, Тифлисъ и перенесъ сюда свою столицу, тогда св. Давидъ удалился въ Караяскія степи, а оставленное имъ мѣсто до сихъ поръ служитъ убѣжищемъ благочестивымъ монахинямъ и каждый четвергъ посѣщается богомольцами изъ Тифлиса.

Грибоѣдовъ не напрасно называлъ это мѣсто „поэтической принадлежностью Тифлиса“. Дорога къ нему поднимается круто, прихотливыми зигзагами, и недоступна для экипажей. Вся окрестность города отсюда—какъ на ладони: прямо подъ вами Тифлисъ съ его разнообразными домами и саклями, перемежающимися между собою въ живописномъ безпорядкѣ; въ этомъ хаосѣ кой-гдѣ мелькаетъ зелень деревьевъ и виноградниковъ.оборотитесь направо, къ Салалакамъ, и развалины древней крѣпости грузинскихъ царей, построенной на горной скалистой высотѣ, обратятъ на себя ваше вниманіе; внизу, по направленію къ западу,—оврагъ, ярко обрисовываемый песчаною желтизною своихъ обрывовъ. Пирамидальные тополи въ садахъ салалакскихъ высятся, какъ колонны, среди прочихъ деревьевъ, поднимая кверху свои прямые сучья; между ними—густыя лозы и мѣстами ивы, тоскливо опустившія къ землѣ свои вѣтви. Налѣво открывается плоскій пейзажъ, какъ бы для выраженія на этомъ незначительномъ пространствѣ рѣзкихъ видоизмѣненій прихотливой кавказской природы; здѣсь—большая обнаженная равнина, и на одной изъ окраинъ ея красуется, словно оазисъ, бывшая нѣмецкая колонія, утопающая въ зелени фруктовыхъ садовъ.

Гротъ, подъ сводами котораго находится могила Грибоѣдова, имѣетъ видъ красивой часовни, воздвигнутой изъ плитняка, съ ступенями по вѣншиимъ краямъ, по которымъ поднимаются къ церкви, возвышающейся надъ самымъ памятникомъ и какъ бы осѣняющей его своимъ алтаремъ. Внутри часовни поставлена бронзовая статуя на пьедесталѣ, изображающая жену покойнаго, опирающуюся на крестъ съ евангеліемъ —

символы спасенія рода человѣческаго. Эта статуя работы извѣстнаго художника Каміонни въ Москвѣ. На одной сторонѣ пьедестала, надъ портретомъ поэта, золотыми буквами начертано: „Ал. Серг. Грибоѣдовъ, родился 1795 г., Января 4-го дня, убитъ въ Тегеранѣ 1829 г., Января 20-го“; на другой сторонѣ: „Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя“.

Рядомъ съ этой могилкой имѣется другая, гдѣ погребена жена безсмертнаго писателя, Нина Александровна Грибоѣдова, урожденная княжна Чавчавадзе. Она скончалась отъ холеры, 28-го іюня 1848 года, на 46 году жизни. Ей-то и принадлежитъ прекрасная эпитафія, сдѣланная на памятникѣ преждевременно погибшаго писателя.

Сафарскій и Зарзмскій монастыри и древнія церкви близъ Ахалцыха.

Въ двухъ верстахъ отъ Ахалцыха находятся *развалины* древняго монастыря. Время изгладило изъ памяти людей его названіе, но вѣра до сихъ поръ собираетъ къ нему по праздникамъ толпы богомольцевъ. Не менѣе влечетъ ихъ туда источникъ чистой прѣсной воды, который, какъ говоритъ преданіе, имѣлъ цѣлебную силу. Одинъ изъ благочестивыхъ поклонниковъ запустѣлаго святилища, желая поддержать остатки монастырскихъ келій, устроилъ въ нихъ *нѣчто въ родъ часовни*, снабдилъ иконою, лампадой, подсвѣчниками и проч.

Сафарскій монастырь отстоитъ отъ города Ахалцыха въ семи верстахъ, въ мрачномъ и уединенномъ ущельѣ. Каменная ограда, нѣкогда защищавшая святую обитель, пространна и вмѣщаетъ въ себѣ развалины замка дворца Атабековъ (бывшихъ владѣтелей всей Ахалцыхской области), множество келій и пещеръ, изсѣченныхъ въ скалѣ, также развалины двѣнадцати часовенъ надъ могилами князей Атабековыхъ, прекрасной архитектуры *колокольню*, вполне сохранившуюся *церковь во имя св. Саввы и храмъ во имя Пресвятой Богородицы*. Надпись, изсѣченная надъ главнымъ входомъ, говоритъ, что храмъ воздвигнутъ въ 610 году. Наружный видъ храма одинаковъ со всѣми древними и новѣйшими храмами Грузіи, Имеретіи и Мингреліи; разница въ размѣрахъ, внутреннихъ и наружныхъ украшеніяхъ. *Сафарскій храмъ* замѣчателенъ соразмѣрностью въ цѣломъ и въ частяхъ. Наружныя украшенія карнизовъ, поясовъ и прочаго изсѣчены изъ камня съ удивительною красотою и искусствомъ.

Въ особенности достоенъ вниманія каменный иконостасъ церкви св. Саввы, теперь уже разбитый, гдѣ всѣ орнаменты и изображенія св. угодниковъ изсѣчены изящно и отчетливо. Но жаль только, что многія изображенія, какъ гласитъ преданіе, искажены рукою турецкаго муллы Калмихана, и нынѣ можно разобрать на стѣнѣ только св. Савву и двухъ Атабековъ: Саргиса и Бека, имена коихъ значатся въ надписяхъ, начертанныхъ среди изображеній. Храмовой праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы, по случаю ветхости церкви, въ честь этого праздника построенной, празднуется въ церкви св. Саввы, гдѣ и въ другіе праздничные дни бываетъ богослуженіе, которое совершаетъ священникъ изъ селенія, расположеннаго вблизи монастыря. Рядомъ съ этими церквами есть еще двѣ, одна во имя св. Марины, а другая—св. Георгія. Церкви эти полуразрушены и, какъ говоритъ преданіе, древнѣе церкви св. Саввы. Въ храмѣ св. Марины есть много надписей, но сильно поврежденныхъ.

Монастырь Зарзма находится въ живописномъ ущельѣ, въ трехъ часахъ пути отъ Ахалцыха. Это прекрасное и величественное зданіе изъ тесаныхъ камней не уступаетъ въ зодчествѣ и по богатству матеріаловъ церкви св. Саввы въ *Сафарскомъ монастырѣ*. Вправо отъ монастыря вьется лентообразно рѣчка Кобліанка, изобилующая форелью. Монастырь Зарзма о трехъ придѣлахъ съ вызолоченнымъ богатымъ куполомъ. Въ сѣверной сторонѣ стѣны находятся остатки нѣкогда бывшей часовни, а на юго-восточной—небольшая колокольня.

Въ десяти верстахъ отъ Ахалцыха, въ деревнѣ Вале, населенной грузинами-католиками и татарами, находится древняя церковь, съ тремя придѣлами изъ тесаныхъ камней. Она не такъ замѣчательна архитектурю и изяществомъ, какъ своею древностью: надписи, находящіяся на черномъ камнѣ столба съ южной стороны, говорятъ, что храмъ этотъ построенъ Дедисою-Имеди, бывшею замужемъ за Атабекомъ Кайхосро, царствовавшимъ съ 1535 до 1573 года.

Бывшій экзархъ Грузин, покойный петербургскій митрополитъ Исидоръ, заботился какъ о благолѣпнн храмовъ Божіихъ, открытіи замѣчательнѣйшихъ надписей, такъ и о собраніи о каждомъ древнемъ храмѣ, если не историческихъ свѣдѣній, часто изгладившихся вѣками, то, по крайней мѣрѣ, преданій. Во время пребыванія своего въ 1846 году въ Ахалцыхѣ, получивши свѣдѣнія, что невдалекѣ отъ мѣстечка Ацхуръ, въ живописномъ и неприступномъ ущельѣ, между дремучими лѣсами, находится замѣчательная по своей древности церковь, въ коей хранится древняя книга, онъ поручилъ открытіе этой древности благочинному Успенскаго собора протоіерею Гамрекелову. Въ ноябрѣ 1849 г. послѣдній отыскалъ проводника къ означенному мѣсту, ацхурскаго жителя

изъ мусульманъ, по имени Дада, которому древность эту, лѣтъ за 30 передъ тѣмъ, показали лезгинны, проживавшіе въ то время въ адхурскомъ лѣсу для грабежа. Дада, исполняя просьбу протоіерея Гамрекелова, собралъ пять человѣкъ адхурскихъ жителей и отправился съ Гамрекеловымъ для указанія мѣста. Путешествіе ихъ, какъ рассказываетъ Гамрекеловъ, было затруднительно, но Богъ увѣнчалъ ихъ усердіе, и они черезъ нѣсколько времени были на желанномъ мѣстѣ. Церковь эта находится въ шести часахъ пути. Протоіерей Гамрекеловъ и самъ Дада относятъ время ея сооруженія къ царствованію Тамары. Церковь не велика и, несмотря на значительное время ея существованія, еще не очень ветха; стѣны ея возведены изъ тесаныхъ камней; она красной архитектуры, имѣетъ престолъ изъ цѣльнаго, бѣловатаго камня, иконы тоже изъ двухъ небольшихъ камней, одинаковаго цвѣта съ престоломъ, пзъ конхъ на одномъ камнѣ сохранилось изсѣченное изображеніе Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста. Замѣтно, что на этихъ камняхъ были утверждены двѣ небольшія колонны, сдѣланныя довольно искусно; на одной изъ нихъ сохранилась грузинская надпись, но не разборчиво; колонны тоже изъ бѣлаго камня. На верху колоннъ укрѣплена доска, на которой были расположены иконы. Жертвенникъ этой церкви устроенъ изъ доски, утвержденной на деревянномъ столбѣ. На жертвенникѣ лежала книга, которая, какъ Дада удостовѣрилъ, была и при турецкомъ правительствѣ, и онъ держалъ ее нѣсколько разъ въ своихъ рукахъ. Теперь же остался отъ нея одинъ кожаный переплетъ. Листы, какъ полагаетъ Гамрекеловъ, съѣдены лисицами. Невдалекѣ лежитъ деревянная дверь и небольшой горшокъ, служившій, какъ полагаютъ, для питья находившимся тамъ въ то время монахамъ. При церкви, по затруднительному мѣстоположенію, неприступности ущелья и лѣса, не было никакого поселенія, и, слѣдовательно, мѣсто находенія ея было немногимъ извѣстно.

Кавказъ до Петра *).

Когда русскій народъ окончательно разорвалъ монгольскія цѣпи и сталъ на развалинахъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, онъ захватилъ въ свои руки многоводную Волгу, а Волга естественно должна была вывести его въ пустынное Каспійское море. Это море было тогда безъ хозяина, не имѣло даже кораблей, но по берегамъ его стояли многолюдные города и жили промышленные и богатые народы. Тѣмъ време-

*) Изданіе В. Березовскаго, статья В. А. Потто.

немъ, русское казачество, стремившееся все къ новымъ и новымъ окраинамъ, скоро поставило тамъ свои передовые форпосты и проникло далеко за Терекъ, въ самую землю *шавкала*, или *шевкала*, какъ называли у насъ тогда тарковского *шамхала*, владѣльца большей части Дагестана, прилегающей къ западнымъ берегамъ Каспійскаго моря.

Пользуясь благопріятными обстоятельствами, Московскому царству было естественно хлопотать о распространеніи своего торговаго и политическаго господства въ Кавказскомъ краѣ.

Въ 1586 году послы иверійскаго царя Александра были въ Москвѣ и „били челомъ, чтобы единственный православный государь принялъ ихъ народъ въ свое подданство и спасъ ихъ жизнь и душу“. Москва и Иверія согласилась тогда дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы сдѣлать шамхалу „великое утѣшеніе“, отнявъ у него столичный городъ Тарки и посадивъ туда на шамхальство Александра свата.

Весною 1594 года русское войско, собранное въ Астрахани въ числѣ двухъ тысячъ пятисотъ человекъ, подъ начальствомъ воеводы Хворости на двинулось на Терекъ и, усилившись здѣсь терскими и гребенскими казаками, пошло на рѣку Койсу. Эта Койсу, нынѣшній Сулакъ, и была назначена пунктомъ для соединенія съ иверійскимъ войскомъ.

Шамхаль съ тарковцами, кумыками и ногаями, встрѣтилъ русскихъ на рѣкѣ Койсу, но не удержалъ переправы и отступилъ къ Таркамъ. Городъ Тарки, построенный на высокой горѣ, не имѣлъ особенно сильныхъ укрѣпленій и взять его не стоило русскимъ большого труда. Но удержаться въ немъ было трудно. Шамхаль былъ сторонникомъ выжидательнаго способа веденія войны и слѣдовалъ дагестанскому правилу: „ловить скорпіона за хвостъ“. Русскій воевода началъ укрѣплять Тарки. Но отъ усиленныхъ работъ въ жаркіе лѣтніе дни и отъ недостатка продовольствія, въ его войскахъ начали развиваться лихорадки. Шамхаль держалъ русскихъ въ блокадѣ, сперва широкой, а потомъ болѣе и болѣе тѣсной. Встревоженный Дагестанъ каждый день высылалъ къ нему новыя подкрѣпленія, и наибольшую поддержку давалъ при этомъ сильный аварскій ханъ, находившійся въ родствѣ съ тарковскими шамхалами. Осажденные изнурялись въ постоянныхъ битвахъ и все ждали прибытія грузинской рати, но она не приходила, а что еще важнѣе—не являлся свать кахетинскаго царя, котораго слѣдовало посадить въ Таркахъ на шамхальство. Храбрый воевода, видя себя въ безнадѣжномъ и безцѣльномъ положеніи, рѣшился, наконецъ, бросить свое завоеваніе и отойти обратно на Терекъ. Но отступленіе, въ виду громадныхъ непріятельскихъ скопищъ и съ большимъ числомъ своихъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ нельзя было бросить,—требовало не меньшей рѣшимости и отваги, чѣмъ наступательное движеніе

въ глубину незнакомыхъ горъ. Составили совѣтъ, на которомъ не долго спорили, и выступили скрытно ночью, бросивъ въ добычу лукавому „шавкалу“ все лишнія тяжести. Благодаря азіатской сонливости враговъ, воеводѣ удалось уйти на довольно большое разстояніе. Но та же темнота осенней ночи, которая оказала покровительство началу похода, явилась предательницей для его продолженія. Проглянувшая въ туманѣ предразсвѣтная луна показала роковую ошибку: отрядъ сбился съ дороги и зашелъ къ болотистому низовью рѣчки Озени. Гребенцы бросились во все стороны и отыскиали ногойскій кошъ, изъ котораго привели мальчика пастуха, не успѣвшаго спрятаться вмѣстѣ съ взрослыми. Пока съ его помощью выбирались на чистую дорогу, наступилъ день. Отступавшихъ стали настигать толпы непріятельской конницы, которая съ разныхъ сторонъ завязывала бой съ визгомъ и крикомъ, а вдали, позади ея, въ грозномъ безмолвіи поднимались облака пыли отъ тяжело двигавшихся главныхъ силъ шамхаловой рати. Отбивая наседавшую конницу, русскіе ускоряли ходъ и бросали тяжелый нарядъ и повозки; бросали и трудно больныхъ и раненыхъ. Тарковцы и аварцы накидывались на нихъ, какъ голодные волки, и ихъ отчаянные вопли надрывали сердца московскихъ ратниковъ. Въ полдень надвинулась вся сила басурманская. Нападеніе вели муллы съ поднятыми надъ головами свитками и съ завываніемъ огненныхъ стиховъ изъ корана. Русскіе упорно отбивались, то останавливаясь и строясь „въ кольцо“, то вновь двигаясь и устилая путь каждаго перехода тѣлами убитыхъ и раненыхъ своихъ и непріятельскихъ. Только по закатѣ солнца русскимъ удалось добраться до Койсу, гдѣ наступившая ночь и обоюдное утомленіе сторонъ прекратили битву. Воевода Хворостиннъ пережилъ свое несчастіе и привелъ обратно на Терекъ едва четвертую часть своего отряда.

Царь Борисъ не хотѣлъ оставить дѣла, начатаго Федоромъ Іоанновичемъ, и спустя десять лѣтъ, въ 1604 году, вновь двинулъ на Терекъ сильныя полки изъ Казани и Астрахани съ воеводами Бутурлинымъ и Плещеевымъ. Опять условлено было съ иверійскимъ царемъ, чтобы его грузинская рать выслана была на соединеніе съ русской для совмѣстнаго дѣйствія,—и опять грузины не пришли, потому что были взяты шахомъ на его „кизилбашскую службу“. Тѣмъ временемъ русскіе воеводы съ десяти тысячнымъ отрядомъ выступили отъ устьевъ Терека и, подвигаясь твердымъ шагомъ на Тарки, поставили крѣпости на Сулакѣ и Акташѣ. Отдѣльныя части отряда производили развѣдки по направленію къ Эндери, Нети-су и др., забирая у жителей хлѣбъ, скотъ и конскіе кормы. Кумыцкая плоскость, казалось, была вся во власти русскихъ, но болѣе воинственное населеніе уходило къ шамхалу подъ Тарки, съ враждою и

злостью за причиненное ему разореніе. Тогдашній шамхаль, этотъ Митридатъ для московскихъ воеводъ, уклонялся отъ полевыхъ дѣйствій и сосредоточивалъ свои силы въ Таркахъ, оборона которыхъ была приведена имъ въ лучшее положеніе, благодаря указаніямъ, оставленнымъ Хворостиннымъ.

Прождавъ бесполезно долгое время подкрѣпленій, обѣщанныхъ изъ Грузіи, воеводы подошли, наконецъ, къ шамхаловой столицѣ и, раздѣлившись на двѣ колонны, повели приступъ. Старый Бутурлинъ, славившійся своею доблестью, шелъ со стрѣльцами, Плещеевъ—съ боярскими дѣтьми и казаками: донскими, яицкими, терскими и гребенскими. Передъ штурмомъ войска цѣловали крестъ и выслушали рѣчь, въ которой напоминалось имъ о костяхъ братьевъ, здѣсь polegшихъ, и о русской крови, воинаяшей объ отомщеніи. И стрѣльцы, и боярскія дѣти, и казаки пошли на приступъ съ одушевленіемъ и овладѣли городомъ. Городскія улицы и площади были устланы непріятельскими тѣлами, а самъ шамхаль бѣжалъ къ аварскому хану. Этотъ шамхаль былъ уже дряхлый старикъ, почти лишившійся зрѣнія, и потому, удалившись въ столь трудную минуту отъ дѣлъ, предоставилъ теперь шамхальствовать и дѣйствовать противъ русскихъ сыну своему, славившемуся военными способностями.

Овладѣвъ Тарками, Бутурлинъ сталъ возводить новую крѣпость. Наступившее позднее время года скоро, однако, пріостановило работы, а недостатокъ жизненныхъ припасовъ заставилъ воеводу отпустить половину стрѣлецкихъ полковъ на зимовку въ Астрахань. Войско, оставшееся въ Таркахъ, должно было испытать въ продолженіе зимы много лишеній, а между тѣмъ предприимчивый Султанъ-Муть успѣлъ поднять весь Дагестанъ. Чтобы возбудить и населеніе Кумыцкой плоскости, онъ двинулся съ громаднымъ скопщемъ на русскій острогъ, поставленный на Сулакѣ. Стоявшій здѣсь съ небольшимъ отрядцемъ князь Владиміръ Долгорукій, не имѣя запасовъ, чтобы выдержать осаду, зажегъ свое деревянное укрѣпленіе и отступилъ къ Тереку. Тому же примѣру послѣдовалъ и острожекъ на Акташѣ. Ободренный такимъ успѣхомъ, шамхаль подступилъ со всей своей силой къ Таркамъ и требовалъ, чтобы воеводы, очистивъ его столицу, также отошли на Терекъ. За послѣдовавшимъ со стороны воеводъ отказомъ начались жестокия битвы. Непріятельской рати собралось изъ кумыцкихъ владѣній, аварскихъ и другихъ лезгинскихъ обществъ болѣе двадцати тысячъ, но, не довольствуясь этимъ, новый шамхаль обратился за помощью къ туркамъ и ждалъ прибытія ихъ вспомогательнаго отряда изъ Дербента. Воеводы, хотя и тревожились возможностью столкновенія съ турками, не бывшими въ войнѣ съ Московскимъ государствомъ, но продолжали твердо отстаивать свое завоеваніе. Наконецъ, часть крѣпостной стѣны,

за которою дрались русскіе, была разрушена, а вѣдъ затѣмъ и каменная башня, взорванная осаждающими, взлетѣла на воздухъ, похоронивъ подъ своими развалинами лучшія дружины московскихъ стрѣльцовъ. Еще не смолкъ гулъ этого страшнаго взрыва, какъ Султанъ-Муть уже повелъ свою пѣхоту на приступъ. Русскіе не дрогнули и отбили нападеніе, съ страшнымъ для непріятеля урономъ. Однако, и сами они потеряли много людей. Истомленные стороны рѣшились, наконецъ, вступить въ переговоры. Русскіе воеводы требовали, чтобы шамхалова рать отошла отъ Тарковъ и дала имъ свободное отступленіе за Сулакъ, не поднимая оружія; чтобы шамхаль принялъ на свое попеченіе трудно больныхъ и раненыхъ, которыхъ придется покинуть въ Таркахъ, а по выздоровленіи отпустить ихъ въ Терки; наконецъ, чтобы, въ обезпеченіе договора, онъ далъ воеводамъ въ аманаты своего сына, который послѣдовалъ бы съ русскимъ войскомъ въ Терки и находился бы тамъ, доколѣ послѣдній русскій человекъ не будетъ опущенъ изъ Тарковъ.

Соглашаясь на эти условія, шамхаль съ своей стороны потребовалъ, чтобы воевода Бутурлинъ оставилъ ему въ заложники сына, который находился при немъ и выдавался своимъ удальствомъ изъ всѣхъ боярскихъ дѣтей, и чтобы русскіе не ходили никогда больше войною на Тарки. Послѣ рѣшительнаго отказа Бутурлина принять эти два предложенія, шамхаль отъ нихъ отступился, но остальной договоръ утвердилъ и сына въ аманаты выдалъ.

Оставивъ всѣхъ своихъ трудно больныхъ и тяжело раненыхъ на попеченіе шамхальцевъ, русскіе выступили изъ Тарковъ съ пѣсями, съ грехотомъ бубновъ и потянулись безпечно къ Сулаку. На радости прошла по рядамъ лишняя чарка зелена-вина. У дагестанцевъ былъ также праздникъ— день байрама. Въ шамхальскомъ станѣ цѣлое утро раздавалась пальба, завывали молитвенные азамы, въ дополненіе которыхъ имамы сочли приличнымъ украсить великій праздникъ правовѣрныхъ достойнымъ ислама дѣломъ—разрѣшеніемъ шамхала и его сподвижниковъ отъ клятвы, данной невѣрнымъ.

Съ объявленіемъ этой дагестанской индальгенціи послѣдовалъ шамхальскій приказъ—взамѣнъ военныхъ игръ, сопровождавшихъ празднованіе байрама, произвести внезапное нападеніе на отступавшихъ русскихъ, на первомъ ихъ привалѣ, и вырѣзать ихъ до ночи. Случилось, что въ тотъ же день шамхаль праздновалъ свой бракъ съ дочерью аварскаго хана. Къ свадьбѣ, по обычаю, приготовлены были сотни тулуковъ бузы, которой стало угостить всю 20-тысячную рать, стянущуюся къ Таркамъ на выручку шамхала. Вся эта сила, раздѣленная на нѣсколько частей, двинулась скрытными мѣстами вѣдъ за русскими и неожиданно ринулась на

нихъ со всѣхъ сторонъ, когда они, перейдя рѣчку Озень, расположились нестройно на приваль и беззаботно варили кашу. Вдохновенные хмелемъ свадебной бузы, непріятельскіе наѣзтники врѣзались въ русскіе ряды, не давъ имъ устроиться и воспользоваться преимуществомъ, которое давалъ имъ „огненный бой“. Смятеніе увеличивали все новыя и новыя непріятельскія толпы, стремившіяся одна за другой съ длинными княжалами въ рукахъ. Бой былъ рукопашный; русскіе сбивались въ кучу, не сдавались на дѣлаемыя имъ предложенія и рѣзались отчаянно, пока не падалъ послѣдній человекъ, „боясь—какъ говоритъ лѣтописецъ—„не смерти, а плѣна“. Воевода Бутурлинъ, сѣдобородый богатырь, видя неминуемую гибель русской рати, собственноручно изрубилъ шамхалова аманата въ куски; но то былъ подставной аманатъ, совсѣмъ не шамхаловъ сынъ, а какой-то преступникъ, приговоренный къ висѣлицѣ и только этимъ подлогомъ купившій себѣ помилованіе.

Почти все московское войско и оба воеводы, Бутурлинъ и Плещеевъ, полегли въ этой адской свалкѣ, продолжавшейся, благодаря русской стойкости, нѣсколько страшныхъ часовъ. Но и дагестанцы понесли весьма чувствительныя потери убитыми, въ числѣ которыхъ былъ и самъ шамхаль Султанъ-Муть, прославившійся военными подвигами въ походахъ на Грузію.

Такъ кончился этотъ несчастный, хотя и славный для побѣжденныхъ, походъ, стоившій намъ отъ шести до семи тысячъ воиновъ и на цѣлыя 118 лѣтъ изгладившій всѣ слѣды російскаго пребыванія въ земляхъ собственно Дагестана.

На Русь, между тѣмъ, наступила смутная пора самозванцевъ, и русскимъ уже некогда было думать объ отмщеніи шамхальцамъ за кровь Бутурлина и за обиду Московскому царству. Даже казацкая вольница, тянувшая въ ту пору къ самозванцамъ и не встрѣчавшая уже въ московскомъ царѣ грознаго карателя, отъ гнѣва котораго нужно было подчасъ уходить, — забыла о Кавказѣ, и только тѣ казацкія поселенія, которыя возникли тамъ прежде, стойко держались не только на Терекѣ, но даже за Терекомъ, откуда никакія силы чеченцевъ и кумыковъ не могли ихъ выбить. Такъ продолжалось дѣло почти до Петра Великаго. Существуетъ, впрочемъ, фактъ, говорящій о томъ, что понизовая вольница не совсѣмъ еще забыла проторенную дорожку въ дагестанскія горы и въ эти времена. Есть преданіе, что въ царствованіе Алексея Михайловича знаменитый волжскій атаманъ Стенька Разинъ приплылъ на стругахъ къ берегамъ Дагестана и произвелъ въ шамхальскихъ владѣніяхъ такой погромъ, который живетъ и понынѣ въ памяти прибрежныхъ жителей. Пытался Степанъ Тимофеевичъ добраться тогда до самого шавкала, засѣваго въ крѣпкихъ Таркахъ, и пробовалъ даже брать его приступомъ — да неудачно:

тарковцы отбились. Три дня грабилъ атаманъ окрестности города, а затѣмъ сѣлъ на струга и уплылъ громить Персидское царство.

Собственно же русская государственная политика на Кавказѣ была надолго парализована смутнымъ временемъ. При первыхъ Романовыхъ Московское государство не стремилось къ господству на Кавказѣ; даже сношенія съ единовѣрной Грузіей, служившей постояннымъ поводомъ къ кавказскимъ столкновеніямъ, приняли совершенно иной характеръ. Напрасно грузинскій царь Теймуразъ слалъ пословъ за послами въ Московскую землю. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, занятый стрясеніемъ своего государства, не хотѣлъ мѣшаться въ чужія дѣла, а Грузія, между тѣмъ, стояла на краю гибели. Великій Шахъ-Аббасъ—этотъ левъ Ирана, какъ называютъ его лѣтописи—вторгнулся въ Кахетію, и цвѣтущая страна обращена была въ развалины; онъ залилъ ее кровью и сжегъ ея города, села, монастыри и церкви. Христіанство было поругано. Персіяне, заставая въ церквахъ неповѣдниковъ Христа, сжигали ихъ тысячами. Царь долженъ былъ бѣжать въ Имеретію. Не скоро оправилась Грузія отъ этого погрома; а когда оправилась Грузія, и царь Теймуразъ снова овладѣлъ престоломъ, взоры ея обратились опять къ единовѣрной Россіи. Московскимъ царствомъ правилъ въ то время уже Алексѣй Михайловичъ. Занятый польскою войною, царь не могъ удовлетворить желаніямъ грузинскихъ пословъ, просившихъ помощи. Тогда Теймуразъ рѣшился самъ предпринять путешествіе и прибылъ въ Москву, гдѣ его приняли радушно, но въ помощи ему опять отказали.

Такъ говоритъ намъ исторія. Существуетъ, однако, легенда, созданная грузинскимъ народомъ, которая утверждаетъ иное. Преданіе это рассказываетъ, что когда Шахъ-Аббасъ, повелитель Ирана, въ началѣ XVII вѣка, вторгся въ Грузію и завладѣлъ всею Кахетіей и большею частью Картлиніи, тогда на помощь къ грузинскому царю, укrywшемуся съ остатками разбитыхъ войскъ на крѣпкой позиціи около Мцхета, явилась русская подмога съ береговъ Днѣпра и Терека. Легенда приурочиваетъ это событіе ко времени царствованія у насъ Алексѣя Михайловича и придаетъ стрѣльцкому воеводѣ и казацкому атаману такія характерныя, чисто народныя русскія черты, которыя переносятъ насъ совершенно въ иной міръ, нежели Грузія, и заставляють вѣрить въ дѣйствительность того, что создано, быть можетъ, только народною фантазіей. Такъ, во время послѣдней битвы, освободившей Грузію отъ нашествія иранскаго завоевателя, воевода обращается къ стрѣльцамъ со словами: „Ребята! ляжемъ костями на мѣстѣ и не положимъ безславія на русское имя, по завѣтному слову нашихъ отцовъ: мертвіи бо сраму не мрутъ“. Атаманъ же говоритъ своему товариществу: „Утекать, братцы, некуда—сами видите. До Днѣпра далеко, да

тамъ же нѣтъ у насъ ни женъ, ни дѣтей—плакать будетъ некому. Такъ уже коли не то, такъ сложимъ головы добрымъ порядкомъ и не покажемъ бусурманамъ прорѣхъ и заплатъ на спинахъ казацкихъ“.

Въ словахъ русскаго воеводы характеристиченъ не одинъ только складъ чисто русскаго ума; въ его уста легенда вкладываетъ и то завѣтное слово отцовъ нашихъ: „мертвые срама не имугъ“, которое занесено въ русскія лѣтописи, но едва ли могло быть извѣстно грузинамъ. Не дышуть ли, съ другой стороны, и слова казацкаго атамана той чисто казацкою удалю и бездомностью, тѣмъ удивительнымъ и характернымъ презрѣніемъ къ благамъ земнымъ, которыя такъ свойственны были казакамъ и здѣсь выражаются словами о „прорѣхахъ и заплатахъ на спинахъ казацкихъ“.

Легенда прибавляетъ, что воевода отошелъ на Терекъ съ великою честью. Когда же нѣмецъ, состоявшій при грузинскомъ царѣ въ должности врача и инженера, поднесъ казацкому атаману маршрутъ на нѣсколькихъ листахъ, тотъ только посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ и, махнувъ рукою, проговорилъ: „Не надо, и такъ пройдемъ“. Казаки пустили пикн за плечо, затащили пѣсню не-то веселую, не-то заунывную, и отправились напрямикъ, безъ всякихъ дорогъ, „пошарпать“ приморскія области Персін.

Кто были этотъ воевода стрѣлецкій и атаманъ казацкій и откуда они приходили—преданіе не говоритъ. Исторія, быть можетъ, также никогда не узнаетъ этого. Несомнѣнно одно, что внутренняя, духовная связь между Москвою и Грузіей не прекращалась и побуждала грузинскій народъ, въ дни его бѣдствій, видѣть русскую помощь тамъ, гдѣ ея въ дѣйствительности, быть можетъ, и не было. Тяготѣніе Грузін къ единовѣрной Москвѣ—фактъ далеко не случайный. Ея совершившееся впоследствии присоединеніе къ Россіи и непосредственно связанная съ нимъ борьба Россіи съ кавказскими горами уже виднѣлись въ туманной дали грядущихъ событій.

Основаніе Тифлиса.

Основаніе Тифлиса относится къ концу V вѣка по Р. Х., къ царствованію грузинскаго царя Вахтанга I, Горгъ-Аслана, который заложилъ въ этомъ небольшомъ до того времени мѣстечкѣ два собора: Сіонскій и Метехскій. Но столицей Грузін Тифлисъ сталъ лишь при сынѣ Горгъ-Аслана, перенесшемъ сюда свою резиденцію изъ Мцхета. Съ тѣхъ поръ Тифлисъ сохранилъ за собою званіе перваго города Кавказа, несмотря на постоянныя и разрушительныя нашествія на Грузію сперва арабовъ, а затѣмъ турокъ-сельджуковъ, Тамерлана и персовъ.

Такъ, въ XIII в. знаменитый Джелаль-Эдунъ приказалъ изъ купола Сіонскаго собора вылить себѣ тронъ. Много разъ Тифлисъ былъ почти сравниваемъ съ землею полчищами дикихъ завоевателей и всякій разъ возрождался изъ развалинъ. Позлѣдній разгромъ онъ испыталъ въ 1795 году отъ страшнаго Ага-Магометъ-Хана, и только со времени присоединенія Грузіи къ Россіи ему пересталъ угрожать вѣчный призракъ новаго нашествія.

Теперь Тифлисъ или, вѣрнѣе, его центръ—вполнѣ европейскій городъ, съ прекрасными, широкими улицами, большими магазинами, съ электричествомъ и трамваемъ. Городъ расположенъ по обомъ берегамъ рѣки Куры въ небольшой котловинѣ. Главныя улицы Тифлиса—это Головинскій проспектъ и примыкающая къ нему Дворцовая улица, гдѣ находится дворецъ главноначальствующаго на Кавказѣ. Лучшею частью города считаются еще Салалаки, лежащія у подножія горы св. Давида, на которой находится монастырь того же имени. Дорога къ монастырю очень красива: она все время идетъ круто въ гору, сперва улицей, а потомъ при подъемѣ на самую гору начинаются ступени. Здѣсь самый чистый и здоровый воздухъ въ Тифлисѣ. По сторонамъ дороги дико растутъ кустарникъ, роскошный видъ открывается на лежащей далеко внизу городъ, среди котораго узкой полосой вьется Кура.

Здѣсь, въ монастырѣ св. Давида, какъ говорено выше, похороненъ нашъ А. С. Грибоѣдовъ.

Кромѣ св. Давида, еще большаго вниманія достойны въ Тифлисѣ храмы, относящіеся къ первой эпохѣ его существованія. Таковы соборы: Анчисхатскій и Сіонскій, находящіеся недалеко другъ отъ друга. Они такъ древни, что ушли наполовину въ землю, и чтобы попасть въ нихъ, надо сперва спуститься внизъ, въ окружающій ихъ и также находящійся въ углубленіи садикъ. Уже архитектура этихъ храмовъ невольно привлекаетъ вниманіе. Это узкія остроугольныя зданія съ высокой, заостренной наверху башней. Это исключительно грузинскій стиль построекъ. Оба храма производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своей строгой и безъискусственной простотой. Это настоящіе храмы первыхъ вѣковъ христіанства, когда они были лишь домами молитвы и когда грузинскіе цари, среди постояннаго страха непріятельскаго вторженія, не могли и думать дѣлать изъ нихъ роскошныя украшенія города. Въ Сіонскомъ соборѣ хранится величайшая святыня Грузіи—крестъ св. Нины, сдѣланный изъ виноградныхъ лозъ и перевязанный ея собственными волосами.

Тифлисскіе армяне-грегоріане имѣютъ свой соборъ—Ванкскій, построенный въ очень красивой мѣстности, на самомъ берегу Куры, и окруженный небольшимъ, но прекрасно содержимымъ садомъ. Здѣсь, между прочимъ, похороненъ и графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

На Головинскомъ просп. находятся музеи: военный, „Храмъ Славы“ и знаменитый „Кавказскій“, гдѣ собрано почти все, относящееся къ этнографіи, зоологіи, геологіи и исторіи Кавказа. Недалеко отъ нихъ возвышается роскошное, въ мавританскомъ стилѣ, зданіе недавно построеннаго театра. Это не только красивѣйшее зданіе Тифлиса, но, несомнѣнно, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ театровъ въ Россіи.

Для прогулокъ, кромѣ городскихъ скверовъ, Тифлисъ имѣетъ еще два большихъ общественныхъ сада: „Муштандъ“, въ концѣ Михайловской улицы на берегу Куры, и огромный Ботаническій садъ. Въ Муштандѣ находятся музей шелководства и пчеловодства, принадлежащій министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Ботаническій садъ расположенъ на окраинѣ города у подножія горы, на которой еще и теперь обрисовываются развалины древней крѣпости. Это—прелестнѣйшій уголокъ Тифлиса. Грудь такъ легко дышетъ здѣсь чистымъ и благоухающимъ воздухомъ сада, что просто не вѣрится, что это тотъ же самый Тифлисъ съ его пылью и духотой. Въ немъ можно встрѣтить почти все виды произрастающихъ здѣсь растений: громадныя магноліи, бамбукъ, кипарисы, разные виды туй и много другихъ. Все содержится въ отличномъ порядкѣ и только въ глубинѣ садъ имѣетъ нѣсколько запущенный видъ, что придаетъ ему, однако, еще большую прелесть. Чтобы вернуться въ центръ города, нужно пройти черезъ базарную площадь „Майданъ“. Она имѣетъ крайне своеобразный видъ. Высоко надъ нею, на крутой отвѣсной горѣ, возвышается мрачное зданіе Метехскаго замка. Самая площадь, на которой идетъ оживленная торговля, совершенно переноситъ воображеніе на Востокъ. Странно видѣть рядомъ въ одномъ городѣ такія противоположныя, по внѣшности, улицы, какъ, напримѣръ, Головинскій проспектъ, и такія азіатскія части города, какъ Майданъ или Авлабаръ. Но въ этомъ и заключается вся своеобразная прелесть Тифлиса, что онъ настолько же культурно-европейскій городъ, насколько и азіатскій и въ то же время—не Европа и не Востокъ; и на всемъ лежитъ особенный и чисто кавказскій отбѣнокъ.

Въ густой, движущейся толпѣ туземцевъ на полувосточныхъ окраинахъ города очень рѣдко можно увидѣть женщину. Да это и неудивительно, потому что эти мѣстности населены по преимуществу мусульманами. Впрочемъ, и грузинки мало появляются на улицахъ, не считая, конечно, интеллигентныхъ.

Хотя Тифлисъ и коренной грузинскій городъ, но большинство населения въ немъ составляютъ не грузины, а армяне, въ рукахъ которыхъ и находится почти вся его торговля.

Въ заключеніе, нельзя не упомянуть о знаменитомъ тифлисскомъ „кинто“. Это типъ, имѣющій много сходства съ парижскимъ уличнымъ „camelot“,

съ тою только разницею, что кинто все-таки выдѣляется болѣе благородными чертами, какъ своей внѣшности, такъ и характера. Кинто заполняютъ собою все окранны Тифлиса и въ особенности Майдана. Они носятъ по большей части черкеску съ патронами на груди, и мечта каждаго кинто—рано или поздно приобрести себѣ кованный серебряный поясъ. Въ общемъ, это очень живописный типъ.

Объ армянахъ и грузинахъ нечего говорить здѣсь: о нихъ писано уже довольно. Красивыя лица послѣднихъ и ихъ жизнерадостный характеръ придаютъ много оживленія внѣшней и внутренней жизни города. Одинъ базаръ съ его живописными группами грузинъ, мнгрельцевъ, гурійцевъ, имеретинъ, персиянъ, курдовъ, лезгинъ, евреевъ и другихъ племенъ, появляющихся въ Тифлисѣ, даетъ богатѣйшій матеріалъ карандашу въ рукахъ талантливаго художника: сколько здѣсь характерныхъ типовъ, какое разнообразіе въ костюмахъ!..

Присоединеніе Грузіи *).

Въ 1800 году одинъ изъ братьевъ грузинскаго царя Георгія, Александръ Иракліевичъ, оставленный новымъ царемъ безъ удѣла, потребовалъ себѣ Казахскую провинцію, которая по грузинскому обычаю не могла принадлежать никому, кромѣ самого царя. Получивъ отказъ, Александръ, жившій въ Шулаверахъ, откочевалъ къ турецкой границѣ, а оттуда тайно переехалъ въ персидскій лагерь, гдѣ ему оказали самый радушный пріемъ. Узнавъ объ этомъ, вдовствующая царица и ея сыновья также начали искать покровительства персиянъ, которые только и ждали случая, чтобы вмѣшаться въ дѣла Грузинскаго царства. Для Персіи все это было чрезвычайно важно потому, что правитель ея Баба-ханъ, ставшій послѣ смерти Аги-Магомета шахомъ, не могъ быть признанъ въ этомъ званіи подвластными ему народами до тѣхъ поръ, пока въ торжественный день коронаціи они, по обычаю, не увидали бы подлѣ своего властителя, въ числѣ прочихъ валиевъ, и грузинскаго царя, стоящаго съ шахскимъ мечомъ у подножія трона **).

*) Изъ сочиненій В. А. Потто—„Кавказская война“.

**) Всѣхъ валиевъ или намѣстниковъ персидскихъ было четыре и изъ нихъ во время коронаціи гурджистанскій (грузинскій) обязанъ былъ держать шахскій мечъ, арабстанскій — драгоцѣнное перо отъ шапки, замѣняющее собою корону, лористанскій — порфиру и курдистанскій — особое украшеніе, состоящее изъ двухъ убранныхъ алмазами перевязей.

Скоро въ Тифлисѣ явилось персидское посольство. Георгій принялъ его не во дворцѣ, а въ домѣ русскаго министра, стоя подѣ большимъ портретомъ императора Павла, у подножія котораго поставленъ былъ тронъ съ сложенными на немъ короною, скипетромъ и державою, а по сторонамъ грузинскіе сановники держали порфиру и царскій штандартъ.

На заявленіе персидскаго посла, что онъ желалъ бы имѣть секретное свиданіе съ царемъ, Георгій отвѣчалъ, что, находясь подѣ покровительствомъ Россіи, онъ ни въ какіе секретные переговоры безѣ русскаго министра вступать не желаетъ. Тогда посоль объявилъ уже прямо, что шахъ, считая Грузію древнимъ достояніемъ своихъ предковъ, требуетъ полнаго ея подчиненія себѣ и что „царю остается только покориться, чтобы не подпасть горшею противѣ прежняго участи“.

— Я не могу не удивляться вашимъ словамъ,—отвѣчалъ на это Коваленскій: — вы какъ будто совершенно забыли о томъ покровительствѣ которое русскій императоръ оказываетъ Грузіи.

— Я объ этомъ помню,—отвѣчалъ посоль:—но подаю совѣты единственно изѣ усердія къ царю, потому что непріятель приближается уже къ границамъ его владѣній.

— Россія,—возразилъ Коваленскій, — не имѣетъ у себя въ здѣшнихъ странахъ непріятелей, но съ тѣми, кто дерзнетъ возстать противѣ покровительствуемыхъ ею народовъ, она сумѣетъ управиться.

На этомъ переговоры окончились.

Между тѣмъ измѣна царевича и домогательства шаха дали Георгію справедливыи поводъ опасаться новаго нашествія, тѣмъ болѣе, что непріятель вошелъ уже въ Эриванскую область и распускалъ слухъ, что идетъ на Тифлисъ съ единственною цѣлью возвести на престолъ царевича Александра.

Чтобы успокоить встревоженныхъ жителей, Георгій обратился къ императору Павлу съ просьбою о помощи, и государь приказалъ отправить къ нему съ Кавказской линіи еще Кабардинскій пѣхотный полкъ, подѣ командой генералъ-майора Гулякова.

Прибытіе полка было какъ нельзя кстати, потому что Тифлису дѣйствительно угрожала серьезная опасность со стороны Омаръ-хана аварскаго того самаго, который нѣсколько лѣтъ назадъ разорилъ всю Грузію и теперь съ 20-тысячнымъ скопищемъ горцевъ опять приближался къ границамъ Кахетіи.

Омаръ былъ человекъ предприимчивый, отважный и храбрый до дерзости. Собственныя его владѣнія были не велики, но велико было то значеніе, которымъ онъ пользовался во всемъ Дагестанѣ, гдѣ по малѣйшему знаку его поднимался весь сбродъ горскихъ хищниковъ, слѣпо вѣрившихъ въ неизмѣнное счастье своего любимаго вождя.

Извѣстіе о приближеніе Омара произвело всеобщее смятеніе въ Грузіи. Но въ то время, какъ самая столица готовилась уже искать спасенія въ бѣгствѣ, Лазаревъ и Гуляковъ съ двумя батальонами русской пѣхоты поспѣшно двигались навстрѣчу непріятелю. Въ Сигнахѣ къ отряду присоединилась грузинская милиція царевичей Баграта и Іоанна, въ три тысячи человекъ, и 5-го ноября 1800 года Лазаревъ уже стоялъ въ 6 верстахъ отъ непріятельскаго стана. Но Омаръ ночью обошелъ русскій лагерь и двинулся прямо къ Тифлису. Тогда ближайшей дорогой и форсированнымъ маршемъ Лазаревъ опять обогналъ лезгинъ и на разсвѣтѣ 7-го ноября снова очутился передъ ними, на противоположномъ берегу рѣки Іоры, недалеко отъ кахетинской деревни Кагабети.

Столкновеніе было неизбежнымъ, и лезгины, переправившись черезъ Іору, съ неистовымъ гикомъ бросились на русскій отрядъ; но залпъ ружей и картечь встрѣтили ихъ такъ удачно, что „немалое число отъ сего приѣма начало лбами доставать землю и донскиваться въ оной мнпмыхъ правъ, которыхъ Омаръ-ханъ былъ сильнымъ поборникомъ“,—какъ писалъ впоследствии Лазаревъ генералу Кворрингу. Цѣлый день продолжалась битва, и эта *первая рѣшительная встрѣча горсти русскихъ войскъ съ пятнадцатитысячнымъ скопищемъ кавказскихъ горцевъ* въ предѣлахъ Грузіи стоила непобѣдному до тѣхъ поръ Омаръ-хану аварскому рѣшительнаго пораженія. Такъ какъ сраженіе окончилось ночью, то только на слѣдующее утро глазамъ побѣдителей открылась истинная картина страшнаго побоища, испытаннаго непріателемъ. Камышь, кустарники и рвы наполнены были трупами; по всему полю солнечные лучи освѣщали траву, обогренную кровью; а за рѣкой стоялъ еще непріятельскій станъ, съ развѣвающимися знаменами и пестрыми палатками, но онъ былъ пустъ и мертвенно недвижимъ: непріятель бѣжалъ, не успѣвъ ничего спасти изъ своего имущества. Потери лезгинъ простирались свыше 2 тысячъ человекъ. Самъ Омаръ-ханъ получилъ тяжелую рану и вскорѣ умеръ отъ горести. Какой-то старшина Искандеръ былъ убитъ, и голова его вмѣстѣ съ громадною головою другого лезгинскаго богатыря, изъ Дженгутая, какъ драгоценные трофеи боя, были повержены грузинами къ ногамъ русскаго военачальника.

Сраженіе на Іорѣ навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ кавказской войны. Оно замѣчательно не упорствомъ боя, такъ какъ потеря со стороны русскихъ оказалась сравнительно незначительною, но рѣшимостью начальниковъ, отважившихся съ небольшимъ отрядомъ вступить въ бой съ огромнымъ скопищемъ лезгинъ, славившихся своею необычайною храбростію.

Большое счастье, что во главѣ горсти русскихъ людей, пришедшихъ

тогда въ Грузію, стояли такіе генералы, какъ Лазаревъ и Гуляковъ, имена которыхъ не будутъ вычеркнуты изъ славныхъ военныхъ лѣтописей Россіи. Оба они оказались достойными носителями русскаго имени, и оба впоследствии запечатлѣли своею кровью братскую помощь, оказанную Грузіи: Лазаревъ погибъ въ Тифлисѣ 19-го апрѣля 1803 года, а Гуляковъ убитъ за Алазанью, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти своего боевого начальника и друга.

„Лазаревъ и Гуляковъ, Кабардинскій и Эриванскій полки—это первые камни того фундамента,—говоритъ Зиссерманъ,—на которомъ построилась вся вѣковая слава геройской кавказской арміи“.

Понятно, что громкая побѣда, одержанная при подобныхъ условіяхъ, сразу доставила русскимъ въ краѣ высокое нравственное вліяніе; а это вліяніе было важно особенно потому, что безъ него, съ ничтожными средствами, какими тогда располагали русскіе въ Закавказьѣ, они, конечно, не могли бы тамъ удержаться.

Императоръ Павелъ пожаловалъ за эту побѣду обоимъ царевичамъ, Лазареву и Гулякову командорскіе кресты ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ бою,—по рублю на человѣка.

Царь Георгій, несмотря на болѣзнь, самъ выѣхалъ навстрѣчу къ отряду, возвращавшемуся въ Тифлисъ, и, сошедши съ богато убраннаго коня, убедительно просилъ генерала Лазарева принять этого коня въ даръ и вѣзхать на немъ торжественно въ городъ.

Къ сожалѣнію, это былъ послѣдній выѣздъ Георгія. Простудившись при встрѣчѣ войскъ, онъ окончательно слегъ въ постель, и врачи не подавали никакой надежды на его выздоровленіе. Между тѣмъ для всѣхъ было ясно, что, немедленно по кончинѣ Георгія, въ Грузіи начнется междоусобная война между сыновьями и братьями умершаго царя и что послѣдніе охотнѣе увидятъ Грузію даже присоединенною къ Россіи, чѣмъ отданною царевичу Давиду.

Лучше другихъ понималъ это самъ умирающій царь, Георгій XII, и съ одра болѣзни писалъ императору Павлу, что „Грузія такъ или иначе должна покончить свое самобытное, политическое существованіе, и грузинскій народъ желаетъ теперь же вступить единожды и навсегда въ подданство Россійской имперіи, съ признаніемъ всероссійскаго императора за своего природнаго государя и самодержца“.

Императорскій манифестъ послѣдовалъ въ этомъ смыслѣ въ С.-Петербургѣ 18-го декабря 1800 года (обнародованъ же былъ 18-го января 1801 г.), а 28-го декабря скончался въ Тифлисѣ Георгій.

Такимъ образомъ грузинскій престолъ былъ упраздненъ, и династія Багратидовъ, считавшая за собою цѣлое тысячелѣтіе, перестала царство-

вать въ Грузіи. 16-го *февраля 1801 года* все жители Тифлиса, собранные въ Сіонскій соборъ, присягнули на вѣрность новому своему государю, императору Павлу Петровичу, а 17-го числа то же самое исполнено было армянскимъ населеніемъ столицы, сопровождавшимъ этотъ обрядъ особенно пышностью и церемоніями.

Утромъ этого дня, по первому удару соборнаго колокола, духовенство, въ числѣ восьми архимандритовъ и до ста священниковъ, выступило изъ всехъ армянскихъ церквей и, соединившись въ общій крестный ходъ, направилось черезъ Тифлисъ къ загородному монастырю Ванкъ. За этой процессіей двое именитѣйшихъ гражданъ Тифлиса несли портретъ императора Павла, а за нимъ шествовалъ самъ митрополитъ въ торжественномъ облаченіи, но безъ митры, держа надъ головой серебряный подносъ, а на немъ манифестъ, прикрытый розовымъ флеромъ. Народъ, имѣя во главѣ царевича Давида съ братьями и генераловъ Лазарева и Гулякова, шелъ за крестнымъ ходомъ тысячными толпами. Патріархъ Арменін, Іосифъ, въ полномъ облаченіи древнихъ святителей, встрѣтилъ процессію въ оградѣ соборной церкви. Окадивъ портретъ императора, онъ палъ передъ нимъ на землю, поцѣловалъ его и, высоко поднявъ надъ головами присутствующихъ, громогласно произнесъ: „Да здравствуетъ великій и августѣйшій монархъ нашъ со всемъ своимъ домомъ“. Народъ отвѣчалъ шумными и радостными кликами. Затѣмъ процессія двинулась въ церковь. Тамъ, передъ алтаремъ, на особомъ аналоѣ, покрытомъ богатою парчею, положенъ былъ манифестъ и поставленъ портретъ императора. Патріархъ самъ совершалъ литургію, по окончаніи же ея отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, и весь народъ приведенъ къ присягѣ.

Какъ въ этотъ, такъ и въ предшествовавшій день русскіе офицеры, сопровождаемые казачьимъ эскортомъ, ѣздили по улицамъ Тифлиса и читали народу манифестъ на 4 языкахъ: русскомъ, грузинскомъ, армянскомъ и татарскомъ.

Изъ „Путешествія въ Арзрумъ“.

(1829—1835).

Въ этомъ „путешествіи“ гениальнаго Пушкина описана, между прочимъ, и Военно-Грузинская дорога; а потому мы и рѣшились помѣстить его въ составленную нами книгу, находя, что даже и теперь, по истеченіи почти 70 лѣтъ со времени написанія Пушкинымъ его статьи, она является очень живою и ярко картинною, не могущею никогда утратить своей красоты и прелести. Вотъ что писалъ Пушкинъ:

Изъ Москвы поѣхалъ я (1-го мая) на Калугу, Бѣлевъ и Орель и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишннхъ, зато увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ въ Орлѣ, близъ коего находится его деревня. Я пріѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извозчикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простого, набожнаго старика; что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностію. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на Геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы—памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ, повидимому, нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда извительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго графомъ Эрихонскимъ. „Пускай нападаетъ онъ“, говорилъ Ермоловъ, „на пашу неумнаго, неискуснаго, но только упрямаго, напрімѣръ, на пашу, начальствовавшего въ Шумлѣ—и Паскевичъ пропалъ“. Я передалъ Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую кампанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. Ермоловъ засмѣялся, но не соглашался. „Можно было бы сберечь людей и издержки“, сказалъ онъ. Думаю, что онъ ищетъ или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина: онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорилъ онъ сон атоге. Нѣмцамъ досталось. „Лѣтъ черезъ 50“, сказалъ онъ, „подумають, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такимъ-то нѣмецкими генералами“. Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что не помнилъ моего полного имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова.

Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя

посѣтить харьковскій университетъ, который не стоитъ курской рестораціи. До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязь, достойной грязи одесской. Мнѣ случалось въ цѣлыя сутки проѣхать не болѣе 50 верстѣ. Смотря на маневры ямщиковъ, я со скуки пародировалъ американца Купера въ его описаніяхъ морскихъ эволюцій. Наконецъ, воронежскія степи оживили мое путешествіе. Я свободно покатился по зеленой равнинѣ и благополучно прибылъ въ Новочеркасскъ, гдѣ нашелъ гр. Вл. Пушкина, также ѣдущаго въ Тифлисъ. Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ. Онъ ѣдетъ въ огромной бричкѣ. Это родъ укрѣпленнаго мѣтечка; мы ее прозвали „Отрадною“. Въ сѣверной ея части хранятся вина и съѣстные припасы; въ южной—книги, мундиры, шляпы etc., etc. Съ западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетснами, саблями и проч. На каждой станціи выгружается часть сѣверныхъ запасовъ, и такимъ образомъ мы проводимъ время, какъ нельзя лучше.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это—снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, краснота...

Признаюсь, кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль прежняго дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился

обратно въ Георгіевскѣ. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сживалъ со мною Ал. Раевскій, прислушываясь къ мелодіи водъ. Величавый Бенгу чернѣ и чернѣ рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими васалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается Военная Грузинская дорога: почтовый трактъ прекращается. Панимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю и проѣзжій къ ней присоединяется: это называется *оказіей*. Мы дожидались нелого. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятьсотъ человекъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними закрипѣлъ обозъ двухколесныхъ аровъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, беспокойные ночлеги, и наконецъ, непрерывный скрипъ нагайскихъ аровъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разѣзжаютъ, какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба—вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнуть бы встарину, не разбѣгаясь, съ заржавѣвшими пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ обрушеннымъ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ куриць и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и крѣпкого молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость *Минаретъ*. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинкѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могли нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣли цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ сѣвѣнный Кавказъ: впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны были слѣды разореннаго

аула, называвшагося *Татартубомъ* и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минареть свидѣтельствуеъ о бытїи печезнувшаго селенїя. Онъ стройно возвышается между грудями камней, на берегу иссохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы. Тамъ нашель я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичъхъ славолубивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ, русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три налгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю черкесовъ, похоронены ихъ наѣздики. Татарская надпись, изображенїе шашки, танга, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищниками вѣкамъ на память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часть отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба *мирныхъ* черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. Зато никогда не пропускаютъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружать, какъ обезоружили крымскихъ татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, но причинаъ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщенїя к ровни. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убїйство—простое тѣлодвиженїе. Плѣнниковъ они созранияютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчїемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Кашъ-кая, преддверїя горъ. Онъ окруженъ осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смиренно. Мертвѣца вынесли на буркѣ и положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ

съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Осетинцы—самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ: женщины ихъ прекрасны и, какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однакожъ, при моемъ приближеніи обѣ потупили голову и закрылись своими изодранными чадрами. Въ крѣпости видѣлъ я черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказать и бѣгають изъ крѣпости. Ихъ держать въ жалкомъ положеніи. Они ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагіе и въ отвратительной нечистотѣ. На пныхъ видѣлъ я деревянные колодки. Вѣроятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалѣють о своемъ пребываніи во Владикавказѣ.

Пушка оставила насъ. Мы отравились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ осетинскихъ мельницъ, похожихъ на собачьи конуры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущелье. Стѣненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущелье извиается вдоль его теченія. Каменные подошвы горъ обточены его волнами. Я шель пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы. Погода была пасмурная: облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ Пушкинъ и Ш., смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество рѣкѣ, на сѣверѣ гремящей. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоящаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростью неизъяснимою. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: „не останавливайтесь, в. б., убьютъ!“ Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ чрезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогою. Онѣ совѣтоваль

намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ кахетинскаго вина изъ вонючаго бурдюка, вспоминая пированія Иліады:

„И въ козінхъ мѣхахъ вино, отраду нашу!“

Здѣсь нашель я измаранный списокъ „Кавказскаго плѣнника“ и, признаюсь, перечель его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники зарабатывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля Ш. по возвращеніи его изъ Парижа: „Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!“

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Дарьяльскій постъ. Ущелье носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишеть одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Ключекъ неба, какъ лента, сплѣтеть надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганнимеда, странную картину Рембрандта. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ пныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Дарьяла, на крутой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарья, давшая имя свое ущелью; сказка. Дарьяль на древнемъ персидскомъ языкѣ значитъ „ворота“. По свидѣтельству Иллія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущелье замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишеть Плиній, течеть рѣка Дириодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и проч. (см. „Путешествіе графа И. Потоцкаго“, коего ученія изысканія столь же занимательны, какъ и испанскіе романы).

Изъ Дарьяла отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли Троицкія ворота (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха); подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы черезъ Бѣшеную Балку, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ и принадлежитъ

князю Казбеку. Князь, мужчина лѣтъ сорока пяти, ростомъ выше преобразенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и не чище русскихъ). Въ двѣрихъ лежалъ пузастый бурдюкъ (воловій мѣхъ), ратопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терекъ и его безобразные водопады, утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плыль мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую грудь, по выраженію поэта, подпирающую небо-склонъ.

Ждали персидскаго принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ навстрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго персидскаго поэта и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-хану. Я, съ помощью переводчика, началъ-было высокопарное восточное привѣтствіе, но какъ же мнѣ стало совѣстно, когда Фазиль-ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умною учтивостью порядочнаго человѣка! „Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно“, и проч. Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ и сѣхалъ на обыкновенныя европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его запаху *) и по крашенымъ ногтямъ.

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за осетинскими волами? На всякій случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана официальную просьбу къ Ч***, начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подвода.

На другой день около 12 часовъ слышали мы шумъ, крики и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осьмнадцать паръ тощихъ малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ осетинцевъ, насилу тащили легкую вѣнскую коляску пріятеля моего О***. Это зрѣлище тогчасъ разсѣяло всѣ

*) Такъ называются персидскія шапки.

мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ Пушкинъ не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ въпречъ цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхалъ черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ полковникомъ Ог....., осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалиясь, засыпала ущеліе на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истошилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. „Это обвалъ“, сказалъ мнѣ г. Ог..... Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груды снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь нерѣдки. Въ прошломъ году русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадей и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатила въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный г. Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога и проч., что очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ мпловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гуть-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спустились въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы въ домѣ г. Ч. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемая веселой Араг-

вою, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Въмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по городу снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ русскаго офицера, провождающаго персидскаго принца. Вскорѣ услышала я звукъ колокольчиковъ, пѣдѣлый рядъ катаровъ (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ по-азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полуверстѣ отъ Анапура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ-Мирзу. Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на принца напали горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и усекалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой азіатецъ, не привыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Анапура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета осталось не болѣе какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стоили добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шелъ впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было невозможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинскихъ пастуховъ, а были шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе; но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ городничему и требовалъ за то съ меня абазъ.

Появленіе мое у городничаго, стараго офицера изъ грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ, во-первыхъ, комнаты, гдѣ бы могъ раздѣться, во-вторыхъ, стакана вина, въ-третьихъ, абаза для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и поглядывалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненіе *de la liberté grande*. Къ счастью, нашелъ я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественникъ, а не Ринальдо-Ринальдони. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ, и абазъ выданъ моему проводнику, съ отеческимъ выговоромъ

за его корыстолюбіе, оскорбительное для грузинскаго гостепріимства. Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ-то было! блохи, которыя опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою. По утру явился ко мнѣ мой человекъ и объявилъ, что графъ Пушкинъ благополучно переправился на волахъ чрезъ снѣговыя горы и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ Пушкинъ и Ш. посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятною мыслью, что ночую въ Тифлисѣ.

Дорога была также пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарцискала мы переправились черезъ Куру, по древнему мосту, памятнику римскихъ походовъ, и крупною рысью, а иногда и вскачь поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

Военно-Грузинская дорога *).

Военно-Грузинская дорога пролегаетъ отъ Владикавказа до Тифлиса, чрезъ главный кавказскій горный хребетъ, на разстояніи 200 верстъ.

Первыя пять верстъ отъ Владикавказа до Балты идутъ равниною, при чемъ предъ вашими глазами почти отвѣсно высятся горныя великаны, распростирая къ вамъ свои объятія, въ видѣ постепеннаго вѣзда въ ущелье, и маня васъ къ себѣ. Здѣсь нѣтъ постепеннаго подъема горы, а просто какъ бы широкія ворота въ горное пространство. Предъ вами высокія горы, покрытыя зеленью,—а дальше зелень все уменьшается и горы представляются скалистыми и обнаженными; а еще дальше виднѣются бѣлыя покрывала или игривыхъ моложавыхъ возвышенностей, или мощныхъ и солидныхъ горныхъ хребтовъ. Постепенно вы приближаетесь къ Тереку и вмѣстѣ съ нимъ входите въ ущелье горъ. Въ этомъ мѣстѣ Терекъ очень расширенъ, образуя множество отдѣльныхъ протоковъ и островковъ, правда быстро смѣняющихся и исчезающихъ подъ вліяніемъ ливней и сильныхъ дождей. За исключеніемъ прекрасно содержимой дороги, все остальное пространство усыяно громадными камнями и валунами, какъ будто великаны по ночамъ занимаются въ дѣтскія игры, и вотъ они были пойманы на мѣстѣ преступленія внезапно наступившею полночью, или

*) Изъ книги проф. П. П. Ковалевскаго „Абастуманъ“. Болѣе интереснаго описанія Военно-Грузинской дороги въ русской литературѣ не имѣется.

пѣніемъ пѣтуха. Все въ хаосѣ и безпорядкѣ, какъ будто послѣ страшнаго разгрома.

По мѣрѣ углубленія въ ущелье, оно постепенно суживается, а Терекъ собирается въ одно русло. Площадь, однако, еще велика настолько, что свободно посрединѣ вмѣщаетъ наши маленькія укрѣпленія—казацкіе пикеты Редантъ и Джераховское укрѣпленіе. Это невольно заставляетъ путника вспомнить о прошломъ и пощупать въ карманѣ свой револьверъ. Напрасно. Былыя времена минули, и путникъ теперь совершенно безопасенъ отъ двуногаго хищника. Вы невольно озираетесь вокругъ и видите только небо, горы и потокъ.

Не успѣли вы осмотрѣться и оріентироваться, какъ вотъ и ^{Бажа} ~~Дарь~~. Лошадей перепрягли, и вы мчитесь дальше. Дорога идетъ къ подъему. Горы сдвигаются и становятся мощнѣе. Вотъ вы проѣзжаете мимо Джераховскаго укрѣпленія, часто по самому краю берега Терека. Вы въ ожиданіи Дарьяльскаго ущелья; но оно немного дальше. Вотъ предъ вами на выступѣ скалы сторожевая башня князей Дударовыхъ, бывшихъ владѣтелей данной мѣстности. Она уже представляетъ археологическую древность, но все-таки невольно на васъ imponируетъ, возбуждая мысль—жили ли здѣсь хищники и грабители, или защитники населенія. Не трудитесь думать. И то, и другое,—но больше первое, чѣмъ второе. Дальше вы ничего не видите. Все тѣ же горы, все то же небо, все та же зелень, все тотъ же Терекъ. Но горы становятся выше, ущелье уже, а Терекъ грознѣе. Еще немного, и вы налетаете на огромнѣйшій камень-скалу,—это Ермоловскій камень,—а тамъ и станція Ларсъ.

Порядочный стаканъ кофе, и вы мчитесь дальше. Во весь духъ лошади съ мѣста берутъ въ карьеръ, въ мгновеніе ока поворачиваютъ за станцію, и едва вы успѣли прочно усеѣться въ экипажѣ, подъ вліяніемъ неожиданной быстрой ѣзды, какъ моментально, феерически неожиданно, влетаете въ Дарьяльское ущелье, въ то самое ущелье, гдѣ Лермонтовскій демонъ избралъ себѣ главный пунктъ на грѣшной землѣ для своего витанья. Вы ошеломлены, вы поражены. Невольно вы оглядываетесь, поднимаетесь на мѣстѣ, опрокидываете вашу голову, чтобы узрѣть вердушки скалъ. А тутъ Терекъ реветъ у вашихъ ногъ, умѣряя вашу фантазію и заставляя подумать о земномъ.

„Терекъ воесть, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурь плачь его подобенъ,
Слезы брызгами летять...“ и т. д.

(„Дары Терека“. Лермонтовъ).

Представьте узкій коридоръ изъ сѣрыхъ отвѣсныхъ скалъ, идущій высоко-высоко къ небу,—вверху полоска неба, а у ногъ дикій, развирѣвшій и ярый Терекъ... Жутко, право жутко. Какой бы вы ни были сильный человекъ, а вы сознаете все свое ничтожество, все свое безсиліе, всю свою мизерабельность... Обрушится, падеть—и отъ васъ не останется даже мокренько. А это „обрушится и падеть“ бываетъ и не рѣдко. Посмотрите, вонъ вверху скала почти совсѣмъ нависла и отдѣлилась. Малѣйшее дуновеніе вѣтерка и—ухъ!.. Не бойтесь, не бойтесь. Не вѣтерку свалить этого гиганта. На него нужна такая же мощная сила, какъ и сами горы. Вотъ, если землетрясеніе трухнетъ,—ну, это другое дѣло... Тутъ разговоры короткіе. Посыпятся грушки... А безъ того можете спокойно ѣхать. Вы посмотрите, какъ надъ этою скалою, которая вотъ-вотъ упадетъ и обрушится, работала человѣческая рука. Сколько недѣль долбила она ее, и сколько десятковъ рукъ тутъ участвовало. И скала не двинулась, не шевельнулась, не дрогнула. Ея тѣло долбили, терзали и мучили,—а она осталась неподвижна, какъ скала. Не бойтесь же. Лучше будьте опасливѣе къ Тереку. О, эта стихія коварнѣй, опаснѣй и злѣй...

Проѣхали вы 2—3 версты, и посрединѣ ущелья стоитъ русское Дарьяльское укрѣпленіе. Это тоже теперь казачій постъ. А противъ этого укрѣпленія, на выступѣ скалы, высится древняя крѣпость, замокъ Тамары. Охъ, горе, видно, было отъ этой башни... Ущелье узкое, и никто не могъ ни пройти, ни проѣхать, чтобы не поплатиться, если не головой, то собственностью. Это мѣсто извѣстно съ давнихъ временъ, и у многихъ древнихъ историковъ вы найдете упоминаніе о немъ. Слово „Дарьяль“ означаетъ „узкій проходъ“ и состоитъ изъ двухъ татарскихъ словъ „даръ“ ущелье и „іаль“ дорога (по-грузински оно называется „Хевизъ-карі“, что опять-таки означаетъ „ворота ущелья“). Плиній говоритъ, что здѣсь находились бревенчатые ворота, обитыя желѣзомъ и заграждавшія путь движенію народовъ съ сѣвера на югъ. Съ этимъ мѣстомъ связаны имена Александра Македонскаго, Магомета, многихъ царей Грузіи и проч. Что касается развалинъ замка на скалѣ, то его постройку приписываютъ грузинской царицѣ Даріи, которая была столь же жестока, сколь и сладострастна. Несчастный путникъ сначала становился жертвою ея сладострастія, а потомъ отправлялся въ Терекъ. Право ли преданіе—не знаю. Но затѣмъ оно начало понемногу темнѣть, имя Даріи ступшеываться, и вся эта интимная и немножко грязная исторія была приписана любимицѣ грузинскаго народа, царицѣ Тамарѣ.

Если горныя скалы совершенно безопасны для путника, то того же никакъ нельзя сказать о Терекѣ. Истоки Терека находятся у Зилгахоха, начинаясь здѣсь нѣсколькими ручейками. На Грузинскую дорогу появляется

онъ изъ Труссовскаго осетинскаго ущелья, вереть на 20 выше Коби. Мало-по-малу, путемъ впаденія новыхъ рѣкъ и притоковъ, Терекъ усиливается и даетъ паденіе 50 футовъ на версту. Но отъ станціи Казбекъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ Терекъ пріобрѣтаетъ необыкновенное паденіе — болѣе 150 ф. на версту. Диво ли, что здѣсь онъ ворочаетъ каменные глыбы, а ревъ его превышаетъ всякое вѣроятіе... Особенно бурень и буень Терекъ у Чертова моста. Всѣ искусственныя преграды онъ уничтожилъ и всею силою своею бьетъ въ гигантскую скалу. Памятуя о несомнѣнной прочности желѣзнаго моста, вы невольно содрагаетесь при видѣ страшнаго водоворота Терека. Вамъ кажется, что самая скала находится въ опасности отъ стихійной силы горной рѣки. Вы невольно взглядываете на отвѣсную скалу и конца верху ей не видите. Здѣсь-то ужъ навѣрное человѣческая нога не ступала по горнымъ твердынямъ, и скала является во всей своей дѣвственной неприкосновенности...

Ахъ, не говорите такъ. Вы видите бушующій Терекъ въ обычную пору. А знаете ли вы, что такое Терекъ во время обваловъ и послѣ страшныхъ ливней? А я знаю. Въ 1891 г. 1-го августа я попалъ пменно въ такую передрагу. Обвалился Девдаракскій ледникъ и запрудилъ Терекъ въ Дарьяльскомъ ущельи. Но Терекъ прорвался и... на двѣ станціи отъ Казбека снесъ все, что только въ ущельи сдѣлала человѣческая рука. Дикій ревъ Терека и хаотическія груды камней — вотъ что представляло собою Дарьяльское ущелье. Что дѣлается на дорогѣ, мы понятія не имѣли. Нашлись проводники-горцы, которые взяли насъ проводить въ Ларсъ по Дарьяльскому ущалью. Не зная ничего, мы пошли. И пошли только потому, что ничего ни знали.

Не прошли мы и двухъ верстъ, какъ подверглись самымъ головокружительнымъ переходамъ. Жизнь висѣла на волоскѣ. Идти впередъ—береть ужасъ, идти назадъ и возвращаться по только что пройденному... нѣтъ, покорно благодарю. Пошелъ впередъ. Такъ, сто разъ вися между небомъ и Терекомъ, мы дошли до Чертова моста, точнѣе, до того мѣста, гдѣ онъ былъ и гдѣ въ тотъ моментъ и слѣдовъ его не было. Впередъ мы имѣли саженную острую площадку, передній уголъ которой упирался въ Терекъ съ его громовыми раскатами и ударами о скалу,—и до неба поднимающуюся отвѣсную скалу. О нашемъ положеніи нечего было говорить. Насъ было трое. Или возвращаться назадъ и вновь подвергнуться сто одной смертельной опасности, или взбираться на скалу у Чертова моста съ грохочущимъ Терекомъ у нашихъ ногъ. Мы предпочли послѣднее. Во всякомъ случаѣ, по дорогѣ впередъ больше шансовъ. Если, свалившись со скалы, еще не разшибешься въ конецъ, то Терекъ докончитъ навѣрное.

Перекрестившись, мы пошли. Мой проводникъ твердилъ одно: „смотри

подъ ноги и больше никуда“... Я, кажется, не смотрѣлъ не только „никуда“, но даже и подъ ноги. Знаю одно, что я ничего не помню объ этомъ переходѣ. Явственно, я дѣйствовалъ безсознательно, какъ въ сомнамбулизмѣ. Во всякомъ случаѣ, я перешелъ и теперь пишу эти строки. Когда, вновь проѣзжая тѣмъ же путемъ, уже по прекраснѣйшей дорогѣ, я показывалъ моей женѣ слѣды, гдѣ я проходилъ по этой скалѣ—мнѣ было стыдно. Мнѣ казалось, что и она не повѣритъ моимъ словамъ... Не буду говорить, какъ мнѣ приходилось взбираться на слѣдующій мостъ по телеграфной проволоцѣ, раскачиваясь, по волѣ вѣтра, надъ волнами ревущаго Терека; какъ я, взобравшись на мостъ, едва не попалъ въ пропасть и воду; какъ я скользилъ по шифровымъ площадкамъ, любезно способствовавшимъ моему безпрепятственному спусканію въ Терекъ; какъ я переходилъ у скалъ по гнилымъ доскамъ, опять-таки надъ тѣмъ же Тереккомъ... Да, это сонъ, и очень тяжелый сонъ... Хвала Создателю—я уцѣлѣлъ, и все это кажется мнѣ только какъ сонъ...

Еще немного, и правая сторона ущелья раздвигается. Здѣсь подъемъ на Девдаракскій ледникъ, составляющій подножіе Казбека. А вотъ и сторожка, гдѣ вы можете нанять осла и человѣка, которые повезутъ васъ на Девдаракскій ледникъ. Это стоитъ немного. Но мы продолжаемъ путь дальше. Скалы нѣсколько раздвигаются, и Терекъ злобствуетъ меньше. Дорога переходитъ на лѣвую сторону Терека и, лѣпясь съ боку скалы, идетъ въ гору. Вы ѣдете по скаламъ. Дорога широка. Края дороги охраняются оградой. Но если вы взглянете внизъ на Терекъ, то невольно схватываетесь за экипажъ, чтобы не вылетѣть. Особенно жуткое чувство является на поворотахъ. И такъ между небомъ и Тереккомъ вы мчитесь верстъ 5—6. А вверху, еще выше, лѣплятся аулы. Это осетинскіе аулы. Прежде осетины были разбойники и грабители, теперь—только воры. Нападенія на васъ они не осмѣлятся сдѣлать,—но чемоданъ отрѣзать—отчего же?... Слава Богу, ущелье расширяется, вдали видится станція Казбека, вы вихремъ мчитесь внизъ, и черезъ нѣсколько минутъ на станціи. Еще разъ слава Богу. Вы благополучны, доѣхали. Послѣ такого ужаса можно и закусить. Но не до закуски вамъ.

Предъ вашими глазами дивный Казбекъ съ бѣлоснѣжной чалмой. Это то мѣсто, гдѣ

„Изгнанникъ рая пролеталъ,
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ.
И глубоко внизу чериѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя.
Вился излучистый Дарьялъ“.

(„Демонъ“, Лермонтовъ).

Прощай завтракъ, прощай кофе. Вы впилнсь глазами въ этого великана. Васъ, какъ магнитъ, тянетъ къ нему... Вотъ онъ, вотъ такъ близко. Сто шаговъ, и вы на мѣстѣ. Но это иллюзія, это обманъ. Казбекъ далеко. Только могучія скалы разступились предъ мощнымъ великаномъ, и вы видите его во всей своей красѣ. А солнце дивно озаряетъ, еще больше выдѣляя его на зеленомъ фонѣ горъ и синемъ—облаковъ... И долго вы стоите, какъ очарованный. Вы колеблетесь, пойти ли на гору, или продолжать путь на Тифлисъ... Невольно вы переводите взоръ налѣво. Предъ вашими глазами церковь св. Троицы (болѣе 7.000 фут.). Это очень древняя церковь. Постройку ея приписывали царицѣ Тамарѣ. Такъ ли это, не знаю, но мѣстоположеніе ея дивное. Она не на высотѣ 16.553 фут., какъ вершина Казбека... Но она стоитъ на конусовидной горѣ, окруженной съ боковъ и сзади другими горами и болѣе высокими, и болѣе величественными. Въ эту церковь вы можете и пойти, и поѣхать. Еще ниже — аулъ Гергеты. Теперь вы начинаете осматриваться болѣе. Вправо отъ станціи опять аулъ. Это аулъ Казбекъ. Это собственность фамиліи князей, владѣющихъ данной мѣстностью, — откуда дано названіе и горному великану. Въ этомъ аулѣ очень оригинальный домъ Казбековъ и не менѣе оригинальная церковь, выстроенная, какъ говоритъ надпись, въ царствованіе императора Александра I. Наконецъ, вы переводите глаза еще ниже, и предъ вами на станціи—фонтанъ съ резервуаромъ, а за фонтаномъ—мраморная доска, на которой высѣчено, что сей фонтанъ установленъ въ память перваго пребыванія на станціи Казбекъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Познакомившись съ надписью и отвѣдавъ воды, вы вновь любуетесь Казбекомъ. Его остроконечный конусъ, покрытый вѣчными снѣгами на пространствѣ 6.300 фут. (по вертикальной линіи), состоитъ изъ трахита, который поднимается огромной обнаженной массой до предѣловъ снѣга. Эта трахитовая гора принадлежитъ къ числу погасшихъ вулкановъ. На границѣ вѣчныхъ льдовъ въ 1811 году профессоръ Фридрихъ Парротъ нашелъ подобіе пещернаго монастыря, а тысячи на три пониже—нѣчто въ родѣ монастырскаго кладбища, окруженнаго невысокой стѣной, рядомъ съ которой стоялъ крестъ...

Но вотъ лошади поданы, и вы продолжаете путь. На пространствѣ между Казбекомъ и Коби ущелье постепенно расширяется, достигая у деревни Сіонъ и Ачхоты около полуторы версты. Дно ущелья изрѣзано рукавами Терека и Цю, образующими множество островковъ, болѣею частью каменистыхъ, за исключеніемъ Сіона, гдѣ поля представляются обработанными. Сіонъ—это довольно большой аулъ, расположенный на отдѣльной скалѣ на правой сторонѣ Терека и бѣлѣющей еще издали зданіемъ своего храма. На лѣвой сторонѣ Терека стоитъ другой аулъ съ церковью св. Геор-

гія. Обѣ церкви по своему устройству относятся къ золотому вѣку Грузіи, и тогда обѣ онѣ служили предметомъ религіознаго паломничества. Оба аула выдаются своими громадными сторожевыми башнями.

Станція Коби не представляетъ ничего особеннаго. Отъѣхавъ 2—3 версты къ Гудауру, вы встрѣчаете кислый источникъ. Зной, хорошіи завтракъ или обѣдъ съ возліяніемъ, низкая температура воды и ваше чрезвычайное нравственное волненіе дѣлаютъ эту воду необыкновенно вкусною и пріятною. По существу же, это очень слабенькая углекисло-железная вода, какихъ очень много разбросано по всему Кавказу. Отъ станціи Коби и до Гудаура начинается самый главный подъемъ, и здѣсь находится самый высокій пунктъ—переваль Крестовая гора. Почти вся окружающая мѣстность представляетъ собою нѣжнѣйшій зеленый коверъ. Вотъ стада овецъ. Дѣйствительно, въ лѣтнее время это необыкновенно хорошее пастбище. На вашихъ глазахъ появляются десятки ручейковъ, которые потомъ сливаются вмѣстѣ и присоединяются къ Тереку. По зеленому ковру разбросаны необыкновенно крупныя и яркія незабудки. Но ихъ красота пошла на счетъ запаха. Онѣ не пахнутъ. Эти дивныя незабудки только по сю сторону перевала. Перевалили за Гудауръ—и незабудокъ нѣтъ. Кромѣ этихъ милыхъ незабудокъ, вы находите римскую ромашку, макъ, цвѣтуцій шиповникъ и т. д.

Вотъ вы у перевала. Предъ вами слѣва долина Терека, справа долина Арагвы. На вашихъ глазахъ начинается ручейками Терекъ, и на вашихъ глазахъ начинаются ручейки Арагвы. Тамъ, гдѣ-то внизу, очень низко протекаетъ узенькая полоска. Это и есть Арагва. Съ Крестовой горы быстро мчитесь вы на станцію Гудауръ. Предъ вашими глазами зеленая долина Арагвы. Какъ она привѣтлива, мила и ласкающа! Весь склонъ Гудъ-горы покрытъ зеленой азалией. Какое сравненіе съ суровымъ и угрюмымъ ущельемъ Терека! Здѣсь восточная нѣга, здѣсь восточная лѣнь, здѣсь восточная мечтательность.—Вы на Гудаурѣ. Теперь вамъ предстоить спускъ къ Млетамъ. Ставши на выдающемся мѣстѣ, вы изъ Гудаура видите станцію Млеты. Много-много между ними пять верстъ. Но Гудауръ на горѣ, а Млеты въ пропасти. 3000 ф. отвѣсной разницы между ними. И эту разницу вы должны пройти не болѣе, какъ на разстояніи пяти верстъ.

Дорога отъ Гудаура до Млетъ лѣзнится по почти отвѣсной скалѣ Гудъ-горы. Этотъ спускъ—верхъ инженернаго искусства. Прибавимъ, что и везутъ васъ здѣсь съ необыкновенной быстротой. Десятки поворотовъ такъ и мелькаютъ предъ вашими глазами. Съ самыхъ разнообразныхъ точекъ вы наблюдаете ручейки, сбѣгающіе съ горъ и питающіе Арагву. А вотъ и ст. Млеты и прилегающіе къ ней аулы. Но они очень измѣняютъ свое положеніе. То они противъ васъ, то они справа, то они слѣва. А вы все мчи-

тесъ и мчитесь. Объ опасности дороги вы судите только тогда, когда уже проѣхали данное мѣсто, и надъ вашей головой гдѣ-то очень высоко лѣплятся кприпчныя и каменные наслоенія. Это ваша дорога. Не успѣли вы оглянуться, какъ вотъ уже и Млеты. Всю дорогу вниманіе ваше было напряжено до крайнихъ предѣловъ. Передъ Млетами вы переѣзжаете Арагву. О, какъ она отлична отъ Терека! Какъ она, сравнительно, тиха и покойна... Прощай, бурный Терекъ!

Арагва беретъ свое начало недалеко отъ Зилга-хоха, т.-е. почти въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и Терекъ, но только теченіе ея идетъ по другому склону. Въ девяти верстахъ отъ Млетъ, Арагва составляется изъ нѣсколькихъ ручейковъ, соединяющихся подъ огромною шиферною скалою въ одну рѣчку, образующую въ своемъ теченіи водопада. Тѣмъ не менѣе паденіе ея не особенно велико, почему она и гораздо покойнѣе, чѣмъ Терекъ. По ея теченію впадаютъ другія рѣчки, увеличивая ея объемъ. Нерѣдко въ мѣстѣ паденія этихъ рѣчекъ въ Арагву стоятъ крѣпости, какъ, напр., на ст. Пайсануръ, для защиты жителей Карталлинн отъ сѣверныхъ горцевъ. Дорога отъ Млетъ до Ананура идетъ по берегу Арагвы. У Ананура опять крѣпость. Эта крѣпость довольно большихъ размѣровъ и заключаетъ въ себѣ двѣ церкви. Вошедши во дворъ крѣпости, вы видите эти церкви, изъ которыхъ одна относится къ IV в., а другая—къ XV в. Отъ Ананура Арагва уходитъ отъ дороги, и вы встрѣчаетесь съ нею уже у Мцхетъ, при впаденіи Арагвы въ Куру. Быстро проѣзжаете вы душную долину Душета и Цалканъ и приближаетесь къ Мцхету. Здѣсь особенно величественно мѣсто слиянія Арагвы и Куры,—а на углу слиянія, на скалѣ, стоитъ опять замокъ Тамары, Нацхоръ. Изъ Мцхета начинается желѣзная дорога, по которой можно ѣхать въ Тифлисъ и въ Боржомъ.

Баку и его нефтяные источники *).

Еще задолго до Баку виднѣется на востокѣ ярко-синяя полоса Каспійскаго моря, съ разбросанными близъ берега утесами и маленькими островками. Затѣмъ горы закрываютъ море, и поѣздъ останавливается близъ Баку въ какой-то ямѣ, украшенной роскошнымъ вокзаломъ.

Горы, окружающія Баку, выглядываютъ совершенно безжизненными, голыми, лишенными всякой растительности; однако, на скатахъ виднѣются распаханныя земли; здѣсь сѣютъ хлѣбъ, который, довольствуясь подпочвенной влагой, даетъ недурной урожай. На Апшеронскомъ полуостровѣ удачно разводятся шафранъ.

*) Изъ книги В. С. Кривенко „Очерки Кавказа“

Баку размѣстился амфитеатромъ вокругъ бухты. Дома изъ тесаного камня, съ плоскими крышами, оригинально поднимаются отъ прекрасно устроенной набережной къ старой крѣпости. При взглядѣ на Баку съ моря, среди другихъ строеній особенно выдѣляется Дѣвичья башня, съ которой, по одному преданію, дочь хана высматривала своего милаго, а по другимъ сказаніямъ—молодая ханша спасалась отъ нескромныхъ преслѣдованій своего отца и, наконецъ, выбросилась изъ окна. Существуютъ, впрочемъ, и другія версіи этой легенды.

Баку не доброю волею вошелъ въ составъ русскпхъ владѣній. Первый разъ силу русскаго оружія городъ испыталъ въ 1668 году, когда Стенька Разинъ съ своей удалой вольницей, съ огнемъ и мечомъ прошелъ черезъ всю прибрежную полосу отъ Дербента до Баку. Въ персидскій походъ Петра Великаго, послѣ неудачной попытки лейтенанта Лунина занять Баку, въ слѣдующемъ 1723 году, сюда посланъ былъ генераль Матюшкинъ съ инструкціей: „идти къ Баку какъ наискорѣе, и тщиться оный городъ помощію Божіей конечно достать, понеже ключъ всему нашему дѣлу оный“. И Матюшкинъ взялъ ключъ этотъ.

Спустя двѣнадцать лѣтъ, императрица Анна Іоанновна уступила Персіи всѣ громадныя завоеванія Петра Великаго въ Прикаспійскомъ краѣ...

Въ 1796 году бакинскій ханъ присягаетъ на вѣрность русской императрицѣ. Побудительной причиной послужило движеніе русскаго корпуса подъ начальствомъ графа Валерьяна Зубова, мечтавшаго окончательно сломить Персію. Восшествіе на престолъ императора Павла I ознаменовалось отъѣздой многихъ распоряженій покойной императрицы. Приказано было и зубовскимъ войскамъ вернуться на кавказскую линію. Съ уходомъ русскпхъ полковъ, бакинскій ханъ вновь почувствовалъ себя свободнымъ и позабылъ о присягѣ. Но не забылъ объ этомъ главнокомандующій *) въ Грузіи, князь Циціановъ, бывший, въ 1796 году, комендантомъ въ Баку. Видя двусмысленное поведеніе хана, онъ рѣшилъ, въ началѣ 1806 года, силою заставить признать верховенство Россіи надъ Баку. Ханъ торопился изъявить покорность и просилъ князя Циціанова выслушать его и принять городскіе ключи. 8-го февраля храбрый главнокомандующій отъѣхалъ отъ линіи нашихъ войскъ къ назначенному мѣсту свиданія и вступилъ съ ханомъ въ бесѣду; въ этотъ моментъ рука персидскаго убійцы не дрогнула, раздались ружейный выстрѣлъ, и къ ногамъ коварнаго хана повалился главнокомандующій. Смерть непобѣдимаго начальника, грозы турокъ, персовъ, татаръ и всего Закавказья, произвела тягостное впечатлѣніе на нашъ отрядъ. Русскіе отступили. Голова Циціанова отправлена въ Персію. Не-

*) Полный титулъ: инспекторъ кавказской линіи, астраханскій военный губернаторъ и главнокомандующій въ Грузіи.

пріятель ликоваль. Для закавказскихъ хановъ вся угроза сѣвера сливалась съ личностью князя Циціанова. Уничтоженъ онъ, и нечего больше бояться русскаго нашествія. Скоро, однако, пришлось раскаяться: 2-го іюня того же года къ Баку подошелъ отрядъ генерала Булгакова, ханъ бѣжалъ, и русскіе заняли городъ.

Бакинская губернія отняла у Россіи двухъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ кавказскихъ героевъ. Въ 1806 году погибъ незамѣнимый князь Циціановъ, а черезъ шесть лѣтъ навсегда былъ выведенъ изъ строя, при штурмѣ Ленкорани, генераль Котляревскій,—безспорно, самый замѣчательный изъ кавказскихъ генераловъ.

Лучшая каспійская гавань, близость Персіи и Средней Азіи и грандіозныя минеральныя богатства—все это заставляло вѣрить словамъ Петра Великаго, видѣвшаго въ Баку „ключъ всему нашему дѣлу“ въ Прикаспійскомъ краѣ. Однако, долгое время послѣ присоединенія къ Россіи, Баку не выходилъ изъ ряда самыхъ посредственныхъ уѣздныхъ городовъ. Кавказская война, отсутствіе дорогъ и откупная система, монополизировавшая производительность нефтяныхъ участковъ, тормазили развитіе. Оголенный отъ зелени, лишенный сносной воды, подверженный вѣтрамъ, городъ не привлекалъ къ себѣ и глазъ администраціи. Долгое время Баку оставался въ томъ видѣ, какимъ характеризоваль его въ 1806 еще году комендантъ Гурьевъ: „Народъ, мало имѣя способовъ къ упражненію, по большей части безъ дѣла; ежедневно улицы наполнены праздными и бѣдными людьми; небольшое пропитаніе многихъ зависить отъ торговли“. Управление Прикаспійскою областью сосредоточено было въ Шемахѣ до 1859 года, когда, послѣ вторичнаго сильнаго землетрясенія, губернскія присутственныя мѣста перенесены были въ Баку.

Бакинская бухта—это наиболѣе удобная стоянка для судовъ на всемъ Каспійскомъ морѣ. Глубина рейда 3½—5 сажень при пловатомъ грунтѣ. Судамъ приходится рѣдко бросать два якоря. Обширная площадь Бакинской бухты въ 50 кв. верстъ защищена съ сѣвера берегомъ залива, а съ юго-востока—островами Норгиномъ, Вульфомъ и Песчанымъ.

Въ старомъ городѣ, въ крѣпости, улицы узкія, грязныя и пропитанныя удушливымъ запахомъ. Съ какимъ удовольствіемъ спускаешься изъ старыхъ закоулковъ на морскую набережную, которая двухверстной каменной рамкой охватываетъ бакинскую гавань.

Съ южной стороны города выступаетъ Банловъ мысъ, на которомъ расположена слободка каспійской военной флотиліи; а на сѣверной темнѣетъ Черный городокъ, въ которомъ сосредоточены керосиновые заводы, получающіе сырой матеріалъ по нефтепроводамъ изъ Бала-ханэ и изъ Сура-ханэ. Бакинскія улицы хорошо вымощены и, конечно, отлично освѣщены.

Жалкія, сѣренькія деревья въ городскомъ скверѣ слятся выдержать борьбу съ зноемъ и безводьемъ. Отсутствіе зелени, всюду проникающій запахъ нефти, неподвижныя фзіономіи застывшихъ въ лавкахъ и магазинахъ восковыхъ фигуръ торговцевъ-персіянъ, завываніе докучливаго и настойчиваго въ этой мѣстности вѣтра, керосиновая мутная пленка на морской водѣ—все это дѣйствуетъ непріятно на пріѣзжаго. Хотѣлось бы скорѣе бѣжать изъ этой гигантской міровой керосиновой лабораторіи.

Однако, несмотря на нѣкоторую безотрадность, жизнь здѣсь бьетъ ключемъ. Въ гавани цѣлый городъ пароходовъ, баржъ и косовыхъ, звенятъ цѣпи, стучатъ подъемныя машины, тысячи рукъ заняты нагрузкой и разгрузкой товаровъ. Большинство экипажей на судахъ азербейджанцы (персы); на пароходахъ капитаны, шкипера, машинисты—шведы, финны и нѣмцы. На многихъ домахъ виднѣются, несвойственныя русскому губернскому городу, дощечки съ названіями торговыхъ и банкпирскихъ конторъ; а въ конторахъ этихъ дѣлаются обороты на сотни тысячъ, даже на милліоны.

Большой городъ требуетъ массу провизіи. Къ базарамъ тянутся группами, ежедневно, сотни навьюченныхъ пшаковъ. Иной татаринъ находитъ возможнымъ примоститься и самъ сзади вьюка; маленькое ушастое животное точно не чувствуетъ тяжести и, весело позванивая бубенчиками, сѣменить иноходью въ городъ. Везутъ продукты и въ арбахъ на громаднѣйшихъ колесахъ, позволяющихъ подвѣшивать боченки и другіе грузы къ дву этого экипажа.

На стотысячное населеніе Баку имѣется всего только одно мужское среднее учебное заведеніе—реальное училище. Мнѣ пришлось слышать жалобы нѣкоторыхъ родителей на отсутствіе въ ихъ городѣ классической гимназіи. Подобныя сожалѣнія несправедливы. Закавказскія учебныя заведенія чрезвычайно пестры по своему національному составу. Многіе изъ грузинъ, армянъ и татаръ, поступая въ школу, плохо владѣютъ русскимъ языкомъ; если ихъ посадить еще на латинскій и греческій языки, то можно себя представить, какія трудности придется преодолевать бѣднымъ дѣтямъ! Насколько въ нѣкоторыхъ школахъ слабо знаніе русскаго языка, явно свидѣтельствуютъ слова попечителя округа *): „Въ обзорѣ работъ по русскому языку учениковъ бакинскаго и пушкинскаго реальныхъ училищъ обращаетъ на себя вниманіи, какъ и въ предшествовавшіе годы, крайне низкій уровень грамотности этихъ учениковъ“.

Бакинское реальное училище, за исключеніемъ 1-ой Тифлисской гимназіи, самое многолюдное мужское учебное заведеніе округа: здѣсь воспитывается свыше пятисотъ человѣкъ.

*) Отчетъ за 1889 годъ, стр. 186.

Многимъ ли, по окончаніи курса, удастся попасть въ высшія техническія школы? Конечно,—нѣтъ. Приемы туда такъ ограничены, что трудно предположить противное. Да и желательно ли отрывать необезпеченное большинство отъ родного города, семьи и южнаго климата? Нельзя ли было бы здѣсь дать возможность молодымъ людямъ специализировать себя и потомъ найти тутъ же, въ Закавказьѣ, работу? Добыча нефти и обработка ея вызываютъ потребность въ людяхъ съ горнозаводскимъ образованіемъ. Не возможно ли устроить въ Баку, для оканчивающихъ шесть классовъ реального училища, специальную горную школу?

Нельзя не желать также, чтобы воспитанники, оканчивающіе курсы кавказскихъ учебныхъ заведеній, не брезгали мореходными классами, которые, кромѣ Баку, существуютъ еще въ Поті и Анапѣ. Заведенія эти на Кавказѣ еще новыя, открыты въ періодъ 1879—1881 годовъ и до сихъ поръ, видимо, не владѣли симпатіями молодежи, такъ какъ количество воспитанниковъ, при самомъ льготномъ приемѣ, во всѣхъ трехъ училищахъ вмѣстѣ не достигаетъ одной сотни. Положимъ, и средства этихъ училищъ совершенно ничтожны: общій бюджетъ не доходитъ и до семи тысячъ *).

Въ интересахъ развитія отечественнаго мореходства, надо желать расширенія дѣятельности этихъ классовъ, воспитанники которыхъ дали бы такъ необходимыхъ для нашихъ морей и рѣкъ русскихъ образованныхъ шкиперовъ.

Главное богатство Апшеронскаго полуострова—нефть—до отмѣны откупной системы вырабатывалась въ незначительномъ количествѣ.

Нефтеносныя земли то эксплуатировались казной, то отдавались на откупъ. Добыча матеріала была такъ незначительна, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ **), въ 1838 году, валовой доходъ выражался всего суммой въ 75.000 руб. Въ 1844 году въ Бала-ханѣ работали 85 колодцевъ и вычерпывали въ годъ 230.000 пуд. нефти ***). Лучшіе по добычѣ колодцы имѣли глубину 12—14 сажень. Въ какомъ загонѣ было нефтяное дѣло—можно судить по тому, что на промыслахъ не было даже буренія, а испрашившіеся для передѣлки колодцевъ по новому плану 14.000 руб. не были ассигнованы, какъ „трата слишкомъ для казны значительная“. Прежде нефтяные продукты собственно въ Россію почти не шли и распространялись лишь въ Закавказьѣ и Персіи. Въ одномъ изъ журналовъ ученаго комитета корпуса горныхъ инженеровъ (тридцатыхъ годовъ) приводятся такія данныя ****), которыя, говоря краснорѣчиво о ничтожности потребленія

*) Отчетъ г. попечителя, стр. 122.

**) Акты Кавк. арх. ком., т. IX, стр. 50.

***) Тамъ же, т. IX, стр. 649.

****) Акты Кавк. арх. ком., т. VIII, стр. 117—118.

и о громадности накладныхъ расходовъ, въ то же время показываютъ, насколько невѣрно было тогда представленіе о дѣйствительномъ богатствѣ нефтяныхъ источниковъ. Нефти бѣлой, въ тридцатыхъ годахъ, расходовалось въ Россіи около 1000 пуд. по цѣнѣ 30—35 коп. асс. за пудъ. „На Кавказѣ же,—значится въ журналѣ,—можно добыть въ годъ бѣлой перегонной нефти до 21.000 пуд. по средней цѣнѣ 70 к. за пудъ“.

Отмѣна откупной системы, 1-го января 1873 г., сразу сказала на возвышеніи добычи нефти. Казенные участки неприглядной на видъ земли скоро были раскуплены, а главнымъ образомъ розданы различнымъ лицамъ. Въ Сура-ханэ и Бала-ханэ, въ окрестностяхъ Баку, закипѣла работа: на голой мѣстности выросли оригинальныя пирамидальныя вышки. Изъ буровыхъ скважинъ полилась нефть ручейками, а иногда съ шумомъ выбрасывалась грандіозными фонтанами, затоплявшими всѣ громадныя земляныя резервуары. Нарѣзка участка въ пять десятинъ уже дѣлала человѣка сравнительно состоятельнымъ. Понятно будетъ, съ какою торопливостью бросились за полученіемъ вновь открывшихся богатствъ...

Еще въ 1868 году было выработано *) всего 220 тыс. пудовъ неудовлетворительнаго керосина, извѣстнаго тогда подъ именемъ фотогена; черезъ двадцать лѣтъ добыча нефти возросла до громадной цифры—двухсотъ милліоновъ пудовъ!

Несмотря на громадное количество получаемой изъ нѣдръ земли нефти, держится твердое убѣжденіе въ неистощимости ашшеронскихъ источниковъ. Скептики, однако, указываютъ на увеличивающуюся съ каждымъ годомъ глубину буровыхъ скважинъ, какъ на тревожный признакъ пониженія уровня минеральнаго масла. На это отвѣчаютъ, что нефтепромышленники бурятъ все глубже и глубже не вслѣдствіе недостатка нефти, а изъ желанія получить фонтанъ, который избавилъ бы ихъ отъ работы по вычерпыванію (тартанію) и въ непродолжительное время далъ бы массу матеріала.

(Столь желательныя фонтаны, однако, иногда, вырываясь съ удивительной силой, производятъ вокругъ погромъ и опустошеніе. 1-го августа 1887 года на участкѣ Бакинскаго горнаго товарищества ударилъ фонтанъ на пятьдесятъ сажень и выбрасывалъ первое время въ сутки не менѣе 500 тыс. пудовъ, т.-е. такое количество, которое въ откупной періодъ не извлекалось въ теченіе года. Грудами вылетѣвшаго съ нефтью песку засыпаны сосѣднія жилыя зданія, кочегарни и амбары. Въ теченіе тридцати пяти сутокъ на поверхность вылетѣло до 18 милліоновъ пудовъ нефти, которая, по неизмѣнно запасныхъ вмѣстимости, разливалась повсюду, и изъ всей массы воспользоваться пришлось лишь 4 милліонами пудовъ.

*) Н. Зейдлицъ, „Бакинская губернія“.

Этотъ случай послужилъ окончательнымъ доказательствомъ въ пользу неотложной постройки запасныхъ амбаровъ на миллионы пудовъ сырого матеріала. Такія сооружеія, дѣйствительно, теперь уже воздвигнуты всѣми крупными фирмами.

Въ настоящее время, въ обезпеченіе на будущее время, у министерства государственныхъ имуществъ имѣется значительный участокъ, около ста десятинъ въ Бала-ханэ и свыше 250 десятинъ на Биби-Эйбатской площади. На этомъ пространствѣ добыча нефти не производится, и эти нефтеносныя земли, въ случаѣ дѣйствительнаго истощенія современныхъ скважинъ, могутъ сослужить службу нефтяному дѣлу. Сюда также нужно прибавить значительную площадь нефтеносныхъ участковъ, вошедшихъ въ составъ крестьянскихъ надѣловъ на Апшеронскомъ полуостровѣ, гдѣ разработка нефти также запрещена.

Мнѣ помнится, съ какой насмѣшкой относились въ Петербургѣ къ кокоревскому „чираку“, выставленному въ 1873 году. Тогда съ недоувѣріемъ и пренебреженіемъ посматривали на эту „коптилку“. Прошло дватри года, и бакинскій керосинъ пошелъ въ гору, сбивая цѣну американскому и давая возможность освѣщать лампами не только города, но и деревни. Въ дѣлѣ развитія керосинового производства, безспорно, пальма первенства принадлежитъ шведу, „нефтяному королю“ Нобелю. Онъ умѣло поставилъ дѣло на широкую ногу, устроилъ заводы, пустилъ по Каспійскому морю и Волгѣ цѣлую нефтяную флотилію и удачно организовалъ сношенія съ потребителями. Фирмы Кокорева, Шибаева и мусульманина Тагіева стали также широко работать, но имъ, все-таки, было далеко до „нефтяного короля“. Теперь, какъ извѣстно, появился на театрѣ керосиновой войны Ротшильдъ и сразу занялъ первенствующее положеніе. Оборони насъ Богъ отъ такого иноплеменнаго вмѣшательства...

Десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ наша нефтяная промышленность боязливо прокладывала путь своимъ произведеніямъ на русскомъ рынкѣ, а теперь она уже конкурируетъ съ Америкой, хотя перевѣсъ все еще остается за послѣдней. Американской нефти ежегодно добывается до 400 миллионновъ пудовъ, а русской до 300 миллионновъ. По своему составу эти двѣ нефти рѣзко отличаются одна отъ другой *). Въ то время какъ изъ американской нефти можно получить до 70% керосина, изъ русской же добываютъ лишь 25%; остальные части нашей нефти равномерно распределяются между бензиномъ, мазутомъ, смазочными маслами и дегтемъ. Эти послѣдніе продукты по качествамъ выше соответствующихъ американскихъ.

*) Отчетъ и докладъ А. О. Семенова въ Моск. отд. И. Р. Т. О. („Моск. Вѣд.“, 1892, 236).

Бакинскіе заводы, слѣдую примѣру американцевъ, занялись выработкой керосина, заводы же внутренней Россіи обратили главное вниманіе на разработку смазочныхъ маселъ и сильно развили это дѣло: въ 1879 году вывезено во внутреннія губерніи изъ Баку мазута 6,7 милліоновъ пудовъ, а въ 1891 г.—около 90 милліоновъ.

Въ настоящее время бакинскіе заводы переживаютъ острый кризисъ. Вслѣдствіе переполненія рынка керосиномъ, цѣны на него упали до стоимости, въ которую онъ обходится самимъ производителямъ, даже ниже.

Въ Баку работаютъ около 100 заводовъ, изъ которыхъ до 80 принадлежатъ къ типу вполнѣ кустарныхъ. Кустари отгоняютъ только керосинъ. Матеріалъ получается у нихъ самаго низшаго качества и сбывается за низкую цѣну, но не въ убытокъ себѣ, такъ какъ обработка его обходится имъ очень дешево. Вспышка такого керосина не выше 28°C; онъ желтоватаго цвѣта, горитъ весьма плохо, образуя копоть и запахъ при плохихъ лампахъ.

Современное состояніе закавказскаго керосиноваго производства многіе находятъ еще незначительнымъ, въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, которое по богатству матеріала могутъ дать апшеронскіе источники. Распространеніе на Западъ нашего керосина они находятъ несоотвѣтствующимъ истинной въ немъ потребности. Увеличеніе заграничнаго вывоза въ широкихъ размѣрахъ обусловлено пониженіемъ цѣнности товара, что, по ихъ мнѣнію, можетъ быть достигнуто лишь устройствомъ нефтепровода отъ источниковъ къ отпускному порту, т.-е. изъ Баку въ Батумъ. Представителемъ группы жаждавшихъ постройки этой гигантской трубы явился извѣстный предприниматель г. Илимовъ *).

Пока въ кабинетахъ спеціалисты вырабатывали наиболѣе успѣшный способъ выкачиванія изъ Апшерона за границу нашей нефти, въ Баку выработка керосина становилась все крѣпче и крѣпче на ноги, учреждались новые очистительные заводы, химическія, механическія, бондарныя и другія мастерскія, находившія заработокъ отъ выработки освѣтительныхъ маселъ. Нефтяные остатки, въ видѣ смазочныхъ маселъ и топлива, начали кормить Каспій и Волгу.

На Закавказской дорогѣ съ каждымъ почти днемъ прибавлялись новые вагоны-цистерны, оживившіе линію настолько, что Сурамскій перевалъ нужно было замѣнить тоннелемъ. Осуществленіе нефтепровода грозило бы благосостоянію Баку, каспійскому и волжскому пароходствамъ, а также казенной Закавказской желѣзной дорогѣ **).

*) Нынѣ покойный.

***) „Кавказскій календарь“ 1893 г. Кутаисской губ., стр. 117.

Въ 1890 году отправлено въ Батумъ по желѣзной дорогѣ пять-

Многіе заводы и мастерскія придется, въ такомъ случаѣ, закрыть, пароходы лишатся громаднаго количества груза, нефтяныхъ остатковъ, и обѣднѣвшая желѣзная дорога ляжетъ бременемъ на государство.

Керосинопроводъ, избавляя отъ первыхъ двухъ лишеній, все-таки сдѣлался бы страшнымъ конкурентомъ рельсоваго пути.

Антреприза г. Илмова оказалась неудачной—ему не удалось собрать необходимые капиталы для постройки, цѣнность которой высчитываютъ въ 24¹/₂ милліона.

Впослѣдствіи г. Илмовъ, по слухамъ, подыскалъ англичанъ капиталистовъ; но правительство взглянуло на сооруженіе нефте- или керосинопровода, какъ на предпріятіе государственное, которое должно быть устроено на средства казны, а не частной компаніи.

Когда спросъ на нашъ керосинъ возрастетъ дѣйствительно настолько что устройство *керосинопровода* вознаградитъ казнѣ съ лихвой убытки по пониженію желѣзнодорожныхъ сборовъ, *то тогда, конечно, сооруженіе это надо приветствовать*. Въ теперешнемъ же положеніи, при затруднительности помѣщеніи 30—40 милліоновъ пудовъ вывоза, жертвовать участію бакинскаго района, каспійско-волжскаго пароходства и желѣзной дороги изъ-за сомнительной побѣды надъ производствомъ предпринимчивыхъ янки—крайне рискованно.

Третъ фабричнаго и заводскаго производства всего Кавказа приходится на долю Баку. Милліонные заработки привлекли массу рабочаго люда, привлекли предпринимателей и техникъ. Городъ растетъ съ небывалою до сихъ поръ въ Россіи скоростью. Къ крайнему прискорбію, нельзя не видѣть, что нефтяное дѣло не въ русскихъ рукахъ. Шведы, армяне, евреи, татары и персы—вотъ тотъ kaleidoscope національностей, которыя получаютъ главные барыши отъ нефтяныхъ операцій.

Въ настоящее время городъ богатствомъ и количествомъ населенія переросъ, кажется, Тифлисъ *). Отсутствие хорошей воды—самая слабая сто-

десять милліоновъ пудовъ нефтяныхъ продуктовъ. Дальнѣйшій вывозъ керосина производится или прямо наливомъ въ суда, а по большей части въ жестяныхъ пудовыхъ ящикахъ, помѣщаемыхъ попарно въ особые деревянные ящики. Выдѣлка ящиковъ занимаетъ тысячи рукъ и требуетъ цѣлыя горы матеріала. Въ Батумъ теперь привозятъ моремъ въ годъ около 1.500 тыс. пудовъ жести и до 3.000 тыс. пудовъ дерева. *Нельзя не обратить вниманія на то, что 2/3 лѣса идетъ изъ-за границы, изъ Австріи, при чемъ онъ обходится дешевле, чѣмъ кавказскій.*

*) По даннымъ, помѣщеннымъ въ „Кавказскомъ каландарѣ за 1893 годъ, въ Баку официально считалось 92 тыс., а въ Тифлисъ 77 тыс.: но тутъ же сдѣлана оговорка, что „по полицейск. свѣд. 1892 г.“, въ Тифлисъ—147 тыс. (?).

рона Баку. При громадныхъ средствахъ городу нечего останавливаться передъ расходами, и необходимо провести воду изъ ближайшихъ рѣкъ. Примеръ пыльной, безводной, негостеприимной Одессы до проложенія днѣстровскаго водопровода и теперешней, окутанной зелеными бульварами южной красавицы—у всѣхъ на глазахъ.

Расположенный вдали отъ болотъ, обвѣваемый усиленно вѣтрами, Баку, казалось, могъ бы быть обезпеченъ отъ лихорадокъ. Однако, ежегодно чуть не десятая часть населенія хвораетъ именно этою болѣзью. Отчасти это можно объяснить возвратной формой у тѣхъ лицъ, которыя ранѣе отравлены уже были малярійнымъ ядомъ; но главную причину такой болѣзненности, несомнѣнно, нужно искать въ неудовлетворительности санитарныхъ условій.

Бакинская вода солоновата и крайне неприятна на вкусъ. Пріѣзжіе не только брезгливо отворачиваются отъ сырой воды, но и чай можетъ пить лишь съ лимономъ или другою примѣсью. Осенью 1888 года подъ Баку стояла лагеремъ 21-ая пѣхотная дивизія. Несмотря на привычку къ кавказскому климату, ряды войскъ временно сильно порѣдѣли. Приписывали это губительному дѣйствію мѣстной воды. Дѣйствительно, когда стали доставлять по желѣзной дорогѣ воду изъ Куры, то болѣзни значительно сократились, и баталіоны могли представиться Государю въ полномъ—а не половинномъ составѣ.

Очень недавно въ Баку учреждена весенняя ярмарка; ожидали,—и не безъ основанія—громадныхъ оборотовъ на этомъ перепутьи Кавказа съ Персіей и Средней Азіей. Результаты пока не оправдали ожиданій. Кавказу какъ-то не везетъ съ ярмарками. Въ 1828 году, по представленію тифлискаго военнаго губернатора генер.-адъют. Сипягина, утверждена была покровская ярмарка въ Тифлисѣ *). Ярмарка существовала лишь по названію, и вскорѣ уже изслѣдователь края, г. Пельчинскій, обращая вниманіе на громадную торговую будущность Баку, совѣтовалъ перенести сюда изъ Тифлиса покровское торжище **). Прошло пятьдесятъ лѣтъ, предположеніе г. Пельчинскаго осуществилось, а сѣзда нѣтъ въ Баку, какъ не было его и въ Тифлисѣ.

Главная масса населенія Баку—таты (иранцы) и азербейджанскіе татары (тюркскаго племени). Долгое владычество персовъ положило отпечатокъ и на татаръ. Они сохранили языкъ; но вѣра, обычаи, костюмъ и даже прически—пробритое темя и локоны на вискахъ—у нихъ персидскіе. Азербейджанцы—шінты, населяютъ бо́льшую часть Бакинской губерніи. Замѣчательно, что азербейджанское нарѣчіе все больше и больше раздвигается

*) Акты Кавк. арх. ком. т. VII, стр. 125.

**) Акты Кавк. арх. ком., т. VII, стр. 187—188.

гаетъ свои рамки и, подвигаясь съ каждымъ годомъ на сѣверъ, захватываетъ Дагестанъ. Къ сожалѣнію, русскій языкъ, въ городскихъ поселеніяхъ, слышится лишь въ нѣсколькихъ раскольническихъ деревняхъ Ленкоранскаго уѣзда...

Кавказскія минеральныя воды *).

I.

Группы Сѣвернаго Кавказа.

Кавказскія минеральныя воды принято раздѣлять обыкновенно на четыре группы: Пятигорскъ, Ессентуки, Желѣзноводскъ и Кисловодскъ. Мы начнемъ наше описаніе съ Пятигорска, какъ административно-врачебнаго центра кавказскихъ водъ.

Отъ станціи „Минеральныя воды“ до Пятигорска, уѣзднаго города Терской области, всего около 20 верстъ, и если въ 1807 году, когда эту мѣстность посѣтилъ Клапротъ, здѣсь былъ всего одинъ плохо выстроенный домъ и всего одна ванна, грубо высѣченная въ туфяной скалѣ **), то въ настоящее время это хорошенькій, не русскаго вида живописный городокъ, примостившійся у подножія и по склонамъ горы Машука, на лѣвомъ берегу мутнаго Подкумка.

Вообще, наружный видъ города, изъ котораго открывается чудная панорама Кавказскаго снѣговаго хребта съ серебрянымъ Эльбурсомъ, близость красавца Бештау—все это дѣлаеть Пятигорскъ однимъ изъ крайне пріятныхъ и живописныхъ уголковъ земли русской, — уголковъ, которымъ восхпщалась отзывчивая на все истинно-прекрасное душа Лермонтова.

Городъ растетъ медленно, не съ тою сказочною быстротою, которая характеризуетъ ростъ американскихъ городовъ, но все же въ немъ считается уже до 17—19 тысячъ жителей, а въ разгаръ лѣтняго сезона вмѣстѣ съ пріѣзжими это число поднимается до 25 тысячъ человѣкъ.

Всѣхъ домовъ въ городѣ считается ***) до полутора тысячъ, такъ что, повидному, всѣ эти 25.000 обитателей могутъ размѣщаться весьма про-

*) Изъ книги В. В. Святловскаго „Родные курорты“.

**) Туфомъ называютъ слой известковыхъ солей, отложившихся изъ дѣйствовавшихъ раньше минеральныхъ ключей съ примѣсью органическихъ остатковъ. Въ бассейнахъ и въ трубахъ, по которымъ идутъ минеральныя воды, и въ настоящее время совершается отложеніе туфа. Вся горячая гора, на которой отчасти выстроился Пятигорскъ, состоитъ изъ наслоеній туфа.

***) Книга „Родные курорты“ издана въ 1896 г.

сторно и свободно (по 16 чел. на домъ); но если отбросить все отвратительныя постройки изъ саманнаго кирпича и турлучныя, то-есть стѣны которыхъ сложены изъ навоза, то общее число годныхъ для жизни домовъ упадетъ до 600, и такимъ образомъ на каждый домъ придется уже по 33 жильца, что, при маломъ вообще размѣрѣ пятигорскихъ домиковъ, нельзя не признать за крайнее переполненіе и скученность.

Дѣйствительно, знатоки дѣла свидѣтельствуютъ, что уже при съѣздѣ больныхъ, не превышающемъ 4.000 чел., чувствуется недостатокъ въ удобныхъ помѣщеніяхъ, при чемъ большинство квартиръ въ каменныхъ домахъ отличается сыростью. „Въ разгаръ лѣченія въ гостиницахъ трудно получить помѣщеніе, и нерѣдко приходится видѣть, что багажъ пріѣзжающихъ, до пріисканія квартиръ, складываютъ на улицѣ. Въ это время цѣны на помѣщенія возвышаются неимоверно; безцеремонность хозяевъ доходитъ до того, что васъ преспокойно просятъ или оставить квартиру, если вы не имѣете никакого письменнаго условія, или платить двойную цѣну. Жалобы на притѣсненія хозяевъ, къ сожалѣнію, остаются безъ всякихъ послѣдствій“.

Особенно плохо устроены дома, расположенные по берегу Подкумка въ балкѣ, въ такъ называемой Свпной и Кабардинской слободкахъ. А потому неудивительно, что холера, пощипавшая въ 1892 году почти все группы, всего серьезнѣе похозяйничала въ Пятигорскѣ.

Вообще, городъ Пятигорскъ не можетъ претендовать на репутацію здороваго города и, по вычисленіямъ проф. Богословскаго, ежегодная смертность здѣсь доходитъ до 30 человекъ на тысячу. Вычисленія эти, впрочемъ, проблематичны. Но для курорта — и даже для русскаго—этого, конечно, слишкомъ много!

Пятигорскъ лежитъ, какъ извѣстно, на одной широтѣ съ Генуей, но климатъ его, въ силу большаго поднятія надъ уровнемъ моря (1.680 футовъ) и близости отъ вѣчныхъ снѣговъ Кавказа, гораздо суровѣе генуэзскаго и подверженъ довольно рѣзкимъ колебаніямъ. Зимы нерѣдко здѣсь крайне суровы; зимой царствуютъ такіе же туманы, какъ въ Лондонѣ, а лѣто зачастую нестерпимо знойно, при чемъ температура способна доходить до 42° Ц.

Кромѣ того, лѣто нерѣдко сопровождается явленіемъ такъ называемаго сухого тумана или мглы, что такъ же непріятно, какъ и тучи известковой пыли, которыя носятся по всему городу и отравляютъ жизнь въ этомъ курортѣ (вѣтры здѣсь часты, а мостовыя плохи до невѣроятія). Въ общемъ, по новѣйшимъ наблюденіямъ, Пятигорскъ имѣетъ лѣто одинаковое по температурѣ съ лѣтомъ нашей Одессы.

Населеніе Пятигорска живетъ, подобно населенію минеральныхъ станицъ, спеціально за счетъ пріѣзжихъ, и потому время сезона можно упо-

добить пробужденію отъ зимней спячки, когда зампраетъ всякая дѣятельность и обыватель довольствуется жпромъ, снятымъ съ прѣзжаго больного. Описаніе пятигорскихъ достопримѣчательностей (передѣланный до неузнаваемости домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, гротъ его же, памятникъ ему же и пр.) и окрестностей не входитъ въ нашу программу, а относительно бальнеологическихъ приспособленій и лѣчебныхъ средствъ этой группы замѣтимъ, что эксплуатируемые здѣсь источники характеризуются содержаніемъ сѣроводорода и сѣрнистыхъ соединеній. Ихъ употребляютъ и внутрь, и снаружи, и по своему составу въ Европѣ къ нимъ ближе всего подходятъ знаменитыя Ахенскія минеральныя воды. Изъ окрестностей Пятигорска стоить указать *горько-соленое озеро Талбуканъ*, откуда добывается цѣлебная грязь, *колонию Карасъ* съ извѣстнымъ слабительнымъ источникомъ „Маріи Терезіи“, *Юцкій рудникъ*, снабжающій Пятигорскъ прѣсной водой, *Перкальскій* родникъ—мѣсто дуэли Лермонтова, *Большой провалъ*, *хуторъ б. Больдта* и пр.

Не останавливаясь на вопросѣ о томъ, какія условія гарантируютъ наиболѣе успѣшное развитіе кавказскихъ минеральныхъ водъ, замѣтимъ, что прежде всего населенные пункты, гдѣ расположены всѣ группы этихъ водъ, нуждаются въ чисто санитарныхъ, гигиеническихъ улучшеніяхъ.

Въ Пятигорскѣ, прежде всего, слѣдуетъ закрыть Кабардинскую и отчасти Свиную слободки, потому что онѣ до такой степени завалены нечистотами, навозомъ и всякою дрянью, что являются излюбленнымъ мѣстомъ распространенія всевозможныхъ заразныхъ эпидемій, и, конечно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія терпѣть присутствіе такихъ очаговъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ отъ лѣчебнаго курорта.

Съ проведеніемъ въ Пятигорскѣ прѣсной воды отъ подножія горы Юцы *) дѣло оздоровленія этого города несомнѣнно подвинулось впередъ; но мало еще провести воду въ городъ — необходимо обязать всѣ гостиницы, всѣ номера и квартиры, отдаваемые „курсовымъ“, устроить у себя водопроводы, ватеръ-клозеты, а то, кромѣ нѣсколькихъ гостиницъ, многіе дома въ Пятигорскѣ обходятся ужасными приспособленіями, замѣняющими отхожія мѣста. Во всемъ Пятигорскѣ до сихъ поръ не имѣется сколько-нибудь сносной бани (предположена постройка казенной бани), не говоря уже о купальнѣ съ прѣсной водой.

Вообще, городъ Пятигорскъ раздѣляетъ участь огромнаго большинства провинціальныхъ русскихъ городовъ: онъ скверно мощенъ, онъ очень пы-

*) Водопроводъ дастъ до 300.000 ведеръ прекрасной прѣсной воды (можетъ давать и больше). Вода проведена частью по закрытому бетонному каналу, частью по чугуннымъ трубамъ, которыя даютъ въ городѣ семиверстную сѣть.

лень, онъ не канализированъ, — въ немъ много улицъ и ббольшая часть домовъ не снабжены водопроводомъ, его отхожія мѣста способны внушать ужасъ всякому свѣжему человѣку, онъ плохо освѣщается, еще хуже полпвается, отличается крайнею дороговизною квартиръ во время сезона, не имѣеть пансіоновъ для помѣщенія посѣтителей водъ, не имѣеть ни порядочнаго театра, ни концертнаго зала, ни одной гостиницы, которую можно было бы поставить на одинъ уровень—не говорю, съ первоклассными—съ заграничными отелями.

Городъ не имѣеть не только постоянной больницы, но никакихъ приспособленій для помѣщенія заразныхъ больныхъ, для изоляціи ихъ, не имѣеть дезинфекціонной камеры даже самаго простѣйшаго устройства и тратитъ буквально жалкіе гроши на содержаніе себя въ чистотѣ и опрятности. Если для состоятельныхъ людей въ городѣ имѣется такъ мало удобствъ, то для бѣдняковъ, чернорабочихъ, поденщиковъ и пр. не сдѣлано ровно ничего въ облегченіе первыхъ потребностей ихъ жизни *).

И вотъ, въ этой неприглядной жизненной рамкѣ и приходится дѣйствовать и развертывать свои лѣчебныя средства пятигорской группѣ минеральныхъ водъ, — обстоятельство, которое совершенно не принимаютъ во вниманіе многіе критики здѣшнихъ порядковъ и которое мы особенно подчеркиваемъ, ибо имъ, этимъ общежительствомъ, всецѣло опредѣляются тѣ неудобства, которыми такъ недовольны посѣтители кавказскихъ водъ и которыя, очевидно, лежатъ внѣ предѣловъ компетенціи управленія водами.

Пятигорскій провалъ, прогулки на Юцу, на Перкалку, къ мѣсту, гдѣ убитъ былъ знаменитый поэтъ—все это не входитъ въ наше описаніе, все это можно найти во множествѣ расплодившихся путеводителей по водамъ. Поѣдемъ на другую группу.

Въ 15 верстахъ отъ Пятигорска расположена упомянутая нами выше Эссентукская станція.

Мѣстность здѣсь со всѣхъ сторонъ открытая, можно сказать, степная. Извѣстно, что эссентукскіе источники долгое время находились въ печальномъ положеніи, и лишь въ семидесятыхъ годахъ начались серьезныя работы по правильному каптажу источниковъ, началась осушка мѣстности, появились частныя гостиницы, и курортъ сталъ принимать болѣе устроенный видъ. На Эссентукской группѣ имѣются тройкаго сорта источники: во-первыхъ, желѣзисто-соляно-щелочные (коренные источники, грифоны), во-вторыхъ, соляно-щелочные смѣшаннаго типа (сюда относится знаменитый *семнадцатый номеръ*—сѣрно-кислый, желѣзисто-щелочный) и, въ-треть-

*) За послѣдніе годы неудобства эти устранены и есть уже *нѣсколько* прекрасныхъ больницъ, изъ коихъ лучшая—Краснаго Креста.

ихъ, сірно-щелочные. Первые два сорта служатъ для внутренняго употребленія, вторые—исключительно для ваннъ. Въ Эссентукахъ воздвигается нынѣ роскошное ванное зданіе на 30 кабинъ, изъ коихъ 12 предназначаются для грязевого лѣченія. Новое ванное зданіе (стоимостью 300 тыс. руб.) окончено постройкой лѣтомъ 1897 года. Съ 1892 года Эссентукская группа имѣетъ прѣсный водопроводъ изъ Капельнаго источника, но этой воды мало, и существуетъ проектъ снабдить группу водой изъ обильнаго Юцкаго родника, снабжающаго Пятигорскъ чудесной водой. Въ Эссентукахъ имѣется интересная фабрика, пзготовляющая превосходныя эссентукскія лепешки и соль.

Желѣзнодорожный путь, который связалъ нынѣ всѣ группы водъ между собой, конечно, подниметь значительно весь нашъ кавказскій курортъ, но, разумѣется, этотъ важный шагъ не исключаетъ необходимости и другихъ мѣръ.

Весьма вѣроятно, что, благодаря открытію между группами желѣзнодорожнаго сообщенія, значеніе нѣкоторыхъ группъ сильно пострадаетъ. Напримѣръ, нѣтъ ничего мудренаго, что Эссентуки со своими неинтересными окрестностями совершенно опустѣютъ. Дѣйствительно, не всякій станетъ жить въ Эссентукахъ, когда можно съ удобствомъ поселиться въ Кисловодскѣ, откуда ничто не мѣшаетъ за двугривенный, въ прекрасномъ вагонѣ, въ какіе-нибудь полчаса съѣздить въ Эссентуки и выпить стаканъ другой изъ его цѣлебныхъ источниковъ! То же самое можно предсказать и Желѣзноводску, если онъ не поспѣшитъ обзавестись хорошими квартирами. И теперь уже по праздникамъ всѣ группы совершенно пустѣютъ, и всѣхъ поѣздителей вбираетъ въ себя Кисловодскъ. На ночь поѣзда берутъ штурмомъ, и всѣ поѣздители перекочевываютъ въ Кисловодскъ.

Въ Кисловодскѣ, въ этомъ русскомъ Меранѣ, удобства для публики растутъ съ каждымъ годомъ, и въ какіе-либо 2—3 года этотъ курортъ ушелъ впередъ до неузнаваемости. Здѣсь теперь и электрическое освѣщеніе, и роскошный желѣзнодорожный курзалъ съ превосходнымъ рестораномъ и другими удобствами, и изобиліе ваннъ (старыя ванны и новое ванное зданіе въ честь А. Скальковскаго, быв. директора горнаго департамента), а главное—чудный горный климатъ.

Та часть желѣзнодорожнаго пути, которая идетъ между Эссентуками и Кисловодскомъ, особеннѣ живописна. Полотно дороги все время вьется вдоль быстрой каменистой рѣчки Подкумка въ красномъ горномъ ущельѣ, и поѣздъ подвозитъ путешественниковъ прямо къ Крестовой горѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ знаменитой тополевой аллеи, ведущей къ галлерей Нарзана. Несомнѣнно, что желѣзнодорожники, стремящіеся превратить Кисловодскъ въ кавказскій Павловскъ, пожнутъ хорошіе барыши и бу-

дутъ еще привѣтствованы вѣчною благодарностью публики. Но квартиры въ Кисловодскѣ пока отличаются крайнею дороговизною. Даромъ даютъ только Нарзанъ, да и тотъ послѣ новой обдѣлки не всемъ нравится.

За крошечную комнату деруть въ разгаръ сезона по пяти рублей въ сутки, фунтъ масла сливочнаго обходится около рубля, фунтъ плохой жесткой ветчины оплачивается отъ 65 коп. до одного рубля и даже за фунтъ дрянного мешчерскаго сыра взимаютъ полтинникъ.

Но что требуетъ настоятельной реформы, такъ это прогулочная часть. Она также примитивна и баснословно дорога. Всѣ прогулки на окрестныя горы (къ дальнему водопаду, къ Римъ-горѣ, на Сѣдло-гору, на Бермамутъ, на Кольцо-гору и т. д.) обходятся безумно дорого. Съ одного моего знакомаго, отправившагося въ знаменитый замокъ „Коварства и любви“, въ 3 верстахъ отъ Кисловодска, содрали за приборъ къ чаю на нѣсколько душъ чуть ли не три съ полтиной. Вообще всѣ прогулки изъ Кисловодска, можно сказать, совсѣмъ не разработаны и стоятъ огромныхъ денегъ.

Кисловодскъ, подобно немногимъ счастливымъ мѣстностямъ, въ родѣ Царскаго Села, никогда якобы не видалъ у себя холеры. Холерная эпидемія шестикратно посѣщала въ разное время кавказскія минеральныя воды и всякій разъ щадила Кисловодскъ. Но въ 1892 году и Кисловодскъ не былъ пощаженъ, хотя случаи холеры все же были здѣсь довольно малочисленны. Собравшаяся въ сезонъ 1892 года на водахъ публика отлично знала этотъ фактъ и почти вся перекочевала въ Кисловодскъ, оставивъ на другихъ группахъ лишь по нѣсколько десятковъ храбрецовъ, которые не боятся холеры. Впрочемъ, къ концу іюля изрядно опустѣлъ и Кисловодскъ, и на водахъ остались, главнымъ образомъ, армянскія физіономіи и бѣглецы изъ Ростова, Баку, Астрахани и тому подобныхъ злополучныхъ городовъ, гдѣ холера собирала обильную дань.

Прѣсный водопроводъ изъ Лермонтовскаго источника открытъ съ 1894 г. и это очень украсило Кисловодскъ. Водопроводъ даетъ около 120.000 ведеръ въ сутки и устроены, пополамъ, желѣзною дорогою и управленіемъ водъ.

Нарзанъ послѣ новаго каптажа даетъ 200 — 220 тысячъ ведеръ въ день, и потому неудивительно, что эта чудесная вода расходовалась здѣсь самымъ нелѣпнымъ образомъ. Нарзаномъ не только умывались, но еще недавно поливали уличную пыль, стирали въ немъ бѣлье, поили скотъ, и все еще много этого „богатыря“ (Нарзанъ — богатырскій источникъ) спускается прямо въ сосѣднюю рѣку.

Лошади такъ привыкаютъ къ Нарзану, что, попробовавъ его, отказываются пить другую воду. Лошадь одного моего здѣшняго пріятеля пьетъ только Нарзанъ, и когда ѣдетъ въ Пятигорскъ, то ни за какія деньги не

станеть пить тамошней воды, терпѣливо ожидаетъ возвращенія домой и здѣсь уже жадно набрасывается на живительную воду Нарзана.

Несомнѣнно, попади Нарзанъ не во власть широкой русской природы, его давнымъ-давно перестали бы расходовать такъ непроизводительно. Газированный собственнымъ газомъ, Нарзанъ составляетъ превосходный напитокъ, съ которымъ не сравнится никакая сельтерская вода, ни даже пресловутый и многорекламированный Гисгюблеръ. А между тѣмъ, кто въ Россіи пьетъ или даже знаетъ о существованіи этого напитка, рыночная цѣна котораго притомъ баснословно дорога, что-то около 10 руб. безъ доставки за ящикъ въ 60 небольшихъ бутылокъ *).

II.

*Боржомъ **).*

Въ Тифлисской губерніи, Горійскомъ уѣздѣ, въ такъ называемомъ Боржомскомъ ущельѣ, расположено *льстечко* Боржомъ, находящееся на высотѣ около трехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, въ 27¹/₂ верстахъ отъ станціи Михайлово, Закавказской желѣзной дороги, и въ 140 верстахъ отъ гор. Тифлиса.

Боржомъ, съ окружающими его великолѣпными хвойными лѣсами, принадлежалъ прежде роду князей Аваловыхъ, послѣ чего поступилъ въ казну,

*) За послѣднее время Нарзанъ, благодаря инициативѣ частныхъ предпринимателей, значительно распространяется въ Россіи, такъ что экспортъ его простирается уже отъ 2 до 3 милліоновъ бутылокъ въ годъ. Но что плохо и губительно дѣйствуетъ въ Кисловодскѣ—это его вода, проведенная отъ такъ называемой Термонтовской скалы и сильно способствующая развитію болѣзни *рака* въ пищеводѣ. Для лицъ, страдающихъ болѣзнию печени, Кисловодскъ положительно убійственъ. Здѣсь, въ послѣдніе годы (т.-е. съ проведеніемъ воды) замѣчается массовая заболѣваемость и смертность отъ рака въ пищеводѣ или въ печени: такъ, умерли извѣстный художникъ Ярошенко, Офросимовъ, кн. М. А. Дондуковъ-Корсаковъ и очень многіе другіе—все мѣстные домовладѣльцы, проживавшіе въ Кисловодскѣ по 6—8 мѣсяцевъ въ году. Отъ той же болѣзни, рака въ пищеводѣ, умеръ недавно мѣстный мировой судья Ф. Д. Романовичъ, прожившій въ Кисловодскѣ всего лишь одно лѣто. Сколько заболѣваетъ получаемую здѣсь болѣзнию рака курсовыхъ больныхъ и лицъ, пріѣзжающихъ сюда для дачной жизни, это, конечно, опредѣлить невозможно...

И. З.

***) Свѣдѣнія о Боржомѣ заимствуемъ изъ Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона. Источники: „Боржомъ, его минеральные источники и климатъ“ д-ра Выходцева, „Перль Кавказа“ Гр. Джаншиева и др.

И. З.

а въ 1871 году былъ Высочайше пожалованъ тогдашнему намѣстнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу. Боржомское имѣніе занимаетъ 69.881 десятину, изъ коихъ 50.008 дес. занято лѣсомъ. Живописное мѣстоположеніе среди глубокаго лѣснаго ущелья на берегу рѣки Куры, удобство сообщенія, здоровый климатъ и минеральные источники сдѣлали Боржомъ любимымъ и наиболѣе извѣстнымъ дачнымъ мѣстомъ въ Закавказьѣ, куда на лѣтнее жаркое время стекаются дачники и больные изъ Тифлиса, Кутаиса, Эривани и Баку. У самаго Боржома въ рѣку Куру справа впадаютъ двѣ рѣчки—Боржомка и Черная рѣчка; въ низовьяхъ этихъ рѣчекъ и по берегу р. Куры расположены четыре большихъ парка. Самый популярный изъ нихъ—„Паркъ минеральныхъ водъ“ — начинается отъ устья Боржомки и тянется въ узкомъ ущельѣ вверхъ по ея теченію; первыя три версты шоссеваны, далѣе же начинается дремучій лѣсъ, которымъ поросли отроги горъ. Могучая лѣсная растительность, причудливыя скалы, изящныя мостки черезъ быструю бурливую Боржомку дѣлаютъ этотъ паркъ однимъ изъ наиболѣе живописныхъ уголковъ Боржома. При входѣ въ паркъ находится зданіе минеральныхъ ваннъ Екатерининскаго источника, заканчивающееся длинной галлереей, гдѣ помѣщается и самый источникъ. Съ правой стороны отъ входа въ паркъ, на островѣ, образовавшемся въ руслѣ Боржомки, находится второй Евгеніевскій минеральный источникъ, возлѣ котораго помѣщается ванное зданіе въ русскомъ стилѣ.

На колоссальной каменной глыбѣ, омываемой Боржомкой, Курой и Черной рѣчкой, расположенъ другой паркъ, футовъ на 500 выше перваго—Воронцовскій. Этотъ паркъ поросъ хвойнымъ лѣсомъ и представляетъ любимое мѣсто прогулокъ слабогрудыхъ, благодаря ароматному, смолисту горному воздуху. Изъ этого парка открывается великолѣпная панорама на Боржомъ.

Третій паркъ Боржомскаго имѣнія — Реммертовскій, расположенъ на берегу Куры, распланированъ сравнительно недавно и напоминаетъ европейскіе парки, по обилію разнообразныхъ древесныхъ породъ.

По ту сторону рѣки Куры, на лѣвомъ ея берегу, находится паркъ и дворецъ великаго князя Михаила Николаевича. Паркъ этотъ не представляетъ ничего особеннаго, но двухъэтажный дворецъ въ мавританскомъ стилѣ очень красивъ.

Кромѣ этихъ ближайшихъ мѣстъ прогулки, въ окрестностяхъ Боржома есть много живописныхъ и интересныхъ мѣстъ, куда совершаются поѣздки въ экипажахъ, арбахъ и верхомъ. Изъ такихъ мѣстъ можно упомянуть мѣстечко Цагверо, въ 15 верстахъ отъ Боржома, съ знаменитымъ желѣзнымъ источникомъ; мѣстечко Тимотиусубани съ развалинами древней церкви, въ 18 верстахъ отъ Боржома; Табицхурское озеро и мн. др.

Климать въ Боржомѣ мягкій и представляетъ всѣ данныя для климатолѣчебной станціи. Средняя температура по Цельсію + 10,4, зима + 2°, весна + 9, лѣто + 20 и осень + 11. Въ маѣ погода бываетъ совсѣмъ лѣтняя: въ это время цвѣтеніе фруктовыхъ деревьевъ уже оканчивается, и созрѣваютъ ягоды. Лучшее время въ Боржомѣ—съ начала сентября до конца октября: теплый, но не жаркій воздухъ, довольно постоянная погода и очаровательный видъ на склоны горъ, покрытые растительностью всѣхъ цвѣтовъ—отъ краснаго до ярко-зеленаго — дѣлають пребываніе въ это время въ Боржомѣ очень пріятнымъ.

Боржомскія минеральныя воды получаютъ изъ двухъ соляно-щелочныхъ источниковъ—Екатерининскаго и Евгеніевскаго. По составу Екатерининскій источникъ имѣетъ сходство съ источникомъ Виши—Grande-Grille, а Евгеніевскій—съ силезскимъ источникомъ Obersalzbrunnen. Воды устроены хорошо; имѣются электрическія ванны и хвойно-минеральныя. Лѣчебный сезонъ въ Боржомѣ наступаетъ съ 1-го іюня и оканчивается 10-го сентября. Дачи для пріѣзжающихъ больныхъ устроены хорошо, но довольно дороги. Имѣется также и нѣсколько гостиниць. Связаніе со станціей Михайлово очень удобно: срочные omnibusы ходятъ съ 1-го мая по 1-ое октября ежедневно; за мѣсто внутри omnibуса платится 1 р. 38 коп., за наружное мѣсто—половину. На станціи къ услугамъ пріѣзжихъ гостей имѣются также различныя экипажи и коляски.

III.

Абастуманъ.

Абастуманъ, расположенный въ сѣверо-западномъ углу Ахалцыхскаго уѣзда Тифлисскаго губерніи, получилъ въ послѣднее время грустную извѣстность—тамъ жилъ и неожиданно скончался Наслѣдникъ Цесаревичъ Георгій Александровичъ, пользовавшійся его прекраснымъ горнымъ воздухомъ, напоеннымъ здоровыми, для грудныхъ больныхъ, ароматами хвойныхъ лѣсовъ, въ пзобилии растущихъ въ ущельяхъ горъ этой первоклассной климатической станціи. Абастуманъ лежитъ въ самомъ центрѣ кавказскихъ горъ, между горными хребтами Большого и Малаго Кавказа.

„Въ группѣ минеральныхъ водъ Закавказья (говоритъ докторъ Кадкинъ въ своей книгѣ „Абастуманъ, какъ климатическая станція для грудныхъ больныхъ“), не менѣе богатой по разнообразію источниковъ, чѣмъ группа водъ Сѣвернаго Кавказа, первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ Абастуману и расположеннымъ недалеко отъ него источникамъ“... Но книга г. Кадкина издана была еще въ 1887 году, т.-е. четырнадцать лѣтъ назадъ.

За это время много воды утекло, и самая даже видимость Абастумана изменилась во многом, и много новых книг издано об этой замечательной климатической станции на Кавказе... Из этих книг представляется интересною изданная три года назад, в 1898 г., книга профессора П. И. Ковалевского „Абастуман“, составленная очень тщательно и представляющая собою серьезный и, в то же время, чрезвычайно интересный популярно-научный труд, из которого мы заимствуем необходимые сведения:

Абастуман — говорит г. Ковалевский — можно разделить на три части. Первая от военной стоянки по гостиницу Минеральных вод; — вторая от данного пункта по дворец Наследника Цесаревича, и третья — Великокняжеские дворцы. Все эти части одинаково изящны и привлекательны.

Ущелье такой ширины, что вмещает в себя Абастуманку, шоссе и по обе стороны ряд дач. В некоторых местах ущелье суживается настолько, что может поместиться только один ряд дач. Первым поселением при въезде в ущелье является военная стоянка. В этом месте, налево от дороги, подымается горная площадка, саженей 8—10 выше дороги. Направо военный госпиталь, окруженный со всех сторон зеленью. Сзади — зелень двустенных лесов; спереди и по бокам — искусственно насажденная. Последняя еще молода, но немного пройдет времени, как госпиталя за зеленью не будет видно. Еще дальше едва заметно какое-то очень большое здание в два этажа, с часами и вышкой. Но, несмотря на его величину, оно совершенно залито зеленью. Это водолечебница, а зелень — Реммертовский парк. Искусственная зелень слилась с зеленью лесов и теперь, пожалуй, не положишь грани между первой и второю. Налево от водолечебницы, скала, а на скале метеорологический павильон. В этом месте ущелье как бы ограждено поперечною скалою, очень суживающею ущелье.

Существует предание, что когда-то Абастуманка текла в самом узком месте данного ущелья. Владыкам туркам было это неудобно. Они прорубили скалу и дали Абастуманке другое направление. Но вот явился создатель Абастумана, доктор Реммерт; прорубив ущелье левее, отвел туда Абастуманку, а на прежнем русле ее устроил мировую водолечебницу — благо русло каменное, и никто не станет кричать, что водолечебница стоит на сыром месте.

Необыкновенно красиво это место, созданное рукою человека: грандиозное здание водолечебницы, прекрасная зелень Реммертовского парка и слева голая отвесная скала. Но этого мало. По эту сторону скалы, в новых каменных воротах, у самой шоссе и дороги, проведена Абастуманка, которая именно здесь делает водопад, саженей 4 высоты. Над

водопадомъ перекинуть черезъ Абастуманку изящный мостикъ. Какъ мостикъ, такъ и водопадъ названы Реммертовскими.

Все это мѣстечко представляетъ прекрасное сочетаніе дивныхъ даровъ природы и человѣческаго генія. Вотъ тебѣ и Азія! Побольше бы въ Европѣ такихъ парковъ, водопадовъ и особенно водолюбчицъ...

Миновавъ скалу, вы вѣзжаете въ самый Абастуманъ. На первомъ планѣ насаженный др. Гопадзе бульваръ. Онъ еще молодъ, но скоро обѣщаетъ быть прекрасною защитою отъ солнца. Дальше идутъ гостиницы, между которыми первое мѣсто занимаетъ Минеральная гостиница. Дальше идутъ дачи. Всѣ дачи маленькія, чистыя, изящныя и очень красиво огороженныя. Это уже вторая часть Абастумана. Здѣсь дачи идутъ въ два ряда. Посрединѣ площадки течетъ Абастуманка, по обѣимъ сторонамъ шоссеиная дорога, а сзади лѣсъ. Въ дальнѣйшемъ посрединѣ, по Абастуманкѣ, разрастаются деревья, образующія рощи. Такихъ рощъ двѣ: первая и вторая. Въ рощахъ скамейки и ресторанчики, а по утрамъ и вечерамъ играетъ военный оркестръ. Берега Абастуманки здѣсь не взяты въ набережную, но довольно круты. По правой сторонѣ ущелья, въ одномъ мѣстѣ, строится православный храмъ на пожертвованія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Третья часть ущелья—дворцы: покойнаго Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Михайловича. Противъ дворца Наслѣдника—маленькій звѣринецъ, въ которомъ сквозь сѣтку видны олени, козули и другія изящныя животныя. Живописность мѣстности дворцовъ вполне гармонируетъ съ изяществомъ ихъ устройства и красотою обстановки.

Этимъ ущелье не заканчивается. Оно идетъ дальше и оканчивается только на шестой верстѣ. Передъ самымъ ущельемъ стоитъ горная возвышенность—Зекарскій переваль, стоящій надъ ущельемъ на 4—5 т. ф. выше. Направо отъ него идетъ Баратхевское ущелье, налѣво Орпирское ущелье. Въ томъ и другомъ протекають горныя ручьи, которые, соединяясь въ данномъ мѣстѣ, образуютъ одну рѣку—Абастуманку.

Шоссе по всему Абастуману въ необыкновенной чистотѣ. Набережная Абастуманки, равно и сама рѣчка, точно также содержатся въ чистотѣ и опрятности. Заборы дворовъ всюду изъ проволоки или рѣшетчатые, почему всѣ дворы у насъ на глазахъ. Переднія части дворовъ всюду—цвѣтники; заднія упирають въ гору ущелья, каменисты и потому всюду чисты. Очистка—вывозной системы. По всему ущелью горный лѣсъ спускается въ самые дворы. Кромѣ зелени лѣсовъ, на всѣхъ дачахъ насажены деревья. Въ общемъ, получается нѣчто фееричное. Невольно является мысль, что все это поселеніе—владѣніе одного владѣльца, который устроилъ все гармонически и содержитъ въ страхѣ и послушаніи. Почва Абастумана снизу

каменная, сверху—значительный слой гравія, почему всѣ дождевыя воды очень быстро всасываются, и на улицѣ нѣтъ ни лужъ, ни грязи,—послѣ самага сильнаго дождя вы можете немедленно, безъ калошъ, выходить гулять. Поэтому же, отчасти, въ Абастуманѣ не чувствуется сырости и никогда не бываетъ лихорадки. Напротивъ, сюда, совершенно основательно, ѣдутъ лѣчиться отъ лихорадокъ.

Абастуманъ—вполнѣ европейскій курортъ и во всякомъ случаѣ первоклассный русскій курортъ.

Въ Абастуманѣ вы найдете гостиницы вполнѣ чистыя и опрятныя, по цѣнамъ не дороже, чѣмъ въ любомъ изъ русскихъ курортовъ. Накормятъ васъ ничуть не хуже, чѣмъ въ Кисловодскѣ и другихъ мѣстахъ. Магазины, лавки, базаръ—все это, какъ и всюду, и не дороже другихъ мѣстъ; имѣется аптека, почта, телеграфъ и проч. Несмотря на то, что весь Абастуманъ въ лѣсу и, кромѣ лѣса, больше ничего не видно—постройки въ Абастуманѣ каменные.

Въ настоящее время Абастуманъ является въ строительномъ отношеніи уже законченнымъ. Его дачи всегда заняты, его гостиницы всегда полны. Абастуманъ нуждается въ расширеніи. Не диво видѣть, когда коляска съ пассажирами поѣздитъ-поѣздитъ, да и уѣдетъ обратно въ Ахалцыхъ. Это такъ во время сезона, т.-е. лѣтомъ, хотя данное выраженіе неправильно. Сезонъ для Абастумана—лѣто, осень и зима. Трудно даже сказать, что лучше. Зимы Абастумана столь тихи, столь свѣтлы, столь теплы, что не имѣютъ себѣ подобныхъ на земномъ шарѣ. Абастуманскія зданія почти всѣ съ печами и приспособлены къ зимѣ, поэтому можно удивляться, что Абастуманъ до сихъ поръ не сдѣлался модною зимнею станціей для грудныхъ и нервныхъ больныхъ. Гостиницы зимою открыты, необходимые для жизни магазины существуютъ, опытный и образованный врачъ остается всю зиму. Правда, уже и теперь нѣкоторые больные остаются на всю зиму, но ихъ слишкомъ еще мало.

Что касается состоянія временъ года въ Абастуманѣ, то д-ръ Кадкинъ опредѣляетъ ихъ такъ: „Зимы здѣсь довольно суровы, въ особенности въ открытыхъ мѣстахъ и на возвышенностяхъ, гдѣ холодный, рѣзкій вѣтеръ сильно понижаетъ температуру и увеличиваетъ суровость зимы; въ самомъ ущельи, влѣдствіе защиты отъ вѣтровъ, которыхъ зимою здѣсь притомъ же немного, эта суровость не такъ чувствительна. Снѣгъ начинаетъ падать чаще всего съ ноября; въ этомъ мѣсяцѣ ночной холодъ еще продолжаетъ смѣняться дневнымъ тепломъ, и снѣгъ по большей части скоро таетъ; снѣжная пора и санный путь устанавливаются только съ половинны декабря. На высотахъ, окружающихъ Абастуманъ, въ предѣлахъ горныхъ луговъ, первый снѣгъ выпадаетъ иногда въ концѣ августа; въ концѣ сен-

тибря вершины Ортодага и Дидмагала (на Зекарскомъ перевалѣ) уже постоянно покрыты снѣгомъ и рѣзко бросаются въ глаза при вѣздѣ въ Абастуманское ущелье. Зима продолжается до апрѣля, во второй половинѣ котораго, а иногда въ началѣ мая, начинаютъ распускаться листья. Снѣжная зима теплымъ временемъ года идетъ неравномѣрно на всѣхъ пунктахъ мѣстности: на высокихъ горныхъ возвышенностяхъ снѣгъ лежитъ еще долго послѣ того, какъ въ нижележащихъ мѣстахъ и въ самомъ ущельѣ давно уже наступила весна и даже лѣто. Лѣто на высотахъ, въ предѣлахъ горныхъ луговъ, обыкновенно весьма прохладное, особенно въ ненастные дни; въ ущельяхъ и въ низовьяхъ, а также и въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтровъ, сильнаго пониженія температуры не бываетъ, но и тамъ лѣтняя пора никогда не сопровождается такими палящими жарами, какія нерѣдко испытываются даже жителями сосѣдней, довольно возвышенной, нагорной плоскости, какъ Ахалцыхъ“.

Особенно хвалебно отзывается д-ръ Скоровъ объ абастуманскихъ лунныхъ ночахъ: „Трудно представить себѣ что-нибудь волшебнѣе, упоительнѣе абастуманскихъ ночей, особливо при фантастическомъ лунномъ освѣщеніи, и этихъ мягкихъ, тихихъ, дышащихъ бальзамическимъ ароматомъ, живительныхъ утреннихъ часовъ, до появленія изъ-за горъ солнца. Прогулки въ это время—истинное наслажденіе и чрезвычайно полезны для больныхъ“.

Растительность Абастуманскихъ горъ состоитъ изъ слѣдующихъ лѣсныхъ породъ: сосна, ель, пихта, дубъ, осина, береза, ольха, кленъ, рябина, грабъ, черемуха, груша, яблоня, липа, яворъ и ясень; кромѣ того, въ изобиліи кустарниковыя растенія: кизильникъ, смородина, рододендронъ, черника, шиповникъ, калина, ежевика, крыжовникъ, дафна, можжевельникъ, жимолость, малина, барбарисъ, озалия и проч.

Вблизи, въ Ахалцыхской и Ацхурской долинѣ,—прекрасные сады съ дивными сортами яблонь и грушъ; кромѣ того, прекрасные фрукты доставляются изъ Кутаиса черезъ Зекарскій переваль.

Излюбленными мѣстами для прогулокъ болѣе продолжительныхъ и пикниковъ, считаются „ворота очарованія“ и „Зекарскій переваль“. По вѣздѣ изъ Абастуманскаго ущелья на сѣверъ, налѣво находится Орпирское ущелье съ шумною горною рѣчкой. Это ущелье очень красиво само по себѣ, но особенно въ одномъ мѣстѣ, гдѣ образующій его горный хребетъ представляетъ узкую трещину въ видѣ воротъ. Въ этой трещинѣ входныя и выходныя ворота—первыя и вторыя „ворота очарованія“. Это отвѣсныя скалы, съ свободнымъ промежуткомъ въ 1—2 саж. На днѣ ущелья мчится горная рѣчка. Въ проходѣ ущелья надъ рѣчкой подожень деревянный помостъ. На высочайшихъ отвѣсныхъ скалахъ держатся очень объ-

емистыя деревья. Богъ ихъ знаетъ, какъ они держатся и чѣмъ питаются. Вотъ уже по-истинѣ содержатся милостію Божіею! Въ ту и другую сторону „воротъ очарованія“—дивныя виды на лѣсныя долины. На правой сторонѣ воротъ вверху имѣется большая мраморная доска, увѣковѣчивающая посѣщеніе ущелья Ея Императорскимъ Величествомъ Государыней Маріей Θεодоровной,—а слѣва, пониже, небольшая мраморная доска въ память посѣщенія ущелья профессоромъ Вирховымъ.

Еще красивѣй и еще изящнѣй Зекарскій переваль. Этотъ переваль ведетъ изъ Ахалцыхскаго плоскогорья, черезъ Абастуманское ущелье, въ Ріонскую долину и составляетъ одно изъ низкихъ мѣстъ Аджаро-Имеретинскаго хребта. Подъемъ начинается на пятой верстѣ отъ Абастумана, въ томъ мѣстѣ, гдѣ налѣво начинается Орпирское ущелье. Высоты Зекарскаго перевала, Дидмагалъ и Ортодагъ, стоятъ надъ уровнемъ Абастумана на 4—5 т. ф., самый переваль—на 4 т. ф. Дорога на переваль прекрасная, шоссеиная, ѣдешь чуднымъ лѣсомъ, откуда въ сторону видно море зеленаго лѣса. Отдѣльныя зеленыя горы—гигантскія волны безбрежнаго лѣснаго океана. По одну сторону дороги отвѣсныя стѣны горъ, покрытыя вѣковымъ лѣсомъ, по другую сторону—многосаженныя пропасти, также заполненныя мощнымъ лѣсомъ. Какъ эти деревья держатся—одниъ Богъ вѣдаетъ. Близъ вершины перевала лѣсъ прекращается, и начинается открытое пространство, покрытое сочною зеленою травою. Масса цвѣтовъ украшаетъ этотъ зеленый коверъ. Цвѣты этихъ растеній отличаются необыкновенною яркостью и величиною, но зато почти лишены запаха. Не доѣзжая площадки, направо, высятся стоянка, для охраны проѣзжихъ. Но вотъ вы взобрались на верхушку. Это главный пунктъ вашего путешествія. Обыкновенно, сюда пріѣзжаютъ смотрѣть восходъ солнца, дабы въ его лучахъ увидѣть снѣжный горный хребетъ.

Историческій очеркъ абастуманскихъ водъ очень не великъ. Говорятъ, что воины Александра Македонскаго купались въ Богатырскомъ источникѣ и были здравы. Исторія Грузинъ тоже свидѣтельствуетъ, что абастуманскіе источники были въ большомъ почетѣ у грузинъ. Наконецъ, царевичъ Вакухта передаетъ, что во время Армянскаго царства источники Абастумана пользовались славою.

Все это только преданія. Но, однако, несомнѣнно, что абастуманскія воды были въ большой цѣнѣ у древнихъ народовъ: при входѣ въ Абастуманское ущелье и въ самомъ ущельѣ мы имѣемъ множество замковъ и башенъ. Ихъ приписывали царицѣ Тamarѣ. Если это такъ, то значить она очень дорожила абастуманскими водами; если же не она строила замки, то дорожилъ тотъ, кто ихъ строилъ, ибо въ Абастуманскомъ ущельѣ нѣтъ ничего больше, кромѣ минеральныхъ водъ; для земледѣлія ущелье непри-

годно, да и неприкосновенность дѣвственнаго лѣса говорить тоже въ пользу этого мнѣнія.

Но вотъ наступило владычество турокъ. Турки любятъ бани и купанья. Можно думать, что и абастуманскія воды не ушли отъ ихъ вниманія. Говорятъ, что абастуманскія „Термоплы“ въ скалѣ за источниками прорублены были турками.

Въ 1829 г. абастуманскія воды перешли въ вѣдѣніе Россіи. Самыя древнія свѣдѣнія объ абастуманскихъ водахъ въ рукахъ русскихъ принадлежатъ д-ру Сковрову.

Въ 1869 г. воды перешли въ гражданское вѣдомство, и во главѣ дѣла сталъ д-ръ А. А. Реммертъ. Нужно отдать должное: д-ръ Реммертъ блестяще исполнилъ возложенное на него весьма серьезное порученіе. Д-ръ Реммертъ увидѣлъ въ Абастуманѣ большее, чѣмъ его предшественники. Въ его глазахъ Абастуманъ былъ не только бальнеологической курортъ, но и климатической, или, точнѣе, не столько бальнеологической, сколько климатической, при чемъ онъ воспользовался обиліемъ воды и прибавилъ къ этому гидротерапевтическую часть.

Благодаря дѣятельности д-ра Реммерта и неусыпной энергіи его талантливыхъ преемниковъ, нынѣ Абастуманъ является первокласснымъ климатическимъ и гидротерапевтическимъ европейскимъ курортомъ. Если Абастуманъ теперь имѣетъ еще недостатки, то только въ силу ничтожности отпускаемыхъ на него средствъ. Было бы весьма желательно, чтобы и эти недостатки, какъ канализація, курзалъ, парки, желѣзная дорога, электрической трамвай и проч., были поскорѣе устранены.

Винодѣліе на Кавказѣ *).

Должна рѣчки Ріона (въ древности *Фазисъ*, *Колхида*), входящая въ составъ нынѣшней Кутаисской губерніи, по своему чрезвычайно мягкому климату, зависящему отъ близости Чернаго моря, занимаетъ первенствующее мѣсто по количеству и качеству виноградниковъ на Кавказѣ. Сила растительности въ долинѣ Ріона такъ велика и могуча, что, за исключеніемъ Бразиліи, едва ли найдется на земномъ шарѣ другая такая же счастливая страна. Здѣсь, какъ бы нарочно, сочетались *всѣ* условія, благопріятныя для произрастанія винограда: близость Чернаго моря, въ изобиліи посылающаго въ долину Ріона свои испаренія, быстрые и силь-

*) Извлеченіе изъ книжки о винодѣліи на Кавказѣ г. П. В. Дзюбенко.

ные дожди, столь же быстро смѣняемые палящими лучами южнаго солнца, и, наконецъ, высота около 4.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Не даромъ еще греки, за десять или болѣе вѣковъ до Р. Х., посѣщали эту страну съ колонизаторскими цѣлями, а позже мы видимъ не только по берегамъ Чернаго моря, но и глубоко внутри страны ихъ факторіи,—и вліяніе здѣсь грековъ замѣтно еще во многомъ и до сихъ поръ. О сношеніяхъ послѣднихъ съ обитателями Колхиды и съ жителями нынѣшняго сухумскаго побережья упоминаютъ Геродотъ и Страбонъ, а въ нѣкоторыхъ описаніяхъ древнегреческихъ пиршествъ упоминается о сортахъ винъ отдаленной Колхиды.

Кутанская губернія заключаетъ въ себѣ Аджарію, Гурію, Мингрелію, Рачу, Лечхумъ и Имеретію (мѣстныя дѣленія) и имѣетъ площадь виноградниковъ, равняющуюся 38.000 десятинамъ, т.-е. $\frac{2}{5}$ всей виноградной площади Кавказскаго края; но цифра эта подвержена ежегодному колебанію, такъ какъ по всей губерніи крестьяне усиленно занимаются увеличеніемъ площади „венахи“ (виноградниковъ), которые приносятъ втрое большій доходъ, несмотря на примитивный способъ обработки, нежели подобное же поле, засѣянное хлопчатникомъ. Можно съ увѣренностью сказать, что во всемъ Закавказьѣ первенство увеличенія площади виноградниковъ принадлежитъ Кутанской губерніи, гдѣ ежегодный приростъ надо считать въ 7⁰/₀ всей площади; цифровыя же данныя, добытыя официальнымъ путемъ, слишкомъ уменьшены, такъ что почти нельзя ошибиться, если сказать, что площадь равна не 38.000, а 45.000 десятинамъ, съ среднею добычей не въ 3.000.000, а въ 3.550.000 ведеръ вина.

Во всей Кутанской губерніи существуетъ мелкій видъ землевладѣнія, а это ведетъ къ равномерному распредѣленію какъ труда, такъ равно и доходностей; поэтому въ краѣ пока нѣтъ сельскаго пролетаріата: каждый крестьянинъ, исключая слишкомъ горныхъ частей, имѣетъ если не полную кцеву (900 кв. сажень), то $\frac{1}{2}$ кцевы виноградника, который даетъ ему 30—50 кувшиновъ вина, вполне годнаго для продажи; для домашняго же потребленія имѣются общіе въ деревнѣ, иногда и отдѣльные *маглари* (виноградникъ, пущенный на деревья). Такихъ маглари особенно много въ низменныхъ частяхъ, гдѣ земель, годныхъ для культуры, больше, нежели въ мѣстахъ горныхъ. Земли въ губерніи дороги и не вездѣ годятся подъ виноградники; лучшими считаются восточныя части Кутанскаго и западныя, холмистыя части Шаропанскаго уѣздовъ, гдѣ кцева пахоти цѣнится отъ 200 до 500 рублей, т.-е. десятинна отъ 540—1.200 рублей, тогда какъ виноградники стоятъ въ три-четыре раза дороже: отъ 2.000 до 3.000 рублей; *маглари* же продаются немного дороже хорошихъ пахотей. Сборъ винограда опредѣляется каждымъ хозяиномъ согласно его собственнымъ на этотъ предметъ воззрѣніи и начинается съ половины или съ конца сентября, — сборъ

слишкомъ ранній, если не сказать—безразсудный; впрочемъ, въ послѣдніе оды крестьяне, поприслушавшись къ требованіямъ тифлисскихъ и другихъ торговцевъ, начали производить сборъ въ концѣ сентября или же въ октябрѣ. Есть нѣкоторые помѣщики, собирающіе въ ноябрѣ. И какое восхитительное вино получается имъ! Однако, еще слишкомъ много времени пройдетъ, прежде нежели установится у всѣхъ виноградарей тотъ же взглядъ. Подъ виноградникъ берутъ всегда новый участокъ, который тщательно выкорчевывается, запахивается и съ ранней весны вплоть до конца мая, смотря по мѣстности, засаживается въ глубину до 6 вершковъ черенками-отводками, или же прямо чубуками безъ корней. Послѣдній способъ болѣе распространенный и вмѣстѣ экономическій, хотя подобнаго рода посадка не даетъ сбора на третій годъ, а лишь на четвертый, полный же урожай получается только на пятомъ году, тогда какъ черенки-отводки даютъ малый урожай уже на второй годъ. Кромѣ того, послѣдній способъ требуетъ тотчасъ же большихъ затратъ на лучшее разрыхленіе, колья и пр., чего крестьянинъ всегда избѣгаетъ. При взглядѣ на виноградникъ не видишь правильности рядовъ и систематичности. Сорты туземные уже повыводились, держатся только болѣе грубые, да хорошо привились тѣ сорта лозъ, которые занесены въ Ріонскую долину изъ Кахетіи. Доказательствомъ служатъ Мингрелія, гдѣ на виноградной лозѣ появилась какая-то болѣзнь, уничтожившая большую часть виноградниковъ, а по всей губерніи здѣсь и тамъ до сихъ поръ свирѣпствуетъ *нацари* (зола, *oidium tuscum*), отъ которой все еще не умѣютъ избавиться. Обмотыженіе производится два раза: первый разъ раннею весною, тотчасъ же послѣ обрѣзыванія и подправки кольевъ, упавшихъ за зиму, а второй разъ—въ концѣ мая и до конца іюня. Всѣ виноградники огораживаются плетнемъ изъ хвороста или же частоколомъ, въ гористыхъ же мѣстахъ ограды складываются изъ плитняковаго камня. Каждый хозяинъ возможно лучше караулитъ свой участокъ, особенно когда его виноградникъ остался съ урожаемъ, давно снятымъ у другихъ. Для деревни сборъ винограда составляетъ праздникъ; на работу выходятъ и старъ и малъ, всѣ усленно работаютъ, срѣзая кисти и бросая ихъ въ корзины, которыя сносятся самыми сильными мужчинами къ давильнѣ. Не слѣдуетъ думать, что работа эта легка; напротивъ, она требуетъ успій, но зато золотисто-янтарный или фіолетовый виноградъ, имѣющій обратиться въ такой же шишучій и здоровый сокъ, называемый *маджари* (молодое вино въ состояніи послѣдняго броженія), заранѣе веселитъ душу cadaго, а кисти винограда, съ охотой поѣдаемыя работающими, подновляютъ ослабѣвшія силы. Особенно радуются дѣти; звонкіе голоса ихъ слышны издалека, а подростки и молодежь, разбившись на пары, вмѣстѣ срѣзаютъ съ одного и того же куста, ко-

торый подчасъ бываетъ свидѣтелемъ пылкаго объясненія въ любви, заканчивающагося свадьбой. Собранный виноградъ бросается въ деревянные давильни; тамъ давятъ его ногами, которыя заранѣе моютъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ давятъ руками. Точно такъ же не существуетъ сортировки не только по качеству кистей, но даже по сортамъ лозы: всѣ сорта образуютъ массу, которая сливается въ чаны, гдѣ бродитъ нѣкоторое время, а послѣ вливается въ кувшины, размѣромъ отъ 10—500 ведеръ, приготовляемые изъ жженой глины. Кувшины вкапываются въ землю немного ниже уровня, подъ защитой рощицы или вѣкового волошкаго орѣха; у лучшихъ хозяевъ надъ кувшинами дѣлается навѣсъ или стропы хижина. Передъ вливаніемъ кувшины хорошо обмываются, но это не можетъ спасти вино отъ окисленія, особенно если принять во вниманіе, что *марани* (марани—мѣсто, гдѣ хранится вино) находится подъ вліяніемъ слишкомъ различной температуры; кромѣ того, опытъ доказалъ, что стѣнки кувшиновъ (въ Грузіи называются *квери*, въ Имеретіи *чури*) съ теченіемъ времени способствуютъ образованію окиси, которая и портитъ вино; кромѣ того, изъ кувшиновъ очень трудно переливать вино въ другія посуды для освѣтленія вина; впрочемъ, очистки вина путемъ розлива здѣсь пока не существуетъ. Вино держать въ кувшинахъ и по мѣрѣ надобности берутъ, но кувшины тотчасъ же подбавляютъ виномъ (что, однако, не всѣми практикуется). Перевозка во всей Кутапской губерніи, вслѣдствіе гористой мѣстности, а отсюда дурныхъ дорогъ, особенно зимой, совершается въ козыхъ мѣхахъ (иначе бурдюкъ, по-имеретински *тики*), которые навьючиваютъ на горныхъ лошадохъ по обѣ стороны (въ два бурдюка), вѣсомъ 8 — 10 пудовъ. Существуетъ особый классъ собственниковъ лошадей (черводарщики), которые исключительно заняты покупкой вина въ верхней Имеретіи (конечно, худшихъ сортовъ) и перевозкой и перепродажей его, уже подмѣшаннаго водой, въ гор. Кутапѣ и по всей Мингрелии, гдѣ получается слишкомъ мало вина. При покупкѣ на десять *чани* (кувшинъ) добавляется даромъ одинъ, да, кромѣ того, покупательъ и его лошадь кормятся все время пребыванія тоже даромъ; они хорошо знаютъ, когда и къ кому идти съ предложеніемъ продажи вина, которое чаще всего идетъ за „чани“ не дороже 1 — 2 рублей; скупщики же перепродаютъ его на рынкахъ на вѣсъ, по *батманамъ* (батманъ=20 ф.) отъ 80 к. до 2 руб. сер. Круглый годъ подъ вѣсами въ Кутапѣ можно видѣть массу сваленныхъ бурдюковъ, изъ которыхъ васъ весьма охотно угощаютъ; не понравится — идите выбирать къ другому и т. д., пока не найдете по вкусу. Экспорта въ бочкахъ не существуетъ, да онъ и невозможенъ до тѣхъ поръ, пока не увеличатся требованія на лучшіе сорта винъ. Здѣсь же никто не купитъ дорогого вина, которое повсемѣстно вы-

пивается въ громаднѣмъ количествѣ, и хотя оно пахнетъ смолой отъ внутренней смазки мѣха, но на это никто изъ туземцевъ не обращаетъ вниманія и его пьютъ,—пьютъ въ громаднѣмъ количествѣ, среднимъ числомъ не менѣе бутылки вина въ день на человѣка; пьютъ женщины, пьютъ дѣти, даже только что начинающія лепетать, пьютъ лѣтомъ и зимой, пьютъ всегда и вездѣ, но никто не напивается, и разъ напившійся считается пьяницей; пить тамъ не возбраняется, вамъ говорятъ: „пей“. Да, пейте, если можете, пейте много, вамъ будутъ удивляться, но бѣда потерять сознаніе, тогда вѣчное клеймо *лоти* (пьяница) останется за неумѣреннымъ. Словомъ, пьютъ здѣсь много, какъ не пили и не смогутъ пить ни французы, ни испанцы, ни итальянцы, ни греки, и, несмотря на это, не было примѣровъ порожденія пьяницъ, какъ это случается часто на сѣверѣ, и нѣтъ различныхъ параличей и подагръ. Напротивъ, сплошь да рядомъ можно встрѣтить стариковъ лѣтъ въ 60 — 70, пьющихъ всю жизнь, но замѣчательно бодрыхъ и хорошо сохранившихся. Намъ случилось познакомиться съ дворяниномъ Николаемъ Кахіани, о которомъ, какъ о крѣпкомъ старикѣ, упоминаетъ путешествовавшій еще въ сороковыхъ годахъ извѣстный грузинологъ французъ Броссе. Трудно себѣ представить, что этотъ патріархъ, которому уже болѣе ста лѣтъ, сидитъ на лошади какъ юноша, пьетъ вино въ такихъ размѣрахъ, что подчасъ спаиваетъ молодежь, которая не въ состояніи тягаться съ нимъ. Все это вмѣстѣ взятое указываетъ, что, несмотря на примитивность приготовленія, мѣстное вино — здоровый напитокъ, а вывозъ этого вина, особенно изъ селеній Свирп, Путы, Квалиты въ Тифлисъ, гдѣ оно фабрикуется и продается подъ видомъ чисто-кахетинскаго, а также черезъ Батумъ и Поти французами и евреями въ Одессу и въ Крымъ (тамъ оно обращается въ крымское) указываетъ и на то, что лучшіе сорта годны для дальняго экпорта и торговли. Особенно много вина закупили французы въ 1879 году, о чемъ своевременно указывалось въ тифлисской газетѣ „Обзоръ“.

Мелкая земельная собственность, способствуя равномерному достатку, имѣетъ свои слабыя стороны, а именно недостаточность сосредоточія капиталовъ, а отсюда непривитіе въ массѣ—самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, давно извѣстныхъ на Западѣ. Дворянство здѣсь слишкомъ бѣдно (исключая свѣтлѣйшаго князя Дадіани), и если открываетъ училища, то, къ сожалѣнію, не профессиональныя, тогда какъ, при густотѣ населенія, дороговизнѣ земель въ губерніи и по климату, всего болѣе подходящій здѣсь трудъ садоводство и винодѣліе, въ которомъ могутъ принять участіе старики, женщины и дѣти, а благодатный климатъ даетъ возможность работать круглый годъ. Принимая во вниманіе все хорошія условія края, можно предсказать, что этому счастливому уголку Закавказья предстоитъ завидная участь.

Спустившись съ Сурамскаго перевала, мы вступаемъ въ область рѣки Куры, такъ сказать, въ долину рѣки Куры, текущей все время въ юго-восточномъ направленіи почти на протяженіи 800 верстъ; но до выхода ея изъ Боржомскаго ущелья виноградники не встрѣчаются—по причинѣ высокой мѣстности; однако, насажденіе лозы тамъ возможно: на это указываютъ остатки виноградниковъ у развалинъ монастыря близъ гор. Ахалцыха, лежащаго на высотѣ болѣе 4.000 ф. надъ уровнемъ моря. Виноградники начинаются по рѣкѣ Курѣ впервые у м. Сурама, но здѣсь въ весьма маломъ количествѣ, да и то зимою приходится зарывать лозу въ грунтъ, такъ какъ высокое положеніе Сурама и близость вахтагской соединительной вѣтви, примыкающей къ Кавказскому и Ахалцыхскому хребтамъ, способствуетъ сильнымъ холодамъ, губительно вліяющимъ на лозу. По Курѣ нѣтъ обширныхъ виноградниковъ—помѣщики обрабатываютъ ихъ больше для домашняго потребленія, а часто сами покупаютъ вино изъ сосѣдней Имеретіи. По рѣкѣ Лиахвѣ (притокъ р. Куры съ лѣвой стороны у г. Горп), напримѣръ, въ имѣніи князя И. Сулханова, виноградъ не всегда успѣваетъ хорошо дозрѣть, отчего вино получается кислое, но тутъ же, по близости, есть ущелья, защищенные отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра Кавказскихъ горъ, какъ Хидисъ-Тавское; тамъ виноградъ хорошо созрѣваетъ и получается лучшее въ Карталиннн вино; недурное также вино изъ виноградниковъ, тянущихся у ст. Каспи, но мѣсто, о которомъ стоитъ поговорить, это сел. *Мухранъ*, противъ ст. Ксанка, верстахъ въ 40 отъ Тифлиса, принадлежащее князю Багратіонъ-Мухранскому. Селеніе это расположено у самаго подножья отроговъ Кавказскаго хребта, по южному его склону, гдѣ всегда скопляется большее количество лучей солнца, столь необходимымъ для успѣшнаго созрѣванія винограда, но и здѣсь бывають неудачи: часто ранній снѣгъ въ горахъ замедляетъ созрѣваніе виноградныхъ кистей, и этотъ недостатокъ долженъ восполняться искусственною сортировкой и другими практическими приѣмами.

Не только въ Карталиннн, но и во всемъ Закавказьѣ самыми громадннми виноградниками (въ количествѣ 226 десятинъ), если не лучшихъ лозъ, то съ лучшимъ уходомъ, надо считать участки кн. И. К. Багратіонъ-Мухранскаго въ упомянутомъ выше селеніи и въ ближайшихъ пяти селахъ, да, кромѣ того, имъ могутъ арендоваться еще виноградники, принадлежащіе крестьянамъ и сосѣднимъ дворянамъ въ количествѣ до 400 десятинъ, такъ что всего вина съ эксплуатируемыхъ виноградниковъ можетъ получаться до 40.000 ведеръ, пока же получается только 14.000 ведеръ. Обширность виноградной площади, свободный капиталъ, которымъ кн. И. К. Багратіонъ-Мухранскій могъ во всякое время располагать, предвидѣнность удачи этого дѣла, желательнаго въ видахъ пользы для края, о чемъ не

разъ говорилось какъ въ мѣстной, такъ и въ столичной печати,—все это обратило его вниманіе и заставило его взяться за винодѣліе и поставить его по всѣмъ правиламъ, давно выработаннымъ въ Европѣ, безъ которыхъ немислимо винодѣліе даже въ такихъ богатыхъ виноградныхъ провинціяхъ, какъ всѣ пять губерній и одна область Закавказья. Въ этомъ отношеніи не только въ Закавказьѣ, но и вообще на всемъ Кавказѣ, смѣло можно сказать, поставлено дѣло хорошо только кн. П. К. Багратіонъ-Мухранскимъ *), винодѣліе котораго является приятнымъ исключеніемъ, доказывающимъ, что дѣло это можетъ эксплуатироваться и другими съ такимъ же, если не съ большимъ успѣхомъ; кромѣ того, успѣхъ ясно показалъ, что давно канули въ Лету мнѣніе, что *винодѣль тотъ, кто имѣетъ виноградный садъ*.

Отъ селенія Мухранъ, съ его погребами, прессамп, сушильнями, спиртнымъ заводомъ и неподобною организаціею дѣла, начинаютъ встрѣчаться большія плантаціи виноградниковъ, требующихъ здѣсь и большаго ухода, нежели въ Кутапской губерніи, гдѣ само небо заботится поливать землю обильнымъ дождемъ, количество котораго по метеорологическимъ свѣдѣніямъ за годъ опредѣляется въ 59,17 дюймовъ, съ среднею лѣтнею температурой въ + 18,31 по Реомюру, зимней + 3,32 и среднею годовою + 11,28, тогда какъ въ Тифлисѣ, считающемся въ центрѣ долины Куры, средняя лѣтняя температура + 18,35, зимняя + 1,44 и средняя годовая + 9,93, указывающія на большую континентальность Тифлисской губерніи, гдѣ количество атмосферныхъ осадковъ опредѣляется всего въ 18,72 дюймовъ, т.-е. въ три раза меньше, нежели въ долинѣ Ріона. Вся долина Куры, постепенно понижающаяся къ Каспійскому морю, по высотѣ опредѣляется такъ: около Сурама въ 2.400, у Гори въ 1.800, у Тифлиса 1.510, у Елизаветполя 800 и у Баку 53 ф. надъ уровнемъ моря. Горійскій уѣздъ имѣетъ 1.800 десятинъ, Душетскій уже больше 3.000 десятинъ, а Тифлисскій уѣздъ 3.250 десятинъ, т.-е. всего въ Карталинн 8.050 десятинъ виноградныхъ садовъ, дающихъ около 1.100.000 ведеръ вина, изъ которыхъ добрыхъ $\frac{3}{5}$ употребляется самими жителями. Славится вино Хидисъ-Тавскаго ущелья и ближайшихъ селъ, извѣстное подъ общимъ именемъ горійскаго, да вина кн. П. К. Багратіонъ-Мухранскаго, какъ выдержанныя, освѣтленные и соответствующія всѣмъ требованіямъ европейской торговли. Цѣны его винъ отъ 30 коп. за бутылку и до 2 руб. 50 коп. за старыя, а въ Москвѣ отъ 60 коп. и выше.

*) Въ последнее время, винодѣліе, въ крупныхъ размѣрахъ, процвѣтаетъ также и въ имѣніи *Алазань*, въ Кахетіи, принадлежащемъ кн. С. Д. Андроникову, лично занимающемуся этимъ дѣломъ.

Часть вина идетъ въ Тифлисъ, гдѣ, какъ и всякое вино послѣ фабрикаціи, поступаетъ въ продажу подъ именемъ кахетинскаго. Хорошимъ мѣстомъ надо считать долину р. Арагвы отъ м. Мцхета и до Цалканской станціи, занимающую болѣе 800 квадратныхъ верстъ, возможную для орошенія и культивированія лозы. Остальныя мѣста не представляютъ подобныхъ громадныхъ площадей, хорошо защищенныхъ горами отъ вліянія холодныхъ вѣтровъ горныхъ вершинъ. Ежегодный приростъ виноградныхъ садовъ можно опредѣлить не свыше 1% всей площади, и причиной такого сравнительно малаго увеличенія площади здѣсь надо считать не совсѣмъ хорошія качества вина, уступающаго во вкусѣ винамъ приріонскихъ виноградниковъ. Среднюю цѣнность виноградника надо считать различно, по мѣстностямъ, и въ общемъ дешевле, чѣмъ въ долиняхъ Ріона, хотя здѣсь и требуется больше труда: непремѣнность отводковъ, поливки и дороговизна заборовъ значительно увеличиваютъ цѣнность. Безъ поливки здѣсь ничто не родится, и много надо трудовъ для проведенія воды, особенно въ новый участокъ.

Кახетія для Кавказа все равно, что Ширасъ для Персіи: какъ Ширасъ воспѣвается съ его садами розъ, виноградниковъ и букетнымъ виномъ, извѣстнымъ еще въ древности, такъ равно и Кахетія для Грузіи есть райскій уголокъ, который грузинъ боготворитъ и мечтаетъ видѣть. Грузинъ, въ разговорѣ о Кахетинѣ, непремѣнно спроситъ васъ: „а бывали ли вы въ Кахетинѣ?“ И если получится отрицательный отвѣтъ, то онъ вамъ прехладнокровно, тономъ, не допускающимъ возраженія, отвѣтитъ: „Значитъ, вы не видали самаго лучшаго уголка въ мірѣ!“ Если взять средину Кавказскихъ горъ и стать лицомъ къ юго-востоку, то все пространство между лѣвымъ берегомъ Куры и отрогами Кавказскаго хребта, считая высоту отъ Тифлиса и почти до впаденія рѣки Юры въ р. Алазань, будетъ Кахетія. Вся страна возвышенно-ровная, почти правильно пересѣченная невысокими хребтами, идущими въ видѣ отроговъ, разнообразящихъ страну, поднимающуюся постепенно къ горамъ. Посрединѣ Кахетинѣ, во всю ея длину, тянется второстепенный хребетъ, раздѣляющій ее на двѣ части, изъ которой вторая половина, ближайшая къ рѣкѣ Алазани, текущей параллельно главному хребту, представляетъ особенно привлекательный край. Лучшій видъ считается съ Гомборскаго хребта, возвышающагося надъ уровнемъ моря на 2.420 ф.; отсюда открывается видъ на десятки верстъ: прямо будетъ Аллавердскій монастырь, потомъ Кварели, Циннодалъ, Карданахъ, Ахмети, Велисъ-Цихе и другія села и деревни, прославившіяся своимъ виномъ, открываются какъ на ладони. Серебристая лента Алазани, сверкающая въ ясный солнечный день, зеленѣющіе холмы, хребты, полные жизни, и видъ на сѣдые зубцы кавказскихъ великановъ, освѣщенныхъ зо-

лотисто-пурпурными лучами заходящего солнца, теплый день и южная, — полная нѣги, ночь, симпатичныя, добродушныя лица грузинъ и очаровательныя головки прелестныхъ кахетинкокъ, полныхъ женственности и гибкихъ движеній, патриархальность, радушіе и гостепрїимство обитателей— все это восхищаетъ, опьяняетъ васъ не менѣе хорошаго кахетинскаго вина и надолго заставитъ помнить это прїятное сочетаніе красоты и нѣжности красокъ, гдѣ природа, во всѣхъ ея видахъ и формахъ, спѣшитъ удивить своею могучестью, и кто бы вы ни были, путешественникъ по Кахетин, вы долго не забудете этого волшебнаго уголка, одно имя котораго отнынѣ становится вамъ родственнымъ, прїятнымъ, а вся поѣздка будетъ представляться въ видѣ долгаго волшебнаго сна.

Кахетія въ административномъ отношеніи образуетъ два уѣзда—Сигнахскій и Телавскій, съ небольшими городами Сигнахомъ и Телавомъ, до которыхъ можно добраться на перекладныхъ въ одинъ день, заранѣе, конечно, заручившись подорожной въ Тифлисѣ. Путь весьма разнообразится роскошнѣйшими пейзажами, то полными нѣжныхъ очертанцій, красокъ и жизни, то подавляющими своею величественностью. На всемъ Кавказѣ съ роскошью и богатствомъ Кахетин можетъ поспорить только долина р. Квириллы, притока Ріона съ лѣвой стороны, да и та, надо сознаться, уступаетъ въ грандіозности картины и въ богатствѣ. Климатъ здѣсь довольно мягкій: нѣтъ лѣтомъ особенной жары, которая умѣряется массой лѣсовъ, хорошо сохранившихся въ Кахетин, да близостью снѣговыхъ горъ Кавказа, быстро охлаждающихъ нагнанныя тучи, которыя разрѣжаются обильными дождями; количество же послѣднихъ въ этихъ уѣздахъ надо считать больше, нежели въ долинѣ р. Куры, отличающейся своимъ жарамъ и бездождіемъ. Осень особенно прекрасна и благопрїятна въ Кахетин, солнце въ ноябрѣ грѣетъ достаточно для созрѣванія винограда, и термометръ Реомюра показываетъ иной разъ до 22°, къ тому же хорошіе дни держатся подолгу, и это какъ нельзя болѣе способствуетъ не только созрѣванію, но сбору и выдѣлкѣ вина, которому для броженія необходима довольно высокая температура. Зимы въ Кахетин, какъ принято это понимать на сѣверѣ, не существуетъ; правда, снѣгъ иной разъ держится по недѣлямъ, при морозахъ въ 2—3° по Реомюру, но вреда лозѣ не причиняетъ: поэтому здѣсь, какъ и въ Ріонской долинѣ, виноградная лоза въ грунтъ не зарывается. Однако, въ 7—10-лѣтній періодъ бывають исключенія: лѣтомъ засухи, а зимой сильная для такого южнаго края стужа даютъ себя знать; тогда, въ первомъ случаѣ, все засыхаетъ у тѣхъ, которые не озаботились проведеніемъ оросительныхъ канавъ. Здѣсь ничто не родится безъ воды; вода на югѣ и юго-востокѣ Азіи, какъ почти и на всемъ Кавказѣ, есть источникъ жизни; поэтому сохраненіе, а въ нѣкоторыхъ совершенно голыхъ, но

богатых отдохнувшей вѣками мѣстахъ почвой, и разведеніе лѣсовъ, — вотъ давно и настоятельно выступившій на очередь вопросъ, о которомъ вся кавказская печать единодушно поднимала свой голосъ, остающійся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Поучительныхъ примѣровъ слишкомъ много: Франція, тратящая теперь ежегодно десятки милліоновъ франковъ для разведенія лѣсовъ въ своихъ восточныхъ департаментахъ; центральная Испанія, страдающая бездождіемъ, африканскою, всепсушающею жарою и поражающая своею пустынностью (Старая Кастилія); наконецъ, долина Куры, совершенно оголенная, а нѣкогда цвѣтущая, съ остатками оросительныхъ каналовъ, развѣ не бьютъ въ глаза неумѣнъ жителей вести хозяйство? Современная наука говоритъ и фактически, путемъ ряда доказательствъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что лѣса, этотъ источникъ народнаго благосостоянія, какъ называютъ ихъ, есть главный регуляторъ всѣхъ атмосферическихъ явленій, сохранитель влаги, почвы и проч.; отсюда ясно, что лѣса должны быть священны въ экономическо-хозяйственномъ смыслѣ. Во всемъ Закавказьѣ, при увеличеніи площадей подъ культуру растений, въ силу закона прироста населенія, ощущается все большій и большій недостатокъ воды, изъ-за которой здѣсь происходятъ цѣлыя побоища и тяжбы, тянущіяся десятки лѣтъ.

Вся Кахетія, какъ мы говорили раньше, представляетъ высокую равнину, прилегающую однимъ концомъ къ такой жаркой странѣ, какъ середина и устье р. Куры, а другимъ — къ высокимъ снѣжнымъ горамъ, охватывающимъ ее полукольцомъ; если прибавить сюда континентальность положенія, то понятны будутъ тѣ рѣзкости, которыя въ ней по временамъ даютъ себя чувствовать, но особенно ужасенъ бываетъ въ Кахетіи, начиная съ мая мѣсяца, градъ, выпадающій иногда величпной съ куриное яйцо; гдѣ пройдетъ подобный градъ, тамъ все погпбаеть; случаются даже пораненія и смерть людей и животныхъ, внезапно застигнутыхъ имъ въ полѣ.

Года не пройдетъ, чтобы градъ не истребилъ труды человѣческихъ рукъ въ нѣсколькихъ селахъ Кахетіи. Въ приріонской долинѣ поля и виноградники, незнакомые съ этимъ бичемъ континентальныхъ и высокихъ плоскостей, тоже имѣютъ свои неудобства: тамъ выпадаютъ иной годъ слишкомъ обильные дожди, и тогда все начинается гнить. Про Кахетію нельзя сказать, что такія-то мѣста болѣе годны для культуры виноградной лозы; — вся она будетъ со временемъ однимъ большимъ виноградникомъ. Самыми лучшими виноградниками считаются расположенные въ районѣ слѣдующихъ селъ: около Аллавердскаго монастыря, Кварели, Цинондалъ, Карданахъ, Ахмети, Велпсѣ-Цихе и др., но опять-таки по той причинѣ, что села и деревни, давно прославившіяся своими виноградниками, принадлежали самымъ богатымъ и знатымъ фамиліямъ Грузіи: князьямъ Чавча-

вадзе, Андрониковымъ, Орбеліани и друг. Но все это было въ дни крѣпостного права; теперь мы видимъ не то. Теперь нѣтъ въ Грузіи имѣнія, которое не было бы заложено и перезаложено въ бывшемъ закавказскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ тифлисскомъ дворянскомъ земельномъ банкѣ или въ частныхъ рукахъ ростовщиковъ изъ тифлисскихъ армянъ, которые раскинули порядочныя, но вовсе нежелательныя сѣти надъ этимъ благодатнымъ уголкомъ, населеннымъ добродушнѣйшимъ народомъ. Здѣсь попадаются участки въ 20—30 десятинъ виноградника, принадлежащіе одному лицу; къ сожалѣнію, долги и халатность помѣщиковъ мѣшаютъ такой постановкѣ дѣла, при которой возможно довести доходъ до *taxi-tit a*. Во Франціи и въ рейнской Германіи, гдѣ культура доведена до полнѣйшаго совершенства, одна десятина виноградника составляетъ цѣлое состояніе, несмотря даже на громадныя расходы. Для примѣра приведемъ цифровыя данныя: въ мѣстности Рейнгауа, гдѣ особенно хороша культура виноградной лозы, насажденіе одного морга виноградника, только въ 2.500 лозъ, дающихъ среднимъ числомъ 600 литровъ вина, стоитъ 400 — 600 марокъ, за разрыхленіе и подставки до 300 марокъ, да удобреніе, стоящее въ три года 100 марокъ, покупка всѣхъ необходимыхъ орудій, непремѣнное устройство погреба, потеря процентовъ за непродуцируемые четыре года, потеря немалого количества вина при броженіи,—если все это счесть, то получится весьма почтенная цифра всей стоимости одного морга. При самомъ лучшемъ винѣ, за бочку въ 1.200 литровъ выручается 8 — 18 тыс. марокъ, при обыкновенномъ же — не больше 6—10 тыс., но зато хороша и выручка. Даже за границей потребители хорошаго тамошняго вина ошибаются, полагая по цѣвамъ на карточкахъ въ нѣсколько марокъ, обозначающихъ стоимость лучшихъ сортовъ вина, какъ-то: „Юганисберга“, „Штейнбергера“ и „Рюдесгеймера“, что дѣйствительно имъ подаются эти сорта.

Во всей Кахетіи нѣтъ ни одного винодѣла, который поставилъ бы это дѣло такъ рационально, какъ кн. Багратіонъ-Мухранскій въ Карталіини и кн. Андрониковъ въ Алазани; правда, движеніе вина на внутренніе рынки и здѣсь способствуетъ развитію европейскихъ пріемовъ выдѣлки, хотя надо сознаться, что при консервативности грузина дѣло это подвигается довольно медленно; да къ тому же въ краѣ нѣтъ ни капиталистовъ, ни свѣдущихъ по этой части людей: И если кахетинскія вина на самомъ дѣлѣ хороши, то это надо приписать только ихъ природнымъ, въ высшей степени хорошимъ качествамъ, но никакъ не выдѣлкѣ.

Около 10 лѣтъ назадъ, въ Кахетіи приобрѣлъ огромное имѣніе извѣстный богачъ графъ Шереметевъ, который, конечно, при желаніи можетъ довести это дѣло до совершенства и, такимъ образомъ, явится въ

этомъ уголкѣ такимъ же новаторомъ, какъ князя Багратіонъ-Мухранскій и Андрониковъ въ другой части Грузіи. Такая постановка дѣла болѣе чѣмъ желательна—она настоятельно необходима, такъ какъ способствуетъ въ краѣ развитію правильныхъ понятій, согласно требованіямъ спроса. Какъ бы ни были хороши вина Кавказа вообще, но, при отсутствіи однообразія въ выдѣлкѣ и умѣнья храненія, они не могутъ идти въ далекій экспортъ. Знаній необходимо побольше, они привьются путемъ насажденія въ краѣ образцовыхъ хозяйствъ, которыя шагъ за шагомъ вытѣснятъ съѣдающую въ конецъ наше хозяйство рутину и дадутъ окраинѣ возможность вести обширную торговлю, гдѣ, прежде всего, кахетинскія вина, какъ лучшія, должны занять почетное мѣсто въ сортахъ кавказскихъ винъ.

Кавказское шелководство *).

Начало шелководства на Сѣверномъ Кавказѣ должно быть отнесено къ очень давнему прошлому, и оно возникло, благодаря сношеніямъ края съ Закавказьемъ, гдѣ процвѣтало шелководство,—ознакомившимъ его обитателей съ этою отраслью сельскаго хозяйства. Въ эти отдаленныя времена, однако, шелководство на Сѣверномъ Кавказѣ не достигало значительныхъ размѣровъ и стало развиваться лишь со времени водворенія нашего владычества у подножья Кавказскаго хребта, когда сюда стали переселяться тѣснимые персами и турками армяне, вывезшіе со своей родины умѣніе выкармливать шелковичнаго червя и на новомъ мѣстѣ принявшіеся болѣе энергично за разведеніе его, въ виду вниманія, которое ему оказывалось правительствомъ.

Первыя свѣдѣнія о шелководствѣ Сѣвернаго Кавказа относятся ко времени царя Алексея Михайловича: царь, задумавъ положить начало русскому шелководству, приказывалъ астраханскому воеводѣ князю Якову Игнатьевичу Одоевскому „въ Астрахани или *Терекѣ* сыскать или изъ-за моря привезти“ людей, знакомыхъ съ разведеніемъ шелковицы и шелковичныхъ червей, и прислать въ Москву яички шелковичнаго червя. Особое вниманіе на кавказское шелководство было обращено при Петрѣ I, который, желая поощрить къ занятію шелководствомъ частныхъ лицъ, разрѣшилъ армянину Сафару Васильеву устроить „шелковый заводъ“ около Кизляра, надѣлилъ его землею и даровалъ его потомству различныя льготы, которыя подтверждались и преемниками Великаго Преобразователя Россіи. При учрежденіи въ концѣ прошлаго столѣтія инспекціи надъ шелководствомъ,

*) Свѣдѣнія эти заимствуемъ изъ книги Н. Н. Шаврова—„Описаніе кавказскаго шелководства“.

заботы о развитіи послѣдняго были ввѣрены ей. Впослѣдствіи устроены были школы шелководства въ Ставрополѣ и Гизлярѣ. Весьма важное значеніе въ дѣлѣ развитія шелководства имѣлъ извѣстный любитель Ребровъ, занимавшійся въ имѣніи своемъ Владиміровкѣ, Ставропольской губерніи, выкормкой червей въ значительныхъ размѣрахъ, благодаря чему шелководство распространилось во многихъ селеніяхъ этой губерніи.

Подъ вліяніемъ мѣропріятій правительства, поощрявшаго занятіе шелководствомъ и разведеніе шелковичныхъ деревьевъ, эта отрасль сельскаго хозяйства значительно развилась и окрѣпла на Сѣверномъ Кавказѣ, преимущественно въ Терской области. Но этотъ счастливый періодъ продолжался только до начала шестидесятыхъ годовъ, когда и на Сѣверномъ Кавказѣ появились повальные болѣзни, охватившія тогда весь міровой шелководный районъ. Повальные болѣзни эти нанесли такой ударъ шелководству на Сѣверномъ Кавказѣ, что оно почти прекратило свое существованіе и до сихъ поръ отъ него не оправилось.

Такимъ образомъ, изъ изложенныхъ выше данныхъ слѣдуетъ, что шелководство на Сѣверномъ Кавказѣ съ давнихъ временъ утвердилось въ Терской области и начало было развиваться въ Ставропольской губерніи; что касается до Кубанской области, то здѣсь шелководство никогда не существовало, и имъ занимались лишь немногіе любители. Въ настоящее же время, когда болѣшая часть шелководовъ перестала заниматься выкормкой уже болѣе 20 лѣтъ, на всемъ этомъ пространствѣ сохранились лишь кое-гдѣ слѣды шелководства.

Гораздо болѣе развито шелководство въ Закавказьѣ; оно насчитываетъ болѣе 10 вѣковъ существованія. Оно перешло къ его населенію изъ сопредѣльной Персіи, почему естественно проглядываетъ связь между закавказскимъ и персидскимъ шелководствомъ, какъ по отношенію къ породамъ червя, такъ и по отношенію терминовъ (*абрешуми* — шелкъ, названіе персидскаго происхожденія и т. д.). Шелководы и теперь, но въ особенности въ прежнее, давно прошедшее время, относились съ особою любовью къ маленькому насѣкомому, окружая въ своемъ представленіи его жизнь вліяніемъ сверхъестественной силы. Отсюда долженъ былъ, очевидно, возникнуть рядъ всевозможныхъ преданій, сказаній, обычаевъ и т. п. изъ области шелководства, которые до сихъ поръ оставались малозвѣстными, такъ какъ шелководы сохраняютъ ихъ болѣе или менѣе тайнѣ и неохотно сообщаютъ. Много такихъ преданій, повѣрій и обычаевъ описаны въ собранномъ изслѣдователями матеріалѣ.

Составляя весьма важную отрасль сельскаго хозяйства, на Кавказѣ, шелководство, однако, сохранило въ большинствѣ случаевъ значительную долю первобытности, такъ какъ улучшенія и нововведенія весьма туго про-

никаютъ въ среду мѣстныхъ шелководовъ, которые, опираясь на свои предразсудки и повѣрья, неохотно расстаются со своими унаслѣдованными отъ предковъ приемами. Поэтому все приемы и снаряды, которые мы встречаемъ въ средѣ шелководовъ-крестьянъ, являются въ огромномъ большинствѣ случаевъ отголоскомъ давно прошедшихъ временъ.

Въ книгѣ г. Шаврова приводится описаніе шелководства въ Озургетскомъ уѣздѣ, Кутанской губерніи, гдѣ разводятся черви породъ французской и итальянской; преобладаетъ французская, но лучшіе коконы доставляетъ итальянская порода.

Въ послѣднія 12 лѣтъ урожай коконовъ были посредственные: наприм., урожаи 1888 года по количеству простирались до 18 пудовъ коконовъ.

Изъ болѣзней наблюдались мертвенность, пембина и чахлость; болѣзни эти принимали иногда повальный характеръ.

Тутовые деревья большею частью растутъ въ дикомъ состояніи и на уходъ за ними мало обращаютъ вниманія. Листья собираютъ обыкновенно утромъ; для червей, только что выведенныхъ, собираютъ почки.

Племенные коконы выбираютъ по наружному виду. Грену завертываютъ въ тряпку, переносятъ въ прохладное мѣсто, гдѣ она остается до весны. Въ началѣ апрѣля приступаютъ къ оживленію грены; нѣкоторыя женщины кладутъ ее себѣ подъ мышки, а нѣкоторыя подогрѣваютъ днемъ на солнцѣ, а ночью около огня.

Почки шелковицы появляются въ концѣ марта; цвѣтетъ дерево въ апрѣлѣ; въ концѣ мая созрѣваютъ ягоды, листья опадаютъ въ октябрѣ.

Особыхъ червоводенъ нѣтъ, и червей выкармливаютъ въ жилихъ домахъ, гдѣ для этого ставятъ столбы, къ которымъ горизонтально привязываютъ веревки, на которыя кладутъ плетенки.

При кормленіи и смѣнѣ постилки руководствуются потребностями и возрастомъ червей.

Для коконниковъ собираютъ разныя засохшія травы и просто кладутъ на плетенкахъ; спустя 3 дня послѣ завявки, когда окрѣпнутъ коконы, ихъ собираютъ и очищаютъ; выбираютъ затѣмъ племенные коконы по наружному виду, а остальные разматываютъ.

Замариванія коконовъ не существуетъ; сбываютъ не коконы, а размотанный шелкъ.

Къ числу недостатковъ шелководства надо отнести отсутствіе червоводенъ, непмѣніе целлюлярной грены, неправильное кормленіе и отсутствіе смѣны постилки.

Фунтъ размотаннаго шелка стоитъ 2 рубля; изъ шелка крестьяне выдѣлываютъ разныя издѣлія.

Мѣстные термины и названія по шелководству можно привести слѣ-

дуючіе: 1-я лннька (пирвелъ канши амосвла), 2-я лннька (меоре канши амосвла), 3-я лннька (месаме канши амосвла), 4-я лннька (царбисъ канши амосвла), 5-я лннька (дидъ канши амосвла), кормить (дануреба), коконникъ (цахп), этажерка (саласте), инструментъ для размотки шелка (оввадо), племенной коконъ (сатесли кхачи).

О началѣ шелководства, о шелковичномъ червѣ и деревѣ никакихъ преданій и сказаній не существуетъ.

Такъ какъ шелководство здѣсь находится въ рукахъ женщинъ, то молитвы и заговоры извѣстны преимущественно имъ.

Въ Микэль-Габріельскомъ обществѣ употребляются слѣдующіе заговоры:

1) Когда въ червоводнѣ появляются муравьи, то стѣны и столбы этажерокъ обмазываютъ углемъ и читаютъ слѣдующій заговоръ:

„Идетъ воинъ черный съ пречерною ордою; завяжп ротъ воинъ тому чернымъ шелкомъ. Куда, воинъ, направляешь стопы свои съ своей черной ордой? Схватю тебя, воинъ, отдамъ черному еврею Карану, который подниметъ тебя выше горъ и отдастъ на волю вѣтровъ“.

2) Существуетъ повѣрье, будто нѣкоторыя личности могутъ сглазить червей; противъ этого читаютъ слѣдующія молитвы:

а) „Текла черная рѣка, несущая чернаго змѣя: погрузилъ въ рѣку посохъ и досталъ чернаго змѣя: разсѣкъ змѣя, взялъ хребетъ и повѣсплъ его на терновникъ съ обращенными назадъ глазами; какъ страдалъ змѣй, высыхая, такъ да страдаетъ сердце того, кто сглазилъ шелковичныхъ червей, ибо позвонки предлиннаго змѣя будутъ ударять его. Кто глазами вредитъ червямъ, тотъ да заболѣетъ главною болѣзнию; кто повредитъ душу, да заболѣетъ душою, а кто повредитъ сердцемъ, пусть у того выйдетъ сердце. Пусть глаза завистника наполнятся золой, въ сердце его вонзится стрѣла, а въ животъ—копье. Будьте спасительными червямъ заговоръ мой и приказаніе Божье! Я заговаривающій и вѣрующій во Христа“.

б) „Въ Іерусалимѣ была нива; подъ нивой той лежалъ большой камень, а подъ камнемъ тѣмъ находился змѣй. У того змѣя одинъ глазъ былъ огненный, а другой—водяной. Огонь вспыхнулъ, разлилась вода, и пусть остѣпять они глаза того, кто сглазитъ червей“.

3) Нижеслѣдующая молитва читается, когда черви приступаютъ къ завивкѣ коконовъ.

„Сидѣла у воротъ Іерусалима Божья Матерь Марія, занимаясь пряжею и разматывая красный, алмазный мотокъ. Пришелъ вѣщій еврей, опрокинулъ золотой стулъ, сбросилъ прялку и испортилъ пряжу. Заплакала горько Марія, рыдала долго, проливая горячія слезы. Предсталъ предъ ней Архангелъ Микэль-Габріель и молвилъ: „Мать моя, отчего Ты

плачешь, проливая алмазные слезы?“— „Какъ не плакать Мяѣ, какъ не проливать алмазные слезы!“—отвѣчала Марія: „пришелъ вѣщій еврей, рожденный въ субботу послѣ седьмой луны, опрокинулъ стулъ, сбросилъ и запуталъ пряжу“.— „Мать Моя Марія, не плачь, не горюй; вскипяти золу, влей въ его сердце и печень вѣщую; подобно тому, какъ вѣщій еврей исчезнетъ, такъ да исчезнетъ тотъ, кто сглазитъ шерковичныхъ червей“

Въ Тифлисской губерніи, въ сел. Квемо-Чала, Горійскаго уѣзда, существуетъ преданіе у пожилыхъ квемочальцевъ, что шелковичные черви произошли будто бы отъ тѣхъ червей, которыми былъ пораженъ Іовъ. О шелковичномъ деревѣ говорятъ, что это—то самое дерево, подъ которымъ лежалъ Іовъ. Такъ какъ Іову послѣ попятанія было возвращено его здоровье и богатство, то Богъ и червей, и дерево назначилъ въ пользу человѣку: червямъ повелѣлъ питаться листьями этого дерева и послѣ производить шелкъ. Такъ будто бы началось шелководство.

Въ сел. Квемо-Чала шелководствомъ занимаются не болѣе 20 домовъ жителей, и то только для своего домашняго обихода. О времени введенія шелководства въ с. Квемо-Чала жители ничего не знаютъ,—только предполагаютъ, что кн. Амилахваровы имѣли сношенія съ персидскими шахами, что послѣдніе будто даже жили въ этомъ селеніи, что будто бы подтверждаетъ мечеть, сохранившаяся въ сел. Квемо-Чала, и что шахами введено было въ первый разъ шелководство. Шелковичные черви здѣсь только одной породы: ее называютъ мѣстною.

Ухода за шелковицей въ сел. Квемо-Чала никакого не знаютъ и не стараются разводить шелковицу; ея мало, вслѣдствіе чего и не можетъ развиваться шелководство. Почки шелковицы распускаются и цвѣтутъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; ягоды созрѣваютъ въ іюлѣ, а листья опадаютъ въ ноябрѣ.

Къ оживленію грены приступаютъ здѣсь въ апрѣлѣ. Грена сохраняется въ деревянномъ ящикѣ, завернутая въ тряпки. Къ оживленію приступаютъ такъ: женщины берутъ 3—4 столовыхъ ложки грены, завертываютъ ее въ тряпки и носятъ за пазухой до оживленія. Если той женщиѣ, которая носитъ за пазухой грену, приходится перейти воду, то она должна сказать „веду живыхъ существъ“,—иначе, по ихъ мнѣнію, грена не оживится и вся подохнетъ. Въ сел. Квемо-Чала червоводни ни у кого нѣтъ, а просто въ домахъ очищаютъ одну болѣе сухую комнату, въ которой устраняютъ этажерки изъ плетеноекъ, а иногда и изъ плоскихъ досокъ вдоль стѣнъ, на одинъ аршинъ вышиною отъ земли. Когда червей хотятъ пересадить на плетенки въ первый разъ, то предварительно обсыпаютъ плетенки золою для пзбѣжанія сырости (говорятъ даже, что черви любятъ золу). Вѣтви шелковицы рубятъ, листья очищаютъ и такъ даютъ червямъ ѣсть. Въ то помѣщеніе, гдѣ находятся черви, постороннихъ лицъ не впускаютъ,

во избѣжаніе того, чтобы они не сглазли червей; опасаясь „сглаза“, читаютъ особыя молитвы, а такъ какъ не всякая женщина знаетъ эти молитвы, то знающія требуютъ всегда за нихъ вознагражденіе. Вотъ одна изъ такихъ молитвъ:

„Во имя Бога, Отца и Сына, я заговариваю противъ сглаза, начиная съ самого себя, противъ чернаго глаза, противъ пестраго глаза; противъ черноволосаго, красноволосаго; противъ человѣка въ бѣлой рубахѣ, въ красной рубахѣ, въ синей рубахѣ; противъ домашнихъ и постороннихъ; противъ большого и малаго. Сидѣла матушка-Марія, плакала-роптала. Прошелъ Иисусъ и спросилъ: „чего плачешь, матушка-Марія, и ропщешь?“— „Оттого плачу и ропщу, что пришелъ черноглазый изъ Карета, ткань оборвалъ, краснаго червяка убилъ шелковичнаго“.— „Не плачь, матушка-Марія, и не ропщи, налей воду неугасаемую,—красная ткань будетъ восстановлена“.

„Текла черная вода—она несла черную змѣю. Распалась черная скала, вышелъ черный человѣкъ, на черномъ конѣ, съ черной булавой, удилъ и сѣдло черныя, взялъ ножикъ съ черной рукояткой, разрѣзалъ чернаго змѣя, влилъ въ твой злой глазъ, въ злой ротъ“.

„Текла красная вода—она несла краснаго змѣя. Распалась красная скала, вышелъ красный человѣкъ, на красномъ конѣ, съ красной булавой, удилъ и сѣдло красныя, взялъ ножикъ съ красной рукояткой, разрѣзалъ краснаго змѣя, влилъ въ твой злой глазъ, въ злой ротъ“.

„Текла бѣлая вода—она несла бѣлаго змѣя. Распалась бѣлая скала, вышелъ бѣлый человѣкъ, на бѣломъ конѣ, съ бѣлой булавой, удилъ и сѣдло бѣлыя, взялъ ножикъ съ бѣлой ручкой, разрѣзалъ бѣлаго змѣя, влилъ въ твой злой глазъ, въ твой злой ротъ. Въ глазахъ зола, въ сердцѣ сабля, со двора огонь, съ кровли громъ“.

Когда замѣтятъ, что черви готовятся завивать коконы, то предъ тѣмъ вспрыскиваютъ листья шелковицы краснымъ виномъ: какъ говорятъ, отъ этого силы прибавится червямъ, и они завьютъ хорошіе коконы. Коконы имѣютъ форму овальную, въ видѣ яйца, и довольно крупныя. Когда увидятъ, что стѣнки коконовъ уже окрѣпли, тогда собираютъ коконы. Для племенныхъ коконовъ выбираютъ болѣе крупныя и хорошія, разсыпаютъ ихъ на солнцѣ, чтобы изъ нихъ скорѣе выходили бабочки, которыя помѣщаются для кладки яицъ въ стаканъ, а остальные коконы кладутъ въ тѣни, въ сыромъ мѣстѣ, послѣ чего коконы варятъ въ котлѣ и такимъ образомъ замариваютъ ихъ и, наконецъ, готовятъ шелкъ; снарядовъ для размотки здѣсь особенныхъ нѣтъ, такъ какъ шелкъ добывается въ маломъ количествѣ, хотя, какъ говорятъ, шелководство вообще хорошо вознаграждаетъ трудъ человѣка.

Въ *Елизаветпольской* губернии въ Нухинскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ сел. Падаръ, шелководствомъ занимаются въ слѣдующихъ селеніяхъ: Падаръ, Дамадара, Таркешъ, Санджанъ, Казмаларъ, Кпшлакъ, Молдалы, Корухларъ, Гаразъ, Арманетъ, Халхаль, Шпрванлы, Варданлы, Талфлы и Карабалдыръ. Въ этихъ селеніяхъ шелководствомъ занимаются рѣшительно все, за рѣдкимъ исключеніемъ: эта отрасль сельскаго хозяйства составляетъ одно изъ налюбимѣйшихъ занятій мѣстнаго населенія. Очень жаль, что она тутъ ведется неправильно: въ дѣлѣ шелководства не замѣчается никакихъ улучшеній и усовершенствованій. Мѣстные жители очень холодно относятся ко всякимъ нововведеніямъ; они привыкли во всемъ уповать на Бога. Въ вышеназванныхъ селеніяхъ червей разводять исключительно изъ грены, такъ называемой „джавонъ“, — японской, зеленой породы, которая, какъ извѣстно, никакимъ особеннымъ достоинствомъ не отличается. Предложеніе г. Ампрджанова нѣкоторымъ сельскимъ хозяевамъ выписать целлюлярную грону не принесло никакой пользы: все стали отказываться подъ разными предлогами. Урожай коконовъ, какъ видно изъ собранныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, изъ года въ годъ крайне неравномѣренъ; за всемъ тѣмъ повсюду замѣчается развитіе и распространеніе шелководства: сельчане, по мѣрѣ возможности, стараются увеличивать пространство тутовыхъ плантацій и червоводенъ. Въ 1888 году добыто сырыхъ коконовъ было, примѣрно, около 1.000 пудовъ; коконы были довольно плохого достоинства, черезчуръ маленькіе и нетвердые. Сырые коконы продавались по 11 — 12 руб. пудъ, сухіе отъ 26 до 32 р., а шелкъ мѣстнаго произведенія по 100 р. пудъ. Болѣзнь червей наблюдалась во многихъ изъ названныхъ селеній; главнымъ образомъ между червями была распространена желтуха и мертвенность. Надо присоизвокупить, что противъ болѣзней въ такихъ случаяхъ не принимаетъ никакихъ мѣръ. Даже больныхъ червей не отдѣляютъ отъ здоровыхъ. Мертвенность уничтожаетъ массу червей у сельчанъ. Болѣзни нерѣдко принимали даже повальный характеръ по слѣдующимъ причинамъ: трупы червей, по мѣрѣ гибели ихъ, не удаляются изъ червоводни; остатки корма съ экскрементами накаплиются въ небывалыхъ размѣрахъ и рѣдко выносятся изъ червоводни; отъ неосторожнаго обращенія и соприкосновенія, трупы разлагаются и даютъ очень непріятный запахъ; о вентиляціи, слѣдовательно, о свѣжемъ воздухѣ въ этихъ червоводняхъ не можетъ быть и рѣчи. Кормъ червямъ даютъ обыкновенно два раза въ день, утромъ и вечеромъ; три раза даютъ въ томъ лишь случаѣ, если черви находятся въ отличномъ состояніи. Свѣжій листь черви ѣдятъ только по временамъ, а большею частью червямъ даютъ листь, собранный за нѣсколько часовъ и пролежавшій въ кучѣ въ такомъ мѣстѣ, куда воздухъ не имѣетъ никакого доступа. Грена сохраняется постоянно въ жилой комнатѣ въ сумочкѣ, при-

крѣпленной къ потолку, гдѣ она, разумѣется, подвергается всякой пере-
мѣнѣ комнатной температуры, вслѣдствіе чего иногда бѣльшая часть грену
совсѣмъ не вылупляется. Грену оживляютъ слѣдующимъ образомъ: ее всы-
паютъ въ кусокъ ситца, кладутъ подъ сито и ставятъ возлѣ сильно вы-
топленного камина; нѣкоторые же грену оживляютъ на солнцѣ, если погода
очень хороша, въ противномъ же случаѣ грену, завернутую въ кусокъ
ситца, женщина кладетъ себѣ за пазуху, гдѣ, благодаря сильной теплотѣ,
она быстро оживляется. Среди мѣстнаго населенія существуетъ слѣдующій
обычай: во время зимовки, многіе шелководы замораживаютъ грену, опу-
стивъ ее на нѣсколько минутъ въ холодную воду; увѣряютъ, будто грена
въ такомъ состояніи хранится лучше и даетъ обильный урожай.

Почки шелковицы тутъ распускаются приблизительно съ 15 апрѣля;
ягоды ихъ созрѣваютъ въ концѣ весны, а листья опадаютъ въ началѣ
ноября. Червей воспитываютъ на чердакахъ домовъ, на земляномъ полу.
Особыхъ для этого помѣщеній и разныхъ приспособленій не существуетъ
въ этихъ селеніяхъ. Со времени вылупленія до второго возраста, червей
кормятъ только что распустившимися почками молодыми побѣгами шелко-
вицы, но предварительно крошатъ ихъ ножомъ, а со второго возраста до
завивки коконовъ кормятъ листьями въ томъ видѣ, въ какомъ они доста-
вляются изъ сада. Коконы сбываютъ по большей части въ сыромъ видѣ
на мѣстныхъ рынкахъ, а въ особенности въ г. Нухѣ. Въ случаѣ необхо-
димости, сырые коконы сушатся на солнцѣ, ибо другихъ приспособленій
тутъ нигдѣ не имѣется. Въ дѣлѣ шелководства въ этихъ селеніяхъ можно
наблюдать слѣдующіе существенные недостатки: не умѣютъ, какъ слѣдуетъ,
собрать и сохранять грену; не существуетъ порядочныхъ черводенъ;
отсутствуетъ правильный процессъ выкормки; не понимаютъ разныхъ явле-
ній изъ жизни шелковицныхъ червей; не умѣютъ поддерживать въ черво-
водняхъ извѣстную температуру и т. п. Въ этихъ селеніяхъ не имѣется
ни размотки шелка, ни шелкоткацкаго производства.

О началѣ шелководства мѣстные жители рассказываютъ слѣдующее.
Однажды праведный Іовъ сильно заболѣлъ, и тѣло его покрылось разными
червячками. Богъ послалъ ему эту страшную болѣзнь съ цѣлью испытать
и убѣдиться, какъ онъ перенесетъ всѣ эти страданія и лишенія. Іовъ вы-
держалъ болѣзнь съ должнымъ терпѣніемъ, вообще—какъ подобаетъ пра-
веднику, вѣчно молясь Богу и не забывая Его ни на минуту. Спустя нѣ-
которое время, Богъ нецѣлилъ праведника и, изъ любви къ нему, этихъ
обыкновенныхъ червячковъ превратилъ въ червей шелковицныхъ.

Весною, когда начинаютъ распускаться почки шелковицы, мѣстные
жители берутъ грену на священное мѣсто „Шихъ Османъ“, гдѣ сперва
совершаютъ намазъ, а потомъ всыпаютъ въ сумочку съ греной немного

песку, взятаго изъ священнаго мѣста *), читаютъ надъ греной нѣкоторыя молитвы, послѣ чего возвращаются обратно и приступаютъ къ оживленію грены. Увѣряютъ, что черви, полученные отъ такой грены, обладаютъ необыкновеннымъ здоровьемъ и даютъ хорошій урожай коконовъ. Независимо отъ этого практикуется еще другой приемъ: за нѣсколько дней до оживленія, женщина беретъ грену (тутъ шелководствомъ занимаются исключительно женщины), смѣшиваетъ съ нею немного крупы, пшеницы и нѣсколько кусковъ хлѣба и завязываетъ сумочку ниткой. При оживленіи грены, женщина снимаетъ эту ниточку и привязываетъ къ своему колѣну, гдѣ она остается до тѣхъ поръ, пока она сама случайнымъ образомъ не оторвется и не упадетъ. Женщина сама, по обычаю, не смѣетъ дотронуться до нитки,—въ противномъ случаѣ, будто черви всѣ до одного моментально погибнуть.

Женщина ни за что не позволяетъ кому-нибудь заходить въ червоводню; она одна ухаживаетъ за червями. Нарушеніе этого, давно установленнаго, правила, по ея мнѣнію, влечетъ за собой гибель червей. Она ни за какія блага не разрѣшаетъ курить въ комнатахъ подъ чердакомъ, боясь, что запахъ табаку можетъ проникнуть на чердакъ и повредить червямъ. Въ комнатахъ за весь этотъ періодъ сильно топятъ, чтобы на чердакѣ червямъ было теплѣе; изъ камнина, въ самый критическій моментъ, не уступаютъ огня самому ближайшему сосѣду. Зола, которая образуется въ каминѣ, не выбрасывается и остается до сбора коконовъ. По понятіямъ женщинъ-шелководокъ, при малѣйшемъ отступленіи отъ этихъ старыхъ первобытныхъ привычекъ, всѣ черви пострадаютъ, и рассчитывать на хорошій урожай будетъ немислимо. Какъ разъ у дверей чердака женщина ставитъ нефтяной кувшинъ, употребляемый обыкновенно среди мѣстныхъ жителей, съ цѣлью, чтобы каждый разъ, при входѣ въ червоводню, первымъ долгомъ глаза встрѣчались съ этимъ неопрятнымъ кувшиномъ, который, какъ увѣряютъ, препятствуетъ и не даетъ человѣку возможности сглазить червей. Въ червоводняхъ-чердакахъ появляется немало муравьевъ и мышей, которые страшно беспокоятъ и истребляютъ червей. Въ такихъ случаяхъ женщина беретъ горсти двѣ крупы и отправляется къ тому муллѣ, который среди населенія будто бы проявилъ извѣстное умѣнье заставлять враговъ червей не трогать послѣднихъ. Мулла за умѣренную плату „молитвить“ крупу и передаетъ жещинѣ, которая, по возвращеніи домой, крупу эту разсыпаетъ кругомъ червей: будто, при появленіи этой свя-

*) Въ восточномъ Закавказьѣ, почти въ каждомъ селеніи, есть мѣсто, обыкновенно около могилы праведнаго человѣка, которое почитается жителями священнымъ.

щенной круины, всё враги червей разбѣгаются и оставляють ихъ въ покоѣ. —

Въ *Бакинской* губерніи шелководство во время туземнаго правитель-ства до того было распространено и развито, что многіе изъ жителей носили одежду изъ сотканной ими же шелковой матеріи или же съ при-мѣсью шелка. То же самое было во время окончательнаго присоединенія Ширвана къ русскимъ владѣніямъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ въ Геокчай-скомъ уѣздѣ показано до 775 тутовыхъ садовъ (по 18—24 тысячи низко-ствольныхъ деревьевъ) или 650 десятинъ; годовой же урожаи шелка до 970 пудовъ *). Годъ отъ года шелководство стало здѣсь развиваться все больше и больше, по мѣрѣ водворенія гражданственности, увеличился также и вывозъ шелка. Но это было не надолго. Въ 60-хъ годахъ этого столѣтія въ Западной Европѣ свирѣпствовала болѣзнь шелковичнаго червя, почему со всѣхъ концовъ Закавказья, гдѣ только занимались шелковод-ствомъ, въ томъ числѣ и изъ Геокчайскаго уѣзда, въ значительныхъ раз-мѣрахъ вывозилась грена во Францію и Италію. Но скоро шелководовъ Закавказья постигла та же участь, что и западно-европейскихъ: болѣзнь появилась въ Закавказьѣ и стали свирѣпствовать до того, что вывозъ шелка въ Россію прекратился, и количество получаемого шелка стало едва удовлетворять внутреннему потребленію. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1868 году добыто въ Геокчайскомъ уѣздѣ 200 пудовъ шелка на сумму въ 58.800 р., а въ 1869 году, если не меньше, то во всякомъ случаѣ не больше этого количества. Болѣзнь червей (пембрина) начала стихать только въ началѣ 70-хъ годовъ.

Хотя шелководство въ описываемой мѣстности встрѣтило неудачи, тѣмъ не менѣе жители, видя въ немъ большую доходность, не оста-вили его и довели до весьма значительныхъ размѣровъ. Шелководство для жителей Геокчайскаго уѣзда до сихъ поръ служило и заснмъ долж-но служить однимъ изъ главныхъ источниковъ народнаго благосостоя-нія, а потому требуетъ болѣе рациональнаго способа веденія его и под-держки со стороны правительства. Съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить тотъ фактъ, что шелководство здѣсь ведется примитивнымъ способомъ.

Въ Бакинской губерніи шелководствомъ занимаются жители и другихъ уѣздовъ: такъ, напримѣръ, въ селеніи Кюрдамиръ, Шемахинскаго уѣзда изъ числа 3.986 душъ мужского и 4.028 женскаго пола занимаются шелководствомъ 2.891 душа мужского и 2.942 души женскаго пола, т.-е почти $\frac{3}{4}$ всего населенія.

*) „Описаніе Бакинской губерніи“, Н. Зейдлица. Тифлисъ 1870 г. стр. 112.

Въ *Эриванской* губерніи—преимущественно въ Нахичеванскомъ уѣздѣ—жители занимаются шелководствомъ съ незапамятныхъ временъ; но и здѣсь, какъ въ большинствѣ Закавказья, дѣло это ведется примитивнымъ способомъ.

Но если васъ, читатель, занесетъ когда-нибудь судьба въ Тифлисъ, то побывайте въ музеѣ шелководства (и пчеловодства), принадлежащемъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Музей этотъ находится на концѣ города, въ предмѣстьѣ Муштаидъ, и представляетъ собою замѣчательное и очень интересное учрежденіе, гдѣ вы можете прослѣдить всю жизнь шелколичнаго червя, съ момента его зарожденія, а также и его плодотворную дѣятельность, дающую намъ тѣ шелковыя ткани, которыя мы видимъ и носимъ. Тамъ же предстанетъ предъ вами и жизнь трудолюбивыхъ пчель (на Кавказѣ).

Серьезному посѣтителю, который пожелаетъ осмотрѣть этотъ музей не ради лишь одного празднаго любопытства, кто-либо изъ гг. служащихъ въ музеѣ всегда предложитъ руководство при осмотрѣ и дастъ необходимыя и интересныя объясненія. Такъ, во время моего посѣщенія музея, я былъ очень обязанъ г. Кутателадзе, одному изъ служащихъ, давшему мнѣ необходимыя указанія (въ октябрѣ 1899 г.).

II. 3.

Каменноугольныя и рудныя богатства на Кавказѣ.

Въ майской книгѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1901 годъ я говорилъ о красотѣ и роскоши посады Сочи и прилегающихъ къ нему мѣстъ. Теперь я прошу читателя перенестись немного далѣе, на югъ отъ Сочи, въ Сухумскій округъ, которому въ самомъ недалекомъ будущемъ предстоитъ видная роль каменноугольной станціи для всего русскаго, а отчасти и иностраннаго пароходства по Черному морю, благодаря недавно открытымъ, вблизи мѣстечка Очемчиръ, залежамъ каменнаго угля, въ количествѣ, способномъ снабжать топливомъ все черноморское пароходство въ теченіе, по крайней мѣрѣ, шестидесяти лѣтъ. Но прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ Сухумѣ.

Этотъ очаровательный городокъ, имѣющій около десяти тысячъ жителей, занимаетъ небольшое, сравнительно, пространство земли, закрытое съ востока и сѣвера высокими горами, покрытыми роскошною субтропическою растительностью и защищающими его отъ сѣверныхъ и восточныхъ

вѣтровъ; оттого и флора Сухума гораздо богаче, чѣмъ, напримѣръ, въ Сочи: здѣсь совершенно свободно, безъ всякаго особеннаго ухода и даже безъ защиты на зиму, растутъ апельсиныя и пальмовыя деревья; мѣстные сады полны кипарисами и магноліями, вдоль тротуаровъ растутъ высокіе эвкалиптусы, воздухъ необыкновенно мягокъ и тепелъ, зимы никогда не бываетъ. Почти вплотъ къ морю примыкаютъ красивыя предгорія и холмы, на которыхъ и раскинутъ этотъ изящный городъ—съ своими дачами, виллами и низенькими, съ плоскими крышами, домиками мѣстныхъ жителей. Сухумъ имѣетъ маленькую бухту,—и пароходы подходятъ очень близко къ берегу, хотя по отсутствію пристани пассажирамъ приходится все-таки пересаживаться въ лодки. Въ городѣ имѣется нѣсколько гостиницъ, устроенныхъ на заграничный ладъ, всѣ улицы правильно распланированы и шоссерованы, всадѣ проведены тротуары, на видныхъ мѣстахъ бьютъ фонтаны, весь городъ утопаетъ въ зелени и садахъ.

Изъ этихъ садовъ лучшими считаются сады Ноева, Татаринова и великаго князя Александра Михайловича. Садъ Ноева особенно замѣчательнъ выращиваніемъ луковницъ—георгинъ, тюльпановъ и проч.,—свыше полмилліона штукъ въ годъ. Эти луковницы на четвертомъ году своего выращивания отправляются преимущественно въ Москву; онѣ цвѣтутъ на нѣсколько недѣль ранѣе голландскихъ и цвѣтутъ гораздо роскошнѣе. Кромѣ культуры луковницъ, садъ Ноева выращиваетъ также и всевозможныя садовыя растенія, могущія расти въ мѣстномъ роскошномъ климатѣ. Садъ Татаринова имѣетъ совершенно иной характеръ—любительскаго ботаническаго сада; продажа растеній у него очень незначительна, плодовыхъ деревьевъ въ саду тоже немного; имѣются лишь нѣсколько экземпляровъ экзотическихъ породъ; особенно замѣчательна коллекція хвойныхъ, великолѣпныя агавы и эвкалиптусы необыкновенной величины. Садъ великаго князя, называемый „Синопъ“, содержится въ прекрасномъ видѣ и ведетъ большую продажу посадочнаго матеріала, выручая болѣе 10.000 руб. въ годъ, которые и покрываютъ всѣ расходы и содержаніе администраціи. Садъ этотъ выпускаетъ ежегодно прейсъ-курантъ съ указаніемъ правилъ ухода, рекомендаціей лучшихъ по мѣстнымъ условіямъ сортовъ деревь и проч. Изъ плодовыхъ деревьевъ, выращиваемыхъ въ этомъ саду, замѣчательна произведенная въ большихъ размѣрахъ культура японской хурмы и японскихъ мандариновъ. Кромѣ того, въ самомъ Сухумѣ имѣются еще два сада для публики: одинъ такъ называемый городской садъ и другой—ботаническій, устроенный еще княземъ Воронцовымъ.

Главнымъ тормазомъ успѣшнаго культивированія и заселенія этихъ роскошнѣйшихъ и богатѣйшихъ мѣсть служить то непоправимое обстоятельство, что громадныя массы земли въ Сухумскомъ округѣ принадлежатъ не казнѣ,

а находятся въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, вслѣдствіе бывшихъ пожалованій за службу. У однихъ князей Шервашидзе болѣе 20.000 десятинъ, которыя тянутся на разстояніи 50 верстъ вдоль морского берега... Эти господа „частные владѣльцы“, въ большинствѣ случаевъ, сами на пожалованныхъ имъ земляхъ не живутъ и хозяйства не ведутъ, а сдаютъ свои земли въ аренду грекамъ, армянамъ, мингрельцамъ и абхазцамъ, которые и занимаются примитивнымъ посѣвомъ кукурузы, табаку и т. п., а иногда и другими занятіями, менѣе трудными и болѣе доходными. Такъ, напримѣръ, на земляхъ тѣхъ же князей Шервашидзе имѣется цѣлое поселеніе Ашеръ въ 120 дворовъ абхазцевъ, изъ числа тѣхъ, которые спеціально занимались грабежами и еще не такъ давно грабили Сухумъ. Они поселяются обыкновенно на правахъ „арендаторовъ“, и мѣстная администрація противъ нихъ почти безсильна, какъ противъ лицъ, проживающихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. А эти земли въ большинствѣ остаются безъ всякой культуры и эксплуатаціи, кромѣ вырубки лѣса и пальмы; да еще собираютъ по лѣсу кавказскій чай и лавровый листъ. Арендаторы же земель изъ числа абхазцевъ представляютъ собою самый безпокойный и неблагонадежный элементъ въ краѣ, враждебно относящійся ко всему русскому вообще, а къ русскимъ поселенцамъ въ особенности. Въ послѣднюю турецкую войну все абхазское населеніе сѣверной части Сухумскаго округа возмутилось и присоединилось къ турецкимъ войскамъ, воюя открыто противъ насъ. Послѣ разгрома турокъ и окончанія войны, всѣ абхазцы—даже и считавшіеся православными—ушли-было въ Турцію, но потомъ принесли повинную, и имъ было разрѣшено вернуться на Кавказъ обратно, на свои старыя попелища; но въ наказаніе, земельные ихъ надѣлы были уменьшены и нарѣзаны въ общинное, а не въ подворное владѣніе, вопреки народнымъ обычаямъ; отсюда—недовольство и затаенная злоба и обычные результаты такихъ чувствъ — грабежи и убійства, въ большинствѣ случаевъ, безнаказанные. Это племя, подобно ингушамъ Терской области, служить, можно сказать, главнымъ и единственнымъ въ настоящее время серьезнымъ препятствіемъ къ водворенію и упроченію въ краѣ русскаго элемента, а равно и успѣшному культивированію его. Мѣстныя лихорадки, существующія даже въ самомъ Сухумѣ, немало также пугаютъ желающихъ основаться въ этомъ чудномъ уголкѣ Кавказа.

Въ пятидесяти верстахъ на югъ отъ Сухума, находится мѣстечко Очемчиры, а вблизи Очемчиръ, въ береговой полосѣ моря, въ разстояніи всего тридцати верстъ отъ берега, въ бассейнѣ рѣки Галнзги, въ такъ называемой Ткварчельской дачѣ, открыты недавно тѣ каменноугольныя копи, о которыхъ я упоминалъ въ началѣ статьи. Вотъ чрезвычайно интересныя

свѣдѣнія, опубликованныя недавно въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ объ этомъ замѣчательномъ открытіи (№ 44, 1900 года).

Собственно угленосная толщина, около 65 сажень, обнаружена развѣдками на пространствѣ около 40 квадратныхъ верстѣ; но и внѣ предѣловъ всей Ткварчельской дачи, составляющей около 180 квадратныхъ верстѣ, есть полное основаніе предполагать присутствіе тѣхъ же угленосныхъ напластованій. Подробное обследованіе произведено въ пяти пунктахъ указаннаго пространства, на обонхъ берегахъ рѣки Гализги; наиболѣе же развѣданною и благонадежною считается въ настоящее время угленосная площадь на лѣвомъ берегу Гализги, по ея притокамъ Махме, Хеликвара и Авторақвара, пространствомъ въ 8 квадратныхъ верстѣ. Площадь эта изобилуетъ многочисленными естественными обнаженіями угольныхъ пластовъ, дающими возможность судить объ ихъ строеніи и о запасѣ угля. Нижшая точка выхода угля въ предѣлахъ указаннаго пространства на рѣкѣ Хеликварѣ—440 метровъ, а на Махме—640 метровъ. Вся угольная мощь состоитъ изъ четырехъ пластовъ, въ составъ коихъ входятъ слои каменнаго угля различной мощности, раздѣляющіеся между собою прослойками углистаго сланца. При этомъ, мощность нижняго угольнаго пласта достигаетъ въ мѣстахъ наибольшаго раздутія семи сажень, второй и третій пласты достигаютъ до двухъ аршинъ каждый, а четвертый, самый верхній пласты имѣетъ въ толщину около 14 вершковъ; разстояніе же между первымъ и вторымъ угольнымъ пластомъ достигаетъ 6 саж.; а между остальными составляетъ приблизительно около 3 сажень. Сообразно съ обследованною общею мощностью чистой угольной массы, запасъ угля въ предѣлахъ указанной площади по лѣсному берегу Гализги (8 кв. верстѣ) псчисленъ въ $4\frac{1}{2}$ миллиарда пудовъ или 73 милліона тоннъ. Для другой изъ обследованныхъ площадей запасъ угля определенъ въ $2\frac{1}{2}$ миллиарда пудовъ; въ трехъ остальныхъ количество угля является также весьма значительнымъ. Въ предѣлахъ первой изъ перечисленныхъ угленосныхъ площадей, и именно въ нижнемъ, наиболѣе мощномъ пласту, заложена первая „Ермоловская“ штольня. Слѣдуетъ добавить, что разработка штольнями является для ткварчельскаго мѣсторожденія, по залеганію угленосныхъ толщъ, самымъ естественнымъ способомъ добычи угля; такимъ образомъ, мѣсторожденіе относится къ числу удобно эксплуатируемыхъ.

Обращаясь къ наиболѣе важному, наряду съ количественной стороной дѣла, вопросу—къ качеству угля,—слѣдуетъ прежде всего упомянуть, говорить „Вѣстникѣ Финансовъ“, что лабораторные опыты и изслѣдованія были произведены въ нѣсколькихъ мѣстахъ—въ Одессѣ, въ тамошнемъ университетѣ, и въ Петербургѣ, въ Горномъ институтѣ, и въ лабораторіи

министерства финансовъ. Самымъ цѣннымъ качествомъ тнварчельскаго угля является его способность коксоваться: по лабораторнымъ испытаніямъ, онъ даетъ до 70% кокса, болѣе или менѣе пузыристаго, а въ печахъ надлежащаго устройства получается около 65% кокса, вполне пригоднаго для металлургическихъ операцій.

Самая исторія открытія этого богатства заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько подробнѣе. Въ семидесятыхъ годахъ, однимъ энергичнымъ русскимъ человекомъ, покойнымъ Н. А. Новосельскимъ, былъ открытъ на томъ же Кавказѣ, въ такъ называемой Тквибульской дачѣ, каменный уголь. Новосельскій, удерживая свое открытіе въ возможномъ секретѣ, пригласилъ, частнымъ образомъ, нѣсколькихъ химиковъ для изслѣдованія качествъ найденнаго имъ угля, — и его увѣрили въ доброкачественности находки и огромныхъ выгодахъ, которыя можно извлечь изъ нея. Тогда Новосельскій сталъ подыскивать денежныхъ компаньоновъ для своего предпріятія, но не нашелъ ихъ — и рискнулъ повести все дѣло на свой личный страхъ: пригласивъ техникувъ и управляющихъ, понастроилъ на мѣстѣ нахождения угля дорогихъ зданій, понанималъ массу рабочихъ и пр.; но въ результатѣ ничего изъ этого не вышло, такъ какъ уголь оказался плохой, не коксующійся и, вдобавокъ, послѣ извлеченія изъ нѣдръ земли на воздухъ, разсыпавшійся въ порошокъ... Въ концѣ концовъ, разработка Тквибульскихъ копей совершенно разорила Новосельскаго, — и никто уже не отваживался дѣлать новыя развѣдки угля на Кавказѣ, такъ какъ было признано, что кавказскій уголь никуда не годится. Затѣмъ, когда стало извѣстно, что въ Сухумскомъ округѣ открыты Тнварчельскія каменно-угольные залежи, то не нашлось уже охотниковъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, которое все считали одинаково сомнительнымъ и рискованнымъ, какъ и погибшее дѣло Новосельскаго.

Между тѣмъ, каменный уголь — и очень хорошаго качества — лежалъ въ Тнварчельской дачѣ даже не въ глубинѣ, подъ землею, а мѣстами прямо на поверхности земли, въ видѣ огромныхъ и мощныхъ пластовъ. Открытіе этихъ новыхъ каменно-угольныхъ копей произошло, по сообщенію С. Ѳ. Шаропова, слѣдующимъ образомъ. Осенью 1897 года, изслѣдуя желѣзныя руды на земляхъ Гунской общины, въ бассейнѣ рѣки Гализги, впадающей въ Черное море близъ м. Очемчиръ, землевладѣлецъ г. Бугми набрелъ на пропластки каменнаго угля, который по наружному виду походилъ скорѣе на англійскій „ню-кэстль“, чѣмъ на тквибульскій бурый уголь, и испытанный на мѣстѣ, далъ спекающійся коксъ. Лабораторные опыты надъ доставленными образцами показали, что этотъ уголь вполне пригоденъ; но никто не хотѣлъ вѣрить, что это былъ кавказскій уголь. Найти компаньоновъ при такомъ недоувѣрѣн, основанномъ на репутаціи тквибуль-

скаго угля, было невозможно, и г-ну Бутми пришлось продолжать изслѣдованіе за свой рѣскъ, на свои средства. Все лѣто 1898 года онъ провель въ поискахъ болѣе мощныхъ пластовъ угля, отправляясь отъ найденныхъ имъ въ 1897 году пропластовъ. Поиски завелъ Бутми въ Ткварчельскую казенную дачу, расположенную въ верховьяхъ бассейна р. Гализги. Въ нижней части этой дачи, какъ оказалось, расположены цѣлебные сѣрные источники, къ которымъ вела горная тропа, опасная даже для верховой лошади; въ той же нижней части были обширныя пальмовыя насажденія, посѣщаемыя мѣстными лѣсопромышленниками; верхняя же часть дачи, выше сѣрныхъ источниковъ, представляла непроходимую глушь, покрытую дѣвственнымъ лѣсомъ и непроходимыми зарослями вьющихся и колючихъ растений, куда, повидному, никогда не ступала нога культурнаго человѣка; всю дачу прорѣзывали лишь двѣ скотогонныя тропы, по которымъ прогонялись иногда овцы и козы отъ села Ткварчель къ горнымъ пастбищамъ. По обѣ же стороны тропъ, мѣстность была совершенно недоступная и неизвѣстная даже мѣстнымъ пастухамъ и охотникамъ. Плана дачи не существовало; карта генеральнаго штаба не имѣла ничего общаго съ дѣйствительностью... Тогда г. Бутми заказалъ отъ себя военнымъ топографамъ снять планъ дачи и представилъ его въ управленіе государственныхъ имуществъ Кутаисской губерніи. Это снятіе плана стоило огромныхъ хлопотъ и расходовъ, такъ какъ приходилось пролагать просѣки и тропы по всей дачѣ, среди дѣвственныхъ лѣсовъ и зарослей, по горамъ и надъ пропастями. 19-го августа 1898 года г. Бутми нашелъ впервые, въ верховьяхъ рѣки Гализги, обнаженный каменноугольный пластъ толщиной въ 14¹/₂ аршинъ и подаль первыя заявки. Для него не было теперь никакого сомнѣнія, что имъ открытъ цѣлый каменноугольный бассейнъ...

Такимъ образомъ были открыты Ткварчельскія каменноугольныя залежи. Затѣмъ, въ дѣло вступили „товарищи“: кн. Кантакузенъ, баронъ Бюлеръ и многія другія лица, давшія изслѣдователю денежные средства, и дача мало-по-малу, чрезъ проложеніе тропъ и мостовъ, сдѣлалась доступною для дальнѣйшихъ, болѣе подробныхъ и всестороннихъ изслѣдованій; по тропамъ можно уже было ѣхать на лошади, верхомъ, и проводить муловъ, навьюченныхъ инструментами и провизіей для рабочихъ. Но впереди предстоялъ еще немаловажный трудъ—оформить все это дѣло. Въ это время и были сдѣланы анализы представленныхъ г. Бутми образцовъ, которые и подтвердили прекрасныя качества ткварчельскаго угля. При подробныхъ изслѣдованіяхъ оказалось, что этотъ уголь содержитъ въ себѣ весьма мало сѣры и золы, отлично спекается въ коксъ и, по своему составу и качествамъ, занимаетъ среднее положеніе между двумя лучшими типами англійскаго угля—нью-кэстльскимъ и кардифомъ.

Затѣмъ, наступилъ для этого дѣла второй періодъ—разсмотрѣніе правъ г. Бутми и утвержденіе его заявокъ... Находка была огромная, создавалось дѣло въ нѣсколько милліоновъ,—и къ нему потянулись многія жадныя руки, изъ тѣхъ, что привыкли жать, гдѣ не сѣяли: многіе мѣстные князьки и разные набѣжавшіе изъ Тифлиса и Кутаиса хищники стали подавать „заявки“ кутанскимъ горнымъ властямъ, разсчитывая установить свое право на чужое открытіе, такъ что, когда г. Бутми закончилъ и оформилъ первую часть своихъ работъ, его дѣло уже оспаривалось со всѣхъ сторонъ любителями чужой собственности... Отъ этихъ господъ пришлось частью откупаться, частью же ограждаться при помощи судовъ.

Вопросъ о топливѣ, по словамъ г. Шарапова, разсказавшаго всю эту исторію въ своемъ „Дневникѣ“ (т. I-й, выпускъ II-й), сильно въ послѣднее время обострился, и не только у насъ, но и по всей Европѣ. Англія, торговавшая своимъ углемъ чуть не по цѣлому свѣту, почувствовала близящееся истощеніе своихъ, казалось, необъятныхъ залежей. Германія и Франція едва постигаютъ справляться съ нуждами собственныхъ городовъ и промышленныхъ предпріятій въ дѣлѣ топлива. Наша каменноугольная промышленность, несмотря на то, что богатые копи Донецкаго края чуть не всѣ перешли въ руки иностранцевъ, борется, съ одной стороны, съ удручающимъ безденежьемъ, съ другой—страдаетъ отъ неустойчивости и безобразій на нашихъ углевозныхъ дорогахъ, и потому едва удовлетворяетъ рынокъ. Послѣдовавшее вздорожаніе каменнаго угля за границей отозвалось и у насъ, такъ какъ наше черноморское побережье съ своими городами, флотомъ, промышленными и металлургическими предпріятіями вынуждено ввозить значительное количество иностраннаго угля. И вотъ, почувствовался повсюду недостатокъ въ углѣ, тѣмъ болѣе повысившій на него цѣны, что наша бакинская нефтяная промышленность, почти вся перешедшая въ настоящее время въ иностранныя руки, чрезмѣрно подняла цѣны на жидкое топливо—нефтяные остатки, мазуть. Въ результатѣ, получилось то, что на экономическомъ языкѣ называется „угольнымъ кризисомъ“... Въ это-то время и появился въ печати свѣдѣніи объ открытіи на Кавказѣ, вблизи Очечирь, огромныхъ залежей каменнаго угля...

Прежде всѣхъ, на это открытіе откликнулось министерство земледѣлія, въ лицѣ его министра, А. С. Ермолова, посѣтившаго тварчельскія копи лично и оказавшаго этому серьезному дѣлу возможное съ своей стороны содѣйствіе. Но встрѣтитъ ли это дѣло такое же сочувствіе и со стороны нашихъ капиталистовъ, безъ содѣйствія коихъ оно, конечно, не можетъ все-таки устроиться какъ слѣдуетъ и пойти,—это уже другой вопросъ: косность и индифферентность русскаго богатаго купечества слишкомъ извѣстны, чтобы можно было на нихъ въ этомъ случаѣ разсчитывать,—и

г. Бутми придется, вѣроятно, въ концѣ концовъ, обратиться все къ тѣмъ же бельгійцамъ, французамъ и инымъ иноземникамъ... Что дѣлать! Такова ужъ судьба почти всѣхъ русскихъ открытій и богатствъ; какъ первыя утилизируются, такъ вторыя эксплуатируются гораздо охотнѣе иностранцами, чѣмъ русскими же людьми.

Очень можетъ быть, впрочемъ, что въ данномъ случаѣ, въ видѣ особаго, счастливаго исключенія, Ткварчельскія каменноугольныя залежи и не попадутъ въ руки иностранцевъ. Это отчасти позволительно предполагать въ виду слѣдующаго утѣшительнаго явленія: объ этихъ залежахъ появилось недавно довольно обстоятельное специальное изслѣдованіе, горнаго инженера К. Ю. Черневскаго— „Каменный уголь въ Ткварчельской казенной дачѣ“, гдѣ авторъ даетъ подробнѣйшій „отчетъ“ объ этихъ новыхъ богатствахъ, открытыхъ въ Куталской губерніи, описываетъ географическое положеніе дачи и ея геологическое строеніе, опредѣляетъ запасъ каменнаго угля и затѣмъ приводитъ окончательные результаты развѣдокъ.

По этимъ интереснымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ специалистомъ дѣла, оказывается, что Ткварчельская дача, расположенная въ предгорьяхъ южнаго склона Кавказскаго хребта, имѣетъ приблизительно форму прямоугольника, длинная ось котораго, около 14 верстъ, параллельна оси этого хребта; рѣка Гализги дѣлитъ эту обширную дачу на двѣ, почти равныя половины—сѣверо-западную и юго-восточную. Высота рѣки Гализги у входа въ Ткварчельскую дачу— 280 метровъ надъ уровнемъ моря; высота отдѣльныхъ вершинъ горныхъ кряжей, окружающихъ дачу— отъ 2.000 до 3.000 метровъ. Вся дача покрыта сплошнымъ дѣтвеннымъ лѣсомъ, почти исключительно лиственныхъ породъ: дубъ, липа, грабъ, а въ болѣе высокихъ мѣстахъ попадается хвойный лѣсъ— ель и красное дерево; еще выше расположены пастбища. Климатъ дачи горный и очень здоровый; снѣгъ зимою встрѣчается лишь въ мѣстности высотой 1.000 метровъ; во многихъ мѣстахъ дачи, по теченію Гализги, выступаютъ горячіе минеральные источники.

Угленосная толща сохранилась приблизительно на $\frac{1}{4}$ пространства всей дачи; въ остальныхъ же частяхъ дачи угольные пласты смыты всѣ или отчасти. На дачѣ имѣются собственно пять отдѣльныхъ угленосныхъ площадей: три по лѣвую сторону рѣки Гализги и двѣ— по правую, въ общемъ около 30 квадратныхъ верстъ.

Въ маѣ 1900 года въ Ткварчельскую дачу былъ командированъ г. министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ горный инженеръ, профессоръ Лутугинъ, для выясненія экономическаго значенія возникающаго каменноугольнаго предпріятія. Г. Лутугинъ призналъ въ Ткварчельской дачѣ нѣсколько отдѣльныхъ угленосныхъ площадей; онъ призналъ

доказаннымъ запасъ угля не менѣе 2¹/₂ мплліардовъ пудовъ, обеспечивающихъ на 50 лѣтъ ежегодную добычу угля въ 50 мплліоновъ пудовъ.

Затѣмъ, осенью того же 1900 года, Ткварчельскую дачу посѣтилъ профессоръ Кардифскаго университета, горный инженеръ В. Галловой, членъ департамента наукъ и промышленности и правительственный горный инженеръ Великобританіи, безусловный авторитетъ котораго въ угольномъ дѣлѣ признается не только въ Англіи, но и во Франціи, Германіи и Россіи. Профессоръ Галловой засталъ работы по развѣдкамъ въ двухъ площадяхъ уже законченными и констатировалъ среднюю толщину чистой угольной массы въ 21 и 27 фѣтовъ. Запасъ угля только въ двухъ этихъ площадяхъ онъ призналъ превышающимъ 6 мплліардовъ пудовъ. Далѣе, на основаніи новыхъ начатыхъ развѣдокъ въ верхней части дачи, г. Галловой удостовѣрилъ, что въ самой верхней части дачи слѣдуетъ искать еще болѣе значительныхъ запасовъ угля,—и это мнѣніе его отчасти уже оправдывается производящимися въ настоящее время развѣдочными работами. О своемъ посѣщеніи дачи профессоръ Галловой издалъ пространный отчетъ (Report of the Coalfields of Tkvarcebely near Otchemtchiri on the Black Sea, by W. Galloway. F. G. S. Mining Engineer), въ которомъ онъ признаетъ ткварчельскій уголь, по качеству однороднымъ съ монтаньепрскимъ англійскимъ углемъ, добываемымъ изъ знаменитой Черной жилы—„Black Veine“, (лучшій сортъ кардифскаго угля).

Когда стали доподлинно извѣстны всѣ эти развѣдочныя работы и изысканія и не было уже сомнѣнія, что въ Ткварчельской казенной дачѣ есть каменный уголь, тогда г. министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ призналъ цѣлесообразнымъ лично ознакомиться съ новымъ мѣсторожденіемъ угля,—и во второй половинѣ октября минувшаго года, посѣтивъ дачу и сдѣлавъ личный осмотръ произведенныхъ на ней работъ, вынесъ убѣжденіе въ неисчерпаемомъ богатствѣ залежей каменнаго угля, въ громадномъ значеніи возникающаго предпріятія и въ полной правильности и умѣломъ веденіи развѣдочныхъ работъ. Въ своей телеграммѣ отъ 26-го октября 1900 года, отправленной изъ Ткварчель, по случаю освященія первой штольни, на имя главноначальствующаго на Кавказѣ, князя Голицына, А. С. Ермоловъ высказалъ слѣдующее: „Считаю долгомъ сообщить вашему сіятельству о послѣдовавшемъ для русскаго горнаго дѣла и въ частности для Кавказскаго края событіи. Вчера, въ моемъ присутствіи, освящена въ Ткварчельской дачѣ первая штольня компаніи Бутми для разработки открытыхъ здѣсь залежей угля. Подробно осмотрѣвъ,

совмѣстно съ начальникомъ кавказскаго горнаго управленія и другими спеціалистами, это новое каменноугольное мѣсторожденіе, я признаю его заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія по богатству и превосходному качеству угля“.

Такимъ образомъ, дѣло получило эту высшую санкцію, коей признана была полезность и грандіозность сдѣланнаго г. Бутми открытія. Но, уввы! эти богатства были открыты не въ какомъ-либо западномъ государствѣ Европы и даже не въ Африкѣ или Австраліи, гдѣ дѣло живо получило бы твердую основу, а въ Россіи, гдѣ оно могло, пожалуй, и погибнуть, подобно серебро-свинцовымъ рудамъ и заводамъ общества „Эльборусъ“, открытымъ на томъ же „погибельномъ“ Кавказѣ, на правомъ берегу р. Кубани. Вѣдь, впереди предстояло едва ли не самое главное: надо было найти капиталистовъ, основать акціонерную компанію и устроить правильную разработку копей и эксплуатацію угля,—для чего необходимо прежде всего проведеніе ширококолейной желѣзной дороги къ берегу моря, на которомъ вблизи дачи, то-есть въ Очемчирахъ, нѣтъ пароходной пристани, и сообщеніе съ берегомъ производится при помощи гребныхъ фелюгъ (лодокъ) ¹⁾, слѣдовательно, необходимо устроить и портъ на счетъ той же будущей компаніи. Но какъ ее составить, эту компанію,—вотъ вопросъ?...

Г. министръ государственныхъ имуществъ и тутъ оказалъ дѣлу свою высокую, посильную помощь: какъ сообщали въ свое время газеты, онъ написалъ предсѣдателю московскаго биржевого комитета Н. А. Найденову теплое письмо, съ просьбою приложить старанія, чтобы и это огромное и выгодное дѣло не ушло изъ русскіхъ рукъ и не попало къ иностранцамъ. Но оказалось, что въ Москвѣ въ настоящее время не такъ-то легко

¹⁾ Насколько выгоденъ такой примитивный, много вѣковъ подъярь существующій безъ измѣненій порядокъ вещей, это всего лучше и нагляднѣе можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго удивительнаго факта: фрахтъ отъ Адлера или Сочи (гдѣ нѣтъ приставей) до Батума, на разстояніи около 300 верстъ, обходится гораздо дороже, чѣмъ отъ Батума (гдѣ есть портъ) до Марселя во Франціи... Суда, приходящія за грузомъ въ тѣ мѣста черноморскаго побережья, гдѣ нѣтъ пристаней, вынуждены иногда бывать ждать по недѣлямъ возможности на грузки въ томъ случаѣ, если море неспокойно, и фелюги не рѣшаются принимать грузъ для перевозки на корабли. Для болѣе же громоздкихъ товаровъ, которые побережье могло бы отправлять въ изобиліи, какъ, напримѣръ, лѣсъ, такой фрахтъ совершенно недоступенъ: легче и дешевле привезти доски въ Батумъ изъ Галиціи, чѣмъ изъ любого пункта черноморскаго побережья, не имѣющаго ни пристаней, ни желѣзной дороги.

найти пустолежачіе милліоны и ввести ихъ въ дѣло, хотя бы и несо-
мнѣнно выгодное и грандіозное; въ Москвѣ установилось недовѣріе, про-
исходящее, по объясненію г. Шарапова, отъ двухъ причинъ: съ одной стороны—
полная неустойчивость денежнаго рынка, созданная экономическими „обстоя-
тельствами“, обезденежившими Россію, какъ никогда, и вызвавшими паденіе
всякихъ бумагъ и фондовъ при полной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ,
доходящей часто до паники; съ другой стороны—подозрительный характеръ
цѣлаго ряда дѣлъ, навязанныхъ Москвѣ и многимъ довѣрчивымъ и предпримчи-
вымъ людямъ нанесшихъ огромные убытки. Таковы были: пресловутая „Сталь“,
Мамонтовскія дѣла въ родѣ вагоностроительнаго и восточно-сибирскаго за-
водовъ, грозненское нефтяное дѣло и множество другихъ, унесшихъ безо-
воротнo десятки русскихъ милліоновъ въ карманы иностранныхъ гешефт-
махеровъ... Послѣ столькихъ горькихъ опытовъ, нѣтъ ничего мудренаго,
что москвичи не только не бросаются на новыя дѣла, но неохотно даже
знакомятся съ ними... И прежде всего, эту „неохоту“ испыталъ на себѣ
г. Бутми: насколько извѣстно, ему и по сіе время не удалось образовать
надлежащее акціонерное общество для эксплуатаціи своего грандіознаго
открытія,— и очень возможно, что, встрѣтивъ „недовѣріе“ въ Москвѣ, онъ,
въ концѣ концовъ, вынужденъ—таки будетъ войти въ соглашеніе съ какою-
либо иностранною компаніей, которая, конечно, и воспользуется всѣми вы-
годами дѣла.

Такая судьба Ткварчельскихъ каменноугольныхъ залежей будетъ во
всякомъ случаѣ много лучше и даже желательнѣе, чѣмъ та, которая по-
стигла недавно общество „Эльборусъ“, о которомъ я упомянулъ выше. Зло-
счастная исторія этого общества настолько необыкновенна и поучительна,
что ее кстатіи слѣдуетъ рассказать здѣсь.

На правомъ берегу рѣки Кубани, въ 13 верстахъ отъ карачаевскаго
аула Учкулана, спротиво стоятъ постройки серебро-свинцоваго рудника и
заводовъ акціонернаго общества „Эльборусъ“... Руки хищниковъ уже на-
чали, по сообщенію газеты „Кавказъ“, свою безжалостную работу: кое-гдѣ
сорваны двери, унесены ставни, растаскана крыша... Въ то же время,
подъ этими заброшенными строеніями, въ нѣдрахъ горъ, мирно покоятся
тяжеловѣсные свинцовые милліоны... Исторія эта очень интересна въ
смыслѣ характеристики неудачныхъ русскихъ предпріятій.

Въ 1829 году, развѣдочная военная экспедиція генерала Эммануэля
случайно натолкнулась на Кубани на мѣсторожденіе серебро-свинцовыхъ
рудъ... Поговорили тогда объ этой находкѣ: „какія-де богатства скры-
ваются въ нѣдрахъ Кавказа“, и на томъ и покончили. И вотъ, прошло
цѣлыхъ 60 лѣтъ, пока нашелся, наконецъ, предпримчивый человекъ, рѣ-
шившійся приступить къ развѣдкамъ. Изслѣдованія эти начаты были ниже-

нерь-технологомъ В. В. Томашевскимъ въ 1889, 1890 и 1891 годахъ и обнаружилъ, что тутъ находятся богатѣйшія въ мірѣ мѣсторожденія серебро-свинцовыхъ рудъ. Анализами, произведенными инженерами Кондратьевымъ и Пѣтуховымъ, было удостовѣрено, что въ одной кубической сажени жильной массы содержится 200 пудовъ свинца и почти 13 фунтовъ серебра. Считая свинецъ по 1 рублю 60 копѣекъ за пудъ, а серебро по 600 рублей пудъ, получится, слѣдовательно, что изъ одной кубической сажени можетъ быть извлеченъ доходъ на сумму 512 рублей. Изъ всѣхъ извѣстныхъ серебро-свинцовыхъ мѣстороженій міра только три превосходятъ карачаевскія богатства — по общей цѣнности металловъ въ кубѣ руды.

И вотъ, въ 1891 году, г. Томашевскій заарендовалъ этотъ рудоносный участокъ у карачаевского общества на 29 лѣтъ и приступилъ къ его разработкѣ. Два года спустя г. Тамашевскій передалъ свое предпріятіе акціонерному обществу „Эльборусъ“. Выпустили акціи и стали ихъ реализировать, кое-какъ пристроивая то тамъ, то сямъ, за половину нарицательной цѣны. Но и эти половинные взносы акціонеровъ поступали очень медленно и неаккуратно: русскіе люди, господа пайщики, размышляли такъ: ежели въ Карачаѣ дѣйствительно почиваютъ свинцовые миліоны, то они не убѣгутъ, а ежели ихъ тамъ нѣтъ, тогда, чѣмъ позже загубить свои деньги, тѣмъ лучше... Вслѣдствіе этого, чтобы, начать дѣло, заправилы должны были занять деньги у частнаго лица за немалые, конечно, проценты... Вотъ при какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ началось дѣло „Эльборуса“...

На бѣду, и то, что можно было бы сдѣлать на первыхъ порахъ, и на что уже добыты были средства, дѣлалось такъ, чтобы ускорить гибель предпріятія. Такъ, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы употребить имѣвшіяся налицо небольшія средства на производство обширныхъ подготовительныхъ работъ, предприниматели спѣшатъ ухлопать деньги въ постройку плавильнаго завода для опытной плавки: имъ, повидимому, очень хотѣлось поскорѣе имѣть въ своихъ рукахъ чистое серебро и свинецъ... Въ 1896 году, также преждевременно, сооружается обширный рудообогатительный заводъ... И вотъ, стало все на-лицо: заводы обогатительный, плавильный, электролитическій, обширныя постройки для администраціи и служащихъ, для конторы, но, увы! не осталось уже, послѣ окончанія этихъ построекъ, ни гроша для добыванія руды, такъ что въ концѣ 1896 года работы на рудникѣ пришлось пріостановить до болѣе благопріятнаго времени... Затѣмъ, послѣдовала обычная въ такихъ случаяхъ кончина: служащіе разбрелись, не получивъ жалованья, а по дѣламъ несостоятельнаго акціонернаго общества „Эльборусъ“ учреждена была администрація, которая и су-

ществуетъ по сіе время въ городѣ С.-Петербургѣ... Одно время все это предпріятіе хотѣлъ было купить князь Санъ-Дonato-Демидовъ, но почему-то сдѣлка не состоялась. И вотъ, въ то время, когда въ Россію ежегодно ввозится изъ-за границы до 1.200.000 пудовъ свинца и свыше 300.000 пудовъ свинцовыхъ издѣлій, а собственно русское производство свинца подымается лишь до 50.000 пудовъ въ годъ,—богатѣйшій серебро-свинцовый рудникъ на Кубани не эксплуатируется вовсе и бесполезно лежитъ въ горахъ...

Въ заключеніе моей коротенькой статьи о каменноугольныхъ залежахъ на Кавказѣ, нахожу небезынтереснымъ сообщить о печальной судьбѣ Тквибульскихъ копей въ той же Кутаисской губерніи, принадлежавшихъ разорившемуся Новосельскому, о которыхъ я упоминалъ въ началѣ. Послѣ краха Новосельскаго, работы въ копияхъ были совсѣмъ прекращены въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; потомъ эти копи разрабатывались опекою по его дѣламъ и Тквибульскимъ горнопромышленнымъ обществомъ. Затѣмъ, въ копияхъ случился пожаръ, и онѣ были „закупорены“... Впослѣдствіи сдѣланы были новыя развѣдки въ той же мѣстности г. Коцовскимъ, и работа начиналась на правильныхъ основаніяхъ; но этотъ уголь необходимо было „брекетировать“ заграничною каменноугольною смолою, которая обходилась, съ доставкою, въ 42 копейки за пудъ, да надо было еще истратить на пудъ брикета по 2 копейки, такъ какъ уголь этотъ содержитъ въ себѣ 12⁰/₁₀₀ золы и 2⁰/₁₀₀ сѣры и легко разсыпается, вслѣдствіе чего, для употребленія въ естественномъ видѣ не годится... Тамъ же, неподалеку, имѣлись и еще „заявленные“ копи, принадлежавшія нѣкому австрійскому подданному г. Бѣгачу, явившемуся въ Россію для разработки горныхъ богатствъ и изысканія впустѣ лежащихъ русскихъ капиталовъ, которыхъ, однако, онъ не нашелъ, а потому и оставилъ копи въ покоѣ...

Къ Тквибульскимъ копиямъ отъ станціи Закавказской желѣзной дороги того же имени проведены даже двѣ вѣтви—одна къ копиямъ товарищества, а другая—къ бывшимъ копиямъ Новосельскаго, длиною въ 3 и въ 40 верстъ, съ такими уклонами и кривыми, которые дѣлаютъ эти вѣтви для эксплуатаціи очень неудобными...

Вотъ коротенькая, но очень печальная повѣсть о кавказскихъ каменноугольныхъ богатствахъ, открытыхъ за послѣднее время.

Кавказское побережье Чернаго моря.

До недавняго времени многіе русскіе люди не имѣли почти никакого понятія о черноморскомъ побережьѣ Кавказа—теперешней Черноморской губерніи—и все вздыхали по Франціи и приходили въ восторгъ отъ ея Ривьеры, расположенной по берегу Средиземнаго моря, никакъ не подозревая, что нашъ черноморскій берегъ Кавказа едва ли хуже этой иноземной Ривьеры—и въ климатическомъ отношеніи, и въ смыслѣ богатства почвы и роскошной растительности, при наличности недавно открытыхъ цѣлебныхъ источниковъ... Все это, вмѣстѣ взятое, предрекаетъ блестящую будущность нашему кавказскому берегу Чернаго моря, въ смыслѣ морскихъ купаній и климатическихъ станцій для легочныхъ больныхъ, которыя и будутъ со временемъ успѣшно конкурировать съ теперешними чудесами Ривьеры, такъ баснословно дорого оплачиваемыми нашими соотечественниками.

И удивительная, право, вещь! Этимъ самымъ побережьемъ Россія владеетъ болѣе ста лѣтъ; его драгоцѣнные лѣса—пальмы, дубы и красное дерево—истреблялись самымъ хищническимъ образомъ армянами, греками и турками, чуть не завладѣвшими *всею* этимъ побережьемъ, и вдругъ. Россія узнаетъ обо веѣхъ этихъ богатствахъ и о томъ, что у нея есть береговая морская полоса, не менѣе цѣнная и прелестная, чѣмъ Ривьера Франціи.—и все это открытіе дѣлается какъ бы по мановенію волшебнаго жезла *), и только потому, что во главѣ управленія государственнымъ имуществомъ Россіи сталъ Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ, человѣкъ не только высокообразованный, но, главное, человѣкъ волюнтеръ русской и беззаветно любящій свое отечество, желающій ему блага и творящій ему добро. Въ настоящее время, какъ слышно, А. С. Ермоловъ обращаетъ особенное вниманіе на окончательное упорядоченіе благоустройства кавказскаго черноморскаго побережья,—и дай Богъ ему довести это дѣло до конца! При этомъ невольно обращается вниманіе на довольно странное историческое совпаденіе: предокъ теперешняго г-на министра, знаменитый герой Боро-

*) Также „внезапно“ были открыты, лѣтъ 10—12 назадъ, лежавшія вгустѣ многомилліонныя нефтяныя богатства въ Баку, на томъ же Кавказѣ, захваченныя, къ сожалѣнію, иностранцами въ свои руки.

дина Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, началъ завоеваніе Кавказа мечомъ, а его доблестный потомокъ довершаетъ это завоеваніе инымъ путемъ, болѣе мирнымъ и прочнымъ—путемъ культуры и труда.

Мнѣ, пишущему эти строки, недавно довелось, совершенно случайно, увидѣть всѣ эти волшебныя красоты черноморскаго побережья Кавказа, на которомъ я проживаю уже почти десять лѣтъ. Дѣло въ томъ, что всякій разъ, возвращаясь изъ Кисловодска,—гдѣ у меня имѣется маленькая собственность,—въ Петербургъ, на зиму, я избиралъ всегда самый прямой, болѣе удобный и дешевый путь — по желѣзнымъ дорогамъ на Ростовъ, Воронежъ, Козловъ, Рязань и Москву. Но осенью 1899 года я рѣшилъ ѣхать иначе, по пути, мною еще не извѣданному — по Военно-Грузинской дорогѣ на Тифлисъ, затѣмъ на Батумъ и моремъ на Новороссійскъ, а затѣмъ опять на тотъ же Ростовъ и т. д. И вотъ, такимъ образомъ, мнѣ довелось увидѣть, въ первый разъ въ жизни, ту волшебную, очаровательную и чисто фантастическую панораму, которая называется кавказскимъ побережьемъ Чернаго моря...

Я (какъ и авторъ компилируемой ниже статьи) три раза путешествовалъ за границей, живалъ тоже въ Крыму и видалъ тамъ много прекраснаго;—но то, что я увидѣлъ минушею осенью съ палубы парохода „Св. Николай“, превосходить всякое, самое пылкое представленіе о чудесномъ... Я ѣхалъ въ концѣ октября, оставивъ въ Кисловодскѣ совѣтъ уже голыя деревья. Вдругъ, вижу горы побережья, покрытыя ярко-зелеными деревьями, на которыхъ не было ни одного желтаго листка,—и все это было залито горячимъ солнцемъ, а вдаль виднѣлись еще уступы горъ и скалы, покрытые тою же яркою зеленью лѣсовъ и травой, а за ними, еще дальше, величавыя и еще болѣе возвышающіяся горы же съ ихъ снѣговыми вершинами и льдами... А когда приходилось, изъ любопытства, выходить на берегъ, то меня поражалъ этотъ воздухъ, напоенный тепломъ южнаго солнца, морскою влагою, горною свѣжестью и ароматическимъ запахомъ растущихъ вблизи лѣсовъ... Я былъ какъ бы въ чадѣ и очарованіи волшебнаго сна... Въ особенности, мнѣ понравились Сухумъ, Новый Афонъ (монастырь), Адлеръ и Сочи.

По приѣздѣ въ Петербургъ мнѣ довелось прочесть въ одной изъ газетъ талантливое описаніе этого самаго только что видѣннаго мною кавказскаго побережья Чернаго моря, сдѣланное извѣстнымъ сельскимъ хозяиномъ и публицистомъ г. Ромеромъ, путешествовавшимъ почти одновременно со мною и вынесшимъ изъ своей поѣздки такое же сильное впечатлѣніе. Вотъ, въ небольшомъ сокращеніи, прекрасная статья г. Ромера, ѣхавшаго, какъ оказывается, по берегу моря изъ Новороссійска къ Ба-

туму, т.-е. какъ разъ съ противоположной стороны, чѣмъ ѣхалъ я, сѣвшій на пароходъ въ Батумъ и высадившійся въ Новороссійскѣ. Самый уже Батумъ поразилъ меня прямо-таки европейскою чистотою своихъ улицъ, прекрасными мостовыми, асфальтовыми тротуарами, своею роскошною кипарисовою аллеей, своими капитальными зданіями, между которыми особенно выдѣляется православный соборъ, своимъ портомъ, гдѣ корабли подходятъ къ самому берегу, и пр. Просто не вѣрилось глазамъ, что этотъ приморскій городъ, назадъ тому всего какихъ-нибудь 20 лѣтъ, былъ грязнымъ турецкимъ селомъ. Но представляю говорить о кавказскомъ побережьѣ г-ну Ромеру, прекрасная статья котораго обратила на себя общее вниманіе.

Я давно знаю Крымъ,—говорить г. Ромеръ:—я извѣздилъ всѣ знаменитыя побережья Италіи, а въ Неаполѣ — *bella Napoli* — прожилъ три года почти безвыѣдно и потому думалъ, что кавказскій берегъ Чернаго моря не дастъ мнѣ никакихъ особенно новыхъ и рѣзкихъ впечатлѣній.

Но я грубо ошибся.

Еще съ пароходной палубы, едва покинувъ Новороссійскъ, я началъ понимать, что мнѣ предстоитъ ознакомиться съ краемъ удивительной красоты, свѣжести и оригинальности. Дрогнуло мое сердце стараго, но неизмѣннаго друга природы, способнаго пьянѣть и забываться въ чудесахъ созданія. Правда, мѣстность между Новороссійскомъ и Туансе чрезвычайно близко напоминаетъ сѣверо-западный берегъ Италіи, но впечатлѣніе не то. Въ Италіи—поселки, замки, виллы, башенки, холмы, изрѣзанные террасами, сады и виноградники, словомъ—слѣды древней и высокоразвитой культуры на каждомъ шагу, которой ласково улыбаются и голубое, вѣчно сіяющее море, и солнце, всѣхъ и все осыпавшее своимъ яркимъ золотомъ. Если угодно, это—дивная красота, красивѣе береговъ между Новороссійскомъ и Туансе, которые только въ далекомъ будущемъ могутъ доразвиться до чего-либо подобнаго. Но зато кавказское побережье, почти сплошь поросшее лѣсомъ, сразу захватываетъ душу величаво-поэтическимъ настроеніемъ силы, простора, почти первозданной свѣжести творенія, а вмѣстѣ—глубокаго мира и покоя. Въ Италіи вы готовы схватиться за мандолину, за стаканъ вина, готовы съ увлеченіемъ пристать къ хору веселыхъ болтуновъ или таять подъ огнемъ кокетливыхъ взглядовъ; на кавказскомъ берегу вы мечтаете о тихой пристани, о мирныхъ трудахъ, о созерцаніяхъ, возвышающихъ и успокаивающихъ душу, о монастырѣ—вонъ тамъ, на лѣистой возвышенности, съ этой смѣющейся долиной у ногъ и съ вѣчнымъ просторомъ моря передъ глазами... Что кому мило! Но, право, я вѣрю, что въ наше нервное мучительное время многіе найдутъ себѣ исцѣленіе скорѣе въ окрестностяхъ Туансе, чѣмъ на прославленномъ побережьѣ Италіи.

Однако, пароходъ бѣжитъ все дальше къ югу,—и одна за другою вырастаютъ все новыя, все болѣе и болѣе величавыя картины. Мало-по-малу душа переполняется восторгомъ до подавленности, языкъ отказывается передавать ощущенія словами, взглядъ растерянно бѣгаетъ отъ моря къ берегамъ, боясь упустить хоть еднiую черточку волшебной панорамы. Ахъ, этотъ необъятный, вѣчно движущійся и говорливый просторъ моря съ бѣлымъ пятномъ далекаго паруса въ его голубой пустынѣ... Ахъ, эти берега съ ихъ величавыми высотами, одна надъ другою, все выше, выше... трещины, обвалы, пропасти, непроходимыя дебри... Хмуряя сосны—кое-гдѣ, небольшими пятнами; мощные сѣрые стволы орѣховъ; гигантскій дубъ, полуповисшій надъ обрывистымъ свѣжымъ оползнемъ горы—и лѣсъ, лѣсъ, безъ конца, безъ предѣловъ, подбирающійся чуть ли не къ самымъ небесамъ... Га! Смотрите! Вся въ красноватыхъ лучахъ заходящаго солнца, вырисовалась на горизонтѣ первая снѣговая вершина. Господи! Невольная слеза выступаетъ на глазахъ, удостоившихся видѣть эти красоты изъ красотъ, эту божью мечту, выраженную въ земномъ твореніи. Какая тутъ Италія съ ея игрушечными горами, вылощенными террасами и садиками! Хороши, разумеется, ея апельсиныя рощи, усыпанныя золотыми плодами, рдѣющими на темной листьѣ деревьевъ; богата и ярка окраска ея аметистовыхъ горныхъ отдаленій, ея сапфирнаго моря и удивительныхъ, многоцвѣтныхъ закатовъ. Дивно нескончаемое разнообразіе ея живописныхъ уголковъ и пейзажей. Но все это прелестное попури мелодическихъ отрывковъ совершенно меркнетъ передъ величавой и вдохновенной симфоніей кавказскаго побережья въ шпротахъ Сочи. Такъ самая воспитательная и кокетливая индѣе теряетъ всю свою прелесть рядомъ съ царственной красотой богини. Такъ яркій, но мертвый блескъ граненаго хрусталя тускнѣетъ передъ живыми огнями алмаза...

Впрочемъ, какъ описать неописуемое или передать словами настроеніе чувства? Пора смряться и сказать себѣ: довольно! Красокъ нѣтъ, рѣчь беспомощна. Русскимъ людямъ, еще не побывавшимъ на кавказскомъ побережьѣ Чернаго моря, скажу просто и спокойно, что тамъ ждетъ ихъ нѣчто совсѣмъ новое, невиданное ими нигдѣ въ Европѣ, своеобразное въ высшей степени, и прекрасное, прекрасное, какъ... Нѣтъ, я молчу. Къ чему смѣшать своимъ безсиліемъ.

Въ Сочи я сошелъ съ парохода, когда уже стемнѣло, устроился въ небогато-обставленной, но довольно чистенькой и владѣющей недурными постелями гостиницѣ, и, разумеется, отложилъ всякое ближайшее ознакомленіе съ мѣстностью до слѣдующаго утра.

Городъ оказался очень небольшимъ. Помимо туземной своей части съ базарной площадью и рядомъ плохихъ лавченокъ, онъ, можно сказать, только

еще начинается обстраиваться и состоитъ изъ небогатыхъ въ архитектурномъ отношеніи, но сравнительно новыхъ и чистенькихъ дачекъ, то вытянувшихся въ линію, то стоящихъ довольно одиноко, вѣроятно потому, что со-сѣдніе участки еще не застроены. На весь городокъ имѣется лишь одна церковь. Никто здѣсь не мечтаетъ о театрѣ, концертахъ, музыкѣ въ саду или публичныхъ гуляньяхъ. Пока въ цѣломъ поселеніи не существуетъ ни одного ресторана, кафе или даже просто магазина въ нашемъ обычномъ смыслѣ. Общественныя увеселенія, повидному, замѣняются успевными пере-судами обывателей другъ о другѣ. Но зато въ послѣдней трети октября я засталъ здѣсь лѣтніе дни, 15 град. R. въ морѣ, цвѣтущіе кусты чай-наго дерева (*olea fragrans*) и розъ, вышиною съ нашъ орѣшникъ, разные виды пальмъ, магнолій, араукарій и тому подобныхъ растений, оста-вляемыхъ на зиму безъ прикрытія и -- столько красокъ, солнца, воздуха, такой избытокъ красоты во всемъ и вездѣ, что я вполне примирился съ мыслью о единственной церкви въ городѣ: здѣсь самый край славословить Господа.

Разумѣется, при первой возможности я выбрался изъ Сочи въ поле... Простите! оговорился по привычкѣ...—въ лѣсъ и въ горы (другихъ *полей* здѣсь нѣтъ)—чтобы ознакомиться съ мѣстной деревней. Тьфу! Опять оговорился. Никакихъ деревень я не видѣлъ, да и нѣтъ ихъ поблизости, а на всемъ пути отъ Сочи до Хоста, который я продѣлалъ частью въ эки-пажѣ по шоссе, частью пѣшкомъ по горнымъ тропямъ, протоптаннымъ не-то людьми, не-то дикими кабанами, имѣются только участки, роздан-ные казеннымъ управленіемъ будущимъ поселенцамъ и культиваторамъ дѣв-ственной почвы.

На этихъ участкахъ кое-гдѣ расчищены изъ-подъ лѣса небольшія по-ляны, кое-гдѣ слышится говоръ рабочихъ и выются надъ деревьями дымки костровъ, кое-гдѣ встрѣчается одинокая постройка или даже крошечное полеце кукурузы. Но все эти ничтожныя оазисы культуръ покуда совер-шенно тонуть въ общей массѣ громаднаго, нескончаемаго лѣса, который, начинаясь отъ самаго моря, поднимается на первый, второй и третій кряжъ горъ, все болѣе и болѣе высокихъ, покуда, наконецъ, горизонтъ не замы-кается цѣлою грядою снѣжныхъ вершинъ.

Я исходилъ на первый разъ пѣшкомъ нѣсколько „участковъ“, въ об-щемъ, пожалуй, вереть около двадцати (съ одиннадцати до четырехъ съ половиною часовъ). Приходилось прыгать съ камня на камень въ руслѣ горныхъ рѣчекъ, взбираться на скользкія крутизны, пролѣзть сквозь чашу цѣпкихъ и колючихъ ползучекъ, которыми доверху обвиты самая громад-ная деревья, и оставлять на нихъ клочки одежды. Отъ самаго моря на-чинается вѣковой лѣсъ разныхъ листовыхъ породъ (хвойныя деревья

рѣдки): растутъ грабъ, букъ, ольха, горные дубы (до девяти аршинъ въ обхватѣ), грецкій орѣхъ (иногда такихъ размѣровъ, которые мало уступаютъ размѣрамъ горнаго дуба); повыше встрѣчается много каштановъ со съѣдобными плодами (каштаны здѣсь—превосходный строевой матеріалъ); еще выше — самшитъ и красное дерево. Кустообразной подросли очень мало. На высокихъ мѣстахъ это по большей части падубъ (illex), а въ сырыхъ долинахъ—буйная и густая ежевика. Но несравнимо чаще подросль замѣнена цѣлою съѣтью колючихъ ползучекъ, которыя висятъ съ деревьевъ густыми гирляндами, покрываютъ собою огромныя пространства и оказываются трудно проходимыми даже для охотничьей собаки, не только для человѣка.

Орѣхи, каштаны, жолуди, дикіе и одичавшіе плоды или ягоды валяются въ лѣсу безъ всякаго призора. Я находилъ ихъ подъ деревьями—и даже не мало—еще въ концѣ октября! Мудрено ли, что кабанъ, серна, медвѣдь встрѣчаются здѣсь въ превеликомъ изобиліи? Вообще, кавказское побережье —цѣлое Эльдorado для охотниковъ.

Теперь приходится слышать много и многое о цѣлительныхъ источникахъ, будто бы найденныхъ на кавказскомъ побережьѣ Чернаго моря, найденныхъ въ большомъ числѣ и высокаго качества. Говорятъ о предполагаемомъ ихъ благоустроеніи, спѣшной постройкѣ путей; пророчатъ имъ великую будущность и наплывъ посѣтителей не только русскихъ, но даже европейскихъ.

Я ничего объ этомъ не знаю. Но мнѣ кажется, что кавказское побережье, помимо цѣлебныхъ источниковъ, можетъ и должно создать рядъ первокласныхъ курортовъ, съ которыми не подъ силу будетъ равняться даже наиболѣе прославленнымъ мѣстностямъ Западной Европы. Право, не требуется специально медицинскихъ познаній, чтобы съ довѣріемъ отнестись къ такой будущности побережья.

Море, горы, солнце—много солнца—чрезвычайное обиліе лѣсной растительности, дѣвственная свѣжесть и чистота почвы, почти не тронутой человѣкомъ. —вотъ тѣ условія, которыя въ рѣдкомъ, небываломъ сочетаніи вліяютъ на воздухъ побережья, идеально чистый и сильный. Наблюдается поразительная мягкость климата зимою, благодаря географической шпротѣ мѣста, защищеннаго съ востока и сѣвера; лѣтомъ—благодаря близкому соудству моря, горъ и лѣсовъ. Затѣмъ край имѣетъ, или легко можетъ имѣть, въ изобиліи все необходимое для питанія самаго разнообразнаго,

вкуснаго и здороваго. Наконецъ, морскія купанья въ немъ продолжаются до ноября.

Скажите, гдѣ еще наблюдается подобное сочетаніе условій рѣдкихъ, исключительныхъ и въ столь совершенной степени! А дивная красота мѣстностей, единственная и несравнимая! Развѣ ее не слѣдуетъ присоединить къ числу врачебныхъ и даже сильно дѣйствующихъ средствъ? Сколько разъ мнѣ приводилось слышать отъ посѣтителей Крыма, что онъ вылѣчилъ ихъ не своимъ виноградомъ, не купаньями, а прежде всего красотой, которая съ одной стороны благотворно и возвышающе вліяла на душу, утомленную сутолокою будничной жизни, а съ другой—заставляла больныхъ цѣлые дни проводить на воздухѣ, ходить, карабкаться, ѣздить верхомъ, любоваться воеходами и закатами солнца, дѣлать восторги съ другими и даже сочувствовать этимъ другимъ, безкорыстно любить ихъ, отъ чего мы все такъ отвыкли и что, однако, такъ цѣлительно вліяетъ на нервы. Но если подобное воздѣйствіе на человѣка способенъ производить Крымъ, сравнительно ничтожный и мелкій, что же сказать о кавказскомъ побережьѣ, этой поистинѣ величавой, фантастической мечтѣ, вылившейся въ реальныя формы? Я простился съ нимъ почти мѣсяць назадъ, а все еще не могу хорошенько опомниться, хотя и „видалъ виды“ на своемъ вѣку.

Насколько различны и разнообразны условія побережья, можетъ свидѣтельствовать городъ Сочи со своими окрестностями.

Въ концѣ октября, несмотря на очень теплые и ясные дни, небольшая долинка, въ которой построенъ городъ, послѣ заката солнца не только замѣтно холодѣетъ, но и сырѣетъ. Никакихъ бѣдъ отъ этого, повидимому, не происходитъ, тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ. И что же? Въ 15 верстахъ по ровному, не поднимающемуся въ гору шоссе, на участкахъ такъ называемой Перемыкинской дачи (смежныхъ съ будущимъ городомъ Хостомъ), никакой вечерней сырости уже не наблюдается. Мало того, по словамъ лицъ, знакомыхъ съ мѣстностью, на тѣхъ же участкахъ средняя температура осени и зимы двумя градусами выше температуры въ городѣ Сочи.

Очевидно, на всемъ кавказскомъ побережьѣ Чернаго моря найдутся десятки подобныхъ или еще болѣе рѣзко выраженныхъ явленій. Именно, города, по необходимости приуроченные къ низменностямъ и бухтамъ, оказываются въ условіяхъ, наименѣе выгодныхъ для курорта. Кто же, однако, найдетъ нужнымъ стѣснить ими выборъ надлежащихъ мѣсть, и съ какой цѣлью? Городъ или пристань могутъ быть рынкомъ для одного или нѣсколькихъ курортовъ, но сами по себѣ отнюдь не претендовать на цѣлебный характеръ. Можетъ быть, истинными санаторіями явятся даже не цѣлыя поселенія, а отдѣльныя дачи, лѣчебницы или колоніи, разбросанныя по возвышенностямъ вокругъ своего общаго центра—пристани.

И глубоко вѣрю, что кавказскому берегу Чернаго моря не только предстоитъ великая и славная культурная будущность, но что такая будущность уже началась, что мы присутствуемъ при ея зарожденіи, что не пройдетъ пяти-шести лѣтъ, какъ это станетъ признаннымъ фактомъ, выяснится воочию. Вѣковая дремота края-жемчужины, края-богатыря кончилась, и, подобно Ильѣ Муромцу, разъ вставши на ноги, онъ начнетъ творить подвиги и чудеса неудержимо. Нуженъ былъ лишь первый толчокъ.

Начальные попытки культивировать край русскими силами были, какъ извѣстно, не совсемъ удачны. Тому оказались, разумѣется, достаточныя причины, ради выясненія которыхъ въ свое время сказано было или написано довольно многое и довольно горячо. Примыкать теперь къ хору этихъ объясненій заднимъ числомъ я не вижу никакой надобности. Пусть прошлое мирно спитъ въ могилѣ, подобно всемъ остальнымъ мертвецамъ. Но я могу засвидѣтельствовать, что послѣднія раздачи земель на побережьѣ русскимъ культурнымъ людямъ оказались несомнѣнно успѣшными. Эти раздачи совершены были безъ года недѣлю назадъ, да и теперь еще, повидному, не закончены; однако, трудно найти участокъ, на которомъ не визжала бы уже пила, не работали кирки, рыхляющія почву. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ появились дороги, домики или хотя сарайчики, кукурузныя полянки, а кое-гдѣ даже и засаженія плодовыхъ деревьевъ. Пionеры-арендаторы или собственники иные трудятся лично, переносятъ непривычныя имъ неудобства и лишенія, но полны энергіи, вѣры, бодрости, и нѣкоторые — даже энтузіазма; иные, занятые службою либо другимъ дѣломъ, не допускающимъ продолжительныхъ отлучекъ съ мѣста ихъ жительства, поручили разработку и засаженіе своихъ участковъ мѣстнымъ свѣдущимъ обывателямъ. Говорятъ, нѣкоторые изъ послѣднихъ, особливо дипломпрованные спеціалисты, наживаютъ этимъ хорошія деньги. Говорятъ даже...

Тс! Я на минуту опять вообразилъ себя въ Сочи, гдѣ вообще привыкли рассказывать слишкомъ много и неудержимо. Поостерегусь; тѣмъ болѣе, что сочинскія бесѣды не всегда свободны отъ фантазій.

На мой взглядъ, скорый и серьезный приступъ къ разработкѣ участковъ явился послѣдствіемъ не столько строгихъ условій раздачи, выработанныхъ соотвѣтствующимъ вѣдомствомъ, сколько сердечнымъ участіемъ къ дѣлу главнаго завѣдующаго ими лица и счастливою мыслью ограничить размѣры участковъ въ большинствѣ случаевъ двумя-тремя десятками десятинъ.

Прежде розданныя крупныя владѣнія естественнымъ порядкомъ попадали въ руки людей съ большимъ общественнымъ положеніемъ или огромными средствами, то-есть людей очень занятыхъ, очень высоко стоящихъ,

очень озабоченных другими серьезнейшими интересами, а потому не имевших ни времени, ни охоты посвятить много вниманія своимъ новымъ приобретениямъ въ какой-то далекой и полудикой, хотя и прекрасной пустынь. Забота о нихъ либо откладывалась съ года на годъ, либо принимала характеръ забавы, иногда очень недешевой. Были, конечно, счастливыя исключенія, но ихъ немного. Поэтому розданные участки въ лучшемъ случаѣ разрабатывались достаточно неумѣло и безъ толку, а въ худшемъ— лежали не тронутыми.

Мелкіе владѣльцы, несомнѣнно, отнесутся (да уже и относятся) къ своимъ участкамъ съ большимъ вниманіемъ. Почему бы ни озаботились они приобретениемъ клочка бережной почвы—въ упованіи ли выгоды промышленнаго характера, въ надеждѣ ли свить себѣ уютное гнѣздо въ тепломъ краѣ для отдыха и наслажденія—во всякомъ случаѣ достигнуть этихъ благъ можно лишь эксплуатаціей участка, которая, въ виду его скромныхъ размѣровъ, и средствъ требуетъ не очень значительныхъ.

Говорятъ, отъ копеечной свѣчки Москва сгорѣла, а пара кропиковъ, случайно ввезенныхъ въ Австралію, расплодилась до того, что потомки этихъ робкихъ грызуновъ сдѣлались истиннымъ бичомъ населенія въ данной странѣ. Слѣдовательно, явленіе, зародившееся на благопріятной для себя почвѣ, разрастается съ изумительной энергіей. Но что же можетъ быть благопріятнѣе условий колонизаціи кавказскаго побережья съ производительной цѣлью? Баснословно щедрая, дѣвственная почва, климатъ, богатый солнцемъ, тепломъ и дождями, дерево и камень для построекъ на каждомъ шагу, и при этомъ—чрезвычайная, исключительная цѣнность иныхъ самыхъ обычныхъ и легко добываемыхъ предметовъ потребленія. Фунтъ кочанной капусты на рынкѣ въ Сочи стоитъ 6 копеекъ! А хорошихъ, даже сносныхъ яблокъ или грушъ нѣтъ вовсе. Коровье масло выпсывается изъ Москвы; и это въ странѣ, гдѣ подножный кормъ не псезаетъ зимою! Ясно, что первые поселенцы-промышленники могутъ сразу и легко реализовать значительныя выгоды, и даже не очень скоропреходящія, потому что каждый новый колонистъ-производитель, увеличивая удобства жизни въ краѣ, привлечетъ за собою нѣсколько лишнихъ большихъ и туристовъ. Рабочія же руки на Руси найдутся, была бы работа! Не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ побережье сдѣлается неузнаваемымъ въ смыслѣ культурности. Это не мое только мнѣніе; это единогласно свидѣтельствуется всѣми его постоянными обывателями и случайными посѣтителями, какъ очевидный и необходимый результатъ тѣхъ работъ, начинаній, которыя уже теперь обозначились въ краѣ. Но, вѣдь, чрезъ пять-то лѣтъ, гг. читатели, мы, можетъ быть, будемъ ѣздить по Новороссійско-Батумской желѣзной дорогѣ, которая уже рѣшена, стоитъ на очереди; всѣ предварительныя разслѣдованія, необходимыя для

сооруженія, произведены. А, вѣдь, современная жизнь течетъ быстро, нервно; современные промышленныя теченія на застаиваются въ болото, не глохнуть...

Въ настоящее время вдоль кавказскаго побережья ходятъ только пароходы, далеко не во всякую погоду имѣющіе возможность останавливаться въ Сочи, Сухумъ-Кале и др. quasi-портахъ Кавказа. Въ прошломъ февралѣ, напримѣръ, Сочи имѣло счастье лишь два раза принимать съ парохода пассажировъ и грузъ. Сообщение между населенными мѣстностями побережья поддерживается еще недурной шоссейной дорогой; но на ней не имѣется почтовыхъ лошадей и не вездѣ готовы мосты, хотя горныя рѣки въ дождь безузловно непроѣзды. Отсюда легко заключить, чѣмъ явится для края желѣзная дорога и какія выгоды сулитъ она поселенцамъ-производителямъ, которые встрѣтятъ ее со свѣтильниками въ рукахъ, а не на положеніи спящихъ дѣвъ, которые сумѣютъ предложить будущимъ гостямъ края готовые дачи, экипажи, купальни, вкусный здоровый столъ, наконецъ, даже изящныя корзины съ превосходными плодами, для потребленія на мѣстѣ и увоза туда, на холодный, неласковый сѣверъ, въ подарокъ близкимъ и милымъ. Можно рассчитывать съ полною увѣренностью, что лица, умѣло подготовившіяся къ подобной встрѣчѣ залетныхъ странниковъ, не будутъ каяться въ тѣхъ издержкахъ, хотя бы даже нѣсколько повышенныхъ спѣшностью работы, которыя придется имъ положить на культуру своихъ участковъ.

Итакъ, кавказское побережье въ самомъ близкомъ будущемъ можетъ подарить намъ цѣлымъ рядомъ морскихъ купаній, превосходнѣйшихъ климатическихъ станцій, не только зимнихъ прибрежныхъ, но и горныхъ лѣтнихъ, наконецъ, даже цѣлебными водами. Самъ по себѣ такой итогъ далеко не ничтоженъ. Но я смѣю думать, что онъ окажется дѣйствительно малоцѣннымъ сравнительно съ тѣми великими результатами, которые мерещатся мнѣ, старому сельскому хозяину, въ дальнѣйшемъ развитіи богатаго, Богомъ отмѣченнаго края. Глядя на изумительное разнообразіе его минеральныхъ залежей, на обиліе топлива и даровыхъ матеріаловъ для строительства, на обиліе и высоту паденія воды, невольно приходишь къ мысли, что возникновеніе рудной и заводско-фабричной промышленности здѣсь не заставитъ себя ждать слишкомъ долго. Однако, еще несомнѣннѣе, грандіознѣе, повидимому, должна развиваться въ этомъ чудномъ краѣ культура земледѣльческая. Назойливой, неотвязной мечтѣ открываются въ этомъ отношеніи такіе блестящіе, ослѣпительные горизонты, что почти страшно рассказывать свои сны вслухъ. Но я все-таки хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями хотя уголкомъ этихъ видѣній.

На мой взглядъ все побережье южнѣ Туансе, то-есть цѣлая его приморская полоса, поднимающаяся до высоты въ 400—600 метровъ надъ

уровнемъ океана, должно оказаться однимъ сплошнымъ будущимъ садомъ. И какимъ садомъ! Побережье, повидимому, вполне способно соперничать въ этомъ смыслѣ съ лучшими мѣстностями Италіи и южной Франціи, сохраняя, однако, нѣкоторыя свои очень характерныя и цѣнныя особенности— способно не только заполнить нашъ рынокъ такими же чудными плодами, какіе теперь получаютъ изъ-за границы по безумно-дорогой цѣнѣ (въ столичныхъ магазинахъ до двухъ рублей за яблоко или грушу!), но и расширить программу европейскаго плодоводства, пополнивъ ее новыми и цѣнными культурами.

Судите сами. Климатъ побережья богатъ солнцемъ и тепломъ; десять градусовъ ниже нуля по R. наблюдаются здѣсь не чаще одного-двухъ разъ за цѣлое десятилѣтіе. Разрушительныхъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ очень мало вообще; но легко найти мѣста, безусловно отъ нихъ защищенные. Почва по большей части глинистая съ достаточнымъ содержаніемъ перегноя, съ огромнымъ запасомъ минеральныхъ породъ, болѣе или менѣе разрушающихся; слѣдовательно, почва — почти идеальная для плодовыхъ насажденій. Но, кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что эта почва совсѣмъ дѣвственная по своей свѣжести, первобытная или по крайней мѣрѣ позабытая культурою въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Нетрудно понять серьезное значеніе этого условія, почти совершенно отсутствующаго въ остальной Европѣ; вѣдь, оно обезпечиваетъ не только чрезвычайную производительную силу земли, но и совершенную ея чистоту отъ множества зараженій, прививаемыхъ давнею культурою. Наконецъ, побережье не только не бѣдно дождями, а напротивъ, отличается исключительнымъ ихъ обиліемъ, которое многими считается чуть ли не одною изъ невыгодъ края. Я съ этимъ никакъ не рѣшаюсь согласиться. Влага осадковъ не можетъ явиться излишнею тамъ, гдѣ южное солнце выпиваетъ ее столь энергически, а естественныя покатости сами собою отводятъ весь избытокъ въ рѣки, ручьи и море. Съ нею ~~нельзя~~ можно умѣть ладить, ее необходимо принимать въ расчетъ при культурѣ растений, примѣняться къ этому новому для насъ и рѣдкому условію климата; но сѣтовать на нее, признавать ее чуть ли не одною изъ египетскихъ казней страны—просто смѣшно.

Невольно является вопросъ: да что же заставляеть иныхъ мѣстныхъ мудрецовъ и практиковъ, иногда даже дипломированныхъ спеціалистовъ земледѣлія, съ явнымъ сомнѣніемъ относиться къ успѣхамъ плодоводства въ краѣ, особливо плодоводства, преслѣдующаго коммерческія цѣли или претендующаго на культуру продуктовъ очень высокаго достоинства? Я лично, по крайней мѣрѣ, слышалъ только одно сколько-нибудь серьезное указаніе: на трудность борьбы съ кровиною тлею. Однако, гдѣ на югѣ ея нѣтъ? Побережье, богатое дѣвственными почвами, и въ отношеніи къ этому

бичу плодводства находится скорѣе въ привлеченномъ, исключительно выгодномъ положеніи; при нѣкоторомъ вниманіи и осторожности, бережливые плодководы могутъ довольно долго охранять свои молодыя насажденія отъ заноса губительной тли. Наконецъ, повторяю, это не возраженіе, потому что именно страны съ наиболѣе высокоразвитымъ плодководствомъ всѣ вынуждены мириться съ данной бѣдой.

Что же еще? Неужели всѣ основанія исчерпываются десяткомъ-другимъ неудачныхъ опытовъ? Но какіе это опыты! При наличности очень своеобразныхъ условій климата и почвы побережье, очевидно, нуждается въ выработкѣ своихъ собственныхъ приѣмовъ и законовъ садовой культуры; простое примѣненіе того ухода за плодовыми растеніями, который принятъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи или Европы, по всей вѣроятности окажется здѣсь либо недостаточнымъ, либо даже ошибочнымъ. А въ садахъ побережья—увы!—я почти не видалъ слѣдовъ никакого ухода за насажденіями, не только сознательнаго и любовнаго, но хотя бы только рутинно-умѣлаго. Вглядываясь, напримѣръ, на непостижимыя насажденія г. Хлудова, стоившія сотни тысячъ и прославленныя услужливыми корреспондентами, удивляешься не тому, что они плохи, а... самому г. Хлудову. Оказывается, что земледѣльческое искусство, на которое такъ презрительно смотрятъ гг. московскіе фабриканты и заводчики съ высоты своего обезпеченнаго запретительными пошлинами величія, не такъ-то легко дается даже милліонамъ. Между тѣмъ, казенная испытательная станція, *намыренно* учрежденная именно на томъ участкѣ земли, который считался наиболѣе непригоднымъ для культуры, дала уже весьма любопытные и цѣнные результаты, а обѣщаетъ дать несравнимо большее въ будущемъ, притомъ съ затратою лишь скромныхъ средствъ.

Во всемъ Сочи и его окрестностяхъ мнѣ удалось видѣть лишь одинъ небольшой плодовой садъ, пользующійся весьма обычнымъ, но старательнымъ и толковымъ уходомъ со стороны владѣльца. Это—садъ г. Толоконникова. Зато и результаты его крошечнаго опыта, конечно, заставятъ призадуматься многихъ. Повидимому, урожай плодовъ поступаетъ пока въ пользование самого владѣльца и его семьи: деревца покуда молоды и невелики. Исключеніемъ являются сливы, занимающія своими рядами приблизительно одну четверть десятины. Г. Толоконниковъ ежегодно продаетъ ихъ въ видѣ чернослива на сумму свыше двухсотъ рублей.

Позвольте! Если при существующихъ въ краѣ условіяхъ культура простой сливы, далеко не изъ лучшихъ для сушки сортовъ, способна давать около тысячи рублей валового дохода съ десятины—чего же можно ожидать отъ культуры болѣе цѣнныхъ плодовъ, при устройствѣ правильныхъ желѣзнодорожныхъ сообщеній?

Убѣдительный примѣръ необычайной силы дѣвственныхъ почвъ побережья я видѣлъ на участкѣ извѣстнаго врача г. Піунова, верстахъ въ пяти или шести отъ Сочи. Примѣръ этотъ я рѣшаюсь рекомендовать вниманію всѣхъ лицъ, сколько-нибудь опытныхъ въ плодоводствѣ. На данномъ участкѣ хорошо и правильно посажены хорошія деревья яблонь, грушъ, персиковъ и винныхъ ягодъ, выписанныя частью или всѣ—не умѣю сказать—изъ Берлина. Господи! Что изъ нихъ вышло за одинъ *первый годъ пересадки на мѣсто!* Если бы я не видалъ этого прироста, этого развитія, да не двухъ-трехъ, а большей части деревцовъ, не видалъ бы на самомъ дѣлѣ, собственными глазами, я не повѣрилъ бы никакому описанію, хотя въ свое время присматривался къ плодовымъ посадкамъ въ Италіи, Тиролѣ и южной Франціи...

Когда дѣло идетъ о будущемъ, всегда болѣе или менѣе гадательномъ, разумѣется, всѣ могутъ одинаково легко ошпаться. Можетъ быть, ошибаюсь и я въ своихъ упованіяхъ на великое развитіе побережнаго плодоводства. Но у меня имѣются, по крайней мѣрѣ, ясныя, серьезныя и безспорныя основанія для вѣры, которую я откровенно исповѣдалъ передъ гг. читателями. А на чемъ основываются гг. дипломированные и недипломированные скептики? Это пока ихъ секретъ, который пора бы сдѣлать гласнымъ.

Другая земледѣльческая культура великаго значенія, предстоящая кавказскому побережью, это—широкое производство подѣлочнаго дерева самыхъ драгоцѣнныхъ породъ. Такая будущность является уже, конечно, несомнѣнною для края, въ которомъ и теперь растутъ цѣлые лѣса краснаго дерева, самшита, орѣха, бука, горнаго дуба, каштановъ и пр. Но значеніе этой культуры для Россіи, сравнительно небогатаго столярными матеріалами высшаго качества, понятно безъ толкованій; вѣдь, у насъ даже обыкновенный клепочный дубъ продается уже поудно. О заграничныхъ цѣнахъ на дерево я не говорю: онѣ въ нѣсколько разъ выше нашихъ.

Чрезвычайно интересныя и заманчивыя условія представляетъ этотъ благословенный край еще для пчеловодства, разведенія породистыхъ птицъ, пастбищнаго хозяйства и пр.

Затѣмъ, въ газетѣ „Черноморскій Вѣстникъ“ за 1900 годъ былъ помѣщенъ рядъ интересныхъ „Очерковъ Абхазіи“, трактующихъ о томъ же кавказскомъ побережьи Чернаго моря—собственно о Кодорскомъ участкѣ. Авторъ, г. Мачаваріани, говоритъ сѣдующее:

Кодорскій участокъ, или бывшій Абживскій округъ, переименованный одно время въ Очемчпрскій, по своему географическому положенію и по

богатству своихъ естественныхъ произведеній ничуть не уступаетъ Гумп-стивскому и Гудаутскому участкамъ. Береговая полоса этого участка простирается отъ рѣки Кодоръ до рѣки Охурин, къ которой примыкають границы 4-го участка Сухумскаго округа, именно Самурзакани, а противоположная сторона этой полосы ограничена цѣпями горъ Кавказскаго хребта. Недалеко отъ этихъ горныхъ цѣпей до сихъ поръ остаются слѣды военной дороги, проложенной при бывшемъ кавказскомъ намѣстникѣ князѣ Воронцовѣ. Отъ взоровъ этого замѣчательнаго государственнаго администратора не могъ укрыться ни одинъ уголокъ, если только онъ чѣмъ-нибудь заслуживалъ вниманія. Князь Воронцовъ, несомнѣнно, зналъ о существованіи въ Кодорскомъ участкѣ какъ богатѣйшихъ лѣсныхъ насажденій, такъ и разнаго рода лучшихъ цѣлебныхъ источниковъ, роскошныхъ виноградныхъ садовъ, а потому проведеніемъ хотя бы одной благоустроенной дороги имѣлъ въ виду дать выходъ абхазцамъ или въ Сухумъ, или въ Очемчирь. Въ этомъ же участкѣ (въ Ткварчельской общинѣ) находится тѣ миллионныя пальмовыя насажденія, которыя не даютъ покоя ни днемъ, ни ночью разнымъ предпринимателямъ. Если ко всему этому добавить разнообразіе минеральныхъ рудъ, какъ-то: мѣди, желѣза, серебро-свинцовой руды и проч. богатствъ, въ связи съ каменнымъ углемъ и инфузурной землей, какими изобилуетъ этотъ участокъ, тогда легко убѣдиться, почему теперь Кодорскій участокъ вызываетъ всеобщее вниманіе какъ спеціалистовъ, такъ и людей разныхъ профессій.

Покойный генераль-лейтенантъ князь Григ. А. Шервашидзе, отдавъ на срубъ только самую ничтожную часть изъ своихъ богатѣйшихъ лѣсныхъ насажденій одной французской компаніи, получилъ отъ этой компаніи около 160 тыс. рублей. Этимъ примѣромъ мы желаемъ доказать естественныя богатства Кодорскаго участка, къ числу которыхъ надо также отнести изобиліе вѣковыхъ орѣховыхъ деревьевъ. Приобрѣтая каждое изъ этихъ деревьевъ по 10—15 рублей, сами эксплуататоры продавали потомъ по 50—60 рублей. Но надо видѣть, какимъ истязаніямъ подвергаются несчастныя орѣховыя деревья, пока выберутъ нужное количество для желаемой эксплуатации. Ради 5 или 10 деревьевъ, погибають 20 или 30 гордо растущихъ великановъ; гибель ихъ больше всего происходитъ отъ неумѣнія. Милліоны дубовыхъ клешокъ, милліоны орѣховыхъ брусевъ вывозились изъ Кодорскаго участка и грузились на заграничныя пароходы. А сколько пальмоваго лѣса вывезено изъ того же участка!

Несмотря на несомнѣнное существованіе многихъ богатствъ въ Сухумскомъ округѣ, до настоящаго времени почти ничего не сдѣлано для приведенія ихъ въ извѣстность. Мы недоумѣваемъ, почему люди, до извѣстной степени свѣдущіе, не могли указать ни на одно изъ этихъ бо-

гатствъ, а какой-нибудь аробщикъ или дрогарь открылъ и мѣдную руду, и желѣзную, и каменный уголь, и торфъ.

Причины этого ненормальнаго порядка вещей — наша халатность, а подчасъ и наше неумѣніе. Мы всегда интересуемся богатствомъ чужихъ странъ, а свои оставляемъ безъ вниманія. Пишутъ, говорятъ, что раціональное веденіе винодѣлія, пчеловодства, горнаго дѣла и пр. безусловно подниметь народное благоденствіе; но да разрѣшено намъ будетъ спросить нашихъ народныхъ друзей, имѣютъ ли они понятіе, какъ ведется какъ эти, такъ и другія отрасли сельскаго хозяйства въ такомъ богатомъ краѣ, какъ Абхазія? Между тѣмъ, если бы кто захотѣлъ поближе познакомиться вообще съ Абхазіей, а въ частности съ Кодорскимъ участкомъ, то онъ воочію убѣдился бы, что здѣшніе сорта винъ, какъ, наиримѣръ, отарское (въ имѣніи князей Ивана и Александра Шервашидзеыхъ) и джгердинское не уступятъ никакому заграничному вину. Въ этомъ участкѣ не мало крестьянъ, которые располагаютъ 1¹/₂ — 2 тыс. ульями пчель и не только добываютъ прекрасный, ароматный медъ, но и воскъ, которые въ огромнѣйшихъ размѣрахъ за безцѣнокъ закупаются опять-таки разными эксплуататорами. Что съ горнымъ дѣломъ были знакомы абхазцы, мы уже говорили; но насъ поразило еще то, что они оказались прекрасными знатоками минеральныхъ красокъ. Намъ были доставлены цѣнные образцы охры, которой они пользуются при окраскѣ половъ. Конечно, мы беремъ интеллигентныхъ абхазцевъ, въ родѣ князя Алексѣя Эмухвари и др., которые знаютъ цѣну окрашенныхъ половъ. Въ селеніи Отара и во многихъ другихъ селеніяхъ въ большомъ ходу бѣлая глина, вполне замѣняющая известку при возведеніи разныхъ построекъ.

Восхищаемся мы заграничными минеральными водами, а также и отечественными, доступъ къ которымъ едва ли возможенъ для простого смертнаго. Между тѣмъ, вся Абхазія (главнымъ образомъ Кодорскій участокъ) богата разнаго рода цѣлебными источниками. Дайте имъ благоустройство, и не надо будетъ ѣхать ни въ Кисловодскъ, ни въ Пятигорскъ. Правда, римскіе богачи для своего богатаго стола пользовались соловьиными языками и рыбами изъ Египта, но намъ, бѣднякамъ, едва ли можно пріобрѣтать и ростовскую рыбу.

Просимъ прошенія за маленькое отступленіе, но не можемъ не указать на то, что на Кавказѣ никому, кромѣ батумцевъ, неизвѣстно, какое изобиліе красной рыбы недалеко отъ Кобулетъ, именно у устья рѣки Чолока, на посту св. Николая; ловятся тамъ больше всего осетры и бѣлуга, входящіе отъ 10 до 20 пудовъ вѣсомъ. Съ каждымъ пароходомъ отправляютъ изъ Батума больше 1.000 пудовъ въ разныя мѣста. Недавно одинъ рыболовъ выручилъ за свѣжую икру отъ двухъ только крупныхъ рыбъ

120 рублей. Знаютъ ли объ этомъ промыслѣ? Существуютъ ли какія-либо правила для такого промысла? Получаетъ ли казна какой-либо доходъ? Принимаются ли какія-либо мѣры, чтобы рыболовы своею алчностью не уничтожили этотъ промыслъ?

Возвратимся къ Кодорскому участку. Недалеко отъ Очемчирь находятся прекрасныя сѣрныя теплыя воды. Этими водами пользуются абхазцы съ незапамятныхъ временъ, а между тѣмъ до сихъ поръ не имѣется тамъ никакихъ благоустроенныхъ ваннъ, никакихъ удобныхъ помѣщеній, никакой порядочной дороги отъ моря къ этимъ источникамъ. Разбросанные минеральныя источники по горамъ Кодорскаго участка существуютъ только для пастуховъ, для скота и водящихся тамъ звѣрей. Не даромъ пастухи возвращаются съ горъ здоровыми и жизнерадостными.

Упомянувъ о пастухахъ, не можемъ не сказать и объ отчаянныхъ абхазскихъ охотникахъ, которые на всемъ бѣгу бьютъ кунницъ, дикихъ козъ, барановъ (туровъ), кабановъ, а о медвѣдяхъ нечего и говорить. Сколько дорогихъ мѣховъ и кунницъ продавалось за безцѣнокъ—опять-таки вѣдаетъ Аллахъ. Что удивительно—это то, что до сихъ поръ мы не имѣемъ ни одного геологическаго описанія знаменитой Человской сталактитовой пещеры, находящейся недалеко отъ Очемчирь. Правда, многіе пріѣзжали для изслѣдованія этого дивнаго творенія природы, но, къ сожалѣнію, никто не рѣшился проникнуть въ самую глубь пещеры. Только одинъ абхазскій князь Хабугъ Анчабадзе рѣшился разъ съ нѣсколькими товарищами обратиться туда. Вошли они въ пещеру рано утромъ и шли, то стоя, то ползкомъ, до 2-хъ часовъ дня; но, когда запасъ искусственнаго освѣщенія истощился, то они вынуждены были вернуться назадъ. Говорятъ, что чудныя и фантастическія формы сталактитовъ приводятъ и въ восторгъ, и въ ужасъ. Въ одномъ мѣстѣ—комнаты со скамейками и столомъ, въ другомъ—залъ съ колоннами, въ третьемъ—изображеніе человѣческихъ фигуръ и т. д. По преданію, распространенному въ народѣ, въ этой пещерѣ якобы до сихъ поръ томится рыжій наѣздникъ со своей лошадыю, за его враждебное отношеніе ко всѣмъ винограднымъ насажденіямъ, которыя онъ уничтожилъ сабельными ударами. За это Богъ наказалъ его и назначилъ ему эту пещеру постояннымъ мѣстомъ жительства. По увѣренію современныхъ абхазцевъ, пещера эта имѣетъ выходъ въ Терскую область, и во время оно жители этой области сообщались по этой пещерѣ съ жителями Абхазіи.

Еще болѣе интересныя и серьезныя сообщенія сдѣланы были въ Географическомъ обществѣ, 26-го октября 1900 г. (въ засѣданіи отдѣленій физической и математической географіи), о томъ же черноморскомъ побережьѣ проф.

А. Н. Красновымъ. Г. Красновъ, въ сжатомъ красивомъ очеркѣ далъ наглядную картину въ отношеніи геологін, флоры и фауны этого богатнаго края, представлявшаго еще такъ недавно малозвѣстныя дебри, но теперь быстро оживающаго и обращающаго на себя вниманіе и администраціи, и частныхъ колонизаторовъ. Свѣдѣнія докладчика тѣмъ болѣе цѣнны для насъ, что они почеркнуты на мѣстѣ, а также потому, что имѣющаяся у насъ литература о Сочи очень бѣдна и, что еще хуже, большею частью невѣрна. Сочи—это узкая береговая полоса, верстъ въ 40, граничащая на югѣ съ Кутаисской губерніей и на сѣверѣ рѣкою Шахе. Сочи принято изображать въ видѣ трехъ гигантскихъ лѣстницъ, спускающихся отъ главнаго хребта къ морю; это совершенно неправильно, — говоритъ г. Красновъ:—все эти три хребта почти одинаковы по своей вышинѣ (вершины до 10 тыс. фут.) и являются какъ бы зубьями одной пилы. Прибрежные хребты достигаютъ высоты болѣе 1.000 фут., хотя нечисляютъ обыкновенно менѣе 300 фут. Эти три хребта отступаютъ отъ берега верстъ на 15, но во время сильныхъ бурь море доходитъ до нихъ и продолжаетъ свою работу размыванія. Главнѣйшія рѣки промываютъ продольныя долины, заворачиваютъ къ морю, впадаютъ въ него и промываютъ хребты. При своемъ выходѣ онѣ весьма суживаются, что ведетъ часто къ быстрымъ наводненіямъ. Климатъ черноморскаго побережья крайне разнообразенъ. Воейковъ въ своей брошюрѣ сравниваетъ Сочи съ Ривьерой; по его мнѣнію, климатъ Сухума ниже климата Ниццы въ средней температурѣ на $0,7^{\circ}$. Октябрь, напримѣръ, въ Сухумѣ, теплѣе, чѣмъ въ Ниццѣ. Г. Красновъ указываетъ на огромную разницу количества годовой влаги Ниццы, гдѣ выпадаетъ ея не болѣе 830 миллиметровъ, и Сухума, гдѣ много болѣе 1.000; еще ббльшая разница въ этомъ отношеніи между Сочи и Ривьерой. Г. Красновъ находитъ болѣе аналогіи въ климатѣ даннаго края и Японіи. Въ Сочи, наприм., 17° средней температуры и теплѣе, чѣмъ въ Токио, гдѣ 15° . Вся растительность Японіи можетъ быть перенесена въ Батумскій округъ, гдѣ теперь воздѣлывается болѣе 100 десят. чая, который обрабатываютъ наши тамбовскіе мужички, при чемъ урожай получается не менѣе, чѣмъ въ Китаѣ; здѣсь же свободно растутъ мандарины, бумажное дерево и цѣлыя бамбуковыя рощи. Сочи, хотя не находится въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ, какъ Батумъ, но свободно можетъ дать пріютъ растеніямъ Іюкогамы, Калифорніи, Австраліи, Новой Зеландіи и т. п. Но есть черты, весьма отличающія черноморскій край отъ тропическихъ странъ,—это присутствіе холоднаго Чернаго моря и господство бризъ, благодаря чему происходитъ крайняя разница температуръ на незначительныхъ промежуткахъ, что рѣзко вліяетъ и на растительность. По первому впечатлѣнію, вся береговая полоса кажется покрытой лиственнымъ лѣсомъ Западной Европы,

но на самомъ дѣлѣ онъ далеко не однороденъ,—за первымъ береговымъ контрфорсомъ исчезаетъ букъ, каштанъ и появляется сосна (*pinus maritima*). Флора вообще раздѣляется на продукты влаги и сухости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы, какъ подъ тропиками, видимъ гигантовъ, обвитыхъ лианами, виноградомъ и плющемъ, стволы которыхъ толщиной въ руку; трава почти отсутствуетъ; лѣсъ на мѣстахъ, когда-то обрабатывавшихся черкесами, совсѣмъ другой, состоящей изъ черной ольхи; если мы завернемъ за берегъ, за хребты въ ущелья, гдѣ отсутствуетъ вліяніе бризъ, то тамъ увидимъ вѣчно-зеленый лѣсъ, съ породами деревьевъ, растущихъ на 8 и 10 тысячъ футовъ высоты. Основательное знакомство съ такимъ климатическимъ разнообразіемъ необходимо для будущаго колонизатора и эксплуататора края. Климатъ Сочи скорѣе всего совпадаетъ съ климатомъ юго-западной Франціи (склоны Пиринеевъ). Январь мѣсяць въ Сочи имѣетъ въ среднемъ температуру $4,4^{\circ}$ —въ Тулузѣ 4° , лѣто и осень теплѣе, чѣмъ въ Тулузѣ, распределеніе же осадковъ почти одинаково; поэтому въ Сочи прекрасно можетъ приниматься французскій черносливъ, персики, виноградъ. Почва Сочи также ошибочно считается за черноземъ, ей можно дать діаметрально противоположное названіе—*бѣлоземъ*, она бѣла, какъ бумага; черноземъ содержитъ массу солей, почва же Сочи представляетъ полное выщелачиванье; теперь плодородна она, благодаря солнцу и влагѣ, но въ будущемъ потребуетъ обильнаго удобренія; овощи, родящіяся на этой почвѣ, водянисты, а фрукты не выносятся перевозкой. То, что считается въ Сочи за черноземъ, есть перегной листвы и болота, образующійся въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Что касается животнаго царства, то Сочи—Эльдорадо для охоты: тутъ и медвѣди, и шакалы, стада дикихъ козъ, кабановъ и т. п. Такое разнообразіе населенія, какъ въ Сочи, едва ли можно встрѣтить на Кавказѣ: персіяне, армяне, греки, турки, черкесы живутъ рядомъ попеременно съ грузинами, мингрельцами, эстами, нѣмцами, великороссами, малороссами; самыми полезными элементами въ смыслѣ культуривировки края являются русскіе и нѣмцы. Въ заключеніе А. Н. Красновъ указалъ на несправедливыя жалобы на неудачи съ опытами плантаторскою дѣятельности на сочинской почвѣ: „неудачи эти завяжутся исключительно отъ неумѣлаго выбора мѣстности по незнанію климата“.

Вотъ какой дивный и богатый край лежитъ въ разстояніи всего какихъ-нибудь трехъ сутокъ ѣзды отъ Петербурга!..

Въ заключеніе, позволю себѣ привести здѣсь цѣликомъ, и мою статью о восточномъ побережьи Чернаго моря, напечатанную въ майской кн. „Историческаго Вѣстника“ въ этомъ году—какъ результатъ моего пяти-недѣльнаго проживанія въ гор. Сочи.

Русская Ривьера.

I.

Общее увлеченіе Кавказскимъ побережьемъ. — Приѣздъ въ Сочи. — Волшебная панорама города. — Больные и купающіеся. — Необычайная дешевизна жизни и винограда. — Окрестности Сочи. — Дачи нашихъ министровъ и другихъ лицъ. — Сезонъ построекъ. — Оазисы въ лѣсахъ. — Лѣсные звѣри. — Окрестныя селенія. — Характерныя встрѣчи въ лѣсахъ. — Възлительность мѣстнаго населенія. — Отсутствие воровства и пьянства. — Турки и русскіе.

Черноморское побережье привлекаетъ, въ настоящее время, къ себѣ всеобщее вниманіе русскихъ людей и даже многихъ нашихъ писателей, называющихъ его „Русскою Ривьерой“, „Русскою Колхидой“ и пр. Въ прошломъ году, осенью, возвращаясь изъ Кисловодска въ Петербургъ и соблазнившись статьями профессора А. Н. Краснова и гг. Маркова, Ѳ. Ромера, Воейкова, Клингена, Лендера и другихъ о красотахъ этого побережья, я рѣшилъ проѣхать на нѣсколько дней въ Сочи. И вотъ, пріѣхавъ я туда въ началѣ октября, но прожилъ не нѣсколько дней, какъ предполагалъ, а нѣсколько недѣль, до половины ноября, и уѣзжая, очень сожалѣлъ, что не могъ остаться въ этомъ чудномъ и благодатномъ мѣстечкѣ всю зиму. Я много въ своей жизни путешествовалъ, побывалъ три раза за границей, жилъ въ Крыму, но то, что я увидѣлъ на черноморскомъ побережьѣ Кавказа, можетъ далеко превзойти самую пылкую, требовательную фантазію... Живя въ Сочи, въ октябрѣ и ноябрѣ, едва вѣрилось, что это — уголокъ нашей суровой, непривѣтливой родины!

Представьте себѣ полукругъ, амфитеатромъ, въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ величиною, омываемый съ запада никогда не замерзающимъ моремъ и огражденный отъ востока и сѣвера уступами скалъ и грядами горъ, покрытыхъ по своимъ склонамъ вѣковымъ лѣсомъ — дубовыми, орѣховыми, каштановыми и буковыми деревьями; далѣе, на вершинахъ этихъ горъ сіяютъ „вѣчные снѣга“... На всемъ этомъ амфитеатрѣ имѣется роскошная субтропическая растительность, простирающаяся далеко на югъ, вдоль побережья моря. Весь лѣсъ и сады были зеленѣющіе и не имѣли еще ни одного желтаго листка, а море было такъ тепло, что публика продолжала въ немъ купаться. Въ садахъ Сочи были въ полномъ цвѣту розы, цвѣла ароматическая японская мушмала, расцвѣтали камеліи, растущія здѣсь прямо въ грунтѣ, во всѣхъ садахъ, какъ и леандры же и пальмы. Въ тѣхъ же садахъ зеленѣли темные, стройные кипарисы, лавровыя и лавровишневые деревья и различныя породы хвойныхъ деревьевъ.

Присоедините къ этому яркое солнце и чудный морской воздухъ, напоенный кислородомъ лѣсовъ, окружающихъ Сочи съ трехъ сторонъ, и перемѣшанный съ ароматомъ садовъ и травъ, и, наконецъ, эту необыкновенную чистоту улицъ, не знающихъ никогда грязи — вълѣдствіе желѣзисто-глинистой почвы — и, вдобавокъ, окаймленныхъ по краямъ красивою зеленью травы и дикой ежевики. Представьте еще себѣ дешевизну жизни вообще, а винограда и фруктовъ въ особенности, — и вамъ станетъ понятно то всеобщее увлеченіе нашимъ черноморскимъ побережьемъ Кавказа, которое испытываетъ каждый путешественникъ, попавшій сюда хотя одинъ разъ въ жизнь *)).

Я засталъ въ Сочи еще множество больныхъ, преимущественно легочныхъ и страдающихъ нервными головными болями, изъ числа тѣхъ, которые, будучи воспримчивы къ лихорадкамъ, не могутъ поэтому жить въ Сухумѣ или Батумѣ, гдѣ климатъ позднею осенью и зимою еще мягче, чѣмъ въ Сочи. Здѣсь, напримѣръ, средняя температура зимою равняется лишь четыремъ градусамъ тепла по R.; но зато здѣсь не существуетъ лихорадокъ, да и самая жизнь представляетъ несравненно большія удобства, чѣмъ въ Сухумѣ или Батумѣ. До чего въ Сочи дешева жизнь осенью и зимою, это будетъ всего виднѣе, если я расскажу, хотя въ короткихъ словахъ, о своемъ собственномъ житьѣ-бытьѣ.

По приѣздѣ въ Сочи, я съ семьею остановился въ гостиницѣ, вблизи моря и въ центрѣ *Новаго* Сочи, расположеннаго у самаго моря, на его возвышенномъ берегу, гдѣ еще недавно былъ непроходимый лѣсъ, а теперь распланированы широкія и прямыя, прекрасно шоссированныя улицы и выстроены, а равно и устраиваются вновь, многочисленныя и крайне разнообразныя дачи. Я занялъ въ гостиницѣ два номера, изъ коихъ одинъ былъ съ балкономъ на главную, Московскую улицу; съ меня брали два рубля въ сутки *за оба* номера; затѣмъ, за самоваръ я платилъ особо по 30 коп., если не хотѣлъ пить чай въ общей столовой, гдѣ къ обѣду собрался обыкновенно всѣ жильцы этой гостиницы, отлично между собою перезнакомившіеся. Обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, прекрасно приготовленныхъ, за что мы платили по рублю съ человѣка. Послѣ обѣда, въ тотъ же счетъ, намъ подавался чай. Поживши въ гостиницѣ и рѣшившись остаться въ Сочи вмѣсто нѣсколькихъ дней на полтора мѣсяца, мы

1) Собственно черноморское побережье Кавказа представляетъ собою узкую полосу между моремъ и главнымъ кавказскимъ хребтомъ. Полоса эта имѣетъ у Новороссійска 14 верстъ въ ширину, а у Поти доходитъ уже до 172 верстъ; длина же этой полосы доходитъ до 600 верстъ вдоль по берегу. Полоса эта съ сѣвера и востока защищена второстепеннымъ хребтомъ горъ и его отрогами.

рѣшили, для большаго удобства, нанять частную квартиру и тотчасъ же нашли ее—тоже въ центрѣ Сочи, на той же Московской улицѣ, въ пяти минутахъ ходьбы отъ моря. За три комнаты, съ мебелью и роялемъ, съ отдѣльнымъ ходомъ и кухнею и съ обширнымъ, въ 1 десятину, садомъ для гулянья, съ насъ взяли 40 рублей въ мѣсяцъ; затѣмъ, положили особую плату за воду, за дрова на кухню и за угли для самовара по 2 рубля въ мѣсяцъ; итого вся квартира съ отопленіемъ и водою обошлась намъ въ 42 рубля въ мѣсяцъ (безъ прислуги, конечно), т.-е. въ такую сумму, за которую, напримѣръ, въ Кисловодскѣ нельзя найти даже и одной хорошей комнаты на мѣсяцъ.

Этой рѣдкой дешевизнѣ способствовало, главнымъ образомъ, позднее время сезона, а также и общая дешевизна въ Сочи на всѣ предметы и продукты первой житейской необходимости. Такъ, напримѣръ, кубическая сажень дровъ—дубъ, грабъ и чинарь—стоитъ въ Сочи 8—10 рублей; мясо самое лучшее 10 коп. фунтъ, масло 40 коп., чрезвычайно вкусная рыба кефаль, только что пойманная, покупается по 8 коп. фунтъ и пр. Еще дешевле въ Сочи были фрукты и виноградъ. Въ томъ же, напримѣръ, Кисловодскѣ хорошій виноградъ, такъ называемый дербентскій, мы купали по 20 и 25 коп. за фунтъ, а въ Сочи лучшій сортъ винограда, „изабелла“, изъ садовъ Хлудова, продавался по 3 коп. за фунтъ; сорта лафитъ и реслингъ по—4 коп. Каштаны продавались въ Сочи, въ базарные дни, по 50 и 60 коп. за пудъ; грецкіе орѣхи, продаваемые въ Москвѣ и Петербургѣ по 20 коп. фунтъ, въ Сочи можно было купить въ половинѣ октября, когда ихъ собираютъ въ лѣсахъ— по 1 р. 20 к. и 1 р. 50 к. за пудъ. Въ общемъ, жизнь въ Сочи являлась вдвое дешевле, чѣмъ, напримѣръ, въ Илтѣ или на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, гдѣ мясники устраиваютъ стачку и продаютъ мясо по 20 коп. фунтъ и дороже, а масло очень часто доходитъ до рубля за фунтъ и т. п.

Окрестности Сочи представляютъ собою, по красотѣ и живописности видовъ, очень пріятную цѣль для путешествій. Прежде всего, вась поражаетъ масса роскошныхъ виллъ и дачъ, садовъ и виноградниковъ, расположенныхъ на сѣверъ и югъ отъ Сочи, по береговой полосѣ моря. Иногда намъ представляется, какъ бы внезапно, послѣ какого-нибудь крутого поворота по береговому шоссе, величавыя и грандіозныя картины природы. Всего, напримѣръ, въ 4-хъ верстахъ отъ Сочи, по правому берегу рѣки того же названія, раскинулось въ очаровательной мѣстности селеніе Навагинское; въ семи верстахъ по дорогѣ на Адлеръ имѣется еще болѣе красивая мѣстность по рѣкѣ Агурѣ; затѣмъ выдѣляется по своей красотѣ мѣстность въ сторону Туапсе, въ 18 верстахъ отъ Сочи—имѣніе Дагомысь, принадлежавшее прежде государю, а потомъ переданное въ удѣлы;

тамъ въ настоящее время строится небольшой дворецъ. Въ ту же сторону, т.-е. отъ Сочи къ Туапсе, въ очаровательной же мѣстности, расположено имѣніе Учдере, великаго князя Константина Николаевича, занимающее пространство въ 1.200 десятинъ.

Дачные участки нѣкоторыхъ нашихъ гг. министровъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ расположены также въ очень живописныхъ мѣстностяхъ. Дача А. С. Ермолова—довольно скромная по величинѣ и архитектурѣ, выстроенная на купленной имъ изъ частныхъ рукъ землѣ, находится въ самомъ Сочи, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ моря, вблизи бульвара-парка, идущаго по обрыву надъ моремъ. Дача С. Ю. Витте выстроена на 9-й верстѣ отъ Сочи, по дорогѣ на Хоста, и расположена на высокомъ берегу моря; самый же участокъ, принадлежащій г. министру, довольно большой и захватываетъ обширное пространство земли по обѣ стороны шоссе, идущаго отъ Сочи на Адлеръ. По этой же дорогѣ, но поближе къ Сочи, достраивалась при насъ изящная вилла начальника Кубанской области, генерала Маламы, подъ наблюденіемъ и по планамъ инженера Б. Н. Шарданова, родомъ кабардинца; эта дача, въ сущности, самая красивая и роскошная изъ всѣхъ въ этой мѣстности виллъ и дачъ. Но самый живописный участокъ принадлежитъ военному министру А. Н. Куропаткину. Участокъ этотъ, занимающій всего лишь нѣсколько десятинъ, расположенъ въ верстѣ отъ Сочи, на югъ же, по самому берегу моря, возвышаясь надъ его уровнемъ на нѣсколько сажень; онъ весь покрытъ старыми дубами и чинарами; дачи еще нѣтъ, такъ какъ самый участокъ полученъ г. министромъ лишь въ сентябрѣ минувшаго года и только еще огораживался заборомъ. Неподалеку отъ участка намѣченъ вокзалъ будущей желѣзной дороги, которая должна будетъ соединить черноморское побережье съ линіею Владикавказской желѣзной дороги, проходящей на Новороссійскъ: проектировано провести вѣтвь отъ станціи Двинской на Майкопъ и Туапсе, а затѣмъ уже рельсы положены будутъ вдоль берега моря—на Сочи, Адлеръ и Сухумъ. Въ этой же сторонѣ, т.-е. все на той же дорогѣ изъ Сочи въ Адлеръ, имѣются еще три, болѣе выдающіяся виллы: первая принадлежитъ издателю „Петербургской Газеты“ г. Худякову, немало содѣйствовавшему этой части побережья въ разведеніи лучшихъ привозныхъ изъ-за границы сортовъ фруктовыхъ и иныхъ деревьевъ. Затѣмъ, устроена совѣмъ какъ бы на обрывѣ скалы дача-санаторіумъ для глазныхъ больныхъ, принадлежащая извѣстному окулисту г. Піунову, а совѣмъ въ лѣсу, у стараго шоссе, на значительной возвышенности, построена дача профессора Краснова.

Въ самомъ Сочи выдается по роскоши своей дача г-жи Мамонтовой, а немного въ сторонѣ отъ города, по дорогѣ въ Туапсе, красуется дача-дворецъ ея брата, г. Хлудова. По тому же направленію на сѣверъ имѣ-

ются дачи министра юстиціи Н. В. Муравьева и бывшаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Н. С. Абазы.

Вотъ почти и всѣ виллы и дачи, болѣе выдающіяся по роскоши построекъ и красотѣ занимаемаго ими мѣста. Я не называю тѣхъ съ виду столь же роскошныхъ виллъ, которыя я видѣлъ только что начинающимися стронться; еще болѣе стронлось по всѣмъ улицамъ Сочи и по дорогѣ въ Адлеръ обыкновенныхъ дачъ и домовъ: сезонъ построекъ былъ, по-видимому, въ самомъ разгарѣ, и повсюду можно было слышать стукъ топоровъ и встрѣтить муловъ, буйволловъ и осликовъ, подвозившихъ лѣсъ и прочіе строительные матеріалы на усадебные участки, раскупавшіеся на перебой и сильно поэтому поднявшіеся въ цѣнѣ: напримѣръ, на торгахъ, бывшихъ въ Сочи 15-го сентября, нѣкоторые усадебные участки такъ называемой Верещагинской дачи, прилегающей къ городу съ южной стороны, были приобрѣтены по 4 и по 5 рублей за квадратную сажень *).

Во время моихъ неоднократныхъ прогулокъ пѣшкомъ по окрестностямъ Сочи и лѣсамъ, его окружающимъ, мнѣ не разъ доводилось встрѣчать по обрывамъ горъ или же вблизи ниспадающихъ горныхъ ручьевъ группы культурныхъ, хотя уже и значительно одичавшихъ древнонасажденій: тутъ были высокіе, многолѣтніе кипарисы, инжиръ (вишняя ягода), фундуки (орѣховыя деревья), виноградъ, яблонн, а иногда встрѣчались совсѣмъ одичавшія оливковыя деревья, производившія мелкіе и негодные для пользованія плоды. Южнѣе, къ Адлеру, встрѣчались цѣлыя группы лавровыхъ деревьевъ, составляющихъ для казны своего рода оброчную статью, такъ какъ она взимаетъ съ собирателей листа по 20 коп. съ пуда. Всѣ эти, такъ сказать, оазисы среди лѣсовъ носили на себѣ несомнѣнные слѣды бывшаго жилья человѣка: виднѣлись заросшія деревьями ямы отъ погребовъ и подваловъ, маленькіе холмики и бугорки, образовавшіеся отъ щебня и камня развалившихся построекъ и уже покрытые слоемъ земли и травой. Это были заброшенные усадьбы и сады черкесскихъ узденей и набобовъ, эмигрировавшихъ въ Турцію.

— Здѣсь жилъ султанъ, — скажетъ вамъ проводникъ, мѣстный мингрелецъ, или: — Здѣсь жилъ князь такой-то...

Иногда изъ-подъ кучи валежника выскакивалъ, при моемъ приближеніи, шакалъ и быстро скрывался въ чащѣ... Кабаны по лѣсамъ ходятъ цѣлыми партіями, находя для себя обильную пищу въ видѣ осыпающихся

*) Позже, на торгахъ 31-го мая 1901 г., нѣкоторые участки Верещагинской дачи были проданы по 6 р. за кв сажень.

каштановъ и фруктовъ съ дикихъ грушъ и яблонь. Всего въ двухъ верстахъ отъ Сочи, въ концѣ октября, былъ убитъ медвѣдь... Словомъ, для ружейнаго охотника здѣсь такое поле дѣятельности и удовольствій, какое едва ли можетъ встрѣтиться гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ Россіи, не говоря уже о Европѣ, гдѣ на звѣрей давно охотятся лишь въ звѣринцахъ, за исключеніемъ Венгрии, изобилующей и по сіе время волкамъ.

Отдаляясь отъ Сочи, какъ по шоссе, такъ и по лѣснымъ и горнымъ тропамъ, вы часто попадаете въ такъ называемыя здѣсь „селенія“, хотя въ нихъ нѣтъ ничего того, что напоминало бы русское „село“—ни церкви, ни школы, ни даже „начальства“, хотя бы въ видѣ сельскаго старосты. По большей части, селенія эти образовались въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, изъ переселенцевъ, явившихся сюда „изъ Россіи“, какъ говорятъ въ Сочи, и здѣсь осѣвшихъ. Многія такія селенія основались совершенно самовольно, и съ ними теперь приходится возиться, чтобы удалить поселенцевъ съ захваченной ими земли. Нѣкоторыя селенія, какъ, напримѣръ, Пластунское, пользуются даже здѣсь недоброю славой въ смыслѣ разбоевъ, хотя за время нашего полуторамѣсячнаго пребыванія въ Сочи мы не слышали не только о разбояхъ, но даже и о случаѣ какой-нибудь простой кражи въ домахъ, т.-е. о такихъ кражахъ, которыя происходятъ въ любомъ городѣ ежедневно, цѣлыми десятками.

По берегу моря, между Сочи и будущимъ городомъ Хоста, пріютилось селеніе Раздольное, образованное поселившимися здѣсь польскими дворянами. Красивые и чистенькіе домики раскинулись надъ моремъ, въ тѣни оставшихся невырубленными старыхъ дубовъ и чинаръ. По склонамъ горъ, обращеннымъ къ южной сторонѣ, разведены виноградники. Вы встрѣтите здѣсь радушный пріемъ, въ особенности, если забредете въ это селеніе въ праздничный день, когда хозяева свободны отъ работъ и находятся дома. Въ настоящее время жители Раздольнаго нѣсколько обезпечены своей судьбой въ будущемъ, такъ какъ и они, оказывается, находятся въ положеніи самовольно поселившихся, да еще захватившихъ при этомъ изъ казенной земли самую лучшую, береговую полосу, которую предназначено порѣзать на участки по 600 квадратныхъ саженъ и продать подъ постройку виллъ и дачъ. Жителямъ Раздольнаго предположено, кажется, отвести на самыхъ льготныхъ условіяхъ землю немного дальше отъ береговой полосы, вглубь равнины и ближе къ горному хребту.

Далѣе, есть еще селеніе Навагинское, гдѣ вы всегда можете найти не только самоваръ, но и чистую комнату и самый любезный пріемъ, и нѣсколько не пожалѣете, если рѣшитесь переночевать здѣсь и полюбоваться съ берега моря на закатывающееся солнце, какъ бы проваливающееся въ отдаленную зыбь моря... Затѣмъ, по всѣмъ лѣснымъ и горнымъ

тропамъ и дорожкамъ вы встрѣтите одинокіе хутора или же просто домики лѣсныхъ сторожей и „самовольныхъ переселенцевъ“, и вездѣ найдете радушный пріемъ и полную возможность подкрѣпить свои силы и отдохнуть. При этомъ, если вы и совсѣмъ нелюбознательный человѣкъ, то и то невольно заинтересуетесь тѣми мѣстными условіями, среди коихъ живутъ эти люди. Идете вы, напримѣръ, по шоссе въ Адлеръ, и вамъ навстрѣчу тянется длинный рядъ паломниковъ и странницъ, съ ключками въ рукахъ и котомками за плечами, возвращающихся пѣшкомъ по „общіанію“ изъ Ново-Аѳонскаго греческаго монастыря. Или, напримѣръ, идете вы горною тропинкою, а навстрѣчу вамъ подвигается такой кортежъ: впереди идетъ, одѣтый въ живописный и чисто-фантастическій костюмъ, мингрелецъ или гуріецъ; голова его, вмѣсто папахи или шапки, красиво повязана большимъ и широкимъ платкомъ-шалью; самъ онъ чрезвычайно красивъ и можетъ служить характернымъ образцомъ кавказскаго типа. Въ поводу онъ ведетъ буйвола, на спинѣ котораго прилажено довольно примитивно сдѣланное мужское сѣдло, на которомъ сидитъ по-мужски красивая молодая женщина, съ открытымъ лицомъ и одѣтая въ шелкъ и шерстяныя матеріи самыхъ яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ. За спиню у женщины подвязанъ небольшой мѣшокъ, откуда выглядываетъ прехорошенькое личико ребенка, которому можно дать не болѣе года... А сзади буйвола торопится поспѣвать красивенькій босоногіи мальчикъ лѣтъ шести-семи... Все это направляется въ Сочи въ базарный день, чтобы купить себѣ какіе-нибудь предметы первой необходимости и вновь въ тотъ же день вечеромъ вернуться въ свои горы... При встрѣчѣ съ вами этотъ человѣкъ будетъ непременно привѣтствовать васъ: онъ приложитъ руку ко лбу и слегка кивнетъ вамъ головою... Но не пробуйте заговаривать съ нимъ: онъ не пойметъ васъ, какъ и вы не поймете его языка. Вообще, слѣдуетъ сказать, что жители какъ Сочи,—я подразумѣваю простой народъ и рабочихъ,—такъ и его окрестностей отличаются замѣчательною вѣжливостью: каждый при встрѣчѣ вамъ кланяется и охотно укажетъ вамъ дорогу, если вы его о томъ спросите, и если онъ при этомъ пойметъ васъ. Это былъ такой рѣзкій и пріятный контрастъ послѣ Кисловодска, мѣстные жители котораго отличаются необыкновенною грубостью и даже дерзостью. Въ Сочи, за все время нашего пребыванія въ немъ, мы не встрѣчали на улицахъ пьяныхъ людей, которые попадаютъ на каждой улицѣ Кисловодска, никогда не слышали на улицахъ площадной брани, не видѣли ни дракъ на улицахъ, ни нищихъ съ проказою и язвами сифилиса на лицѣ—словомъ, всѣхъ тѣхъ мерзостей, отъ которыхъ на кисловодскихъ улицахъ нѣтъ прохода и отъ которыхъ можно укрыться только въ паркѣ. Вся эта благодать происходитъ въ Сочи, какъ я узналъ, отъ трехъ причинъ: во-пер-

выхъ, и это самое главное, потому, что для того, чтобы попасть въ Сочи, надо сѣсть на пароходъ въ Новороссійскѣ, Батумѣ или нѣмъ портѣ, т.-е. надо взять прежде всего билетъ и заплатить деньги; проѣхать же зайцемъ по желѣзной дорогѣ не представляется возможнымъ, такъ какъ самой дороги этой не имѣется; идти же пѣшкомъ, напрямѣръ, отъ Новороссійска, гдѣ главнымъ образомъ скопляются бродяги и лѣвтяи изъ внутреннихъ губерній, отыскивающіе легкаго труда и наживы,—неудобно, такъ какъ предстоитъ идти по шоссе, выстроенному восемь лѣтъ тому назадъ генераломъ Анненковымъ и такъ искусно, что по этому шоссе, лишенному мостовъ чрезъ здѣшнія горныя и иногда очень бурныя рѣчки, нѣтъ ни проѣзду ни проходу—ни конному ни пѣшему: „только птица перелетитъ“, какъ отзываются объ этомъ „пути сообщенія“ мѣстные жители черноморскаго побережья... Во-вторыхъ, въ Сочи нѣтъ бродягъ и воровъ еще и потому, что ихъ отсюда чрезвычайно быстро выселяютъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда они пытаются сюда проникнуть. Но, къ удивленію, это исполняется здѣсь не полиціей, которой почти не существуетъ, а самими же мѣстными жителями. Какъ они ухитряются это дѣлать,—объ этомъ я поговорю послѣ. Скажу одно: дѣлаютъ они это по чувству самосохраненія такъ же, какъ это дѣлается въ новоустроенныхъ городахъ Сѣверной Америки. Полиція же въ Сочи состоитъ всего изъ четырехъ городовыхъ, изъ коихъ одинъ находится постоянно въ канцеляріи начальника округа въ видѣ сторожа, другой—у начальства же въ видѣ вѣстового, а остальные двое чередуются на нижнемъ базарѣ Сочи, вблизи кабачковъ и духановъ, „для порядка“, такъ какъ русскіе рабочіе съ приходящихъ судовъ и кораблей все-таки учиняютъ иногда въ духанахъ дебоши и буйства *).

*) Для характеристики появляющихся здѣсь, время отъ времени, русскихъ приведу слѣдующій интересный фактъ, случившійся въ Сочи. Какое-то начальство предписало изъ Новороссійска, чтобы рабочіе турки на береговыхъ фелюгахъ были замѣнены русскими, жаловавшимися, что „турки отбиваютъ у нихъ хлѣбъ“. Сказано—сдѣлано: поувольняли всѣхъ лодочниковъ турокъ и пригласили русскихъ гребцовъ на фелюги. И вотъ, подходит къ Сочи пароходъ, фелюги должны выѣзжать ему навстрѣчу, къ борту, для принятія пассажировъ и ихъ багажа, а между тѣмъ русскіе гребцы-молодцы сидятъ въ духанахъ и пьянствуютъ, а тѣ, что были потрезвѣе, хотя и выѣхали на фелюгахъ, но въ виду нѣкотораго волненія на морѣ не справились съ этимъ дѣломъ и не смогли причалить къ борту корабля. Кончилось тѣмъ, что пассажировъ высадили на грузовыя фелюги, на которыхъ остались тѣ же турки. На другой же день, конечно, взяты были прежніе турки, а русскіе гребцы были разсчитаны.

II.

Жизнь въ Сочи, лишенная общественности.—Читальня Е. П. Майковой.— Анненковское шоссе и отсутствіе путей сообщенія.—Неурядица при высадкѣ на берегъ.—Агенты пароходныхъ обществъ.—Фелюги.—Проектированная желѣзная дорога.—Сочи въ будущемъ.—Цѣны на землю.—Энергичная дѣятельность министерства земледѣлія.—Судьба имѣнія В. А. Хлудова.

Желая нарисовать для читателя по возможности вѣрную картину жизни путешественника или туриста на теперешнемъ черноморскомъ побережьи вообще, а въ Сочи, гдѣ жилъ, въ частности, я долженъ сказать, что жизнь эта, несмотря на всѣ ея внѣшнія прелести и удобства, все-таки мертва и монотонна и лишена той общественности и жизнерадостности, которыя, напримѣръ, имѣются тамъ, на берегу Средиземнаго моря, во Франціи, въ жизни дѣйствительной Ривьеры. Единственнымъ мѣстомъ общественныхъ собраній являлся въ Сочи клубъ, недавно лишь народившійся и не имѣющій не только библіотеки, но даже пианно и билліарда. Музыку на бульварѣ мы уже не захватили — она играетъ лишь до 15-го сентября, если не ошибаюсь. Публика сходилась лишь на приморскомъ бульварѣ да за табльдотами. По счастью еще, тамъ имѣлась частная читальня, гдѣ послѣ прихода пароходовъ изъ Новороссійска можно было найти свѣжія газеты, а также и послѣднія книжки нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ. Читальню эту основала Е. П. Майкова, родственница извѣстныхъ покойныхъ Майковыхъ — поэта и академика, — въ своемъ скромномъ деревянномъ домикѣ, на свои скромныя средства. Отличительная сторона этой читальни заключается въ томъ, что г-жа Майкова предоставляетъ публикѣ читать газеты и журналы бесплатно и даже ни съ кого никогда не беретъ залога, въ тѣхъ случаяхъ, когда просятъ книжки на домъ. Къ сожалѣнію, даже и въ такомъ добромъ и безкорыстномъ дѣлѣ встрѣчаются иногда препятствія и даже непріятности: г-жа Майкова должна была недавно перевести свою читальню на чужое имя, испытать предварительно не мало хлопотъ съ этимъ дѣломъ...

Вторымъ и самымъ чувствительнымъ неудобствомъ жизни въ Сочи, является отсутствіе правильныхъ путей сообщенія. Желѣзной дороги нѣтъ; почтовое сообщеніе на лошадахъ не существуетъ, такъ какъ береговое шоссе, какъ я говорилъ, нигуда не годится *), а потому единственнымъ

*) Вотъ поучительныя и крайне интересныя цифры и свѣдѣнія по постройкѣ этого рѣдкостнаго шоссе. Первоначальная смѣта на постройку шоссе по всей предполагаемой генераломъ Анненковымъ линіи была составлена министерствомъ путей сообщенія на 2.400.000 рублей съ мостами, такъ какъ обычная норма министерства была обыкновенно 8.000 р.

сообщеніемъ Сочи съ остальнымъ міромъ являются лишь пароходы трехъ обществъ — „Русскаго“, „Россійскаго“ и „Азовскаго“, курсирующие по Черному морю. Но во время морского волненія пароходы эти если и подходятъ къ городу, то лишь затѣмъ, чтобы, остановившись въ почтительномъ отдаленіи, дать нѣсколько продолжительныхъ гудѣній и свистковъ и отплыть преспокойно далѣе... Дѣло въ томъ, что въ Сочи нѣтъ ни гавани, ни пристани; пароходы останавливаются отъ берега въ разстояніи болѣе ста сажень, и во время волненія, не говоря уже о бурѣ или штормѣ, ни одна фелюга (береговая шлюпка) не рискуетъ отплыть отъ берега, изъ боязни перевернуться или быть унесенной въ море. Такимъ образомъ, проходитъ иногда четыре и пять дней безъ всякаго сообщенія съ пароходами: почта, пассажиры и грузы ожидаютъ, когда успокоится море, а путешественники, туристы и пріѣзжіе кур-гости и легочные больные сидятъ безъ газетъ и писемъ, словно на необитаемомъ островѣ... Дѣйствуетъ одна лишь телеграфъ—и только. При этомъ пассажиры, ѣдущіе на пароходахъ, попадаютъ въ довольно траги-комическое положеніе: ихъ не высаживаютъ въ тотъ городъ, куда они ѣхали, а везутъ дальше до Батума или Новороссійска, смотря по тому, гдѣ они сѣли; затѣмъ, тотъ же пароходъ забираетъ ихъ обратно... Пассажиры въ это время имѣютъ лишь одно утѣшеніе—они катаются по взбаломученному морю gratis...

Даже самыя первые ваши шаги на черноморскомъ побережьѣ не производятъ добраго впечатлѣнія. Мы пріѣхали въ Сочи на одномъ изъ лучшихъ пароходовъ „Русскаго общества“ — „Св. Николай“, въ 9 часовъ вечера, когда темъ была страшная. Съ парохода на фелюгу мы спустились благо-

на версту съ мостами. Анненкову же верста обошлась въ 12.000 рублей безъ мостовъ и со множествомъ еще недоѣлокъ и съ вырубкою въ самыхъ широкихъ размѣрахъ казеннаго лѣса, росшаго по обѣимъ сторонамъ пролагаемаго шоссе... Всего было издержано Анненковымъ три съ половиною милліона рублей, да было еще доассигновано 700.000 рублей, такъ какъ надо же было уплатить за поденные труды рабочимъ, явившимся сюда въ то время (въ 1891 году) по особому вызову изъ голодающихъ губерній. Такъ это удивительное шоссе и осталось безъ мостовъ, да еще вдобавокъ проложенное мѣстами такъ дурно, по откосу горъ, — на примѣръ, въ серединѣ между Сочи и Адлеромъ, — что сползаетъ внизъ, и потребуются громадныя труды и расходы, чтобы упорядочить это шоссе, т.-е. построить на немъ мосты и сдѣлать его пригоднымъ для сообщенія, которое совершенно прерывается весной и осенью, вслѣдствіе поднятія воды горныхъ рѣчекъ; черезъ нихъ въ обыкновенное время экипажи и пѣшеходы переходятъ кое-какъ въ бродъ; во время же разливовъ смѣльчаки то и дѣло поплачиваются жизнью: весной и осенью утопленники насчитываются на этомъ шоссе десятками...

получно; а затѣмъ... затѣмъ происходило слѣдующее. Въ фелюгу сѣло, во-первыхъ, такъ много пассажировъ, что большей половинойъ пришлось всю дорогу плаванія до берега стоять на ногахъ, между массою багажа—все-возможными сундуками, чемоданами и корзинами. Счастье еще наше, что не было ни волненія, ни дождя: фелюги не имѣли никакого навѣса сверху, и насъ могло бы промочить до костей; да, наконецъ, эти шлюпки такъ малы и легки, что ихъ во время даже и небольшого волненія кидаетъ на водѣ, какъ орѣховую скорлупу, и въ концѣ концовъ онѣ такъ-таки и не могутъ пристать къ берегу вплотную, и пассажировъ, въ особенности дамъ, турки выбираютъ изъ фелюгъ и относятъ на берегъ на рукахъ, идя сами выше колѣна по водѣ; мужчины же, въ особенности грузные и тяжело-вѣсные, предпочитаютъ спускаться въ воду и намочить такимъ образомъ однѣ ноги, чѣмъ быть уронену и выпупаться съ головой *). Къ счастью, говорю, мы приѣхали въ тихую погоду, и съ нами эти манипуляціи про-

*) Въ мартовской книжкѣ журнала „Русская Мысль“ за 1901 г., въ статьѣ „Тѣто на Кавказѣ“, авторъ слѣдующимъ образомъ описываетъ пріятную перспективу высадки пассажировъ на берегъ Туансе: „Съ парохода приходится пересаживаться въ турецкую фелюгу и на ней ужъ добираться до берега, что въ обыкновенное время не представляетъ ничего труднаго, непріятнаго или опаснаго, но при волненіи можно въ лучшемъ случаѣ выкупаться, а то и утонуть. Однажды, въѣхавшій на встрѣчу пароходу агентъ возвращался на берегъ одинъ, безъ пассажировъ: сильнымъ прибоемъ лодку сбило къ стѣнѣ строящагося мола... Еще ударъ волны,—и фелюгу разбило бы въ дребезги о каменную стѣну, но тутъ гребцы-турки, въ мрачномъ молчаніи напряженно работавшіе веслами, вдругъ вскочили съ мѣстъ и, когда волна подняла фелюгу, чтобъ ударить ее о стѣну мола, уперлись въ нее руками и тѣмъ ослабили ударъ; схватившись затѣмъ за весла, они съ энергіей отчаянія рванули лодку въ сторону отъ мола, и ее понесло къ берегу на камни; увидавъ неминуемую гибель, турки жалобно завопили, взывая къ Аллаху; потомъ вдругъ стихли въ ожиданіи своей судьбы, а рулевой Османъ крикнулъ агенту: „Снимай шубу! топать будемъ!“.. Въ этотъ мигъ сильнымъ ударомъ волны лодку перевернуло: вещи пропали, а люди спаслись, благодаря только близости берега и искусству пловцовъ, которые отдѣлались лишь страхомъ и холоднымъ купаньемъ (дѣло было раннею весною) и дали слово никогда въ сильную волну въ море не выѣзжать. Въ нынѣшнемъ году, въ Сухумѣ былъ случай, что нѣсколько человекъ утонуло при такой же переправѣ въ сильную волну“. Гавани, какъ извѣстно, имѣются на всемъ черноморскомъ побережьѣ лишь въ Новороссійскѣ и Батумѣ; всѣ же промежуточные приморскіе города и посады, т. е. вся такъ называемая „Русская Ривьера“ или „Колхида“, не имѣютъ пристаней. Понятно само собой, поэтому, что про-веденіе вдоль этого чуднаго побережья желѣзной дороги составляетъ для него прямо-таки вопросъ жизни или смерти.

И. З.

дѣланы не были; но послѣ, когда мы уже жили въ Сочи, мнѣ не разъ доводилось слышать подобные рассказы отъ другихъ пріѣзжихъ, не столь счастливыхъ относительно погоды во время своего приплытія. А намъ довелось испытать еще слѣдующую непріятность. Когда мы подъѣхали къ берегу и вышли на маленькую деревянную платформу, то оказалось, что она не была даже освѣщена; агентъ общества отсутствовалъ; на берегу стояло всего три извозчика, которыхъ тотчасъ же и захватили пассажиры изъ числа мѣстныхъ жителей, не имѣвшіе при себѣ вещей. Къ счастью, таможенный солдатъ принесъ откуда-то фонарь и освѣтилъ очень грустную картину: болѣе десяти пассажировъ разыскивали въ потьмахъ свой багажъ и разспрашивали у носильщиковъ, куда имъ дѣваться и гдѣ на ночь приклонить голову... и какъ добраться въ гостиницы съ нѣсколькими пудами багажа, и есть ли еще свободные номера въ этихъ гостиницахъ... Намъ успокаивали, объясняя, что извозчики сейчасъ же вернутся обратно, что свободные номера въ гостиницахъ есть, и проч... Къ счастью нашему, на пристани не оказалось любителей чужой собственности: они могли бы очень легко похитить весь нашъ ручной багажъ, никѣмъ не охраняемый и никѣмъ въ темнотѣ не видимый, и безнаказанно скрыться съ нимъ. Такъ мы прождали съ полчаса; извозчики дѣйствительно вернулись, и мы успѣли покинуть эту негостепримную „пристань“... Въ настоящее время, впрочемъ, устраивается въ Сочи настоящая пристань, выдающаяся на 70 сажень въ море; когда мы въ ноябрѣ выѣзжали оттуда, пристань эта была уже наполовину устроена, и есть надежда, что въ самомъ недалекомъ будущемъ однимъ изъ крупныхъ неудобствъ въ Сочи для публики будетъ меньше: можно будетъ, по крайней мѣрѣ, при отсутствіи на морѣ бури и шторма, подходить на пароходахъ прямо къ пристани, минуя фелюги и ножныя ванны, если уже дѣло устройства побережной желѣзной дороги отложится еще разъ въ дальній ящикъ. Мѣстные дачевладельцы передавали мнѣ за вѣрное, что еще три года тому назадъ рѣшено было провести по черноморскому побережью желѣзную дорогу, что господинъ министръ финансовъ, пригласивъ директора финляндскаго пароходства фонъ-Гартмана, поручилъ ему сдѣлать изысканія, для чего и отпущено было 110 тысячъ рублей; затѣмъ, стало извѣстно изъ газетъ, что Гартманъ пригласилъ въ компанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Евг. Картавцева и что эти господа дѣлали изысканія и составляли будущее акціонерное общество, но почему-то дѣло такъ и остановилось на полдорогѣ: утверждаютъ, что господа изыскатели не нашли требуемыхъ на постройку дороги капиталовъ, а министерство финансовъ, въ виду китайскихъ осложнений, не могло помочь этому дѣлу съ своей стороны. Къ счастью, какъ мнѣ передавали изъ достовѣрныхъ источниковъ, это дѣло первостепенной важ-

ности, отъ котораго зависитъ вся жизнь зарождающагося черноморскаго побережья Кавказа, поступаетъ въ болѣе солидныя и надежныя руки общества Владикавказской желѣзной дороги, которое и не замедлитъ, конечно, приступить къ необходимымъ изысканіямъ и самой постройкѣ дороги, не прибѣгая къ казенному сундуку *).

Пока собственно о Сочи можно сказать одно: городъ этотъ весь въ будущемъ. А за все доброе, что онъ имѣетъ въ настоящемъ, онъ обязанъ всецѣло и единственно нынѣшнему г. министру земледѣлія Алексѣю Сергѣевичу Ермолову, который, благодаря своей доступности и добротѣ, пользуется тамъ громадною популярностью и любовью.

А. С. Ермоловъ сдѣлалъ для Сочи дѣйствительно немало. Только послѣ посѣщенія имъ всей этой мѣстности осенью 1894 года побережье проснулось отъ своего многовѣкового сна— и здѣсь началось движеніе и жизнь, и мѣстность стала мало-по-малу культивироваться. Вѣдь только шесть лѣтъ назадъ, тамъ, гдѣ теперь устранивается Новое Сочи, былъ дремучій и непроходимый лѣсъ—отъ лианъ, папоротниковъ, отъ колючихъ и ползучихъ растений,—лѣсъ, въ которомъ ютились лишь медвѣди, барсы, кабаны и шакалы. Старое Сочи, расположенное внизу, подъ горою, состояло всего изъ сотни домиковъ, принадлежащихъ давнимъ абортгенамъ этой части побережья—грекамъ, армянамъ, туркамъ и грузинамъ. По возвышенному берегу моря, покрытому вѣковымъ лѣсомъ, были проложены лишь тропы—для конныхъ и пѣшихъ. Устройство злосчастнаго шоссе генераломъ Анненковымъ оживило эту мертвую мѣстность лишь на очень короткое время,

*) Въ мѣстной газетѣ „Черноморскій Вѣстникъ“ (№ 86, 18-го апрѣля 1900 года) были напечатаны слѣдующія свѣдѣнія объ этой дорогѣ: „Въ 1899 году правительство отпустило 110.000 рублей специально для всесторонняго изслѣдованія вопроса о Черноморской желѣзной дорогѣ группѣ частныхъ предпринимателей, со статскимъ совѣтникомъ фонъ-Гартманомъ во главѣ. На эти средства прошедшимъ лѣтомъ произведены были инженерными, подъ начальствомъ строителя Тифлисъ-Карсской желѣзной дороги инженера Вурцеля, техническія изысканія отъ станціи Динской, Владикавказкой желѣзной дороги, черезъ хребетъ Кавказскихъ горъ, до порта Туапсе и далѣе, по берегу моря до Сочи и Сухума, съ вѣтвью отъ станціи Божедуховской на городъ Майкопъ.

„Общее протяженіе намѣченной къ постройкѣ линіи—424 версты. Отъ станціи Динской, Владикавказской желѣзной дороги, линія идетъ равниной до станціи Божедуховской (62 версты), отъ которой отдѣляется вѣтвь въ 37 верстѣ, идущая также равниною на Майкопъ, торговый центръ всего обширнаго и плодороднаго Майкопскаго отдѣла. Отъ станціи Божедуховской до поселка Туапсе—117 верстѣ, трудный горный участокъ, съ переваломъ черезъ хребетъ Кавказскихъ горъ; отъ посада Туапсе до города Сухума—побережный участокъ, протяженіемъ 208 верстѣ“. П. З.

послѣ чего жизнь опять замерла... И вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, древняя Колхида проснулась и ожива послѣ сна, тянувшася нѣсколько тысячелѣтій... По густому и непроходимому лѣсу распланировываются, прорубаются и шоссипруются улицы, строятся виллы и дачи, разводятся виноградники и сады, выстраивается церковь, школа, училище садоводства, опытная станція, строится пристань, открывается читальня, а на берегу моря—дешевая столовая для рабочихъ и пр... Я находилъ особенное удовольствіе, ранѣ мною никогда не испытываемое, глядѣть и наблюдать, какъ прокладываются улицы въ такъ называемой Верещагинской дачѣ, подходящей къ самому Сочи, изъ которой на бывшихъ 15-го сентября 1900 года торгахъ было продано нѣсколько усадебныхъ участковъ: любопытно и въ то же время жалко было видѣть, какъ выкорчевывали иногда многовѣковые дубы и чинары, росшіе на мѣстѣ намѣченныхъ улицъ: дерево не подрубили подъ корень, а подкопавъ его корни со всѣхъ сторонъ и обвивъ середину дерева канатомъ, нѣсколько десятковъ рабочихъ брались за концы каната и раскачивали дерево до тѣхъ поръ, пока оно съ грохотомъ, трескомъ и какъ бы со стономъ валялось на землю... Даже въ самомъ Сочи, на шоссированныхъ уже улицахъ, еще лежали громаднѣйшіе, выкорчеванные нѣсколько лѣтъ уже назадъ, дубовые пни; вездѣ, по лѣсу и на строившихся дачахъ постукивали топоры, по улицамъ тянулись подводы буйволовъ, впряженныхъ въ мѣстные арбы, нагруженные кирпичемъ, досками, балками или пескомъ и глиной... Точно передо мною развертывалась страница романа, описывающаго зарожденіе новаго города въ Америкѣ...

Меня заинтересовала вопросъ, какимъ чудомъ устроился этотъ новый городъ, и сколько сотенъ тысячъ или, можетъ быть, и миллионъ рублей потрачено на это возрожденіе „Колхиды“, на землѣ которой создается теперь уже воочию наша русская „Ривьера“...

Оказалось дѣйствительно нѣкое „чудо“: устранивая Сочи, какъ будущую Ривьеру, и привлекая сюда жить многія сотни интеллигентныхъ людей, министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ не только ничего на этотъ собственно предметъ не затратило, но еще получило значительную прибыль. Вотъ что узналъ я на мѣстѣ—изъ самаго положительнаго и достовернаго источника. —

Въ самомъ Сочи вѣдомство государственныхъ имуществъ не имѣло земли: таковая принадлежала различнымъ другимъ вѣдомствамъ, а главное—самому посаду Сочи, получившему недавно упрощенное городское управленіе. Посадъ нарѣзалъ полученію пизъ землю-лѣсъ на городскіе участки, по 600 кв. саж., и сталъ второпяхъ и довольно легкомысленно передавать эти участки въ собственность всѣмъ и каждому по 10 и 12 коп. за кв.

сажень, безъ торговъ и публикацій, семейнымъ и келейнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ вся земля въ Сочи была или роздана даромъ подъ общественныя надобности—причту, школы и т. под., или же передана въ руки мѣстныхъ дѣльцовъ, тоже почти даромъ, такъ какъ нельзя же считать, что она могла быть „продана“ по 10 к. за сажень, да еще при этомъ по нѣскольку участковъ въ однѣ руки... И вотъ гг. покупщики, какъ только выполнили свои обязательства, т.-е. выкорчевали кое-какъ свои участки, огородили ихъ заборомъ и выстроили на нихъ деревянные, одноэтажные домики и получили на землю крѣпостные акты, тотчасъ же и установили на землю совсѣмъ уже пныя цѣны: за то, что было куплено, всего пять лѣтъ назадъ, по 10 коп. за сажень, спрашивали уже по 8 и по 10 рублей, въ виду, главнымъ образомъ, громаднхъ требованій на участки въ Сочи, заявленныхъ со всѣхъ концовъ Россіи самыми разнообразными, по профессіямъ, людьми, преимущественно, впрочемъ, лицами интеллигентными, до которыхъ достигали статьи объ открытіи на кавказскомъ побережьи „Русской Ривьеры“...

Вотъ тутъ-то и явилось министерство земледѣлія на помощь. Имѣя обширныя земли и лѣса вокругъ Сочи, министерство освѣдомилось, что въблизи самаго города продается, за смертью владѣльца Верещагина, прекрасный участокъ въ 57 десятинъ, расположенный весь вдоль береговой полосы моря, покрытый каштанами и дубами и, главное, граничащій вплотную съ улицами самаго Сочи. Участокъ продавался за 35.000 рублей, и сочинскіе дѣльцы и барышники, только что скупившіе передъ этимъ городскіе участки по 10 коп. за сажень, не имѣли у себя такой крупной суммы, потребной на покупку Верещагинской дачи, которая и была затѣхъ куплена министерствомъ земледѣлія за ту самую сумму, т.-е. за 35 тысячъ. Дача эта по ея покупкѣ была распланирована и раздѣлена на усадебные участки отъ 500 до 600 кв. саженъ; всѣхъ такихъ участковъ вышло 119. Въ 1900 году, 15-го сентября, министерство, при помощи газетныхъ публикацій, назначило торги пока лишь на 31 участокъ, и результатъ получился блестящій и неожиданный: за эти проданные участки было выручено 38.904 рубля, т.-е. почти на четыре тысячи больше, чѣмъ было заплачено за всю дачу. Въ среднемъ, земля пошла всего лишь по 1 р. 85 коп. за кв. сажень, такъ что сочинскіе дѣльцы, поднявшіе по уговору цѣну скупленныхъ ими участковъ до 10 рублей за сажень, остались при пиковомъ, какъ говорится, интересѣ... А у министерства земледѣлія осталось еще въ барышахъ 88 усадебныхъ участковъ не проданныхъ и въ мѣстности несравненно лучшей. Всѣ эти участки, за исключеніемъ отдѣленныхъ на общественныя надобности—подъ санаторій, церковь, школу и пр.—назначены къ продажѣ съ публичныхъ же торговъ на 31-е мая 1901 г.

Затѣмъ, министерство, ободренное чрезвычайно удачею своей финансовой операціи съ Верещагинской дачей, пошло еще далѣе на пути оказанія содѣйствія небогатымъ лицамъ, желающимъ имѣть свои маленькія усадьбы и дачи на берегу того же Чернаго моря: оно рѣшило приобрести съ этою же цѣлью высоко-культурный оазисъ, раскинувшійся на томъ же сочинскомъ амфитеатрѣ—имѣніе В. Хлудова, размѣромъ въ 930 десятинъ, продающееся за 500.000 рублей, при чемъ на купчую предстояло затратить однѣхъ лишь крѣпостныхъ пошлинъ 20.000 рублей; цѣна—полмилліона рублей—являлась окончательною, такъ какъ первоначально Хлудовъ желалъ взять за свое имѣніе 1.200.000 рублей. Исторія Хлудовскаго имѣнія настолько поучительна и интересна, что о немъ слѣдуетъ разсказать нѣсколько подробнѣе.

Это имѣніе поглотило въ себя около полутора милліона рублей. Владѣлецъ имѣнія, г. Хлудовъ, не жалѣлъ денегъ, такъ какъ всѣ условія, повидимому, были очень благоприятны для культуры фруктовыхъ деревьевъ и винограда: въ имѣніи были устроены, для спрыскиванія мѣднымъ купоросомъ виноградныхъ лозъ, резервуары вверху, и проведены желѣзныя трубы по всему винограднику; въ имѣніе были выписаны два спеціалиста изъ московскаго техническаго училища—инженеръ-механикъ и химикъ (для винодѣлія) и особо виноградарь изъ Никитскаго училища въ Крыму. И вотъ, принялись эти ученые господа хозяйничать на участкѣ: созидать громадныя и дорого стоящія каменныя зданія и различныя постройки: каменный подвалъ для вина, винодѣльню, массу жилыхъ построекъ и прочее; винограду разведено было болѣе ста десятинъ—частью на кольяхъ, большею же частью по способу Гойо, т.-е. на желѣзной проволоцѣ, въ разстилку, при чемъ посадка была сдѣлана слишкомъ частая, до 9.000 кустовъ на десятину, вслѣдствіе чего явилась полнѣйшая невозможность конной обработки между грядками, затемненіе почвы и сырость... Въ результатѣ виноградъ сталъ осенью гнить... Съ фруктовымъ садомъ вышла та же многостоящая и многоубыточная исторія: развели его на 100 десятинахъ, посадили яблоки „спнапъ“ и сливы, вперемежку съ гранатами; но на первыхъ же годахъ оказалось, что гранаты, которыя въ питомникѣ шли отлично, по пересадкѣ ихъ въ садъ стали расти плохо, и фрукты ихъ оказались мелкими и кислыми, такъ какъ этотъ фруктъ въ Сочи не вполне дозрѣваетъ. Прекрасный питомникъ со множествомъ фруктовыхъ и декоративныхъ растений обошелся очень дорого и не окупилъ расходовъ; съ виномъ вышла еще болѣе грустная исторія: первые же выпуски его не удались, и оно, получивъ печальную извѣстность, не пошло въ ходъ. Долго бился г. Хлудовъ со своимъ убыточнымъ имѣніемъ; наконецъ, не выдержавъ и рѣшивъ сбыть его съ рукъ. Но найти покупателя на такое

громадное имѣніе, оцѣненное владѣльцемъ вначалѣ въ 1.200.000 рублей, оказалось не легко, и главнымъ образомъ потому, что это удивительное имѣніе, несмотря на уйму вложенныхъ въ него денегъ, продолжало приносить своему владѣльцу не доходы, а убытокъ... Исторія эта могла окончиться для г. Хлудова очень печально, т.-е. пришлось бы, въ концѣ концовъ, бросить это имѣніе на произволъ судьбы или же сдать его въ аренду, при яѣкоторой вѣроятности никогда не получать отъ арендатора ни гроша... И вотъ, въ это-то время, когда я уже жилъ въ Сочи, и представилась для владѣльца возможность продать свое имѣніе министерству земледѣлія, которому первый его опытъ съ Верещагинскою дачей далъ наибѣйшую увѣренность въ дальнѣйшемъ успѣхѣ—въ дѣлѣ покупки крупнаго имѣнія и затѣмъ распродажи его по частямъ, городскими или дачными участками, частнымъ лицамъ, получающимъ, такимъ образомъ, возможность пріобрѣтать участки изъ первыхъ рукъ, помимо сочинскихъ барышниковъ и коммисіонеровъ.

Надо полагать, что если только *половина* пріобрѣтаемаго министерствомъ отъ г. Хлудова имѣнія будетъ раздѣлена на городскіе (по 600 квадратныхъ сажень) или даже на дачные (по двѣ десятины) участки, то и тогда будетъ удовлетворена значительная часть лицъ, пожелавшихъ пріобрѣсти участки въ Сочи и въ Хоста и получившихъ отказъ. Мнѣ, на примѣръ, извѣстно, что на 160 городскихъ участковъ въ Хостѣ, розданныхъ по оцѣнкѣ министерства, въ 1900 году разнымъ лицамъ, было желающихъ, т.-е. подавшихъ прошенія, свыше двухъ тысячъ человекъ...

III.

Будущій городъ Хоста. — Дорога къ нему. — Цѣлебныя воды. — „Рошча Аполлона“.—Нѣчто въ родѣ Америки. — Природная бухта у Хоста.—Городскіе и дачные участки и условія ихъ раздачи.—Неопытный петербуржець и очень опытный культуртрегеръ. — Злоключенія одной владѣтельной дамы.—Орѣховые наплывы.—Бывшее лѣсопребленіе.—Новыя вѣянія.—Нашъ отъѣздъ изъ Сочи и агентская неурядица.

Меня очень интересовало вновь образуемое „городское поселеніе“ Хоста, въ которомъ, какъ я зналъ, было роздано до 160 городскихъ, въ $\frac{1}{2}$ десятину и менѣе, участковъ разнымъ лицамъ, по цѣнѣ 400 рублей за десятину, и я, нанявъ въ Сочи фаятонъ, отправился въ путь.

Хоста отстоитъ отъ Сочи въ 20 верстахъ, по дорогѣ на Адлеръ, и все время приходится ѣхать по очаровательной мѣстности, по шоссе, вдоль морского берега, при чемъ море то и дѣло появляется передъ вашими глазами, съ правой стороны, изъ-за деревьевъ, остѣпляя васъ своимъ поразительнымъ блескомъ.

жающимъ блескомъ; на мое счастье день былъ солнечный... Почти половина этой дороги была уже обставлена. справа и слѣва, роскошными виллами и дачами—гг. Худякова, проф. Краснова, Мартыновыхъ, генерала Маламы, кн. Трубецкого, С. Ю. Витте и другихъ. А ранѣе этихъ дачъ, съ лѣвой стороны, на горѣ, имѣется цѣлый рядъ красивыхъ хозяйственныхъ построекъ, принадлежащихъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ: тутъ и питомникъ древонасажденій, и училище, и ремесленная школа, и опытная станція, снабжающая деревьями и лозами винограда, по очень невысокимъ цѣнамъ, почти всѣ дачи и сады. Надо замѣтить, что вся эта береговая полоса земли, за исключеніемъ отошедшей подъ дачные участки, принадлежитъ министерству государственныхъ имуществъ.

На половинѣ дороги, переѣзжая черезъ мостъ на рѣкѣ Агурѣ, я почувствовалъ крайне непріятный сероводородный запахъ, несшійся, какъ оказалось, съ рѣки, вода которой была какого-то особаго, мутно-зеленаго цвѣта. Свойство воды этой рѣчки очень цѣлбное, и это отлично знаютъ, прежде всего, всѣ мѣстные жители, а равно и всѣ мѣстные интеллигенты. Мнѣ рассказывали поселенцы, пріютившіеся вблизи этой самой рѣчки, въ количествѣ пяти дворовъ, о слѣдующемъ фактѣ, происшедшемъ не далѣе какъ лѣтомъ 1900 г., за два мѣсяца до моего пріѣзда въ Сочи.

Въ хату къ одному изъ этихъ поселенцевъ попросился пожить, на нѣкоторое время, пріѣхавшій изъ Новороссійска учитель, съ такими сильными ревматическими болями въ ногахъ, что онъ едва-едва могъ передвигаться безъ посторонней помощи и съ трудомъ ходилъ на костыляхъ. Онъ нанялъ для услугъ парня лѣтъ 18 и при его помощи ежедневно ходилъ на рѣку, а тамъ парень собиралъ ему береговую грязь рѣки въ кучу, и учитель ложился въ эту грязь, закрывая ею все тѣло, по шею; слуга держалъ въ это время надъ его головою дождевой зонтъ отъ солнца. Больному учителю такъ помогли эти грязевыя ванны, что онъ черезъ три недѣли забросилъ въ сторону свои костыли и уѣхалъ совершенно здоровымъ человѣкомъ. Мѣстные старики крестьяне изъ числа поселенцевъ говорили мнѣ, что они тоже лѣчатся этой серной водой, купаясь въ ней главнымъ образомъ „отъ ломоты въ ногахъ“, и эту ломоту какъ рукой снимаетъ... Мѣстные чины министерства земледѣлія, повидимому, очень хорошо освѣдомлены о чудодѣйственномъ цѣлбномъ свойствѣ серныхъ водъ рѣки Агуры, такъ какъ, живя въ Кисловодскѣ, я, помнится, даже читалъ въ „Сезонномъ Листкѣ“, что на эти воды предположено обратить особое вниманіе и что министерство разсчитываетъ ихъ утилизировать.

Проѣхавъ версть 12—14 по шоссе, я сталъ замѣчать особенно темныя купы деревьевъ, не высокихъ, но очень красивыхъ, съ блестящими листьями. Это начинались лавровыя деревья—„роща Аполлона“, какъ называютъ сочинскіе интеллигенты эту мѣстность. Затѣмъ, по правую сторону шоссе, стали появляться цѣлыя группы красивыхъ сосенъ, растущихъ по уступамъ, спускающимся отъ дороги къ морю. Но вотъ, наконецъ, экипажъ нашъ вѣхалъ на территорию будущаго города Хоста...

Если уже проведеніе улицъ и расчистка городскихъ участковъ на Верещагинской дачѣ подъ Сочи напомнили отчасти устройство и распланировку вновь возникающихъ городовъ среди дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, то все то, что я увидѣлъ въ Хостѣ, напоминало эту Америку не отчасти, а уже вполне. Представьте себѣ дорогу, окаймленную съ обѣихъ сторонъ дремучимъ, многовѣковымъ лѣсомъ, подходящимъ вплоть къ самой дорогѣ, которую, поэтому, никогда не освѣщаетъ въ этомъ мѣстѣ солнце. Лѣсъ этотъ состоитъ изъ гигантскихъ дубовъ, считающихъ жизнь свою многими вѣками; затѣмъ красуются букъ, ясень, кленъ, дикая груша, грабъ и проч. Весь этотъ лѣсъ перевитъ и перепутанъ едва проходными лианами, красивымъ плющомъ и ползучими колючими растеніями и доходитъ до самаго берега моря, вплоть, отдѣляясь отъ прибоя волнъ лишь узкою полосой въ нѣсколько саженъ, усыпанною блестящими и пизщными камешками и ракушками. Въсь лѣсъ на этомъ мѣстѣ разбитъ на городскіе участки, по 1.200 квадратныхъ саженъ и меньше; между участками намѣчены и уже прокладываются улицы; кое-гдѣ, въ лѣсу, стоятъ наскоро сколоченные деревянныя бараки, въ которыхъ живутъ рабочіе, набранные, преимущественно, изъ числа мѣстныхъ жителей—гурійцевъ и мингрельцевъ,—занимающихся выкорчевываньемъ этихъ многовѣковыхъ лѣсныхъ великановъ. Кое-гдѣ слышны удары топоровъ, прерываемые иногда страшнымъ гуломъ и трескомъ отъ паденія подрубленнаго и сраженнаго дерева, между которыми часто попадаются такія, что четверомъ его нельзя охватить руками... Но вырубка большинства этихъ деревьевъ необходима, и не только потому, чтобы очистить мѣсто для улицъ и для постройки домовъ, но еще и для того, чтобы открыть на участки доступъ лучамъ солнца и только такимъ путемъ уничтожить ту зловредную сырость, которая порождаетъ здѣсь иногда довольно мучительныя лихорадки, любящія именно такія мѣста, гдѣ сыро, тепло, темно и много зелени.

Главную прелесть этого дѣвственнаго лѣса—впрочемъ, довольно дикую—составляли сѣрыя лианы, спускавшіяся съ высоты десятисаженныхъ деревьевъ внизъ, какъ „косы вѣдьмъ“... Пройти по лѣсу дамъ было немислю: черезъ четверть часа низъ платья и юбокъ представлять бы собою бахрому... Я съ большимъ трудомъ прошелъ отъ дороги по напра-

влению къ морю, шаговъ 500—600, чтобы взглянуть на маленькую бухту, прямо-таки вдающуюся въ землю этого будущаго города, защищенную съ сѣвера мысомъ, уходящимъ въ море. Эта бухта, по конфигураціи своей, напоминаетъ бухту Туапсе; уже и теперь здѣсь отстаиваются суда въ дурную, бурную погоду.

Туть же на берегу моря, недалеко отъ бухты, стоялъ небольшой казенный домикъ довольно шаблонной архитектуры: въ немъ, оказалось, жили нижніе чины пограничной стражи, стерегущіе нашъ морской берегъ отъ возможности контрабанды, хотя, повидимому, не легко привезти ее изъ Турціи, черезъ это неспокойное море, въ какой-нибудь орѣховой скорлупѣ, называемой парусною фелюгою... Пароходы же турецкіе сюда не ходятъ совсѣмъ.

Я долго сидѣлъ на берегу и любовался красотой и величіемъ и этого моря, и этого дикаго, многовѣкового лѣса, для котораго пробилъ, наконецъ, часъ смертный... Вблизи берега плавали дикія утки-нырки, немного подалѣе, надъ моремъ, пролетали большія стада баклановъ, служащихъ для здѣшнихъ рыболововъ прекраснымъ указателемъ путей, по которымъ идетъ сельдь, кефаль и другая рыба. А вдали моря, ярко освѣщеннаго солнцемъ, неся пароходъ, попыхивая дымомъ своей трубы.. Потомъ, вдоль морского берега, я дошелъ до домика пограничной стражи, гдѣ дождался мой возница; тамъ мнѣ живо поставили самоваръ, и я отдохнулъ и закусилъ съ такимъ аппетитомъ, который незнакомъ жителямъ душныхъ, большихъ городовъ.

Будущій городъ Хоста, названный такъ по рѣкѣ того же имени, устраивается на отведенныхъ для этого министерствомъ земледѣлія 80 десятинахъ земли береговой полосы моря, на которыхъ въ будущемъ и долженъ будетъ выстроиться этотъ новый городъ. Эти 80 десятинъ раздѣлены на 160 городскихъ (усадебныхъ) участковъ и уже давнымъ-давно, какъ я упоминалъ, розданы преимущественно интеллигентнымъ лицамъ: профессорамъ, учителямъ, врачамъ, а также и многимъ лицамъ высшей служебной іерархіи. Нѣсколько участковъ оставлены здѣсь, какъ и въ Верещагинской дачѣ, подъ общественныя учрежденія—подъ церковь, больницу, школу, подъ будущій портъ и рынокъ и проч.

Такъ какъ всей земли вокругъ Хоста около 500 десятинъ, то остающаяся отъ 80 десятинъ земля подѣлена на такъ называемые дачные участки, по двѣ и болѣе десятины въ каждомъ; и эти участки тоже почти всѣ розданы. Разница между городскими и дачными участками очень большая: городской участокъ—невеликъ, всего въ полдесятины и меньше, но на-

ходится вблизи моря и будущего порта и въ районѣ будущаго города, удобствами котораго и можно будетъ пользоваться, равно какъ и близостью моря—для купанья. Дачные же участки, значительно удаленные отъ моря и лишенные вышеупомянутыхъ удобствъ, имѣютъ зато свои другія преимущества: они отдалены отъ шума городского, будущей пыли и всей той суеты, которая неизбежно будетъ въ приморскомъ городкѣ, да еще съ маленькимъ портомъ. Дачные участки разбирались, преимущественно, людьми болѣе достаточными, такъ какъ, живя вдали отъ города, придется неминуемо держать и лишнюю прислугу, и экипажъ.

Цѣну за участки министерство земледѣлія полагало не особенно большую—до 400 рублей за десятину. Затѣмъ, то же министерство раздавало на черноморскомъ побережьи еще и третьяго рода участки, такъ называемые „культурные“, состоявшіе изъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ, съ обязательствомъ культивировать известную, если не ошибаюсь, $\frac{1}{4}$ часть участка въ опредѣленное количество лѣтъ. Въ прежнее время раздавались такіе участки и въ нѣсколько сотъ десятинъ величиною, и это было большимъ зломъ, порождавшимъ лишь аферы и злоупотребленія, выражавшіяся, между прочимъ, и въ хищническомъ истребленіи мѣстныхъ дорогихъ породъ деревьевъ: пальмы, дуба и краснаго дерева.

Кромѣ денегъ, которыя министерство получаетъ за отведенные участки, оно еще и обязываетъ лицъ, получившихъ эти участки, къ выполненію нѣкоторыхъ другихъ условій. Такъ, на примѣръ, если вамъ назначенъ городской участокъ, то, внеся деньги и получивъ „временное свидѣтельство“ на право владѣнія, вы должны въ первый же годъ произвести выкорчевку деревьевъ, обнести участокъ заборомъ „и поддерживать таковой въ совершенно исправномъ видѣ“, какъ сказано въ „Правилахъ“ министерства о застройкѣ усадебныхъ участковъ. Далѣе, въ остальные два года, владѣлецъ обязывается построить на участкѣ домъ—каменный или деревянный, но не менѣе 12 квадратныхъ сажень внутренней площади и, кромѣ того, возвести надворныя постройки въ 4 квадратныхъ сажени; и только по выполненіи всѣхъ этихъ обязательныхъ условій министерство выдаетъ данную (т.-е. купчую крѣпость) на участокъ, при чемъ всѣ возведенныя постройки свидѣлствуются предварительно особою комиссіей. При неисполненіи условій вы теряете внесенныя вами деньги, и участокъ отбирается обратно въ казну. Во избѣжаніе барышничества и торга участками, установлено, между прочимъ, правило, что передача участка однимъ лицомъ другому можетъ быть допущена лишь „съ разрѣшенія г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ“, и только эта предусмотрительность избавляетъ приморскіе участки отъ захвата ихъ съ цѣлью перепродажи, что, на примѣръ, случилось, какъ я указывалъ, съ городскими участками въ Сочи.

Въ настоящее время въ долині рѣки Хоста почти все участки — городскіе, дачные и культурные — розданы, и осталось лишь нѣсколько нерозданныхъ участковъ въ будущемъ городѣ Романовскѣ (Красная Поляна), далеко превосходящемъ Хоста по своему чудному климату и роскошной растительности, но находящемся вдали отъ берега моря, въ горахъ, и лишennemъ, пока, путей сообщенія съ населенными мѣстностями побережья.

Я не слышалъ, чтобы кто-либо изъ лицъ, получившихъ участокъ въ Хостѣ, остался недоволенъ своимъ приобрѣтеніемъ. Лишь какъ о курьезѣ, лѣсной стражникъ рассказывалъ мнѣ слѣдующій случай. Одному постоянному петербургскому жителю, важному лицу, былъ назначенъ на Хостѣ прелестнѣйшій участокъ, на нѣкоторой возвышенности, откуда, по вырубкѣ лѣса, открывался бы чудный видъ на море. Весь участокъ былъ покрытъ ровными старыми дубами, которые въ недалекомъ будущемъ стоили бы много болѣе, чѣмъ тѣ 200 рублей, которые предстояло внести за этотъ участокъ въ казну. И вотъ, приѣзжаетъ петербуржецъ въ Хоста, обращается къ лѣсному стражнику, и тотъ ведетъ его на назначенный участокъ. Но едва подошелъ кабинетный человѣкъ къ своему владѣнію и взглянулъ на небольшую возвышенность, на которую предстояло подняться, какъ разразился страшнымъ ворчаніемъ:

— Куда это ты меня завелъ?!.. Зачѣмъ это отвели мнѣ на горѣ? Я, вѣдь, не маякъ думаю строить, а дачу...

Напрасно лѣсникъ уговаривалъ петербуржца и доказывалъ ему, что на горѣ нѣтъ ни сырости, ни лихорадокъ, что это одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ въ Хоста — увы! — ничего не подѣйствовало: господинъ этотъ не пожелалъ даже подняться наверхъ, а сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ Сочи, гдѣ и заявилъ, что отказывается отъ назначеннаго ему участка. А въ это время какъ разъ проживалъ въ Сочи извѣстный художникъ Д., тщетно и долго хлопотавшій о полученіи участка въ Хостѣ. Онъ тотчасъ же и изъявилъ желаніе воспользоваться мѣстомъ черезчуръ требовательнаго петербуржца.

А вотъ другой курьезъ, случившійся, за время моего проживанія въ Сочи, съ одною, знакомою мнѣ дамою, которой принадлежалъ и принадлежитъ теперь прекраснѣйшій лѣсной участокъ въ 200 десятинъ, отведенный ей покойному мужу очень давно — болѣе 20 лѣтъ назадъ, когда эти богатства раздавались совсѣмъ даромъ, въ видѣ награды за службу на Кавказѣ, безъ всякихъ обязательствъ культивировать отведенныя земли.

Знакомая мнѣ дама — особа почтенныхъ лѣтъ, вдова заслуженнаго чиновника, живетъ отъ черноморскаго побережья далеко и поэтому наѣзжала сюда въ нѣсколько лѣтъ разъ, да и то стала приѣзжать лишь послѣ смерти мужа, который самъ все собирался приѣхать „осмотрѣть“

участокъ, да такъ ни разу и не собрался. Въ первый же свой прїездъ дама, достаточно налюбовавшись издали на прелестный ландшафтъ, изображаемый ея лѣснымъ участкомъ, расположеннымъ на горѣ и покрытымъ субтропическою растительностью, пожелала поручить кому-нибудь „досмотръ“ лѣса, и ей предложилъ свои услуги одинъ изъ господъ культуртрегеровъ, попавшій издалика, „на ловлю счастья и чиновъ“, на черноморское побережье гостепріимной Руси. Между ними было условлено, что господинъ этотъ не будетъ получать отъ владѣльцы участка, за свой досмотръ, ничего, такъ какъ и самый участокъ не приносилъ тоже никакого дохода: но что если онъ извлечетъ изъ него какой-нибудь доходъ, то подѣлится съ хозяйкой пополамъ. На томъ они тогда и порѣшили между собою. Это было давно, нѣсколько лѣтъ назадъ... И вотъ, сталъ этотъ любезный, безкорыстный человекъ „досматривать“ имѣніе, а дама, время отъ времени, наѣзжать сюда. Прїѣдетъ, спросить:

— Ну, что, получили что-нибудь съ моего имѣнія?

— Увы! ничего не получилъ, — отвѣчаетъ безкорыстный управляющій. — Еще хорошо, что сосѣди-переселенцы согласились очистить лѣсъ безвозмездно отъ повалившагося и гнїющаго валежника.

— А мнѣ бы все-таки хотѣлось какъ-нибудь взглянуть на мой участокъ, побывать на немъ, — говоритъ дама.

— Это можно, — отвѣчаетъ услужливый человекъ: — поѣдьте хоть сегодня. Но только предупреждаю васъ, что это путешествіе сопряжено будетъ для васъ съ нѣкоторымъ рискомъ: теперь началъ таять снѣгъ въ горахъ, и рѣки поднялись, а намъ предстоитъ переѣзжать бродъ...

— Нѣтъ, все-таки я желала бы взглянуть хоть разъ на свой участокъ, — настаиваетъ владѣльца.

Управляющій нанимаетъ экипажъ, заѣзжаетъ за дамой, и они ѣдутъ... Подъѣзжаютъ къ рѣкѣ и въѣзжаютъ въ воду, которая захватываетъ сначала колеса по ступицу, а затѣмъ выше и выше... Дама ахаетъ, поднимаетъ ноги, чтобы ихъ не промочить, и, наконецъ, вода все-таки захватываетъ ее по колѣна.

— Ради Бога, назадъ! — умоляетъ она: — Богъ съ нимъ совсѣмъ, съ этимъ участкомъ!..

— Я, вѣдь, говорилъ вамъ, предупреждалъ, — оправдывался управляющій, и экипажъ поворачиваетъ назадъ оглобли...

Проходитъ два-три года; вновь прїѣзжаетъ владѣльца въ Сочи, мучимая желаніемъ осмотрѣть свое имѣніе. Управляющій торжественно вручаетъ ей 75 рублей, объясняя, что ему „посчастливилось“ сдать участокъ подъ баранту, т.-е. подъ пастьбу барановъ, за 150 рублей, и онъ „спѣшитъ подѣлиться доходомъ“...

— А не съѣдимъ ли мы посмотрѣть участокъ?—робко заявляетъ владѣлица:—вѣдь теперь, кажется, устроены черезъ рѣку мосты...

— Мостъ есть. Поѣдьте хоть сегодня,—отвѣчаетъ управляющій. заѣзжаетъ въ собственномъ экипажѣ, и они ѣдутъ.

Вначалѣ все идетъ благополучно: рѣка переѣзжается уже не въ бродъ, а по мосту, дорога къ участку идетъ хорошая, виды очаровательные... Затѣмъ, когда подъѣхали къ участку, надо было выйти изъ экипажа и идти пѣшкомъ.

— Вѣдь, у васъ, подъ горою участка, отъ весенняго разлива рѣки—болото, а затѣмъ гора слишкомъ крутая; едва ли вы будете въ силахъ подняться на нее,—предупреждаетъ управляющій.

— Ничего, попробую,—отвѣчаетъ владѣлица:—я рѣшила уже непременно осмотрѣть это имѣнiе..

Идутъ... Ноги начинаютъ вязнуть въ болотѣ все выше и выше... Управляющему съ полгоря—онъ въ длинныхъ, охотничьихъ сапогахъ... Наконецъ, болото кое-какъ пройдено; но теперь имъ предстоитъ очень крутой подъемъ на гору, покрытую мелкимъ лѣсомъ и колючками... Едва-едва добралась владѣлица имѣнiя до половинны горы, а дальше уже идти совсѣмъ не могла: подъемъ былъ такъ крутъ, что она, дама полная, задыхнулась отъ усталости; ноги были въ грязи и мокры отъ болота, оборка платья превратилась въ бахрому...

— Я не могу идти дальше! Ради Бога, назадъ!—заявляетъ дама...

— Я, вѣдь, говорилъ вамъ, предупреждалъ васъ,—оправдывался управляющій:—участокъ этотъ никуда не годенъ. Мой совѣтъ вамъ — продать его; можетъ быть, кто-нибудь купитъ, чтобы вырубить на дрова...

Но владѣлица не пожелала продать и уѣхала обратно. Черезъ два года пріѣхала вновь въ Сочи. Доходу никакого на этотъ разъ она не получила. Но тутъ-то вотъ и произошелъ нѣкоторый казусъ,—и очень интересный, какъ увидятъ читатели.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ номеръ гостиницы, гдѣ остановилась владѣлица, „постучался презрѣнный“... армянинъ, который и объяснилъ довѣрчивой владѣлицѣ, что ея участокъ, принадлежавшій ранѣе переселившемуся въ Турцію мѣстному князю, представляетъ собою золотое дно; онъ, армянинъ, желалъ бы взять его въ аренду и предлагаетъ госпожѣ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть этотъ участокъ, дабы она убѣдилась, что ее очень ловко и хитро обманываютъ...

На другой же день почтенная дама нанимаетъ экипажъ, беретъ съ собою армянина, ѣдетъ въ свое имѣнiе, легко подъѣзжаетъ къ нему не со стороны болота, а съ совершенно противоположной, и осматриваетъ его. Результаты вышли поразительные... Имѣнiе оказалось роскошное: болѣе

половины участка была покрыта строевымъ, очень ровнымъ дубомъ; въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ князя, оказался прекрасный садъ, въ которомъ были яблонн, груши, сливы и цѣлыя аллеи дорогихъ орѣховыхъ деревьевъ; вкусный виноградъ вился по деревьямъ вверхъ, на нѣсколько сажень, и висѣли тяжелые поспѣвающіе гроздья. Въ концѣ лѣса было отгорожено большое мѣсто для баранты, которая и паслась по лѣсу; а такъ какъ въ это время трава была уже плохая, то для барановъ безжалостно рубили молодые дубы, покрытые листвою, которые тѣ и объѣдали. Затѣмъ, въ лѣсу оказались свѣжесрубленные пни отъ большихъ орѣховыхъ деревьевъ, которые были проданы, какъ потомъ оказалось, за нѣсколько сотъ рублей... Оказалось немало распаханной земли, съ которой снималась кукуруза...

Воротилась владѣлица изъ своего имѣнія, а ее ожидали уже лица, желавшія взять его въ аренду и предлагавшія сразу тысячу рублей... Вечеромъ, въ тотъ же день, къ ней въ номеръ вошелъ нѣсколько сконфуженный господинъ культуртрегеръ и объявилъ, что онъ недавно продалъ изъ ея участка наплывъ съ орѣховыхъ деревьевъ *) за 80 рублей и проситъ ее получить условную половину, т.-е. 40 рублей, и дать ему расписку, что она „слѣдующій ей съ участка доходъ получила“... При этомъ, безкорыстный управляющій тотчасъ же предложилъ владѣлицѣ четыре золотыхъ и заготовленную расписку.. Почтенная дама, однако, отказала въ выдачѣ просимой расписки и лишь написала, что „получила сорокъ рублей“. Въ то же время она поблагодарила г. управляющаго за службу и заявила ему, что не желаетъ долѣе пользоваться его безкорыстными услугами; а на другой день сдѣлала формальное заявленіе мѣстнымъ властямъ, что, посѣтивъ свой участокъ, она застала въ лѣсу стадо барановъ, неизвѣстно кому принадлежавшихъ, и замѣтила пни недавно вырубленныхъ орѣховыхъ деревьевъ...

*) Эти наплывы образуются на орѣховыхъ деревьяхъ отъ укола насѣкомаго, и иногда ихъ можно снимать, не повреждая самого дерева. Куски этихъ наплывовъ достигаютъ вѣсомъ до 15 пудовъ, но бываютъ иногда и больше. Орѣховые наплывы очень цѣнятся въ столярныхъ и токарныхъ работахъ и идутъ преимущественно за границу. Нѣкто, армянинъ Качарьянцъ, изъ Шуши, занимающійся специально лѣсоторговлею, нажилъ себѣ цѣлое состояніе покупкою и продажей орѣховыхъ наплывовъ. Напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще до министерства А. С. Ермолова, Качарьянцъ купилъ въ казніѣ, безъ торговъ, „хозяйственнымъ способомъ“, 90 орѣховыхъ деревьевъ съ наплывами за 460 рублей и перепродалъ ихъ потомъ за 20.000 рублей... Съ торговъ же, въ позднѣйшее уже время, тотъ же лѣсоторговецъ купилъ 44 дерева, но за нихъ пришлось заплатить уже 9.000 рублей. Вотъ какъ легко наживались здѣсь деньги въ „доброе старое время“!..

Вся эта курьезная исторія окончится, конечно, ничѣмъ; но она очень характерна, какъ показатель десятковъ подобныхъ же исторій на черноморскомъ побережьѣ: съ одной стороны, богатства лѣсныхъ участковъ, напоминающія собою древнее „золотое руно“; съ другой—полнѣйшее неумѣнье пользоваться этими богатствами со стороны ихъ владѣльцевъ. На этомъ побережьѣ наживались, впрочемъ, не одни культуртрегеры—эти господа хоть что-нибудь да дѣлали и трудились; нѣкоторые „счастливицы“ наживались здѣсь совсѣмъ безъ труда, какъ наживаются иногда люди, выигрывающіе въ лотерею двѣсти тысячъ. Здѣсь называютъ многихъ господъ, скупившихъ за безцѣнокъ громадныя лѣсныя участки на береговой полосѣ отъ лицъ, получившихъ ихъ „за службу“ и не имѣвшихъ никакого представленія о тѣхъ богатствахъ, которыя имъ были даны, и объ ихъ стоимости. А скупщики преспокойно опустошали лѣса: дубы (на клепки), пальмы, ясень и проч., и отправляли ихъ въ наши порта и за границу. При этомъ зачастую прихватывали, при истребленіи своихъ лѣсовъ, и деревья сосѣднихъ казенныхъ дачъ, подъ видомъ „валежника“. Здѣсь ходятъ цѣлыя легенды о маленькихъ и бѣдныхъ человѣчкахъ, о бывшихъ участковыхъ приставахъ, ставшихъ большими и богатыми людьми. Только за послѣдніе годы, когда въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ стали появляться не одни чиновники, но и люди идеи, проникнутые мыслью, что интересы государственнаго имущества вообще есть въ то же время и интересы каждого гражданина въ частности, всѣ темныя дѣла быстро отошли въ область преданій.

Не безъ тайной грусти разставались мы въ половинѣ уже ноября съ очаровательнымъ Сочи. Семья моя отправилась въ находившейся при домѣ садъ и, съ разрѣшенія любезнаго хозяина, нарвала на дорогу букетъ розъ. Но, и уѣзжая, намъ пришлось еще разъ пожалѣть объ отсутствіи путей сообщенія...

Пароходъ изъ Батума долженъ былъ прійти въ 11 часовъ вечера. Къ этому времени мы, едва-едва разыскавъ извозчика, перетаскились по темнымъ улицамъ со всѣмъ багажемъ, чемоданами и корзинами въ контору „Русскаго общества пароходства и торговли“ (такъ какъ ожидался нашъ старый знакомый—пароходъ „Св. Николай“, принадлежащій именно этому обществу), помѣщавшуюся на берегу моря, въ какомъ-то старомъ деревянномъ домѣ съ колоннами, очень давней архитектуры. Контора эта занимала всего одну комнату, довольно большую, перегородженную пополамъ: по одну сторону помѣщалась собственно контора, гдѣ продавались билеты, по другую—размѣщалась ожидавшая публика. На стѣнѣ горѣла маленькая лампочка, а на лавкахъ и въ углахъ на полу сидѣли и дремали, поджавъ

ноги, различные „восточные чловѣки“ въ ожиданіи парохода. Было сильно накурено и душно... За нами слѣдомъ пріѣхала семья художника Д. Ночь была очень свѣжа, и ожидать пароходъ на крыльцѣ было неудобно, такъ что поневолѣ пришлось спдѣть въ конторѣ.

Придетъ ли пароходъ во-время, или же придется ожидать его до утра?—вотъ вопросъ, занимавшій тогда въ этой „конторѣ“ всѣхъ и каждаго... Агентъ общества былъ какою-то невидимкой, и всѣ наши попытки увидѣть его не увѣнчались успѣхомъ... Наконецъ, пришелъ въ контору писарь, очень юный чловѣкъ, лѣтъ 17, и объявилъ публикѣ, что „получена телеграмма—пароходъ немножко запоздалъ“... Это „немножко“ оказалось ровно три часа, и лишь въ два часа ночи со стороны моря слышался пароходный гудокъ, и показались на морѣ огоньки... Поднялась суматоха и толкотня: въ совершенной темнотѣ надо было идти къ берегу моря, слѣдить за цѣлостью багажа, садиться въ фелюгу и плыть къ пароходу... Просто казалось невѣроятнымъ это крайнее невниманіе къ публикѣ со стороны агента, который такъ и не показался въ конторѣ, передавъ свои обязанности мальчику-писарю, продававшему билеты, и артельщику, принявшему нашъ багажъ!..

И это было еще хорошо, что мы прождали въ грязной и удушливой конторѣ только три часа лишнихъ: мы могли прождать и до утра. А если бы попали на пароходъ не „Русскаго“, а „Россійскаго“ общества, то не имѣли бы даже мѣста, гдѣ и обождать, такъ какъ контора агента этого неудобнаго общества помещается на горѣ, отъ моря въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, въ крошечной каморкѣ, пристроенной къ его дому, и пассажирамъ предлагаютъ ожидать пароходы на берегу моря, подъ открытымъ небомъ, и на нихъ же еще возлагаютъ обязанность доставлять къ берегу и на пароходъ свой багажъ.

Боже! съ какою радостью поднялись мы—овять-таки въ полутьмѣ—на бортъ корабля и съ какимъ наслажденіемъ заняли указанные намъ мѣста въ спальныхъ каютахъ, гдѣ было такъ уютно, чисто, тепло и свѣтло!..

Къ счастью, море было спокойно, и на другой день, къ тремъ часамъ дня, мы были въ портѣ Новороссійска.

IV.

Статья профессора Краснова о „Русской Колхидѣ“.—Температура черноморскаго побережья Кавказа.—Субтропическая растительность.—Гигантскіе папоротники.—Лиственные лѣса и ихъ постоянное цвѣтеніе.—Живописный міръ Колхиды.—Ея блестящая будущность.

Я — не зоологъ, не ботаникъ и не метеорологъ. Составляя я свою статью, не претендую на какое-либо спеціальное описаніе богатствъ черно-

морского побережья Кавказа, его фауны и флоры: я писалъ просто краткія замѣтки о своемъ путешествіи, и размѣры статьи не позволяли даже мнѣ слишкомъ много распространяться. Я имѣлъ въ виду единственную цѣль—ознакомить читателей съ красотой нашего Кавказа въ той его части, расположенной по восточному берегу Чернаго моря, на мѣстѣ древней Колхиды, называемой нынѣ „Русскою Ривьерой“, которою все теперь такъ сильно интересуются. Но такъ какъ, несомнѣнно, между читателями найдутся очень многіе, которые пожелаютъ ознакомиться болѣе или менѣе подробно и обстоятельно какъ съ климатомъ этой нашей Ривьеры, такъ равно и съ ея флорой, то я поэтому и позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ статьи профессора А. Н. Краснова, изучившаго, повидимому, черноморское побережье гораздо ближе и обстоятельнѣе, чѣмъ все другіе писатели, посвятившіе за послѣднее время свои статьи этому же предмету.

Изъ многихъ статей г. Краснова, помѣщенныхъ имъ объ этомъ побережьи въ разныхъ журналахъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе статья, напечатанная недавно въ журналѣ „Кавказскій Вѣстникъ“, подъ заглавіемъ „Русская Колхида“, трактующая исключительно о климатѣ и флорѣ черноморскаго побережья Кавказа.

Колхида.—говоритъ почтенный авторъ,—лежитъ на берегу моря, представляя, сравнительно, узкую полосу, отгороженную отъ остальнаго міра горами. Такое ея положеніе создаетъ особенно энергичный обмѣнъ воздушныхъ теченій между сушею и моремъ. Это—классическая страна бризъ. Громадный процентъ дней флюгеръ показываетъ здѣсь или затишье, или медленное движеніе воздуха—отъ суши къ морю ночью и обратное днемъ. Это—типичныя морская и береговая бризы. Ихъ знаютъ колхидскіе жители отъ Туапсе и до Батума, и онѣ играютъ громадную роль въ жизни побережья. Дневная бриза сообщаетъ всей полосѣ свойства воздуха морского и смягчаетъ дневную жару. Въ этой южной мѣстности по сосѣдству со степями, гдѣ не въ диковину 40 градусовъ жара, термометръ рѣдко, да и то въ самые жаркіе мѣсяцы, поднимается выше 28 градусовъ Цельсія. Ночью онъ падаетъ сразу и держится почти одинаково большую часть ночи. Онъ тѣмъ ниже, чѣмъ глубже ущелье, на дно котораго падаетъ холодный воздухъ,—потому-то по вечерамъ здѣсь изъ поперечныхъ долинъ, какъ изъ трубы, тянется холодный воздухъ; береговые же склоны, защищенные контрфорсомъ горъ отъ болѣе высокихъ хребтовъ, пользуются здѣсь теплымъ затишьемъ. Термометръ показываетъ разницу до 5 градусовъ, въ зависимости отъ степени высоты защищающихъ контрфорсовъ, черезъ которые не можетъ перевалить холодный, тяжелый воздухъ ночной бризы. Такъ какъ вѣтры съ характеромъ бризы срываются съ горъ зимою,

днемъ, то и пхъ низкая, охлаждающая температура имѣетъ громадную разницу какъ въ дикой, такъ и культурной растительности края, противъ устьевъ долинъ и на скалахъ. На этихъ послѣднихъ всюду разбросаны элементы флоры южной Европы; въ мѣстахъ же, подвластныхъ вліянію вѣтровъ, преобладаютъ болѣе сѣверныя формы растений. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ въ Батумской области, возможна культура апельсинъ (равно какъ и на Новомъ Афонѣ, значительно сѣвернѣе Батума), а въ другомъ они мерзнутъ.

Растительность Колхиды, какъ видимъ, вполне отвѣчаетъ ея климатическимъ условіямъ. Характерная черта ея—это черта растительности субтропическихъ странъ влажнаго типа. Лѣсъ является господствующей формацией края; здѣсь свободны отъ лѣсовъ только высокія вершины горъ близъ снѣжной линіи, да мѣста гдѣ человекъ своею рукою постребилъ деревья. Но стоитъ только человеку прекратить на время свою постребительную дѣятельность, деревья сейчасъ вновь начинаютъ вырастать на опустошенномъ мѣстѣ. Лѣсъ нашей Колхиды многими своими чертами отличается отъ лѣсовъ средней Европы или сѣвернаго Кавказа. Первая характерная черта его—это присутствіе вѣчно зеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ, составляющихъ примѣсь во всѣхъ поясахъ колхидской растительности. Здѣсь не столько характеренъ лавръ, ютящійся только въ наиболѣе защищенныхъ и обращенныхъ къ солнцу береговыхъ откосахъ юго-западнаго берега Кавказа (напримѣръ, между Сочи и Адлеромъ), какъ рѣдкія и даже отсутствующія въ южной Европѣ формы растений съ широкою кожистою листовою, напоминающею характеромъ своимъ листову вѣчно-зеленыхъ тропическихъ породъ; это будутъ: понтійскій рододендронъ, лавровишня, плющъ и др. Многія изъ этихъ растений, составляя характерную особенность прибрежныхъ лѣсовъ, поднимаются также и въ горы; таковы, напримѣръ, лавровишня и кавказскій рододендронъ. Эти вѣчно-зеленыя формы дѣлаютъ здѣшнія зимы, какъ и зимы Японіи или южныхъ штатовъ Америкы, *зелеными зимами*; этихъ формъ мы не видимъ на Кавказѣ къ сѣверу отъ главнаго хребта.

Другою, общею съ субтропическими странами, чертою здѣшнихъ лѣсовъ является присутствіе въ нихъ ліанъ, эпифитовъ (колючія растенія) и плюща. Колхида обладаетъ такими ліанами, сплетенія которыхъ могутъ дѣлать полную иллюзію тропическаго лѣса... Здѣсь, напримѣръ, есть ліаны скрученныя, какъ пробочникъ, и толстыя, какъ руки, перебрасывающіяся съ дерева на дерево. Есть форма тонкая, какъ кружево, заплетающая промежутки между деревьями: жимолость, виноградъ, сассапарильникъ, плющъ и высоко вьющійся шиповникъ—главные изъ представителей этого типа; они заполняютъ пустоты между стволами, не остающимися здѣсь

голыми, такъ какъ, помимо плюща, они обрастаютъ еще эпифитнымъ (колючимъ и выющимъ) папоротникомъ — явленіе обычное лишь въ тропическихъ странахъ, но не наблюдающееся нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Колхиды.

Другая черта, присущая собственно тропическимъ и субтропическимъ странамъ,—обиліе папоротниковъ, характеризующее также Колхиду. Послѣ Новой Зеландіи Колхида занимаетъ первое мѣсто по преобладанію въ своемъ лѣсномъ ландшафтѣ папоротниковъ: не только на деревьяхъ, на скалахъ и въ тѣнистыхъ оврагахъ видимъ мы здѣсь ихъ пѣщныя вѣтви, но и всѣ брошенныя поля зарастаютъ въ Колхидѣ папоротникомъ; онъ составляетъ здѣсь главный бурьянъ,заполняющій всѣ культурные участки, и еще недавно его разсматривали, какъ бичъ земледѣлія. Впрочемъ, растеніе это, давно дающее японцамъ крахмалъ, а китайцамъ—вкусный овощъ, далеко не такъ ужасно, какъ кажется,—и простое даже засѣваніе участка кормовыми травами содѣйствуетъ быстрому исчезанію этого папоротника (орляка). Но, пока, всѣ луга среди лѣсовъ Абхазіи, Мнигрелии и Батумскаго края заняты этимъ папоротникомъ, замѣняющимъ луговые злаки и бурьяны въ Колхидѣ. Исполнивъ по сравненію съ своими собратьями на сѣверѣ, образуя дебри, въ которыхъ могутъ скрыться всадникъ и пѣшеходъ съ головою, онъ все-таки не принадлежитъ къ гигантамъ своего семейства въ Колхидѣ. Пальму первенства надо отдать, безспорно, представителю отдаленной отъ насъ третичной эпохи, царственной *Osmunda regalis*; въ болотистыхъ лѣсахъ около Адлера папоротникъ этотъ образуетъ громадной высоты стволы, подобіе которыхъ можно наблюдать лишь въ тропическомъ мірѣ. -

Затѣмъ, еще одна черта растительности сближаетъ Колхиду съ субтропическими странами—это преобладаніе въ составѣ ея лѣсовъ деревьевъ изъ семейства плюсконосыхъ. Будучи царствомъ лѣса вообще, покрывающаго горы и долины, болота и кручи, Колхида покрыта по преимуществу лѣсами лиственными: сосна, въ лицѣ приморской сосны *Pinus halepensis*, ютится лишь изолированными островками по откосамъ по берегу моря, гдѣ къ ней присоединяется нерѣдко благородный лавръ и еще болѣе рѣдкіе виды растеній области Средиземнаго моря: *Vitex*, тростникъ *Arundo Donax* и др. Дубы, хмелограбъ, грабъ, сладкій каштанъ, орѣшникъ букъ—вотъ господствующія въ здѣшнихъ лѣсахъ породы, смѣняющія одна другую, въ зависности отъ того, будутъ ли почва и климатъ влажнѣе или суше. Каштанъ съ вѣчно-зеленымъ подлѣскомъ изъ лавровишни и рододендронъ господствуютъ въ сырой Батумской области.

Здѣшніе лѣса чрезвычайно бѣдны цвѣтами. Высокіе кустарники заполняютъ просвѣты между стволами, обыкновенно сильно запутанные ліа-

нами и колючею ежевикой. Если и встрѣчаются здѣсь цвѣты, то они ютятся или на болѣе сыромъ мѣстѣ, или расцвѣтають, какъ, напримѣръ, дряква (*Cyclamen*). раннею весною или даже зимою. Но зато украшеніе лѣсовъ Колхиды, какъ и другихъ субтропическихъ областей, составляютъ цвѣтущія деревья и кустарники. Какъ въ лѣсахъ Японіи камеліи, азалии, магноліи и гарденіи, такъ здѣсь душистый жасминъ, кавказская азалия, рододендронъ, каштаны, жимолость, мушмала, барвинка и т. под. растенія украшаютъ лѣса и лѣсные откосы. Цвѣтеніе деревьевъ и травъ растянуто здѣсь почти на все четыре времени года: кусты *V. Alex* цвѣтутъ въ августѣ, каштанъ въ іюлѣ, азалии въ апрѣлѣ, рододендронъ въ февралѣ, *Colchicum* цвѣтетъ въ сентябрѣ, драква (*Cyclamen*)—зимою. Здѣсь всегда есть цвѣты, но всегда ихъ мало, всегда, въ противоположность нашимъ лѣсамъ, весною и лѣтомъ зелень преобладаетъ надъ цвѣтами; нѣтъ такого мѣста или времени года, когда бы вы не могли составить себѣ пышнаго букета, но всегда для этого нужно искать цвѣтовъ.

На Бискайскомъ побережьи Испаніи характеръ флоры наиболѣе подходитъ къ лѣсамъ Колхиды: тамошніе плексъ, самшитъ, рододендронъ, плющъ и родственная лавровишнѣ *Prunus Lusitanica* составляютъ такой же вѣчно-зеленый подлѣсокъ въ лѣсахъ, по составу своему очень сходныхъ съ лѣсомъ Сочи и Сухума. И насколько эти лѣса Лузитаніи поддаются сравненію съ колхидскими, настолько не имѣють съ ними и тѣни сходства тѣ заросли, которыя мы видимъ на Ривьерѣ и въ другихъ типичныхъ мѣстахъ съ средиземно-морскою флорою. Колхида совершенно не знаетъ ни этихъ низкихъ зарослей мелколистаго, вѣчно-зеленаго кустарника, извѣстнаго подъ именемъ *maquis*, ни тѣхъ скалъ съ сѣдою и сѣрою растительностью, ароматичною и колючею, которая такъ характерна для скалъ южной Европы. Маслина, этотъ типъ средиземно-морского дерева, развивается у насъ неохотно,—и только въ такихъ совершенно исключительныхъ мѣстностяхъ, какъ Гагри или Новый Афонъ, удалось упрочить ея существованіе.

Колхидская флора — это островъ флоры атлантического побережья Западной Европы, болѣе пышной, болѣе богатой мѣстными видами, но все-таки примыкающей къ флорѣ листопадовъ. Въ этомъ лежитъ залогъ всего культурнаго будущаго Колхиды, такъ какъ, будучи областью переходною, она даетъ возможность культивировать на своей богатой и плодотворной почвѣ флору какъ средиземнаго и японскаго, такъ и западно-европейскаго типа. Для этого только нужны знаніе и средства. Эта флора снизу и до верху на побережьи сохраняетъ субтропическій характеръ, который сказывается не только въ растительности, но и въ фаунѣ, и въ почвахъ, и въ другихъ особенностяхъ природы Колхиды. Ея нивы носятъ

характерныя особенности нивъ влажныхъ субтропическихъ странъ; горныя породы, благодаря влагѣ и теплу, большому, чѣмъ въ другіхъ мѣстахъ нашего отечества, подвергаются энергичнѣйшему вывѣтриванію и выщелачиванію. Гдѣ выходятъ породы изверженныя, тамъ обыкновенно изъ нихъ образуется ярко-коричневая глина, весьма близкая по характеру своему къ тропическому краснозему; этотъ послѣдній находится только въ этомъ уголкѣ нашего отечества и сильно развитъ около Батума и Кутаиса, благодаря чему многія мѣстности Чаквы, занятыя нынѣ чайными плантаціями, всецѣло переносятъ путешественника въ обстановку Цейлона...

Животный міръ Колхиды носитъ, конечно, все особенности кавказской фауны; но и здѣсь нельзя не отмѣтить двухъ характерныхъ чертъ его—обилія видами тропическаго характера (гѣна, шакаль и др.) и формами вымирающими, представляющими отголоски фауны прежнихъ эпохъ (зубръ, барсъ). Какъ на Цейлонѣ, путешественникъ, пріѣхавъ въ Колхиду въ лѣтнее время, бываетъ пораженъ массою летающихъ свѣтляковъ и цѣлымъ дождемъ свѣтящихся точекъ, осыпающихъ все деревья... Какъ все отголоски субтропиковъ, они заканчиваются въ Сочинскомъ округѣ. Какъ въ Индіи и на островѣ Явѣ, буйволъ является и здѣсь главнымъ помощникомъ человѣка, отодвигающимъ на второй планъ и лошадь, и вола. Лицу, поселившемуся въ Сочинскомъ округѣ, приходится, какъ и въ Америкѣ же, имѣть своимъ главнымъ врагомъ насѣкомыхъ, не комаровъ и мошку, какъ въ тайгѣ Сибири, а муравьевъ и осъ, какъ въ тропическихъ странахъ. Все эти черты природы даютъ Колхидѣ совершенно особое мѣсто и среди всехъ другихъ областей Кавказа.

Понятно, что вслѣдствіе этого и самая жизнь и хозяйство должны слагаться на кавказскомъ побережьѣ тоже совершенно особеннымъ образомъ. Изолированная отъ другихъ субтропическихъ областей, поставленная исторією въ весьма неблагоприятныя условія для самобытнаго культурнаго развитія, Колхида до послѣдняго времени болѣе или менѣе неудачно заимствовала отъ ближайшихъ сосѣдей пріемы культуры и поэтому донинѣ представляетъ изъ себя край запущенный, мало населенный и мало культурный. Между тѣмъ, она имѣетъ все условія для своего блестящаго развитія и процвѣтанія...

И министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, слѣдуетъ прибавить, дѣлаетъ съ своей стороны все возможное, чтобы содѣйствовать, по мѣрѣ своихъ средствъ, этому постепенному развитію Колхиды въ настоящемъ и ея процвѣтанію въ будущемъ.

А это будущее,—говоримъ еще разъ,—зависитъ единственно отъ проведенія береговой желѣзной дороги, то-есть отъ скорѣйшаго разрѣшенія для нашего правительства и общества весьма серьезнаго вопроса—что вы-

годнѣ: провести ли по черноморскому побережью Кавказа желѣзную дорогу и устроить затѣмъ собственную Ривьеру, или же, махнувъ рукой на красоту и роскошь своей страны, уѣзжать попрежнему тысячами семействъ за границу, на тамошнюю Ривьеру, оставляя тамъ ежегодно по нѣскольку милліоновъ русскихъ рублей?

Сѣрные источники близъ Сочи.

По напечатаніи уже предыдущей статьи въ майской книгѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1901 г., гдѣ я упоминалъ о цѣлебности грязи рѣчки Агуры, въ печати—въ „Сезонномъ Листкѣ“ кавказскихъ минеральныхъ водъ—въ іюлѣ мѣсяцѣ 1901 года, появилась небольшая, но обстоятельная статья о томъ же предметѣ, могущая дать читателямъ болѣе ясное представленіе о чудодѣйственной силѣ и цѣлебности сѣрныхъ источниковъ на р. Мацестѣ, близъ Сочи. Вотъ эта очень интересная статья.

Съ развитіемъ, и нынѣ уже весьма значительнымъ, черноморскаго побережья Кавказа должно начаться правильное использование находящихся въ Черноморской губерніи минеральныхъ источниковъ. Самое главное мѣсто среди послѣднихъ, по обилію и качеству воды, по мѣстоположенію и проч., должно принадлежать источникамъ Мацестинскимъ, находящимся въ 10 верстахъ къ югу отъ г. Сочи и въ 4 верстахъ отъ Чернаго моря, на лѣвомъ берегу р. Мацесты. За послѣдніе годы Мацестинскіе источники были не разъ осмотрѣны министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловымъ и членомъ государственнаго совѣта д. т. с. Н. С. Лбазою и подробно обследованы специально командировавшимся для этого спеціалистами: проф. С. І. Залѣскимъ, проф. Ф. П. Пастернацкимъ, горными инженерами: К. Ф. Ругевичемъ и М. В. Сергѣевымъ. Для обезпеченія источниковъ отъ порчи установленъ округъ ихъ охраны (включающій около 143 десятинъ); чтобы имѣть достаточное пространство для курорта, при Мацестинскихъ источникахъ, съ Высочайшаго соизволенія, приобрѣтены въ казну прилегающія къ источникамъ частныя земли вплоть до самаго берега моря. Такимъ образомъ приняты всѣ предварительныя мѣры, гарантирующія возможность будущей эксплуатаціи этихъ источниковъ.

Мацестинскіе минеральные источники, какъ уже сказано, находятся въ 10 верстахъ къ югу отъ Сочи, и въ настоящее время къ нимъ ведетъ сначала прибрежное Черноморское шоссе, а затѣмъ начинается лѣсная дорога, которая большею частью идетъ вдоль берега Мацесты, неоднократно, впрочемъ, пересѣкая и самую рѣку; въ общемъ, отъ шоссе приходится

подняться вверхъ по рѣкѣ около $2\frac{1}{2}$ верстѣ. Лѣвый берегъ Мацесты является вообще болѣе возвышеннымъ, а самое мѣсто выхода источниковъ на этомъ берегу представляетъ собою большую скалу—на склонѣ невысокаго горнаго хребта, который тянется съ сѣверо-сѣверо-востока на юго-юго-западъ. У подножья указанной скалы, на высотѣ $1\frac{1}{2}$ —2 саж. отъ обычнаго горизонта рѣки и въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея, выбиваются струи минеральной воды. Вся эта мѣстность является приподнятой надъ уровнемъ моря на 60—70 футовъ, при чемъ уже отъ мѣста выхода минеральныхъ источниковъ и затѣмъ вдоль праваго берега Мацесты раскидывается весьма обширная равнина.

Что касается бальнео-химическаго опредѣленія источниковъ Мацесты, то уже характерный запахъ сѣроводорода, который чувствуется все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія къ источнику и становится удушливо неприятнымъ около самаго источника и въ особенности въ пещерообразныхъ углубленіяхъ въ скалѣ, изъ которой появляются струи минеральной воды,—свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ сѣрнистою водою. Ближайшее же изученіе состава этой воды заставляетъ признать Мацестинскіе источники сѣрнисто-соляными, весьма сильно минерализованными, при чемъ преобладающими составными частями ихъ являются: хлористый натрій вмѣстѣ съ хлористымъ кальціемъ и магніемъ и сѣроводородъ—послѣдній находится отчасти въ связанномъ состояніи,—что придаетъ большую цѣнность водамъ,—а также въ большомъ количествѣ и въ свободномъ состояніи. Удельный вѣсъ минеральной воды Мацестинскихъ источниковъ 1,0034.

Первый анализъ воды Мацестинскихъ источниковъ былъ произведенъ еще въ 1886 году магистромъ химіи І. В. Струве, затѣмъ анализъ повторенъ въ 1897 году проф. С. І. Залѣскимъ и, наконецъ, въ 1898 году произведенъ новый анализъ химикомъ при управленіи кавказскихъ минеральныхъ водъ А. Н. Томинымъ *).

Вода Мацестинскихъ источниковъ имѣетъ зеленоватый оттѣнокъ. На каменномъ днѣ купальныхъ углубленій замѣчается мѣстами очень рѣзкій налетъ темно-коричневаго цвѣта, въ 3—4 мм. толщиною, по предварительнымъ изслѣдованіямъ,—органическаго происхожденія, а въ водѣ нацебитъ розовый туфель—барезина. Въ свою очередь, стѣнки горной породы около источниковъ покрыты другимъ—бѣлымъ дряблымъ налетомъ ѣдковащаго вкуса. Кроме того, на выдающемся надъ источниками скали-

*) „Главные результаты бальнео-химическихъ изслѣдованій, произведенныхъ лѣтомъ 1897 г. въ Черноморской губерніи“, проф. С. І. Залѣскаго, стр. 50. „Полезныя ископаемыя и минеральныя воды Кавказа“, В. Меллера, стр. 443 и „Минеральныя богатства въ Сочинскомъ округѣ Черноморской губерніи“, инж. М. В. Сергѣева, стр. 65—66.

стомъ обрывѣ можно собрать желтый налетъ сѣры; налетъ же сѣры, но бѣлесоватаго цвѣта, имѣется и по теченію другихъ сточныхъ водъ источниковъ и даже въ самой рѣкѣ Мацестѣ.

Какъ уже указано выше, въ водѣ Мацестинскихъ источниковъ имѣются такія цѣнные; съ терапевтической точки зрѣнія, соединенія, какъ хлористыя и сѣрнистыя щелочи и щелочныя земли, а также огромное количество свободного сѣроводорода. По количеству же указанныхъ соединеній и по общему содержанію плотныхъ составныхъ частей, вода Мацестинскихъ источниковъ близко подходитъ къ водѣ источника Aachen (Kaiserquelle).

При такихъ качествахъ мацестинской воды нѣкоторымъ недостаткомъ ея является лишь сравнительно низкая температура источниковъ—отъ 19 до 24° Ц. по опредѣленіямъ разныхъ лицъ и въ разныхъ выходахъ воды; слѣдовательно, есть поводъ опасаться, что при нагрѣваніи вода можетъ потерять часть сѣроводорода; однако, не слѣдуетъ забывать, во-первыхъ, что свободного сѣроводорода въ водѣ Мацестинскихъ источниковъ имѣется рѣдко встрѣчаемое въ природѣ количество (95—100 куб. сант. на литръ воды), и, во-вторыхъ, что при современныхъ способахъ нагрѣванія есть возможность сдѣлать потерю сѣроводорода весьма незначительною, а съ другой стороны—и безъ нагрѣванія мацестинская вода (въ среднемъ въ 20° Ц.) можетъ быть въ весьма широкихъ размѣрахъ используема для лѣченія.

Что касается до количества воды Мацестинскихъ источниковъ, то суточный дебитъ ихъ опредѣляется различными изслѣдователями разными цифрами—отъ 20 до 200 тыс. ведеръ. На основаніи же повторенныхъ нѣсколько разъ измѣреній инж. Сергѣева, приходится заключить, что источники даютъ въ сутки 143.000 вед.

До настоящаго времени Мацестинскими источниками пользуются лишь туземцы—мингрельцы, абхазцы и проч., которые прѣзжаютъ лѣчиться главнымъ образомъ отъ ревматизма и, какъ упомянуто выше, купаются въ образовавшихся въ мѣстахъ выхода источниковъ и нѣсколько расширенныхъ искусственно углубленіяхъ. Слѣдами такого пользованія являются оставляемые туземцами въ благодарность за исцѣленіе или въ видѣ приношенія передъ началомъ купаній разноцвѣтные кусочки матерій, привѣшиваемые къ скалѣ. Болѣе внимательный осмотръ мѣста обнаруживаетъ, что иногда туземцы пробуютъ даже нагрѣвать воду для естественныхъ ваннъ, около которыхъ устраниваются особыя прикрытія изъ вѣтвей. Помимо купанія, по разсказамъ очевидцевъ, воду Мацестинскихъ источниковъ пьютъ, а бѣлесоватымъ налетомъ, отлагающимся на стѣнкахъ пещеръ и обнаруживающимъ ѣдко-вяжущія свойства, пользуются для смазыванія тѣла. вмѣсто горчичниковъ. Налетъ же темно-коричневаго цвѣта примѣняется въ

видѣ припарокъ на воспаленныя мѣста кожи, съ цѣлью предупредить образованіе нарывовъ и язвъ.

Теперь можно считать наступившимъ моментъ болѣе правильнаго и болѣе широкаго пользованія Мацестинскими источниками—устройствомъ при нихъ курорта. Ванное зданіе, во избѣжаніе подъема воды, могло бы быть расположено ниже источника, при впаденіи сѣрнаго ручья, образовавшагося изъ отдѣльныхъ струй, въ р. Мацесту, и тогда вода пошла бы по трубамъ самотекомъ въ резервуары, гдѣ ее пришлось бы нагрѣвать. Помимо ваннаго зданія, необходимо построить нынѣ же гостиницу для жилья и отдѣльные домики—дачи на окружающей источникъ живописной полянѣ, по соседству съ которой нынѣ нарѣзаны многочисленные дачные и культурные участки по берегамъ Мацесты и ея притока Де-Симоновскаго ручья.

Слѣдуетъ пояснить, что Мацестинская казенная дача въ ея цѣломъ состоитъ изъ двухъ различныхъ частей. Одна изъ этихъ частей—верхняя—представляетъ собою собственно долину р. Мацесты, а другая непосредственно прилегаетъ къ морю. Для указанныхъ дачныхъ и культурныхъ участковъ использовано около 600 десятинъ изъ первой части, при чемъ самыя верхнія участки отстоятъ отъ берега моря около 5 верстъ. Мнеральные источники находятся въ средней части этого же пространства, изъ котораго намѣчены къ выдѣленію собственно для курорта до 200 дес. Приморская же часть Мацестинской дачи, не предназначаемая подъ участки, могла бы быть использована для устройства гостиницы, купальнаго заведенія, для бульвара и т. п. Прибрежная полоса является для этого вполне достаточною и удобною.

Мѣстность, расположенная по лѣвому берегу Мацесты, въ геологическомъ отношеніи должна быть отнесена къ мѣловымъ образованіямъ; на правомъ же берегу приходится встрѣчаться съ глинистыми, бѣдными известью, сланцами. Въ зависмости отъ этого, на лѣвой сторонѣ Мацесты наблюдается мелкій, легко нагрѣваемый слой почвы съ пронницаемою подпочвою, и какъ дальнѣйшее послѣдствіе, несмотря на благоприятные западные склоны, —большая сухость и болѣе слабая растительность. Глинистая же мѣстность правой стороны, имѣющая тяжелую, глубокую, слабо нагрѣвающуюся и мало пронщаемую почву съ такою же подпочвою, несмотря на болѣе благоприятные юго-восточные и южные склоны, является болѣе холодною и болѣе влажною, но зато обладаетъ и болѣе роскошною растительностью. Эта правая сторона ничѣмъ не уклоняется отъ типическихъ мѣстностей глинисто-влажнаго Сочинскаго района, тогда какъ лѣвая сторона болѣе подходит къ сухимъ мѣстностямъ болѣе сѣвернаго Новороссійско-Туапсинскаго района. Такимъ образомъ, долина Мацесты рѣзко отличается отъ типическихъ долинъ Сочинскаго района, гдѣ обыкновенно

склоны лѣвыхъ береговъ влажны и съ болѣе мощною растительностью, а склоны правыхъ береговъ обратно—болѣе сухіе и съ болѣе слабою растительностью. Но эта особенность должна быть признана весьма благоприятною для устройства курорта около сѣрныхъ источниковъ, находящихся по лѣвому берегу Мацесты, такъ какъ болѣе сухая мѣстность, расположенная непосредственно надъ источниками, является и болѣе здоровою, и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе удобною и пріятною для пребыванія не только больныхъ, но и совершенно здоровыхъ людей.

Климатъ Мацестинской долины, въ общемъ, ничѣмъ не отличается отъ присущаго всему Сочинскому району влажнаго и равномерно-теплаго климата субтропическихъ странъ.

Въ прежнее время долина Мацесты ниже сѣрныхъ источниковъ не была обитаема; на всемъ этомъ пространствѣ вплоть до морского берега былъ дремучій лиственный лѣсъ смѣшанныхъ породъ, но съ сплывмъ преобладаніемъ колоссальныхъ дубовъ. Вскорѣ по выселеніи горцевъ, во время наступившаго усиленнаго уничтоженія лѣсныхъ породъ побережья, всѣ дубы, годные на клепку или дрань, были вырублены и вывезены за границу; гигантскіе же пни этихъ великановъ еще до сихъ поръ не сгнили. Теперь на склонахъ преобладаетъ букъ, а внизу долины къ нему сильно примѣшаны кленъ, карагачъ и ясень. Орѣхъ и каштанъ въ самой приморской части встрѣчаются рѣдко, но ихъ очень много и въ болѣе удаленной отъ моря мѣстности, гдѣ по обонимъ берегамъ Мацесты, равно какъ и по склонамъ праваго берега Де-Симоновскаго ручья, немало остатковъ горекихъ сельницъ и старыхъ фруктовыхъ садовъ. По известковымъ склонамъ лѣваго берега лѣсная растительность вообще, какъ уже указано, болѣе тощая и болѣе рѣдкая; встрѣчается много полянъ, заросшихъ разнообразными кустарниками. Въ части, лежащей ближе къ морю, теперь образовалось много полянъ вслѣдствіе расчистки лѣса мнгрельцами, арендаторами казенной земли, подъ посѣвъ кукурузы. Постоянныя порубки, расчистки и бродячія стада полудикихъ буйволовъ, если и не придали культурнаго вида этой мѣстности, то все же послужили къ тому, что она потеряла свой дремучій видъ и оздоровилась. Всѣ средніе склоны Мацестинской дачи, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ мѣстъ, исключительныхъ по своей способности къ сползанію, вполне пригодны для всякой садовой культуры, кромѣ виноградарства; этимъ же послѣднимъ можно съ успѣхомъ заниматься на болѣе благоприятныхъ относительно солнца склонахъ по лѣвому берегу Мацесты и Де-Симоновскаго ручья. Довольно обширныя прибрежныя равнины, составляющія самое дно долины и обладающія очень тучною почвою, пригодны для полевой культуры.

Счастливое расположеніе источниковъ по близости къ морю и пре-

красный климат мѣстности дѣлають возможнымъ созданіе на Мацестѣ такого курорта, куда будутъ съѣзжаться и нуждающіеся въ сѣрныхъ ваннахъ, и желающіе купаться въ морѣ, и больные, которымъ, даже безъ пользованія ваннами, показано пребываніе въ мѣстности съ мягкимъ теплымъ климатомъ, притомъ въ теченіе круглаго года.

Помимо отмѣченнаго, едва ли не *единственнаго въ мірѣ сочетанія цѣлебныхъ водъ, жаркаго климата и возможности пользоваться морскими купаньями*, нельзя не обратить вниманія и на то, что, при наличности удобныхъ мѣстъ для разведенія виноградниковъ, является возможность присоединить къ перечисленнымъ видамъ лѣченія и *лѣченіе виноградомъ*. Обиліе же воды въ Мацестѣ выше минеральныхъ источниковъ дастъ возможность устроить *бассейнъ для купанья въ прѣсной водѣ*.

Слѣдуетъ прибавить, что выше сѣрнаго источника, саженьяхъ въ 300, въ поимѣ р. Мацесты, на лѣвомъ берегу выходитъ обильный ключъ прѣсной воды съ дебитомъ около 30 т. ведеръ въ сутки. По своему положенію, источникъ этотъ долженъ быть признанъ за *фильтратъ рѣчной мацестинской воды* или за выходъ воды нижняго теченія Мацесты. Несмотря на то, что указанный источникъ расположенъ на террасѣ выше русла Мацесты всего на $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ саж., онъ не заливается рѣкою даже во время наводненій. Вода родника совершенно чистая, прозрачная, съ темп. $14,4^{\circ}$ Ц.; благодаря хорошему уклону мѣстности, ее можно легко и недорого доставить къ любому мѣсту около сѣрныхъ источниковъ. Наконецъ, въ высшей степени выгодною стороною будущаго Мацестинскаго курорта явится *и живописность той мѣстности, въ которой расположены минеральные источники, и обиліе мѣстъ для прогулокъ*. Между прочимъ, весьма интереснымъ долженъ явиться переваль черезъ хребетъ, у западнаго склона котораго находятся Мацестинскіе источники, къ источникамъ Агуры, вытекающимъ у восточныхъ склоновъ того же хребта. Въ настоящее время проникать черезъ этотъ переваль, высшая точка котораго лежитъ на 330 фут. надъ уровнемъ моря, можно лишь съ большимъ трудомъ, по необитаемой лѣсной чащѣ, но расчистка этого пути не представила бы особенныхъ трудностей и, проведя дорожки, улучшивъ спуски и подъемы, разведя паркъ, можно бы воспользоваться этимъ мѣстомъ для *лѣченія восхожденіемъ на горы (terrain cur)*. Надъ самымъ обрывомъ, изъ котораго появляются Мацестинскіе источники, отступя отъ его края, встрѣчаются двѣ большія пещеры, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ сухихъ источниковъ. Одна изъ этихъ пещеръ имѣетъ 8 саж. въ поперечникѣ во всѣ стороны. Стѣны у входа осмолены и покрыты копотью и на нихъ замѣтны огарки восковыхъ свѣчей и

цвѣтныя тряпочки—слѣды какихъ-то совершавшихся, а быть можетъ совершаемыхъ понынѣ пріѣзжающими лѣчиться обрядовъ. Вторая пещера очень узка, но тянется почти на 15 саж. и стѣнки ея, какъ и стѣнки первой, покрыты упомянутымъ выше содержащимъ сѣру налетомъ.

Въ настоящее время въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ возникло предположеніе объ устройствѣ въ Мацестѣ при сѣрныхъ источникахъ лѣчебнаго заведенія, съ помѣщеніемъ для больныхъ, а въ приморской части Мацестинской дачи—гостиницы или пансіона съ купальнымъ заведеніемъ для лицъ, желающихъ пользоваться морскими купаньями. Въ лѣтнее и осеннее время пріѣздъ въ Сочи и окрестныя мѣстности, который и теперь уже весьма значителенъ, съ созданіемъ на черноморскомъ побережьѣ новаго курорта, стоящаго притомъ въ столь исключительно благоприятныхъ условіяхъ мѣстоположенія, климата и лечебныхъ средствъ, долженъ будетъ еще значительно увеличиться. Желаящимъ взять на себя осуществленіе этой мысли могла бы быть предоставлена, на льготныхъ условіяхъ, потребная часть Мацестинской казенной дачи вблизи сѣрныхъ источниковъ и полоса морского берега въ нижней части дачи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КАЗАКИ и ГОРЦЫ.



Императоръ Александръ I.

Черноморскіе казаки—кубанцы и пластуны.

„Ловкость черкесовъ и ихъ лихое наѣздничество славилась на Кавказѣ издавна, почему сынамъ Запорожья, привыкшимъ равнѣ имѣть дѣло съ татарами, надо было поступиться многимъ, въ горной войнѣ непригоднымъ, чтобы не остаться въ накладе. *Плгтіе* казаки скоро приспособились: изъ черноморской пѣхоты выдѣлился особый разрядъ вонновъ, изучившихъ своего врага до тонкости:—это были пластуны“. (Изъ книги „Казаки“, К. К. Абазы).

Попавъ, десять лѣтъ тому назадъ (въ 1890 г.), на службу въ Ставрополь на Кавказѣ, я познакомился тамъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства, генералъ-лейтенантомъ Иваномъ Діомедовичемъ Попкой. Знакомство наше вскорѣ же превратилось изъ официальнаго въ болѣе близкое, — и въ военномъ, заслуженномъ и израненномъ генералѣ я увидѣлъ человека высоко образованнаго, гуманнаго и талантливаго—какъ писателя. Оказалось, что И. Д., будучи родомъ простой казакъ-запорожець, окончилъ курсъ въ кievской духовной академіи, но, не пожелавъ идти по этому пути далѣе, воротился въ свой „кошъ“, принялъ участіе въ Кавказской, а затѣмъ въ Крымской войнѣ, отличился въ многочисленныхъ сраженіяхъ и бояхъ, былъ неоднократно раненъ и, затѣмъ, обративъ на себя вниманіе императора Александра II своими военно-историческими трудами и изслѣдованіями исторіи Черноморья, былъ причисленъ къ штабу Кавказскаго военнаго округа, получилъ доступъ во все мѣстные и военные архивы, въ виду возложеннаго на него порученія—составить подробное описаніе Кавказской войны. Занимаемая имъ въ Ставрополѣ должность губерни-

скаго предводителя дворянства отрывала, къ сожалѣнію, И. Д. отъ его серьезнаго, капитальнаго и кропотливаго труда, а частыя и непріятныя столкновенія съ мѣстной администраціею отравляли послѣдніе годы жизни этого заслуженнаго, даровитаго и высокообразованнаго человѣка,—и онъ не успѣлъ и не могъ воспользоваться обширными матеріалами, заготовленными имъ для своего труда. Къ счастью для военной исторіи, матеріалы эти, послѣ смерти И. Д., послѣдовавшей осенью 1893 года, поступили къ генералу В. А. Потто, предпринявшему, еще ранѣе, свой замѣчательный военно-историческій трудъ—„Кавказская война въ отдѣльных очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ“, обратившій на себѣ всеобщее вниманіе и пользующійся вполне заслуженною извѣстностью.

При личныхъ свиданіяхъ съ И. Д., я слышалъ отъ него много очень интересныхъ разсказовъ о жизни казаковъ, преимущественно черноморскихъ, къ которымъ принадлежалъ покойный, а также и о той легендарной, 30-лѣтней войнѣ, которая носитъ въ исторіи названіе *Кавказской*... Весною 1893 года я видѣлся въ послѣдній разъ съ И. Д.—онъ уѣзжалъ изъ Ставрополя лѣчиться въ Пятигорскъ и былъ уже очень плохъ и слабъ: ему было уже за 70 лѣтъ... Онъ заѣхалъ ко мнѣ проститься прямо изъ собора, гдѣ, по случаю табельнаго дня, присутствовалъ на молебнѣ,—и я тутъ только увидѣлъ, что на широкой богатырской груди не было, буквально, мѣста, не занятаго орденами, медалями и звѣздами, изъ коихъ пятая, главная, была орденомъ св. Александра Невскаго. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ И. Д. не стало...

Еще задолго до своей смерти, покойный подарилъ мнѣ одну изъ своихъ книгъ; это была исторія черноморскихъ казаковъ, въ гражданскомъ и военномъ быту, въ двухъ частяхъ, вышедшая въ свѣтъ еще въ 1858 году и посвященная покойному цесаревичу Николаю Александровичу. Это сочиненіе Понко вошло, въ видѣ компиляцій, въ очень многія книги и изслѣдованія, какъ о Кавказѣ вообще, такъ и очерноморскихъ казакахъ въ частности. Я дѣлаю изъ книги покойнаго И. Д. такія извлеченія, которыя нахожу болѣе интересными, считая необходимымъ сдѣлать при этомъ оговорку, что, хотя свѣдѣнія, находящіяся въ книгѣ Понко, и относятся къ черноморскому казачеству, какимъ оно было сорокъ лѣтъ назадъ, но эти свѣдѣнія и по сіе время такъ живы и интересны, что былая жизнь Черноморья встаетъ предъ читателемъ какъ живая,—и съ этой стороны пополняетъ картину былого Кавказа, въ исторіи завоеванія котораго черноморскіе казаки играли такую видную роль.

И. З.

I.

Основное устройство Черноморья. — Запорожская Сѣчь, перенесенная съ Днѣпра на Кубань. — Былая кордонная линія и пикеты. — Абреки. — Пластуны.

Черноморскіе казаки вышли изъ Запорожской Сѣчи и поселились въ Черноморьѣ въ 1792 году. Къ первоначальному ихъ населенію, состоявшему изъ двадцати тысячъ „куренныхъ“ или служилыхъ людей, присоединилась впоследствии еще горсть запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турціи подъ именемъ буджацкихъ казаковъ, а также и два поселка добровольныхъ переселенцевъ изъ-за Кубани—черкесъ и татаръ. Сверхъ этого были потомъ еще три значительныя переселенія къ черноморцамъ малороссійскихъ казаковъ—изъ губерній Полтавской и Черниговской.

Въ позднѣйшее время возникли въ предѣлахъ Черноморья еще два приморскія поселенія, съ особыми сословіями, не имѣющими ничего сходнаго съ сословіемъ казачьимъ. Мы будемъ касаться ихъ только въ показаніи статистическихъ цифръ; общія же свѣдѣнія и замѣтки о разныхъ сторонахъ народнаго быта и характера будутъ относиться всегда къ господствующему сословію—казачьему.

Малороссійскіе казаки, изъ которыхъ набиралась Запорожская Сѣчь во все время ея существованія,—кровные родичи черноморцамъ; а потому приселенія ихъ, какъ ни были они значительны, не внесли никакой разнородности въ коренное населеніе, и въ настоящее время весь войсковой составъ черноморскаго народонаселенія носитъ одну фیزیономію, запечатлѣвъ одною народностью—малороссійскою. Самые инородцы, численность которыхъ не простирается далѣе одной тысячи душъ мужского пола, исчезая въ массѣ господствующаго населенія, уже достаточно оказались. Немало удивляетъ захожаго русскаго человѣка, когда черкесъ заговорить съ нимъ языкомъ Пирятинскаго уѣзда. „Что за диво!“—думаетъ русскій человѣкъ: „нельзя сказать, чтобъ былъ хохоль, а говорить—изъ рукъ вонъ“.

Черноморцы говорятъ малороссійскимъ языкомъ, хорошо сохранившимся. Настолько же сохранились подъ ихъ военною кавказскою оболочкою черты малороссійской народности въ нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, въ быту, домашнемъ и общественномъ. Напѣвъ на клиросѣ, веснянка на улицѣ, щедрованье подъ окномъ, жениханье на вечерницахъ и выбѣленный уголь хаты, и гребля съ зелеными вербами, и волъ въ ярмѣ, и конь подъ сѣдломъ—все напоминаетъ вамъ на этой далекой кавказской Украинѣ гетманскую Украину Наливайка и Хмельницкаго.

За исключеніемъ небольшого числа инородцевъ, всѣ черноморскіе жители войскового состава исповѣдуютъ греко-русскую вѣру, за неприкосно-

венность которой ихъ прадѣды пролили потоки крови въ борьбѣ съ нетерпимостью польскаго католичества. Расколовъ нѣтъ. Жертвующая преданность народа къ церкви безпредѣльна. Не бываетъ наслѣдства, самаго скромнаго, изъ котораго бы какая-нибудь часть не поступила на церковь. Въ этомъ отношеніи черноморцы остаются вѣрны святому обычаю своихъ предковъ: отъ всѣхъ пріобрѣтеній меча и весла приносятъ лучшую часть храму Божію.

Иностранцы, находящіеся въ войсковомъ составѣ, принадлежатъ къ послѣдователямъ суннитскаго магометанства: татары—по задушевному вѣрованію, черкесы—по племни. Здѣсь кстаѣи будетъ замѣтить, что какъ шапсуги, къ племени которыхъ принадлежатъ черноморскіе черкесы, такъ и другіе закубанскіе горцы слабо привязаны къ исламу и недалеки отъ религіознаго индифферентизма. Когда первый, еще не знавшій какъ взяться за свое дѣло, эмписаръ Шамиля, Хаджи-Магометъ, явился среди абадзеховъ (въ 1841 году) и заговорилъ къ нимъ, съ высоты корана, о правовѣрїи, то дворяне, бывшіе въ числѣ первыхъ его слушателей, пожали отъ недоумѣнія плечами и холодно отозвались, что такія рѣчи прилично выслушивать только мулламъ, а не благороднымъ уоркамъ (дворянамъ). Не дженеть и гурїи корана, а страхъ стыда и желаніе извѣстности въ своемъ обществѣ,—чтобы не сказать чувство чести и жажда славы,—одушевляютъ черкесскаго уорка на битвы и опасности. Въ недавніе годы умеръ у абадзеховъ 120-лѣтній старецъ, послѣдній представитель того времени, когда горцы не были еще мусульманами, даже и по имени. Позднѣйшая турецкая пропаганда, наложившая клеймо ислама на окружавшія старца поколѣнія, не имѣла надъ нимъ никакого дѣйствїи. Новое вино неудобно вмѣщается въ старый мѣхъ. Наконецъ, въ послѣднія минуты жизни абадзехскаго Маусанла, муллы приступили къ нему съ увѣщаніемъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ другой мїръ явился онъ правовѣрнымъ, если не хотѣлъ быть таковымъ на семь свѣтѣ. Ветхїи днями горецъ не сдавался, и служители корана рѣшились испытать надъ нимъ послѣднее средство: пламеннымъ словомъ стали они рисовать воображенію умирающаго картины рая и ада, до которыхъ оставался ему одинъ только шагъ и между которыми проходъ такъ узокъ, какъ лезвее шашки. Тогда умирающїи пришелъ въ волненіе, закрылъ глаза рукою и послѣднимъ, оставшимся у него голосомъ проговорилъ: „Не хочу въ вашъ адъ, не хочу и въ вашъ рай; дайте мнѣ спокойно уйти въ то мѣсто, куда ушли добрые и честные люди—мой сверстники“. И чрезъ минуту ушелъ.

Всѣхъ жителей въ предѣлахъ Черноморья обоого пола было:

Казачьяго сословія	165.000 душъ.
Городовыхъ сословіи портового города Ейска	20.000 „
Нѣмецкихъ колонистовъ.	230 „
Итого	185.220 душъ *).

Всѣ вообще жители Черноморья, какъ казачьяго, такъ и другихъ сословіи, населяютъ три города, одну нѣмецкую колонію, шестьдесятъ три куреня, или *станицы*, пять поселковъ и до трехъ тысячъ хуторовъ. Среди этого населенія находятся двѣ монашескія пустыни: мужская и женская.

У черноморцевъ стараго времени, какъ равно и у запорожцевъ, куренемъ называлась казарма, не только въ смыслѣ зданія, но еще болѣе въ смыслѣ помѣщавшейся въ ней самостоятельной части войска, поставленнаго на походную ногу, мобилизованнаго. Каждый курень имѣлъ приписанное къ нему село или нѣсколько селъ, откуда снабжался жизненными припасами. Съ 1803 года, по замѣненіи куреней въ смыслѣ частей войска полками, названіе это осталось при селахъ, которыя въ позднѣйшее время стали называться и станицами, для сходства съ другими казачьими войсками. За названіе станицъ первыя ухватились канцеляріи и съ такой поспѣшностью, какъ за замѣну слова *сей* словомъ *этотъ*.

Курени, т.-е. станицы, носятъ тѣ же названія, какія изстари существовали въ запорожскомъ войскѣ. Изъ нихъ лежащія по Кубани, на линіи, укрѣплены окопомъ и огорожею, въ защиту отъ нападеній горцевъ. Число дворовъ въ куренѣ простирается обыкновенно отъ двухъ сотъ до одной тысячи.

Край заселенъ неравно: на одной полосѣ народонаселеніе легло слишкомъ густо, на другой — слишкомъ рѣдко. Первая изъ этихъ крайностей не представляетъ никакой соразмѣрности между числомъ жителей и подлежащимъ имъ, по положенію, количествомъ земли.

Между обывательскими казачьими строеніями каменныхъ не встрѣчается почти вовсе, деревянныя очень рѣдки; земляныя, то-есть сложенные изъ землбитнаго кирпича или просто изъ просушеннаго дерна, находятся на Таманскомъ островѣ да по берегамъ Азовскаго моря и рѣки Ея, гдѣ почва, по своей сухости и тягучести, оказывается годною для подобнаго рода строеній. Господствующія же у черноморцевъ постройки суть турлучныя или мазанковыя, въ составъ которыхъ входитъ гораздо меньше лѣса, чѣмъ глины. Врываются въ землю столбы, называемые „сохами“, и на нихъ на-

*) Это было въ 1858 году. Нынѣ однихъ *иногороднихъ*, т.-е. прибываго населенія, насчитывается свыше 400 т. душъ обоого пола.

кладывается сверху „вѣнец“, то-есть бревенчатая связь, служащая основаніемъ кровельнымъ стропиламъ и матицѣ. Стѣнные промежутки между сосами задѣлываются плетенкою изъ камыша или хвороста. Рѣдко положенныя отъ матицы къ вѣнцу доски, съ камышевою поверхъ ихъ настилкою, образуютъ потолокъ. Этотъ остовъ зданія получаетъ цлотъ и кожу изъ глины, смѣшанной съ навозомъ. Если это жилище пана, то въ немъ будетъ оконъ очень много, вдвое больше противъ того, сколько нужно; если урядника, то при немъ будутъ „присѣнки“, крылечко на двухъ столбикахъ, въ родѣ козырька при фуражкѣ. Новыя присѣнки при старой хатѣ показываютъ, что шапка хозяйна еще недавно украсилась урядничьимъ галуномъ. Если въ хатѣ порядокъ и довольство, то на дымовую трубу будетъ надѣтъ деревянный островерхій колпакъ, съ пѣтушкомъ, вмѣсто кисточки, поворачивающимся по вѣтру. „У богатаго казака дымарь съ крышкою, а въ убогаго лобъ съ шишкою“. Турлучныя постройки не должны быть, во-первыхъ, обширныя и высокія, а во-вторыхъ, войсковыя, или, что одно и то же, казенныя. Въ первомъ случаѣ онѣ не будутъ имѣть надлежащей прочности, а во второмъ — неудобны тѣмъ, что требуютъ непрерывнаго ремонта. Трещина оказалась въ потолкѣ—мазка; косою дождь ударилъ въ стѣну—еще бблшая мазка; а пропущена мазка — зданіе пошло валиться. Потомъ столбы, на которыхъ держится потолокъ и крыша, скоро подгниваютъ въ основаніи, и зданіе косится, ползеть врозь. Последнее неудобство могло бы быть устранено съ помощью жидкаго стекла, если бы покрывать этимъ стекломъ концы столбовъ, врываемые въ землю, что дѣлало бы ихъ недоступными гніенію. Какъ бы то ни было, но турлучныя жилища, особенно въ этомъ непостоянномъ и нездоровомъ климатѣ, тяжелы: всякая сырость и порча воздуха задерживается въ нихъ долѣе, и многолюдная семья не можетъ въ нихъ дышать такъ легко, какъ въ деревянной пѣбѣ. Этотъ безлѣсный край осужденъ снабжаться строевымъ лѣсомъ издалека: съ Дону и изъ-за Кубани, отъ горцевъ. На Донъ — далеко и дорого, а на Кубани, по военнымъ обстоятельствамъ, не всегда бывалъ лѣсъ въ привозѣ. Первые осѣдлые обитатели Черноморья, казаки екатерининскаго вѣка, не находя пріюта на поверхности обнаженной пустыни, зарывались въ землянки, — и эти мрачныя, сырыя убожища дѣлались могилами для цѣлыхъ тысячъ поселенцевъ.

Однако жъ, выгода глиняныхъ жилищъ та, что ихъ не легко беретъ огонь. Поэтому пожары довольно рѣдки, не только въ станицахъ, но и въ городахъ, которыхъ, какъ было уже упомянуто, три, а именно: Екатеринодаръ, Тамань и Ейскъ.

Екатеринодаръ — главный городъ въ землѣ черноморскихъ казаковъ, при рѣкѣ Кубани, въ 220 верстахъ выше ея устья, въ 62 отъ крѣпости

Устьлабинской, въ 260 отъ Ставрополя и въ 1.400 верстахъ отъ Москвы. У горцевъ Екатеринодаръ называется „Бжедугскиль“, то-есть Бжедугскій городъ, по ближайшему его сосѣдству съ бжедугскимъ народомъ.

Мѣстоположеніе города, болотистое и нездоровое, представляетъ мало удобствъ для обитанія, не только городского, цивилизованнаго, но даже самаго простого и близкаго къ природѣ. Осенью и весной, нерѣдко даже и среди зимы, улицы города бывають наполнены топями, почти непроходимыми. Тогда возъ съ тяжестью проѣхать по нимъ не можетъ. Вслѣдствіе чего, базары, на которые привозятся съѣстные припасы для пропитанія городского населенія, учреждаются внѣ города, и кому съ какого угла надобно въѣхать въ городъ, тотъ туда и направляется съ поля, хоть бы для этого приходилось околесить верстъ десять. Въ то печальное время на главнѣйшихъ площадяхъ образуются озера, и люди, не любящіе шутить, утверждаютъ, что видятъ на нихъ дикихъ утокъ. Одна только привычка казаковъ ѣздить смѣло верхомъ по самымъ опаснымъ, закрытымъ неровностямъ дѣлаетъ такое затруднительное положеніе городскихъ сообщеній выносимымъ.

Общая всему краю климатическая болѣзнь—лихорадка, спорадическая и эпидемическая, преимущественно гнѣздится и развивается въ главномъ городѣ, при основаніи котораго, на виду хищнаго непріятели, вниманіе казаковъ было поглощено одними тактическими соображеніями. Спасаю, что попалось имъ въ тѣ поры мѣсто, обойденное съ трехъ сторонъ болотами, за которыми можно было заснуть спокойно. Это же мѣсто было покрыто лѣсомъ. Лѣсъ рубили и около пней, безъ дальнихъ хлопотъ, „будовали“ хаты.

Много трудовъ было уложено на осушку города посредствомъ канавъ; но это нисколько не помогло, потому что площадь, занимаемая городомъ, приподнята у краевъ и вдавлена посрединѣ. Видъ ея поверхности сравниваютъ съ блюдомъ и находятъ, что сколько она удобна для огорода, столько же невыгодна для города.

Екатеринодаръ, такъ названный во имя блаженной памяти государыни императрицы Екатерины II, основанъ въ 1794 году. Въ протоколѣ объ основаніи его сказано: „Ради войсковой резиденціи, къ непоколебимому подкрѣпленію и утвержденію состоящихъ на пограничной стражѣ кордоновъ, при рѣкѣ Кубани, въ Карасунскомъ кутѣ, воздвигнуть градъ“. Какъ видите, цѣлью „воздвигнутія града“ была опора кордонной стражи. Нынѣ въ этомъ отставшемъ отъ современнаго значенія градѣ, насчитывается до 2.000 домовъ *), то-есть хатъ, изваянныхъ изъ глины выше-

*) Писано въ 1858 году, когда еще и не думалъ никто, что здѣсь пройдетъ желѣзная дорога, нынѣ существующая.

объясненнымъ способомъ и покрытыхъ камышемъ о соломою. Частныхъ каменныхъ зданій—ни одного, деревянныхъ, подъ желѣзною крышею,—нѣсколько. Хаты стоятъ въ такихъ положеніяхъ, какъ будто имъ скомандовано „вольно, ребята“: онѣ стоятъ, и лицомъ, и спиной, и бокомъ на улицу, какая въ какомъ расположеніи духа или какъ какой выпало по примѣтамъ домостроительной ворожбы, предшествовавшей ея постановкѣ. Однѣ изъ нихъ выглядываютъ изъ-за плетня, другія изъ-за частокола, третьи, и немногія, изъ-за досчатого забора; но ни одна не выставится открыто въ линію улицы.

Независимо отъ особенностей почвы и климата. успѣхамъ земледѣлія не покровительствовали тревожный бытъ жителей, которые были обязаны не только въ урочное для службы, но и во всякое другое время, соблюдать боевую готовность для происходящей у нихъ на порогѣ войны съ горцами. Разрядивъ ружье и снарядивъ плугъ, льготный казакъ не успѣвалъ иногда дотянуть почпной борозды, какъ безочередной нарядъ отрывалъ его отъ мирнаго труда и перевозилъ съ поля пахатнаго на поле ратное. Отъ этого происходило, что лѣтнія полевая работы въ краѣ чаще отправлялись женщинами, чѣмъ мужчинами.

Къ высказанному, болѣе или менѣе случайному и преходящему, неудобству присоединяется и по сіе время неудобство существенное, не только задерживающее развитіе и усовершенствованіе земледѣлія, со всѣми его отраслями, но вообще противодѣйствующее утверженію общественности и благосостоянія въ краѣ на прочныхъ основаніяхъ. Это,—чтобы не сказать болѣе,—неудобство заключается въ отсутствіи уравнительнаго и положительнаго распредѣленія земли.

Земля, населяемая казаками, есть земля войсковая или подвижная, *terre mouvante*. Всѣ казаки ей крѣпки, но она никому не крѣпка. На ней невозможно никакое частное потомственное владѣніе; на ней допускается только пожизненное пользованіе. Это одинъ изъ трехъ видовъ жалованья, производимаго государствомъ козакамъ за службу. Остальные два вида заключаются въ денежной дачѣ и льготѣ. Условія, размѣры и порядокъ пользованія войсковою землею, до позднѣйшаго времени, не были опредѣлены закономъ, и самая земля не была приведена въ точную извѣстность межевымъ порядкомъ, — земля же бѣ невидима. Предоставлено было каждому члену войсковой семьи, какъ чиновному, такъ и простому, пользоваться землею по мѣрѣ надобности. Такое патріархальное правило могло быть хорошо только въ прежней отчизнѣ черноморцевъ—на Запорожьѣ, гдѣ всѣ безъ изъятія казаки были равны по правамъ состоянія, гдѣ воен-

ные чины имѣли значеніе должностей, въ которыя достойнѣйшіе изъ казакѣвъ избирались свободными голосами куреней на потребное время и по сложениіи которыхъ чиновные избранныки опять становились въ общій рядъ съ остальными членами своего сословія. Это были Цинцианаты, которые вчера ѣхали въ триумфальной колесницѣ, а сегодня тянули изъ воды рыболовную сѣть. Но на Черноморьѣ, гдѣ уже казачья служба соединилась съ заслугой и выслугой, гдѣ поэтому явились бригадиры, полковники, премьерь-майоры и секундъ-майоры и гдѣ отъ войскового „товарищества“ рѣзко отбѣнилось новое, болѣе требовательное сословіе, „панство“, — патриархальное поземельное правило, очевидно, не могло больше имѣть мѣста. Однако, оно осталось во всей своей запорожской простотѣ и неопредѣленности. Въ первыя десять-двадцать лѣтъ новой жизни войска на Кубани, пока еще земли было слишкомъ много, а осѣдлаго и зажиточнаго населенія слишкомъ мало, отсталая неумѣстность упомянутаго правила не была замѣчаема ни правительствомъ, ни самими казаками. Но когда осѣдлая жизнь въ краѣ утвердилась, населеніе увеличилось и разжилось, тогда стало замѣтно, какой разгулъ произволу и насилью открывала пустота, оставленная въ вышесказанномъ поземельномъ правилѣ.

Для лошадей у черноморцевъ заготавливаются на зиму самые скудные запасы сѣна, потому что природа дала коню способность добывать себѣ сухой-подножный кормъ, „калдань“, копытомъ изъ-подъ снѣга. Но эта способность оказывается недействительною, когда посохшая на корнѣ трава покрывается ледяною корою, не уступающею ударамъ твердаго копыта. Тогда глазъ видить, да зубъ не иметъ, — и бѣдный конь, набивъ себѣ безъ пути ноги и понуривъ голову, испытываетъ мученія Мидаса.

Независимо отъ невзгодъ метеорологическихъ, бывають бѣдственные годы — засуха, повсемѣстный неурожай травъ. Тогда крайность доходить, среди зимы до того, что сдирають съ хатъ старыя соломенные крыши и обращаютъ ихъ въ кормъ голодающимъ животнымъ. Бывають и частные случаи, ввергающіе худобохозяевъ въ отчаянное положеніе. Осенній пожаръ, запущенный въ степи для очищенія старыхъ полей отъ сорныхъ растений, возьметъ иногда направленіе къ сѣннику и уничтожитъ сотни тысячъ пудовъ сѣна — обезпеченіе существованія нѣсколькихъ тысячъ животныхъ. Такъ, въ старые годы, погибъ богатѣйшій въ Ейскомъ округѣ скотный заводъ Бардака, преемника Цымбала, славившагося рогатою худобою еще въ Запорожьѣ. Уже въ позднюю осень, степной пожаръ истребилъ обширные бардаковскіе сѣнники. На ту же бѣду подскочила жестокая и продолжительная зима. Надобно было пріобрѣтать сѣно и солому по

неслыханно-дорогимъ цѣнамъ, а подь конецъ зимы, не было уже возможности достать ихъ ни за какія сокровища. Худоба начала валиться, и конецъ былъ тотъ, что изъ двухъ тысячъ головъ рогатаго скота отборной, извѣстной на весь округъ породы вышло изъ зимы только двѣсти штукъ. Несчастіе это сразило и самого худобовода: сильный человѣкъ, запорожскаго закала и покроя,—человѣкъ, которому стоило только схватить дикаго быка за рога, чтобы смять его, какъ козленка, залечался, слегъ и больше не вставалъ.

Въ морскихъ и рѣчныхъ угодьяхъ Черноморья ловятся: осетръ, севрюга, визгъ, или шипъ—помѣсь осетра и севрюги, бѣлуга, сула, иначе судакъ, чабакъ, иначе лещъ, тарань, сазанъ, населяющій лиманья и рѣчныя воды и поражаемый слѣпотою, когда буря или охота странствовать привлекутъ его въ горько-соленыя пучины моря; сомъ, долговѣчный жилецъ кубанскихъ суводей; сельдь, рѣдкій гость восточныхъ береговъ Азовскаго моря, селява или шамая, рыбецъ, кефаль, пкра которой высоко цѣнятся константинопольскими греками; камбала, тучный скать (*gasa pastinaca*) и дельфинъ.

Какъ около пастбищъ хищный звѣрь, такъ около рыболовныхъ водъ промыслиаетъ шумными стаями хищная птица: пеликанъ (баба-птица), бакланъ, цапля, нырокъ и мартышка—*martin pêcheur*. Въ нравахъ этихъ крылатыхъ рыболововъ подмѣчаются черты, достойныя вниманія естествоиспытателя или, по крайней мѣрѣ, естествонаблюдателя. Пеликанъ и бакланъ, соперники по ремеслу, отличаются, къ удивленію, дружбою и взаимною услужливостью. Когда, при холодномъ вѣтрѣ и пасмурной погодѣ, рыба сбивается въ колоды и опускается ко дну, когда тяжелый и важный пеликанъ безуспѣшно погружаетъ въ мутныя волны свой носъ, длинный и закругленный, какъ щипцы кузнеца,—тогда проворный и ловкій бакланъ вырываетъ на дно, выноситъ оттуда добычу и подѣляется ею съ своимъ высокостепеннымъ, но голоднымъ сосѣдомъ. Послѣ завтрака благодарный пеликанъ принимаетъ подь свое широкое и теплое крыло и обогрѣваетъ промокшаго до костей водолаза. Увидавъ изъ камыша эту странную чету: неподвижнаго, невозмутимо-важнаго пеликана въ огромномъ жабо и торчащую изъ-подъ его крыла вертлявую голову баклана, съ красными, плутовскими глазами,—охотникъ позабудетъ о выстрѣлѣ и покатится со смѣху. И не правда ли, что человѣку стоитъ только замѣнить своимъ разумнымъ покровительствомъ пріютное крыло тяжелой птицы, чтобы сдѣлать баклана для рыболовства тѣмъ же, чѣмъ дѣлаются на рукавицѣ охотника соколъ и ястребъ для птицеловства? Если вѣрить путешественникамъ,—да какъ же,

впрочемъ, имъ и не вѣрять?—въ Китаѣ дѣйствительно существуетъ подобный родъ рыболовной охоты.

Какъ скотоводство подвержено неотвратимымъ утратамъ отъ эпизоотическихъ заразы и климатическихъ невзгодъ, такъ рыболовство испытываетъ потери и убытки отъ наводненій. Эти явленія, не слишкомъ, впрочемъ, частыя, бывають въ началѣ весны, когда бассейны морскихъ лимановъ наполняются прпбылою водою изъ степныхъ рѣчекъ, а съ моря въ то же время поднимаются продолжительные вѣтры, въ упоръ на лиманные гирла. Большая часть азовскихъ забродовъ помѣщаются на береговыхъ вдающихся въ море отлогостяхъ—косахъ. Сѣверо-западный вѣтеръ, налегая на юго-восточный берегъ моря, набиваетъ большой бурунь на косы. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней море незамѣтно приходитъ въ напряженное состояніе у береговъ, наконецъ, въ нѣсколько минутъ, вскипитъ оно и хлынетъ на косы, покроетъ ихъ и унесетъ отъ забродовъ наловленную рыбу, лодки, снасти и запасы. Наводненіе приходитъ и уходитъ съ быстротою набѣга морскихъ разбойниковъ.

Въ доставляющихъ пропитаніе народу степныхъ рѣчкахъ водятся: окунь, карась и щука, взаимныя отношенія которыхъ извѣстны изъ русской поговорки; сазанъ, какъ выше замѣчено, охотникъ до путешествій, и линь, домосѣдъ, лѣнтяй, полагающій истинное счастье въ домашней тишѣ... Господствующіе же обитатели сихъ смиренныхъ и бурь-невѣдающихъ водъ—раки.

Въ видахъ споспѣшествованія сбыту главнаго богатства края: лошадей, рогатаго скота и овецъ, учреждены въ разныхъ мѣстахъ Черноморья ярмарки. Важнѣйшія изъ нихъ до недавняго времени были: въ Екатеринодарѣ, на Кубани и въ куренѣ Старощербиновскомъ, на рѣкѣ Еп.—въ томъ и другомъ мѣстѣ по три. Всѣхъ же ярмарокъ въ краѣ до тридцати. Привозимыхъ на нихъ товаровъ продается на сумму до одного милліона рублей. Эта же цифра можетъ служить приблизительнымъ мѣриломъ и цѣнности сбыта на ярмаркахъ мѣстныхъ произведеній. На первомъ планѣ ярмарокъ рисуются прасолы или, какъ ихъ называютъ здѣсь, сгонщики, то-есть скупщики скота, лошадей и овецъ. Второе послѣ нихъ мѣсто занимають наѣзжіе продавцы образовъ, деревянной посуды, сундуковъ, оконъ, рѣшетокъ, веретенъ, вольнокъ, мелкихъ желѣзныхъ издѣлій, дегтю, российскихъ азбукъ, прописей и лубочныхъ картинъ à la brosse grosse, съ текстомъ увеселительнаго содержанія. На екатеринодарскихъ ярмаркахъ, когда бываетъ дозволено, являються цѣлые таборы черкесскихъ скрипучихъ аробъ, съ строевымъ лѣсомъ, частоколомъ, обручами, осями, каюками, корытами, лопатками, вилами, одеждою изъ домашняго горькаго сукна, медомъ, воскомъ, саломъ и кожами. Сбывъ свои скромныя произведенія, черкесы не везутъ полученныхъ денегъ домой. но тутъ же на ярмаркѣ

запасаются на эти деньги бумажными и шелковыми матеріями, сафьяномъ, посудою, расписанными сундуками и мыломъ.

По множеству ярмарокъ въ Черноморьѣ далеко не всѣ онѣ имѣютъ большое торговое значеніе; но народъ ихъ любитъ и поддерживаетъ своими съѣздами. Казачки первыя желаютъ ѣхать на ярмарку, чтобы видѣть большой свѣтъ, чтобы полюбоваться на большое собраніе предметовъ роскоши и запасться предметами для бесѣды на цѣлые мѣсяцы; а казаки, какъ ни тяжелы на подъемъ, не смѣютъ противорѣчить обладательницамъ своихъ сердецъ и слѣдуютъ съ ними, имѣя въ виду не пыль и толкотню большого свѣта и не ситцевую пестроту предметовъ роскоши, а что-то другое, до чего нѣтъ дѣла дражайшимъ ихъ спутницамъ и что веселитъ сердце человѣка. Казацкая ярмарка имѣетъ свои мѣстные отбѣнки. Ее окружаютъ скотные и конскіе гурты, голодный ревъ и ржаніе которыхъ, какъ будто вопіютъ противъ высокихъ запросовъ и низкихъ предложеній цѣны. Въ самой срединѣ ярмарки „тичокъ“—толкучій рынокъ рабочаго скота и ѣзжалыхъ лошадей. Здѣсь являются героями вертлявый цыганъ на старой клячѣ, которую онъ, „подвахлювавъ“, подогрѣлъ и подмолодилъ по-своему, и удалый „комонникъ“, съ волосянымъ арканомъ на рукѣ, съ гордо откинутаю назадъ головою, съ молодецки подкрученнымъ усомъ и самонадѣянно-небрежною посадкою на молодомъ „неукѣ“, бѣснующемся и выбивающемъ сѣдока изъ сѣдла. Вы любуетесь этимъ спокойствіемъ, этимъ какъ бы простодушіемъ мужества, столь свойственнымъ черноморскому казаку даже въ пылу боя, и вы соглашаетесь съ остроумнѣйшею изъ женщинъ, что человѣкъ на дикомъ конѣ прекрасенъ. Поодаль отъ этого кипучаго и шумнаго торжища, слѣпецъ въ ветхомъ подрясникѣ читаетъ псалтырь на память. Его пѣвучее чтеніе прерывается частыми подаваніями. Ощувивъ въ рукѣ лепту, онъ останавливается въ ту же секунду, спрашиваетъ имя сдѣлавшаго подаваніе, молится о немъ и потомъ продолжаетъ чтеніе отъ того именно слова, на которомъ былъ прерванъ. Вниманіе и память ему не измѣняются. Въ самомъ многолюдномъ мѣстѣ, около „ятокъ“, шатровъ съ орѣхами и пряниками, слѣпые нищіе, усѣвшіеся въ рядъ, безъ шапокъ, подъ падающимъ солнцемъ, съ запыленными лицами и съ деревянными чашечками въ рукахъ, поютъ „Лазаря“, подъ плаксивую игру „кобзы“. Лишенные Божьяго свѣта, они то и дѣло слышатъ стукъ въ своихъ чашечкахъ отъ падающихъ въ нихъ старыхъ грошей и новыхъ однокопеечниковъ. Здѣсь повѣяло вамъ на душу грустью; но вотъ послышались гудѣнье бубна и визгъ скрипки. За ними толпа хлопцевъ и молодежи, а впереди ихъ чабанъ (овчарь), съ загорѣлымъ лицомъ, съ усаженнымъ пуговицами поясомъ и привѣшеннымъ къ нему на длинной португесѣ ножомъ, съ сбитой на ухо шапкой, съ цвѣтнымъ платкомъ черезъ плечо и флягою въ рукѣ, скачетъ гопака до упаду.

Этотъ мѣшковатый гуляка „водитъ музыки“ и угощаетъ встрѣчнаго и поперечнаго направо. Кто не желаетъ его угощенія, бѣжитъ подалеже...

II.

Въ 1775 году, непосредственно послѣ усмиренія бунта въ Яицкомъ войскѣ, положенъ конецъ существованію Запорожской Сѣчи, на Днѣпрѣ. На требованіе правительства сложить оружіе часть запорожцевъ дерзнула отвѣчать непослушаніемъ и бѣжала на лодкахъ, внизъ по Днѣпру, искать службы у султана; большинство же покорилось приговору, произнесенному правительствомъ, и разошлось по ближайшимъ губерніямъ для приписки къ мирнымъ сословіямъ.

Немного спустя, по договору, заключенному съ Турціей въ 1783 году, рѣка Кубань объявлена нашей границей со стороны турецкихъ владѣній на Кавказѣ. Имѣло ли правительство въ виду заселеніе новой границы народомъ, приученнымъ къ войнѣ, или предвидѣло новую войну съ турками, но только оно обратилось къ бывшимъ запорожскимъ казакамъ съ призывомъ на службу по старому казацкому уряду, но не на старомъ мѣстѣ. Крымъ ужь былъ нашъ. Призывъ нашель много сочувствія въ тѣхъ, къ кому былъ обращенъ: разбросанные сѣчевики охотно стягивались на сборный пунктъ, между Днѣстромъ и Бугомъ, и къ 1787 году изъ нихъ составилось войско въ двѣнадцать тысячъ вооруженныхъ и снаряженныхъ для службы казаковъ. Въ то время вспыхнула война съ Турціей, извѣстная у черноморцевъ подъ именемъ „очаковского розмиру“ и продолжавшаяся болѣе трехъ лѣтъ. Новое войско получило мундиръ *), артиллерію, знамена, булавы и другіе знаки и явилось на театръ войны подъ неопредѣленнымъ еще именемъ „коша вѣрныхъ казаковъ“ **), отличавшимъ его, на первый разъ, отъ другого коша, отложившагося къ султану и заклеянного другимъ, приличнымъ бунту и измѣнѣ, именемъ.

„Кошъ вѣрныхъ казаковъ“, раздѣленный на *зиму* и *лѣто*, то-есть на конницу и гребную флотилію, служилъ съ одинаковымъ рвеніемъ и мужествомъ какъ на сухомъ пути, такъ и на водѣ, во все продолженіе тогдашней войны, а съ окончаніемъ ея получилъ имя „вѣрнаго войска черноморскаго“, былъ осыпанъ царскими милостями, напутствованъ на свое кавказское новоселье грамотою и хлѣбомъ-солью отъ матери царицы и

*) Для конницы—синяго цвѣта кунтушь, съ отброшенными за спину рукавами, и красный исподній кафтанъ; для пѣхоты—кунтушь темно-зеленаго, а исподній кафтанъ бѣлаго цвѣта.

***) *Кошъ*, собственно притонъ, означалъ главную квартиру войска, *état major*.

переехал на Кубань окончательно въ 1792 году. *Зима* двигалась сухимъ путемъ, а *лѣто* водою, по Черному морю. Въ обоихъ прибыло на новую Украину подъ ружьемъ около тринадцати тысячъ человекъ.

Съ переселеніемъ черноморскаго войска на Кубань, перешло съ нимъ старинное сѣчевое устройство—кошъ и курени. Кошъ, съ его кошевымъ атаманомъ и большимъ знаменемъ, представлялъ феодальнаго воеводу, а курени, съ ихъ куренными атаманами и малыми хоругвями, стояли на ногѣ вассальныхъ дружинъ. Такой урядъ продолжался около десяти лѣтъ, и это время обозначается въ воспоминаніяхъ казаковъ лаконизмомъ: *до полковъ*. Про это время можно высказать одно замѣчаніе: могли быть тогда у казаковъ предводители, не могло быть командировъ; могли быть повиновеніе и увлеченіе, не могло быть дисциплины. Можно высказать одно это замѣчаніе, а про другое что-нибудь, про то, напримѣръ, какъ править кошевой, какъ пополнялась убыль въ куреняхъ, какъ вырастали казаки изъ *падалицы*, какъ властвовала и интриговала войсковая старшина, то-есть войсковая олигархія, и съ какими выпысками угасало запорожское своевольство—лучше умолчать. Съ воцареніемъ Александра Благословеннаго войско получило новое устройство, главнѣйшія основанія котораго остаются донынѣ.

Сообразно съ двойственнымъ состояніемъ казака, поселянна и воина, войско имѣетъ двоякое учрежденіе—гражданско-военное. По гражданской и по военной частямъ, въ совокупности, управляетъ войскомъ наказной атаманъ. Онъ состоитъ въ правахъ и обязанностяхъ гражданского губернатора и начальника дивизіи. Такъ какъ черноморское войско входитъ въ составъ кавказской арміи, то наказной войсковой атаманъ подчиняется главнокомандующему кавказскою арміею и кавказскому намѣстнику, находясь въ ближайшей зависимости отъ командующаго войсками праваго крыла кавказской линіи. Учрежденія, посредствомъ которыхъ атаманъ управляетъ войскомъ, составляютъ двѣ параллели, соприкасающіяся на многихъ точкахъ и сливающіяся въ послѣдней, ближайшей къ казаку инстанціи—станничномъ правленіи. Параллель гражданскую составляютъ: войсковое правленіе, совмѣщающее въ четырехъ своихъ экспедиціяхъ предметы дѣйствій губернскаго правленія, гражданской палаты, палаты государственныхъ имуществъ и казенной палаты, съ прибавкою частей провіантской и комиссаріатской; потомъ окружные суды (уѣздные суды и уѣздныя казначейства); ниже ихъ сыекныя начальства (земскіе суды) и, наконецъ, станничныя правленія. Военную параллель составляютъ: войсковое дежурство, съ начальникомъ штаба; при немъ военно-судная комиссія, замѣняющая палату уголовнаго суда; потомъ окружныя дежурства, съ начальникомъ военныхъ

округовъ, и при нихъ военно-судныя комиссіи; наконецъ опять станщныя правленія. По обѣимъ параллелямъ вмѣстѣ—войсковой атаманъ высшій распорядитель, а станщныя атаманы низшіе исполнители *).

III.

Кромѣ чрезвычайныхъ нарядовъ во время внѣшнихъ войнъ государства и кромѣ ближайшаго участія въ дѣлѣ покоренія хищнаго населенія Кавказа, постоянную и главную службу черноморскихъ казаковъ составляло содержаніе кубанской кордонной линіи и возводимыхъ впередъ ея, на земляхъ непокорныхъ шапсуговъ и натхокаджей, полевыхъ укрѣпленій. Кордонная линія составляла оплотъ для края противъ набѣговъ горцевъ и вмѣстѣ служила основаніемъ для наступательныхъ военныхъ дѣйствій противъ тѣхъ же горцевъ.

Черноморская кордонная линія была не что иное, какъ продолженіе и окончаніе праваго крыла кавказской линіи, съ которою смыкалась она ниже устьевъ рѣки Лабы, — а эта рѣка, какъ извѣстно, изливается въ Кубань съ сѣвернаго ската Кавказскаго хребта, у крѣпости Устьлабинской **). Постъ „Изрядный Источникъ“ служилъ соединительнымъ узломъ обѣихъ линій. Отъ этого исходнаго звена черноморская линія тянулась цѣпью укрѣпленныхъ постовъ, батарей и пикетовъ, внизъ по излучистому теченію Кубани на 260 верстъ или около того. Вмѣстѣ съ бугазскими устьями Кубани, линія оканчивалась у сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря, недалеко отъ Анапы. На этомъ протяженіи насчитывалось 60 постовъ и батарей и болѣе 100 пикетовъ.

Черноморцы перенесли съ Днѣпра на Кубань, вмѣстѣ съ другими ратными преданіями своихъ предковъ, запорожцевъ, стародавнюю казацкую линейную фортификацію. Ихъ постъ и батарея (среднее между постомъ и пикетомъ укрѣпленіе) былъ четверугольный редутъ, съ землянымъ брустверомъ и небольшимъ рвомъ. На крону бруствера клался гребень изъ терновника и по контръ-эскарту насаживается колючій боярышникъ, въ предохраненіе укрѣпленія отъ эскалады. Такой редутъ могъ съ успѣхомъ держаться противъ приступовъ, безъ артиллеріи (*cours de main*).

Посты и батареи были вооружены старой и разнокалиберной артиллеріей. Въ этомъ вооруженіи попадались пушки, защищавшія еще днѣпровскую линію отъ крымцевъ, во времена гетмановъ и вмѣстѣ съ казаками

*) Все эти порядки относятся къ недавнему *прошлому* и представляютъ все-таки несомнѣнный интересъ для читателя. II. З.

***) Устьлабинская крѣпость, возведенная въ 1792 году, находится въ разстояніи отъ Ставрополя 201, Тифлиса 735 и отъ Москвы 1.438 в.

переселившіяся на Кубань. Надъ каждымъ изъ вышеназванныхъ укрѣпленій устранилась, на четырехъ высокихъ подпорахъ, наблюдательная каланча — „вышка“. Камышевая колоколообразная крыша вышки подобрана кверху пучкомъ. Изъ этого пучка, такъ похожаго на китайскую прическу, выбѣгаетъ высокій и прямой, какъ пика, шпиль, на который насажена сверху поперечная перекладина. Къ каждой оконечности перекладки прилаженъ на бечевѣ огромный шаръ, сплетенный изъ ивовыхъ прутьевъ. Перекладина, съ висящими по концамъ ея шарами, имѣетъ видъ коромысла вѣсовъ, а весь этотъ приборъ, въ совокупности, имѣетъ видъ начальной буквы въ словѣ „тревога“. Да это и есть вѣстникъ линейной тревоги, телеграфъ или, какъ обыкновенно называютъ его казаки, „маякъ“. Когда, бывало, сторожевой завидитъ съ вышки непріятеля и закричитъ оттуда внизъ къ своимъ: „Черкесы! Богъ съ вами!“ *) ему обыкновенно подають голосъ снизу: „Маячь же, небоже“, — и вотъ, сиущенные до той минуты шары поднимаются вверхъ, вѣтеръ ихъ качаетъ, и они маячатъ на тревогу.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ укрѣпленія врывалась высокая жердь, обмотанная пенькой и сѣномъ или соломою, иногда съ смольной кадкой наверху. Это была вѣха. Если въ темную ночь непріятель прорветъ кордонный оплотъ, эти огромные факелы воспламеняются и проливають багровый свѣтъ по берегу. Учащенные выстрѣлы — казацкіе, растянутые, какъ ударъ длиннаго хлыста, а черкесскіе сжатые, какъ лускъ раскушеннаго орѣха, — и крикъ, и топотъ, и ревъ переполошенной баранты далеко отдавались по рѣкѣ, и тревога тормозитъ всю линію.

И часто на зеленѣющемъ холмикѣ, по сосѣдству съ вѣхою, можно было встрѣтить потемнѣвшій, покачнувшійся на сторону деревянный крестъ либо свѣжую черную насыпь на одинокой могилѣ polegшихъ въ ночномъ бою защитниковъ отечественнаго рубежа...

И одинъ остался зритель
Сихъ кипѣвшихъ бранью мѣстъ,
Всѣхъ рѣшитель браней — крестъ.

Поровнявшись съ этой могилой, добрый русскій человѣкъ скинетъ шапку, перекрестится и молитву сотворитъ за упокой казацкихъ покойниковъ.

*) Здѣсь слова: „Богъ съ вами“ относятся къ казакамъ, къ которымъ обращено извѣщеніе о появленіи черкесовъ. У черноморцевъ въ обычаѣ прибавлять эти слова къ восклицанію: „Черкесы, непріятель, тревога!“ Все рѣзкое, внезапное и непріятное въ военномъ быту казаковъ, особенно непріятныя извѣстія, смягчаются въ ихъ языкѣ издревле условленными и временемъ освященными реченіями, прищѣвами. Упущеніе ихъ въ подобающихъ случаяхъ почитается грубостью, вивѣской рекрутской необтесанности.

Сообразно съ мѣстоположеніемъ, представляющимъ болѣе или менѣе опасности, постъ вмѣщаль въ себѣ отъ 50 до 200, батарея—отъ 8 до 25 казаковъ. Съ первымъ свѣтомъ дня сторожевой поднимается на вышку и всѣ вышки зорятъ по Кубани до сумерекъ. Когда же голодный волкъ и хищный горець выползаютъ изъ своихъ норъ на ночной промыселъ, въ то время значительная часть спѣшенныхъ казаковъ выходитъ изъ поста на обѣ его стороны и, украдкою, вмѣстѣ съ тѣнями ночи, залегаютъ по берегу въ опасныхъ мѣстахъ, по два, по три человѣка вмѣстѣ. Въ то же время, разставленные по никетамъ казаки покидаютъ свои дневные притоны и также располагаются по берегу живыми тенетами для ночного хищника. Это „залога“—залогъ спокойствія и безопасности страны. Казаки, остающіеся на посту, держать коней въ сѣдлѣ и находятся въ готовности, по первому извѣстію или по первому выстрѣлу залогн, далеко слышному въ ночной тиши, скакать къ обезпеченному мѣсту. кратчайшимъ путемъ, не разбирая, гдѣ кустъ, гдѣ рытвина, чтобы поспѣть на зовъ тревоги прежде, чѣмъ „бояре медь попьютъ“... Между тѣмъ, отряжаются съ постовъ, съ вечера, въ полночь и на разсвѣтѣ, разъѣзды, составомъ въ два, въ три человѣка каждый. При ожидаемомъ по слухамъ или по примѣтамъ нападѣніи, разъѣзды повторяются до шести разъ въ продолженіе ночи; но никогда не бывають они сильнаго состава. Разъѣзды проходятъ прибрежными тропинками—„стежками“, ими проложенными и имъ только извѣстными, соблюдая невозможную чуткость и осторожность и перекликаясь съ залогою загодя условленнымъ, отрывистымъ свистомъ, либо глухимъ, счетнымъ стукомъ шанки о стремя.

Проѣзжая, бывало, по Кубани позднимъ вечеромъ (конечно, по казенной надобности) и тревожно присматриваясь къ мелькающимъ мимо васъ въ темнотѣ кустамъ,—не выскочилъ бы изъ нихъ головорѣзъ шапегъ,—вы не видите разъѣзда, а онъ васъ видитъ... Замѣтивъ, какъ безпокойно вы оглядываетесь, то на ту, то на другую сторону, разъѣздной моргнулъ усомъ и думаетъ про себя: не безпокойтесь, ваше благородіе, ѣзжайте себѣ, глаза зажмура: вѣдь, мы не спимъ. Да еще вы были версты за двѣ, какъ онъ остановилъ коня, насторожилъ ухо и настронилъ глазъ. И когда вы пронеслись мимо его и вновь умчались въ темную даль, онъ все еще прислушивается къ печальному звяканью колокольчика, не прервется ли онъ вдругъ, и добродушно провожаетъ васъ пожеланіемъ, чтобы вашъ поздній ужинъ не остался кому другому на завтракъ.

Разъѣздныя стежки прокладывались по мѣстамъ скрытнымъ, нерѣдко закрытымъ наглухо кустарниками и камышами. Ихъ не одна, а нѣсколько. Разъѣзды часто мѣняютъ ихъ изъ опасенія сдѣлаться жертвой непріятельской засады. Когда горцамъ нужно схватить разъѣздъ, они выбираютъ для

того темную ночь и засѣдаютъ стежку по обѣ ея стороны, въ трехъ различныхъ мѣстахъ. Средняя засада, перекинувъ черезъ стежку арканъ либо лозу дикаго виноградника, устраиваетъ такимъ образомъ барьеръ, въ грудь коню отъ поверхности земли. Съ какой бы стороны разъѣздъ ни слѣдовалъ, крайняя засада пропускаетъ его и, вслѣдъ затѣмъ, гикнувъ ему въ тылъ, нагоняетъ его на барьеръ, гдѣ конь и всадникъ падаютъ и дѣлаются добычею средней засады. У казаковъ, разумѣется, своя сноровка имѣется противъ такихъ ухищреній „голомогзцевъ“. Во-первыхъ, разъѣздные не ѣдутъ вмѣстѣ, а тянутся гусемъ, на такомъ одинъ отъ другого разстояніи, чтобы передній человекъ только малчилъ заднему. Оно, конечно, охотнѣе бы ѣхать односумамъ въ кучкѣ: запалили бы они люльки (закурили бы трубки), да чтобы не было имъ жутко, поразговорились бы про свой курень, про послѣднія оттуда новости: кто съ кѣмъ покумился и кто съ кѣмъ побранился; поразговорились бы про свою домашность—будетъ ли, не будетъ ли снѣжная зима, достанетъ ли сѣнца прохарчевать худобку до „теплага Олексы“ *),—и мало ль есть о чемъ имъ повести пріятную рѣчь?—Да только оно не приходится; не такъ наказывалъ есаулъ съ вечера. Есаульской наказъ вотъ какой: „ѣзжайте вы, братцы, такъ и этакъ; примѣчайте, когда осторожитесь конь, и собственныхъ очей не хойайте въ кишению (не прячьте въ карманъ); почаще останавливайтесь, да прислушивайтесь, да оглядывайтесь мнѣ почаще назадъ, а пуще всего не съѣзжайтесь до кучи. Ты, Деркачъ, не доѣхалъ вчерашнюю ночь до съѣзднаго пикета. Это я знаю: меня, братъ, не проведешь; смотри—ребра переломаяю...“ Во-вторыхъ, бывалый казакъ, какъ только услышитъ подирающій по кожѣ гикъ позади себя, вмгъ смѣкнетъ, что непріятель хитритъ, козни строитъ,—и потому устремитъ онъ своего надежнаго коня не прямо, впередъ себя, а въ бокъ. Пробился конь черезъ „хмеречу“ (чащу) и черезъ болото—исполать ему: онъ добрый конь, настоящій казацкій конь, ни продать, ни подарить его; а застрялъ—такъ долой съ него,—тамъ онъ и оставайся, хоть бы пѣшему добраться какъ-нибудь до поста.

Укрѣпленіе, называемое „бикеть“, имѣло видъ огромнаго тура. Оно обносилося высокой плетневой огорожей, снизу по грудь двойной, съ небольшимъ промежуткомъ, засыпаннымъ землею. Мелкій и узкій ровъ опоясываетъ огороду. Сторожевая вышка и вѣщая фигура составляютъ служебныя принадлежности пикета, какъ и поста. Но на посту дымится труба хаты, болѣе или менѣе гостепріимной; пикеть же не представляетъ дру-

*) Между черноморскими казаками, особенно между пластунами, бывали доки, предугадывавшіе съ осени продолжительность и суровость зимы, по наблюдениямъ надъ хребтами и внутренностями дикихъ кабановъ.

гого пріюта, кромѣ шалаша, съ расположеннымъ посрединѣ его огонькомъ и съ растянувшимся около огонька котомъ. Котъ дѣлится сузарь съ казакомъ въ этомъ глухомъ, угрюмомъ аванпостномъ шалашѣ и даритъ его единственнымъ мирнымъ и мягкимъ впечатлѣніемъ, единственнымъ отраднымъ развлеченіемъ среди безсмѣнныхъ грозныхъ впечатлѣній боевой черты, среди безсмѣнныхъ суровыхъ думъ объ опасности и непріятелѣ. Вернувшись изъ поиска, казакъ подсядетъ къ огоньку сушиться: его чело хмурится, его усь топорщится, на душѣ тяжело, въ головѣ смутно. Подойдетъ на цыпочкахъ котикъ и умильно уставитъ на него свои добрые сѣрые глазки. Казакъ его оттолкнетъ; но котикъ подойдетъ, немного спустя, въ другой разъ. Казакъ его погладитъ и нѣжно подергаетъ за жидкій усь. Тогда котъ повилычетъ ему дружелюбно хвостомъ и помурлычетъ воспоминаніемъ о своей бабушкѣ, съ которой играютъ гдѣ-то казачата. И вотъ, морщины слетѣли съ чела, усь прилегъ, отъ сердца отошло, и на душѣ казака стало опять свѣтло. Хорошая казацкая душа не зачерствѣетъ и не заплѣсневѣетъ ни въ какой труппѣ, ни среди какихъ суровостей военного быта...

Въ пикетѣ помѣщалось отъ трехъ до десяти казаковъ. Черноморцы способны были держаться и за этими ненадежными защитами. Свойственный имъ недостатокъ ловкости и увертливости они вознаграждаютъ твердостью и стойкостью. Только бы сказали имъ стоять, такъ постоятъ. Каждый человекъ за себя возьметъ. Не будучи, поэтому, похожи на тѣхъ прихотливыхъ вонновъ, которымъ нужно, чтобы сорокъ вѣковъ на нихъ смотрѣли, они черпаютъ силу и мужество, въ рѣшительныя минуты боя, изъ своего задушевнаго прадѣдовскаго убѣжденія: „Богъ не безъ милости, а казакъ не безъ доли (не безъ счастья)“. Были примѣры, что человекъ десятокъ дружныхъ односумовъ, внезапно осажденные въ своемъ плетневомъ кошелѣ, съ виду готовомъ скатиться въ Кубань отъ одного толчка, не думали сдаваться на предложеніе черкесовъ, сдѣлавшееся хотячею поговоркою: „Эй, Иванъ, гайда за Кубань“, — не теряли головы и героически выдерживали яростныя приступы. Припавъ за плетневую загату, съ прикладомъ при щекѣ, а шапки выставивъ выше своихъ головъ, противъ плетневыхъ амбразуръ, чтобы туда направить первый жестокой огонь непріятеля, они упорно и лихо отбивались, нанося сильный вредъ осаждающимъ, пока, наконецъ, не бывали выручены. И нѣредко кто-нибудь изъ нихъ оставался еще невредимъ, чтобы отворить подошедшей подмогѣ дверь плетневой крѣпостцы. Такова исторія „Суровской батареи“, получившей свое названіе отъ приказнаго Сура. Этотъ Суръ съ десятью товарищами отбилъ нѣсколько натисковъ огромной толпы шапсуговъ, стремившихся на разгромъ куреня Полтавскаго, — и мало того, что самъ отбился, онъ спасъ еще курень, давъ ему время приготовиться къ оборонѣ.

IV.

Пластуны *) стояли на первомъ планѣ ниже-кубанской линіи и служили ей вѣрнѣйшею опорой. Ихъ положеніе въ отношеніи къ кордонной линіи было почти то же, что положеніе застрѣльщиковъ въ отношеніи къ первой боевой линіи. Въ наблюденіи за непріателемъ они зорче и дальновиднѣе сторожевыхъ вышекъ, хоть и не такъ высоко, какъ эти послѣднія, поднимають голову. На нихъ падаетъ первое взысканіе за не подмѣченный издали, не возвѣщенный въ пору налетъ хеджрета и прорывъ психадзе. Они были разсѣяны по всѣмъ постамя особыми товариществами и преимущественно любили держаться въ самыхъ передовыхъ, оторванныхъ отъ главной черты широкими излучинами Кубани, притонахъ, „батареяхъ“. Каждая батарея имѣла трехфунтовую сигнальную пушку (черезъ что и называется она батареей), изъ которой пластуны палятъ „на гасло“, на тревогу, когда непріатель наступаетъ слишкомъ быстро и въ большихъ, открытыхъ силахъ.

Узнавъ мѣсто, занимаемое пластуномъ на линіи, слѣдуетъ познакомиться съ его наружностью и нравственными свойствами.

Это, обыкновенно, дюжій, валкій на ходу казакъ, первообразнаго малороссійскаго склада и закала: тяжелый на подъемъ и неутомимый, не знающій удержу послѣ подъема; при хотѣнии—бѣгущій на гору, при нехотѣнии еле плетущійся подъ гору; ничего не обѣщающій ни въ дѣла и удивляющій неистощимымъ запасомъ и разнообразіемъ, безконечной тягучестью способностей въ дѣлѣ... Это тяжеловатый и угловатый камень, которымъ неопытный и нетерпѣливый зодчій можетъ пренебречь, но который, если его поворочать на всѣ стороны, можетъ угодить въ главу угла. Изъ служивыхъ людей различныхъ народностей, входящихъ въ могучій составъ русскаго воинства, быть можетъ, черноморецъ наиболѣе имѣетъ нужды въ указаніи, ободреніи и добромъ примѣрѣ, и потому этотъ же черноморецъ наиболѣе бываетъ благодаренъ и отдалливъ за всякую заботу о немъ, за всякую оказанную ему справедливость и за всякое теплое къ нему чувство. Въ старыхъ пѣсняхъ о добрыхъ вождяхъ казачества слышеть просто плачь... Сквозь сильный загаръ описываемой личности пробиваются добродушіе, которое легко провести, и, вмѣстѣ, суровая сила воли и убѣжденія, которую трудно погнуть или сло-

*) Пластунъ значитъ собственно — охотникъ, егеръ. Слово малороссійское, корень котораго польское *plazu*, т.-е. ползающіе.

мить. Угрюмый взглядъ и навощенный, кверху вздернутый усъ придаютъ лицу пластуна выраженіе стойкости и неустрашимости. Въ самомъ дѣлѣ, это лицо, окуренное порохомъ, превращенное въ бронзу непогодами, какъ бы говорить вамъ: не бойсь,—передъ опасностью, ни назадъ, ни въ сторону! Когда вы съ нимъ идете въ опасномъ мѣстѣ или въ опасное дѣло,—отъ его шагу, отъ его взгляда и простого слова вѣтеть на васъ какимъ-то забвеніемъ опасности. И, можетъ быть, отсюда родилось это повѣрье, то повѣрье, что одинъ человѣкъ можетъ заговорить сто другихъ противъ непріятельскаго оружія... Пластуны одѣваются, какъ черкесы, и притомъ какъ самые бѣдные черкесы. Это оттого, что каждый поскѣкъ по тѣни намъ и труппамъ причиняетъ сильную аварію ихъ наряду. Черкеска, отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже, — вслѣдствіе потеряннаго терпѣнія, во время починки,—кожаными заплатами; пашаха вытертая, порыжѣлая, но, въ удостовѣреніе беззаботной отваги, заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетинною наружу: вотъ будничное убранство пластуна. Прибавьте къ этому: сухарную сумку за плечами, добрый штуцеръ въ рукахъ, привинтной штуцерный тесакъ, съ деревяннымъ набойникомъ, спереди, около пояса, и висящія съ боковъ пояса, такъ называемыя „причандалья“: пороховницу, кулечницу, отвертку, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайку или даже скрипку,—и вы составите себѣ полное представленіе о походной наружности пластуна, какъ она есть.

Довольно занимательно это сосѣдство балалайки и скрипки съ бранными доспѣхами героя плавней. То ли еще можно видѣть на казацкомъ бивакѣ, въ закубанскихъ походахъ! Не все же метать громы герою плавней,—и ему есть время и охота побренчать на „мусикійскомъ орудіи“. „Не всегда натягиваетъ лукъ Аполлонъ, и онъ заставляетъ поразговориться молчаливую музу“. Не такъ давно былъ вотъ какой случай. Пограничнаго Кореунскаго куреня пластунъ Омелько Вернигора, во время домовою льготы, возьметъ, бывало, ружье и скрипку и отправится на лѣвую сторону Кубани охотиться за кабаномъ и оленемъ. Покончивъ съ охотой, зайдетъ онъ по дорогѣ въ мирной аулъ (онъ же знаетъ шалтай-болтай по-черкесски), и давай потѣшать молодежь бѣйкою игрою на скрипкѣ. Зато его угощали „четлипшемъ“ и, подъ часъ, сужали арбой для перевозки къ Кубани убитаго кабана. Дѣвушки и „баранчуки“ особенно его жаловали, и если случалось, что онъ долго не наворачивался въ аулъ, скучали по немъ. Охота за Кубанью требуетъ большой оглядки; это одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыхъ даже мастеръ боится. Доводилось Омельку разъ-другой накиннуть глазомъ немирныхъ; но это были одиночки, и онъ знаетъ, что ему дѣлать. Въмѣсто того, чтобы перемѣнять направленіе или спѣшить

укрыться, онъ держался своей тропинки и еще болѣе выставлялся на видъ. Горцы не видѣли пользы тратить съ нимъ время и уходили себѣ, куда шли. Они подозрѣвали засаду. Да притомъ храбрѣйшій изъ горцевъ не откажется немножко струсить, если на него никто со стороны не будетъ смотрѣть, если не случится свидѣтелей съ длинными языками. Когда нѣтъ въ виду добычи, черкесъ любитъ, чтобы яркое солнце свѣтило на его подвигъ, чтобъ на него смотрѣли, если не сорокъ вѣковъ, то сорокъ земляковъ, у которыхъ, вѣдь, сорокъ языковъ. Наконецъ, выпала Омельку Вернигорѣ недобрая встрѣча: шапсуги подстрѣлили его въ ногу и накрыли лежачаго. Сидитъ подстрѣленный пластунъ въ глубокой ямѣ, въ немирномъ аулѣ, и думаетъ думу—какую?—онъ про то знаетъ. Ночи длинны; попытаться выкарабкаться изъ западни, такъ нога совсѣмъ не служитъ. Стало быть, надобно потерпѣть и выждать: Богъ же не безъ милости, а казакъ не безъ доли. Дѣйствительно, отважному Омельку не долго пришлось горевать въ неволѣ. Его вызволила скрипка. Когда въ мирныхъ аулахъ узнали о плѣнѣ пластуна-Орфея, тотчасъ молодые хубхаеды, по просьбѣ своихъ „дяхедедъ-пеасе“ (пожалуй, *dames de leurs pensées*) взялись пособить бѣдѣ и благополучно выкрали плѣнника.

Два пластуна, отецъ и сынъ, залегли ночью на кабаньемъ слѣду, въ плавнѣ. Только разсвѣло, послышались имъ пыхтѣнье и хрускъ: огромный черный кабанъ ведетъ свою семью къ водопою. Пластуны произвели легкій шорохъ, кабанъ насторожилъ уши и сталъ какъ вкопанный. Отецъ предоставилъ себѣ честь перваго выстрѣла,—выстрѣлилъ и поранилъ, но не повалилъ кобана — не угодилъ, старина, ни въ лобъ, ни подъ лопатку. Свинья съ поросятами шарахнулась назадъ, а кабанъ едѣлъ было яростный прыжокъ впередъ, на первый запахъ порохового дыма, но, ощутивъ рану, тоже повернулъ назадъ и покатилъ вслѣдъ за своимъ стадомъ. Отецъ продулъ ружье и сталъ заряжать, ворча,—успѣлъ-де понавѣдаться дурной глазъ, начинается моя литовка легчить... А сынъ со всѣхъ ногъ махнулъ за раненымъ звѣремъ, по горячему слѣду. Видитъ онъ кровавую струйку и слышитъ звучный трескъ очерета впереди себя, да никакъ не уловить глазомъ утекающаго звѣря—слишкомъ густъ былъ очереть. Пробѣжалъ онъ этакъ шаговъ сотню; кровавый слѣдъ и торопливый трескъ все впереди его... Вдругъ что-то сзади толкнуло его въ ноги и больно, будто косою,хватило по обѣимъ икрамъ. Повалился пластунъ навзничъ и очутился на спинѣ кобана. Тряхнулъ кабанъ спиной, махнулъ клыкомъ и располосовалъ пластуну черкеску съ полушубкомъ отъ пояса до затылка. Еще одно мгновеніе, одинъ взмахъ клыка—и свирѣное животное выпустило бы своей жертвѣ всѣ внутренности; но въ это бѣдовое мгновеніе раздался выстрѣлъ, пуля угодила въ кабанье рыло, пониже лѣваго глаза, и кабанъ

съ разинутой пастью растянулся на мѣстѣ, во всю свою трехаршинную длину. То былъ выстрѣлъ отца молодого пластуна, такъ удивительно побѣдшаго на кабаній клыкъ, лезвее котораго чуть ли не острѣе черкесской шашки. А удивительнаго, впрочемъ, тутъ ничего нѣтъ. Раненый кабанъ, чуя за собою близкую погоню и прикрывая бѣгство своей самки съ дѣтенышами, бѣжалъ-бѣжалъ, да вдругъ вернулся назадъ, по своему слѣду, прыгнулъ въ сторону и сдѣлалъ засаду на своего преслѣдователя, котораго и подкузьмилъ сзади, какъ скоро тотъ миновалъ его. Обѣ икры бѣдняка были прохвачены до кости. „А що, хлопче, будешь теперь знати, якъ гнатись, да не оглядатись“,—проговорилъ старый пластунъ, перевязывая сыну раны и жура его за неосмотрительность.

Что касается тактики пластуна — она была немногосложна. Волчій зубъ и лисій хвостъ—вотъ ея основныя правила. Въ ней вседневную роль играли слѣдъ, „сакма“, и засада, „залога“. Тотъ не годится „пластуновать“, кто не умѣетъ убрать за собою собственный слѣдъ, задушить шумъ своихъ шаговъ въ трескучемъ тростникѣ; кто не умѣетъ поймать слѣды противника и въ слѣдахъ его прочитать направленный на линію ударъ. Гдѣ спорять обоюдная хитрость и отвага, гдѣ ни съ той, ни съ другой стороны не говорятъ: иду на васъ!—тамъ нерѣдко одинъ, раньше или позже схваченный слѣдъ рѣшаетъ успѣхъ и неудачу. Перебравшись черезъ Кубань, пластунъ исчезаетъ. А когда, по росистой травѣ или свѣжему снѣгу, слѣдъ неотвязно тянется за нимъ, онъ заплутываетъ его: прыгаетъ на одной ногѣ и, повернувшись спиной къ цѣли своего поиска, идетъ пятами напередъ, „задукаетъ“, — хитритъ, какъ старый заяцъ, и множествомъ извѣстныхъ ему способовъ отводитъ уликъ отъ своихъ переходовъ и притоновъ. Какъ оборотни сказокъ, — что чудно-дивно мѣняютъ свой роетъ, въ лѣсу вровень съ лѣсомъ, въ травѣ вровень съ травой,—пластуны своими мелкими партіями пробирались съ линіи, между жилищами непріязненныхъ горцевъ, къ нашимъ полевымъ закубанскимъ укрѣпленіямъ и оттуда на линію. Истина общезвѣстная, что шагъ за низовую Кубань—былъ шагъ въ непріятельскій лагерь, потому что поселенія горцевъ, на самомъ дѣлѣ, составляли обширный военный станъ, въ которомъ шатры замѣнены хижинами, немного, впрочемъ, отличными отъ бивачныхъ шалашей. И какая бдительность, какая удивительная готовность была въ этомъ осѣдломъ лагерѣ! По первому дыму сигнальнаго костра — днемъ, по первому выстрѣлу и гикъ—ночью, все при ружьѣ, все на конѣ и въ сборѣ. И между тѣмъ, — истина не менѣе извѣстная, — въ прежніе годы, когда еще въ горахъ не было русскихъ укрѣпленій, а въ обществахъ горцевъ не было такъ называемыхъ „приверженныхъ“ къ намъ людей, пластуны проникали въ самую сердцевицу горъ, осматривали мѣстоположенія ауловъ, сторожили за

непріятельскими сборищами и ихъ движеніями и своимъ безкорыстнымъ самоотверженіемъ замѣняли продажныя, такъ часто лживыя услуги лазутчиковъ.

Во всѣхъ обстоятельствахъ боевой службы пластуны были вѣрны своему назначенію. На походѣ они освѣщаютъ путь авангарду или въ цѣпи застрѣльщиковъ изловчается и приманивается, какъ бы вѣрише „присвѣтить“ въ хвастливо гарцующаго наѣздника; или, наконецъ, бодрствуетъ въ отводномъ секретномъ караулѣ за сонъ ротнаго ночлега. Въ закубанскомъ полевоу укрѣпленіи онъ вѣчно былъ на поискахъ по окрестнымъ лѣсамъ и ущельямъ. Его услужливая бдительность предохраняетъ пастбища, рубки дровъ, сѣнокосы и огородныя работы при укрѣпленіяхъ, а тѣмъ болѣе и самыя укрѣпленія отъ нечаянныхъ нападеній.

Наши закубанскія укрѣпленія были снабжены, сверхъ другихъ средствъ обороны, ручными гранатами, про случай штурма. Пластуны придумали этимъ праздымъ снарядамъ свое особенное употребленіе. Пускаясь, иной разъ, въ слишкомъ отважный поискъ, они берутъ въ свои сумки нѣсколько ручныхъ гранатъ; когда дойдетъ до тѣсныхъ обстоятельствъ, они зажгутъ и бросятъ гранату въ носъ шансугамъ, а сами—давай Богъ ноги.

По нынѣ дѣйствующему войсковому положенію (1842 года) пластуны, такъ сказать, получили право гражданства въ рядахъ военныхъ силъ черноморскаго войска. Они признаны отдѣльнымъ родомъ, и число ихъ опредѣлено штатомъ: въ конныхъ полкахъ по 60, въ пѣшихъ батальонахъ по 96 человекъ въ каждомъ (но ихъ много сверхъ этихъ штатныхъ чиселъ). Въсѣтъ съ тѣмъ, въ справедливомъ уваженіи къ ихъ болѣе трудной и полезной службѣ, назначено имъ преимущественное, предъ прочими товарищами ихъ, жалованье. Жалованье — жалованьемъ, а какъ, по казацкой пословицѣ, „вовка ноги годуютъ“ (кормятъ), то и съ вертела пластуна во весь мясоѣдъ не сходитъ лакомая дичь...

Въ заключеніе этой статьи о Черноморьѣ и главномъ городѣ кубанскихъ казаковъ Екатеринодарѣ, приводимъ здѣсь списокъ съ подлиннаго письма графа В. А. Перовекаго (впоследствии оренбургскаго генералъ-губернатора) къ поэту В. А. Жуковскому; въ письмѣ этомъ, очень коротенькомъ, картинно изображена та непролазная грязь, которая была на улицахъ Екатеринодара въ декабрѣ 1828 года. Вотъ это интересное письмо: „...Изъ всѣхъ даровъ Екатерины—Екатеринодаръ, конечно, самый пакостный. Описать его трудно: это не городъ и не село, домовъ мало, улицъ много, но теперь по нимъ никто не ходитъ, потому что ни ходить,

ни даже ѣздить нельзя—грязь лошадямъ по брюхо. Нынче утромъ, я, на довольно росломъ конѣ, хотѣлъ - было проѣхаться, но принужденъ былъ воротиться вспять, такъ какъ конь мой погрязъ, едва только я выѣхалъ за ворота...“ *).

Вотъ, чѣмъ былъ Екатеринодаръ 72 года тому назадъ!..

Терскіе казаки—гребенское войско и терское **).

Кизлярско-Гребенской, Горско-Моздокскій, Волгскій и Сунженско-Владикавказскій—вотъ имена четырехъ полковъ, поселенныхъ въ Терской области и извѣстныхъ нынче подъ общимъ названіемъ терцевъ. Эти имена напоминаютъ трехвѣковую исторію терцевъ, ихъ первоначальное водвореніе, переселенія съ мѣста на мѣсто, боевые труды, пережитую славу. Уже судя по двойному названію полковъ, можно заключить, что прежде ихъ было гораздо больше: одно время считалось 13 полковъ. Эти старые полки служили какъ бы звеньями той цѣпи, которая была растянута отъ моря Азовскаго до моря Каспійскаго, отъ Бургаза до устья Терека. Черноморская кордонная линія оканчивалась урочищемъ „Изрядный Источникъ“, что на Кубани; весь остальной промежутокъ—по верхамъ Кубани, по Тереку, по Сунжѣ, примѣрно на 700 верстѣ, замкнула кавказская линія. Оплотомъ и грозой ея стали линейные казаки, подвиги которыхъ прогремѣли по всему свѣту. Кавказская линія много лѣтъ служила приманкой какъ для тѣхъ, кто жаждалъ славы или отличій, такъ равно и для тѣхъ, кому жизнь опостыла. На равнинахъ по сю сторону Терека, въ бурныхъ волнахъ рѣкъ, въ скалахъ Кабарды и въ лѣсахъ Чечни—вездѣ воинъ встрѣчалъ смерть: на каждомъ шагу она ждала свою жертву. На смѣну павшихъ бойцовъ являлись другіе; и такъ изъ года въ годъ, десятки лѣтъ, пока не замрился Кавказъ.

Длинная кавказская линія замкнулась не сразу, а по частямъ. По мѣрѣ того, какъ разгоралась борьба, выдвигалось то или другое звено этой цѣпи постовъ, кордоновъ и станцій. На защиту линіи шли казаки разныхъ наименованій: съ Дона—донскіе, съ Волги—волжскіе, съ Яика—яицкіе, съ Хопра—хоперскіе, изъ Украйны—украинскіе: сюда шли мирные

*) Изъ моей книги „Графъ Перовскій и его зимній походъ въ Хиву“
II. 3.

***) Изъ книги К. К. Абазы „Казаки“, изданной В. А. Березовскимъ

поселяне, обывкые въ тревогахъ войны, и селились подъ ружейнымъ огнемъ горцевъ; наконецъ, между защитниками линіи встрѣчались кабардинцы, черкесы, татары, частью крещенные, частью некрещенные. Но корень и начало укрѣпленію линіи положили искони русскіе люди, православные по вѣрѣ. Остальные пристраивались позже, вплоть до тридцатыхъ, даже сороковыхъ годовъ XIX столѣтія.

Давно это было, болѣе 350 лѣтъ тому назадъ, когда Москва наложила свою руку на Рязанскую землю: послѣдняго рязанскаго царя заперли въ тюрьму, его мать Аграфену услали въ монастырь, въ рязанскія волости были посажены московскіе намѣстники. На Дону, въ волости Червленый Яръ, сидѣлъ до того казакъ. Они оберегали Рязанскую землю отъ лихихъ татаръ; между дѣломъ, какъ водилось въ старину, хаживали на Волгу, на Синее море, на промыселъ вольный, казачій. Когда намѣстники Москвы объявили, что теперь надо казакамъ выселяться въ Суздальскую землю и служить по стрѣлцкому уряду, Червленый Яръ зашумѣлъ, заволновался. Удаляя головы не задумались покинуть насиженное мѣсто, построили струги, и какъ только вскрылись рѣки, караванъ отплылъ изъ Червленаго Яра съ пищальной пальбой, съ пѣснями. Знакомымъ путемъ онъ спустился Дономъ до царьцынской переволоки, перетянулся на Волгу и отсюда Сп-нимъ моремъ прошелъ въ устье Терека. Жившіе здѣсь татары приняли ихъ дружелюбно; однако, казаки не остались съ ними, а поднявшись еще выше, осѣли на пустопорожнихъ земляхъ по правому берегу Сунжи, возлѣ нынѣшней крѣпости Грозной. Тутъ они поставили свои городки: Червленый, Шадринскій, Кордюковскій, Старогладовскій и Новогладовскій; по горнстому же мѣстоположенію получили названіе гребенскихъ казаковъ. Съ женами и дѣтьми ихъ насчитывалось около 4 тысячъ. Они скоро вошли въ дружбу съ сосѣдними горскими народами—чеченцами и кабардинцами, отъ которыхъ получили на первое обзаведеніе хлѣбъ, скотъ, лошадей и даже „женъ невѣнчальныхъ“. Запуганные татарами, горцы смотрѣли на этихъ пришельцевъ съ Русіи, знакомыхъ съ огненнымъ боемъ, какъ на своихъ защитниковъ.

Полтораста лучшихъ людей Кабарды или, какъ ихъ тогда называли, „пятигорскихъ черкасъ“, явились въ Москву просить молодаго царя Ивана Васильевича взять подъ свою державу вольную Кабардинскую землю. Съ кабардинцами находилась и станица гребенскихъ казаковъ. Тѣхъ и другихъ государь принялъ ласково, пожаловалъ первыхъ русскихъ поселенцевъ вольною рѣкою Терекомъ съ его протоками и велѣлъ имъ службу служить да беречь свою кабардинскую вотчину. Когда же царь женился на дочери кабардинскаго князя Темрюка, дѣла этой земли стали ему еще ближе къ сердцу. По просьбѣ тестя и другихъ кабардинскихъ князей

высланы были на Терекъ воеводи „съ огненнымъ боемъ и многими людьми“, которые построили на лѣвомъ берегу рѣки крѣпкій городъ, названный Теркомъ. Эта первая русская крѣпость на Кавказѣ была поставлена на удобномъ пути между Крымомъ, съ одной стороны, Дербентомъ и Шемахой— съ другой, почему сразу не полюбилась ни крымцамъ, ни туркамъ. Опираясь на нее, гребенцы скоро сдѣлались хозяевами этого важнаго пути; они держали заставы на переправахъ черезъ Сунжу и ея притоки, караулили проѣзды черезъ горныя тѣсныя, ѣздили гонцами, ходили въ проводникахъ или въ охранной стражѣ при караванахъ и, наконецъ, были царскихъ недруговъ. Когда турки и крымцы постыдно бѣжали изъ-подъ Астрахани въ свои улусы, кабардинцы вмѣстѣ съ гребенцами гнали ихъ нещадно черезъ голодныя степи, гдѣ осталось болѣе половины турецко-татарскаго полчища.

Однако, Терскій городокъ простоялъ не долго; по совѣту съ боярами царь приудилъ его снести и поставить новый въ устьяхъ Терека, ближе къ Астрахани. Опечалились князья Кабарды, когда узнали, что стрѣльцы ихъ покидаютъ; они упросили воеводъ не сносить, по крайней мѣрѣ, городскихъ стѣнъ, въ которыхъ и засѣли гребенцы. Такъ какъ городокъ былъ несоразмѣрно великъ, а защитниковъ мало, то князья призвали съ Волги еще вольную ватагу казаковъ; противъ нихъ ополчились крымцы и ногаи. Много разъ отбивались съ успѣхомъ казаки отъ вражескихъ нашествій, даже имъ платили съ лихвой, какъ тутъ подступилъ съ большой татарской ратью самъ шамхаль тарковскій. Послѣ многихъ приступовъ татары отвели воду отъ крѣпости. Чтобы не помереть отъ жажды, казали стали копать внутри колодцы. Прошло 20 дней томительной осады, наступилъ праздникъ Св. Троицы. Казаки отиѣли молебень, прося у Бога дождика. Къ вечеру пошелъ проливной дождь, а на утро крѣпостной ровъ былъ уже полонъ воды. Шамхаль упалъ духомъ и покинулъ осаду. Въ слѣдующую же ночь казаки догнали его таборъ, многихъ татаръ перебили и вернулись съ богатой добычей. Тѣмъ не менѣе нашествіе татарскихъ полчищъ совсѣмъ ихъ обездолило: поля были вытоптаны, стада отогнаны, порохъ и снаряды за время продолжительной осады израсходованы. Въ это время казаки прослышали, что царскіе воеводы поставили въ устьѣ Терека другой городокъ, „Новыя Терки“, и что тамъ собирается новое войско. Сошлись они въ кругъ, думали, толковали—и порѣшили бросить свой городокъ. Пушки закопали въ землю, частоколь, надолбы и всѣ деревянныя строенія сожгли, къ великому неудовольствію кабардинскихъ князей. Мамрюкъ, младшій братъ Темрюка, подговоривши сотни три волжской вольницы, перешелъ съ нею къ Новымъ Теркамъ, а прочіе гребенцы опять расселились по своимъ старымъ мѣстамъ.

Русскіе удалцы издавна охотно посѣщали устье Терека, гдѣ находили обильныя угодыя для рыбнаго и звѣрнаго промысла; многіе оставались тутъ на зимовку, а лѣтомъ ходили промыслять въ море. Сюда же спасались воровскія шайки отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ, очищавшихъ Волгу. Кромѣ русскихъ людей, въ этомъ укромномъ углу находили пріютъ выходцы изъ горцевъ и степныхъ кочевниковъ: кабардинцы, чеченцы, черкесы, ногаи—народъ такой же отпѣтый, на все готовый. Когда воеводы прибыли изъ Астрахани, чтобы ставитъ тутъ городокъ, вольница явилась къ нимъ съ повинной и оказала на первыхъ порахъ большую помощь. Такимъ поведеніемъ она выслужила свои вины, получила царское прощеніе; узнавши про то, часть и янцкихъ казаковъ также явилась съ повинной. Войско еще умножилось тѣмъ, что сосѣдній кабардинскій князь, родичъ Темрюка, по имени Джанклишъ, билъ отъ себя челомъ царю Ивану Васильевичу, да съ Сунжи, какъ уже сказано, прибылъ съ дружиной вольницы Мамерюкъ. Изъ такихъ-то сходцевъ, русскихъ и нерусскихъ, повелось другое войско, терское, которое отличалось отъ гребенскаго своимъ разноразычіемъ и наклономъ къ морскому промыслу. Разноплеменность терскаго войска еще болѣе увеличилась, когда съ ливонскихъ и литовскихъ городовъ стали насылать сюда въ большомъ числѣ плѣнниковъ, что, конечно, также умножило войско. Терцы жили и управлялись по старымъ казацкимъ обычаямъ, но нарядъ на службу зависѣлъ отъ царскихъ воеводъ. Новокрещенные и вообще всѣ казаки нерусскаго происхожденія подчинялись роду князей Джанклиша: его сыну Сунчалею, внуку Муцалу и правнуку Каспулату.

Русскій городокъ подъ охраной казаковъ разросся въ большой многочисленный городъ, украсился садами и многими общественными зданіями, какъ, напримѣръ: караванъ-сарай, бани, таможенные дворы, приходскія церкви, монастырь, гдѣ крестились иноувѣрцы, гостинные дворы и т. п. Въ Теркахъ заторговали шибко: сюда съѣзжались купцы изъ Каффы, что въ Крыму, изъ персидскихъ городовъ, изъ нашей Астрахани. Одинъ верблюжій караванъ смѣнялся другимъ: персидскіе „бусы-кораблики“ сегодня разгружались, завтра снова нагружались.—Кромѣ сторожи и развѣдокъ, казаки отбывали государеву службу въ дальнихъ походахъ. Соединенныя дружины гребенцевъ и терцевъ чаще всего водили потомки князя Джанклиша. Они любили казачью удалъ и прославили ее въ горахъ Кавказа. Кромѣ того, эти вѣрные слуги царскіе часто вступались въ распри воеводъ съ казаками и приводили ихъ на миръ, въ доброе согласіе. Но хорошее для терцевъ старое время продолжалось не долго, вскорѣ началось бѣды.

Кахетинскій царь Александръ просилъ у государя помощи противъ ихъ старому и общаго недруга шамхала тарковскаго, владѣнія котораго при

мыкали однимъ бокомъ къ Тереку. Вскорѣ послѣ смерти Ивана Васильевича Грознаго, воевода получилъ повелѣніе выступить изъ Астрахани съ ратными людьми на Терекъ къ старому городку, откуда вмѣстѣ съ гребенцами наступать на владѣнія шамхала. По веснѣ 1594 года воевода съ пятитысячной ратью былъ уже на Терекѣ, гдѣ къ нему присоединилось гребенское войско. Хитрый шамхаль очистилъ передъ русскими не только переправу на Сунжѣ, но даже уступилъ безъ боя Тарки, свою столицу. Заѣли въ немъ русскіе, стали его укрѣплять. Работали въ знойное лѣто, на самомъ солнцепекѣ, что съ непривычки породило болѣзни, особенно изводила злая лихорадка; кромѣ того, оказался недочетъ въ припасахъ. Между тѣмъ полчища шамхала облегалъ все тѣнѣе и тѣнѣе, а обѣщанная царемъ Кахетинъ помощь не являлась. Чаше и чаще случались схватки, и какъ ни храбръ былъ воевода Хворостининъ, однако видѣлъ, что дѣло можетъ кончиться въ худую. Составили совѣтъ, на которомъ долго не спорили. Въ темную ночь, побросавъ все лишнія тяжести, русскіе тайкомъ покинули городъ. Шли - шли и вдругъ, при свѣтѣ луны, замѣтили, что сбились съ дороги, бредутъ въ болото. Гребенцы бросились въ разныя стороны и разыскали пастушка. Пока съ его помощью выбрались на дорогу, наступилъ день. Тутъ налетѣла конница шамхала; вдали, въ облакахъ пыли, настигали пѣшіе. Отбиваясь отъ конницы, Хворостининъ приказалъ бросить тяжелый нарядъ (артиллерію), все повозки, даже съ ранеными и больными воинами, лишь бы поскорѣе отойти. Какъ голодные волки, бросились татары на добычу, и наши ратники слышали вопли замученныхъ. Въ полдень надвинулась уже вся сила басурманская. Впереди толпы шли муллы держа надъ головами священные свитки, и пронзительно завывали стихами корана. Русская рать то останавливалась, при чемъ строилась „въ кольцо“ и отбивалась всеми силами, то продолжала движеніе, угрожаемая спереди и сзади, сдавленная съ боковъ. Только по закатѣ солнца она добралась до Сулака, гдѣ битва сама собой стихла. Хворостининъ привелъ на Терекъ едва четвертую часть; изъ тысячи гребенцевъ вернулось 3 сотни.

Черезъ 10 лѣтъ походъ повторился. На этотъ разъ подступила къ Таркамъ 10-тысячная рать, въ которой находились оба казачьи войска, гребенское и терское. Воеводы напомнили русскимъ воинамъ о гибели братьевъ въ этой предательской землѣ и такъ успѣли ихъ одушевить, что тѣ поклялись передъ распятіемъ сложить свои головы. Бутурлинъ повелъ стрѣльцовъ съ одной стороны, Плещеевъ—бойрекихъ дѣтей и казаковъ съ другой. Хотя городъ оказался уже укрѣпленнымъ, но войска сразу имъ овладѣли; улицы и площади были завалены множествомъ убитыхъ. Шамхаль бѣжалъ въ горы къ аварскому хану, поручивъ оборону страны своему сыну Муту. Воеводы принялись вторично за городскія стѣны; прежде всего

они золожили на верхнемъ уступѣ, гдѣ стояли двѣ высокія башни, каменную крѣпость. Работы шли успѣшно, пока не пристигла зима, а вмѣстѣ съ тѣмъ не повторилась та же бѣда—припасы были на исходѣ. Воеводы были вынуждены отпустить половину стрѣлцкихъ полковъ въ Астрахань. А тѣмъ временемъ султанъ Муть не дремалъ. Онъ успѣлъ поднять на ноги весь Дагестанъ, собралъ кумыковъ, пригласилъ ногойцевъ, такъ что въ короткое время собралось подъ его начальствомъ до 20 тысячъ. Съ этимъ скопищемъ Муть подступилъ къ Таркамъ. Въ ту пору защитники питались уже остатками толокна и вяленой говядины; даже казаки не могли нигдѣ промыслить. Истощенные голодомъ, пзнуренные трудами, русскіе люди все-таки оборонялись; особенно вредилъ непріятелю высокія башни, съ корыхъ отборные пищальники стрѣляли безъ промаха. Вдругъ одна изъ башенъ взлетѣла на воздухъ, даже горы вздрогнули, и въ ту же минуту все скопище ринулось на штурмъ. Русскіе не испугались, отбили приступъ. Однако лучшіе стрѣлки и казаки погибли подъ развалинами башни, уничтоженной подкопомъ. Султанъ Муть также потерпѣлъ не малый уронъ. Зашла рѣчь о мирѣ. Послѣ недолгихъ переговоровъ, согласились на томъ, что русскіе отойдутъ безирепятственно на Терекъ, больныхъ же и раненыхъ оставятъ до выздоровленія въ городѣ, на попеченіи шамхала; порукой въ томъ, что ихъ доставитъ въ Терки, будетъ служить сынъ Мута, взятый въ заложники. Шамхаль утвердилъ договоръ клятвою на коранѣ, самъ клялся и 10 сановниковъ; сына отдалъ въ аманаты.

Съ пѣснями, подъ грохотъ бубенъ выступила рать, направляя путь къ тому же Сулаку. И въ станѣ татарскомъ шло ликованье: то былъ праздникъ Байрама. Муллы завывли молитвенные азамы и, войдя въ азартъ, объявили всенародно отпущеніе въ клятвѣ, данной „гяурамъ“. На радостяхъ Муть приказалъ отдать сотни тузлуковъ, припасенныхъ по случаю его свадьбы съ дочерью аварскаго хана, на угощеніе своихъ полчищъ. Скрытно, какъ волки, стаями, двинулись татары по слѣдамъ русскихъ. Они настигли ихъ на первомъ же ночлегѣ за р. Озень, гдѣ ратники безопасно варили кашу. Упившись бузой, наѣзники врѣзались въ середину стана, такъ что русскіе не могли устроиться, не успѣли зарядить пищалей. За конными нахлынули пѣшія толпы, вооруженныя длинными кинжалами. Ратные люди, стиснутые въ кучи, отбивались стойко, мужественно, въ плѣнъ не сдавались. Воевода Бутурлинъ, богатырь съ длинной сѣдой бородой, собственноручно изрубилъ въ куски аманата, но тотъ былъ не сынъ султана, а подставной татаринъ, приговоренный къ висѣлицѣ. Прошло нѣсколько часовъ страшной рукопашни, обогрившей рѣчку кровью. Пали оба воеводы, полегла вся русская рать. Но и татарамъ не дешево обошлось ихъ вѣроломство: самъ султанъ былъ убитъ изъ первыхъ. Раненые, поки-

нутые въ Таркахъ, погибли самую мучительною смертію: ихъ таскали по улицамъ, надъ ними издѣвались женщины, ругались мальчишки *).

Два такихъ похода сильно поубавили боевую силу казаковъ. Были и другія бѣды, изводившія казаковъ, особенно терскихъ. Они обитали, какъ уже сказано, около Новаго Терка, въ мѣстахъ низменныхъ, болотистыхъ, а; слѣдовательно, лихорадочныхъ, къ тому же подверженныхъ частымъ наводненіямъ. Терцы нужду въ хлѣбѣ и питаясь одной „рыбенкой“, терцы годъ отъ году хирѣли, вымирали цѣлыми семьями. Многіе погибли на морскомъ промыслѣ. Не только голытьба, но люди семейные, жившіе въ пригородныхъ слободахъ, даже гребенцы болѣе домовитые соблазнялись приманкой богатой поживы. Послѣ удачнаго морского набѣга, казаки переряжались изъ своихъ сермягъ и лаптей въ бархатные кафтаны, въ сафьяновые сапожки: щеголяли въ атласныхъ рубахахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ, и шапкахъ, унизанныхъ жемчугомъ. Только эти богатства приходили не даромъ. Сердитое море много поглотило казачьихъ тѣлъ, да и схватки съ караванами обходились не дешево, тѣмъ болѣе, что казаки набѣгали на „бусы-кораблики“ на своихъ досчаникахъ или въ утлыхъ челнахъ. Ко всѣмъ испытаніямъ терцевъ надо еще прибавить два нашествія кубанскаго сераскира Казы-Гирея, погромившаго ихъ юрты; городокъ едва отбился. Однимъ словомъ, ко времени воцаренія Петра Великаго, осталось терскихъ казаковъ едва ли третья часть, не больше тысячи. Чтобы прикрыть несчастный городокъ отъ татарскихъ нападений, астраханскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ уговорилъ гребенскихъ казаковъ переселиться изъ-за Сунжи на лѣвый берегъ Терека, что они охотно исполнили. Пovyше сунженскаго устья гребенцы поставили Червленый городокъ, а остальные четыре по Тереку внизъ, на разстояніи 80 верстъ. Такимъ образомъ 1712-й годъ нужно считать началомъ заселенія кавказской линіи, о которой было говорено раньше. Спустя 10 лѣтъ, устья Терека навѣстилъ самъ царь. Осмотрѣвъ Терки, онъ увидѣлъ его малолюдство, бѣдность казачью и приказалъ перевести остатки терскаго войска на Астрахань. Къ малолюдному терскому войску была выселена тысяча семейныхъ донцовъ. Тутъ на болотистой Астрахани, зарывшись въ землянки, тѣ и другіе промаялись еще 12 лѣтъ, пока всѣ завоеванія великаго царя не отошли опять же къ персіянамъ. Терское войско водворили тогда на Терекѣ, при вновь построенной крѣпости Кизлярѣ. Оно осѣло здѣсь такимъ малолюдствомъ, что едва могло выставить на службу 600 казаковъ: старыхъ терцевъ 200, да переселенцевъ, или „семейныхъ“ какъ ихъ долго

*) Разсказъ этотъ приводится въ книгѣ еще разъ— какъ относящійся непосредственно къ исторіи терскаго войска.

называли, 400 чел. Послѣдніе поставили свои три городка особо, между гребенцами и крѣпостью Кизляромъ. При окончательномъ устройствѣ кавказской линіи, что было въ 1836 году, терско-кизлярское войско переименовано въ Кизлярскій полкъ. Такимъ образомъ, оно составило второе звено кавказской линіи; первымъ же ея звеномъ были и остались гребенцы.

Несмотря на то, что гребенцы были исконн русскіе люди, по плоти и духу, они, войдя въ сосѣдство и дружбу съ горскими народами, позаимствовался отъ нихъ многими обычаями, особенно пригодными въ воинскомъ быту. Кабардинцы давали тогда моду въ горахъ: имъ подражали черкесы, старались подражать грубые и бѣдные чеченцы. Одежда кабардинца состояла изъ верхняго зипуна съ открытой грудиной и бешмета, обшитаго галунами; деревянные патронташи, или хазыри, обдѣланные въ кость, иногда въ серебро, смотря по достаткамъ, носились прежде на поясѣ потомъ ужъ перешли на грудь. Праздничная шапка была круглая, съ узкимъ мѣховымъ околышкомъ и суконымъ верхомъ, также обшитымъ галунами; будничная же шапка—высокая изъ чернаго бараньяго мѣха. Защитой отъ дождя и снѣга служилъ башлыкъ; бурка замѣняла кабардинцамъ плащъ, служила постелью, одѣяломъ и шатромъ. Какъ плащъ, она прикрываетъ все снаряженіе всадника и въ то же время предохраняетъ его отъ сабельныхъ ударовъ; при горячемъ отступленіи, когда нужно спрыгнуть съ кручи, ее набрасываютъ на глаза коню. „Сѣделечко черкасское“ даже упоминается въ казацкихъ пѣсняхъ, какъ самая желанная и цѣнная добыча. Богатые князья и урки покрывали себя доспѣхами московскаго издѣлія; кольчуги, шишаки, стальные поручни—все это было не по карману казакамъ, но одежду и все прочее снаряженіе, равно выправку, ухватки лихова наѣздничества они скоро переняли отъ рыцарей Кабарды. Въ свою очередь, гребенцы стали примѣромъ подражанія и зависти для другихъ позднѣйшихъ поселенцевъ кавказской линіи. Какъ черноморцы прославились своимъ пластуномъ, въ такую же славу вошла лихость и удалъ линейцевъ. На нихъ пріѣзжали взглянуть лучшіе наѣзтники изъ англичанъ и венгерцевъ. Они переносились съ быстротою молніи, летали со стремителнъ и переплывали бѣшеные потоки, крались какъ кошки въ глубокихъ ущельяхъ или дремучихъ лѣсахъ, нечезали въ травѣ или подъ бугромъ, лежа неподвижно со своимъ вѣрнымъ конемъ.

Что касается жилья, гребенцы ставили свои дома по-русски, прочно, обружая ихъ общей оградой или городкомъ съ вышками. Зато внутреннее убранство во многомъ было сходно съ кабардинскимъ: въ одномъ углу висѣло на стѣнѣ оружіе, разные доспѣхи; въ другомъ стояла постель, а на самомъ видномъ мѣстѣ, на полочкахъ, блестяла нарядно разставленная до-

машиня посуда; въ красномъ углу, какъ водится, висѣлъ кіотъ съ образами. Если случались въ гостяхъ у казака кабардинцы или кумыки, образная пелена поднималась вверхъ, скрывая такимъ образомъ святыню. Въмѣсто телѣги гребенцы стали употреблять двухколесную арбу и ѣздить на быкахъ; конь же остался для сѣдла. Легкій кабардинскій плугъ и самый способъ обработки земли, гдѣ пашутъ мелко, также цѣлкомъ перешелъ къ казакамъ. Кромѣ земледѣлія, трудолюбивые гребенцы издавна занимаются разведеніемъ винограда, шелковичныхъ червей и марены, что идетъ на краску. — „Гдѣ виноградная лоза, говорятъ на Терекѣ, тамъ и женская краса, тамъ и мужская храбрость и веселая бесѣдушка за чапурой родителейска вина“. Гребенцы сбывали свое вино въ Терки, а марену продавали наѣзжимъ персидскимъ купцамъ. И рыбкой они пользовались: въ Терекѣ водилась лосось, въ родѣ нашей семги, рыба очень вкусная. Такъ какъ на правомъ берегу издавна рыбачили чеченцы и кумыки, то этотъ промыселъ не считался особенно доходнымъ.

Въ домашнемъ быту терскихъ и гребенскихъ казаковъ все работы исполняла женщина, съ придачей въ помощь ей работника, ногойца или чеченца. Казакъ же зналъ только служебные наряды да походы, зналъ однѣ побѣжки, то на тревогу около своихъ городковъ, то на подмогу какому-нибудь кабардинскому князю, затѣвавшему усобицу; еще по душѣ ему были ночные наѣзды подъ ногойскіе табуны, а въ ину пору молодецкіе поиски на Синее море. Тутъ ужъ терцы давали урядъ. Во времена затишья казаки ходили въ „гульбу“, т.-е. травить звѣря или стрѣлять птицъ. Около гребенскихъ городковъ, въ лѣсахъ, водились дикіе кабаны, козы, кошки, тамъ перелетали съ вѣтки на вѣтку терекіе фазаны, плодились журавли съ двумя хохликами и разная другая мелкая птица. Съ особенной охотой казаки ходили по наряду въ кабардинскія горы бить оленей и „штейнбоковъ“, по нашему—горныхъ козловъ, которыхъ нарочито доставляли къ царскому столу. Оставаясь дома, казакъ въ досужее время ладилъ плетень, чистилъ ружье, вязалъ уздечку. Всемъ остальнымъ дѣломъ, включая и заботу о конѣ, заправляла казачка. Она сѣдала коня, подводила его мужу, по возвращеніи съ похода она же первая съ низкимъ поклономъ его встрѣчала, водила коня по двору и снимала сѣдло; но горе казаку, если его саквы оказывались пусты.

Какъ повелось у другихъ казаковъ, войсковою кругъ рѣшала все дѣла, касающіяся войска. Онъ же судилъ виновныхъ. Въ этомъ случаѣ казаки слѣдовали мудрому правилу черноморцевъ, которые говорили про виноватаго: „Берите его, да бейте швидче (скорѣе), а то відбрешется (отврется)!“ Однажды на Дону посадили въ воду московскаго воеводу Карамышева, за то, что онъ не скинулъ шапку при чтеніи царской грамоты,

а стоялъ „закуса бороду“. Ежегодно войско избирало вольными голосами свою старшину, или начальство: войскового атамана, которому вручалась насака, или палица, оправленная въ серебро; войскового есаула, наблюдавшаго за порядкомъ въ войскѣ, за исполненіемъ постановленій войскового круга; войскового хорунжаго, который хранилъ знамя и выносилъ его въ кругъ передъ лицомъ атамана или же бралъ на свое попеченіе во время походовъ. Войсковой писарь, или впоследствии дьякъ, въ ту давнюю пору, когда мало занимался отпиской, былъ не великій человѣкъ. Гораздо больше значилъ, чѣмъ всѣ упомянутыя лица, совѣтъ почтенныхъ казаковъ, отличенныхъ по своему уму, заслугамъ войску или сабельнымъ рубцамъ. Совершенно такое же устройство имѣлъ каждый отдѣльный городокъ, и станичный кругъ судилъ своего казака тѣмъ же завѣщеннымъ отъ отцовъ обычаемъ. „Такъ установили отцы“,—говаривали старые казаки, противъ чего никто не могъ прекословить.

Въ нѣкоторыхъ городкахъ старина и ея завѣты соблюдались строже, въ другихъ слабѣе. Такъ, жители Червленной станицы издавна отличались большимъ хлѣбосольствомъ, привѣтливостью; женщины тамъ держали себя свободнѣе, казаки слыли первыми наѣздниками. Населеніе другихъ городковъ глядѣло какъ-то суровѣе; отъ него вѣяло точно холодомъ: это мрачные постники, побывавшіе въ иргизскихъ монастыряхъ; отъ нихъ исходило нареканіе на червленскихъ, что тамъ вѣра не крѣпка. Когда гонимые на Руси расколоучители стали скрываться въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ окраинахъ, они, между прочимъ, излюбили Куму и Терекъ. Число скитовъ, а равно и скитниковъ, съ каждымъ годомъ умножалось. Скитами назывались маленькія уединенныя крѣпостцы, огражденные высокими частоколомъ и охраняемыя постами съ высокихъ деревьевъ. Въ скиту устраивалась обыкновенно молельня, гдѣ ставили старыя образа, восьмиконечные кресты; тамъ молились двуперстнымъ сложеніемъ, читали и пѣли по старопечатнымъ книгамъ, ходили по солнцу. Молитва и чтеніе въ безмолвной лѣсной пустыни, видъ согбеннаго старца въ клобукѣ и мантии, нерѣдко въ желѣзныхъ веригахъ, привлекалъ казаковъ, искавшихъ духовнаго утѣшенія. Предвѣщанія отшельниковъ, обрекшихъ себя на нищету и опасности скитальческой жизни, получили силу пророчествъ; простодушные казаки повѣрили, что спасеніе можно найти только въ старопечатныхъ книгахъ. Скоро скитники стали находить пріютъ въ самыхъ городкахъ, почему православные храмы закрывались, и пастыри оставались безъ пасомыхъ. Но казаки, чти церковную старину, никогда не были изувѣрами: они старовѣры, но не раскольники.

Войсковій урядъ терцевъ или гребенцовъ ни въ чемъ не отличался отъ порядковъ въ остальныхъ казачьихъ дружинахъ. Походные казаки, прежде

чѣмъ сѣсть на коня или въ струги, разсчитывались на десятки, полусотни и сотни; тутъ же выбиралось вольными голосами походное начальство, начиная съ десятичника и кончая походнымъ атаманомъ. Если послѣдній приходился по душѣ казакамъ, они творили съ нимъ чудеса храбрости. Власти такого атамана не было предѣла: жизнь и смерть ослушника зависѣли отъ единаго его слова или единаго знака. Службу казаки начинали въ то время рано, по 15-му году; освобождались отъ нея лишь люди престарѣлые да калѣки безногіе, но бывало, что и старецъ древній карабается на вышку, чтобы постеречь станицу, пока вернутся походные казаки. Малолѣтки, становясь въ ряды, поступали какъ бы подъ опеку своихъ сродниковъ. Ихъ оберегали въ походѣ, прикрывали своею грудью въ кровавой свалкѣ. Зато на привалахъ или ночлегахъ, когда старые казаки отдыхали, малолѣтки приучались къ сторожевой службѣ; какъ это водилось у горцевъ, они оберегали коней, обходили дозоромъ, окликали встрѣчныхъ.

Съ водвореніемъ гребенцовъ на лѣвомъ берегу Терека одинъ пятисотенный полкъ постоянно находился на государственной службѣ; на него отпускалось изъ казны денежное и хлѣбное жалованье; прочіе казаки отбывали службу на мѣстѣ и служили, по казачьему выраженію, „съ воды да съ травы“, т. е. безъ всякаго содержанія. За полученіемъ денежнаго жалованья ежегодно выряжалась съ Терека зимовая станица съ войсковымъ атаманомъ. Казаки очень дорожили этимъ правомъ предстать предъ царскія очи, слышать себя похвалу и получить подарки. Войскового атамана жаловали по обычаю почетною саблею и серебрянымъ ковшемъ; войскового есаула, писаря, сотника и казаковъ — когда деньгами, когда соболями. Иногда станица привозила на родину Высочайше пожалованныя знамена. Уже въ то далекое время прошла по Руси молва объ испытанной вѣрности и воинской доблести казаковъ, сидѣвшихъ на Терекѣ. Про нихъ говорили, что они не знаютъ заячьяго отступленія: при встрѣчѣ съ врагомъ многочисленнымъ схватываются съ коней и бьются на мѣстѣ. Такъ у нихъ повелось изстари и такъ осталось навсегда.

Браки и разводы у чеченцовъ.

Каждое изъ племенъ на Кавказѣ имѣетъ свои повѣрья, обычаи, преданія и свой взглядъ на женщину. Такъ, напр., чеченцы отличаются строгою нравственностью въ отношеніи женщинъ; взаимныя отношенія молодыхъ людей и дѣвушекъ носятъ на себѣ характеръ уваженія къ женской стыдливости. Чеченецъ никогда не позволитъ себѣ не только оскорбить какъ-

нибудь дѣвушку, но даже дотронуться до нея рукою; въ противномъ случаѣ его ожидаетъ всеобщее презрѣніе, а иногда и раздѣлка посерьезнѣе. Въ случаѣ оболъщенія дѣвушки, только брачный союзъ можетъ загладитъ преступленіе, иначе и оболъстителя, и жертву его ожидаетъ смерть. Совсѣмъ другое явленіе представляетъ семейный бытъ тадбуртинцевъ, живущихъ между чеченскою плоскостью и Дагестаномъ. Этотъ дикій народъ, по свидѣтельству самого Шамиля, рѣшительно ни къ чему не былъ способенъ, кромѣ разбоевъ и воровства, и жплъ въ крайней тѣснотѣ и неопытности, какъ *донгузъ киликхъ*, т.-е. какъ самыя нечестыя животныя, потому что женскихъ отдѣленій въ ихъ домахъ не было, и мужчины, женщины и дѣти спали все въ одномъ помѣщеніи, а зиму, для теплоты, проводили обыкновенно вмѣстѣ съ своимъ скотомъ. Въ особенности же заслуживаетъ вниманія ихъ твердое убѣжденіе, что только изъ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, дѣлаются храбрые и умные люди. На этомъ основаніи похищеніе чужихъ женъ и дочерей и обращеніе ихъ въ наложницъ было въ Тадбуртѣ не только самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, но даже дѣломъ первой необходимости; а бытъ незаконнорожденнымъ считалось даже особенною честью, потому что это служило доказательствомъ доблестей отца. Нерѣдко случалось, что между похищенными оказывались родственницы похитителей, но это не было препятствіемъ къ большому ихъ сближенію, въ видахъ общественной пользы. Законныя жены похитителей вполне раздѣляли такой взглядъ своихъ супруговъ и, въ свою очередь, ревностно старались произвести на свѣтъ героевъ и мудрецовъ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что и въ образованной Европѣ существуетъ мнѣніе о большей талантливости побочныхъ дѣтей, рождающихся обыкновенно при полномъ развитіи силъ ихъ родителей, тогда какъ законныя являются на свѣтъ иногда, особенно при неравенствѣ лѣтъ супруговъ или позднемъ бракѣ, вслѣдствіе одной только необходимости и предписанной закономъ обязанности. Жилища тадбуртинцевъ вполне соотвѣтствовали ихъ образу жизни: они походили на укрѣпленныя башни и строились изъ камня въ пять этажей, съ бойницами. Шамиль, разрушивъ неприступныя твердыни этихъ дикарей, положилъ конецъ ихъ разбою и похищенію чужихъ женъ и дочерей.

При вступленіи въ бракъ горцы вносятъ предварительно за невѣсту *калымъ*, или выкупъ, и, кромѣ того, женихъ обязанъ сдѣлать своей невѣстѣ нѣкоторыя подарки, состоящіе изъ принадлежностей женской одежды, а также приготовить все необходимое для пиршествъ, слѣдующихъ за брачною церемоніею. Что касается до калыма, то это не что иное, какъ древнее русское вѣно, своего рода приданое, единственное, по понятіямъ мусульманъ, достойное дѣвушки на землѣ, единственная ея собственность, которою она можетъ располагать по своему прозволу. Поэтому родители не-

вѣсты. принимая отъ жениха калымъ, совѣмъ не продаютъ ее, какъ это обыкновенно полагаютъ, а только берутъ на сохраненіе ея имущество, которое впослѣдствіи можетъ послужить ей, между прочимъ, средствомъ къ существованію, въ случаѣ развода, если она въ другой разъ не выйдетъ замужъ или по какимъ-нибудь причинамъ не будетъ жить въ родительскомъ домѣ. Размѣры калыма въ различныхъ мѣстностяхъ не одинаковы. Въ Дагестанѣ выкупъ невѣсты обходился жениху очень недорого; такъ, напр., въ Игали опредѣлено было за дѣвушку внести всего только двѣнадцать гарцевъ пшеницы; въ Багуалѣ—одну сабу, т.-е. 20 фунтовъ того же хлѣба или ячменя; въ Унцукулѣ—рубль серебромъ; во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ и обществахъ—отъ полутора до трехъ рублей. Кромѣ этого ничтожнаго калыма, женихъ обязанъ былъ подарить невѣстѣ рубашку, шальвары и платокъ, а для свадебнаго праздника доставить барана. Само собою разумѣется, что, въ случаѣ согласія родителей или родственниковъ дѣвушки выдать ее замужъ безъ выкупа, свадьба обходилась и безъ этихъ расходовъ. Несмотря, однако, на всю незначительность калыма, онъ рѣдко вносился передъ свадьбою за одинъ разъ. Часто случалось также, что женихъ совѣмъ не уплачивалъ выкупа, а условившись предварительно въ его цѣнности, обязывался отдать его своей будущей женѣ впослѣдствіи. Обезпеченіемъ въ этомъ случаѣ служило обѣщаніе, данное при совершеніи брачнаго обряда и замѣняющее въ горахъ всевозможные акты. Совѣмъ другое дѣло было въ Чечнѣ, гдѣ калымъ доходилъ до 800 и даже иногда до 1.500 рублей сер. Понятно, что бѣольшая часть чеченцевъ не въ состояніи была внести такого выкупа, и многіе совѣмъ не вступали въ бракъ, такъ что, по словамъ Шамиля, онъ засталъ множество незамужнихъ женщинъ съ сѣдыми волосами и дряхлыхъ стариковъ, оставшихся холостяками. Тѣ же молодые люди, которые не хотѣли и не могли обречь себя на одиночество, старались избѣгнуть уплаты калыма, вслѣдствіе чего были безпрестанные побѣги дѣтей отъ родителей. Хотя подобныя эмансипаціи завершались обыкновенно законнымъ бракомъ, но общественное мнѣніе все-таки преслѣдовало ихъ и вызывало между двумя семействами непримиримую ненависть, обнаруживавшуюся кровавою расплатою за оскорбленіе, и это мщеніе распространялось не только на избѣгавшихъ калыма, но и на родныхъ, хотя бы послѣдніе вовсе не принимали никакого въ этомъ участія и даже не знали о случившемся. Съ цѣлью избавить семейства отъ позора и напрасной гибели и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратить происходящіе отъ того безпорядки, Шамиль собралъ изъ всѣхъ чеченскихъ обществъ старшинъ и, объяснивъ имъ всю несообразность существующаго у нихъ обычая и плачевныя его послѣдствія, предложилъ принять мѣры къ устраненію ихъ на будущее время. Старшины вполне согласились съ доводами

своего имама, вслѣдствіе чего устаовлены были размѣры калыма отъ 16 до 28 рублей. Доставивъ, такимъ образомъ, молодымъ людямъ возможность вступать въ бракъ, имамъ въ то же время принялъ мѣры, чтобы воспрепятствовать соединенію влюбленныхъ прежнимъ путемъ. Прежде бѣжавшіе изъ родительскаго дома спѣшили обыкновенно явиться къ первому муллѣ или просто грамотному человѣку, знающему обряды богослуженія, и просили его совершить надъ ними обрядъ бракосочетанія; послѣ чего молодые люди становились законными супругами, которыхъ не могла разлучить никакая власть. Въ предупрежденіе этого, Шамиль запретилъ мулламъ совершать надъ бѣглецами брачный обрядъ, подъ опасеніемъ зашитія рта; то же касается самихъ бѣглецовъ, то при поимкѣ ихъ приказалъ немедленно разлучать молодую чету и возвращать въ родительскіе дома, гдѣ, на основаніи правилъ шарріата, ихъ подвергали, какъ совершившихъ прелюбодѣяніе, ста палочнымъ ударамъ и затѣмъ на цѣлый годъ изгоняли изъ деревни. Хотя это постановленіе, или *низамъ*, издано было собственно для Чечни, но дагестанцы, въ видахъ увеличенія калыма, приняли его и у себя; тогда имамъ поспѣшилъ дополнить свой законъ примѣчаніемъ, предоставлявшимъ право уменьшать размѣры выкупа до произвольной величины, если только обѣ стороны изъявятъ на это согласіе. Все это относится до браковъ по собственному желанію жениха и невесты; но кромѣ того, Шамиль издалъ еще низамъ, клонившій къ понужденію родителей или родственниковъ выдавать скорѣе замужъ совершеннолѣтнихъ дѣвицъ *веселаго характера*, т.-е. рѣзвыхъ, бойкихъ, а слѣдовательно весьма недалекихъ, по его мнѣнію, отъ проступковъ, свойственныхъ ихъ возрасту и южной натурѣ. Дѣвицъ же, не отличавшихся этою чертою характера, имамъ строго запретилъ принуждать къ замужеству. Понудительныя мѣры заключались въ томъ, что наибъ или другой мѣстный начальникъ, получивъ свѣдѣніе о дѣвицѣ, одаренной „*веселымъ характеромъ*“, призывалъ главу семейства и дружески совѣтовалъ ему похлопотать о женихѣ для своей родственницы. Если глава семейства былъ догадливъ, то его отпускали съ миромъ домой, въ полной увѣренности, что данный совѣтъ не останется безъ исполненія. Когда же родственникъ упрямился и представлялъ различныя препятствія, тогда ему давался мѣсяць срока для выдачи веселой дѣвушки замужъ, а послѣ этого, въ случаѣ неисполненія совѣта, упрямца сажали въ яму, въ которой онъ и содержался до свадьбы его родственницы. Хотя это постановленіе Шамиль издалъ въ видахъ увеличенія числа законныхъ браковъ, но наобы, какъ чиновники, сумѣли сдѣлать его однимъ изъ источниковъ своихъ *невинныхъ* доходовъ.

Не менѣе заслуживаетъ вниманія и низамъ Шамиля по бракоразвод-

нымъ дѣламъ. Разводы у горцевъ—явленіе весьма обыкновенное, и въ Дагестанѣ случались чаще, нежели въ Чечнѣ, а въ селеніи Гимры, мѣсто-рожденіи Шамиля, чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ. Изъ числа слишкомъ четырехсотъ домовъ, составлявшихъ въ прежнее время это селеніе, по крайней мѣрѣ въ двухстахъ разыгрывались домашнія сцены, слѣдствіемъ которыхъ бывало разъединеніе супруговъ. Разводы обыкновенно происходили во время сбора винограда и выдѣлки вина. Горецъ, разгоряченный спиртными парами или подъ вліяніемъ своего раздражительнаго характера, очень часто, при первомъ удобномъ случаѣ, не задумываясь, трижды произносилъ роковое для женщины слово *талакъ* (разводъ) и потомъ, придя въ нормальное состояніе, хотя и видѣлъ, что поставилъ и себя, и жену, и весь свой домашній бытъ въ самое затруднительное положеніе, но дѣло было уже непоправимо, потому что произнесенное при свидѣтеляхъ слово *талакъ* имѣло всю силу законнаго акта. Независимо отъ разстройства хозяйства, въ слѣдствіе изгнанія главной распорядительницы, безъ которой оно существовать не могло, горецъ, разводясь съ женою, запутывался еще и тѣмъ, что по закону обязанъ былъ выплатить ей условленный калымъ. Впрочемъ, очень часто мужъ выгонялъ жену, не давая ей ничего, чѣмъ, конечно, ставилъ ее въ безвыходное положеніе. Чтобы избѣжать обязанности обезпечить бывшую жену и выдать ей все, что она внесла въ домъ мужа, горцы обыкновенно прибѣгали къ такой уловкѣ, отъ которой но отказался бы и цивилизованный дѣлецъ: подкупленные свидѣтели показывали, что все имущество, находящееся въ домѣ мужа, прогнавшаго жену, принадлежало не имъ, а продано, отдано или взято на сохраненіе. За такимъ объявленіемъ несчастная женщина теряла всякое право на дальнѣйшій искъ и оставалась безъ куска хлѣба, особенно, если не было у ней родственниковъ. Противъ этого, по выраженію Шамиля, „*нехоротаго обычая*“ онъ направилъ низамъ, пополнявшій пробѣлъ въ шаріатѣ. Для обезпеченія участи разводимыхъ женъ и въ огражденіе ихъ отъ корысти мужей, имамъ постановилъ признавать все движимое и недвижимое имущество, находящееся въ домѣ горца, неотъемлемою его собственностью, впредь до окончательнаго расчета съ женою, и только послѣ этого оно могло быть передано въ чужія руки, согласно его показанію или удостовѣренію свидѣтелей. Понятно, что эта мѣра вполне достигла своей цѣли и значительно уменьшила число разводовъ. Въ заключеніе, намъ остается прибавить, что жена, оставляющая мужа по собственной своей волѣ, возвращаетъ ему, въ свою очередь, свадебные подарки, исключая того случая, когда она требуетъ развода по извѣстнымъ законнымъ причинамъ; тогда супруги расходятся безъ всякаго взаимнаго вознагражденія.

Отрывокъ изъ повѣсти „Назаки“ *).

Вся часть терекской линіи, по которой расположены гребенскія станицы, около 80 верстъ длины, носитъ на себѣ одинаковый характеръ, и по мѣстности, и по населенію. Терекъ, отдѣляющій казаковъ отъ горцевъ, течетъ мутно и быстро, постоянно нанося сѣроватый песокъ на низкій, заросшій камышемъ, правый берегъ и подмывая обрывистый, хотя и не высокій, лѣвый берегъ съ корнями столѣтнихъ дубовъ, гніющихъ чинаузъ и молодого подроста. По правому берегу расположены мирные, но еще безпокойные аулы; вдоль по лѣвому берегу, въ полуверстѣ отъ воды, на разстояніи семи и восьми верстъ одна отъ другой, расположены станицы. Въ стариннѣ бѣльшая часть этихъ станицъ была на берегу; но Терекъ, каждый годъ отклоняясь къ сѣверу отъ горъ, подмылъ ихъ, и теперь видны только густо-заросшія старыя городища, сады, груши, лычи и райны, переплетенныя ежевичникомъ и одичавшимъ виноградникомъ. Никто уже не живетъ тамъ, и только видны по песку слѣды оленей, волковъ, зайцевъ и фазановъ, полюбившихъ эти мѣста. Отъ станицы до станицы идетъ дорога, прорубленная въ лѣсу на пушечный выстрѣлъ. По дорогѣ расположены кордоны, въ которыхъ стоятъ казаки; между кордонами, на вышкахъ, находятся часовые. Только узкая, сажень въ триста, полоса лѣсной плодородной земли, составляетъ владѣнія казаковъ. На сѣверъ отъ нихъ начинаются песчаные буруны Ногайской или Моздокской степи, идущей далеко на сѣверъ и сливающейся, Богъ знаетъ гдѣ, съ Трухменскими, Астраханскими и Киргизъ-Кайсацкими степями. На югъ за Терекомъ — Большая Чечня, Кочколосовскій хребетъ, Черныя горы, еще какой-то хребетъ, и, наконецъ, снѣжныя горы, которыя только видны, но въ которыхъ никто никогда еще не былъ. Въ этой-то плодородной, лѣсной и богатой растительностью полосѣ, живетъ съ незапамятныхъ временъ воинственное, красивое и богатое, старовѣрческое, русское населеніе, называемое гребенскими казаками.

Очень, очень давно, предки ихъ, старовѣры, бѣжали изъ Россіи и поселились за Терекомъ, между чеченцами на Гребнѣ, первомъ хребтѣ лѣсистыхъ горъ Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились съ ними и усвоили себѣ обычаи, образъ жизни и нравы горцевъ; но

*) Этотъ отрывокъ изъ повѣсти Л. Н. Толстого помѣщается въ книгу не какъ „беллетристика“, а въ качествѣ вѣрнаго этнографическаго очерка внутренняго быта терскихъ казаковъ стараго —военнаго—времени.

удержали и тамъ, во всей прежней чистотѣ, русскій языкъ и старую вѣру. Преданіе, еще до сихъ поръ свѣжее между казаками, говоритъ, что царь Иванъ Грозный пріѣзжалъ на Терекъ, вызывалъ съ Гребня къ своему лицу стариковъ, дарилъ имъ землю по сю сторону рѣки, увѣщевалъ жить въ дружбѣ и обѣщалъ не принуждать ихъ ни къ подданству, ни къ перемѣнѣ вѣры. Еще до сихъ поръ казацкіе роды считаются родствомъ съ чеченскими, и любовь къ свободѣ, праздности, грабежу и войнѣ составляютъ главные черты ихъ характера. Щегольство въ одеждѣ состоитъ въ подражаніи черкесу. Лучшее оружіе добывается отъ горца, лучшія лошади покупаются и крадутся у нихъ же. Молодецъ казакъ щеголяетъ знаніемъ татарскаго языка и, разгулявшись, даже съ своимъ братомъ говоритъ по-татарски. Несмотря на то, этотъ христіанскій народецъ, заключенный въ уголъ земли, окруженный полудикими магометанскими племенами и солдатами, считаетъ себя на высокой степени развитія и признаетъ челоуѣкомъ только одного казака; на все же остальное смотритъ съ презрѣніемъ. Казакъ большую часть времени проводитъ на кордонахъ, въ походахъ, на охотѣ или рыбной ловлѣ. Онъ почти никогда не работаетъ дома. Пребываніе его въ станицѣ есть исключеніе изъ правила, и тогда онъ гуляетъ. Вино у казаковъ у всѣхъ свое, и пьянство есть не столько общая всѣмъ склонность, сколько обрядъ, неисполненіе котораго сочлось бы за отступничество. На женщину казакъ смотритъ какъ на орудіе своего благосостоянія; дѣвкѣ только позволяетъ гулять, бабу же заставляетъ съ молодости и до глубокой старости работать для себя и смотреть на женщину съ восточнымъ требованіемъ покорности и труда. Вслѣдствіе такого взгляда, женщина, успенно развиваясь и физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получаетъ, какъ вообще на востокѣ, безъ сравненія большее, чѣмъ на Западѣ, вліяніе и вѣсъ въ домашнемъ быту. Удаленіе ее отъ общественной жизни и привычка къ мужской тяжелой работѣ даютъ ей тѣмъ большій вѣсъ и силу въ домашнемъ быту. Казакъ, который при постороннихъ считаетъ неприличнымъ ласково или праздно говорить съ своею бабой, невольно чувствуетъ ея превосходство, оставаясь съ ней съ глазу на глазъ. Весь домъ, все имущество, все хозяйство пріобрѣтено ею и держится только ея трудами и заботами. Хотя онъ и твердо убѣжденъ, что трудъ постыденъ для казака и приличенъ только работнику ногайцу и женицинѣ, онъ смутно чувствуетъ, что все, чѣмъ онъ пользуется и называетъ своимъ, есть произведеніе этого труда, и что во власти женщины, матери или жены, которую онъ считаетъ своею холопкой, лишить его всего, чѣмъ онъ пользуется. Кромѣ того, постоянный мужской, тяжелый трудъ и заботы, переданныя ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характеръ гребенской женицинѣ и поразительно развили въ ней

физическую силу, здравый смысл, рѣшительность и стойкость характера. Женщины большею частью и сильнѣе, и умнѣе, и развитѣе, и красивѣе казаковъ. Красота гребенской женщины особенно поразительна соединеніемъ самаго чистаго типа черкесскаго лица съ широкимъ и могучимъ сложениемъ сѣверной женщины. Казачки носятъ одежду черкесскую: татарскую рубаху, бешметъ и чупаки; но платки завязываютъ по-русски. Щегольство, чистота и изящество въ одеждѣ и убранствѣ хатъ составляютъ привычку и необходимость ихъ жизни. Въ отношеніяхъ къ мужчинамъ, женщины, и особенно дѣвки, пользуются совершенной свободой. Станица Новомлинская считалась корнемъ гребенскаго казачества. Въ ней, болѣе чѣмъ въ другихъ, сохранились нравы старыхъ гребенцовъ, и женщины этой станицы изстари славилась своею красотой по всему Кавказу. Средства жизни казаковъ составляютъ виноградные и фруктовые сады, бахчи съ арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посѣвы кукурузы и проса и военная добыча.

Новомлинская станица стоитъ въ трехъ верстахъ отъ Терека, отдѣляясь отъ него густымъ лѣсомъ. Съ одной стороны дороги, проходящей чрезъ станицу, — рѣка; съ другой — зеленѣютъ виноградные и фруктовые сады, и виднѣются песчаные буруны (наносные пески) Ногайской степи. Станица обнесена землянымъ валомъ и колючимъ терновникомъ. Выѣзжаютъ изъ станицы и въѣзжаютъ въ нее высокими на столбахъ воротами, съ небольшою, крытою камышемъ, крышкою, около которыхъ стоитъ на деревянномъ лафетѣ пушка, уродливая, сто лѣтъ не стрѣлявшая, когда-то отбитая казаками. Казакъ въ формѣ, въ шашкѣ и ружьѣ, иногда стоитъ, иногда не стоитъ на часахъ у воротъ; иногда дѣлаетъ, иногда не дѣлаетъ фронтъ проходящему офицеру. Подъ крышкою воротъ, на бѣлой дощечкѣ черною краскою написано: „домовъ 266, мужскаго пола 897, женскаго пола 1012“. Дома казаковъ все подняты на столбахъ отъ земли на аршинъ и болѣе, опрятно покрыты камышомъ, съ высокими князьками. Все, ежели не новы, то прямы, чисты, съ разнообразными высокими крылечками, и не прилѣплены другъ къ другу, а просторно и живописно расположены широкими улицами и переулками. Передъ свѣтлыми, большими окнами многихъ домовъ, за огородами, поднимаются выше хатъ темно-зеленыя рапвы, нѣжныя свѣтлолиственныя акаціи съ бѣлыми душистыми цвѣтами, и тутъ же нагло блестящіе желтые подсолнухи и вьющіеся лозы травянокъ и винограда. На широкой площади виднѣются три лавочки съ краснымъ товаромъ, сѣмечкомъ, стручками и пряниками; и за высокою оградой, изъ-за ряда старыхъ раннѣ, виднѣется, длиннѣе и выше всехъ другихъ, домъ полкового командира со створчатыми окнами. Народа, особенно лѣтомъ, всегда немного виднѣется въ будни по улицамъ станицы. Казаки на службѣ:

на кордонахъ и въ походѣ; старики на охотѣ, рыбной ловлѣ или съ бабами на работѣ въ садахъ и огородахъ. Только совсѣмъ старыя, малыя и больныя остаются дома.

Быль тотъ особенный вечеръ, который бываетъ только на Кавказѣ. Солнце зашло за горы, но было еще свѣтло. Заря охватила треть неба, и на свѣтѣ зари рѣзко отдѣлялись бѣломатовыя громады горъ. Воздухъ былъ рѣдокъ, неподвиженъ и звученъ. Длинная, въ нѣсколько верстъ, тѣнь ложилась отъ горъ на степи. Въ степи, за рѣкой, по дорогамъ, вездѣ было пусто. Еслии рѣдко-рѣдко гдѣ покажутся верховые, то уже казаки съ кордона и чеченцы изъ аула съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрятъ на верховыхъ и стараются догадаться, кто могутъ быть эти недобрыя люди. Какъ вечеръ, такъ люди, изъ страха другъ передъ другомъ, жмутся къ жильямъ, и только звѣрь и птица, не боясь человѣка, свободно рыщутъ въ этой пустынѣ. Изъ садовъ спѣшать съ веселымъ говоромъ, до захожденія солнца, казачки, привязывавшія плети винограда. И въ садахъ становится пусто, какъ и во всей окрестности; но станица въ эту пору вечера особенно оживляется. Со всѣхъ сторонъ подвигается пѣшкомъ, верхомъ и на скрипучихъ арбахъ народъ къ станицѣ. Дѣвки въ подоткнутыхъ рубахахъ, съ хворостинами, весело болтая, бѣгутъ къ воротамъ навстрѣчу скотницѣ, которая толпится въ облакѣ пыли и комаровъ, приведенныхъ ею за собой изъ степи. Сытыя коровы и буйволыцы разбредаются по улицамъ, и казачки въ цвѣтныхъ бешметахъ снуютъ между ними. Слышенъ ихъ рѣзкій говоръ, веселый смѣхъ и визги, перебиваемые ревомъ скотины. Тамъ казакъ, въ оружіи, верхомъ, выпросившійся съ кордона, подъѣзжаетъ къ хатѣ и, перегляываясь къ окну, постукиваетъ въ него, и велѣдъ за стукомъ показывается красная молодая голова казачки, и слышатся улыбающіяся ласковыя рѣчи. Тамъ скуластый, оборванный работникъ ногаецъ, пріѣхавъ съ камышомъ изъ степи, поворачиваетъ скринящую арбу на чистомъ широкому дворѣ есаула и скидаетъ ярмо съ мотающихъ головами быковъ и перекликается по-татарски съ хозяиномъ. Около лужи, занимающей почти всю улицу и мимо которой столько лѣтъ проходятъ люди, съ трудомъ лѣпясь по заборамъ, пробирается босая казачка съ вязанкой дровъ за спиной, высоко поднимая рубаху надъ бѣлыми ногами, и возвращающійся казакъ-охотникъ шутя кричитъ: „выше подними, срамница!“—и цѣлится въ нее; казачка опускаетъ рубаху и ровняетъ дрова. Старикъ казакъ, съ засученными штанами и раскрытою сѣдою грудью, возвращаясь съ рыбной ловли, несетъ черезъ плечо въ *санеткѣ* *) еще бьющихся серебрястыхъ

*) Наметкѣ.

шамаекъ и, чтобы ближе пройти, лѣзетъ черезъ проломанный заборъ со-
сѣда и отдираетъ отъ забора зацѣпившійся зипунъ. Тамъ баба тащитъ
сухой сукъ, и слышатея удары топора за угломъ. Визжать казачата, го-
няющіе кубари на улицахъ вездѣ, гдѣ вышло ровное мѣсто. Черезъ за-
боры, чтобы не обходить, перелѣзаютъ бабы. Изъ всѣхъ трубъ подни-
мается дымъ кизяка. На каждомъ дворѣ слышатея усиленная хлопотня,
предшествующая тишинѣ ночи.

Бабука Улитка, жена хорунжаго и школьнаго учителя такъ же, какъ и
другія, вышла къ воротамъ своего двора и ожидаетъ скотину, которую
по улицѣ гонитъ ея дѣвка Марьянка. Она не успѣла еще отворить плетня,
какъ громадная буйволица, провожаемая комарами, мыча, проламывается
сквозь ворота: за ней медленно идутъ сытыя коровы, большими глазами
признавая хозяйку и хвостомъ мѣрно хлеща себя по бокамъ. Стройная
красавица, Марьянка, проходитъ въ ворота и, бросая хворостину, закиды-
ваетъ плетень и со всѣхъ рѣзвыхъ ногъ бросается разбивать и загонять
на дворѣ скотину. „Разуйся, чортова дѣвка“,—кричитъ мать:—„чувяки-то
всѣ истоптала.“ Марьяна несколько не оскорбляется названіемъ „чортовой
дѣвки“ и принимаетъ эти слова за ласку и весело продолжаетъ свое дѣло.
Лицо Марьяны закрыто обвязаннымъ платкомъ; на ней розовая рубаха и
зеленый бешметъ. Она скрывается подъ навѣсомъ двора, вслѣдъ за жир-
ной крупной скотиной, и только слышатея изъ клѣтки ея голосъ, вѣжно
уговаривающій буйволицу: „Не постопт! Эка ты! Ну тебя, ну матушка!“...
Вскорѣ приходитъ дѣвка съ старухой изъ закуты въ *избушку* *), и обѣ
несутъ два большихъ горшка молока—подой нынѣшняго дня. Изъ глина-
ной трубы избушки скоро поднимается дымъ кизяка, молоко передѣлывается
въ каймакъ;—дѣвка разжигаетъ огонь, а старуха выходитъ къ воротамъ.
Сумерки охватили уже станицу. По всему воздуху разлитъ запахъ овоща,
скотины и дыма кизяка. У воротъ и по улицамъ вездѣ перебѣгаютъ ка-
зачки, несущія въ рукахъ зажженные тряпки. На дворѣ слышно выхтѣнье
и спокойная жвачка опроставшейся скотины, и только женскіе и дѣтскіе
голоса перекликаются по дворамъ и по улицамъ. Въ будни рѣдко когда
заслышатея мужской нынный голосъ.

Мужское населеніе станицы живетъ въ походахъ и на кордонахъ, или
постахъ, какъ называютъ казаки. Казакъ Лукашка, *урванъ*, передъ вече-
ромъ стоялъ на вынкѣ Нижне-Протоцкаго поста. Нижне-Протоцкій постъ—
на самомъ берегу Терека. Облокотившись на перилы вынки, онъ, шу-
рясь, поглядывалъ то на даль за Терекомъ, то внизъ на товарищей каза-

*) Избушкой у казаковъ называется низенькій, холодный срубець,
гдѣ кипятится и сберегается молочный скопъ.

ковъ и нѣрѣдка заговаривалъ съ ними. Солнце уже приближалось къ снѣговому хребту, бѣлѣвшему надъ курчавымъ облаками. Облака, волнуясь у его подошвы, принимали болѣе и болѣе темныя тѣни. Въ воздухѣ разливалась вечерняя прозрачность. Изъ заросшаго дикаго лѣса тянуло свѣжестью, но около поста еще было жарко. Голоса разговаривавшихъ казаковъ звучнѣе раздавались и стояли въ воздухѣ. Коричневый быстрый Терекъ отчетливѣе отдѣлялся отъ неподвижныхъ береговъ всею своею подвигающеюся массой. Онъ начиналъ сбывать, и кое-гдѣ мокрый песокъ бурѣлъ на берегахъ, и на отмеляхъ. Прямо противъ кордона, на томъ берегу, все было пусто; только низкіе, безконечные и пустынные камыши тянулись до самыхъ горъ. Немного въ сторонѣ видѣлись на низкомъ берегу глиняные дома, плоскія крыши и воронко-образныя трубы чеченскаго аула. Зоркіе глаза казака, стоявшаго на вышкѣ, слѣдили въ вечернемъ дыму мирнаго аула за движущимися фигурами издалека видѣвшихся чеченокъ въ синихъ и красныхъ одеждахъ.

Несмотря на то, что казаки каждый часъ ожидали переправы и нападенія *абрековъ* *) съ татарской стороны, особенно въ маѣ мѣсяцѣ, когда лѣсъ по Тереку такъ густъ, что иѣшему трудно пролѣзть черезъ него, а рѣка такъ мелка, что кое-гдѣ можно переѣзжать ее въ бродѣ, и, несмотря на то, что дня два тому назадъ *прибѣгаль* **) отъ полкового командира казакъ съ *цыдулкой* ***), въ которой значилось, что, по полученнымъ черезъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, партія въ восемь человекъ намѣрена переправиться черезъ Терекъ, и потому предписывается наблюдать особую осторожность,—на кордонѣ не соблюдалось особенной осторожности. Казаки, какъ дома, безъ осѣдланыхъ лошадей, безъ оружія занимались кто рыбною ловлей, кто пьянствомъ, кто охотой. Только лошадь дежурнаго, осѣдланная, ходила въ тревогѣ по тернамъ около лѣса, и только часовой казакъ былъ въ черкескѣ, ружьѣ и шашкѣ. Урядникъ, высокій худощавый казакъ, съ чрезвычайно длинною спиною и маленькими ногами и руками, въ одномъ разстегнутомъ бешметѣ, сидѣлъ на завалинѣ избы и съ выраженіемъ начальнической лѣни и скуки, закрывъ глаза, переваливалъ голову съ руки на руку. Пожилой казакъ, съ широкою, сѣдоватою, черною бородою, въ одной подпоясанной чернымъ ремнемъ рубахѣ, лежалъ у самой воды и лѣниво смотрѣлъ на однообразный, бурлившій и заворачивающій Терекъ. Другіе, также измученные жаромъ, полурасдѣтые, кто полоскалъ бѣлье въ Терекѣ, кто вязалъ уздечку, кто лежалъ на землѣ, мурлыкая

*) Абрекомъ называется немирный чеченецъ, съ цѣлью воровства или грабежа переправившійся на русскую сторону Терека.

**) Прибѣгаль значитъ на казачьемъ нарѣчій пріѣзжалъ верхомъ.

***) Цыдулой пазывается циркуляръ, разсылаемый по постамъ.

пѣсню на горячемъ пескѣ берега. Однакъ изъ казаковъ съ худымъ и черно-загорѣлымъ лицомъ, видимо-мертвецки пьяный, лежалъ навзничъ у одной изъ стѣнъ избы, часа два тому назадъ бывшей въ тѣни, но на которую теперь прямо падали жгучіе косые лучи.

Лукашка, стоявшій на вышкѣ, былъ высокій, красивый малый, лѣтъ двадцати. Лицо и все сложеніе его, несмотря на угловатость молодости, выражали большую физическую и нравственную силу. Несмотря на то, что онъ недавно былъ *собранный* въ строевые, по широкому выраженію его лица и спокойной увѣренности позы видно было, что онъ уже успѣлъ принять свойственную казакамъ и вообще людямъ, постоянно носящимъ оружіе, воинственную и нѣсколько гордую осанку, что онъ казакъ и знаетъ себѣ цѣну не ниже настоящей. Широкая черкеска была кое-гдѣ порвана, шапка была заломлена назадъ по-чеченски, ноговицы спущены ниже колѣнъ. Одежда его была небогатая, но она сидѣла на немъ съ тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоить въ подражаніи чеченскимъ джигитамъ. На настоящемъ джигитѣ все всегда широко, оборвано. небрежно; одно оружіе богато. Но надѣто, подпоясано и пригнуто это оборванное платье и оружіе однимъ извѣстнымъ образомъ, который дается не каждому, и который сразу бросается въ глаза казаку или горцу. Лукашка имѣлъ этотъ видъ джигита. Заложивъ руки за спину и щуря глаза, онъ все вглядывался въ дальній аулъ. Порознь черты лица его были не хороши, но взглянувъ сразу на его статное сложеніе, чернобровое, умное лицо, всякій невольно сказалъ бы: „молодецъ малый“.

Солнце уже скрылось, и ночныя тѣни быстро надвинулись со стороны тѣса. Казаки кончили свои занятія около кордона и собрались къ ужину въ избу.

Было уже совсѣмъ темно, когда дядя Ерощка и трое казаковъ съ кордона, въ буркахъ и съ ружьями за плечами, прошли вдоль по Тереку на мѣсто, назначенное для секрета. Назарка вовсе не хотѣлъ идти, но Лука крикнулъ на него, и они живо собрались. Пройдя молча нѣсколько шаговъ, казаки свернули съ канавы и по чуть замѣтной тропинкѣ въ камышахъ подошли къ Тереку. У берега лежало толстое черное бревно, выкинутое водой, и камышъ вокругъ бревна былъ свѣжо примятъ.

— Здѣсь что-ль сидѣть?—сказалъ Назарка.

— А то чего-жь?—сказалъ Лукашка:—садись здѣсь.

— Самое тутъ хорошее мѣсто: насъ не видать, а намъ видно,—сказалъ Ергушовъ:—тутъ и сидѣть; самое первое мѣсто!

Лукашка вскинулъ выше бурку и одинъ пошелъ по берегу, быстро поглядывая то нагъво, на стѣну камышей, то на Терекъ, бурлившій подтѣ подъ берегомъ. „Вѣдь тоже караулить или ползеть гдѣ-нибудь“,— подумалъ онъ про чеченца. Вдругъ сильный шорохъ и плесканье въ водѣ заставили его вздрогнуть и схватиться за винтовку; изъ-подъ берега, отдуваясь выскочилъ кабанъ, и черная фигура, отдѣлившись на мгновение отъ глянцевитой поверхности воды, скрылась въ камышахъ. Лука быстро выхватилъ ружье, приложился, но не успѣлъ выстрѣлить: кабанъ уже скрылся въ чащѣ. Плонувъ съ досады, онъ пошелъ дальше. Воротясь къ мѣсту секрета, онъ снова приостановился и слегка свистнулъ. Свистокъ откликнулся, и онъ подошелъ къ товарищамъ.

Назарка, свернувшись, уже спалъ. Ергушовъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, и немного посторонился, чтобы дать мѣсто Лукашкѣ.

— Какъ спдѣтъ весело; право мѣсто хорошее,—сказалъ онъ.

— А сейчасъ я какого здороваго кабана у самой воды стронулъ! Должно тотъ самый! Ты небось слышалъ, какъ затрещалъ?

— Слышалъ, какъ затрещалъ звѣрь, — я сейчасъ узналъ, что звѣрь. Такъ и думаю: Лукашка звѣря снугнулъ,—сказалъ Ергушовъ, завертываясь въ бурку.—Я теперь засну,—прибавилъ онъ:—ты разбуди послѣ пѣтуховъ; потому—порядокъ надо. Я засну, поспимъ; а тамъ ты заснешь, я посижу; такъ-то.

— Я и спать, спасибо, не хочу,—отвѣтилъ Лукашка.

Ночь была темная, теплая и безвѣтренная. Только съ одной стороны небосклона свѣтились звѣзды; другая и большая часть неба, отъ горъ, была заволочена одною большою тучею. Черная туча, сливаясь съ горами, безъ вѣтра, медленно подвигалась дальше и дальше, рѣзко отдѣляясь своими изогнутыми краями отъ глубокаго звѣзднаго неба. Только вперед казаку виднѣлся Терекъ и даль; сзади и съ боковъ, его окружала стѣна камышей. Камыши изрѣдка, какъ будто безъ причины, начинали колебаться и шуршать другъ о друга. Равномѣрные ночные звуки, шуршанье камышницъ, храпѣнье казаковъ, жужжанье комаровъ и теченіе воды прерывались изрѣдка то дальнимъ выстрѣломъ, то бульканьемъ отвалившагося берега, то всплескомъ большой рыбы, то трескомъ звѣря по дикому заросшему лѣсу. При всякомъ такомъ неожиданномъ звукѣ, слухъ неспавшаго казака усиленно напрягался, глаза шурлились, и онъ неторопливо ощупывалъ винтовку.

Прошла большая часть ночи. Черная туча, протянувшись на западъ, изъ-за своихъ разорванныхъ краевъ открыла чистое звѣздное небо, и перевернутый золотистый рогъ мѣсяца красно засвѣтился надъ горами. Стало прохватывать холодомъ. Назарка проснулся, поговорилъ и опять

заснулъ. Лукашка соскучился, всталъ, досталъ ножикъ изъ-подъ кинжала и началъ строгать палочку на шомполь. Въ головѣ его бродили мысли о томъ, какъ тамъ въ горахъ живутъ чеченцы, какъ ходятъ молодцы на эту сторону, какъ не бояться они казаковъ и какъ могутъ переправиться въ другомъ мѣстѣ. И онъ высовывался и глядѣлъ вдоль рѣки, но ничего не было видно. Онъ опять сталъ оглядываться. Одна большая черная карча, съ сукомъ, особенно обратила его вниманіе. Какъ-то странно, не перекачиваясь и не крутясь, плыла эта карча по самой серединѣ. Ему даже показась, что она плыла не по теченію, а перебивала Терекъ на отмель. Лукашка, вытянувъ шею, началъ пристально слѣдить за ней. Карча подплыла къ мели, остановилась и странно зашевелилась. Лукашкѣ замерещилось, что показалась рука изъ-подъ карчи. „Вотъ какъ аб-река одинъ убью!“—подумалъ онъ, схватился за ружье, неторопливо, но быстро разставилъ подсошки, положилъ на нихъ ружье, не слышно, придерживавъ, взвелъ курокъ и, пританувъ дыханіе, сталъ цѣлиться, все всматриваясь. „Будить не стану“,—думалъ онъ. Однако сердце застучало у него въ груди такъ сильно, что онъ остановился и прислушался. Карча вдругъ бутыхнула и снова поплыла, перебивая воду, къ нашему берегу. „Не пропустить бы!“—подумалъ онъ, и вотъ, при слабомъ свѣтѣ мѣсяца, ему мелькнула татарская голова впереди карчи. Онъ навелъ ружьемъ прямо на голову. Она ему показалась совѣтъ близко, на концѣ ствола. Онъ глянулъ черезъ. „Онъ и есть, абрекъ“,—подумалъ онъ радостно, и вдругъ порывисто вскочивъ на колѣна, снова повелъ ружьемъ, высмотрѣлъ цѣль, которая чуть видѣлась на концѣ длинной винтовки, и по казачьей, съ дѣтства усвоенной привычкѣ, проговоривъ: „Отцу и Сыну“—пожалъ шишечку спуска. Блеснувшая молнія на мгновеніе освѣтила камыши и воду. Рѣзкій, отрывистый звукъ выстрѣла разнесся по рѣкѣ, и гдѣ-то далеко перешель въ грохотъ. Карча уже поплыла не поперекъ рѣки, а внизъ по теченію, крутясь и колыхаясь.

— Держи, я говорю!—закричалъ Ергушовъ, ощупывая винтовку и приподнимаясь изъ-за чурбана.

— Молчи, чортъ!—стиснувъ зубы, прошепталъ на него Лука: — абреки!

— Кого стрѣлили?—спрашивалъ Назарка:—кого стрѣлили, Лукашка? Лукашка ничего не отвѣчалъ. Онъ заряжалъ ружье и слѣдилъ за упиывающею карчей. Неподалеку остановилась она на отмели, и изъ-за нея показалось что-то большое, покачиваясь на водѣ.

— Чего стрѣлилъ? Что не сказываешь?—повторили казаки.

— Абреки! сказываютъ тебѣ, повторилъ Лука.

— Будеть брехать-то! Али такъ выпалило ружье-то?..

— Абрека убилъ! Вотъ что стрѣлилъ,—проговорилъ сорвавшимся отъ волненія голосомъ Лукашка, вскакивая на ноги:—Человѣкъ плыль...—сказалъ онъ, указывая на отмель.—Я его убилъ. Глянь-ка сюда.

— Будеть врать-то,—повторилъ Ергушовъ, протирая глаза.

— Чего будетъ? Вотъ гляди! Гляди сюда,—сказалъ Лукашка, схватывая его за плечи и пригибая къ себѣ съ такою силою, что Ергушовъ охнулъ.

Ергушевъ посмотрѣлъ по тому направленію, куда указывалъ Лука, и рассмотрѣвъ тѣло, вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Эна! Я тебѣ говорю, другіе будутъ, вѣрно тебѣ говорю,—сказалъ онъ тихо, и сталъ осматривать ружье.—Это передовой плыль; либо ужъ здѣсь, либо недалече на той сторонѣ; я тебѣ вѣрно говорю!

Лукашка распоясаяся и сталъ скидывать черкеску.

— Куда ты, дуракъ?—крикнулъ Ергушовъ;—сунься только, ни за что пропадешь, я тебѣ вѣрно говорю. Коли убилъ, не уйдетъ. Дай на трусы порошку подсыпать. У тебя есть? Назаръ! ты ступай живо въ кордонъ, да не по берегу ходи, убьютъ, вѣрно говорю!

— Такъ я одинъ и пошелъ! Ступай самъ,—сказалъ сердито Назарка.

Лукашка, снявъ черкеску, подошелъ къ берегу.

— Не лазай, говорятъ!—проговорилъ Ергушовъ, подсыпая порохъ на полку ружья. — Вишь не шолохнется, ужъ я вижу. До утра не далече. дай съ кордона прибѣгутъ. Ступай, Назаръ; эка робѣешь! Не робѣй, я говорю.

— Лука, а Лука,—говорилъ Назарка:—да ты скажи, какъ убилъ.

Лука раздумалъ тотчасъ же лѣзть въ воду.

— Ступайте на кордонъ живо, а я посижу. Да казакамъ велите въ развѣздъ послать. Коли на этой сторонѣ... ловить надо.

— Я говорю, уйдутъ,—сказалъ Ергушовъ, поднимаясь,—ловить надо. вѣрно.

И Ергушовъ съ Назаркой встали и, перекрестившись, пошли къ кордону, но не берегомъ, а ломаясь черезъ терны и пролѣзая на лѣсную дорожку.

— Ну, смотри, Лука, не шелохнись,—проговорилъ Ергушовъ,—а то тоже здѣсь срѣжутъ тебя. Ты смотри, не зѣвай, я говорю.

— Иди, знаю,—проговорилъ Лука и, осмотрѣвъ ружье, сѣлъ опять за чурбанъ.

Лукашка сидѣлъ одинъ, смотрѣлъ на отмель и прислушивался, не слышать ли казаковъ; но до кордона было далеко, а его мучило нетерпѣніе, онъ такъ и думалъ, что вотъ уйдутъ тѣ абреки, которые шли съ убитымъ.

Какъ на кабана, который ушелъ вечеромъ. досадно было ему на абрековъ, которые уйдуть теперь. Онъ поглядывалъ то вокругъ себя, то на тотъ берегъ, ожидая вотъ-вотъ увидать еще человѣка, и приладивъ подсопкп, готовъ былъ стрѣлять. О томъ, чтобъ его убили, ему и въ голову не приходило...

Максимъ Максимычъ.

Отличительное преимущество произведеній гениальныхъ писателей заключается, прежде всего, въ томъ, что они *вѣчно живутъ* и никогда не старѣютъ: время не простираетъ надъ ними своего разрушительнаго дѣйствія,—и они вѣчно юны и свѣжи, и интересны. Таковы именно рассказы, заключающіеся въ эпизодическомъ романѣ Лермонтова „Герой нашего времени“, взятые изъ кавказской жизни. Хотя со времени написанія этихъ рассказовъ прошло шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, но встрѣчающіеся въ нихъ типы еще и понынѣ живутъ на Кавказѣ, хотя и въ нѣсколько персродженномъ и измѣнившемся видѣ. И по сіе время мы, жители Кавказа, встрѣчаемъ еще и добродушныхъ Максимовъ Максимычей, и фатоватыхъ Печоринныхъ, а уголовныя хроникп окружныхъ судовъ знакомятъ насъ время отъ времени съ Казбичами и Азаматами... Только всѣ эти типы стали мельче и какъ бы меньше ростомъ... Но 60—50 лѣтъ назадъ они были именно такими, какими изобразилъ ихъ въ своемъ безсмертномъ произведеніи безсмертный поэтъ, погибшій и самъ на томъ Кавказѣ, который онъ такъ картинно описалъ и въ стихахъ, и въ той прозѣ, откуда мы беремъ этотъ рассказъ.

.

Разставшись съ Максимомъ Максимычемъ, я живо проскакалъ Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракалъ въ Казбекѣ, чай пилъ въ Ларсѣ, а къ ужину поспѣшилъ въ Владикавказъ. Избавляю васъ отъ описанія горъ, отъ возгласовъ, которые ничего не выражаютъ, отъ картинъ, которые ничего не изображаютъ, особенно для тѣхъ, которые тамъ не были, и отъ статистическихъ замѣчаній, которыхъ рѣшительно никто читать не станетъ.

Я остановился въ гостиницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжіе и гдѣ, между тѣмъ, некому велѣтъ жарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которымъ она поручена, такъ глупы или такъ пьяны, что отъ нихъ никакого толка нельзя добиться.

Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо „оказія“ изъ Екатеринограда еще не пришла и, слѣдовательно, отправиться обратно не можетъ. Что за оказія! Но дурной каламбуръ не утѣшеніе для русскаго человѣка, и я для развлечения вздумалъ записывать рассказъ Максима Максимыча о Балѣ, не воображая, что онъ будетъ первымъ звеномъ длинной цѣпи повѣстей: видите, какъ иногда маловажный случай имѣетъ жестокія послѣдствія!.. А вы, можетъ быть, не знаете, что такое „оказія“? Это — прикрытіе, состоящее изъ полроты пѣхоты и пушки, съ которымъ ходятъ обозы чрезъ Кабарду, изъ Владикавказа въ Екатериноградъ.

Первый день я провелъ очень скучно; на другой рано утромъ вѣзжаешь на дворъ повозка... А! Максимъ Максимычъ!.. Мы встрѣтились какъ старые пріятели. Я предложилъ ему свою комнату; онъ не церемонился, даже ударилъ меня по плечу и скривилъ ротъ на манеръ улыбки. Такой чудакъ!..

Максимъ Максимычъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ поваренномъ искусствѣ: онъ удивительно хорошо зажарилъ фазана, удачно полилъ его огуречнымъ рассоломъ, и я долженъ признаться, что безъ него пришлось бы остаться на сухояденіи. Бутылка кахетинскаго помогла намъ забыть о скромномъ числѣ блюдъ, которыхъ было всего одно, и, закуривъ трубки, мы усѣлись—я у окна, онъ у затопленной печи, потому что день былъ сырой и холодный. Мы молчали. О чемъ было намъ говорить?... Онъ ужъ рассказалъ мнѣ о себѣ все, что было занимательнаго, а мнѣ нечего было рассказывать. Я смотрѣлъ въ окно. Множество низенькихъ домиковъ, разбросанныхъ по берегу Терека, который разбѣгается шире и шире, мелькало изъ-за деревьевъ, а дальше синѣли зубчатою стѣною горы, и изъ-за нихъ выглядывалъ Казбекъ въ своей бѣлой архіерейской шапкѣ. Я съ ними мысленно прощался: мнѣ стало ихъ жалко...

Такъ сидѣли мы долго. Солнце пряталось за холодныя вершины, и бѣловатый туманъ начиналъ расходиться въ долинахъ, когда на улицѣ раздался звонъ дорожнаго колокольчика и крикъ извозчиковъ. Нѣсколько повозокъ съ грязными армянами вѣхали на дворъ гостиницы и за ними пустая дорожная коляска; ея легкій ходъ, удобное устройство и щегольской видъ имѣли какой-то заграничный отпечатокъ. За нею шелъ человѣкъ съ большими усами, въ венгеркѣ, довольно хорошо одѣтый для лакея; въ его званіи нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, съ которою онъ вытряхивалъ золу изъ трубки и покрикивалъ на ямщика. Онъ явно былъ балованный слуга лѣниваго барина—нѣчто въ родѣ русскаго Фигаро.— „Скажи, любезный,—закричалъ я ему въ окно,—что это—оказія пришла, что ли?“— Онъ посмотрѣлъ довольно дерзко, поправилъ галстухъ и отвернулся; шедшій возлѣ него армянинъ, улыбаясь, отвѣчалъ за него, что точно пришла оказія и завтра утромъ отправится обратно.— „Слава Богу!“— ска-

заль Максимъ Максимычь, подошедшій къ окну въ это время. „Экая чудная коляска!“—прибавилъ онъ:—„вѣрно какой-нибудь чиновникъ ѣдетъ на слѣдствіе въ Тифлисъ. Видно, не знаетъ нашихъ горокъ! Нѣтъ, шутишь, любезный: онъ не свой братъ, растрясуть хоть англійскую!“—„А кто бы это такое былъ—подойдете-ка узнать...“ Мы вышли въ коридоръ. Въ концѣ коридора была отворена дверь въ боковую комнату. Лакей съ извозчикомъ перетаскивали въ нее чемоданы.

— Послушай, братецъ,—спросилъ у него штабсъ-капитанъ:—чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!..—Лакей, не оборачиваясь, бормоталъ что-то про себя, развязывая чемоданъ. Максимъ Максимычь разсердился: онъ тронулъ неучтивца по плечу и сказалъ:—я тебѣ говорю, любезный...

— Чья коляска?.. Моего господина...

--- А кто твой господинъ?

— Печоринъ.

— Что ты? что ты? Печоринъ?.. Ахъ, Боже мой!.. да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?..—воскликнулъ Максимъ Максимычь, дернувъ меня за рукавъ. У него въ глазахъ сверкала радость.

— Служилъ, кажется—да я у нихъ недавно.

— Ну, такъ!.. такъ!.. Григорій Александровичъ?.. Такъ, вѣдь, его зовутъ? Мы съ твоимъ баринномъ были пріятели,—прибавилъ онъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...

— Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете,—сказалъ тотъ, нахмурившись.

— Экой ты, братецъ!.. да знаешь ли, мы съ твоимъ баринномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ?.. Да гдѣ жъ онъ самъ остался?..

Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?—сказалъ Максимъ Максимычь:—или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему зачѣмъ-нибудь?.. Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычь—такъ и скажи.. ужъ онъ знаетъ... Я тебѣ дамъ восьмигривенный на водку...

Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что онъ исполнитъ его порученіе.

— Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!..—сказалъ Максимъ Максимычь съ торжествующимъ видомъ:—пойду за ворота его дожидаться... Эхъ! жалко, что я незнакомъ съ Н...

Максимъ Максимычь сѣлъ за воротами на скамейку, а я ушелъ въ свою комнату. Признаюсь, я также съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія этого Печорина; хотя по разсказу штабсъ-капитана я составилъ себѣ о немъ не очень выгодное понятіе, однако нѣкоторыя черты въ его

характерѣ показались мнѣ замѣчательными. Черезъ часъ инвалидъ принесъ кипящій самоваръ и чайникъ.— „Максимъ Максимычъ, не хотите ли чаю?“—закричалъ я ему въ окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй, выпейте! Смотрите, вѣдь ужъ поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, какъ угодно!—Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ.

— А вѣдь вы правы: все лучше выпить чайку—да я все ждалъ. Ужъ человѣкъ его давно къ нему пошелъ, да видно что-нибудь задержало.

Онъ наскоро вылебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ опять за ворота въ какомъ-то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчало небреженіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ и еще часъ тому назадъ былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, какъ только услышитъ его имя.

Ужъ было поздно и темно, когда я снова отворилъ окно и сталъ звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; онъ что-то пробормоталъ сквозь зубы; я повторилъ приглашеніе—онъ ничего не отвѣчалъ.

Я легъ на диванъ, завернувшись въ шинель и оставивъ свѣчу на лежанкѣ, скоро задремалъ и проспалъ бы покойно, если бъ, уже очень поздно, Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбудилъ меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, шевырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался...

— Не клопы ли васъ кусаютъ?—спросилъ я.

— Да, клопы...—отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ я проснулся рано, но Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ. „Мнѣ надо сходить къ коменданту“,—сказалъ онъ: „такъ пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной“...

Я общался. Онъ побѣждалъ, какъ будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздились на горахъ, какъ новый рядъ воздушныхъ горъ; передъ воротами разстилалась широкая площадь; за нею базаръ кишѣлъ народомъ, потому что было воскресенье: босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки съ соевымъ медомъ, вертѣлись вокругъ меня; я ихъ проклиналъ: мнѣ было не до нихъ—я начиналъ раздѣлять безпокойство добраго штабсъ-капитана.

Не прошло десяти минутъ, какъ на концѣ площади показался тотъ, котораго мы ожидали. Онъ шелъ съ полковникомъ Н..., который, доведя

его до гостиницы, простился съ нимъ и поворотилъ въ крѣпость. Я тотчасъ же послалъ пивальца за Максимомъ Максимычемъ.

Навстрѣчу Печорина вышелъ его лакей и доложилъ, что сейчасъ станутъ закладывать, подалъ ему ящикъ съ сигарами и, получивъ нѣсколько приказаній, отправился хлопотать. Его господинъ, закуривъ сигару, зѣвнулъ раза два и сѣлъ на скамью по другую сторону воротъ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастью, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему. „Если вы захотите еще немного подождать“, — сказалъ я, — „то будете имѣть удовольствіе увидѣться со старымъ пріятелемъ...“

— Ахъ, точно! — быстро отвѣчалъ онъ: — мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ? — Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ, вырвавшись изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его: колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ выживаете? — сказалъ Печоринъ.

— А... ты?... а вы?... — пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ: — сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?..

— Ъду въ Персію — и дальше...

— Неужто сейчасъ?.. Да подождите, дражайшій!.. Неужто сейчасъ разстанемся?.. Сколько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ, — былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?.. Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставку?.. какъ?.. что подѣлывали?..

— Скучалъ, — отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?.. Славная страна для охоты!.. Въдь, вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бѣла?..

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню! — сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ.

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два. „Мы славно пообѣдаемъ“, — говорилъ онъ: — „у меня есть два фазана;

а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... Вы мнѣ расскажете про свое житіе въ Петербургѣ... А?..“

— Право, мнѣ нечего рассказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли...— прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. „Забыть!“—проворчалъ онъ:—„я-то не забуду ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...“

— Ну, полно, полно!—сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески:—неужели я не тотъ же? Что дѣлать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться — Богъ знаетъ!.. Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ ужъ началъ подбирать возжи.

— Поестой, поестой!—закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски:—совсѣмъ было забыть... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... Что съ ними дѣлать?..

— Что хотите!—отвѣчалъ Печоринъ.—Прощайте...

— Такъ вы въ Персію?.. а когда вернетесь?..—кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко, но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукой, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ ли! да и не за чѣмъ!

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

— Да,—сказалъ онъ наконецъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ:—конечно, мы были пріятели—ну, да что пріятели въ нынѣшнемъ вѣкѣ!.. Что ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по тѣтамъ совсѣмъ ему не пара... Вишь, какимъ онъ франтомъ сдѣлался, какъ побывалъ опять въ Петербургѣ... Что за коляска!.. сколько поклажи!.. и лакей такой гордый!..— Эти слова были произнесены съ провиической улыбкой.—Скажите,—продолжалъ онъ,—обратясь ко мнѣ:—ну, что вы объ этомъ думаете?.. ну, какой бѣсъ несетъ его теперь въ Персію?.. Смѣшно, ей-Богу, смѣшно!.. Да я всегда зналъ, что онъ вѣтреный человѣкъ, на котораго нельзя надѣяться... А, право, жаль, что онъ дурно кончитъ... да и нельзя иначе!.. Ужъ я всегда говорилъ, что нѣтъ проку въ томъ, кто старыхъ друзей забываетъ!..— Тутъ онъ отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе, и пошелъ ходить по

двору около своей повозки, показывая, будто осматривает колеса, тогда как глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максимъ Максимычъ,—сказалъ я, подошедши къ нему,—а что это за бумаги вамъ оставилъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки...

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? Я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко...

— Вотъ онѣ всѣ—сказалъ онъ;—поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?.. Что я, развѣ другъ его какой или родственникъ?.. Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?..

Я схватилъ бумаги и поскорѣе унесъ ихъ, боясь, чтобъ штабсъ-капитанъ не раскаялся. Скоро пришли намъ объявить, что черезъ часъ тронется оказія; я велѣлъ закладывать. Штабсъ-капитанъ вошелъ въ комнату въ то время, когда я уже надѣвалъ шапку; онъ, казалось, не готовился къ отъѣзду; у него былъ какой-то принужденный, холодный видъ.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи...

— Да вѣдь вы же были у него?

— Былъ, конечно,—сказалъ онъ, заминаясь:—да его дома не было... а я не дождался.

Я понялъ его: бѣдный старикъ, въ первый разъ отъ роду, можетъ быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бу-мажнымъ,—и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль,—сказалъ я ему,—очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!.. Вы молодежь свѣтская, гордая; еще покажьтесь подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а постѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастья и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максимъ Максимычъ сдѣлался упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ. И отчего? Оттого, что Печоринъ, въ разсѣянности или отъ другой причины, протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ кинуться ему на шею. Грустно видѣть, когда юноша теряетъ лучшія свои надежды и мечты, когда предъ нимъ отдергивается розовый флеръ, сквозь который онъ смогъ на дѣла и чувства человѣческія, хотя есть надежда, что онъ замѣнитъ старыя заблужденія новыми, не менѣе преходящими, но зато не менѣе сладкими... Но чѣмъ ихъ замѣнитъ въ глѣба Максима Максимыча? Поневолѣ сердце очерствѣетъ и душа закроется...

Я уѣхалъ одинъ...

По Дагестану *).

29-го мая 1895 г.

Отдохнувъ въ самой гостепріимной обстановкѣ въ Дешлагарѣ, мы направились далѣе на югъ, черезъ Каякентъ, Джемикентъ, Ханъ-Мамедъ-Калу, въ Дербентъ. Зеленія горы отступаютъ все дальше и дальше, и мы послѣ двухъ-трехъ сравнительно небольшихъ спусковъ выѣзжаемъ на совершенно ровную мѣстность, въ прикаспійскую полосу. Много здѣсь земли втунѣ пустоуетъ. И какой земли! Хлѣба здѣсь буйные, и покосы роскошныя.

Гонъ на станціи небольшой. Лошадей въ волю, и онѣ, играючи, катятъ насъ по гладкой дорогѣ. Въ Каякентѣ мы остановились у одного бека.

Хозяинъ-гигантъ встрѣтилъ насъ верхомъ съ нукерами еще за околицей аула. Жители высыпали на улицу и привѣтливо кланялись незнакомымъ урусамъ. Въ 1877 году это же селеніе далеко недружелюбно привѣтствовало нашу колонну. Подъ Каякентомъ отрядъ Теръ-Асатурова имѣлъ серьезное дѣло съ повстанцами, и молодое аульное поколѣніе, отставшее послѣ 1859 года отъ боевого дѣла, не только узнало пороховой дымъ, но и убѣдилось въ разрушительномъ дѣйствіи гранаты и кар-

*) Этотъ отрывокъ взятъ изъ описанія путешествія „По Дагестану“ В. С. Кривенко, изданнаго отдѣльною книгою. Здѣсь мы знакомимся съ Дагестаномъ, какимъ онъ есть *теперь*. II. 3.

течи. Можетъ быть, многіе изъ тѣхъ, которые съ такими улыбающимися, добрыми лицами кланяются намъ, участвовали во время послѣдняго возстанія въ разгромѣ мѣстнаго конвойнаго поста и, съ кремневками въ рукахъ, дрались съ нашими батальонами. Бѣдные жители заплатились сильно за желаніе поднять газаватъ. Многихъ перестрѣляли, многіе побывали на поселеніи въ Россіи. Послужило ли все это имъ хорошимъ урокомъ?

Домъ бека мало чѣмъ отличается отъ другихъ большихъ саклей, но внутри отдѣланы чистенькія комнатки. Есть и кабинетъ, и кунацкая, и столовая. Имѣется здѣсь и европейская мебель, кровати съ безукоризненнымъ бѣлымъ и непольскимъ подушками, есть и письменный столъ съ фотографіями и разными бездѣлушками.

Бекъ устроилъ угощеніе на славу. Главной приманкой былъ конечно классическій шашлыкъ съ разнообразными придатками и цѣльный барашекъ. Послѣ завтрака мы простились съ милыми двумя кавказскими полковниками, съ истинно-кавказскимъ радушіемъ провожавшими насъ съ горныхъ вершинъ до самаго каспійскаго берега.

За Каякентомъ тянется довольно значительный лѣсъ. Здѣсь мѣста богаты дичью. Въ особенности много кабановъ и фазановъ. Въ шестидесятыхъ годахъ въ этомъ лѣсу поселился отставной унтеръ-офицеръ Самурскаго полка Лущикъ, замѣчательный охотникъ. Онъ устроилъ избѣжку и блаженствовалъ по-своему, считая себя полнымъ господиномъ лѣса. Лущикъ лѣчилъ окрестныхъ жителей разными травами и ветеринарными средствами. Каякентцы вѣрили въ его медицинскія познанія, питали къ нему почтеніе и считали охотника за колдуна. Когда въ 1877 году искра возстанія заронена была въ Каякентъ, то старый самурецъ сейчасъ же примѣтилъ, что дѣло неладно и ему не одобровать. Въ ожиданіи вепышки, онъ не оставался ночевать въ своей хижинѣ, а въ глухомъ углу свилъ себѣ гнѣздо на деревѣ и тамъ спалъ. Желая избавиться отъ близкаго контролера, аульные жители надумали отправить охотника на тотъ свѣтъ; но такъ какъ ему, какъ колдуну, никакой книжалъ, никакая пуля не были, по ихъ мнѣнію, страшны, то они и рѣшили ежечь Лущика въ то время, когда онъ будетъ спать. Въ темную ночь партія зачинщиковъ возмущенія въ аулѣ пробралась къ охотничьей сторожкѣ и притаилась за кустами, въ ожиданіи, когда Лущикъ заснетъ. Въ хаткѣ свѣтился огонекъ, и охотникъ, отходя ко сну, молился передъ образомъ. Скоро свѣчка погасла, и все смолкло. Тогда потихоньку подползли къ избѣ, обложили ее камышомъ и сухими вѣтками и подожгли. Каякентцы ликовали — колдунъ сгорѣлъ. Они и не подозревали, что догадливый самурецъ потихоньку выбрался и забрался въ свое гнѣздо.

Каково же было ихъ удивленіе и ужасъ, когда вскорѣ вмѣстѣ съ войсками пришелъ старикъ и указалъ всѣхъ участвовавшихъ въ поджогѣ.

Послѣ усмиренія возстанія Луцккъ безбоязненно вновь поселился въ Каякентскомъ лѣсу, гдѣ и прожилъ въ полномъ спокойствіи до своей кончины.

За Каякентомъ на юго-западѣ въ горахъ прячутся Башлы. Здѣсь въ 1810 году разыгрались печальныя событія. Дагестанъ, мало еще занятый русскими войсками, заволновался, желая протянуть руку помощи Чечнѣ, которую Ермоловъ началъ сжимать желѣзными объятіями. Генераль Пестель, думая предупредить окончательное возстаніе каракайтагцевъ, занялъ двухтысячнымъ отрядомъ аулъ Башлы *). Именно этотъ шагъ и послужилъ толчкомъ къ общему возстанію.

Оготовсюду стремились горцы на выручку башлинцевъ. Вооруженная толпа росла, и скоро 20-тысячное скопище охватило селеніе со всѣхъ сторонъ. Пестель, не ожидая подобнаго оборота дѣла, не принялъ во-время нужныхъ мѣръ. Непрiятель успѣлъ ворваться въ Башлы, и многіе изъ нашихъ солдатъ погибли въ одиночку. Подполковникъ Мищенко и майоръ Износковъ не растерялись и въ общей суматохѣ все-таки успѣли собрать возлѣ себя часть отряда, заняли замокъ владѣтеля—уцмія и рѣшились дорого продать свою жизнь. Трое сутокъ отрядъ оставался безъ пищи, крова и сна. Трое сутокъ шла несмолкаемая перепалка, и наши грудью встрѣчали постоянныя атаки горцевъ.

Наконецъ, и они утомились, и ополченіе ихъ стало расходиться. Тогда нашъ гарнизонъ штыками проложилъ себѣ дорогу и благополучно выбрался изъ страшной западни.

Дорого пришлось заплатить прикаспійскимъ ауламъ за ихъ возмущеніе: Башлы, Джемикентъ, Беркой, Дели-Чебанъ, Ханъ-Мамедъ-Коли были разорены Ермоловымъ.

Давно все это было! Теперь спокойно, тихо.

Но дорогѣ проѣзжаемъ мимо усадьбы помѣщика-христіанина. Здѣсь это очень рѣдкое явленіе. Подлѣ дома съ большимъ бельведеромъ идутъ постройки длинныхъ конюшенъ. Молодецкой наружности хозяинъ пригласилъ насъ взглянуть на его усадьбу.

— Э! такъ строить нельзя. Безъ поперечныхъ стѣнъ конюшни вѣтромъ свалить,—замѣтилъ инженеръ.

— Вотъ пустяки! Отчего имъ валиться. Вѣдь строили на крышѣ не позволять стѣнамъ падать.

— Ваша постройка совершенно противорѣчитъ строительному уставу.

*) Н. Дубровинъ. т. VI, стр. 319.

— Ну, буду я еще здѣсь съ уставами справляться. Смотрите на мой бельведеръ. Махинуще поразительное! Цѣлый замокъ! Инженеры меня тоже останавливали: или, говорили, отъ собственной тяжести провалится, или вѣтромъ его сшибетъ, и онъ домъ завалитъ, а вотъ видите, любуйтесь, восьмой годъ стоитъ цѣлехонькій. Любо-дорого посмотрѣть. Ц-цъ!—причмокнулъ онъ.

Строитель пригласилъ насъ въ домъ. Туда надо было проходить по какимъ-то зыбкимъ жердочкамъ. Въ нижнихъ комнатахъ устроена экипажная мастерская. Стоять англійскіе бреки, карета, виднѣются колеса съ резиновыми шинами. Впечатлѣніе такое, что будто мы не въ прикаспійскомъ захолустьѣ, а у Неллиса или Брейтигама. Такъ какъ въ домѣ, кромѣ мастерской, нечего было смотрѣть, то хозяинъ вывелъ насъ на крылечко, приказалъ подать чаю и угостилъ выводкою рысестыхъ лошадей. Нѣкоторые были дѣйствительно интересные экземпляры и, по словамъ коннозаводчика, стоили большихъ тысячъ. По двору бродили худые, но породистые щенята—юные отпрыски большой псарни, съ которой выѣзжаетъ помѣщикъ на охоту. За службами виднѣлся виноградникъ, видимо не пользовавшийся особой симпатіей хозяина. Любезный помѣщикъ оставлялъ насъ у себя отобѣдать, прибавляя между прочимъ, что поваръ недурной, платитъ онъ ему 40 рублей въ мѣсяцъ. Но намъ нужно было торопиться, да и мы были еще подъ свѣжымъ впечатлѣніемъ каякентскаго угощенія. Подивившись оригинальному хозяйничанью широкой, богатырской натуры, мы поблагодарили за гостепрѣимство и двинулись въ путь. На этотъ разъ намъ попался замѣчательно искусный ямщикъ-персіанинъ. Правую руку онъ гдѣ-то потерялъ; однако это нисколько не мѣшало ему съ замѣчательнымъ искусствомъ управлять четверикомъ рѣзвыхъ и очень строгихъ лошадей.

По гладкой дорогѣ экипажъ катился со скоростью двадцати верстъ въ часъ, но лишь только приходилось переѣзжать ухабъ или рытвину, какъ по мановенію руки волшебника-ямщика быстрые кони умѣряли бѣгъ и потомъ снова прищускали во весь духъ. Ни раньше, ни позже мы такъ быстро уже не ѣздили.

По сторонамъ виднѣются поля не только пшеницы, ячменя, пшена и кукурузы, но и рисовыя плантаціи—чалтыки. Культура этого питательнаго растенія требуетъ затопленія особо приготовленныхъ, огражденных валиками площадокъ. Въ результатѣ—вредныя испаренія, разносящія по ближайшимъ окрестностямъ упорныя лихорадки. Впрочемъ, съ вредоносностью чалтыковъ многіе не согласны.

По дорогѣ встрѣчаются туземцы съ несомнѣннымъ семитическимъ профилемъ—это горскіе евреи. Откуда они занесены на Кавказъ? Знаменитый

ислѣдователь кавказскихъ нарѣчій П. Усларъ *) говоритъ, что съ большою вѣроятностью можно предположить, что значительная часть вавилонскихъ плѣнниковъ евреевъ была поселена въ Закавказьѣ, начиная отъ юго-западнаго берега Каспійскаго моря до юго-восточнаго берега Чернаго.

Впослѣдствіи армянскіе цари еще не разъ выводили большія партіи переселенцевъ изъ Іерусалима. Западно-кавказскіе евреи, подготовленные къ воспріятію великихъ истинъ, много способствовали массовому распространенію христіанства въ армянскомъ царствѣ. Евреи, сдѣлавшись христіанами, перестали чуждаться иноплеменниковъ и вскорѣ путемъ браковъ вполнѣ слились съ армянами и частью съ грузинами, надѣливъ ихъ своими талантами и способностями.

Восточные *іудеи* подпали подъ гнетъ персовъ. Пережившіе всякія невзгоды, потомки ихъ усвоили себѣ татскій (персидскій) языкъ, переняли отъ мѣстныхъ жителей многіе нравы и обычаи, но остались вѣрны религіи праотцевъ.

Горскіе евреи живутъ и въ городахъ, и деревняхъ. Въ Дагестанѣ они ютятся главнымъ образомъ въ районѣ Дербента. Они недурно справляются съ полевыми работами и усердно ухаживаютъ за своими виноградниками. Въ качествѣ наемныхъ рабочихъ они цѣнятся ниже настоящихъ горцевъ, но зато переносятъ свободно лѣтній зной, тогда какъ у другихъ жителей нагорнаго Дагестана лѣтомъ, по ихъ выраженію, „голова пухнетъ“, и они съ наступленіемъ жаровъ не соблазняются никакими выгодными условіями и уходятъ домой въ горы.

За Джемикентомъ приходится переправляться въ бродъ черезъ многоводный Буганъ. Рѣчка стремительно катитъ сильную струю, и экипажъ не можетъ выдержать такого натиска. На берегу насъ встрѣтили десятки перевозчиковъ въ одномъ исподнемъ платьѣ. Они съ гикомъ бросаются въ воду, подбадриваютъ лошадей и, придерживая коляску за колеса и крылья, выносятъ насъ благополучно на другой берегъ. При переправѣ ноги пришлось поднять на сидѣнье, такъ какъ вода заливала коляску. Благодаря предусмотрительно продѣланнымъ въ экипажѣ отверстіямъ, вода скоро вытекла, а горячее солнце сейчасъ же все обсушило.

Жители, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, гурьбами выходятъ навстрѣчу. Выѣзжаютъ и верховые на мѣстныхъ горячихъ лошадяхъ, по своимъ статьямъ напоминающихъ карабаховъ.

Русскіе землевладѣльцы въ Дагестанѣ составляютъ большую рѣдкость: два, три и обчелся. За послѣдніе годы, недалеко отъ Дербента, графъ Воронцовъ-Дашковъ пріобрѣлъ одно изъ бывшихъ уцмевскихъ имѣній —

*) „Сборникъ свѣд. о горцахъ“, вып. II, стр. 5.

Геджухъ. Въ этомъ помѣстьѣ въ теченіе шести лѣтъ обработано восемьдесятъ десятинъ винограду. Съ горы открывается видъ на гиганскій, мощный темнозеленый виноградникъ, разбитый на правильные кварталы. Мало кто изъ частныхъ владѣльцевъ имѣетъ такую большую площадь правильныхъ насажденій. Вино еще не вышло въ продажу, но тѣ, кто пробовалъ, отзываются съ большой похвалой объ его качествахъ. Устройство воронцовскихъ виноградниковъ начинаетъ уже благотворно отражаться на садахъ окрестныхъ жителей, которые, подъ руководствомъ ученаго винодѣла и садовода, практически усваиваютъ себѣ усовершенствованные приемы посадки, обрѣзки кустовъ и приготовленія вина.

Подлѣ имѣнія графа Воронцова-Дашкова тянется возвышенность подъ именемъ Иранъ-Харабъ—„погибель Персін“. Здѣсь виднѣются остатки укрѣпленнаго лагеря персидскаго Надиръ-шаха, разгромленнаго горцами и принужденнаго отказаться отъ завоеванія нагорнаго Дагестана.

Отодвинувшіяся-было совѣтъ отъ моря горы начинаютъ своими зелеными скатами придвигаться опять поближе къ Каспію, а у Дербента совѣтъ сбѣгаютъ къ нему, оставляя лишь узкую полосу для свободнаго проѣзда.

Персіяне давно поняли стратегическое значеніе этого пункта и устроили здѣсь крѣпость, монументальныя стѣны которой уходили въ самое море. Прежде каменная ограда далеко тянулась въ горы и служила защитой отъ хищническихъ набѣговъ воинственныхъ дагестанцевъ. Въ настоящее время городскія стѣны находятся въ полуразрушенномъ состояніи. Не пощадило ни время, ни люди цитадели, которая господствовала надъ всѣмъ городомъ, расположеннымъ у ея ногъ. Здѣсь полное разрушеніе. Не такъ давно еще были приспособленія для квартированія войскъ, но теперь—это жалкія руины.

Съ цитадели открывается красивая панорама моря и террасами спускающихся къ нему городскихъ домовъ съ плоскими крышами и длинными зелеными бордюрами садовъ. Мнѣ вспомнился видъ на Геную...

Подлѣ цитадели тѣнятся небольшіе двухъэтажные дома мусульманъ съ миниатюрными двориками, въ которыхъ шелестятъ одинокія деревья. Улицы въ этой части города настолько узки и съ такими уступами и подъемами, что проѣхать по нимъ въ экипажѣ невозможно.

Въ мусульманскомъ кварталѣ высятся древняя, довольно большая мечеть; а подлѣ нея во дворѣ храма гордо поднимаютъ голову надъ всѣмъ городомъ исполинны-плѣтаны.

Ниже мусульманскаго расположились армянскій и еврейскій кварталы. Ближе къ морю тянется бѣдная, невзрачная слободка; тутъ же строятся казармы резервнаго батальона. Петръ Великій, занявъ Дербентъ, устроилъ

себѣ домикъ у самаго берега и тѣмъ показать, гдѣ надо было стропиться горожанамъ, но они какъ-то до послѣдняго времени отворачивались отъ моря, предпочитая жаться поближе къ цитадели. Тамъ, гдѣ должны были быть красивыя виллы, теперь пока зеленѣютъ огороды, отъ которыхъ сильно пахнетъ лукомъ и чеснокомъ.

Дербентъ богатъ садами. Въ особенности южная его окраина на большое разстояніе покрыта сплошь виноградниками и плодовыми деревьями. Городъ и весь его районъ славятся фруктами и винодѣліемъ, хотя и то и другое ведется по старинѣ, безъ всякихъ улучшеній и усовершенствованій.

Не заботясь особенно о качествахъ плода, мѣстные жители, главнымъ образомъ, бьютъ на количество. Есть виноградники, которые, въ виду очень частой посадки кустовъ и поливки, даютъ до 800 ведеръ вина, точнѣе сусла. Но цѣна этому продукту ничтожная. Доходитъ иногда до 40 копеекъ и то не всегда можно найти покупателя. Выдерживать вина въ Дербентѣ не умѣютъ, да и негдѣ ихъ выдерживать, такъ какъ сносныхъ погребовъ почти нѣтъ.

А между тѣмъ климатическія и почвенныя условія въ Дербентѣ крайне благоприятны для постановки винодѣлія на высокую степень совершенства. Но ни знаній, ни капиталовъ тутъ нѣтъ...

Фрукты и столовый виноградъ, по неизбѣнью порта и желѣзной дороги, доставляются внутрь Россіи изъ Дербента съ большими затрудненіями. При этомъ приходится, во избѣжаніе скорой порчи, посылать совсѣмъ незрѣлыя плоды и тѣмъ подрывать добрую славу мѣстныхъ сортовъ. Что же касается раннихъ черешень, вишенъ, абрикосовъ, алычи, то ихъ безъ желѣзной дороги и думать нельзя отсюда посылать.

Съ теченіемъ времени на долю дербентскаго района выпадеть, вѣроятно, счастье снабжать виномъ и фруктами Приволжье и Сибирь.

Теперь изъ Персіи ежегодно привозятъ въ Россію болѣе чѣмъ на три милліона рублей разныхъ фруктовъ и консервовъ. Все это можно было бы получить съ Кавказа.

Какъ жили и живутъ горцы Кавказа.

I.

Въ небольшой брошюрѣ „Кавказъ“, принадлежащей перу С. Меча, имѣется довольно картинное и вѣрное описаніе внутренней жизни горцевъ въ ихъ аулахъ. Основанное на сочиненіяхъ о Кавказѣ, написанныхъ г. М. Богдановымъ, Е. Марковымъ, Н. Ф. Дубровинымъ, Я. Костенецкимъ, Н. Дункель-Виллингомъ и докторомъ Профомъ. Вотъ это описаніе.

Въ близкомъ сосѣдствѣ съ орлами и грифами, по неприступнымъ каменнымъ ущельямъ прячутся и настоящіе горцы Кавказа. Кто они, откуда пришли, когда заняли эти горныя выси, что заставило ихъ забраться въ это угрюмое царство горнаго духа, гдѣ, кажется, можно жить лишь туру, да сернѣ, да орламъ? На это исторія не можетъ дать отвѣта за неизвѣстнѣе ни письменности, ни памятниковъ. По всей вѣроятности, нѣсколько совершенно различныхъ народовъ, въ различные эпохи, уходили въ недоступныя дебри Кавказа, спасаясь отъ алчности побѣдителей. Всѣ они раздѣляются на множество племенъ, говорящихъ каждое на своемъ языкѣ, неблагозвучномъ и гортанномъ, очень трудномъ, почти невозможномъ для европейца *). Однако жъ, изученіе этихъ нарѣчій, начатое въ послѣднее время, позволяетъ соединить горцевъ въ двѣ общія группы: западную, куда относятся абхасскія и черкесскія племена, и восточную, куда относятся племена чеченскія и лезгинскія. Между ними, въ средней части хребта, живутъ осетины, происхожденіе которыхъ не менѣе таинственно. Со времени покоренія Кавказа, горцы очень убавились въ числѣ; многія племена погибли въ войнѣ, многія перебрались въ Турцію, многія поселены въ равнинѣ, но остальные все еще значительно вліяютъ на общую физіономію Кавказа: ихъ аулы, что лѣнятся по кручамъ, такъ идутъ къ пустынному міру каменныхъ развалинъ кавказскихъ альпъ, ихъ мелкія овцы, что ползаютъ по стремнинамъ, такъ дополняютъ унылую картину скупой на дары и суровой природы, наконецъ, самъ горецъ, сухой и гибкій, тонкій въ талии, широкій въ плечахъ, съ угрюмымъ, почти злымъ выраженіемъ его черныхъ глазъ, весь оборванный, но хорошо вооруженный, такъ совершенно гармонируетъ съ его горами, что когда онъ, верхомъ на горскомъ иноходцѣ, закутанный въ косматую бурку и баранью шапку, пробирается надъ пучиной бѣшенаго потока и камни, отрываясь изъ-подъ ногъ его коня, съ гуломъ катятся въ бездну, тогда, смотря на него, невольно видишь въ немъ такой же непосредственный продуктъ горъ, какой являетъ собою серна или туръ, или горный грифъ.

Міръ кавказскихъ альпъ представляетъ собою цѣлый рядъ каменныхъ гнѣздъ, посреди которыхъ режутъ бѣшеные горныя ручьи. Отвѣсныя стѣны въ нѣсколько тысячъ футовъ вышиною, то гранитныя, то сланцевыя, то известковыя, но всегда безмолвныя, безнадежныя, однѣ только провожаютъ нестово ревуція рѣчныя волны. Глухой и сырой сумракъ стоитъ въ этихъ пустынныхъ ущельяхъ, полныхъ разрушенія, вражды и смерти. Такая природа или закалитъ въ несокрушимую сталь все существо чловѣка, или

*). Вотъ для примѣра, нѣсколько словъ на языкѣ племени адыге: ахгхо — пастухъ, шеш-ахгхо — табунщикъ, бож-ахгхо — пчеловодъ.

раздавить его. Здѣсь мало мѣста для нѣжности чувствъ, для гуманности стремленій. Бурые орлы, что одиноко плаваютъ въ поднебесьѣ, съ враждебнымъ и подозрительнымъ клектомъ косясь другъ на друга, что дерутъ жаднымъ когтемъ и клювомъ своимъ, заостреннымъ какъ кривой кинжалъ, молодыхъ овецъ и сернъ на голыхъ стремнинахъ,—вотъ единственные образцы, у которыхъ учится горское дитя, когда душа его могла бы отозваться сочувственнымъ отзывомъ на все человѣчное и прекрасное. Карабкаясь одиноко по обрывамъ своихъ горъ, молодой дикарь въперяетъ съ страстнымъ вниманіемъ свои глубокіе черные глаза на этихъ пернатыхъ разбойниковъ. Онъ видитъ ловкій, удалой налетъ хищника, могучій, ошеломляющій ударъ его, видитъ беспощадную работу желѣзнымъ клювомъ, желѣзными когтями, среди брызгъ яркой крови, слышитъ бесплодные стоны разрываемой въ куски жертвы,—и вся эта сцена остается навѣкъ вѣзанной въ его душу, какъ идеаль отваги и доблести.

Одаренный отъ природы характеромъ страстнымъ и вспыльчивымъ, въ которомъ дивно переплетаются благороднѣйшія качества души съ гнусными пороками, горецъ кавказскихъ альпъ издавна славился какъ коварный и смѣлый разбойникъ, наводившій ужасъ на сосѣднія равнины. Безъ грабежей и набѣговъ для горца была жизнь не въ жизнь,—въ нихъ заключалась вся поэзія, вся прелесть его существованія. Одинъ развѣ тигръ сумѣлъ бы подкрасться лучше него къ спящему селенію въ темную, бурную ночь, когда, кажется, ни одинъ человѣкъ не выйдетъ изъ своего жилища. Небрякнетъ его шатка, запрятанная въ кожаные ножны, не блеснетъ винтовка, скрытая въ черномъ косматомъ чехлѣ, какъ молнія въ тучѣ, не стукнетъ чевякъ, мягкій и гибкій, какъ лапа кошки, не заржетъ конь, вышколенный въ совершенствѣ для ночныхъ набѣговъ; да и языкъ горца, бѣдный гласными, коварно шипящій, подобный шопоту древесныхъ листьевъ, не выдастъ его при сговорѣ въ ночное нападеніе. А потомъ—развѣ одинъ тигръ способенъ на такой стремительный, непреодолимый, беспощадный ударъ. Съ налитыми кровью глазами, съ шашкой и пистолетомъ въ рукахъ, съ пронзительнымъ и дикимъ гиканьемъ, отъ котораго морозъ пробѣгалъ по кожѣ даже у привычныхъ людей, кидался горецъ въ битву, не мысля ни о чемъ, кромѣ побѣды. Случалось, что сотня русскихъ казаковъ, при всемъ ихъ испытанномъ мужествѣ, не рѣшалась атаковать десятокъ горскихъ „абрековъ“, зная, что въ рукопашномъ бою ихъ жизнь можно купить лишь дорогою цѣною. Казаки, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, издали посылали въ нихъ пули и лишь такимъ путемъ истребляли шайку. Ни одинъ горецъ не давалъ схватить себя живьемъ, пока въ рукахъ у него былъ его страшный кинжалъ, его острая, какъ бритва, шашка. Застигнутый врасплохъ, онъ умѣлъ умирать какъ истинный герой и счи-

таль плѣнъ верхомъ позора, верхомъ безславія *). Вотъ для примѣра разсказъ очевидца, который участвовалъ въ штурмѣ чеченскаго аула.

„Когда селеніе было, наконецъ, занято нашими солдатами, я узналъ, что въ одной большой саклѣ заперлась толпа горцевъ и стрѣляла оттуда по нашимъ. Необходимо было немедленно предпринять что-нибудь противъ нихъ. Двое солдатъ вызвались зажечь саклю; но сдѣлать это было очень трудно, такъ какъ сакля, хотя сплетенная изъ хвороста, была покрыта слоемъ глины, и изъ всѣхъ ея скважинъ летѣли въ насъ пули. Закрываясь выломанною по сосѣдству дверью какъ щитомъ и волоча за собою солому, солдаты подползли къ саклѣ, отбили часть глины на углу ея и зажгли хворостъ. Стѣна немедленно загорѣлась, но чеченцы продолжали стрѣльбу. Начальствовавшій генераль велѣлъ переводчику крикнуть осажденнымъ, что они будутъ помплованы, если только сдадутся, но чеченцы послѣ короткаго совѣщанія объявили: „мы не хотимъ пощады“. Солнце сѣло. Пламя все разгоралось, и огненный столбъ его освѣщаль картину разрушеннаго аула. Чеченцы, безповоротно рѣшившись умереть, пѣли похоронныя пѣсни, сперва громко, потомъ все тише и тише... Внезапно дверь горячей сакли распахнулась. На ея порогѣ показался блѣдный, задыхающійся, полуобожженный человѣкъ. Взмахнувъ шашкой, онъ кинулся прямо на насъ, но ударъ штыкомъ остановилъ его. Въ это время сакля рухнула, осыпая искрами сосѣднія деревья. Ни одинъ чеченецъ не сдался, и семьдесятъ два человѣка добровольно сгорѣли въ огнѣ“.

Съ такими-то людьми горестная необходимость привела въ столкновеніе Россію. Оцѣпивъ весь хребетъ Кавказа полумилліонною арміею, Россія отрѣзала горцевъ отъ сообщенія съ міромъ; ея батальоны дрались какъ львы, и тѣмъ не менѣе 50 лѣтъ продолжалась война за обладаніе хребтомъ. На всѣ предложенія сдаться горцы отвѣчали одно: „у насъ мало мѣста подъ посквѣ хлѣба, но всегда хватитъ его, чтобы засѣять русскими головами“. Солдаты займутъ, бывало, одинъ аулъ, торчащій гдѣ-нибудь за облаками на верхушкѣ недосыгаемой скалы, а рядомъ съ нимъ другіе аулы попрежнему независимы, ибо отдѣлены отъ него отвѣсными утесами и бездонными пропастями. Да и чего стоило взять одинъ аулъ! Обыкновенно это была ужаснѣйшая рукопашная битва, — битва на штыкахъ и кинжалахъ. Сакли аула, плотно прислоненныя одна къ другой и соединенныя внутри дырами, проломленными въ стѣнахъ, представляли какъ бы одну сплошную темную пещеру, раздѣленную на безчисленныя конурки, какъ бы безконечный лабиринтъ темныхъ, узкихъ переходовъ, наполненныхъ отчаянными горцами, которые рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Евро-

*) Дубровинъ, „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“.

пейское устройство войска не могло уже существовать въ этомъ вертепѣ: съ глаза на глазъ, грудь съ грудью, дрались, кололись, рубились, кто оружіемъ, кто камнями, а кто просто въ охапку *).

Общая ненависть къ Россіи временно соединила горскія племена, но обыкновенно они были въ непримиримой враждѣ другъ съ другомъ. Каждое селеніе существовало своею отдѣльною жизнью, загороженное отъ другихъ страшными твердынями горъ. Только большая нужда могла бы заставить кавказца преодолѣть эти препятствія и сообщаться съ сосѣдями; но какая можетъ быть нужда одному полудикому пастуху и разбойнику въ другомъ такомъ же оборванномъ, такомъ же удаломъ, который встрѣчаетъ съ подозрѣніемъ, взводя курокъ своей винтовки, всякаго незнакомаго всадника, явившагося въ предѣлахъ его владѣній?

По крутизнамъ высокихъ скалъ, въ суровыхъ оврагахъ, ущельяхъ и по лощинамъ лѣпятся горскіе аулы, похожіе на груды камня. Извилистыя улицы ихъ узки и кривы и часто состоятъ изъ ступеней, образуемыхъ беспорядочно набросанными камнями, острыми и неровными. При встрѣчѣ двухъ человѣкъ имъ трудно разойтись иначе, какъ повернувшись бокомъ, а улица, по которой можетъ проѣхать одна повозка, считается уже весьма широкой. Иногда съ края улицы обрывается пропасть въ нѣсколько десятковъ сажень.

Надъ грудой каменныхъ жилищъ мѣстами поднимаются четырехугольныя сторожевыя башни, на подобіе казацкихъ вышекъ; съ нихъ можно было видѣть далеко окружающую мѣстность и во-время замѣтить врага.

Сакля аула строится обыкновенно изъ нетесаннаго камня-плитняка и однимъ бокомъ жметя къ отвѣсной скалѣ или же къ стѣнѣ сосѣдней сакли. Крыша плоская, сдѣланная изъ деревянныхъ балокъ и засыпанная землею. Небольшая, ничѣмъ не закрытая дыра замѣняетъ окно.

Посреди сакли, на землѣ, сдѣланъ очагъ самаго первобытнаго устройства—просто нѣсколько камней. Надъ нимъ виситъ на цѣпи чугунный котелъ для варки пищи. Воюнчій дымъ княка выходитъ черезъ отверстие въ крышѣ, но прежде покрываетъ копотью потолокъ и стѣны; оттого по большей части внутренность сакли такъ закопчена, что блеститъ, словно обита черною клеенкой. Очагъ у многихъ горцевъ считается священнымъ мѣстомъ, и въ немъ стараются сохранить постоянный огонь. Каждая хозяйка поддерживаетъ огонь въ своемъ очагѣ и придаетъ его неугасимости особенное значеніе.

Возлѣ одной изъ стѣнъ положена доска на обломкахъ камня. На этой

*) Я. Костенецкій, „Записки объ Аварской экспедиціи. Штурмъ аула Ашальты, бывшій 9-го іюня 1837 года“.

доскѣ лежать тюфяки и подушки, набитые овечьей шерстью. Ложась спать, горецъ кладетъ свои тюфяки и подушки на земляной полъ сакли, снижаетъ съ себя все платье, кромѣ папахн, и покрывается одѣяломъ; подложеннымъ овчиной. Такъ въ холодныя ночи; лѣтомъ же онъ спитъ на плоской кровлѣ хижины.

Столбы, подпирающіе потолокъ, увѣшиваются оружіемъ, большими баярами шубами, папахами, башлыками и проч., а вдоль стѣнъ, на полкахъ, разставлена домашняя посуда, деревянная и глиняная.

Кто побогаче, тотъ дѣлаетъ жилое помѣщеніе о двухъ половинкахъ. Одна назначается для семьи, другая—для приѣма гостей. Последняя называется „кунацкой“ и содержится въ большомъ порядкѣ. Иногда стѣны ея выбѣлены, земляной полъ устланъ войлокомъ, въ углу сдѣланъ большой каминъ. Все, что есть лучшаго и дорогаго у горца, онъ старается развѣсить по стѣнамъ кунцкой—маленькое тщеславіе, свойственное не однимъ младенческимъ народамъ.

Изъ всего своего помѣщенія горецъ особенно любитъ эту кунцкую, въ которой онъ проводитъ большую часть дня среди знакомыхъ и гостей. Гость считается священнымъ лицомъ, и будь онъ злѣйшій врагъ хозяина, пока онъ въ его саклѣ, обычай требуетъ къ нему самаго деликатнаго гостепрѣимства. Какъ бы ни были дикі нравы какого-нибудь аула, но гостепрѣимство, первобытная добродѣтель всѣхъ народовъ, придаетъ ему нѣкоторый видъ утонченнаго благородства. Несмотря на жалкую обстановку сакли, нищету и бѣдность, каждый старается окружить гостя такимъ матеріальнымъ довольствомъ, какое и самъ онъ рѣдко видитъ у себя дома.

Щедрыи и угодливыи въ отношеніи чужеземца, горецъ Кавказа крайне неприхотливъ и воздерженъ въ отношеніи къ себѣ и своей семьѣ. Да и какъ быть иначе? Жесткій камень горъ не родитъ ни бѣлой пшеницы, ни душистаго овоща. Острый овечій сыръ, да горсточка ячменной муки, сваренная съ водою и чуть-чуть прожаренная на огонькѣ, да овсяное толокно—вотъ обычное, а часто и единственное кушанье горца.

Да и такой земли, съ которой можно собрать эту горсточку, тоже горсточка своего рода. Граниты, сланцы и известняки, изъ которыхъ построены хребты и гребни высокаго Кавказа, недоступны никакому плугу. Клочокъ мягкой почвы, застрявшей въ маленькихъ впадинахъ и котловинахъ, лоскутокъ зеленой лужайки отыскиваются какъ золотая руда въ Сибири и цѣнятся дороже этой руды. Изъ-за нихъ-то и ведется больше всего споровъ, ссоръ, убійствъ, кровавыхъ возмездій. Можетъ быть, на каждаго горца приходится не болѣе десяти сажень пахатной земли, и то раздробленной на мелкіе участки. По этому поводу существуетъ рассказъ, который, если даже онъ и вымышленъ, все-таки очень хорошо характеризуетъ

страну. У одного лезгина было три поля. Вспахавши, онъ пришелъ засѣвать ихъ. Засѣялъ одно, засѣялъ другое, хотѣлъ засѣять и третье, но никакъ не могъ отыскать его. Какъ ни старался онъ, какъ ни ходилъ кругомъ, но поля все не было—оно пропало. День склонялся уже къ вечеру, и суетливый лезгинъ, думая, что шайтанъ увесъ его поле, собирался идти домой; но едва онъ поднялъ свою бурку—глядь, подъ буркой его третье поле *). И за такимъ-то ничтожно-маленькимъ клочкомъ земли горцу приходится карабкаться, подъ страхомъ ежеминутной гибели, по отвѣснымъ стѣнамъ скалъ. Вобьетъ гвоздь для ноги въ камень стѣны, захватитъ во всю длину руки желѣзными зубцами кошки, подтинется по ней вверхъ, опять забьетъ свой гвоздикъ, опять уцѣпится кошачьей лапой за какой-нибудь выступъ или кустъ надъ своей головой и лѣзетъ, забывая, что внизу зѣяетъ пропасть, куда съ грохотомъ сыплются камни изъ-подъ рукъ и ногъ его.

Ничто не дается здѣсь человѣку безъ тяжкаго труда, безъ смертельной опасности. Оттого и сердце горца прониклось холодною жестокостью гранитныхъ утесовъ; среди которыхъ живетъ онъ. Даже въ своей семьѣ онъ стыдится ласки, стыдится сказать нѣжное слово женѣ или дѣтямъ. Жена для него—только безмолвная рабыня, безсловесная работница, на которой лежитъ вся тяжесть домашняго хозяйства. Суровый черкесъ еще спитъ себѣ на кровлѣ своей сакли, а ужъ его жена, проснувшись до свѣта, успѣла нѣсколько разъ подняться и спуститься по страшнымъ крутизнамъ къ источнику съ большимъ глинянымъ кувшиномъ на плечахъ, чтобы наготовить воды на день. Женщина собираетъ по неприступнымъ обрывамъ горъ навозъ лошадей и коровъ для кизяка; женщина съ мотыкой въ рукѣ, обливаясь потомъ, обрабатываетъ каменную почву поля, иногда на страшныхъ скатахъ, надъ пропастью; женщина должна забраться за облака, въ какой-нибудь лѣсокъ, уцѣлѣвшій на неприступной скалѣ, чтобы набрать тамъ хвороста, и, подавленная тяжестью своей ноши, совсемъ скрытая подъ нею, ползетъ потихоньку въ свой аулъ, дѣлая по нѣскольку десятковъ верстъ въ день. Когда горцу жаль лошади или ишака, онъ всегда посылаетъ жену. Вышла мука, не изъ чего замѣсить чурекъ и лепешекъ, и вотъ хозяйка отправляется черезъ хребты горъ, черезъ рѣки и пропасти въ какой-нибудь большой аулъ, чтобы купить тамъ муки и принести домой на своемъ горбу тяжелый мѣшокъ. Путешествуя гдѣ-нибудь въ глубинѣ Кавказскаго хребта, можно часто встрѣтить этихъ терпѣливыхъ труженницъ, одиноко карабкающихся съ своею ношей черезъ

*) Костенецкій, „Записки объ Аварской экспедици“.

перевалы въ нѣсколько тысячъ футовъ, на которыхъ выбиваются изъ силъ самыя выносливыя горскія лошади.

Зато какъ жалко и больно смотрѣть на эти обездоленные созданія! Мы, русскіе, по какому-то странному недоразумѣнію, воображаемъ себѣ горскихъ женщинъ стройными красавицами, полными поэзіи горъ. На дѣлѣ же красивыя женщины у горскихъ племенъ встрѣчаются очень рѣдко и то лишь въ ранней юности. Обыкновенно это низенькія, коренастыя бабы, неуклюжія, грязныя, вонючія, въ 25 лѣтъ уже старухи, съ тупымъ выраженіемъ лица, одѣтыя чрезвычайно неудобно и некрасиво, въ шароварахъ по самыя пяты, въ нанковыхъ или ситцевыхъ архадукахъ, часто съ покрываломъ на головѣ. Многія въ 40 лѣтъ согнуты пополамъ и почти всѣ сутуловатыя, горбатыя. Это—неизбѣжные слѣды вѣчной ноши, обращающей ихъ въ верблюдовъ, въ какую-то четвероногую выучную тварь *).

Что случилось бы съ горскимъ удалцомъ, если бы у него не было подъ рукою такого всевыносящаго созданія? Смерть жены дѣлаетъ горца нищимъ въ полномъ значеніи этого слова, такъ что, лишившись хозяйки дома, онъ шляется изъ аула въ аулъ, выпрашивая себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Только его женщина дѣлаетъ ему возможной жизнь въ безплодной, суровой области кавказскихъ альпъ. Она замѣняетъ ему отсутствіе всякаго дохода, всякихъ промысловъ, потому что даетъ ему собственнымъ горбомъ все то небольшое, что ему нужно. Кромѣ оружія да серебряной оправы своего пояса, ничего покушнаго горецъ не вѣдаетъ. Самыя яркія и тонкія сукна, нѣжныя какъ шаль, умѣетъ ткать горская женщина изъ шерсти своихъ молодыхъ козъ; она же ткеть сама серебряныя позументы для черкески, сама шьетъ черкеску, папаху и сапоги изъ телячьей и козьей кожи, и шьетъ такъ, что скорѣе лопнетъ ткань или кожа, чѣмъ шовъ, сдѣланный ею.

При такомъ взглядѣ на женщину, какъ на рабочую силу, естественно, что горецъ покупаетъ себѣ жену, платя за нее значительный „калымъ“. Обыкновенно такая покупка производится въ другомъ аулѣ, однако у родственнаго племени. Если молодой человѣкъ слишкомъ бѣденъ, чтобы заплатить калымъ, но отваженъ и рѣшителенъ, то онъ можетъ устроить дѣло и иначе: выбравъ ночь потемнѣе, онъ можетъ украсть себѣ жену въ сосѣднемъ аулѣ. Поди, разыскивай потомъ, кто такой и откуда былъ похититель, а между тѣмъ дѣвушка, проведенная сутки въ его саклѣ, уже не можетъ, согласно старинному обычаю, быть отнята у него. Такой подвигъ, если онъ удался, считается удалствомъ, вполне приличнымъ для юноши, и старѣйшины селенія, собранные на судбище, всегда отнесутся къ нему

*) Е. Марковъ.

съ полнымъ одобреніемъ, лукаво подсмѣиваясь и вспоминая свою молодость; много-много, что приговаряетъ смѣльчака сдѣлать какіе-нибудь подарки родителямъ похищенной дѣвушки.

Незавидна домашняя жизнь горца, особенно въ ненастные, холодные дни. Съ закатомъ солнца все населеніе закупоривается въ своихъ сакляхъ. Въ котлѣ надъ дымнымъ очагомъ варится скудная пища. Подлѣ огня копошится дѣтп, стараясь согрѣть свои коченѣющіе члены, едва прикрытые лохмотьями. Немытыя въ продолженіе цѣлой зимы, они обросли толстымъ слоемъ грязи. Кожа на нихъ во многихъ мѣстахъ растрескалась до крови и часто краснѣетъ чесоточною сыпью. Бритая головка почти всегда покрыта сплошными струпами. Грязныя, холодныя и голодныя, они съ жадностью посматриваютъ на котель и кипящую въ немъ воду, ожидая остатковъ трапезы. Наконецъ котель снятъ, кушанье поспѣло и ставится передъ главою семейства, который, взявъ въ руки спичку, замѣняющую вилку, глотаетъ одинъ за другимъ куски тѣста, предварительно обмакивая ихъ въ толченый чеснокъ. Жена и дѣти терпѣливо ожидаютъ, когда и на ихъ долю будутъ предоставлены остатки простывшихъ галушекъ.

Кое-какъ утоливъ голодь, дѣти, раздѣвшись донага, укрываются своими лохмотьями и ложатся спать. Ихъ матери еще много дѣла, а отецъ коротаетъ вечеръ съ кѣмъ-либо изъ своихъ пріятелей, покуривая трубку, вспоминая прошлое и загадывая о будущемъ. Въ такихъ случаяхъ, въ длинныя зимніе вечера, пускаютъ въ ходъ сказки, легенды и преданія. Многія изъ нихъ отличаются увлекательностью содержанія и почти все полны той безыскусственной поэзіи, которую внушаетъ горцу его природа. Вотъ для примѣра одно изъ сказаній осетинъ *).

„Близъ Крестоваго перевала Военно-Грузинской дороги есть огромная каменная гора Гудъ. У ея подошвы стоитъ маленькій осетинскій аулъ. Въ этомъ аулѣ давно-давно жила бѣдная семья, въ которой росла прелестная дѣвочка, по имени Нина.

„Старикъ Гудъ прельстился этимъ ребенкомъ. День и ночь онъ ухаживалъ за нею. Хотѣла ли Нина подняться на гору,—тропинка выравнивалась подъ ея ножкой, камни проворно складывались въ удобную и пологую лѣстницу. Искала ли Нина цвѣтовъ,—Гудъ собиралъ и пряталъ лучшіе цвѣты подъ сводомъ камней и открывалъ ихъ при приближеніи дѣвочки. Никогда ни одна изъ пяти овецъ, принадлежавшихъ ея отцу, не попадала въ кручу и не дѣлалась добычей волковъ. Однимъ словомъ, маленькая Нина была царицей въ царствѣ старика Гуда.

*) Напечатано Н. Дункель-Виллингомъ въ газетѣ „Кавказъ“ 1838 г. и помѣщено въ книгѣ г. Дубровина.

„Прошло пятнадцать лѣтъ. Изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась красавицей какихъ мало, и Гудъ сталъ тяготиться своимъ могуществомъ, сталъ помышлять о томъ, какъ бы хорошо быть ему простымъ смертнымъ человѣкомъ, хотя бы бѣднымъ осетинномъ, чтобы только обратить на себя вниманіе красавицы.

„На бѣду молодая дѣвушка не замѣчала заботливости о ней Гуда. Ей давно приглянулся молодой сосѣдь Сасико, статный, ловкій и спланный осетинъ, отличный стрѣлокъ и охотникъ. Старый Гудъ приревновалъ къ нему Нину. Боясь, чтобы Сасико не женился на ней, онъ заводилъ его въ самыя непроходимыя трущобы, когда тотъ преслѣдовалъ туровъ, застигала туманомъ пропасти или осыпалъ его неожиданною метелью. Но все было напрасно: не могъ погубить Гудъ сплннаго и ловкаго охотника.

„Гудъ ревновалъ и бѣсился. Однажды, когда Нина и Сасико, оставшись одни въ саклѣ, не могли наговориться, онъ бросилъ на нихъ огромный снѣжный обвалъ. Сакля уцѣлѣла, но молодые люди попали въ заключеніе. Что было имъ дѣлать? Они развели огонь, усѣлись подлѣ него и безопасно предались мечтамъ и разговорамъ. Въ саклѣ нашлось нѣсколько лепешекъ и кусокъ сыра,—было чѣмъ хоть на время утолить голодь.

„Но прошелъ день, другой—и въ саклѣ раздались вопли отчаянія. Голодь усиливался, а надежды на освобожденіе не было. На четвертый день голодная смерть для обоихъ казалась неминуемой. Сасико кидался изъ угла въ уголь, но вдругъ остановился, впалые глаза его устремились на Нину, онъ бросился къ ней и впился въ ея плечо зубами... Дѣвушка вскрикнула, упала на полъ, но въ это время послышался говоръ, и дверь, очищенная отъ завала, внезапно отворилась. Нина и Сасико бросились къ своимъ избавителямъ, но прежняя любовь перешла въ чувство отвращенія и ненависти другъ къ другу.

„Обрадовался старый Гудъ, узнавъ о результатѣ своей продѣлки; не утерпѣлъ старикъ и разразился такимъ смѣхомъ, что цѣлая гряда камней посыпалась съ горы въ сосѣднее ущелье, гдѣ эти камни лежатъ и понынѣ“.

Такъ отразилась поэзія кавказскихъ альпъ на сплнномъ воображеніи сыновъ ихъ. И сколько еще другихъ легендъ и сказокъ, то романтическихъ, то страшныхъ, но всегда наивно-поэтическихъ, какъ всѣ народныя созданія, переходятъ изъ устъ въ уста въ дымныхъ сакляхъ Кавказа!...

II.

Обыкновенно, *черкесами* называютъ, вообще, всѣ племена горцевъ, населяющія восточный берегъ Чернаго моря, отъ устьевъ Кубани до предѣловъ Абхазіи; но такое обобщеніе не совсѣмъ вѣрно, потому что эти племена отличаются другъ отъ друга какъ по своему происхожденію, такъ и по языку. Собственно *черкесовъ* составляютъ одни только адигейцы, самое красивое племя изъ кавказскихъ горцевъ. Они подраздѣляются на многія племена, изъ которыхъ натухайцы и шапсуги занимали ближайшія къ нашимъ бывшимъ границамъ земли—отъ Анапы до рѣчки Вардины.

Эти два племени, сходныя по происхожденію, говорятъ однимъ языкомъ, съ небольшимъ, впрочемъ, различіемъ въ нарѣчіи, и составляли, въ 50-хъ годахъ (когда шла война) населеніе въ 150 тысячъ душъ. Адигейцы имѣютъ свою азбуку и даже грамматику.

Къ югу отъ шапсуговъ расселены убыхи, численность коихъ не превышаетъ 6.000 семействъ. Всѣ эти племена, основавшіяся отъ Кавказскаго хребта вплоть до берега Чернаго моря, нисколько не похожи на своихъ сѣверныхъ сосѣдей—адигейцевъ, и на южныхъ—абхазцевъ.

Всѣ эти племена въ настоящее время съ 1863 года—подвластны Россіи, и, несмотря на различіе въ языкѣ и происхожденіи, всѣ сходны между собою по одеждѣ и нравамъ.

Каждая отдѣльная община у этихъ племенъ управлялась обычаями и преданіями. Спорные вопросы обсуждались на общихъ сходкахъ, подъ предсѣдательствомъ старшинъ, пользующихся уваженіемъ по своему происхожденію или опытности. Демократическій элементъ бывалъ очень часто ограниченъ вліяніемъ какого-нибудь князя, сильнаго своимъ богатствомъ или связями съ многочисленною роднею; этотъ князь въ былыя времена предписывалъ законы и былъ полнымъ властелиномъ всего племени.

Религія черноморскихъ горцевъ представляетъ странную смѣсь ислама, идолопоклонства и христіанства.

Средствами къ жизни служили для нихъ земледѣліе, скотоводство и нѣкоторыя необходимыя для домашняго обихода ремесла. Жили и живутъ они въ сакляхъ, сложенныхъ изъ бревенъ или сплетенныхъ изъ сучьевъ, обмазанныхъ глиною; крыши кроютъ соломой. Такія жилища отличаются чистотою, а у достаточныхъ горцевъ—и нѣкоторою азіатскою роскошью, заключающеюся въ коврахъ, подушкахъ и оружіи.

Селенія, обыкновенно, расположены въ живописныхъ мѣстностяхъ, но разбросаны безъ всякаго порядка и скрыты за деревьями, увитыми виноградными лозами, такъ что издали трудно бываетъ ихъ замѣтить. Должна

Содери въ особенности отличается своимъ превосходнымъ мѣстоположеніемъ; русскіе отряды заняли ее еще въ 1840 году, построивъ въ устьѣ рѣки Навагинское укрѣпленіе.

Одежда простыхъ горцевъ нерѣдко состоитъ—и до сихъ поръ—изъ однихъ лохмотьевъ, украшенныхъ богатымъ оружіемъ. Эта смѣсь нищеты и роскоши составляетъ характеристичную черту природныхъ жителей Кавказа. Когда горцы попадаютъ въ города, на русскую службу, то они нѣсколько измѣняютъ свой національный костюмъ, но всегда имъ трудно бываетъ привыкнуть къ сапогамъ; у себя дома они носятъ обувь изъ сафьяна, но безъ толстыхъ подошвъ,—потому что находятся, большею частью, или въ саклѣ, или на лошади. Вообще же, черноморскіе горцы отличаются небольшою и стройною ногою и тонкою талією.

Дикій, необузданный и свободолюбивый характеръ этихъ беспокойныхъ племенъ проявлялся въ особенности въ ихъ хищническихъ набѣгахъ на наши, бывшія въ то время *сосѣдними* съ ними, владѣнія или же на земли находившихся по близости отъ нихъ *мирныхъ* горцевъ. Въ каждой беспокойной общинѣ было, обыкновенно, нѣсколько такихъ членовъ, которые не знали никакого иного ремесла, кромѣ разбоя и грабежа и которые, несмотря на это, имѣли нерѣдко огромное вліяніе и значеніе по своей отчаянной смѣлости, буйному характеру и ловкости въ битвахъ. Но когда дѣло шло о какомъ-нибудь важномъ предпріятіи, какъ, напр., о нападеніи на деревню или объ угонѣ нашихъ стадъ, тогда собиравшіеся на совѣщаніе всѣ способные носили оружіе, обсуждали планъ экспедиціи и избирали предводителя. Иногда возникавшіе при этомъ споры и несогласія или какія-нибудь зловѣщія предзнаменованія разстраивали задуманное предпріятіе въ самомъ его началѣ—и сборище расходилось по домамъ. Къ дурнымъ примѣтамъ принадлежалъ, между прочимъ, заяцъ, перебѣжавшій дорогу... Но если уже окончательно рѣшался набѣгъ, вся ватага трогалась въ путь подъ предводительствомъ начальниковъ, которые ѣхали впереди на лучшихъ лошадяхъ; эти лошади были, по преимуществу, иноходцы, дѣлавшіе очень легко, не утомляя сѣдоковъ, отъ 8 до 9 верстъ въ часъ; если партія имѣла такого иноходца въ головѣ, то другія лошади должны были слѣдовать рысью.

При набѣгахъ обыкновенно употребляли коней темной масти, такъ какъ бѣлые могли быть примѣтны издали, даже ночью. Эти скопища собирались всегда на-легкѣ, безъ вьюковъ, подвигались съ необыкновенною быстротою, переправлялись черезъ рѣки въ бродъ или впасть и проходили въ ночь до 80 верстъ. Самое нападеніе дѣлалось всегда съ разсвѣтомъ и совершенно втихомолку и неожиданно; съ этимъ послѣднимъ условіемъ соображалась вся обстановка и даже самое вооруженіе горцевъ: лошади

ихъ были не кованы, ножны шашекъ кожаныя или деревянныя, въ мѣдной или серебряной оправѣ, ружья прятались въ войлочные чехлы—чтобы не звенѣли и не намокли во время дождя, — однимъ словомъ, ни звукъ, ни блескъ не обнаруживали ихъ приближенія... Но когда наступала роковая минута налета на противника и его ауль или становище, тишина нарушалась, все вздрагивало, и толпа хищниковъ, съ пронзительнымъ гиканьемъ и визгомъ, бросалась впередъ: каждый, всадникъ, руководимый инстинктомъ или храбростью, избиралъ себѣ жертву, на которую и накидывался,—такъ что первый натискъ горцевъ всегда былъ ужасенъ... Черкесы обладали особеннымъ искусствомъ окружать табуны лошадей и стада буйволовъ и овецъ и гнать ихъ черезъ горы, лѣса и рѣки. Но иногда, послѣ удачнаго нападенія, за хищниками бросались въ погоню казаки, преслѣдовали ихъ, настигали, завязывали бой съ ихъ арьергардомъ, прикрывающимъ добычу, и нерѣдко горцы бросали награбленную добычу и въ безпорядкѣ спасались бѣгствомъ.



КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КАВКАЗЪ И ЕГО ГЕРОИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЕРОИ КАВКАЗА.

СОСТАВИЛЪ

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Е. Колпинскаго. Конная ул., д. № 3 - 5.

1902.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предисловіи своемъ къ первой части этой книги я упоминалъ, что, вслѣдствіе ограниченнаго размѣра книжекъ, „въ нихъ заключается далеко *не полное* описаніе Кавказа“ вообще. Эту же оговорку я нахожу необходимымъ повторить въ предисловіи и къ настоящей книгѣ: далеко, конечно, *не все* герои Кавказа включены въ нее.

Въ то же время я призналъ возможнымъ и небезынтереснымъ отвѣсти, хотя по нѣскольку страницъ въ этой же книгѣ, Пушкину, Лермонтову, Бестужеву (Марлинскому), Полежаеву и гр. Л. Н. Толстому. Все эти писатели жили и служили на Кавказѣ, а нѣкоторые изъ нихъ даже и воевали тамъ: такъ, напр., Пушкинъ, будучи даже статскимъ, участвовалъ въ кавалерійской атакѣ противъ турокъ въ арміи Паскевича въ Закавказьѣ, Лермонтовъ—въ сраженіи съ черкесами при р. Валерикѣ, такъ поэтически имъ описанномъ, а несчастный А. Бестужевъ (Марлинскій) былъ даже убитъ въ сраженіи съ чеченцами.

Одинаково я не нашелъ возможнымъ обойти молчаніемъ и героевъ противной стороны—и упоминаю о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: о легендарномъ Казбичѣ, Хаджи-Муратѣ, Шамилѣ и др. Последняго изъ нихъ, имама Шамиля, грознаго владыку Кавказа, воевавшего съ Россіею почти 25 лѣтъ, мнѣ довелось, не однажды, видѣть лично,—и въ этой книгѣ читатели найдутъ не лишеныя интереса свѣдѣнія о жизни этого „царя плѣннаго“ въ Калугѣ, по взятіи его въ плѣнъ въ 1859 году (моя статья въ августовской кн. „Вѣстника Европы“ за 1898 годъ). Передъ статью объ этомъ плѣнѣ *у насъ, русскихъ*, помѣщенъ разсказъ о положеніи плѣнныхъ офицеровъ *у черкесовъ*; разсказъ принадлежитъ гениальному русскому писателю Л. Н. Толстому,—и если читатели сравнятъ положеніе бывшихъ плѣнныхъ у нихъ и у насъ, то увидятъ, какимъ радушіемъ и незлобіемъ отличались въ обхожденіи съ плѣнными врагами русскіе люди и какое поистинѣ безпримѣрное великодушіе про-

явилъ къ Шамилю и ко всей его семьѣ и свитѣ покойный госуд.
ксандръ Николаевичъ.

Въ этой же книгѣ я отвелъ мѣсто описанію *юридизма*,—у.
родившаго въ горцахъ глубокую ненависть къ намъ, русскимъ, соз
между ними множество героевъ и долго въ то же время тормаз
окончательное завоеваніе и умиротвореніе Кавказа.

При размѣщеніи рассказовъ въ книгѣ я придерживался хронологиче-
скаго порядка, казавшагося мнѣ болѣе удобнымъ. Почти половина этихъ
рассказовъ взята мною, съ разрѣшенія В. А. Потто и В. А. Березовскаго,
изъ обширнаго и чрезвычайно интереснаго труда „Кавказская война—въ
отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ,“ изданія, пред-
ставляющаго собою серьезный вкладъ въ сокровищницу нашей военно-
исторической литературы, далеко не богатой по этой части.

Одинаково я считаю себя обязаннымъ и приношу мою глубокую при-
знательность и высокочтимому редактору „Русской Старины“ Н. Ф. Ду-
бровину—за его любезное разрѣшеніе пользоваться для настоящей книг.
отчасти, и его почтеннымъ и талантливымъ трудомъ о бывшей войнѣ на
Кавказѣ.

Ив. Захарьинъ.



Генералъ А. П. Ермоловъ.

часть первая.

ДО СМѢНЫ ЕРМОЛОВА.

Начало войны съ черкесами *).

Въ самомъ концѣ восемнадцатаго вѣка на Кавказѣ появляется новый спланный и оригинальный дѣятель въ начавшей тогда крѣпнуть и разгораться борьбѣ Россіи съ горскими племенами. Это была старая Запорожская Сѣчь, силою обстоятельствъ брошенная далеко съ родины на берега бурливой Кубани и ставшая лицомъ къ лицу съ дикими и воинственными сосѣдями. Переселившись на привольные кубанскіе берега, Черноморское войско нашло въ отведенныхъ ему мѣстахъ остатки спланныхъ черкесскихъ племенъ, воевавшихъ съ ногайцами, а иногда вмѣстѣ съ ними вносившихъ опустошеніе и мечъ за тихій Донъ, вглубь русскихъ земель. Сохранялось еще преданіе, что вся мѣстность и всѣ разливы близъ устьевъ Кубани занимало нѣкогда хегатское племя, ближайшее къ владѣніямъ крымскихъ татаръ, а къ юго-востоку отъ нихъ обитали жанинцы, сильный, воинственный, страшный народъ, выставлявшій до 10 тысячъ превосходныхъ наѣзтниковъ. Жанинское племя было нѣкогда на Кавказѣ сильнымъ и могущественнымъ, рѣзко отличавшимся даже отъ другихъ черкесскихъ племенъ своею отвагою, гордостью, духомъ независимости и пламеннымъ характеромъ. Но оба эти племени были истреблены чумою, и казаки нашли на ихъ мѣстѣ лишь нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, разбросанныхъ по Каракубанскому острову и, естественно, не представлявшихъ для казаковъ ни малѣйшей опасности. Совершенно иную картину представляли сильныя черкесскія племена адыге, жившія по ту сторону Кубани, на сѣверныхъ склонахъ западной части Кавказскаго хребта. Черноморцы-запорожцы, привыкшіе встрѣчать въ своихъ придиѣпровескихъ степяхъ крымскихъ байгудшей-конокрадовъ, здѣсь, на Кубани, съ удивленіемъ увидѣли передъ собою народъ того же татарскаго склада, но въ высшей степени трудолюбивый, честный, безъ мелкихъ хищническихъ замашекъ, но въ то же время грозно-воинственный, превосходно и вѣчно вооруженный, потому что онъ не составлялъ изъ себя государства, и каждый отдѣльный членъ его дол-

*) Изъ книгъ В. А. Потто, изд. В. А. Березовскаго.

женъ былъ самъ заботиться о своей безопасности. И казаки не могли отказать черкесамъ въ глубокомъ уваженіи, какъ народу, равному ему по доблести. Черкесы съ своей стороны также скоро выучились уважать лучшія стороны казачества. Увидѣвъ новое воинственное племя, Богъ вѣсть откуда и зачѣмъ пришедшее и поселившееся съ ними бокъ-о-бокъ, сначала они смотрѣли на него не совсѣмъ дружелюбно, но мало-по-малу помирились съ нимъ, видя рыцарскія качества пришельцевъ, такъ прекрасно вооруженныхъ, такъ смѣло, безстрашно приходившихъ къ нимъ за Кубань партіями и по одиночкѣ — рубить лѣсъ, ловить рыбу и охотиться, и, очевидно, не желавшихъ причинять имъ никакого вреда.

На этой почвѣ взаимнаго уваженія между казаками и черкесами въ первое время возникли самыя дружественныя отношенія. Завелась мѣновая торговля и куначество, казаки и черкесы ѣздили другъ къ другу въ гости; если случались какія-нибудь неудовольствія и недоразумѣнія, воровство, убійство, мошенничество, то они разбирались всегда добросовѣстно и безъ всякаго пристрастія. Турки, сидѣвшіе въ Анапѣ, съ неудовольствіемъ слѣдили за развитіемъ мирныхъ сношеній на Кубани, справедливо видя въ нихъ помѣху своему вліянію, и всѣми силами старались мѣшать имъ, вызывая въ горцахъ-магометанахъ ненависть къ христіанскимъ пришельцамъ. И скоро казаки сами помогли имъ неосторожнымъ вмѣшательствомъ въ распрю между черкесскими племенами, сразу положившимъ начало упорной и долготѣней ненависти и войнѣ. Дѣло было такъ.

По странному совпаденію, одновременно съ французской революціей, въ *девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка*, въ земляхъ шапсуговъ и абадзеховъ обнаружались яркіе признаки революціоннаго движенія. Шапсуги, конечно, ровно ничего не знавшіе о Франціи, тѣмъ не менѣе въ тѣхъ же самыхъ годахъ возстали противъ своихъ дворянъ и князей, и гордая, блестящая дотолѣ аристократія ихъ пала въ неравной борьбѣ. Князья были изгнаны изъ отечества, а народъ ввелъ у себя чисто-демократическіе порядки. Но и въ Кавказскихъ горахъ и ущельяхъ происходило въ мнѣншій тюрѣ то же, что происходило въ Европѣ, и между черкесскими племенами далеко не всѣ отнеслись сочувственно къ революціи. Такъ, бжедуги не только сохранили вѣрность своимъ князьямъ и старинному феодально-рыцарскому устройству, но и дали убѣжище шапсугской и абадзехской эмиграціи. Вспыхнула война, и бжедуги обратились за помощью къ черноморскимъ казакамъ. Не разсчитавъ послѣдствій, казаки перешли за Кубань въ черкесскія земли и тамъ приняли участіе въ знаменитой бізюкской битвѣ, столь памятной для нихъ своими послѣдствіями. Объ этомъ первомъ казацкомъ походѣ сохранилось нѣсколько извѣстій, не всегда, однако же, согласныхъ между собою.

Вотъ что говорить о ней преданіе, записанное со словъ стараго казака-черноморца, современника и участника событія. „Однажды,—разсказывалъ старикъ,—пріѣхалъ къ намъ въ гости пріятель бжедугъ и разсказалъ, что у нихъ въ горахъ жить стало трудно, что шапсуги и абадзехи хотятъ, во что бы то ни стало, выгнать бжедугскихъ князей и что онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы просить атамана о помощи. Дней черезъ пять послѣ этого полученъ былъ дѣйствительно наказъ отъ куренного собраться нашей сотнѣ и идти въ Екатеринодаръ. Вотъ и на мою долю выпало побывать въ этомъ поганомъ дѣлѣ. Сотнею командовалъ тогда не-то Скяревскій, не-то другой кто, не запомятую добре, бо былъ не изъ нашего куреня. Въ Екатеринодарѣ дали намъ одну „паганеньку“ пушку и повели насъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь Хомутовскій постъ. Здѣсь переправились мы за Кубань и, отошедши версты двѣ, остановились. Къ развѣту къ намъ подошли 3—4 тысячи бжедуговъ, а спустя немного дали знать, что идутъ и наши противники.

„День былъ отличный и жаркій; на небѣ—ни облачка. Кругомъ насъ разстилались большіе лѣса, виднѣлись богатые аулы и ходило множество стадъ... Видно было, что дѣло шло не на грабежъ, а просто на рыцарскую потѣху. Какъ только показалась шапсуга, бжедугскій князь попросилъ есаула стрѣльнуть изъ пушки. Стрѣльнули. Шапсуги въ отвѣтъ на это пустили цѣлыя тучи стрѣлъ, дали залпъ и кинулись въ шашки. Тутъ уже каждому работы было вдоволь... Наша сотня стояла въ сторонѣ и собственно въ битвѣ не принимала никакого участія, а смотрѣла такъ, какъ на какую-то комедію. Бжедуги долго держались молодцами, но вдругъ по всей шапсугской линіи разомъ пронесся какой-то радостный крикъ,—и бжедуги смѣшались... На вопросъ: что такое случилось?—казакамъ отвѣчали, что князь бжедугскій убитъ и что, по народнымъ понятіямъ, дѣло ихъ проиграно. Напрасно черноморцы указывали имъ на безпорядокъ въ рядахъ непріятеля и ручались за успѣхъ, ежели кинутся дружно. Бжедуги твердили одно, что этого сдѣлать нельзя, и просили казаковъ не вмѣшиваться, чтобы не нарушать народнаго обычая.

„Подивились мы ихнему порядку,—продолжалъ старикъ:—а тутъ глядимъ—черкесы и взаправду слѣзаютъ уже съ лошадей, прячутъ стрѣлы въ кочаны и опускаютъ луки. Нѣсколько стариковъ разостлали на землѣ свои бурки и на нихъ положили сильно раненаго князя. Онъ тутъ же и умеръ, крѣпко наказывая народу держаться его сыновей и не слушаться шапсуговъ.

„Между тѣмъ, какъ наши дурни черкесы сами на себя надѣвали петлю, противники ихъ скакали по полю, стрѣляли вверхъ и оглашали воздухъ радостными криками. Убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ было много;

всѣхъ ихъ забрали и повезли съ собою по ауламъ. Сотенный также повелъ насъ къ Кубани, и мы прибыли домой благополучно, безъ всякой потери“.

Краткія офіціальныя извѣстія, занесенныя въ исторію Черноморскаго войска, впрочемъ говорятъ, что казаки, ходившіе тогда за Кубань подъ начальствомъ войскового полковника Еремѣева, принимали въ дѣлѣ нѣкоторое участіе и потеряли ранеными прапорщика Блоху и 8 казаковъ.

Но существуютъ черкесскія народныя сказанія, которыя съ большею подробностью и достовѣрностью передають факты озійской битвы, ставшей эрой въ жизни черкесовъ и крѣпко залегшей въ памяти народной. Шапсугская эмиграція, какъ говорятъ эти сказанія, водворившаяся у бжедуговъ, конечно, не оставалась сидѣть сложа руки и кровавыми набѣгами расплачивалась съ народомъ за свое изгнаніе. Тогда шапсуги поднялись сами, чтобы съ своей стороны мечемъ отплатить покровителямъ изгнанниковъ, бжедугскимъ князьямъ, и въ то же время они не чужды были стремленій распространить свою революцію дальше, требуя, чтобы и бжедуги, подобно имъ, изгнали своихъ князей. Но это требованіе только могло возмутить народное чувство бжедуговъ, преданныхъ своимъ князьямъ и свято чтившихъ законы гостепріимства. Раздраженіе и ненависть съ обѣихъ сторонъ были чрезвычайны.

Враги встрѣтились на берегахъ рѣчки Взійко, полагають, близъ нынѣшней Новодмитріевской станицы. И тутъ произошло кровопролитіе, небывалое въ междоусобныхъ войнахъ черкесскихъ племенъ. Шапсуги, сильнѣйшіе числомъ, напали съ ожесточеніемъ, и ихъ знаменосцы, обыкновенно первыми бросающіеся на враговъ, проникли далеко вглубь непріятельскаго войска. Но бжедуги самую стремительность непріятеля обратили въ свою пользу,—они побѣжали и навели разгоряченную вражескую конницу на скрытую въ засадѣ свою пѣхоту. Охваченная съ двухъ сторонъ, вся конная шапсугская толпа повернула назадъ и въ бѣгствѣ смяла часть своей же пѣхоты. Напрасно шапсугскіе вожди старались возстановить порядокъ, напрасно храбрѣйшіе, стыдясь бѣжать, смертью некупали постыдную трусость товарищей—всѣ успія были тщетны. Пѣхота шапсуговъ еще долго и храбро сражалась; но тѣмъ сильнѣйшему пораженію она подвергла себя, потому что бжедугская конница, возвращавшаяся послѣ побѣды, ударила ей въ тылъ, и поставленные между двухъ огней, шапсуги подверглись страшному истребленію.

Сама природа, казалось, благопріятствовала побѣдителямъ. Утро этого достопамятнаго дня было тихо, прекрасно, и лѣтнее солнце великолѣпно взошло надъ прекрасною равниною, блиставшею росой и скоро долженствовавшей обогрѣться кровью. Но вдругъ, передъ самымъ сраженіемъ,

весь горизонтъ покрылся тучами, изрѣдка засверкала молнія, и пошелъ проливной дождь. И это обстоятельство было чрезвычайно полезно для малочисленныхъ бжедуговъ тѣмъ, что замокъшія ружья почти не стрѣляли, а въ рукопашномъ бою они, ловкіе и проворные, много выигрывали передъ тяжелыми и въ сравненіи съ ними неповоротливыми шапугами.

Поле сраженія было покрыто убитыми и ранеными; цѣлыми толпами пригоняли плѣнныхъ къ сборному мѣсту; добычу, оружіе свозили туда же и, какъ говорятъ, навезли цѣлую гору. Но побѣда стоила дорого и побѣдителямъ: они потеряли много отличныхъ людей и своего храбраго князя Баты-Гирея. Этотъ замѣчательный человѣкъ получилъ рану въ самомъ началѣ сраженія, когда еще не было извѣстно, чѣмъ рѣшится судьба достопамятнаго дня. Истекая кровью, лежалъ онъ на полѣ кроваваго побойща и дожилъ еще до минуты, когда пришли поздравить его съ побѣдою.

— Теперь я умру спокойно,—сказалъ онъ.

Участіе малочисленнаго отряда казаковъ, по горскимъ сказаніямъ, также было дѣломъ второстепеннымъ, принесшимъ побѣдителямъ, однако, большую пользу нѣсколькими выстрѣлами изъ орудія, которые должны были внушить сильный страхъ шапугамъ. Въ пѣснѣ, въ которой бжедуги передали потомству свои подвиги, есть и имя начальника казацкаго отряда.

Кровавая битва понынѣ живеть въ памяти черкесскихъ племенъ, и полумирный пахарь на берегахъ Бзійка, ручейка ничтожнаго, но давшаго имя достопамятному дню („Бзійка-заоръ“), отрывая человѣческія кости, вздохнувъ, произноситъ: „тогда погибъ и мой отецъ“,—и угрюмо глядитъ на истлѣвающіе останки собрата. Спросите сѣдого какъ лунь старика, сколько ему лѣтъ, и онъ вамъ скажетъ: „во время бзійкской битвы я уже умѣлъ держаться на лошади“; или: „помню, когда привезли тѣло моего отца,—на немъ все платье было въ крови“.—„Не бжедуги, а Богъ насъ пстремилъ въ наказаніе за нашу гордость“,—говорили старики, вспоминая бурные дни народныхъ волненій, въ которыхъ и сами принимали участіе.

Помнитъ народъ и имена славныхъ, участвовавшихъ въ битвѣ. Въ долину Адагума, тамъ, гдѣ стоитъ нынѣ штабъ-квартира крымскаго полка, еще видны два кургана, на которыхъ поставлены бастіоны новаго укрѣпленія. На вопросъ русскаго офицера, чьи это могилы, мѣстные жители рассказали, что нѣкогда жилъ въ долину Адагума одинъ изъ извѣстнѣйшихъ владѣльцевъ племени натухайцевъ, Калабатъ, что шапуги напали на него съ абадзехами, но казацкій атаманъ Чепѣга послалъ на помощь Калабату войскаго полковника Еремѣева съ сотнею казаковъ-охотниковъ, съ пушкой, при прапорщикѣ Блохѣ, и шапуги были разбиты. По этимъ рассказамъ, казаки потеряли 1 убитымъ и 10 ранеными и между послѣдними прапорщика Блоху. Самъ Калабатъ палъ въ битвѣ.

Меньшій курганъ—п есть могила героя легенды, Калабата, похороненнаго вмѣстѣ съ своимъ сподвижниками; въ большомъ — лежатъ 800 шапсуговъ и абадзеховъ.

Дорого обошлась бзіюкская битва шапсугамъ, но еще дороже она стала побѣдителямъ бжедугамъ, утратившимъ въ лицѣ князя Баты-Гирея свое вліяніе на сосѣднія горскія племена. И бжедуги долго, на самомъ мѣстѣ сраженія, оплакивали своего князя, положеннаго подъ небольшимъ, одиноко растущимъ дубомъ, молодымъ до того, что вѣтви его гнулись отъ бурокъ, защищавшихъ трупъ убитаго князя отъ лучей солнца. Еще недавно нѣкоторые горцы указывали этотъ дубъ, названный „Батыгиреевскимъ дубомъ“. Но говорятъ, что русскій топоръ не пощадилъ и его во время послѣднихъ движеній отрядовъ.

Взглядъ народа на бзіюкскую битву выразился въ отвѣтъ одной шапсугской женщины, вышедшей навстрѣчу къ возвращающимся съ поля битвы. Узнавъ о гибели мужа и дѣтей, сложившихъ головы на Бзіюкѣ, она крѣпко пригорюнилась.— „Что же вы сдѣлали добраго?“—спросила она шапсуговъ.— „Убили Баты-Гирея“,—отвѣчали ей. Опечаленная вдова и мать захопала въ ладоши и сказала: „потерю шапсуговъ шапсугскія женщины могутъ пополнить въ одну ночь, а потерю Баты-Гирея бжедуговскія жены и во сто лѣтъ не исправятъ“.

Бзіюкская битва положила начало ненависти и полувѣковой борьбѣ черкесовъ съ русскими, и Чепѣга, въ самое послѣднее время атаманства котораго она была, оставилъ своимъ преемникамъ, Котляревскому и потомъ Бурсаку, трудное положеніе дѣлъ. Шапсуги и абадзехи мстили за вмѣшательство постоянными набѣгами и добровольно перешли на сторону турокъ, только и ждавшихъ момента поссорить горцевъ съ казаками. Бжедуги, натухайцы и нѣкоторыя другія племена еще держались недолгое время союза съ русскими, но тѣ же шапсуги и турки скоро переманили ихъ на свою сторону. Да иначе и быть не могло. Если бы турки въ то время не сидѣли въ Анапѣ и не держали по берегамъ моря рынковъ для торговли невольниками, быть можетъ, вліяніе ихъ на Черкесію окончились бы въ тотъ самый день, какъ русскіе придвинулись къ Кубани. Но развращающая возможность легкаго обогащенія грабежомъ и плѣненіемъ сосѣдей склоняла черкесовъ на сторону турокъ и дѣлала ихъ естественными врагами русскихъ.

Шапсуги и абадзехи первые стали производить набѣги на линію, захватывать людей и сбывать ихъ въ Анапу; другія племена увлеклись ихъ примѣромъ—и война запылала. За Кубань нельзя уже было ѣздить казакамъ не только по одиночкѣ, какъ прежде, но даже и цѣлыми командами, которыя никогда не возвращались назадъ безъ убитыхъ и раненыхъ.

Мирная Кубань стала съ этихъ поръ для черноморскаго казака порогомъ вѣчности. И уже никто, не рискуя утратить жизнь или свободу, не могъ переступить запретныхъ береговъ ея.

Геройскій подвигъ Монтрезора *).

Монтрезоръ, служившій въ Тифлисскомъ пѣхотномъ полку, принадлежалъ къ числу тѣхъ штабъ-офицеровъ, на которыхъ обыкновенно возлагають большія надежды въ будущемъ. Но служба долго не представляла ему ничего, что могло бы его выдвинуть изъ среды товарищей и дать право на болѣе широкое поприще, чѣмъ то, которое онъ занималъ по должности батальоннаго командира. И вотъ, одна минута геройской смерти,—минута, когда Монтрезоръ спасаетъ честь русскаго оружія, окружила его имя лучезарнымъ ореоломъ славы, такъ что мало кому извѣстный до того человекъ вырастаетъ вдругъ до степени народнаго героя, и память о немъ переходитъ изъ рода въ родъ, не умирая въ рядахъ кавказскихъ войскъ. Передъ этой минутой меркнетъ все остальное въ жизни покойнаго.

Въ іюлѣ 1804 года войска, блокировавшія Эривань, сильно терпѣли отъ недостатка продовольствія. Всѣ распоряженія по этой части выполнялись медленно, а это разстраивало планы главнокомандующаго и вынудило его, наконецъ, сдѣлать распоряженіе о перевозкѣ всего провіанта изъ Тифлиса въ Бомбакъ, откуда онъ уже и могъ быть доставляемъ въ блокадный корпусъ по мѣрѣ надобности. Между тѣмъ грузинскій царевичъ Александръ, съ сильнымъ отрядомъ персидскихъ войскъ, проникъ въ Бомбакскую провинцію и сдѣлалъ сообщенія съ Тифлисомъ крайне опасными.

Караклисъ, нынѣ бѣдное армянское селеніе, тогда былъ главнымъ городомъ Бомбакской провинціи и имѣлъ для русскихъ значеніе операціонной базы при наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи и Персіи. Въ Караклисѣ всегда поэтому располагался отрядъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ надежнаго штабъ-офицера, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручалось и наблюденіе за политическимъ состояніемъ края. До эриванской экспедиціи постъ этотъ занималъ майоръ Монтрезоръ, офицеръ распорядительный, храбрый и хорошо знакомый съ азіатскою политикою. Но эти же самыя качества заставили Циціанова взять Монтрезора съ собою въ походъ, а на его мѣсто поставить батальонъ Саратовскаго полка, подъ командою армяннина, майора Хаджаева. Неспособность послѣдняго скоро оказалась на дѣлѣ и имѣла весьма печальныя послѣдствія. Онъ упустилъ благоприятное время

*.) Изъ книги В. А. Потто. Разсказъ изданъ отдѣльно В. А. Березовскимъ.

для перевозки къ Эривани транспортовъ, и теперь, при появленіи въ краѣ персіянь, не зналъ, какъ за это взяться.

Путь былъ дѣйствительно опасенъ, и еще недавно грузинская конница, слѣдовавшая по этой дорогѣ въ Тифлисъ, встрѣчена была персіянами и частью захвачена въ плѣнъ. Циціановъ приписалъ этотъ случай недостаточной распорядительности самого Хаджаева и рѣшился отправить на смѣну ему опять майора Монтрезора, съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній принялъ всѣ мѣры не только къ открытію сообщенія съ Тифлисомъ, но и къ скорѣйшему доставленію транспортовъ изъ Караклиса къ Эривани. Отправляя Монтрезора со сборною командою, всего изъ 109 человекъ при одномъ орудіи, главнокомандующій предписалъ ему стараться проходить опасныя мѣста по ночамъ. Но всѣ предосторожности оказались напрасными: не успѣлъ Монтрезоръ отойти нѣсколькихъ верстъ отъ блокаднаго корпуса, какъ уже былъ окруженъ персидскою конницею, къ которой на каждомъ шагѣ прибывали новыя толпы казахскихъ и борчалинскихъ татаръ.

Монтрезоръ рѣшился проложить себѣ путь штыками и, пренебрегая многочисленностью непріятели, продолжалъ движеніе черезъ каменистыя горы, по дорогѣ весьма затруднительной и на протяженіи двадцати слишкомъ верстъ совершенно безводной. Долину рѣки Аборанъ Монтрезоръ прошелъ при непрерывномъ боѣ съ персіянами; а 21-го августа, спускаясь съ горъ въ Бомбакскую равнину, увидѣлъ издали главныя силы царевича, которыя двигались навстрѣчу со стороны Караклиса. Почти въ виду самаго города царевичъ обложилъ малочисленный русскій отрядъ, изнуренный усталостью, зноемъ и жаждой, и потребовалъ сдачи. Монтрезоръ отвѣчалъ, „что смерть предпочитаетъ постыдному плѣну“, и приготовился къ бою.

Раздраженный гордымъ отказомъ, царевичъ поклялся уничтожить отрядъ и двинулъ въ атаку разомъ всѣ свои силы. Нѣсколько часовъ длилась отчаянная битва; но когда бѣльшая часть отряда была перебита и переранена, когда опорожнились патронныя сумы, и Монтрезоръ увидѣлъ, что средства обороны истощены до конца, онъ сбросилъ мундиръ и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ: „Ребята, я больше вамъ не начальникъ. Спасибо за храбрость и службу. Теперь, кто хочетъ, можетъ спастись!“ Позволеніемъ этимъ, однако же, никто не воспользовался, кромѣ одного барабанщика; остальные дали послѣдній залпъ и, по слѣдамъ Монтрезора, кинулись въ штыки на непріятели. И въ нѣсколько минутъ отряда не стало.

Самого Монтрезора нашли впоследствии изрубленнымъ на пушкѣ, которую онъ, какъ видно, защищалъ до послѣдняго мгновенія; съ нимъ рядомъ были убиты: поручикъ Ладыгинъ и прапорщики Черецъ и Верещаго,

а изъ ста девяти солдатъ одинъ бѣжалъ, 15 тяжело раненыхъ захвачены въ плѣнъ, а остальные 93 человекъ погибли геройскою смертию.

Какъ только отгремѣла битва и темная, дождливая ночь спустилась на страшное поле, усыпанное трупами и залитое кровью, персіяне повернули назадъ, навстрѣчу къ новому транспорту подходившему изъ Тифлиса. Транспортъ этотъ, однако же, успѣлъ благополучно дойти до Караклиса, но препроводить его отсюда дальше, въ блокадный корпусъ, уже не представлялось никакой возможности.

Циціановъ былъ глубоко огорченъ извѣстіемъ о смерти Монтрезора и, возвращаясь въ Тифлисъ изъ эриванской экспедиціи, навѣстилъ могилу храбраго воина. Впослѣдствіи общество офицеровъ Тифлискаго полка пожелало увѣковѣчить славный подвигъ товарища сооруженіемъ на мѣстѣ его смерти небольшого скромнаго обелиска, и Циціановъ самъ составилъ для него надпись. Но, къ сожалѣнію, землетрясеніе 8-го октября 1827 года разрушило памятникъ, а вмѣстѣ съ нимъ погибла и драгоценная надпись.

Впослѣдствіи, уже въ сороковыхъ годахъ, князь Воронцовъ приказалъ возобновить обелискъ на мѣстѣ историческаго боя, и онъ существуетъ до настоящаго времени, на почтовой дорогѣ между Тифлисомъ и Александрополемъ, оберегаемый сосѣдними жителями, между которыми еще свѣжо и донныѣ преданіе о славной смерти майора Монтрезора.

Генераль А. П. Ермоловъ.

(Краткая біографія).

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1772 году и, по обычаю того времени, пятнадцати лѣтъ отъ роду—именно 5-го января 1787 года—былъ уже зачисленъ на службу кантениармусомъ въ лейбъ-гвардіи Пресображенскій полкъ. Въ слѣдующемъ году, 28-го сентября 1788 года, онъ былъ произведенъ въ сержанты, а черезъ три года, въ 1791 году, перешелъ, съ чиномъ капитана, въ Нижегородскій драгунскій полкъ и поступилъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ генераль-поручика Самойлова. Затѣмъ, выдержавъ съ *особеннымъ отличіемъ* экзаменъ, онъ былъ переведенъ въ артиллерію—во 2-й бомбардирскій батальонъ.

Съ 1794 года начинается уже боевая дѣятельность А. П. Ермолова. Совершивъ, подъ начальствомъ Суворова, походъ въ Польшу, онъ участвовалъ въ сраженіи при переходѣ черезъ р. Бугъ (13-го октября) и въ построеніи батарей противъ Праги, днемъ, подъ сильною канонадою. Во

время самага штурма этого предмѣстья Варшавы, 24-го октября, онъ командовалъ уже отдѣльною батареєю и за это дѣло, по назначенію самага Суворова, получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

Въ 1796 году А. П. Ермоловъ находился въ персидскомъ походѣ, при осадѣ Дербента, командовалъ брешь-батареєю и былъ за отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. 11-го января 1797 года произведенъ въ майоры; 1-го февраля 1798 года—въ подполковники, а 26-го декабря того же года, по необъяснимому неудовольствію императора Павла, былъ отставленъ отъ службы и заточенъ въ Петропавловскую крѣпость, откуда, впрочемъ, скоро былъ освобожденъ и высланъ въ Кострому.

По восшествіи на престолъ императора Александра I, въ 1801 году, снова вступилъ на службу—сперва въ 8-й „артиллерійскій батальонъ“, 9-го июня 1801 г. Во время своей невольной отставки онъ учился у соборнаго протоіерея Груздева латинскому языку, вмѣстѣ съ М. И. Платовымъ, находившимся тоже, по распоряженію Павла, въ ссылкѣ въ Костромѣ. Въ то же время Ермоловъ тщательно изучалъ и военныя науки, пополняя, такимъ образомъ, недостатки своего первоначальнаго образованія.

Въ 1805 году А. П. Ермоловъ, командуя одною изъ ротъ артиллерійскаго батальона, находился съ нею въ арьергардѣ князя Багратіона, при извѣстномъ отступленіи Кутузова отъ Ивны, подъ Амштетеномъ и Кремсомъ, а въ сраженіи при Аустерлицѣ дѣйствовали изъ своихъ орудій „до послѣдней возможности“. Со времени этой кампаніи, за которую былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени, онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ питомцевъ и учениковъ Суворова—Кутузова и кн. Багратіона. Вслѣдствіе похвальныхъ отзывовъ послѣдняго, великій князь Константинъ Павловичъ представилъ Ермолова государю и затѣмъ постоянно удостоивалъ молодого офицера своимъ вниманіемъ.

Въ кампанію 1806 года А. П. Ермоловъ, уже въ чинѣ полковника, командуя 7-ю артиллерійскою бригадою, былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи въ авангардѣ—по настоянію кн. Багратіона, „бросившаго (по словамъ Ермолова) нѣсколько цвѣтковъ на трудный путь, имъ пройденный“... За время этого похода онъ участвовалъ въ сраженіяхъ: при Голымниѣ, за которое награжденъ золотою шапкою съ надписью „за храбрость“, при Либштадтѣ, Морунгенѣ, Варлакѣ, Вольфсдорфѣ и Ландсбергѣ; за генеральное сраженіе при Прейшишъ-Эйлау награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени; потомъ участвовалъ въ дѣлахъ при Цехернѣ и Альткирхенѣ, въ преслѣдованіи непріятели за р. Пассаргу, за что получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени, въ прикрытіи отступленія арміи черезъ р. Алле, въ сраженіяхъ при Гутштадтѣ и Гейльсбергѣ и, наконецъ, въ

битвѣ подъ Фридландомъ, за которую получили орденъ св. Анны съ алмазами.

Въ 1808 году А. П. Ермоловъ, по ходатайству графа Аракчеева, былъ произведенъ (16-го марта) въ генераль-майоры и оставленъ, попрежнему, командиромъ 7-й артиллерійской бригады, съ назначеніемъ инспекторомъ конно-артиллерійскихъ ротъ: 7-й, 8-й, 11-й, 12-й, 13-й и 22-й бригады; а въ 1811 году назначенъ командиромъ гвардейской артиллерійской бригады, съ оставленіемъ инспекторомъ вышеприведенныхъ конно-артиллерійскихъ ротъ.

Затѣмъ наступилъ достопамятный 1812 годъ, который можетъ считаться одною изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ жизни А. П. Ермолова. Въ началѣ похода онъ былъ начальникомъ гвардейской пѣхотной дивизіи. Незадолго передъ тѣмъ, именно въ 1811 году, оудучи назначенъ командиромъ одной изъ гвардейскихъ бригадъ (Измайловскаго и Литовскаго полковъ), А. П. Ермоловъ, по собственнымъ своимъ словамъ, „армейскій офицеръ, не созданный для столицы, въ отдаленности отъ нея одичавшій“, просилъ о перемѣнѣ мѣста, но императоръ Александръ, отказавъ въ этой просьбѣ, приказалъ военному министру Барклаю-де-Толли объявить А. П. Ермолову, что „впредь все назначенія его будутъ сдѣланы самимъ государемъ, и если они иногда не будутъ сходны съ его желаніемъ, то всегда будутъ согласоваться съ пользою службы. Скажите ему,—прибавилъ государь,—что онъ ни въ комъ нужды не имѣетъ“.

Въ началѣ іюня 1812 года, во время пребыванія императора Александра I въ Дриссѣ, А. П. Ермоловъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 1-ой западной арміи. Такимъ образомъ, будучи въ чинѣ еще генераль-майора, онъ сдѣлался вторымъ лицомъ стотысячной арміи, въ такое время, когда дѣло шло о спасеніи Россіи. Не довольствуясь этимъ, государь пожелалъ получать прямо отъ А. П. Ермолова донесенія какъ о состояніи арміи, такъ и вообще о всѣхъ военныхъ обстоятельствахъ. Это щекотливое порученіе было исполнено имъ съ совершенною добросовѣстностью: онъ ничего не позволилъ себѣ написать къ государю, кромѣ справедливыхъ замѣчаній о нѣкоторыхъ ошибкахъ Барклая-де-Толли, о маломъ довѣрѣи къ нему войскъ, о необходимости единоначалія, да еще о неспособности Эртеля. Въ качествѣ начальника штаба 1-й арміи, А. П. Ермоловъ принималъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ при Витебскѣ, Смоленскѣ и Заболотьѣ (при Лубнѣ) и за отличіе въ послѣднемъ награжденъ чиномъ генераль-лейтенанта (31-го октября 1812 года). При отъѣздѣ изъ Петербурга князя Кутузова, назначеннаго главнокомандующимъ всеми дѣйствующими русскими войсками, государь, съ цѣлью сообщить ему нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ,

передалъ ему подлинныя письма начальника штаба 1-ой арміи. Неограниченная довѣренность государя къ А. П. Ермолову была причиною охлажденія къ нему Кутузова; *l'enfant gâté du général* (главнокомандующаго), какъ называли Ермолова въ кампанію 1805 года, уже не пользовался въ 1812 году прежнею благосклонностію стараго полководца. Кутузовъ, по возможности, отстранялъ отъ себя А. П. Ермолова; но тѣмъ не менѣ послѣдній принималъ участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ соединенныхъ западныхъ арміи. Въ сраженіи при Бороднѣ онъ съ горстью войскъ удержалъ непріятеля, овладѣвшаго батареей Раевского и грозившаго прорывомъ нашему центру. „Высота сія,—говоритъ самъ А. П. Ермоловъ въ своемъ донесеніи,—повелѣвавшая всѣмъ пространствомъ, на коемъ устроены были обѣ арміи, и 18 орудій, доставшихся непріятелю, были слишкомъ важнымъ обстоятельствомъ, чтобы не испытать счастья возвратить сдѣланную потерю. Я предпринялъ оное. Нужна была дерзость и мое счастье,—и я успѣлъ. Взявъ одинъ только 3-й батальонъ Уфимскаго пѣхотнаго полка, остановилъ я бѣгущихъ,—и толпою, въ образѣ колонны, ударилъ въ штыки. Непріятель защищался жестоко, батареи его дѣлали страшное опустошеніе, но ни что не устояло. 3-й батальонъ Уфимскаго полка и 18-й егерскій полкъ бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й егерскій—по лѣвую сторону оной, и въ четверть часа наказана дерзость непріятеля. Батарея во власти нашей, вся высота и поле оной покрыты тѣлами, и бригадный генералъ Бонами былъ одинъ изъ непріятелей, снискавшій пощадѣ“. Въ этомъ дѣлѣ А. П. Ермоловъ былъ тяжело раненъ въ шею и за свой подвигъ, запечатлѣнный кровью, получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. На военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, гдѣ рѣшалась участь Москвы, А. П. Ермоловъ, сознавая необходимость отступленія, предложеннаго Барклаемъ-де-Толли, не соглашался съ нимъ только въ направленіи на Нижній-Новгородъ; но, зная общее настроеніе умовъ въ народѣ и войскѣ, предложилъ сразиться въ защиту Москвы. Затѣмъ А. П. Ермоловъ принималъ участіе въ дѣлахъ при Тарутинѣ и подъ Малоярославцемъ, гдѣ онъ распоряжался сраженіемъ въ городѣ и вмѣстѣ съ генераломъ Дохтуровымъ нѣсколько часовъ удерживалъ прѣвосходящаго числомъ непріятеля до прибытія Коновницына съ корпусомъ Раевского, за что получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени. Потомъ А. П. Ермоловъ находился въ авангардѣ генерала Милорадовича, подъ Вязмою и Краснымъ, получивъ за послѣднее дѣло шпагу, украшенную алмазами, и командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ во время преслѣдованія непріятеля къ рѣкѣ Березинѣ и далѣе къ Вильнѣ. Нѣсколько разъ писалъ онъ къ фельдмаршалу, настаивая на необходимости быстрого преслѣдованія, но представленія эти были оста-вляемы безъ вниманія.

Въ походѣ 1813 года А. П. Ермоловъ, въ качествѣ начальника артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ армій, участвовалъ въ сраженіи при Люценѣ, 20-го апрѣля, а подѣ Бауценомъ, 9-го мая, командовалъ отрядомъ, оставленнымъ на полѣ боя по отступленіи войскъ центра и лѣваго крыла. Графъ Витгенштейнъ, хотя и неблаговолившій къ нему, сказалъ тогда государю: „я оставилъ на полѣ сраженія Ермолова на полтора часа, но онъ, удерживаясь со свойственнымъ ему упрямствомъ гораздо долѣе, сохранилъ тѣмъ около пятидесяти орудій“. На слѣдующій день А. П. Ермоловъ, находясь въ арьергардѣ, четыре раза останавливалъ непріятели на пути къ Рейхенбаху. По возобновленіи военныхъ дѣйствій послѣ перемирія, онъ командовалъ 1-ю гвардейскою дивизією, содѣйствовалъ совѣтомъ и дѣломъ знаменитому движенію отъ Пирны въ Богемію и принялъ начальство надъ всѣмъ отрядомъ въ достопамятномъ Кульмскомъ бою, по отбытіи раненаго Остермана съ поля сраженія. Наградю этого подвига былъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ міровой битвѣ подѣ Лейпцигомъ А. П. Ермоловъ командовалъ всею гвардейскою пѣхотою; а въ 1814 году, при взятіи Парижа, 18-го марта, водилъ въ бой російско-прусскую пѣшую гвардію и за отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-го класса.

Въ 1817 году А. П. Ермоловъ, назначенный за годъ передъ тѣмъ (6-го апрѣля 1816 г.) командиромъ отдѣльнаго грузинскаго (впослѣдствіи кавказскаго) корпуса, былъ отправленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Персію. Поддерживая достоинство Россіи и убѣдясь, что въ дѣлахъ съ азіатскими дипломатами никогда не должно выказывать уступчивости, онъ велъ себя гордо и возбудилъ неудовольствіе персидскихъ сановниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, желая отомстить ему, рѣшились избавиться отъ него отравою или убійствомъ. Узнавъ объ этихъ замыслахъ, А. П. Ермоловъ, при первомъ свиданіи съ злоумышленниками, объявилъ имъ, что намѣренія ихъ ему извѣстны: „Вы хотите умертвить меня,—сказалъ онъ,—но вы этого не сдѣлаете! Вы этого не смѣете, потому что я представитель Россіи!“ Несмотря на такія враждебныя отношенія къ персіянамъ, А. П. Ермоловъ, благодаря твердости и благоразумію своихъ дѣйствій, исполнилъ совершенно успѣшно возложенное на него порученіе и былъ награжденъ за это чиномъ генерала-отъ-инфантеріи, 20-го февраля 1818 года.

Съ 1817 года начинается десятилѣтній періодъ дѣятельности А. П. Ермолова на Кавказѣ, гдѣ имя его до сихъ поръ памятно какъ между русскими, такъ и между горцами. Располагая самыми ограниченными средствами, онъ умѣлъ удерживать страну въ повиновеніи и внушить уваженіе къ себѣ въ грубыхъ жителяхъ горъ твердостью характера и строгою справедливостью.

Въ 1817 году А. П. Ермоловъ усилилъ редуть Назрановскій, прикрывавшій дорогу изъ Моздока во Владикавказъ, и выселилъ изъ города въ его окрестности часть пугушей, находившихся въ постоянной враждѣ съ чеченцами. Этимъ распоряженіемъ Военно-Грузинская дорога была обезпечена отъ нападеній чеченцевъ съ помощью ихъ враговъ, пугушей, которые сами, поселеніемъ въ открытыхъ мѣстахъ, были поставлены въ постоянную отъ насъ зависимость.

Въ 1818 году А. П. Ермоловъ, лично основалъ крѣпость Грозную при рѣкѣ Сунжѣ, на землѣ чеченцевъ, въ 30 верстахъ передъ казачьею линіею, расположенною на Терекѣ. Устройство крѣпости внутри непріятельскихъ земель предало окрестныя племена въ нашу власть и болѣе обезпечило казачьи поселенія по Тереку отъ непріятельскихъ нападеній. Затѣмъ А. П. Ермоловъ выступилъ съ небольшимъ отрядомъ въ Дагестанъ противъ возмущившихся акушинцевъ, разорилъ большое селеніе Джангутай (14-го декабря) и, прибывъ на Терекъ, расположилъ войска на зимнихъ квартирахъ.

Въ 1819 году, съ тою же цѣлью, съ какою была основана Грозная, и почти въ такомъ же разстояніи впереди линіи, А. П. Ермоловъ заложилъ у главнаго кумыккаго селенія Андреева деревня (Эндери) крѣпость Внезапную, что послужило къ покоренію окрестной страны. Потомъ, выступивъ противъ аварскаго хана, онъ разбилъ (16-го августа) его шеститысячное скопище у селенія Боутугай на рѣкѣ Сулакѣ, разорилъ нѣсколько ауловъ и возвратился въ крѣпость Внезапную. Слѣдствіемъ этой удачной экспедиціи было водвореніе совершеннаго спокойствія въ кумыкскихъ владѣніяхъ. Хищное племя кичкальковъ было также наказано разореніемъ Горячевскаго селенія (Исти-су), 1-го октября, отрядомъ генерала-майора Вельяминова, что заставило горцевъ частью обратиться къ мирнымъ занятіямъ, частью удалиться отъ Сунжи. Въ ноябрѣ того же года А. П. Ермоловъ, сосредоточивъ въ Таркахъ 15 батальоновъ и 1.200 человекъ регулярной конницы съ 52 орудіями, выступилъ въ началѣ декабря въ Акушу, разбилъ непріятеля, въ числѣ 15.000 человекъ въ сраженіи при селеніи Лавашѣ и покорилъ всю Акушинскую область.

Въ 1820 году усмирены возмущенія въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, и перенесена часть линіи съ Терека на Сунжу; при бывшемъ чеченскомъ селеніи Исти-су сооружено укрѣпленіе Неотступный-Станъ; при селеніи Аксай—временное укрѣпленіе; а на Сунжѣ, кругомъ редута Злобный-Окопъ, прикрывавшаго переправу, вырубленъ обширный лѣсъ; наконецъ, проведена дорога отъ Неотступнаго-Стана черезъ рѣки Гудермесъ и Сунжу; послѣдняя изъ этихъ работъ была исполнена кумыками и чеченцами, которые выставили 2.500 рабочихъ, расположили по Сунжѣ свои караулы и доставляли

продовольствіе нашимъ войскамъ. За обезпеченіе лѣваго крыла Кавказской линіи, перенесеніе ея на Сунжу и усмиреніе возмущившихся областей, А. П. Ермоловъ награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра первой степени.

Въ 1821 году, по распоряженію А. П. Ермолова, построена генераль-майоромъ Вельяминовымъ, близъ Тарковъ, мѣстопребыванія шамхала, крѣ-пость Бурная, и въ 1822 году, для совершеннаго усмиренія Кабарды, устроена новая линія, у подошвы Черныхъ горъ, отъ Владикавказа до верховья Кубани, и воздвигнуты укрѣпленія на рѣкахъ Урухъ, Нальчикъ и Баксавъ, въ срединѣ кабардинскихъ владѣній. Около того же времени былъ возведенъ редутъ у сел. Старый-Юртъ, на сообщенія Грозной съ р. Терек-комъ, а также укрѣпленіе Ташъ-Кичу и Ампръ-Аджи-Юртъ, на сообщеніи съ Тереккомъ крѣпости Внезапной. Въ 1823 году было подавлено новое возмущеніе въ Дагестанѣ.

Съ 1825 года начало распространяться на Кавказѣ враждебное рус-скимъ ученіе мюридизма, и въ то же время возникли несогласія съ Пер-сією; поэтому А. П. Ермоловъ просилъ объ усиленіи кавказскаго корпуса, а между тѣмъ, съ наступленіемъ сплывныхъ морозовъ, въ январѣ 1826 года, выступилъ противъ чеченцевъ изъ кр. Грозный, съ отрядомъ изъ 4¹/₂ батальоновъ, 600 линейныхъ казаковъ и 15 орудій. Пройдя вооруженною рукою черезъ Гойтинскій лѣсъ, онъ разогналъ непокорныхъ горцевъ, разорилъ нѣсколько селеній и сильно поколебалъ вѣрованіе мю-ридовъ въ непогрѣшимость ихъ духовнаго главы муллы Магомета. Кончина императора Александра I и воцареніе новаго государя положили пре-дѣлъ общественной дѣятельности А. П. Ермолова...

25-го ноября 1827 года А. П. Ермоловъ, по домашнимъ обстоятель-ствамъ, былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсією полного жа-лованья.

Изъ этого краткаго обзора военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, съ 1817 по 1827 годъ, видно, что время управленія этою безпокойною странюю А. П. Ермоловымъ можетъ быть принято за начало систематической войны противъ горцевъ. Эта система со стороны Кавказской линіи, заключалась преимущественно въ прочномъ утвержденіи въ земляхъ непокорныхъ об-ществъ, постройкой передовыхъ укрѣпленій, устройствомъ дорогъ и рубкой просѣкъ, въ усиленныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ обществъ, упорствовавшихъ въ изъявленіи покорности, и въ строгомъ обращеніи со вновь покорявшимися. Общимъ результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій было упро-ченіе нашей власти въ Кабардѣ и въ Кумыкскомъ владѣніи и покореніе большей части племенъ, обитающихъ въ предгорьяхъ и на ближайшихъ къ горамъ равнинахъ по сѣверную сторону Главнаго и Андійскаго хребтовъ,

за включеніемъ закубанскихъ племенъ, которые въ продолженіе всего этого періода частью сохранили свою независимость, частью же состояли подъ номинальною властью Турціи. Въ Дагестанѣ, несмотря на ограниченныя средства, какія были тогда въ распоряженіи кавказскаго главнокомандующаго, власть наша при А. П. Ермоловѣ значительно распространилась. Къ концу его управленія, т.-е. къ 1827 году, намъ принадлежали не только весь прибрежный Дагестанъ, но и многія общества внутренняго Дагестана, сосѣднія съ Аварією. Для упроченія же здѣсь нашей власти всѣ мѣры ограничивались удаленіемъ хановъ, навлекавшихъ на себя неудовольствіе правительства, подчиненіемъ ихъ владѣній въ прямую отъ насъ зависимость и временнымъ расположеніемъ войскъ въ нѣкоторыхъ главныхъ селеніяхъ, потому что въ то время для Дагестана не назначалось даже особыхъ войскъ, а командировались туда временно отряды съ Кавказской линіи и изъ Закавказья. Наконецъ, что касается Закавказья, то здѣсь военныя дѣйствія были на второмъ планѣ, такъ какъ вся дѣятельность сосредоточивалась почти исключительно въ Дагестанѣ и на Кавказской линіи, и потому главное вниманіе А. П. Ермолова было обращено на упроченіе нашей власти во владѣніяхъ, присоединенныхъ отъ Персіи по миру 1813 года, и на уничтоженіе здѣсь персидскаго вліянія. Вообще управленіе Кавказомъ А. П. Ермолова составляетъ одну изъ замѣчательныхъ страницъ исторіи этого края.

Удалясь отъ дѣлъ общественныхъ, А. П. Ермоловъ не переставалъ обращать на себя вниманіе всей Россіи. При открытіи каждой войны, общій говоръ вызывалъ его къ новой дѣятельности. Непоколебимый воинъ скорбѣлъ о своемъ неоконченномъ поприщѣ. На закатѣ дней единственнымъ его утѣшеніемъ были милостивое вниманіе къ нему императора Александра II и глубокое уваженіе всей Россіи. И въ уединеніи, отчужденный отъ всякаго вліянія на современныя событія, онъ привлекалъ къ себѣ тысячи почитателей. Не блескомъ украшеній, а чрезвычайною простотою отличалось жилище его. „Я всегда былъ умѣренъ въ своихъ желаніяхъ и потому находился въ меньшей зависимости отъ людей, нежели другіе“,—говаривалъ А. П. Ермоловъ. Чувствуя скорую кончину, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія насчетъ своихъ похоронъ. „Завѣщаю,—писалъ онъ,—похоронить меня какъ можно проще. Прошу сдѣлать для меня гробъ простой, деревянный, по образцу солдатскаго, выкрашенный желтою краскою. Пускай панихиду надо мною отслужитъ одинъ священникъ. Не хотѣлъ бы я ни военныхъ почестей, ни несенія за мною орденовъ; но какъ это не зависить отъ меня, то предоставляю на этотъ счетъ распорядиться кому слѣдуетъ. Желая, чтобы меня похоронили въ Орлѣ, возлѣ моей матери и сестры; свезти меня туда на простыхъ дрогахъ, безъ балдахина,

на парѣ лошадей; за мною поѣдутъ дѣти да Николай мой *); а черезъ Москву, вѣроятно, не откажутся стащить меня старые товарщи, артиллеристы“.

А. П. Ермоловъ скончался въ Москвѣ, 11-го апрѣля 1861 года, на восемьдесятъ девятомъ году своей жизни.

Чтобы понять то обаяніе, которое имѣлъ Ермоловъ на своихъ подчиненныхъ, мы приведемъ здѣсь коротенькій рассказъ покойнаго генерала Грамотина (встрѣчаемый въ книгахъ В. А. Потто и у Н. Ф. Дубровина) о дѣлѣ съ 15-тысячнымъ скопищемъ лезгинъ во время разгрома Мехтулы на Аскорайскомъ хребтѣ. Вотъ этотъ интересный рассказъ.

Зная о проискахъ персіянъ, объ измѣнѣ аварскаго хана, о сборѣ въ разныхъ пунктахъ горскихъ народовъ и опасаясь, чтобы бездѣйствіе наше послѣ неудачи Пестеля не привело къ болѣе печальнымъ результатамъ, Ермоловъ рѣшился нанести сильный ударъ непріятелю, несмотря на наступившую уже осень и всю затруднительность дѣйствій въ горахъ.

Собравъ наскоро отрядъ у крѣпости Грозной, Алексѣй Петровичъ выступилъ съ нимъ 25-го октября по направленію къ Таркамъ. Въ отрядѣ его находились: одинъ батальонъ Троицкаго, два батальона Кабардинскаго и два батальона 8-го егерскаго полковъ, 15 орудій и 400 казаковъ— всего до 4.000 человекъ. Въ Грозной осталось девять ротъ 16-го егерскаго полка, 6 орудій и 400 человекъ линейныхъ казаковъ.

Стояла грязная и сырая осень 1818 года. Слякоть и дождь предвѣщали затрудненія въ походѣ, но привычныя къ лишеніямъ всякаго рода кавказскія войска весело переправлялись въ бродъ черезъ р. Сунжу.

На берегу рѣки, нахмуривъ свои дугообразныя брови, скрестивъ на груди руки, стоялъ самъ главнокомандующій Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, слѣдившій за переходомъ на противоположный берегъ товарищей, какъ онъ всегда называлъ своихъ подчиненныхъ, не исключая и солдатъ. На немъ надѣтъ былъ архалухъ; на головѣ папахъ; черезъ плечо, на простомъ ремнѣ, повѣшена шашка, сверху накинута бурка. Слѣдуя примѣру начальника, войска также не придерживались строго формы одежды; каждый солдатъ, каждый офицеръ одѣвался, какъ считалъ для себя удобнѣе: у кого была на головѣ папахъ, у кого черкесская шапка, кто въ архалухѣ, а кто и въ чекменѣ. Солдаты шли вольно, смотрѣли весело...

*) Служитель, находившійся при А. П. Ермоловѣ болѣе 30 лѣтъ.

Главнокомандующій пристально слѣдилъ за переправой. Его нахмуренныя брови, сосредоточенное, задумчивое выраженіе лица и атлетическое тѣлосложеніе дѣлали фигуру его грозною и величественною. Неподалеку отъ Ермолова, почти рядомъ съ нимъ, стоялъ Мазаровичъ, впоследствии повѣренный нашъ при персидскомъ дворѣ.

Посмотрѣвъ на Алексѣя Петровича, онъ улыбнулся.

— Чему ты смѣешься?—спросилъ Ермоловъ, быстро обернувшись къ нему.

— Мнѣ пришла смѣшная мысль,—отвѣчалъ Мазаровичъ.—Смотря на васъ, мнѣ представилось, что вы не генераль, а атаманъ разбойниковъ.

— А знаешь ли ты, о чемъ я думалъ въ эту минуту?—возразилъ Ермоловъ.—Что сказалъ бы государь, если бы пріѣхалъ сюда и увидѣлъ этихъ фигурантовъ?

Ермоловъ указалъ на отрядъ, спускавшійся къ броду, въ самой неформенной и пестрой одеждѣ.

— Но я ручаюсь тебѣ,—прибавилъ онъ,—что если бы только за два дня узналъ я о пріѣздѣ государя, то берусь этихъ самыхъ солдатъ представить ему. Правда, они не будутъ такими, какіе въ Петербургѣ, но быюсъ о закладъ, что государь, взглянувъ на нихъ, остался бы доволенъ.

Среди разговора отрядъ переправился на противоположный берегъ, и предводимый главнокомандующимъ, черезъ Аксай и Андреевскія селенія, 3-го ноября, прибылъ въ Тарки, гдѣ и расположился по квартпрамъ, укрываясь отъ ужаснѣйшей непогоды, продолжавшейся слишкомъ дней.

Жители г. Тарковъ находились въ большомъ волненіи, и лишь прібытіе русскихъ войскъ успокоило ихъ. Тарковцы рассказывали, что Пестель разбитъ и потерялъ все орудія. Такъ какъ шамхаль находился при отрядѣ Пестеля, то населеніе считало его погибшимъ въ Башлахъ, и жены шамхала, отправивъ все лучшее имущество за р. Сулакъ, сами готовы были выѣхать изъ Тарковъ, при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля. Ихъ примѣру послѣдовала часть населенія, и г. Тарки замѣтно пустѣлъ.

Между тѣмъ, аварскій ханъ получилъ свѣдѣніе о движеніи Ермолова и, не зная, куда онъ послѣдуетъ, писалъ письмо и старался оправдать себя. Не скрывая того, что былъ въ Баилахъ и дѣйствовалъ противъ нашихъ войскъ, Ахметъ-ханъ говорилъ, что то произошло случайно. Ссылаясь на свое вліяніе и значеніе между горцами, онъ предлагалъ услуги къ посредничеству и умиротворенію Дагестана.

Ахметъ-ханъ не подозревалъ, что четыре мѣсяца тому назадъ перехваченныя, отъ бѣглаго царевича Александра, бумаги къ Аббасъ-Мирзѣ обнаруживали готовность аварскаго хана измѣнить Россіи за обѣщанную ему переіянми пенсію.

„Не прибавляйте,—писать Ермоловъ Ахметъ-хану,—къ гнусной измѣнѣ вашей государю великому и великодушному обмана, что вы не переставали быть ему преданнымъ. Миѣ давно извѣстно поведеніе ваше, и я знаю, что, по вашему внушенію, возмущены жители Дагестана противъ русскіхъ войскъ и осмѣлились съ ними сразиться. На васъ падутъ проклятія обманутыхъ вами дагестанцевъ. *Вы не защитите ихъ и, если соберете подобныхъ себѣ мошенниковъ, тѣмъ жесточе наказаны будете.* Всегда такова участь *подлыхъ измѣнниковъ!*“

Въ Дагестанѣ волненія не прекращались. Ермоловъ простоялъ цѣлую недѣлю въ Таркахъ, не предпринимая ничего. Онъ надѣялся, что многіе изъ горскихъ обществъ ошомнятся, увидятъ обманъ, и что впоследствии ихъ можно будетъ успокоить, не употребляя силы оружія. При своемъ свиданіи съ шамхаломъ Алексѣй Петровичъ предложилъ ему отправить его семейство изъ Тарковъ въ Кизляръ и просилъ не прерывать вовсе сношеній съ подданными, „ибо въ Карабудагкентѣ и Губдекѣ начинаютъ чувствовать, что они обмануты“.

Между тѣмъ, аварскій султанъ продолжалъ собирать подъ свои знамена всѣхъ желающихъ. Аварія стала главнымъ мѣстомъ сборищъ всѣхъ недовольныхъ и бѣглыхъ. Тогда Ермоловъ, видя, что увѣщанія неэффективны, рѣшилъ направить свои дѣйствія противъ Ахметъ-хана аварскаго и нанести ему такой ударъ, слухъ о которомъ, пройдя по всѣмъ горамъ, заглянулъ бы и въ ущелья.

Оставивъ въ Таркахъ лишнія тяжести, подъ прикрытіемъ 300 человекъ пѣхоты, двухъ орудій и нѣсколько казаковъ, главнокомандующій выступилъ 11-го ноября съ остальными войсками въ Дженгутай. Весь переходъ, въ пятнадцать верстъ, войска шли по дефиле, узкому и затруднительному для движенія. Едва только къ вечеру достигли они до подошвы горы Аскорай.

Впереді отряда пролегла весьма крутая и высокая гора, вершина которой была покрыта непріателемъ, подъ предводительствомъ самого Ахметъ-хана аварскаго. Тысячъ пятнадцать горцевъ разсыпались по возвышенію и ожидали прибытія русскаго отряда. Когда войска подошли къ подошвѣ хребта, горцы встрѣтили нашихъ выстрѣлами, и съ вершины горы посыпались на Ермолова самыя дерзкія ругательства.

— „Анасынъ сыхынъ Ермоловъ!“—кричали горцы (т.-е. дитя собаки).

Слыша это, солдаты приходили въ бѣшенство; они рвались впередъ, чтобы заставить молчать противника; но Ермоловъ, обогнавъ отрядъ и окинувъ взоромъ расположеніе горцевъ, приказалъ остановиться и варить кашу.

Незначительная перестрѣлка и нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ за-

кончили день. Къ Ермолову явились мѣстные жители, изъявившіе желаніе быть проводниками. По ихъ показанію, въ четырехъ верстахъ отъ мѣста расположенія нашего отряда былъ менѣе трудный входъ на гору; тамъ не было окоповъ; при движеніи можно было скрыть часть своихъ сплѣвъ въ лѣсу и подойти незамѣтно къ самому расположенію непріятеля.

Войска расположились на бивакѣ у подошвы горы и испытывали всѣ непріятности скверной погоды. Съ досадою узнали всѣ, что вмѣсто боя отрядъ расположился на ночлегъ. Солдаты, офицеры и даже многіе изъ приближенныхъ Ермолова роптали и осуждали такое распоряженіе. Главнокомандующій слушалъ все это и молчалъ.

Горцы, видя, что отрядъ расположился на ночлегъ, были увѣрены, что русскіе не рѣшаются атакать ихъ сильную позицію. Пуще прежняго стали они кричать и ругаться; пули съ высотъ посыпались чаще. Ермолловъ, окруженный штабомъ и офицерами, въ своей неизмѣнной буркѣ, хладнокровно угощалъ присутствовавшихъ походною закускою и смѣялся надъ пулями, по временамъ долетавшими до бивака.

— Пусть себѣ тѣшатся!—приговаривалъ онъ съ усмѣшкою.

Такъ прошелъ вечеръ; наступила чрезвычайно темная ночь. Горы освѣтились непріятельскими кострами; сильный вѣтеръ, дувшій въ лицо нашему лагерю, доносилъ шумныя пѣсни обрадованныхъ горцевъ,—пѣсни, которыя были очень ясно слышны, несмотря на значительное разстояніе, раздѣлявшее два лагеря. Время проходило, пѣсни стихли, и мало-по-малу все смолкло. Въ нашемъ лагерѣ солдаты также задремали, но Ермолловъ не спалъ.

„Я готовился,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ,—съ разсвѣтомъ начать дѣйствіе и предвидѣлъ ощутительную потерю, по трудности входа на гору. Нельзя было отступленіемъ ободрить непріятеля. Въ первый разъ въ странѣ сей появились русскія войска и съ ними главный начальникъ. Горскіе народы смотрѣли со вниманіемъ на происшествія, и малѣйшая со стороны нашей неудача или дѣйствіе, которому бы можно было дать невыгодное истолкованіе, соединяли всѣхъ ихъ, и мгновенно имѣлъ бы я противъ себя большія силы“.

Часу въ девятомъ вечера, пользуясь тѣмъ, что вѣтеръ былъ со стороны непріятеля, главнокомандующій тихонько позвалъ къ себѣ майора Грузинскаго гренадерскаго полка Швецова, который незадолго передъ тѣмъ былъ освобожденъ изъ плѣна. Ермолловъ приказалъ ему взять второй батальонъ Кабардинскаго полка съ двумя орудіями и безъ шума вести его вправо, черезъ лѣсъ, по узкой тропинкѣ, взбираться на высоты и ударить на лѣвый флангъ непріятеля.

— Только смотри, братъ,—говорилъ ему Алексѣй Петровичъ,—чтобы

не было ни одного выстрѣла: встрѣтишь гдѣ непріятельскій караулъ, уложи штыками, а какъ дойдешь на самый верхъ, тогда только дай намъ сигналъ: мы тебя поддержимъ.

Швецовъ готовъ былъ уйти, Ермоловъ остановилъ его.

— Да знай,—прибавилъ онъ,—что оттуда тебѣ нѣтъ дороги назадъ: я долженъ найти тебя тамъ, на горѣ, или живымъ, или мертвымъ.

Швецовъ буквально исполнилъ приказаніе главнокомандующаго. Онъ выступилъ такъ тихо, что *товарищи-солдаты* не замѣтили отсутствія Кабардинскаго батальона.

Прошло нѣсколько времени; все было спокойно, ночная тишина ничѣмъ не прерывалась; на горѣ догорали костры, то вспыхивавшіе, то снова потухавшіе...

Швецовъ съ батальономъ весьма скоро, изъ-подъ вѣтра, подошелъ къ непріятелю. Солдаты издали видѣли, какъ лезгинны совершенно безпечно лежали у потухающихъ костровъ. Вдругъ на горѣ раздася бой барабана и крикъ „ура!“, за нимъ выстрѣлы... Нѣсколько минутъ молчанія—и потомъ завязалась непрерывная перестрѣлка.

Ударъ былъ слишкомъ чувствителенъ и неожиданъ: все бросилось вразсыпную. Кто бѣжалъ въ одеждѣ, но безъ оружія, кто былъ съ оружіемъ, но безъ платья. Многіе остались на мѣстѣ, не сдѣлавъ выстрѣла и не успѣвъ даже подняться съ земли, на которой лежали; въ темнотѣ горцы ранили другъ друга. Много оружія, лошадей и даже одежды было захвачено кабардинцами. Въ самое короткое время вершина горы была въ нашихъ рукахъ.

Съ первыми выстрѣлами и крикомъ кабардинцевъ весь лагерь поднялся на ноги. Двѣ роты Троицкаго, двѣ роты 8-го егерскаго полковъ и два орудія были отправлены для поддержанія майора Швецова.

— Впередъ, бѣгомъ!—крикнулъ Ермоловъ, и солдаты лѣзли уже на гору.

Съ разсвѣтомъ лезгинны очутились у подошвы горы, съ которой, въ свою очередь, приходилось намъ спускаться по весьма узкой тропинкѣ, пролегавшей между скалами. Высоты по обѣимъ сторонамъ дороги были заняты пѣхотою съ артиллерією, и „тогда не было сомнѣнія, что войска безъ малѣйшей потери сойдутъ въ долину“.

Главный отрядъ пошелъ на соединеніе съ майоромъ Швецовымъ. Въ теченіе цѣлыхъ сутокъ поднимался онъ на вершину горы, до которой считалось не болѣе четырехъ верстъ; артиллерія и обозъ поднимался на людяхъ.

Когда весь отрядъ сталъ на прежней непріятельской позиціи, Ермоловъ далъ солдатамъ отдыхъ и приказалъ подать водки. Около него собрался обычный кружокъ офицеровъ.

— Вотъ вамъ, господа, урокъ, какъ должно беречь русскую кровь!— говорилъ Алексѣй Петровичъ, обращаясь къ тѣмъ лицамъ, которые накануне болѣе другихъ порицали его распоряженія.— По вашему, надобно было вчера положить тутъ нѣсколько сотъ человѣкъ, а для чего? Чтобы согнать непріятеля съ этой горы и самимъ стать на ней. Мы теперь достигли этого, но достигли, не потерявъ ни одного солдата.

13-го ноября войска спустились въ обширнѣйшую и прекрасную долину и прибыли въ селеніе Параулъ, въ которомъ, по бѣдности ханства Аварскаго, имѣлъ свое пребываніе султанъ Ахметъ-ханъ. Жители оставляли городъ и бѣжали въ лѣса, мятежники отступали за ними безъ выстрѣла; акушинцы, въ числѣ 2.000 человѣкъ, послѣдовали туда же.

Оставивъ въ Параулѣ всѣ тяжести и запасный паркъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ и одного орудія, Ермоловъ съ остальными войсками выступилъ, 14-го ноября, къ городу Большой-Дженгутай, находившемуся въ десяти верстахъ отъ Параула и принадлежавшему брату аварскаго хана, Гасанъ-хану, извѣстному своими злодѣйствами и ненавистью къ русскимъ. Подходя къ Дженгутаю, войска увидѣли его раскинутымъ на небольшомъ возвышеніи. Въ недалекомъ разстояніи отъ города пролегаль хребетъ горы, занятой непріятелемъ, устроившимъ, на протяженіи полуверсты, окопы и засѣлки. Крайніе городскіе дома, составлявшіе лѣвый флангъ непріятельской позиціи, были заняты горцами; на правомъ флангѣ протекала рѣчка, къ которой прилегали обширные сады, занятые непріятелемъ. Это второе расположеніе горцевъ было гораздо сильнѣе перваго.

Главнокомандующій приказалъ начальнику штаба, генераль-майору Вельямину 3-му, сдѣлать распоряженіе къ атакѣ лѣваго фланга, выгнать непріятеля изъ крайнихъ домовъ и завладѣть пространствомъ, отдѣлявшимъ городъ отъ хребта горы, на которой были непріятельскіе окопы. Двѣ роты егерей и три роты Троицкаго полка назначены для атаки.

Выстрѣлы картечью изъ батарейныхъ орудій заставили непріятеля очистить окопы, а стрѣлки выгнали его изъ крайнихъ домовъ. Подвезенныя къ самому городу орудія производили страшное разрушеніе и смятеніе въ тѣсныхъ улицахъ. Лезгины бросились бѣжать. Есаулъ Чикалевъ съ казаками былъ отправленъ отрѣзать имъ отступленіе. Одновременно съ этимъ, на правомъ флангѣ дѣйствовалъ отрядъ подполковника Верховскаго изъ четырехъ ротъ 8-го егерскаго полка и двухъ легкихъ орудій. Хребетъ горы, лежавшій противъ окоповъ непріятеля, прикрывалъ отрядъ отъ жестокаго огня лезгиновъ. Тутъ были акушинцы и съ ними аварскій султанъ. Для воспрепятствованія непріятелю зайти въ тылъ Верховскому, Ермоловъ отправилъ двѣ роты Кабардинскаго полка и два орудія, подъ

начальствомъ артиллеріи капитана Кацырева, прославившаго впоследствии свое имя на Кавказѣ.

Едва бой разгорѣлся на всемъ пространствѣ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, изъ бокового ущелья нанесло такой густой туманъ, что онъ скрылъ противниковъ: они не видѣли другъ друга. Главнокомандующій приказалъ прекратить огонь и поручилъ начальнику штаба, генералъ-майору Вельяминову, пользуясь туманомъ, подойти къ окопамъ и взять ихъ штурмомъ. Двѣ роты Троицкаго, одна Кабардинскаго и одна егерскаго полковъ подошли незамѣченныя на разстояніе не болѣе шестидесяти шаговъ. Полковникъ Базилевичъ поставилъ два орудія противъ оконечности окоповъ и первымъ картечнымъ выстрѣломъ произвелъ безпорядокъ среди непріятеля. Менѣе чѣмъ въ пять минутъ половина окоповъ была уже въ нашихъ рукахъ. Страшная суматоха и неурядица поднялись между горами. Стѣсненные повсюду, они бросились бѣжать, и многіе обязаны были своимъ спасеніемъ только густому туману. Городъ быстро очищался; заѣвшіе въ мечети были переколоты. Аварскій султанъ, братъ его Гасанъ-ханъ и знаменитый въ горахъ Сеидъ-эфенди, проповѣдывавшій необходимость истребленія христіанъ, бѣжали въ горы.

Подвигъ полковника Карягина *).

Въ персидскую войну 1805 года, въ Карабахскомъ ханствѣ, возлѣ самой дороги изъ Елисаветполя въ Шушу, стоялъ древній замокъ, обнесенный высокою каменною стѣною съ нѣсколькими полуразрушенными башнями. Вблизи замка бьетъ ключъ Шахъ-Булахъ, а верстахъ въ 12 отъ него пріютилось татарское кладбище, раскинувшееся на одномъ изъ придорожныхъ кургановъ. Здѣсь именно и произошелъ въ ту войну почти баснословный подвигъ, героемъ котораго былъ полковникъ Карягинъ.

21-го іюня полковникъ Карягинъ выступилъ къ Аскарани съ отрядомъ изъ 400 человекъ 16-го егерскаго полка, при двухъ орудіяхъ. Едва онъ достигъ рѣчки Шахъ-Булаха, какъ 24-го іюня показались непріятельскіе разъѣзды, а потомъ толпа персіанъ, простиравшаяся до 3.000 человекъ. Атакованный непріятелемъ, Карягинъ въ теченіе шести часовъ мужественно пробивался впередъ и, пройдя четырнадцать верстъ подъ сильнымъ огнемъ персіанъ, только вечеромъ прибылъ къ рѣчкѣ Аскарани, гдѣ и рас-

*) Изъ „Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, сочин. Н. Ф. Дубровина.

положился лагеремъ на татарскомъ кладбищѣ, бывшемъ на курганѣ при урочищѣ Кара-агачъ-баба.

Въ 4 верстахъ отъ него, при рѣчкѣ Ханачинѣ, стоялъ Пиръ-Кулиханъ съ 10.000 войска. Знойный день и безпрерывный бой утомили малочисленный отрядъ Карягина; но едва только солдаты успѣли разбить палатки на берегу рѣки Аскарани, какъ въ шесть часовъ вечера Пиръ-Кулиханъ стремительно атаковалъ Карягина всею своею силою. Карре мужественно встрѣтило атаку и отбросило непріятеля. Въ продолженіе трехъ часовъ персіяне безпрестанно дѣлали отчаянные напоры то пѣхотою, то конницею, но русскіе стояли непоколебимо, и только наступившія сумерки прекратили настойчивые удары непріятеля. Расположась на мѣстѣ сраженія, Пиръ-Кулиханъ всю ночь устраивалъ батареи съ весьма сильными прикрытіями и, нанося ими значительный вредъ отряду Карягина, отнял воду, которую нашимъ солдатамъ приходилось добывать съ величайшимъ затрудненіемъ. Съ своей стороны Карягинъ также не оставался празднымъ зрителемъ. Онъ обнесъ свой лагерь четырехфаснымъ вагенбургомъ, успѣлъ вырыть довольно глубокой ровъ, насыпать валъ и занять стѣлками находившуюся въ заднемъ фасѣ мечеть.

„Пренебрегая многочисленностью персіянь,—доносилъ Карягинъ князю Циціанову,—и блокадою ихъ, проложилъ бы я штыками путь къ Шушѣ и соединился бы съ майоромъ Лисаневичемъ, но великое число раненыхъ людей, коней, по множеству убитыхъ лошадей, поднять нѣтъ средства, дѣлаетъ сіе невозможнымъ, какъ равно и движеніе куда-либо съ сего мѣста“.

Дѣйствительно, половина отряда уничтожилась — 33 человекъ было убито и 164 ранено, а лошадей осталось едва достаточно для поднятія одной только артиллеріи. Самъ Карягинъ получилъ двѣ контузіи, одну въ голову, другую въ грудь, и рану пулею въ спину. Майоръ Котляревскій, знаменитый впоследствии герой Кавказа, былъ также раненъ въ ногу, пулею навзлетъ.

Укрѣпясь сколько возможно въ этомъ пунктѣ и не имѣя средствъ двинуться впередъ, Карягинъ отправилъ 24-го числа предписаніе майору Лисаневичу, чтобы онъ старался какъ можно скорѣе соединиться съ нимъ, а карабагскаго хана просилъ прислать ему конницу. Ибраимъ не отвѣчалъ и не присылалъ конницы, а по слухамъ извѣстно было, что бѣльшая часть провинціи ему измѣнила и съ сыномъ его Абдуль-Фетъ-агою сражалась противъ русскихъ, въ войскахъ Пиръ-Кулихана.

Волненіе въ Шушѣ и расположеніе ея жителей къ возстанію удерживали Лисаневича. Онъ видѣлъ, что одно лишь присутствіе русскихъ войскъ въ крѣпости заставляло шушинцевъ оставаться въ повиновеніи и спокой-

ствін. Опасаясь поголовнаго возстанія, Лисаневичъ не рѣшался оставить Шушу и идти на соединеніе съ Карягиннымъ, который въ борьбѣ съ непріятелемъ предоставленъ былъ собственнымъ спламъ. Сознавая, что первый уснѣхъ персіянъ значительно ободритъ ихъ, что уничтоженіе отряда Карягина можетъ имѣть весьма невыгодныя для насъ послѣдствія и гораздо худшія, чѣмъ временное уклоненіе карабагскаго владѣнія отъ подданства Россіи, князь Циціановъ не одобрялъ поведенія майора Лисаневича.

„Не удивляюсь я тому,—писалъ главнокомандующій Лисаневичу,— что Ибраимъ-ханъ карабагскій не даетъ содѣйствія своею конницею, но весьма странно мнѣ, что вы остаетесь какъ прикованный къ крѣпости, въ то время, когда полковникъ Карягинъ находится въ опасности“.

Предоставленный собственнымъ силамъ, Карягинъ четверо сутокъ храбро защищался противъ полчищъ персіянъ, но жажда, голодъ и палящій зной значительно ослабляли отрядъ, потерявшій уже много убитыми и ранеными.

Горсть храбрыхъ воиновъ, одушевляемая геройствомъ такихъ начальниковъ, какими были полковникъ Карягинъ и майоръ Котляревскій, съ безпримѣрнымъ мужествомъ выдерживала нападенія непріятеля и дѣлала частыя и удачныя вылазки. Въ ночь на 27-е число іюня, когда Пиръ-Кули-ханъ усилилъ батареи по рѣчкѣ Аскарани, сто егерей бросились на укрѣпленія и пять изъ нихъ достались во власть русскихъ.

Взятые въ плѣнъ два человѣка персіянъ объявили, что Аббасъ-Мирза съ своими войсками присоединился къ Пиръ-Кули-хану и приказалъ поставить на устроенныя имъ батареи лучшія свои войска и что наслѣдникъ персидскаго престола, по прибытіи къ нему артиллеріи, предполагаетъ атаковать русскихъ.

Перехваченное письмо отъ Баба-хана убѣждало въ справедливости слуховъ. Аббасъ-Мирза просилъ у отца присылки еще войска, а главное— артиллеріи. Отправивъ то и другое, Баба-ханъ писалъ сыну, что его намѣреніе было взять все войска государства, идти на русскихъ и разорить гнѣздо ихъ. „Но, получа ваше ко мнѣ донесеніе, что вы русскихъ крайне притѣснили и ослабили ихъ силы, теперь вамъ повелѣваю, чтобы сегодня непременно жребій русскихъ вы рѣшили. Атакуйте мѣсто защиты русскихъ и разорите ихъ въ прахъ моими храбрыми войсками и пушками. Вы пишете, что для того не нападали на русскихъ, что жалѣли тратить мое государственное войско, но я вамъ скажу, что кто желаетъ вѣрно служить своему государю и отечеству, тотъ долженъ не щадить своей души и крови. Для пользы нашего государства и цѣлаго свѣта никогда такого полезнаго и удобнаго случая можетъ не быть, какъ теперь“...

Не имѣя у себя достаточно людей для того, чтобы защищать отнятыя

батареи, Карягинъ приказалъ тотчасъ же разрушить ихъ и приготовился къ встрѣчѣ непріятеля.

Съ развѣтомъ слѣдующаго дня Аббасъ-Мирза атаковалъ укрѣпленный лагерь Карягина, но, отраженный, велѣлъ производить съ окружающихъ батарей сильную канонаду, наносившую, однако же, больше вреда нашимъ лошадямъ и обозу, чѣмъ людямъ.

Въ продолженіе цѣлаго дня персіяне пытались овладѣть лагеремъ, но напрасно: русскіе гибли, но мужественно защищали окопъ. Въ четыре часа пополудни, находившійся въ мечети, на самомъ важномъ посту, гдѣ только наши могли вредить непріятелю, будучи сами защищены отовсюду,—поручикъ Лисенко, съ тремя унтеръ-офицерами и 33-мя егерями передался непріятелю.

Персіяне, узнавъ отъ дезертировъ о малочисленности отряда Карягина, сдѣлали новое отчаянное нападеніе, но и на этотъ разъ ихъ 15-тысячное войско отступило съ значительнымъ урономъ отъ горсти русскихъ защитниковъ укрѣпленія.

Въ ночь послѣ сраженія бѣжало еще 20 человекъ къ персіянамъ. Совершенная безнадежность на помощь, истощеніе силъ отъ четырехдневнаго непрерывнаго боя, причѣмъ болѣе половины было раненыхъ и убитыхъ, малое число оставшихся патроновъ и зарядовъ, уныніе отъ побѣговъ—все грозило отряду неминуемою гибелью. Открытое положеніе аскаранскаго лагеря дѣлало дальнѣйшее пребываніе въ немъ невозможнымъ. Среди такого безвыходнаго положенія, „истощивъ,—какъ доносилъ полковникъ Карягинъ,—всѣ усилія храбрости и мужества, россиянамъ еднѣмъ свойственныя“, горсть храбрыхъ рѣшилась на отчаянный подвигъ. Майоръ Котляревскій предложилъ въ ту же ночь тайно или напроломъ пройти сквозь перспедскія войска въ Шахъ-Булахъ, взять приступомъ лежащій тамъ укрѣпленный замокъ, укрѣпиться въ немъ и держаться до послѣдней крайности. Предложеніе это было принято единодушно. Карягинъ собралъ тяжело раненыхъ, зарядилъ орудія картечью, и отрядъ, состоявшій теперь только изъ 150 человекъ здоровыхъ и нераненыхъ выступилъ въ походъ. Солдаты повезли на себѣ орудія; на оставшихся трехъ лошадяхъ ѣхали раненые: Карягинъ, Котляревскій и одинъ офицеръ; прочихъ раненыхъ несли на рукахъ.

Зарывъ въ землю захваченныя непріятельскія орудія и бросивъ на мѣстѣ обозъ, „не сожигая его для того, чтобы тѣмъ занять жаднаго къ грабежу непріятеля на безопасность отступленія“, Карягинъ, ночью на 28-е іюня, отступилъ къ крѣпостицѣ Шахъ-Булаху. Непріятель бросился грабить обозъ, и только малая часть его преслѣдовала отступающихъ.

По большой дорогѣ отъ Елисаветполя въ Шушу, при подосвѣ кам-

нистаго пригорка, стоить и по сіе время замокъ, обнесенный кругомъ высокою каменною стѣною, съ шестью круглыми башнями. Близъ замка находится ключъ чистой, но не совѣмъ здоровой воды: ключъ этотъ называется Шахъ-Булахъ (шахскій родникъ), а отъ него и замокъ носитъ то же названіе. Замокъ построенъ изъ неотесанныхъ камней, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находится дубовый лѣсъ. Преданіе говоритъ, что замокъ построенъ шахомъ Надиромъ, по завоеваніи имъ Карабага; впоследствии въ немъ жили карабагскіе ханы.

Крѣпостца Шахъ-Булахъ была занята 150 персіянами, а прилегающій къ ней лѣсъ и сады—многочисленными ихъ партіями, но, несмотря на сильный огонь непріятеля изъ лѣса и крѣпости, Карягинъ потребовалъ сдачи крѣпости. Персіяне отвергли это предложеніе, и русскіе рѣшились взять ее штурмомъ. Удачный выстрѣлъ ядромъ отворилъ ворота замка. Оробѣвшій непріятель бросился со стѣнъ, и 28 персіянъ съ двумя ханами пали подъ штыками штурмовавшихъ. Замокъ былъ взятъ, и русскіе заперлись въ немъ.

Съ 24-го по 28-е іюня изъ 400 человекъ, составлявшихъ отрядъ, 90 человекъ было убито, 54 бѣжало и 167 ранено. Карягинъ получилъ двѣ контузіи и рану въ спину, майоръ Котляревскій двѣ раны, пулею въ ногу и картечью въ руку.

Подвиги Котляревскаго.

I *).

Свѣтлая жизнь Котляревскаго,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—рѣзко распадается на двѣ совершенно отдѣльныя части: въ продолженіе первой онъ служитъ славой и гордостью русскаго войска; въ теченіе второй—украшеніемъ всего человѣчества. Первая ознаменована геройскими побѣдами, вторая посвящена безропотнымъ тридцатидевяти-лѣтнимъ страданіямъ отъ множества ранъ, полученныхъ имъ на Кавказѣ.

Сынъ бѣднаго сельскаго священника, Петръ Степановичъ Котляревскій родился 12-го іюня 1782 года въ селѣ Ольховаткѣ, Харьковской губерніи. Совершенно особенный случай бросилъ его на военное поприще, о которомъ онъ никогда не могъ и думать.

Однажды—это было зимою 1793 года—сильная метель заставила пробѣжаго офицера нескать убѣжища въ селѣ Ольховаткѣ. Этотъ офицеръ,

*) Изъ сочиненій В. А. Потто „Кавказская война“.

впоследствии известный кавказский герой, Иванъ Петровичъ Лазаревъ, пріютился у стараго священника и прожилъ въ его домѣ цѣлую недѣлю. Замѣтивъ способности „маленькаго Пети“, онъ предложилъ отцу отдать его въ военную службу, и черезъ годъ молодой Котляревскій отправленъ былъ на Кавказъ, гдѣ и поступилъ въ 4-й батальонъ кубанскаго корпуса, которымъ командовалъ тогда Лазаревъ. 14 лѣтъ отъ роду Котляревскій уже участвовалъ въ персидскомъ походѣ и при осадѣ Дербента впервые услышалъ свистъ вражескихъ пуль, съ которыми ему суждено было такъ сродниться впоследствии.

Шесть лѣтъ прослужилъ молодой Котляревскій фурьеромъ и сержантомъ и только въ 1799 г. произведенъ, наконецъ, въ офицеры, съ переводомъ въ 17-й егерскій полкъ, шефомъ котораго былъ въ то же время назначенъ Лазаревъ. Съ нимъ вмѣстѣ и въ званіи его адъютанта Котляревскій совершилъ знаменитый переходъ черезъ Кавказскія горы, когда Лазаревъ шелъ занимать Грузію, съ тѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не покинуть ее. Этимъ переходомъ начинается для Котляревскаго непрерывная цѣпь сраженій и событій, въ которыхъ онъ принималъ все болѣе и болѣе дѣятельное участіе. И черезъ десять лѣтъ его блистательныя побѣды далеко раздвинули предѣлы царства, а имя его на вѣчныя времена слилось со славными именами: Мигри, Ахалкалакъ, Асландуза и Ленкорани.

Первое сраженіе въ Грузіи, въ которомъ Лазаревъ разбилъ огромныя силы лезгинъ на Юрѣ, доставило Котляревскому разомъ двѣ награды: чинъ штабсъ-капитана и крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Вскорѣ Лазаревъ предательски былъ убитъ въ Тифлисѣ царицей Марьей, и князь Циціановъ предложилъ Котляревскому поступить адъютантомъ къ нему. Молодой офицеръ предпочелъ, однако же, остаться во фронтѣ и получилъ въ командованіе егерскую роту.

Во главѣ этой роты онъ штурмовалъ Ганжу и на глазахъ Циціанова былъ раненъ пулею въ ногу. Рана эта была такъ тяжела, что Котляревскаго чуть-было не оставили на полѣ сраженія. Къ счастью, его замѣтилъ и поднялъ молодой Воронцовъ. На помощь къ нему подскочилъ рядовой Богатыревъ, но тутъ же былъ убитъ пулею въ сердце, и Воронцовъ одинъ вынесъ изъ боя Котляревскаго, который до глубокой старости помнилъ этотъ случай, послужившій началомъ его неразрывной 48-лѣтней дружбы съ будущимъ кавказскимъ наместникомъ.

Князь Циціановъ, какъ человѣкъ большого ума, не посѣтовалъ на бѣднаго армейскаго капитана, отказавшагося отъ чести быть его адъютантомъ; онъ выставилъ его заслуги государю въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, и Котляревскій опять получилъ двѣ награды: чинъ майора и орденъ св. Анны 3 степени съ бантомъ.

Начавшаяся тогда война съ персіянами открыла Котляревскому обширное поприще выказать свои военныя дарованія. Въ 1805 году онъ былъ соучастникомъ въ геройскихъ подвигахъ Карягина на берегу Аскорани, у Шахъ-Булаха и у Мухрата, гдѣ получилъ двѣ раны: пулею въ ногу и затѣмъ картечью въ правую руку. Несмотря на эти раны, Котляревскій не оставлялъ фронта и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ послѣдующихъ дѣлахъ съ непріятелемъ и скоро выдвинулся изъ ряда своихъ сверстниковъ. Награжденный за экспедицію съ Карягинымъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, онъ въ 1807 году былъ произведенъ въ подполковники, въ слѣдующемъ году - въ полковники, а въ 1809 году уже назначенъ начальникомъ самостоятельнаго отряда, расположеннаго тогда въ Карабагѣ.

Съ этого момента начинается для Котляревскаго новая эпоха его боевой жизни, эпоха командованія отдѣльными отрядами и блестящихъ побѣдъ, слава которыхъ принадлежитъ уже именно ему.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1810 году, главнокомандующій въ Грузіи, генераль Тормасовъ, желая предупредить вторженіе персіянъ въ Карабагъ, приказалъ Котляревскому съ однимъ батальономъ 17 егерскаго полка занять пограничное селеніе Мигри. Но едва Котляревскій выступилъ, какъ Тормасовъ получилъ извѣстіе, что вся персидская армія тянется по направленію къ этому пункту. Встревоженный за участь батальона, онъ приказалъ воротить Котляревскаго, но приказаніе это пришло тогда, когда неприступное Мигри было уже взято Котляревскимъ.

Нужно сказать, что къ Мигри пролегали изъ Грузіи двѣ дороги, обѣ укрѣпленныя засѣками и батареями, а самое селеніе, расположенное у подошвы двухъ высокихъ, почти отвѣсныхъ скалистыхъ кряжей, съ устроенными на нихъ батареями и съ сильнымъ двухтысячнымъ гарнизономъ, представляло дѣйствительно неодолимую твердыню. Котляревскій, желая избѣжать бесполезной траты людей среди засѣкъ и батарей, рѣшилъ идти не по дорогамъ, а пробраться съ своимъ батальономъ безъ пушекъ по вершинамъ карабагскихъ горъ такими тропами, которыя даже туземцами считались недоступными. Три дня солдаты то спускались въ бездонныя пропасти, то подымались на голые, сожженные солнцемъ утесы, и ночью 12-го іюня вышли въ долину, въ пяти верстахъ отъ Мигри. Такъ какъ дольше скрывать прибытіе отряда было невозможно, то Котляревскій, раздѣливъ его на три части, энергически повелъ атаку и, послѣ короткаго боя, взялъ передовыя высоты. Въ это время онъ получилъ извѣстіе, что два персидскіе отряда отъ Эривани и отъ Аракса усиленными маршами спѣшаютъ на помощь осажденнымъ. Медлить, слѣдовательно, было невозможно, и, давши небольшой отдыхъ отряду, Котляревскій ночью продол-

жаль сраженіе. Къ 9 часамъ утра онъ уже занялъ селеніе и, не давая персіянамъ опомниться, стремительно пошелъ на батарею, грозно вѣнчавшій собою горный кряжъ, примыкавшій къ Мигри. Отъ этого приступа зависѣла побѣда или гибель отряда. Сознавая это, солдаты напрягли послѣднія усилія, и скоро майоръ Дьяченко и самъ Котляревскій овладѣли пятью батареями. Тогда, ободренные успѣхомъ, егеря штыками погнали непріятеля изъ одного укрѣпленія въ другое, и остановились только передъ послѣдней уже рѣшительно недоступной батареей „Сабеть“.

Голый утесъ изъ дикаго гранита, на которомъ устроена была эта батарея, гордо поднимался къ небу, какъ бы смѣясь надъ горстью людей, думавшихъ взобраться на его вершину. Котляревскій, самъ осмотрѣвши утесъ и убѣдившись, что штурмъ этого гиганта будетъ не подъ силу его отряду, приказалъ отвести у осажденныхъ воду,—и черезъ сутки непріятель самъ покинулъ грозный утесъ и рассыпался въ разныя стороны. Неприступная Мигри была занята съ потерей 35 человекъ; но въ этомъ числѣ былъ и самъ Котляревскій, снова раненый пулею въ ногу.

Тормасовъ между тѣмъ съ нетерпѣніемъ и боязнью ожидалъ извѣстій объ участи отряда. Когда получено было донесеніе, что Мигри взята, онъ сначала не хотѣлъ ему вѣрить. Это превосходило всякое вѣроятіе и самыя смѣлыя ожиданія.

Выразивъ душевную благодарность храброму отряду, онъ тѣмъ не менѣе не рѣшался оставить его съ глазу на глазъ со всею персидскою арміею и приказалъ Котляревскому срыть укрѣпленія и отступить въ Шушу. Котляревскій отвѣчалъ на это, „что занялъ Мигри не съ тѣмъ, чтобы снова отдать его персіянамъ, и что, опираясь на духъ своихъ солдатъ, онъ надѣется отразить непріятеля даже въ томъ случаѣ, если передъ крѣпостью появится вся его армія“. Онъ выставлялъ въ своемъ рапортѣ всю важность занятія Мигри, писалъ, что во второй разъ, быть можетъ, и не удастся уже овладѣть ею съ такою ничтожною потерею. Генералъ Небольсинъ, стоявшій въ Карабагѣ, послалъ къ нему на подкрѣпленіе двѣ роты того же полка; но Тормасовъ категорически приказалъ „отступить“. Приказаніе это, однако же, опять опоздало: Котляревскій его получилъ въ то время, когда персидская армія была уже имъ уничтожена.

Персіяне съ ужасомъ узнали, что Мигри находится въ рукахъ Котляревскаго, и тотчасъ отправили къ ней отдѣльный 10-тысячный корпусъ, подъ начальствомъ Ахметъ-хана, при которомъ въ качествѣ совѣтниковъ состояло нѣсколько извѣстныхъ по своей военной репутациі английскихъ офицеровъ. Котляревскій очутился въ блокадѣ. Но, сберегая людей, онъ приказалъ солдатамъ спрятаться въ садахъ, запретилъ перестрѣлки и требовалъ, чтобы никто отнюдь не показывался на глаза персіянамъ.

Кому нужно было выйти, выходилъ ползкомъ, такъ, чтобы его не было видно. Самъ Котляревскій со всѣми офицерами каждый день обѣдалъ и ужиналъ на подмосткахъ, сдѣланныхъ въ вѣтвяхъ огромнаго дерева, которое стоитъ и понынѣ близъ древняго монастыря, находящагося въ Мигри. Персидскія пули не разъ свистали надъ ихъ головами, но, къ счастью, никому не причинили вреда. Отсутствие у осажденныхъ малѣйшихъ признаковъ жизни изумляло персіянъ. Англичане совѣтовали не ходить на штурмъ, а порѣшили перекопать ручей и отвести у осажденныхъ воду. Но Котляревскій это предвидѣлъ, и потому заранѣе укрѣпилъ источникъ двумя батареями. Куда ни обращались персіяне—они повсюду встрѣчали готовый отпоръ, и грозная Мигри стояла передъ ними недоступною и страшною твердынею. Видя, что всѣ усилія его останутся тщетными и что блокада можетъ повести только къ бесполезной потери времени, непріятель отошелъ и сталъ на Аракѣ.

Этого только и ждалъ Котляревскій.—„Ну, ребята,—сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ:—вылѣзайте изъ норъ! Ночью—походъ. Идемъ съ однимъ штыками, безъ ранцевъ и безъ патроновъ. Покажемъ трусамъ, какъ надо бить непріятелей!“ Солдаты отвѣчали дружнымъ: „рады стараться!“—и сами торопили выступленіемъ, опасаясь, чтобы персіяне не ушли. О малочисленности отряда никто ни мало не заботился, всѣ рассчитывали только на быстроту, внезапность и стремительный натискъ. „Идущему впередъ одна пуля въ грудь или лобъ, а бѣгущему назадъ десять въ спину“, не разъ говорилъ Котляревскій своимъ подчиненнымъ,—и подчиненные твердо помнили эти заповѣдныя слова ихъ начальника-героя. Наступила темная ночь. Пятьсотъ человекъ, съ Котляревскимъ впереди, тихо и осторожно подкрадывались къ персидскому лагерю. Они обошли его съ разныхъ сторонъ, и вдругъ, по условному сигналу, безъ выстрѣловъ и крика бросились въ рукопашную схватку. Ужасъ овладѣлъ персіянами. Въ темнотѣ, кидаясь въ разные стороны, они вездѣ натыкались на русскіе штыки и, спасаясь отъ нихъ, гибли въ Аракѣ. Русскій отрядъ былъ такъ малъ, что Котляревскій отдалъ приказаніе: „илѣнныхъ не брать“, и рѣка скоро была запружена вражескими трупами. „Едва доставало рукъ,—говорить очевидецъ,—чтобы исполнить суровое, но необходимое приказаніе героя“. Весь непріятельскій корпусъ былъ уничтоженъ буквально, а Котляревскій, въ этомъ неслышанномъ, невѣроятномъ геройскомъ дѣлѣ потерялъ всего 13 человекъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Тогда и Тормасовъ согласился наконецъ оставить Мигри въ своихъ рукахъ и приказалъ укрѣпить ее, какъ можно сильнѣе. „Мигри такъ укрѣплена природой и персіянами,—отвѣчалъ на это Котляревскій,— что

непрístupна ни для какого непріятеля, и укрѣпить ее сильнѣе уже невозможно“.

Заслуги Котляревскаго обратили на себя особенное вниманіе государя. 14-го іюня онъ былъ назначенъ шефомъ Грузинскаго гренадерскаго полка, вслѣдъ затѣмъ получилъ за взятіе Мигри орденъ св. Георгія 4-й степени, а за пораженіе персіянъ на Араксѣ — золотую шпагу съ надписью „за храбрость“. Котляревскій и самъ зналъ цѣну своему славному подвигу въ Мигри; награду за него, Георгіевскій крестъ, онъ цѣнилъ всегда выше всѣхъ наградъ, полученныхъ впоследствии, и постоянно носилъ его въ петлицѣ сѣраго своего сюртука, даже по оставленіи службы.

II *).

Второй, еще болѣе знаменитый подвигъ Котляревскаго былъ совершенъ имъ позднѣе, въ 1812 году, когда войсками на Кавказѣ командовалъ генераль Ртищевъ. Вотъ какъ описанъ этотъ подвигъ въ „Исторіи войны на Кавказѣ“ Н. Ф. Дубровина.

Мехти-Кули-ханъ карабагскій, зная о возмущеніи, вспыхнувшемъ въ Грузіи, о приготовленіяхъ персіянъ къ вторженію въ наши предѣлы и о затруднительности нашего положенія въ краѣ, сталъ оказывать намъ явное нерасположеніе, преслѣдовалъ бековъ, приверженныхъ къ русскому правительству и не выѣхавъ, какъ было принято, провожать главнокомандующаго до границъ своихъ владѣній. Котляревскій не снесъ такого пренебреженія. Въ сопровожденіи только одного казака, съ нагайкою въ рукѣ, онъ проскакалъ черезъ г. Шушу прямо къ ханскому двору. Окруженный своею челядью, Мехти-Кули-ханъ сидѣлъ предъ бассейномъ и курилъ кальянъ.

— Я тебя повѣшу!—кричалъ Котляревскій, не слѣзая съ лошади.

Несмотря на то, что ханъ былъ окруженъ вооруженною толпою, готовою броситься по одному мановенію своего повелителя и истерзать чловека, ханъ струсилъ.

— Чѣмъ заслужилъ я такой гнѣвъ?—спросилъ онъ Котляревскаго съ замѣшательствомъ.

— Какъ чѣмъ? развѣ ты ни во что не ставишь русскаго сердца

*) Изъ „Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, соч. Н. Ф. Дубровина.

(начальника), что не удостоилъ даже пріѣхать, чтобы проститься,—тогда, когда тебѣ слѣдовало явиться къ нему и провожать его при отъѣздѣ! Развѣ ты не началъ придираться къ бекамъ, намъ преданнымъ?

Мехти извинялся и оправдывался; онъ тотчасъ же снарядилъ въюки съ разными сластями, догналъ Ртищева на переправѣ черезъ р. Тертеръ и почтительно простился съ нимъ.

Поступокъ Котляревскаго, помимо поддержанія значенія главнокомандующаго въ краѣ, имѣлъ большое вліяніе на жителей Карабага, всегда вѣрныхъ тому, кто сильнѣе. „Со всей достовѣрностью полагать можно, — говоритъ біографъ, — что такимъ рѣшительнымъ поступкомъ Котляревскій, хорошо знавшій азіатскій характеръ, остановилъ готовое возмущеніе, которое могло быть пагубно въ то время для русскихъ, но которое вскорѣ послѣ пораженія персіянъ сдѣлалось невозможнымъ. Эту предварительную, такъ сказать, побѣду Котляревскій одержалъ однимъ собственнымъ своимъ лицомъ, благодаря спасительному страху, имъ внушенному, — страху, столь сильному, что до сего времени пугаютъ еще его именемъ карабагскихъ дѣтей“.

Страхъ этотъ не былъ послѣдствіемъ жестокости характера, а твердости и строгаго исполненія распорядковъ русской власти, столь необходимыхъ въ то время, когда Котляревскій одинъ съ небольшимъ отрядомъ стоялъ противъ огромныхъ полчищъ Аббасъ-Мирзы.

Послѣдній, какъ только узналъ, что царевичъ Александръ благополучно пробрался въ Грузію и что тамъ вспыхнуло возстаніе, тотчасъ же сталъ готовиться къ открытію военныхъ дѣйствій и намѣренъ былъ на этотъ разъ привести въ исполненіе составленный имъ весьма обширный планъ операцій. Сосредоточивая свои войска противъ отряда Котляревскаго и подойдя 8-го октября къ Асландузу, Аббасъ-Мирза намѣренъ былъ для лучшаго успѣха наступать одновременно по разнымъ направленіямъ. Съ этою цѣлью онъ поручилъ эриванскому хану безпоконть наши отряды, расположенные въ Памбакахъ и Шурагели, и, чтобы они не могли подать помощи Котляревскому, произвести нападеніе на Бекантъ. Съ другой стороны, признавая совершенно достаточнымъ оставить въ Талышахъ, для дѣйствія противъ незначительнаго нашего отряда, тысячу человекъ пѣхоты и двѣ тысячи кавалеріи, Аббасъ-Мирза отозвалъ часть тамъ бывшихъ войскъ и, отправивъ два батальона для занятія Сальянъ, изъ остальныхъ составилъ летучій отрядъ подъ начальствомъ Пиръ-Кули-хана. Переравнившись черезъ р. Куру, Пиръ-Кули-ханъ долженъ былъ съ 3.000 конницы вторгнуться въ Шекинское ханство, возстановить Селима въ ханскомъ достоинствѣ, поднять тамошнее населеніе и слѣдовать на соединеніе съ царевичемъ Александромъ. Въ то же время главныя силы, пере-

правившись через р. Араксъ, должны были атаковать отрядъ Котляревскаго и, въ случаѣ успѣха, слѣдовать къ Елисаветполю, возбудить противъ Россіи шамхорскихъ, шамшадильскихъ, казахскихъ и борчалнскихъ татаръ и направить ихъ на окончательное истребленіе русскихъ въ Закавказьѣ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ планъ дѣйствій, для исполненія котораго Аббасъ-Мирза 11-го октября подошелъ къ р. Араксу и приступилъ къ переправѣ. Одна партія персіянъ, прежде другихъ переправившаяся черезъ рѣку, покушалась отбить табунъ казачьихъ лошадей, но была прогнана. Получивъ объ этомъ донесеніе, Котляревскій тотчасъ же написалъ Аббасъ-Мирзѣ весьма рѣзкое письмо. „Вы происходите,—писалъ онъ,—отъ знаменитой фамиліи персидскихъ шаховъ, имѣете между родными столыкныхъ царей и даже считаете себя изъ родни небеснымъ духамъ; возможно ли, что при такой знаменитости происхожденія, зная всю малочисленность русскаго отряда, вы рѣшаетесь тайно воровать у него лошадей? Послѣ этого вамъ неприлично называться потомкомъ знаменитаго рода“. Письмо оканчивалось просьбою запретить подобные набѣги. Какъ бы въ отвѣтъ на это, Аббасъ-Мирза остановилъ переправу и, расположившись выше Асландуза, приступилъ къ постройкѣ укрѣпленія

Поступокъ этотъ и отправленіе къ Шекинскому ханству Пиръ-Кули-хана, всегда командовавшаго авангардомъ главныхъ силъ, навели Котляревскаго на мысль, что онъ не будетъ атакованъ, что Аббасъ-Мирза переимѣнилъ планъ дѣйствій и намѣренъ, оставивъ въ Асландузскомъ укрѣпленіи четыре или пять тысячъ человекъ, для угрозы Карабагу, съ остальными войсками слѣдовать за Пиръ-Кули-ханомъ, пройти черезъ Шекинское владѣніе, вступить въ Грузію со стороны Кахетин и, соединившись съ царевичемъ Александромъ, направиться къ Тифлису. Подобное движеніе, въ случаѣ успѣха, могло вызвать всеобщее возстаніе татаръ и горцевъ и поставить наши войска за Кавказомъ почти въ безвыходное положеніе.

Понимая всю важность предпринимаемаго Аббасъ-Мирзою движенія и зная, что Ртищевъ не имѣетъ достаточно войскъ, чтобы „противостать сильной громадѣ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и удержать за собою большой и не укрѣпленный городъ“, Котляревскій счелъ необходимымъ облегчить положеніе главнокомандующаго и своимъ подвигомъ сохранить наше владычество за Кавказомъ. Онъ рѣшился переправиться черезъ р. Араксъ, атаковать Аббасъ-Мирзу и нанести ему такое пораженіе, чтобы слухъ о немъ разнесся по горамъ и достигъ до влестителя Персіи.

— Бей змѣя по головѣ,—говорилъ часто Суворовъ.—Удачный ударъ въ голову наноситъ смерть и прочимъ частямъ тѣла, даже не касаясь ихъ.

Слѣдуя словамъ великаго учителя, Котляревскій прибавлялъ къ этому и свой собственный опытъ.

— Я зналъ и знаю,—говорилъ онъ,—что идущему впередъ одна пуля въ грудь или въ лобъ, а бѣгущему назадъ—десять въ спину. Это знали всѣ служившіе со мною, и никто никогда тыла не показывалъ. Во всю мою службу отечеству я видѣлъ бѣгущихъ однихъ непріятелей.

Сознавая, что въ данномъ случаѣ предпріятіе это было сопряжено съ крайнею трудностью, но „польза и честь оружія Россійскаго и положеніе дѣлъ,—доносили онъ,—того требуютъ: ибо цѣль Аббасъ-Мирзы состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлить силы мои и потомъ съ лучшею увѣренностью ударить, а когда не успѣетъ развлечь меня, то удерживать въ бездѣйствіи, продолжать грабежи и смотрѣть, что сдѣлаютъ отряды, имъ посланные. Если Богъ поможетъ разбить Аббасъ-Мирзу, тогда всѣ его замыслы рушатся однимъ ударомъ“.

Дѣйствительно, Пиръ-Кули-ханъ съ однимъ своимъ отрядомъ не могъ имѣть успѣха, потому что долженъ былъ переправляться черезъ р. Куру на лодкахъ, доставая ихъ у жителей; слѣдовательно, при малѣйшей осторожности и бдительности Джафаръ-Кули-хана шекинскаго, можно было легко не допустить персіянъ до переправы. Но если бы они и переправились, то, съ пораженіемъ главныхъ силъ Аббасъ-Мирзы, Пиръ-Кули-ханъ былъ бы отрѣзанъ и могъ считать себя погребеннымъ. Тѣ же два персидскіе батальона, которые были посланы къ Сальянамъ, находились въ совершенной зависмости отъ главныхъ силъ и вмѣстѣ съ отступленіемъ Аббасъ-Мирзы принуждены были слѣдовать къ нему на соединеніе.

Такимъ образомъ, движеніемъ за р. Араксъ и успѣшными дѣйствіями противъ главныхъ силъ персіянъ Котляревскій однимъ ударомъ уничтожалъ программу дѣйствій трехъ непріятельскихъ отрядовъ. Предпринимая столь смѣлую экспедицію и имѣя въ виду, что кочевыя племена татаръ, оставшихся въ Карабагѣ, находились преимущественно на р. Тертерѣ, Котляревскій просилъ генераль-майора барона Клодта фонъ-Юргенсбурга перейти съ отрядомъ къ дер. Пиразы, лежавшей на р. Курѣ, близъ впаденія въ нее р. Тертера, для прикрытія кочевыхъ народовъ и защиты Шекинскаго ханства отъ вторженія Пиръ-Кули-хана.

Сдѣлавъ эти распоряженія, Котляревскій имѣлъ полное право написать, что „сколь ни отважнымъ кажется предпріятіе мое, но польза, честь и слава отечества того требуютъ, и я надѣюсь на помощь Бога, всегда помогающаго Россійскому оружію, и на храбрость вѣреннаго мнѣ отряда, что, если останусь живъ, непріятель будетъ разбитъ; если же меня убьютъ, ваше превосходительство найдете мои распоряженія такими, по коимъ и послѣ смерти обвинять меня не можете“.

Содержавшійся подъ надзоромъ карабагскій житель Мурадъ-ханъ вызвался быть проводникомъ и указать дорогу въ бродъ черезъ рѣку Араксъ. Положившись на него, Котляревскій собралъ свой отрядъ въ Ахъ-Огланѣ и объявилъ ему о предстоящемъ походѣ.

— Братцы,—говорилъ онъ солдатамъ,—намъ должно идти за р. Араксъ и разбить персіянъ. Ихъ на одного десять, но каждый изъ васъ стоитъ десяти, и чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славиѣе побѣда. Идемъ, братцы, и разобьемъ!

Солдаты съ восторгомъ приняли предложеніе своего боевого командира.

Съ донесеніемъ о своемъ выступленіи Котляревскій отправилъ въ Тифлисъ каптенармуса, приказавъ ему не очень торопиться. Онъ опасался, чтобы Ртищевъ, оскорбившись неисполненіемъ его приказаній, не донесетъ въ Петербургъ. Дѣйствительно, главнокомандующій былъ пораженъ поступкомъ Котляревскаго, но вслѣдъ-за тѣмъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ.

Выступая въ походъ, Котляревскій рѣшилъ или разбить персіянъ на голову, или самому не возвращаться живымъ съ поля сраженія.

„Предпринявъ атаковать персіянъ за Араксомъ,—писалъ онъ старшему по себѣ штабъ-офицеру,—я сдѣлалъ распоряженія, о которыхъ вамъ извѣстно; въ случаѣ смерти моей, вы должны принять команду и исполнять по онымъ. Если-бъ случилось, что первая атака была неудачна, то вы непременно должны атаковать другой разъ и разбить, а безъ того не возвращаться и отнюдь не отступать. Когда непріятель будетъ разбитъ, то стараться перевести на сію сторону кочующіе близъ Аракса народы, потомъ возвратиться. По исполненіи сей экспедиціи, вы должны донести о семъ прямо главнокомандующему и представить диспозицію мою и приказъ, отданный по отряду“.

18-го октября Котляревскій выступилъ изъ Ахъ-Оглана, имѣя въ отрядѣ 1.525 человекъ пѣхоты, 495 человекъ кавалеріи и 6 орудій. Располагая атаковать персіянъ ночью, онъ долженъ былъ скрытно обойти всѣ ихъ караулы, перейти р. Араксъ въ пятнадцати верстахъ выше лагеря Аббасъ-Мирзы и сдѣлать въ сутки слишкомъ 70 верстъ. Отрядъ шелъ молча и говорить было строго запрещено. Переправивъ пѣхоту на казачьихъ лошадяхъ, Котляревскій встрѣтилъ задержку при переправѣ артиллеріи. Одно изъ орудій провалилось въ яму вмѣстѣ съ лошадью, и люди долгое время не могли ихъ вытащить.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ шопотомъ подъѣхавшій Котляревскій.

— Вытаскиваемъ орудіе.

— Эхъ, братцы,—замѣтилъ онъ,—если будемъ драться хорошо, то и

съ пятью орудіями побьемъ персіянъ, и тогда, вернувшись, вытацимъ это, а если не вернемся, то оно намъ и совсѣмъ не нужно.

— И вирымъ такъ,—отвѣчали солдаты, бросая орудіе.

Тѣмъ не менѣе, случай съ орудіемъ задержалъ нѣсколько переправу и только утромъ, на разсвѣтѣ, нашъ отрядъ успѣлъ дойти до непріятельскаго лагеря, въ которомъ находилось 30.000 человекъ, изъ которыхъ было 14.000 регулярнаго войска. Не ожидая нападенія, персіяне не слѣдили за движеніями Котляревскаго. „Въ ночь, предшествовавшую нападенію русскихъ,—говоритъ персидскій историкъ,—часовые лагеря до такой степени были *охвачены ружою сътти безопасности*, что ни одинъ изъ нихъ не далъ во-время знать объ угрожающей войскамъ опасности“.

Такъ какъ Джафаръ-Кули-ханъ (бѣжавшій) былъ посланъ на рекогносцировку къ Карабагу, то двигавшіяся русскія войска многіе приняли за возвращавшійся отрядъ Джафара; другіе же полагали, что возвращается въ лагерь команда Садыкъ-хана-Каджара. При такомъ недоумѣніи персіяне оставались покойными, и часть ихъ находилась на ученьѣ, на которомъ присутствовалъ и Аббасъ-Мирза.

— Вотъ и ханъ ѣдетъ ко мнѣ,—замѣтилъ наслѣдникъ персидскаго престола, обращаясь къ бывшему при немъ англійскому офицеру.

— Это не ханъ, а Котляревскій,—отвѣчалъ хладнокровно британецъ, посмотрѣвъ въ зрительную трубу и передавая ее Аббасъ-Мирзѣ.

— Поросята сами лѣзутъ на ножъ,—сказалъ принцъ, желая скрыть свое смущеніе.

Отдавъ приказаніе фалконетной артиллеріи открыть огонь, Аббасъ-Мирза поскакалъ къ сарбазамъ и приказалъ имъ строиться; но было уже поздно: русскіе хозяйничали въ персидскомъ лагерѣ...

Находившаяся вблизи гора, командовавшая надъ всѣмъ лагеремъ, была занята одною только персидскою кавалеріею; пѣхоты на ней не было видно—ошибка, которою Котляревскій воспользовался самымъ блестящимъ образомъ, избравши гору главнымъ пунктомъ атаки.

Составивъ три карре, „съ растянутыми фасадами“ для лучшаго напора въ штыки, и поставивъ по флангамъ карре егерей, а кавалерію между карре, Котляревскій въ 8 часовъ утра 19-го октября атаковалъ Аббасъ-Мирзу. Онъ приказалъ стрѣлять какъ можно меньше и атаковать въ штыки какъ можно быстрѣе. Солдаты въ точности исполнили приказаніе начальника, и насколько быстра была атака, настолько же скоро было отетупленіе персіянъ. Гора была занята нами прежде, чѣмъ Аббасъ-Мирза успѣлъ послать на нее свою пѣхоту. Приписывая успѣхъ русскихъ плохому дѣйствію своей артиллеріи, персидскій принцъ, по словамъ его историка, „подобравъ за поясъ полы своего кафтана, собственноручно сдѣ-

лать нѣсколько выстрѣловъ изъ пушки и сплюю ихъ *губительнаго дѣйствія помрачилъ весь свѣтъ*“. Тѣмъ не менѣе, русскіе остались на горѣ и громили персіянъ и ихъ лагерь. Тогда Аббасъ-Мпрза, чувствуя невыгоду своего положенія, выступилъ со всѣми войсками изъ лагеря, съ цѣлью обойти гору и отрѣзать нашъ отрядъ отъ Аракса. Находя болѣе полезнымъ нанести рѣшительный ударъ непріятелю, чѣмъ оставаться на горѣ въ оборонительномъ положеніи, Котляревскій оставилъ на горѣ всѣ орудія и по одному фасу карре, а самъ съ остальными войсками спустился внизъ и бросился въ штыки. Ударъ этотъ былъ настолько губеленъ для персіянъ, „что исламскіе воины, — говоритъ ихъ историкъ, — послѣ трехчасовой кровавой схватки, почли за лучшее отступитъ, *для отдохновенія*, на другую позицію“. Наши солдаты ворвались въ вагенбургъ и завладѣли какъ лагеремъ, такъ и всѣмъ имуществомъ, въ немъ находившимся. Объятые панпческимъ страхомъ, персіяне бѣжали въ безпорядкѣ за рѣчку Даравюрдъ, оставивъ намъ въ добычу обширный лагерь, 36 фалконетовъ, множество артиллерійскихъ снарядовъ и патроновъ.

Переправившись черезъ рѣчку, Аббасъ-Мпрза устроилъ свои полки и отошелъ къ укрѣпленію Асландузу, расположенному на высотахъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ р. Даравюрдъ впадаетъ въ Араксъ. Укрѣпленіе было обнесено палисадомъ и окружено двумя глубокими рвами.

Въ продолженіе дня персіяне присылали своихъ стрѣлковъ съ конною артиллерією къ рѣчкѣ вести перестрѣлку, которая по временамъ была весьма оживленною; но всякая попытка со стороны непріятеля къ нападению на нашъ лагерь кончалась его поражениемъ. Видя, что Котляревскій не отступаетъ за Араксъ, Аббасъ-Мирза былъ увѣренъ, что этотъ „свирѣпо-грозный генералъ“, какъ называли его персіяне, повторитъ атаку, и потому въ ту же ночь отправилъ всюду приказаніе собраться къ нему всѣмъ отдѣльнымъ отрядамъ. Узнавъ объ этомъ отъ бѣжавшихъ изъ персидскаго лагеря нашихъ плѣнныхъ, Котляревскій рѣшился вторично атаковать его на слѣдующее утро и не давать ему времени оправиться отъ понесеннаго пораженія. Онъ зналъ, что вторая побѣда будетъ легче первой, потому что непріятель находился въ разстроеномъ состояніи; что, по словамъ ихъ соотечественника, исламскіе воины проникнуты были большимъ изумлениемъ и разстройствомъ „и что зрачки счастья ихъ сарбазовъ находились подъ вліяніемъ сна“.

Призвавъ къ себѣ одного изъ возвратившихся изъ плѣна унтеръ-офицеровъ, Котляревскій разспрашивалъ его, какъ бы пройти такъ, чтобы не дать возможности персидской арміи скрыться. Тотъ вызвался провести нашъ отрядъ съ той стороны, гдѣ у непріятеля не было пушекъ.

— На пушки, братецъ, — отвѣчалъ Котляревскій, на пушки!

Передъ разсвѣтомъ 20-го октября, нашъ отрядъ, переправившись черезъ р. Даравюрдъ выше персидскаго лагеря, двинулся на штурмъ укрѣпленія съ тыла. Семь ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка, двигаясь со стороны Персѣи, стали огибать укрѣпленіе съ правой стороны, батальонъ егерей двинулся по направленію къ Аракеу для обхода того же укрѣпленія съ лѣвой стороны, а небольшое резервное карре направлено было по теченію р. Даравюрдъ, чтобы оказать помощь тому изъ наступающихъ отрядовъ, который прежде встрѣтитъ въ этомъ необходимость. Казачьи полки получили приказаніе занять выгодную позицію въ тылу укрѣпленія, чтобы удобнѣе было преслѣдовать бѣгущаго непріятели.

Персіяне, надѣясь на неприступность своей позиціи, были замѣчательно безпечны. Расположившись около пылающихъ костровъ, они не выставили нигдѣ пикетовъ, какъ вдругъ увидѣли передъ собою грозныя лица русскихъ солдатъ и сверкающіе штыки. „Смятеніе сдѣлалось невыразимое. Снова грянуло громомъ „ура!“ и началось кровопролитіе; вопли ужаса, крики побѣдителей, стоны умирающихъ, молибы о пощаду потрясли воздухъ въ страшную ночь, освѣщаемую догоравшими огнями. Получивъ приказаніе не щадить никого, кромѣ самого Аббасъ-Мирзы, русскіе солдаты страшно ожесточились и кололи безъ сожалѣнія. Тщетно самъ Котляревскій кричалъ: „полно, полно!“—онъ не могъ остановить разсвирѣпѣвшихъ гренадеровъ“.

Менѣе чѣмъ въ два часа времени укрѣпленіе было взято, и четыре батальона персидской регулярной пѣхоты погибли при его защитѣ. „Богъ, ура и штыки даровали побѣду“,—доносили Котляревскій, побѣду полную и блестящую, прибавимъ мы. Одиннадцать англійскихъ орудій, три знамени, въ томъ числѣ одно самого Аббасъ-Мирзы, болѣе 537 плѣнныхъ сарбазовъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ полковникъ и 16 офицеровъ, и, наконецъ, болѣе 1.200 человекъ убитыхъ персіянъ ознаменовали побѣду. Самъ принцъ только съ 20 человекъ своей свиты бѣжалъ съ поля сраженія постыднѣйшимъ образомъ. Персидскій историкъ старается оправдать своихъ соотечественниковъ и приписываетъ пораженіе персіянъ стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ. „Въ самый разгаръ боя,—говоритъ онъ,—замѣчательный и удивительный случай превратности судьбы проявилъ себя въ арміи Ирана: когда принцъ, воодушевляя ратниковъ, предавался размышленіямъ о средствахъ къ спасенію, лошадь его внезапно споткнулась и оборвалась въ глубокую яму, отчего его высочество изволилъ свое благородство перенести съ сѣдла на землю. Прислуга не могла замѣтить такого непріятнаго казуса и, не видя своего повелителя, исполнилась невыразимаго смущенія, вообразивъ, что его высочество, подобный Александру Македонскому и славный дѣяніями знаменитаго государя Дара (Дарія), погибъ. Слѣдствіемъ всего

этого было всеобщее разстройство: свита принца разсыялась въ разныя стороны, сарбазы же Марагинскаго полка успѣли отретироваться съ той горы, которая походила на средоточіе невыразимаго кровопролитія, выпзъ къ ея подошвѣ“. За этимъ полкомъ послѣдовали другіе, и персіяне бѣжали безъ оглядки...

Нашъ уронъ убитыми и ранеными состоялъ изъ 127 человекъ. Къ Котляревскому явилось 57 нижнихъ чиновъ Троицкаго полка, находившихся въ плѣну.

Такъ однимъ ударомъ разрушены были обширные замыслы Аббасъ-Мирзы, со стыдомъ ушедшаго въ Тавризу. Аландузъ, въ которомъ нѣсколько дней тому назадъ проходили мирные переговоры, взятъ нами штурмомъ, и укрѣпленія его разрушены.

Защита Чирагскаго укрѣпленія.

На границѣ между Казикумыкомъ и Кюрюю, въ горномъ проходѣ, составляющемъ ключъ пограничныхъ позицій, стояло небольшое укрѣпленіе Чирагъ, устроенное еще до Ермолова.

Въ 1819 году, въ холодное зимнее время, когда въ Дагестанѣ былъ всеобщій мятежь и Ермоловъ шелъ походомъ на Акушу, пять или шесть тысячъ мятежниковъ, по заранѣе обдуманному плану военныхъ дѣйствій, направлялись въ Кюринское ханство, чтобы вынудить и его отложиться отъ русскихъ. Самъ Сурхай-ханъ казикумыкскій велъ это скопище. На пути лежало Чирагское укрѣпленіе. Мятежники, очевидно, побоялись оставить удобнѣйшій горный проходъ не занятымъ,—и Чирагу, такимъ образомъ, пришлось вынести на своихъ плечахъ всю силу мятежническаго нападенія и прославиться доблестною защитою.

Въ то время въ укрѣпленіи стояли двѣ роты Троицкаго пѣхотнаго полка. Къ сожалѣнію, не все онѣ помѣщались въ самой крѣпостцѣ, а нѣкоторая часть ихъ обыкновенно располагалась по обывательскимъ саклямъ. Это обстоятельство трагически отразилось на судьбѣ защитниковъ укрѣпленія.

Однажды, когда тишина холодной декабрьской ночи прерывалась только окликомъ часовыхъ да топотомъ конныхъ разъѣздовъ, окрестности Чирага внезапно огласились смутнымъ гамомъ битвы, раздались выстрѣлы, гикъ, стоны... Это лезгины, тихо спустившись съ горъ, неожиданно ворвались въ селеніе. Изъ восьмидесяти гренадеръ, бывшихъ въ сакляхъ, одни были перерѣзаны, другіе бѣжали въ крѣпостцу. Прапорщикъ же Щербина, молодой офицеръ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій на Кавказъ изъ кадет-

скаго корпуса, успѣлъ съ четырьмя стрѣлками пробиться сквозь толпу лезгинъ къ высокому каменному минарету, стоявшему передъ крѣпостцею и засѣлъ тамъ съ твердою рѣшимостью защищаться на смерть. Лезгины окружили башню и открыли по ней ружейный огонь. Минареть была ветхъ: его старыя стѣны испещрены трещинами,—и десятки пуль, пронизывая какъ эти отверстія, такъ и деревянные ставни оконъ и дверей, крестили въ башнѣ по всеѣмъ направленіямъ. Штабсъ-капитанъ Овечкинъ, оставшійся главнымъ начальникомъ укрѣпленія, сдѣлалъ двѣ вылазки, желая выручить товарищей: но Щербина каждый разъ кричалъ ему: „воротись и береги людей для охраны крѣпости: они нужнѣе меня. Я уже обрекъ себя на смерть—и умру не даромъ. Если не станетъ свинцу, то я своимъ наденіемъ раздавлю непріятеля!“

Выстрѣлы осажденныхъ, у которыхъ, по счастью, случилось большое количество патроновъ, наносили горцамъ чувствительный вредъ и не позволяли приблизиться къ крѣпостцѣ. Не разъ, но напрасно, лезгины предлагали героямъ сдаться; наконецъ, озлобленные, они вломались внутрь минарета, изрубилъ стрѣлковъ, и по узкой винтообразной лѣстницѣ устремились вверхъ, куда скрылся Щербина. Съ мрачною рѣшимостью, облокотясь на шашку, стоялъ онъ наверху лѣстницы надъ самымъ отверстіемъ, и лишь просовывалась въ нее голова лезгина, какъ обезглавленный трупъ съ грохотомъ уже катился внизъ, поливая кровью каменные ступени. Съ десятокъ вражьихъ головъ уже валялось у ногъ отважнаго юноши. Лезгины, убѣдившись, что силой имъ ничего не подѣлать, рѣшили подкопать и свалить башню. Цѣлый день тянулась работа, а къ вечеру минареть рухнулъ. Къ несчастію, Щербина не погибъ подъ развалинами, и горцы, вытащивъ полураздавленнаго юношу, передали его страшнымъ мученіямъ: они нанесли ему множество несмертельныхъ ранъ и, постепенно выматывая жилы, замучили до смерти.

Такъ погибъ доблестный юноша, отличавшійся образованіемъ, умомъ и необыкновенною твердостію духа.

Съ паденіемъ башни лезгины обратили все свои силы противъ крѣпостцы, гдѣ защищалось четыреста человекъ Троицкаго полка. Обложивъ крѣпость и спустившись въ ровъ подъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ, непріятель залегъ подъ самыми ея стѣнами. Два раза ходили горцы на приступъ и два раза были отбиты съ огромнымъ урономъ. Но и со стороны осажденныхъ потери были велики. Офицеры были перебиты все, и подъ конецъ остался одинъ только заслуженный штабсъ-капитанъ Овечкинъ, съ прострѣленною ногою, и при немъ человекъ сто нижнихъ чиновъ, которые притомъ на половину были переранены.

Положеніе гарнизона становилось съ каждою минутою отчаяннѣе и

отчаяннѣе. Осада длилась уже три дня, въ крѣпости не было ни капли воды, чтобы обмыть раны и промочить губы, запекшіяся отъ крови и жажды. Удальцы спускались ночью со стѣны и прокрадывались къ источнику, но немногимъ изъ нихъ удавалось возвращаться,—великодушные люди платили собственной кровью и жизнью за воду, добытую для товарищей. Солдаты грызли пули и глотали порохъ, чтобы тѣмъ освѣжить себя; но внутренней жаръ, усталость и бессонница усугубляли ихъ страданія.

Между тѣмъ лезгинны настойчиво требовали сдачи.

— Товарищи! — сказалъ Овечкинъ изнемогавшимъ солдатамъ, уже начинавшимъ отчаиваться въ спасеніи!—я дѣлилъ съ вами раны, не разъ водилъ васъ противъ врага, и никогда не видалъ въ побѣгѣ. Не дайте же мнѣ, при концѣ моей жизни, увидѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружія, а себя—въ постыдномъ плѣну. Не опозоримъ имени кавказскаго солдата! Коли не такъ,—то прежде пристрѣлите меня, и тогда дѣлайте, что хотите, если не можете сдѣлать того, что обязаны.

Одушевленные этою рѣчью, съ крикомъ „ура!“, солдаты клялись умереть на стѣнахъ крѣпостцы и на новое предложеніе сдатьсь отвѣтили дружнымъ залпомъ изъ ружей и пушекъ.

Былъ полдень четвертаго дня осады. Храбрый Овечкинъ, истекая кровью, изнемогая отъ судорогъ, впалъ въ глубокой, продолжительный обморокъ. Тогда фельдфебель одной изъ ротъ сталъ уговаривать солдатъ сдатьсь. „Надежды на помощь нѣтъ,—говорилъ онъ:—порохъ на исходѣ, а мы—какъ тѣни отъ ранъ, жажды и истомы. Слышите ли, какъ они предлагаютъ намъ честный полонъ? Если не воспользуемся этимъ теперь, то будетъ уже поздно: черезъ часъ лезгинны безъ выстрѣла возьмутъ нашу крѣпость и насъ передавать какъ мухъ“.

Слова эти поразили пришедшаго въ себя Овечкина. Полный негодованія, онъ подозвалъ къ себѣ фельдфебеля и неожиданнымъ ударомъ повергъ его на землю. „Свяжите! Бросьте со стѣны этого измѣнника!—кричалъ онъ:—я застрѣлю перваго, кто упомянетъ о сдачѣ!“

Онъ приказалъ поднять себя къ пушкѣ, схватилъ дрожащею рукою фитиль и командовалъ: „отнимай доску!“

Амбразуры, за которыми стояли орудія, наглухо закрывались досками, предохранявшими артиллеристовъ отъ непріятельскаго огня. Доска была отнята, пушка грянула. Но въ то же время сотни пуль влетѣли въ открытое отверстіе, и Овечкинъ, прострѣленный въ бокъ и въ ухо, замертво скатился съ платформы. Солдаты, воспламененные храбростью начальника, поклялись умереть безъ ропота.

Лезгинны готовились, между тѣмъ, къ новому приступу. Гибель храбрыхъ, казалось, была неизбежна. Но вотъ вдали засверкали русскіе штыки—на

помощь осажденнымъ съ окрестныхъ горъ спускался отрядъ. Это былъ самъ окружной начальникъ, генераль-майоръ Вреде, спѣшившій изъ Кюры съ ротой пѣхоты, и капитанъ Севастопольскаго полка Агѣевъ съ пятьюдесятью солдатами.

Въ это же самое время Сурхай-ханъ получилъ извѣстiе, что Акуша пала передъ русскими войсками. Смущенный, онъ не рѣшился продолжать борьбу и обратился въ бѣгство, пославъ въ Казикумыкъ приказанiе, чтобы семейство его спѣшило въ горы. Онъ ожидалъ, что измѣна его не будетъ оставлена безъ наказанiя. Его примѣру послѣдовали и предводимыя имъ толпы. Чирагъ былъ освобожденъ.

Помощь подоспѣла во-время. Изъ цѣлаго гарнизона въ укрѣпленiи оставалось въ живыхъ только 70 человекъ и изъ нихъ не раненыхъ—восемь.

Главнокомандующiй представилъ Овечкина къ награждѣ орденомъ св. равноапостольнаго князя Владимiра 4 ст. съ бантомъ, но императору Александру угодно было увеличить награду храбраго офицера и слѣдующимъ чиномъ.

„Въ семь примѣрѣ особенной награды,—писалъ Ермоловъ въ своемъ приказѣ по Кавказскому корпусу отъ 12-го мая 1820 года,—каждый изъ служащихъ долженъ видѣть сильнѣйшее одобренiе, и что императоръ, въ случаяхъ, отличнаго вниманiя достойныхъ, не ограничиваетъ милостей своихъ ходатайствомъ начальниковъ и ихъ подчиненныхъ“.

Черезъ полгода Овечкинъ выздоровѣлъ и находился уже въ строю: Ермоловъ, въ награду за оборону Чирага, назначилъ его въ передовые на приступъ аула Хозрекъ, гдѣ рѣшалась судьба Сурхая казикумыкского. Впослѣдствiи Овечкинъ командовалъ Тифлисскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

Геройскимъ подвигомъ Чирагской защиты заканчивается лѣтопись Троицкаго полка на Кавказѣ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ въ кадровомъ составѣ, отправленъ былъ въ Россiю. Но капитанъ Овечкинъ и геройскiе защитники Чирага не оставили Кавказа,—они поступили въ ряды Аншеронскаго полка.

На старомъ кладбищѣ въ Царскихъ Колодцахъ понынѣ можно найти простой камень съ лаконическою надписью: „Полковникъ Овечкинъ“. Подъ этимъ камнемъ и покоится прахъ героя—одного изъ тѣхъ, чья память не должна умирать въ потомствѣ.

Защита Чирага принадлежитъ къ фактамъ, незначительнымъ по размерамъ, къ тѣмъ, которые не могутъ влиять на судьбы народовъ и государствъ. Но если смотрѣть на нее съ точки зрѣнiя личнаго подвига, почетнаго примѣра преданности отчизнѣ и беззаветнаго исполненiя долга,—значенiе его возрастаетъ до великаго. Пусть тутъ не было сотенъ тысячъ противъ сотенъ тысячъ и не было спора за обладанiе столицей обшир-

нѣйшей страны. Но здѣсь одинъ офицеръ, съ помощью четырехъ рядовыхъ, удерживалъ цѣлый день многочисленныя толпы непріятеля, видя передъ собою неизбѣжную смерть, но и передъ лицомъ смерти исполненный одного желанія, чтобы гибель его послужила къ славѣ и къ пользѣ родины; здѣсь сотни боролись противъ тысячъ, стояли до конца и спасли лежавшій за крѣпостью обширный край отъ бѣдствій вражескаго вторженія. Важенъ тотъ духъ доблести, который жилъ въ защитникахъ Чирага, какъ и во всѣхъ кавказскихъ войскахъ. Защита Чирага есть одинъ изъ проблесковъ того великаго пламени любви къ отчизнѣ и беззаветной преданности долгу, который горѣлъ въ сердцахъ сыновъ Россіи, давшихъ ей Кавказъ. И пусть подвиги, подобные подвигамъ Щербины и Овечкина, не умираютъ во вѣки.

Генераль Власовъ.

(1821 годъ).

Оканчивался годъ командованія въ Черноморіи генерала Власова. И годъ этотъ прошелъ не безплодно. До 1820 года черноморцы, опасаясь черкесскихъ набѣговъ, старались селиться возможно дальше отъ береговъ Кубани, оставляя границы подъ защитою лишь слабыхъ кордоновъ, почти не представлявшихъ серьезнаго препятствія для хищныхъ и смѣлыхъ враговъ. Ермоловъ задумалъ разрушить это старинное предубѣжденіе и вызвалъ со всего казачества охотниковъ поселиться на самой Кубани. Превосходная побережная земля, рыбная ловля и двухлѣтняя льгота служили достаточною приманкою, и тысячи семействъ старожиловъ отозвались на вызовъ. Прибавивъ къ нимъ новыхъ переселенцевъ изъ Малороссіи, Ермоловъ основалъ на Кубани многоязныя селенія, ставшія опорой кордонной стражѣ и сдѣлавшія нападенія хищниковъ незначительными шайками весьма для нихъ небезопасными. Выполняя предначертанія Ермолова, генераль Власовъ не ограничился устройствомъ этихъ селеній и долженъ былъ позаботиться объ ихъ безопасности. Лѣвый берегъ Кубани почти сплошь покрытъ былъ тогда лѣсомъ, и черкесы, прикрываемые имъ, могли въ большихъ силахъ подходить къ самой рѣкѣ и высматривать, гдѣ закладываются секреты, гдѣ ходятъ разбѣды, что дѣлается на постахъ и въ резервахъ. Новыя селенія, естественно, подвергались постоянной опасности внезапнаго нападенія; особенно ихъ скотъ, пригоняемый къ Кубани на водопой, могъ служить хищникамъ постоянною лакомою приманкою. И вотъ, на берегахъ Кубани застучали топоры и застонали падающіе великаны растительнаго царства; противъ каждаго селенія на лѣвомъ берегу расчи-

щались обширныя площади. Черкесы держались во все это время смирно, были только случаи мелких хищничествъ:

Такъ настала осень 1821 года, не предвѣщавшая, повидному, никакихъ тревогъ. Какъ вдругъ—это было вечеромъ со 2-го на 3-е октября—огромное скопище шапсуговъ и жанеевцевъ неожиданно появилось на Кубани близъ рѣчки Давыдовки (теперь высохшей). Его велъ знаменитый шапсугскій старшина Измайлъ. Рыскавшіе на закубанской сторонѣ пластуны первые дали знать на Петровскій постъ, начальнику 4-й части кордонной линіи, Журавлю. Къ счастью, въ это самое время на посту случился самъ генералъ Власовъ, объѣзжавшій съ летучимъ отрядомъ кордонную линію. Времени терять на сборы войскъ было некогда, и Власовъ рѣшился дѣйствовать съ тѣми силами, которыя оказались у него подъ рукою,—а эти силы состояли всего изъ 611 конныхъ и 65 пѣшихъ казаковъ, при 2 орудіяхъ. Немедленно посланы были разъезды для наблюденія за горцами; кордонная цѣпь усилена. Въ половинѣ девятого часа съ поста выступилъ самъ Власовъ, выслѣдилъ переправу горцевъ и, въ темнотѣ бурной осенней ночи, пропустилъ враговъ мимо, чтобы зайти имъ въ тылъ. Горцы перешли Кубань верстахъ въ двухъ отъ Петровскаго поста, въ какой-нибудь верстѣ отъ отряда, и всею массою двинулись на хутора Петровской станицы, стоявшіе въ 15 и въ 30 верстахъ отъ кордона. Какъ только направление непріятеля точно обозначилось, Власовъ остался съ своимъ отрядомъ на мѣстѣ и приказалъ пластунамъ засѣсть въ камыши, облежавшіе переправу, а войсковому старшинѣ Журавлю съ постовою командою преслѣдовать шапсуговъ по пятамъ, вступитъ съ ними въ бой и ложнымъ отступленіемъ навести на засады. Казаки въ точности выполнили это приказаніе. Верстахъ въ шести отъ кордона, Журавль съ гикомъ налетѣлъ на шапсуговъ и открылъ ружейный огонь. Въ это время прискакала къ Власову со Славянскаго поста сотня есаула Залѣскаго, съ коннымъ орудіемъ; Власовъ отправилъ и ее на помощь сражавшимся. Орудіе смѣло подскакало къ черкесамъ и ударило картечью. И не успѣлъ смолкнуть гулъ выстрѣла, какъ темная ночь освѣтилась огнями зажженныхъ маяковъ. Запылали смоляныя вѣхи, и съ поста на постъ, отъ станицы къ станицѣ загремѣли непрерывные выстрѣлы, будя и поднимая на тревогу. Озадаченные зрѣлищемъ множества маячныхъ огней, не зная хорошо значенія ихъ, но отгадывая въ нихъ нѣчто для себя зловѣщее, поражаемые въ то же время картечью, горцы смѣшались и дрогнули. Напрасно старшины старались ободрить шапсуговъ. Въ ночной тьмѣ и бурѣ имъ чудились массы войскъ, и, полагая себя окруженными, горцы ринулись назадъ къ переправѣ, преслѣдуемые по пятамъ Журавлемъ и Залѣскимъ. Но тамъ, изъ густого камыша, встрѣтили ихъ пластуны. Дружный огонь и картечь заставили

ихъ отхлынуть влѣво, какъ разъ на отрядъ Власова. Здѣсь приняли ихъ картечью уже изъ двухъ орудій. Горцы опять повернули назадъ, а Власовъ со своими казаками уже несся наперерѣзъ имъ, къ Кубани. Отбитые вправо, черкесы въ ночной темнотѣ попали въ прогнойный Калаусскій лиманъ, обширный прибрежный заливъ. И тутъ, на берегу лимана, казаки и настѣли на нихъ, поражая шашками и пиками. Самъ Власовъ находился впереди и принималъ участіе въ рукопашной схваткѣ наравнѣ съ другими. „Я ажъ ахнулъ,—разсказывалъ въ послѣдствіи одинъ изъ казаковъ,—когда увидѣлъ, что и самъ генералъ рубится съ нами. Знаемъ мы—другого не заманишь и близко подѣхать къ черкесамъ, командуетъ себѣ издалека... А этотъ командовать—командуетъ, а самъ—маленькій да широкоплечій—знай на-ряду съ казаками работаетъ шашкой, и не одному черкесу снесъ голову... Самъ рубить, а самъ приободряетъ, да покрикиваетъ: „Бей, ребята! Топи, коли бусурманина“... Ну, и досталось же имъ на орѣхъ“...

И дѣйствительно, „досталось-таки черкесамъ на орѣхъ“. Только небольшой партіи, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, еще до прихода къ лиману успѣвшей прорваться сквозь нашъ отрядъ, удалось бѣжать за Кубань; остальные, вмѣстѣ съ лошадьми, погибли въ прогнойхъ Калауса. Калаусскій лиманъ при берегахъ не глубокъ, но топокъ, и по своей обширности непроходимъ. Напрасно передніе всадники, не видя конца водѣ, хотѣли поворотить назадъ—на нихъ направились густыя толпы, гонимыя ужасомъ, и всѣ увлекали другъ друга впередъ и поглощались пучиною. Утро открыло страшную картину гибели хищниковъ; калаусскія поля были усыяны трупами горцевъ; волны лимана бороздились еще отъ предсмертныхъ судорогъ тонувшихъ. Слышались стоны и вопли погибавшихъ, трупы людей и лошадей плавали въ мутной водѣ грудами.

Уронъ непріятели въ страшный день калаусской битвы былъ чрезвычайный; сами шансуги считаютъ утонувшими въ лиманѣ болѣе 20 знатнѣйшихъ князей и 1.200 всадниковъ, не считая погибшихъ въ камышахъ и на полѣ. Казаки отбили два знамени и взяли въ плѣнъ князя и 42 простыхъ черкеса—примѣръ небывалый въ тогдашнихъ схваткахъ съ горцами. Въ добычу казакамъ досталось 516 лошадей и много превосходнаго оружія, да и послѣ долго еще жители находили въ болотахъ черкесскія шашки, ружья и панцыри. На русской сторонѣ потеря была незначительна, но казаки до того увлеклись преслѣдованіемъ непріятели, что четыре человѣка вмѣстѣ съ ними утонуло въ лиманѣ; кромѣ ихъ, 1 убитъ и 14 ранено.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полувѣка; замолкъ громъ оружія на берегахъ Кубани, умиротворился край; но горцы и донинѣ въ печальной заунывной пѣснѣ вспоминаютъ роковую для нихъ калаусскую ночь. На-

прасно, однако же, любознательный путешественникъ сталъ бы искать знаменательнаго урочища: теперь на мѣстѣ нѣкогда тѣнистаго лимана, близъ дороги отъ Копыла на Петровскую разстилается прекрасный лугъ, доставляющій превосходное сѣно.

Для черноморцевъ калаусское пораженіе имѣло чрезвычайно важное нравственнаго значеніе. Оно было первое, въ которомъ сильный численностью и отвагой врагъ былъ побитъ сравнительно небольшимъ казачьимъ отрядомъ. Запорожцы, переселившись въ Черноморію, встрѣтили въ черкесскихъ племенахъ противниковъ не только сильныхъ и храбрыхъ, но всею своею жизнью, своею одеждою и вооруженіемъ несравненно болѣе приуроченныхъ къ мѣстнымъ условіямъ кавказской войны. Противъ казаковъ выѣзжала лучшая въ мірѣ, легкая и подвижная конница, въ блестящихъ кольчугахъ; съ добрымъ оружіемъ и на превосходныхъ коняхъ арабско-персидской крови. Казакъ привезъ съ собою тяжелую сбрую, длинное оружіе,—все, что такъ кстати было въ широкихъ, необозримыхъ, вольныхъ придиѣпровскихъ и крымскихъ степяхъ и что здѣсь, въ горахъ, въ лѣсистыхъ ущельяхъ и въ прикубанскихъ плавняхъ могло только мѣшать его подвижности. Понятно, что длинное татарское дреколіе, „ратище“ дюжаго запорожца, служило предметомъ ѣдкихъ насмѣшекъ адыгскаго наѣзника, у котораго не полагалось никакого разстоянія для схватки съ противникомъ, и открытымъ знакомъ всегдашней готовности схватиться грудь съ грудью былъ короткій кинжалъ, никогда не сходявшій съ пояса, даже въ мирной бесѣдѣ съ кунакомъ у очага родной сакли. Другіе приемы войны требовался въ новой странѣ. Въ степи можно было завидѣть опасность далеко, съ кургана,—здѣсь она вспархивала изъ подъ копытъ коня. Не прихоть, не произволь руководили военными вкусами черкесовъ; ихъ боевые обычаи и вооруженіе были результатомъ вѣковаго опыта, и потому всякій, кто хотѣлъ поравняться съ ними, долженъ былъ поспѣшить заимствовать отъ нихъ все: и сбрую, и оружіе, и способы управлять конемъ, и все споровки и ухватки этого воинственнаго племени. Такъ именно и сдѣлали линейные казаки. Но старые запорожцы, упрямые и гордые, крѣпко держались за старину, освященную диѣпровскими преданіями, и потому сразу уступили первенство черкесской конницѣ. И вотъ, тѣ же конные черноморскіе казаки, которые были и татарь, и турокъ, и французовъ и побили бы и черкесовъ въ своихъ степяхъ,—здѣсь, на Кубани, рѣдко въ состояніи были состязаться съ превосходными вражескими силами. Калаусское дѣло показало казакамъ, что хотя и силенъ врагъ, да милостивъ Богъ, а черкесамъ—что передъ ними такая сила, которая можетъ согнуть и непреклонныя горы подъ власть сѣвернаго великаго народа

Побѣда, одержанная Власовымъ, была оцѣнена Ермоловымъ по до-

стоинству. Донося о ней, онъ писалъ начальнику главнаго штаба: „Прошу исходатайствовать генералу Власову награжденіе орденомъ св. Анны 1-й степени. Онъ имѣеть все прочія награды и даже св. Георгія 3 класса и теперь, мною испрашиваемой, совершенно достоинъ. Въ заключеніе доношу, что со времени водворенія войска Черноморскаго въ Тамани не было подобнаго пораженія закубанцевъ на землѣ, войскомъ займаемой“. Императоръ Александръ, минуя анненскую ленту, пожаловалъ Власову прямо орденъ св. Владимира 2-го класса. Но лучшею наградою для Власова осталась вѣковѣчная память о немъ въ Черноморьѣ, вѣншимъ выраженіемъ которой служила поднесенная ему отъ черноморцевъ оправленная въ золото сабля, на клинкѣ которой изображено было калаусское сраженіе.

Войсковою старшина Журавль и есаулъ Залѣскій получили тоже владимірскіе кресты.

Калаусскою битвою Михаилъ Григорьевичъ Власовъ начиналъ свою славную боевую дѣятельность въ Черноморьѣ. Но она была только продолженіемъ цѣлаго ряда славныхъ дѣлъ, которыми ознаменованъ каждый шагъ его многотрудной жизни.

Власовъ родился въ 1767 году, въ донской станицѣ Раздорской, гдѣ и протекло его первое дѣтство. Отецъ его, бѣдный казачій офицеръ, выходя на службу, взялъ съ собою сына и оставилъ его въ Кіево-Печерской лаврѣ на попеченіе монаховъ, и тамъ въ немъ заложены были религіозныя начала такъ глубоко, что легли особымъ отпечаткомъ на всей его жизни.

Служебное поприще Власовъ началъ въ 1784 году казакомъ въ ново-черкасскомъ войсковомъ правленіи. Нераздѣльность гражданской службы отъ военной составляла тогда на Дону неизмѣнный обычай и не мѣшала выдаваться военнымъ дарованіямъ. Послужной списокъ Власова удостовѣряеть, что первые военные подвиги оказаны были имъ въ Польшѣ, въ войну 1794 года, подъ начальствомъ Суворова, и настолько выдвинули его изъ ряда сверстниковъ, что, выступивъ въ походъ простымъ казакомъ, онъ возвратился тогда на Донъ есауломъ. Въ войну 1807 года, когда начинается европейская слава донцовъ, имя Власова уже нерѣдко встрѣчается въ реляціяхъ.

Есть свѣдѣнія, что, въ промежуткахъ между войнами, Власовъ продолжалъ гражданскую службу и въ 1809 году былъ вызванъ въ молдавскую армію именно для управленія походной канцеляріей донскаго атамана. Здѣсь, участвуя волонтеромъ въ одномъ изъ сраженій, онъ обратилъ на себя орлиный взоръ Платова, сразу оцѣнившаго въ немъ рѣдкія военныя качества,—и Власовъ получилъ въ командованіе казачій полкъ. Въ Отечественную войну онъ уже является однимъ изъ видныхъ дѣятелей, участвуя въ цѣломъ рядѣ битвъ отъ береговъ Нѣмана и до бородинскихъ полей.

Партизанская война дала ему случай къ новымъ заслугамъ и отличіямъ. Бодрый, неутомимый Власовъ не зналъ сна и появлялся со своими казаками всюду, гдѣ только было слышно о французахъ; онъ отбивалъ знамена, пушки и забиралъ въ плѣнъ цѣлыя колонны враговъ. Георгіевскій крестъ, золотая сабля и чинъ полковника — достаточно свидѣтельствуютъ объ его громкихъ подвигахъ. Въ заграничныхъ походахъ онъ былъ въ огнѣ подъ Кульмомъ, подъ Лейпцигомъ, во всѣхъ славныхъ бояхъ этого славнаго времени, но особенныя отличія были оказаны имъ въ летучемъ отрядѣ графа Чернышева. Здѣсь-то и завязалась тѣсная дружба, которая и впоследствии соединила незнатнаго родомъ донского казака съ однимъ изъ могущественныхъ вельможъ царствованія императора Николая. Имя Власова было тогда уже извѣстно въ арміи, — онъ былъ одинъ изъ немногихъ офицеровъ, которые въ чинѣ полковника носили брилліантовую саблю и Георгія на шеѣ. Послѣдній орденъ пожалованъ ему былъ за дѣло подъ Бельцигомъ, гдѣ онъ съ однимъ казачьимъ полкомъ разбилъ три сильныя французскія колонны и взялъ въ плѣнъ болѣе 20 офицеровъ и 1.200 французскихъ солдатъ. Храбрый полкъ, предводимый Власовымъ, получилъ тогда бѣлое георгіевское знамя.

Воротившись въ Россію уже генераломъ, Власовъ назначенъ былъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ на Кавказѣ. Ермоловъ принялъ его какъ стараго соратника, на котораго могъ вполне положиться, и Власовъ первыми же своими дѣйствіями при усмиреніи имеретинскаго бунта и затѣмъ въ Ширваннѣ вполне оправдалъ возложенныя на него надежды.

Энергія и храбрость Власова и дали Ермолову мысль поручить ему въ управленіе Черноморскую кордонную линію, гдѣ такъ нуженъ былъ энергическій начальникъ.

Г е н е р а л ь К а ц ы р е в ь *).

(1824 годъ).

Немногіе изъ кавказскихъ дѣятелей пользовались такою громкою и заслуженною извѣстностью, какъ Юрій Павловичъ Кацыревъ, давшій своими дѣйствіями на правомъ флангѣ въ 1824 году примѣръ самостоятельной и весьма практичной системы отношеній къ черкесскимъ племенамъ Закубанья.

*) Изъ сочиненія В. А. Потто „Кавказская война“.

Кацыревъ былъ личностью не заурядной. Настоящая фамилія его была Казара. По словамъ Родожницкаго, онъ происходилъ изъ грековъ, поселившихся въ Полтавской губерни, куда онъ часто и ѣздилъ съ Кавказа въ отпускъ, къ матери и сестрамъ. Но самъ онъ выдавалъ себя всегда за родственника извѣстнаго генерала Мелисепно. Воспитаніе онъ получилъ въ кадетскомъ корпусѣ, откуда вышелъ въ 1804 году подпоручикомъ въ 7-й артиллерійскій полкъ, расположенный въ то время на Кубани. Хорошо образованный, прекрасно владѣвшій иностранными языками, онъ обратилъ на себя вниманіе генерала Глазенапа, командовавшаго тогда Кавказскою линіею, и сдѣлалъ съ нимъ кабардинскій походъ, бывшій началомъ его необыкновенно дѣятельной боевой жизни. Вся служба Кацырева есть непрерывная цѣль походовъ въ Грузію, на линію, въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ. Ермоловъ имѣлъ случай оцѣнить его военныя дарованія и постарался выдвинуть его изъ ряда сверстниковъ. Награжденный за мехтулинскій походъ и бой подъ Лавашами владимірскимъ крестомъ и чиномъ подполковника, онъ получилъ въ командованіе 22-ю артиллерійскую бригаду. Энергическія дѣйствія его въ Кабардѣ и походъ съ Ермоловымъ въ Баксанское ущелье доставили ему чинъ полковника, орденъ св. Анны 2 ст., украшенный бриллиантами, и назначеніе командовать войсками, расположенными въ центрѣ Кавказской линіи. Съ пріѣздомъ на правый флангъ Вельяминова, Кацыревъ былъ вызванъ въ дѣйствующій отрядъ, въ качествѣ начальника всей артиллеріи, и въ обоихъ походахъ за Кубань является однимъ изъ важнѣйшихъ его помощниковъ.

Проведя всю свою жизнь среди военныхъ тревоженій Кавказскаго края, Кацыревъ былъ незамѣнимъ по своей опытности. Для центра и праваго фланга Кавказской линіи онъ сталъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Грековъ для лѣваго,—хотя, при равныхъ военныхъ дарованіяхъ, они отличались рѣзко другъ отъ друга характерами и самою наружностью. Родожницкій, хорошо знавшій обоихъ, характеризуетъ въ своихъ запискахъ Кацырева, именно по сравненію съ Грековымъ, говоритъ: „Грековъ по виду воинъ не бойкій, смиренный, кроткій, и я съ перваго пріема даже не почелъ его за генерала, такъ онъ показался мнѣ молодъ и неказистъ. Кацыревъ, напротивъ, былъ человѣкъ суровый, скрытный и нелюбимый. Онъ былъ очень завистливъ къ успѣхамъ другихъ и не терпѣлъ князя Бековича, когда тотъ сталъ выдвигаться на Кубани своими боевыми подвигами“. И Кацыревъ въ своихъ отношеніяхъ съ горцами былъ, точно, суровъ до безпощадности.

Такимъ образомъ, когда, осенью 1823 года, Вельяминовъ уѣхалъ въ Георгіевскъ, оставивъ охраненіе праваго фланга на рукахъ Кацырева, постигавшаго лучше, чѣмъ кто-либо, систему черкесской войны,—нужно было ожидать важныхъ проявленій его энергій.

Дѣйствительно, хотя на всемъ огромномъ, въ (250 верстѣ) протяженіи праваго фланга, отъ Баталпашинска до Черноморья, линія оборонялась только двумя линейными казачьими полками, Кавказскимъ и Кубанскимъ, двумя полками донцовъ да 5 батальонами пѣхоты (полковъ Ширванскаго, Тенгинскаго и Навагинскаго) съ 22 орудіями; хотя съ этими ограниченными средствами приходилось охранять и Пятигорскія минеральныя воды, и Георгіевскъ съ Ставрополемъ, и полковыя штабъ-квартиры въ Кавказской и Темновѣсской крѣпостяхъ и наблюдать еще всю незаселенную часть Кубани, отъ вершинъ ея и до Прочнаго - Окопа, гдѣ, благодаря гористой, покрытой лѣсомъ мѣстности, преимущественно и дѣлались набѣги вглубь края до самой почтовой дороги; хотя, такимъ образомъ, для дѣйствія въ полѣ у Кацырева оставалось не болѣе трехъ съ половиною тысячъ пѣхоты и конницы, такъ какъ все остальное было, такъ сказать, прикрѣплено къ извѣстному мѣсту, а донскіе полки для дѣйствія противъ черкесовъ и вовсе не употреблялись,—несмотря на все это онъ нашелъ средства не только останавливать мелкіе набѣги черкесовъ, но и продолжить Вельяминовскую систему наказанія горцевъ жестокимъ разореніемъ за каждую ихъ попытку грабежа и насилія.

Главные правила Кацырева въ походахъ были—скрытность сбора, секретные марши, внезапность нападенія и ударъ рѣшительный. Онъ никогда не держалъ войскъ на виду; бѣльшая часть ихъ была расположена по квартирамъ въ ближайшихъ селеніяхъ, нѣкоторыя части стояли лагеремъ гдѣ-нибудь въ секретныхъ мѣстахъ и тотчасъ перемѣняли стоянку, если Кацыревъ замѣчалъ, что черкесы узнавали о ней. Самъ же онъ не жалѣлъ средствъ на лазутчиковъ и заранѣе узнавалъ рѣшительно все, что затѣвалось у черкесовъ.

Замысливъ походъ, онъ секретно разсылалъ войскамъ приказаніе, чтобы они по ночамъ, тайными переходами, собралсь къ опредѣленному часу прямо на мѣсто, назначенное для переправы черезъ Кубань. Заблаговременно собравъ свѣдѣнія о мѣстности Закубанскаго края, онъ никогда никому не довѣрялъ предположенной имъ цѣли экспедиціи. Велитъ, бывало, проводнику вести себя на такую-то рѣчку; придуть,—„веди на такое-то урочище“. Войска дѣлаютъ ночью усиленный переходъ и, какъ снѣгъ на голову, являются тамъ, гдѣ ихъ вовсе не ожидаютъ. И скоро Кацыревъ сталъ истинною грозой Закубанья. Важнѣйшіе черкесскіе князья не разъ пріѣзжали на линію, исключительно затѣмъ, чтобы видѣть въ лицо человека, который такъ удачно перенялъ ихъ систему набѣговъ; имя его до послѣднихъ дней кавказской войны помнилось и помнилось горцами.

Къ сожалѣнію, Кацыреву не удалось вполне развернуть свои блестящія

военныя дарованія: онъ умеръ слишкомъ рано (7-го марта 1828 года, на сорокъ первомъ году отъ рожденія).

Ставъ, съ отъѣздомъ Вельяминова, самостоятельнымъ начальникомъ праваго фланга, Кацыревъ прежде всего нашелъ возможнымъ отпустить домой два черноморскіе полка, столь необходимые самому Черноморью, и даже послалъ съ ними еще двѣ роты навагинцевъ, на помощь къ храброму генералу Власову, защищавшему тамошній край. Всѣмъ остальнымъ войскамъ приказано было стоять въ постоянной готовности двинуться въ походъ, по первому сигналу тревоги.

Зима начиналась тревожно. Ходили слухи о неудачномъ набѣгѣ храбраго Власова со стороны Черноморской линіи, и слухи эти сильно волновали горцевъ. Многіе аулы, считавшіеся мирными, поспѣшно стали откочевывать въ горы. Кацыревъ нашелъ, что наступила пора дѣйствовать.

Къ 10-му января 1824 года, по ночамъ, незамѣтно, въ Усть-Лабинской крѣпости собрался отрядъ, и Кацыревъ быстро двинулъ его за Кубань, чтобы остановить бѣглецовъ. Къ сожалѣнію, онъ почему-то не рѣшился идти безъ артиллеріи; а между тѣмъ по Кубани шелъ ледъ, переправа была трудна и громоздка—и, конечно, замѣчена горцами. Правда, пока пѣхоту и пушки переправляли на лодкахъ, казаки пустились вплавь; но даже и они опоздали. Джембулатъ Айтековъ успѣлъ увести принадлежавшіе ему шесть ауловъ со всѣмъ скотомъ и имуществомъ и предупредить другіе. Войска могли воочію убѣдиться въ этомъ, проходя мимо ауловъ, которые всѣ уже были пусты. Тогда раздосадованный Кацыревъ, бросивъ пѣхоту, повернулъ съ одними казаками къ бжедугамъ и на нихъ, что называется, сорвалъ свое сердце. Аулы ихъ были разгромлены. Случилось, однако, что женщины, дѣти и старики и здѣсь успѣли сѣсть на арбы и уйти подъ прикрытіемъ бжедугской конницы. Кацыревъ приказалъ нагнать ихъ. Казаки пустились вскачь и скоро увидѣли огромный обозъ, спускавшійся къ рѣчкѣ. Командиръ Хоперскаго полка, ротмистръ Шаховъ, съ своими хоперцами и волжцами понесся между аулами и арбами, на которыхъ спасались бжедугскія семьи; триста казаковъ кубанскихъ и моздокскихъ, подъ начальствомъ капитана Якубовича, ударили на прикрытіе; Кавказскій полкъ, съ майоромъ Дадымовымъ во главѣ, скакалъ напрямикъ, безъ дорогъ, стараясь отрѣзать черкесовъ отъ лѣса и заскакать имъ навстрѣчу. Казаки не успѣли, однако, выполнить приказаніе въ точности: головныя арбы прежде ихъ дошли до рѣки—и спаслись отъ погони. Но большая часть все-таки была окружена, и изъ всего огромнаго обоза только 150 человекъ стариковъ, женщинъ и дѣтей было захвачено въ

плѣнъ; все остальное, пытавшееся сопротивляться, было перебито или топлено.

Пока на переправѣ шла кровавая рѣзня, черкесы со всѣхъ сторонъ сбѣжали къ мѣсту тревоги; но было уже поздно. Казаки, соединившись, сбѣжались и заняли сосѣдній аулъ и опушку ближайшаго лѣса. Въ такомъ расположеніи черкесы не могли имъ сдѣлать никакого вреда. Первая бѣшенная атака ихъ была легко отбита, и пять бжедугскихъ старшинъ заплатили жизнью за свою отвагу. Часа три шла затѣмъ безцѣльная перестрѣлка. Между тѣмъ къ мѣсту боя подошли двѣ роты Навагинскаго полка, а вслѣдъ за ними показалась и вся остальная пѣхота. Черкесы отступили. 14-го января Кацыревъ вернулся за Кубань съ плѣнными и добычею въ 1.000 головъ скота.

Императоръ Александръ, узнавъ объ экспедиціи, остался весьма недоволенъ кровавымъ эпизодомъ на переправѣ. Кацыреву объявленъ былъ выговоръ; но Ермоловъ энергически отстаивалъ его, ссылаясь на то, что при тѣхъ обстоятельствахъ, при какихъ ведется война на Кубани, не всегда возможно спастись невинныхъ отъ гибели...

Неудача Власова съ одной стороны, а съ другой — побѣгъ Джембулата, помѣшать которому не удалось Кацыреву, ободрили закубанцевъ. И едва возвратившійся изъ экспедиціи отрядъ былъ распущенъ по квартирамъ, какъ, 31-го января, партія горцевъ, человекъ въ 70, появилась на линіи. Къ несчастью, казаки Донскаго Андріанова полка, занимавшіе одинъ изъ постовъ, допустили черкесовъ безпрепятственно прорваться далеко внутрь края. Дѣло въ томъ, что, заперевъ постовую казарму, они отправились на охоту и, разумѣется, не видѣли горцевъ. Горцы, въ свою очередь, не тронули пустой казармы, а проскакавъ въ ночь нѣсколько десятковъ верстъ, напали прямо на крестьянскіе коши, стоявшіе въ Сенгилеевской балкѣ. Четырехъ мужиковъ они изрубили, четырехъ ранили, семерыхъ взяли въ плѣнъ и, захвативъ съ собою 40 лошадей, тою же дорогой проскакали обратно, прежде чѣмъ донцы возвратились съ своей охоты.

Кацыревъ не считалъ возможнымъ оставить даже и эту дерзость черкесовъ безъ наказанія. Онъ быстро собралъ войска, перешелъ, 3-го февраля, черезъ Кубань, у Казанской станицы, и быстрымъ переходомъ достигъ до р. Чамлыка. Тамъ войска остановились часа на три, до захожденія солнца, въ глубокой балкѣ, стараясь не подать никакого признака своего присутствія—не было ни шума, ни огня, ни дыма. Ночью они двинулись дальше, и 4-го февраля, на разсвѣтѣ, линейные казаки опять понеслись впередъ. Цѣлью набѣга былъ отдаленный темпргоевскій аулъ Мишхюнъ, служившій пристанищемъ для всѣхъ хищниковъ и бѣглыхъ кабардинцевъ. Кацыревъ

не оставилъ въ немъ камня на камень. Та же участь постигла и другой, сосѣдній аулъ. Потери горцевъ были огромны: 250 человекъ изъ нихъ взяты въ плѣнъ, скота отбито болѣе 2.000 головъ. Но главнымъ результатомъ этой экспедиціи было то, что ногайскіе султаны и мурзы, бѣжавшіе въ горы еще при Суворовѣ, явились къ Кацыреву съ повинной головою. Кацыревъ поселилъ ихъ аулы на лѣвомъ берегу Кубани.

Энергическія дѣйствія Кацырева и самая его подвижная, дѣятельная, энергическая натура, ничего не обѣщавшія горцамъ въ будущемъ, кромѣ новыхъ разгромовъ, побудили ближайшія къ границѣ племена черкесовъ искать примиренія съ Россіей. Но, зная суровую недовѣрчивость Кацырева, они отправили своихъ депутатовъ помимо его, прямо въ Георгіевскъ, къ Сталю, прося принять отъ нихъ присягу на вѣрноподданство.

На предложеніе дать по этому поводу свое мнѣніе, Кацыревъ отвѣчалъ, что онъ, въ командованіе свое на Кубани, всячески старался узнавать закубанскихъ владѣльцевъ, — но такого, на котораго можно было бы положиться, по сіе время отыскать не могъ. Онъ настойчиво обращалъ вниманіе на то, что въ прошломъ году черкесы, опасаясь наказанія за разореніе села Круглолѣска, бѣжали въ горы, оставивъ на равнинѣ неснятые хлѣба, и что теперь, при наступленіи времени новыхъ посѣвовъ, они, испытавшіе уже голодъ, изъявляютъ покорность вовсе не съ тѣмъ, чтобы жить спокойно, а чтобы заготовить себѣ хлѣбъ и безопасно пасти свой скотъ на равнинахъ. Поэтому, по его мнѣнію, покорность съ ихъ стороны можетъ быть принята только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они переселились на правый берегъ Кубани и притомъ обязались защищать мѣста своихъ поселеній отъ прорывовъ хищниковъ. „Аманатовъ отъ нихъ не надо,—писалъ Кацыревъ:—ихъ жены, дѣти и имущество будутъ у меня лучшими аманатами“.

Горцы этихъ условій не приняли.

Бѣглые кабардинцы также извѣстили Сталя о своемъ желаніи покориться Россіи, и одинъ изъ знатнѣйшихъ князей ихъ, Арсланъ-Бекъ Бесленевъ, окруженный нѣсколькими знатными всадниками, ѣздилъ въ Дагестанъ, гдѣ въ то время находился Ермоловъ. Но эти уже сами предлагали условія, заключавшіяся въ томъ, чтобы срыты были крѣпости, построенныя въ 1822 году, войска отодвинуты отъ горъ и чтобы кабардинскій судъ совершался по Шаріату.

Ермоловъ принялъ одного Бесленева, не считая приличнымъ говорить съ другими. „Встрѣтивъ въ немъ человека, болѣе другихъ кабардинцевъ здравомыслящаго, — рассказываетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ,—легко мнѣ было вразумить его, что виновные должны просить о прощеніи, а не предлагать условія; что они могутъ надѣяться на великодушіе правитель-

ства, — но что правительству несправедливо бы было предоставить больше выгодъ измѣнникамъ, нежели тѣмъ, которые подчинились ему безпрекословно“. Бесленевъ тѣмъ болѣе не могъ не согласиться съ доводами Ермолова, что тотъ не прибѣгалъ къ угрозамъ, не скрывая, впрочемъ, что не будетъ терпѣть бѣглыхъ кабардинцевъ вблизи отъ русскихъ границъ. Арсланъ былъ принятъ ласково, съ уваженіемъ, и щедро одаренъ Ермоловымъ. „Кажется, ему пріятно было дать мнѣ почувствовать, — говоритъ Ермоловъ, — что онъ, лишь только будетъ возможно, возвратится въ Кабарду и что онъ получилъ о русскихъ совѣтъ другое понятіе. Онъ прежде не бывалъ ни у одного изъ русскихъ начальниковъ“.

Судя по предложеннымъ условіямъ, бѣглые кабардинцы считали свою покорность весьма необходимою для русскихъ, и Кацыреву предстояло теперь доказать противное. Но расчетъ съ ними онъ отложилъ до наступленія весны, рѣшивъ сначала помочь черноморцамъ, противъ которыхъ собирались значительныя силы черкесовъ. Кацыреву было извѣстно, что большая партія ихъ сосредоточивается въ Сагаушѣ (Бѣлой), и онъ задумалъ разсѣять ее прежде, чѣмъ она соединится съ другими.

Январьская и февральская экспедиціи, происходившія въ ненастную пору, при полной безкормицѣ, сильно утомили казачьихъ лошадей. Несмотря на то, 8-го марта, тѣ же кавказскіе и кубанскіе казаки быстрымъ маршемъ приближались къ Бѣлой, впадающей въ Кубань, уже въ предѣлахъ Черноморіи.

Только что начиналась весна; всѣ рѣки были въ разливѣ, и экспедиція казалась дѣломъ весьма рискованнымъ даже для безусловныхъ сторонниковъ и поклонниковъ Кацырева. Но Кацыревъ вѣрилъ въ линейцевъ, зналъ, на что они способны, и не сомнѣвался въ успѣхѣхъ.

Отрядъ уже былъ недалеко отъ Бѣлой, когда казаки, ходившіе на развѣдки, возвратились съ извѣстіемъ, что по ту сторону рѣки впаденъ большой аулъ, въ которомъ замѣчается необычайное движеніе, но что переправиться туда невозможно. Въ отвѣтъ на это Кацыревъ двинулъ казаковъ на рысяхъ, приказавъ двумъ ротамъ ширванцевъ бѣгомъ слѣдовать за кавалеріею; пять конныхъ орудій понесли съ казаками. Черезъ часъ весь отрядъ уже былъ на берегу страшно бушевавшаго Сагауша.

Черкесы, привлеченные на противоположный берегъ шумомъ прискакавшей конницы, открыли черезъ рѣку огонь. Ширванцы съ своей стороны тоже разсыпались въ прибрежныхъ кустахъ, орудія снялись съ передковъ, и жестокій огонь началъ осыпать непріятели. Все вниманіе горцевъ сосредоточилось на этомъ пунктѣ; какъ вдругъ, неожиданно, нѣсколько въ сторонѣ, линейцы, съ храбрѣйшимъ майоромъ Дадымовымъ во главѣ, бросились на коняхъ въ бушующія волны. Черкесы скоро замѣ-

тили, что казаки плывутъ на ихъ сторону, и сосредоточили на нихъ огонь, но, осыпаемые картечью и сами, не могли много вредить имъ. А казаки уже доплываютъ до берега и, мокрые съ головы до ногъ, выскакиваютъ изъ рѣчки. Ружья ихъ замкли, — да и терять времени на перестрѣлку некогда—казаки бросаются въ шашки. Это было одно изъ замѣчательнѣйшихъ дѣлъ, совершенныхъ когда-либо кавказскою конницею. Мгновенно черкесы были сбиты и загнаны въ лѣсъ, стада и табуны ихъ захвачены. Пытались казаки переправить черезъ рѣку добычу, но это оказалось невозможнымъ; скотъ уносило теченіемъ, и онъ или тонулъ, или прибывался къ топямъ, въ мѣста, покрытыя лѣсомъ, такъ что казаки успѣли спасти и доставить къ отряду только двѣсти головъ—все остальное погбло.

Лѣсъ, въ которомъ засѣли черкесы, былъ очень густъ. Казаки, хозяйничавшіе на томъ берегу одни, безъ пѣхоты и артиллеріи и при полной невозможности получить подкрѣпленіе, не рѣшились атаковать его. Этому только семейства горцевъ и были обязаны своимъ спасеніемъ; казаки зашли аулъ и переправились обратно на правый берегъ Сагауша.

Не долго, однако, оставался Кацыревъ въ покоѣ. Скоро его извѣстили, что бѣглецы кабардинцы переселяются съ Урупа къ верховьямъ Кубани, къ самому Каменному Мосту, и что имъ помогаютъ въ этомъ абазины, которые въ то же время, подъ видомъ ногойскихъ отаръ, держатъ своихъ овецъ на равнинѣ. Кацыревъ порѣшилъ немедленно наказать абазинцовъ, ксгати припомнивъ, что Ермоловъ еще въ 1822 году великодушно даровалъ имъ пощаду, но что они, по привычкѣ нарушать свои клятвы, тогда же обратились снова къ разбоямъ и хищничеству.

Но, прежде чѣмъ напасть на нихъ, Кацыревъ принялъ мѣры къ тому, чтобы усыпить ихъ бдительность, и лучшій лазутчикъ его князь Данбекъ-Ловъ отправился съ этою цѣлью въ землю соотечественниковъ. Ловъ ѣздилъ по ауламъ, куначилъ и бражничалъ тамъ, увѣряя всѣхъ и каждого, что Кацыревъ собирается идти къ абадзехамъ, а о нихъ и не думаетъ. Между тѣмъ онъ высмотрѣлъ и изучилъ удобные пути, чтобы быть проводникомъ у отряда.

18-го іюня все было готово. Кацыревъ перешелъ Кубань и береговою дорогою двинулся къ ея верховьямъ; но скоро отрядъ свернулъ въ сторону и пошелъ по такимъ трупцамъ, что поминутно происходили остановки. Проводникъ говорилъ, между тѣмъ, что дальше будетъ и того хуже. При этихъ условіяхъ успѣхъ набѣга самому Кацыреву сталъ казаться сомнительнымъ: настанетъ день,—и черкесы, конечно, примутъ мѣры, чтобы не быть захваченными врасплохъ. Казаки, впрочемъ, были другого мнѣнія, и вотъ на какомъ основаніи. Передъ самымъ выступленіемъ въ походъ когда

собранныя сотни стояли уже за станплею, одинъ старый татаринъ загадалъ пмъ на бараньей лопаткѣ объ успѣхѣ похода и крѣпко обнадеживалъ, что у непріятели будетъ убитъ какой-то князь, княгиня—ранена, и много, много людей взято въ плѣнъ. И казаки никакъ не могли допустить теперь, чтобы это предсказаніе на бараньей лопаткѣ могло не исполниться.

Наконецъ, Кацыревъ, не выносившій неопредѣленности и медленности, оставилъ пѣхоту въ командѣ полковника Урнижевскаго, а самъ съ одними казаками, съ тремя ротами ширванцевъ и тремя конными орудіями, быстро двинулся впередъ налегкѣ. Около часу ночи онъ прошелъ весьма трудное ущелье и скоро, спустившись въ долину Малаго Зеленчука, услышалъ лай собакъ. Здѣсь былъ бараній кошъ, горѣлъ огонь и сидѣли пастухи со своими семействами. На развѣдки у Кацырева ходили особенные люди, умѣвшіе говорить по-черкесски; среди нихъ были и казаки, и пѣхотинцы, которыхъ плѣняла опасность. Это былъ первообразъ тѣхъ знаменитыхъ охотничьихъ командъ, которыя впоследствии, уже въ сороковыхъ годахъ, создали сами обстоятельства въ нѣкоторыхъ полкахъ, оберегавшихъ передовыя кавказскія линіи... Но на этотъ разъ развѣдчики къ кошу посланы не были. Ночь была темная, дорога адская, и, при всей смѣткѣ и навыкѣ охотниковъ, нельзя было надѣяться, чтобы изъ пастуховъ кто-нибудь не ускользнулъ, — а спасся хоть одинъ, дѣло было бы потеряно. Поэтому кошъ былъ обойденъ стороною. На дорогѣ отрядъ встрѣтилъ, однако, черкесскій шкетъ, въ которомъ тотчасъ же грянулъ сигнальный выстрѣлъ,—призывъ на тревогу. Медлить было нельзя, и казаки пустились во все повода.

Вотъ уже зорька. Въ предрасвѣтной мглѣ, еще закутанные раннимъ туманомъ, видны три большіе аула,—одинъ по правую и два по лѣвую сторону рѣчки. Довъ, подскакавшій къ Кацыреву, сказалъ, что вправо—аулы Клычева, влѣво князей Дударуковыхъ. Сигнальный выстрѣлъ, между тѣмъ, былъ услышанъ въ аулахъ, и въ нихъ пошла суматоха. Жители полураздѣтые, безоружные, металсь во все стороны. Чтобы пересѣчь имъ все пути къ отступленію, хоперцы, съ майоромъ Шаховымъ, обскакали аулы справа, кавказцы съ майоромъ Давыдовымъ—слева. Кубанскій казачій полкъ въ полномъ составѣ, подъ командою подполковника Степановскаго проскакавъ мимо всехъ ауловъ, отрѣзалъ ихъ отъ горнаго ущелья, по которому жители могли уйти, и занялъ все тропы и дороги. Конныя орудія, подъ прикрытіемъ казачьей сотни, заняли пригорокъ, снялись съ передковъ и приготовились дѣйствовать гранатами.

Кацыревъ хотѣлъ окружить аулы, и затѣмъ, дождавшись прибытія пѣхоты, штурмовать. Но все сдѣлалось какъ-то само собою. Изъ Дударуковскихъ ауловъ, не надѣясь отстоять ихъ, горцы бросились на пра-

вую сторону рѣчки, гдѣ начиналась крутая лѣснстая гора, изрѣзанная балками. Хоперцы встрѣтили ихъ изъ лѣсу, но не могли выбить изъ овраговъ, и потому заняли единственный переваль, по которому бѣгущіе могли перебраться за гору. Такимъ образомъ все, что нашло первоначальное спасеніе въ оврагахъ, теперь было въ западнѣ. Дадымовъ и Степановскій заняли, между тѣмъ, аулы, и скоро въ нихъ бурно уже шумѣли и ходили волны пламени. Пока одни казаки растаскивали покинутое имущество, другіе раскинулись цѣпью по берегу рѣчки, чтобы не пропустить бѣглецовъ назадъ, третьи скакали въ погоню за угнанными стадами, наступали и возвращали ихъ на сборное мѣсто. Подоспѣвшіе ширванцы двинуты были въ овраги.

Потери горцевъ были гораздо значительнѣе, чѣмъ казались по первому взгляду. Многіе изъ жителей, не отысканные вовсе, сдѣлались жертвою случайныхъ обстоятельствъ, многіе потонули при свѣшной переправѣ черезъ рѣчку; особенно много погибло дѣтей, которыхъ спасать было некому.

Вмѣстѣ съ этими аулами легко было бы захватить и аулъ Биберды, находившійся отъ нихъ въ трехъ верстахъ разстоянія. Но Кацыреву было извѣстно, что въ этотъ аулъ всего за нѣсколько дней переселился Арсланъ-Бекъ Бесленевъ, и онъ рѣшилъ пощадить его, чтобы поддержать въ немъ добрыя чувства, вынесенныя изъ свиданія съ Ермоловымъ. Однако же, желая показать, что и его кабардинцы могли раздѣлиться кровавую судьбу абазинцовъ, Кацыревъ послалъ туда двѣ сотни казаковъ, давъ имъ въ проводники одного изъ плѣнныхъ абазинцовъ. Казаки остановились въ виду аула и послали въ него плѣннаго пригласить кабардинскаго князя въ русскій лагерь для свиданія съ Кацыревымъ. Но при появленіи казаковъ и князь, и жители бѣжали изъ аула, покинувъ на произволь судьбы и скотъ, и имущество. Казаки не тронули ничего и, отпустивъ плѣннаго домой, возвратились къ отряду.

Между тѣмъ, по окончаніи боя, около полудня, всѣ отдѣльные отряды стянулись на сборное мѣсто, въ полуверстѣ отъ горѣвшихъ ауловъ. Добыча оказалась огромною: лошадей пригнано было 600, рогатаго скота болѣе 1.200 головъ, овецъ свыше 10 тысячъ. Не мнѣвали солдатскихъ рукъ и тѣ бараныи коши, которые были обойдены накануне: ихъ захватилъ по дорогѣ полковникъ Урннжевскій съ пѣхотою.

Вся потеря въ отрядѣ ограничивалась 2 убитыми и 5 ранеными.

Когда отрядъ шелъ назадъ, въ лагерь пріѣхалъ самъ Арсланъ Бесленевъ. Кацыревъ объявилъ ему волю Ермолова, что бѣглецы кабардинцы не должны селиться у Каменнаго Моста и что въ противномъ случаѣ онъ, Кацыревъ, за спокойствіе и безопасность его не отвѣчаетъ. Арсланъ про-

силъ позволенія написать объ этомъ къ Ермолову и до полученія отвѣта не разорять его. Кацыревъ согласился, и 25-го іюня войска разошлись по квартирамъ.

Якубовичъ и Подпрядовъ.

Устроивъ кабардинскія дѣла, Ермоловъ, 7-го сентября 1822 г., уѣхалъ въ Тифлисъ, оставивъ начальникомъ всѣхъ войскъ въ Кабардѣ полковника Кацырева, а получившаго уже громкую извѣстность своею легендарною храбростью Нижегородскаго драгунскаго полка штабсъ-капитана Якубовича—начальникомъ казачьихъ резервовъ, расположенныхъ у извѣстныхъ бродовъ на Малкѣ, на Баксанѣ и Чегемѣ, въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе можно ожидать прорывовъ и нападеній.

Дѣятельность Кацырева, въ этотъ короткій періодъ, до назначенія его, около двухъ лѣтъ спустя, командовать отрядомъ на Кубани, состояла болѣе въ успокоеніи вѣрннаго ему умпротвореннаго края, чѣмъ въ военныхъ предпріятіяхъ. Однако же, ему пришлось еще разъ сдѣлать и значительную экспедицію въ горы.

Дѣло было вскорѣ послѣ отъѣзда Ермолова, въ ноябрѣ 1822 г. Одинъ кабардинецъ, выбѣжавшій изъ горъ, донесъ Кацыреву, что въ верховьяхъ Чегемскаго ущелья скрываются семейства бѣглыхъ кабардинцевъ, и за условленную плату бралися провести туда войска. 20-го ноября, часа за три до разсвѣта, Кацыревъ съ небольшимъ отрядомъ изъ ширванскихъ ротъ и волжскихъ казаковъ, безъ тяжестей и артиллеріи, двинулся вверхъ по рѣкѣ Нальчику. Густой лѣсъ и непрерывныя топи задерживали движеніе отряда днемъ, а ночью путь пошелъ по такимъ опаснымъ мѣстамъ, что коннымъ нельзя было ѣхать. То поднимаясь на горы, то спускаясь въ пропасти, люди до того измучились, что Кацыревъ вынужденъ былъ остановиться для отдыха. Ночь была темная. До свѣту еще оставалось два три часа, и чтобы не терять времени, Кацыревъ послалъ впередъ охотниковъ подъ командою штабсъ-капитана Якубовича.

Прошло болѣе получаса, а отъ Якубовича не было никакихъ извѣстій. Зная, что ему приходилось спускаться въ бездонныя пропасти, что было крайне рискованно въ такую темную ночь, Кацыревъ началъ тревожиться, и самъ двинулся по слѣдамъ его. Скоро отрядъ взобрался на какую-то отвѣсную скалу, грозно висѣвшую надъ самымъ Чегемомъ. Отсюда видны были непрерывно сверкашіе внизу огни; звуковъ выстрѣловъ, однако же, слышно не было. Съ большимъ трудомъ войска сползли съ этой гигантской скалы и застали охотниковъ въ жаркой перестрѣлкѣ съ непріятелемъ.

Темнота ночи и незнакомыя мѣста помѣшали Кацыреву окружить кабардинцевъ; тѣмъ не менѣе все, что осмѣлилось сопротивляться, было истреблено; пощажены были только жены и дѣти, въ числѣ 20 человекъ. Все имущество и стада ихъ составили военную добычу; жилища, запасы хлѣба и сѣна были сожжены. Утро открыло, однако же, опасное положеніе отряда—горцы отрѣзали ему выходъ на плоскость. Но Кацыревъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ горною войною, чтобы затрудниться въ такомъ положеніи. Приказавъ капитану Грекову съ двумя ширванскими ротами завязать перестрѣлку съ непріятелемъ съ фронта, онъ въ то же время отправилъ роту капитана Гебуадзева прямо черезъ скалы въ обходъ заваловъ, которые преграждали ему путь. Появленіе этой роты въ тылу кабардинцевъ рѣшило дѣло: непріятель бѣжалъ. Войска переправились тогда черезъ Чегемъ и трудною горною дорогою перешли въ Баксанское ущелье. Тамъ найденъ былъ осетинскій аулъ, отъ котораго Кацыревъ почелъ нужнымъ взять аманатовъ. 26-го ноября отрядъ уже былъ въ Нальчикѣ, потерявъ во всей экспедиціи одного урядника Волжскаго казачьяго полка убитымъ и трехъ ширванцевъ ранеными; въ числѣ послѣднихъ былъ цирюльникъ, перевязывавшій раненыхъ подъ выстрѣлами.

Для Якубовича этотъ періодъ времени былъ, напротивъ, временемъ неуставной военной дѣятельности, въ которой съ блескомъ выразилась вся его предприимчивая и страстная натура. Въ его характерѣ было что-то загадочное; дерзкая удалъ его была такъ поразительна, что храбрѣйшіе джигиты Кабарды и Черкесіи удивлялись ему.

Командуя своими резервами на Малкѣ, Баксанѣ и Чегемѣ, Якубовичъ имѣлъ вполне самостоятельный кругъ дѣйствій и подчинялся непосредственно только начальнику войскъ въ Кабардѣ. Главнымъ предметомъ его дѣйствій было не допускать хищниковъ на линію, ограждать кабардинцевъ, выселявшихся изъ горъ, дѣлать непрерывные разѣзды, ходить въ горы и т. п. Такимъ образомъ онъ былъ всегда въ авангардѣ. И Якубовичъ буквально не сходилъ съ сѣдла. Съ своими сподвижниками, такими же храбрецами, онъ часто углублялся въ самыя нѣдра горъ, въ предѣлы кубанцевъ, и разрушалъ малѣйшіе замыслы хищниковъ. Рассказываютъ, что въ 1823 году, на Святую недѣлю, онъ зашелъ съ своею партіею такъ далеко, что добрался почти до Эльборуса; его казаки слышали въ горахъ колокольный звонъ, а потому догадывались—не живутъ ли за карачаевцами бѣглецы русскіе старообрядцы—некрасовцы. Дѣйствительно, существовало преданіе, что при одной изъ древнихъ церквей за Кубанью, лежащей въ отдаленной глуши, окруженной горами и лѣсомъ, водворилось нѣкогда нѣсколько семействъ бѣглыхъ раскольниковъ. Встревоженные близкимъ появленіемъ русскихъ, они покинули это убѣжище и ушли къ горѣ Эльбо-

русу. Такимъ образомъ, жестокая зима, глубокіе снѣга, непроходимыя пропасти и мертвая, безжизненная природа не дали предприимчивому Якубовичу добраться по колокольному звону, быть можетъ, до нашихъ соотечественниковъ. Онъ успѣлъ только изъ засады съ пятнадцатью своими удалцами напасть на большую толпу черкесовъ. Самъ Якубовичъ, въ бою одинъ на одинъ, изрубилъ непріятельскаго предводителя; прочіе черкесы загнаны были въ глубокіе горные снѣга. Послѣ этого случая, оставившаго въ горахъ глубокое впечатлѣніе, перѣдко одного появленія Якубовича съ его линейцами достаточно было для разбѣянія уже собравшейся для набѣга партіи.

Слава о немъ разнеслась по цѣлому Кавказу какъ между русскими, такъ и между горцами. Самые отважные набѣдники искали его дружбы, считая его безукоризненнымъ джигитомъ. Въ знакъ почета, горцы позволяли посланнымъ отъ него ѣздить къ нимъ безъ оружія—и никто не рѣшился бы нанести имъ малѣйшую обиду. Отчаяннѣйшіе враги Россіи были кунаками Якубовича, цѣня его великодушные поступки, вѣрность данному слову и зная, что жены и дѣти знатнѣйшихъ изъ нихъ, если бы по жребію войны и достались въ его руки, будутъ возвращены съ почетомъ и безъ выкупа. Одну красавицу-княгиню, попавшую въ плѣнъ, онъ самъ оберегалъ, стоя по ночамъ на стражѣ у ея шалаша, а когда отрядъ его возвратился домой, самъ же доставилъ ее въ горы къ мужу. Признательный князь отпустилъ тогда съ Якубовичемъ, также безъ выкупа, шесть русскихъ плѣнныхъ, ставъ вѣрнѣйшимъ его кунакомъ, переписывался съ нимъ и не разъ пзвѣщаль его о сборищахъ закубанцевъ.

Якубовичъ такъ сроднился съ обычаями горцевъ и образомъ войны ихъ, что не отличался отъ нихъ ни одеждой, ни вооруженіемъ, ни искусствомъ въ набѣдничествѣ, а отчаянною храбростью превосходилъ лучшихъ князей ихъ. При каждой встрѣчѣ съ черкесами, онъ первый бросался на нихъ и собственноручно поражалъ того, кто осмѣливался скрестить съ нимъ свою шашку. Его считали въ горахъ заколдованнымъ.

Разъ, во время переговоровъ съ карачаевцами, въ ихъ же горахъ, онъ, раздраженный упорствомъ и несговорчивостью ихъ, грозно взмахнулъ нагайкой и крикнулъ: „прочъ съ глазъ моихъ!“ И несмотря на то, что, отдалившись отъ казаковъ, онъ стоялъ передъ ними одинъ, изъ сотни карачаевцевъ не нашлось ни одного, который осмѣлился бы выстрѣлить въ него: они разбѣжались какъ школьники отъ грознаго окрика.

Понятно, что вліяніе Якубовича было въ горахъ огромно; одного имени его, предположенія присутствія его, слуха о немъ—иногда достаточно было, чтобы удержать горцевъ отъ нападенія на Кабардинскую линію. Впослѣдствіи, самая паружность его, съ высокимъ челомъ, у самаго виска проби-

тымъ черкесскою пулею, и никогда не заживавшею раню, прикрытою черною повязкою, производила поражающее впечатлѣніе на умы горцевъ.

Розень, одинъ изъ извѣстныхъ декабристовъ, служившій на Кавказѣ, уже въ 1837 году, рассказываетъ, что и въ его время многіе на Кавказѣ еще помнили о подвигахъ Якубовича или слышали о нихъ. Штабсъ-капитанъ Кулаковъ, бывшій когда-то у него вахмистромъ, говорилъ о немъ Розену со слезами, вспоминая, что Якубовичъ былъ роднымъ отцомъ для солдатъ, добычу дѣлилъ всегда справедливо на всю команду, а себѣ не бралъ никогда ничего.

Въ Кабардѣ Якубовичъ пробылъ не долго; въ 1823-мъ году, мы его встрѣчаемъ уже въ дѣйствіяхъ противъ закубанскихъ черкесовъ, на новомъ и болѣе широкомъ поприщѣ для его предпринимчивости и мужества.

Къ тому же времени ширванскіе батальоны вмѣстѣ съ полковникомъ Кацыревымъ ушли также на Кубань, и охраненіе всей Кабарды осталось на одномъ Кабардинскомъ (бывшемъ Казанскомъ) полкѣ подъ командою полковника Подпрядова.

Кабарда, занятая теперь русскими укрѣпленіями, навсегда раздѣляетъ воинственные народы Кавказа на двѣ отдѣльныя части, образовавшія на все будущее время два совершенно независимыхъ другъ отъ друга театра военныхъ дѣйствій,—и сохраненіе въ Кабардѣ спокойствія становится дѣломъ особенной важности. Къ тому же по ней, какъ по краю, наиболѣе умиротворенному и безопасному, пролегла, подъ защитою крѣпостей, и новая Военно-Грузинская дорога, охраненіе которой лежало также на обязанности Кабардинскаго полка. Такимъ образомъ, на долю Подпрядова выпала трудная задача, которую онъ и выполнилъ съ рѣдкимъ усиліемъ.

Главнымъ укрѣпленіемъ въ Кабардѣ считался Нальчикъ, а потому здѣсь и помѣстился Подпрядовъ со своимъ штабомъ, перейдя туда изъ Екатеринодара. Ему приходилось въ одно и то же время держать въ повиновеніи всю Кабарду, наблюдать за верхнимъ теченіемъ Кубани, изъ-за которой все еще пытались прорываться, подъ предводительствомъ бѣглыхъ кабардинскихъ князей, партій черкесовъ, и охранять военную дорогу. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ новый Кабардинскій полкъ, подобно старому Кабардинскому полку, нѣкогда оберегавшему Грузію отъ лезгинъ на Алазани, теперь удерживалъ въ спокойствіи всю Кабарду и оберегалъ центръ Кавказской линіи. Въ постоянномъ напряженномъ ожиданіи тревоги, постоянно въ полной готовности двинуться при первомъ извѣстіи на угрожаемые пункты, преслѣдуя или прогоняя партіи, полкъ выносилъ на своихъ плечахъ тяжелую и безпокойную кордонную службу, болѣе свойственную конницѣ.

Подпрядовъ командовалъ войсками въ Кабардѣ до осени 1824 г. Онъ оставилъ по себѣ честную и славную память. Обозрѣвая новую линію,

Ермоловъ не могъ не обратить вниманія на удивительный порядокъ, въ которомъ содержались все укрѣпленія съ обширными казармами, съ прекрасными огородами, со всеми удобствами для жизни женатыхъ солдатъ, и одѣнили труды Подпрядова. „Прекращая долговременное служеніе свое,—объявлялось въ приказѣ по корпусу,— г. полковникъ Подпрядовъ приметъ изъявленіе совершеннѣйшей признательности, какъ послѣдній долгъ, принадлежащій уважаемому по службѣ товарищу“.

Грмы военныхъ буръ въ Кабардѣ все болѣе и болѣе затихали, съ тѣмъ, чтобы, въ 1825 году, вспыхнуть послѣднимъ пламенемъ возмущенія— и потухнуть навсегда, оставивъ все тревоги боевой жизни сосѣдному побережью Кубани.

Черноморье подъ управленіемъ Власова *).

(1825—26 года).

1825 годъ настолько же памятенъ Черноморіи, какъ и другимъ частямъ обширной Кавказской линіи, въ исторіи которой онъ записанъ кровавыми чертами. Это былъ годъ страстной и упорной борьбы кавказскихъ народовъ противъ окрѣпшаго русскаго владычества.

Тревоги этой поры въ Черноморіи стояли въ тѣсной связи съ событіями въ Кабардѣ и на правомъ флангѣ. Но сильныя черкесскія племена, жившія противъ черноморской казачины, волновались и боролись не подъ вліяніемъ племенъ верхнекубанскихъ и кабардинскихъ, а, напротивъ, сами служили вліяющимъ на тѣхъ элементомъ. Шапсуги и абадзехи посылали тогда свои партіи до далекой кабардинской равнины и участвовали въ извѣстномъ разгромѣ станицы Солдатской. Понятно поэтому, что воинственная лихорадка, овладѣвшая черкесскими племенами, проявилась въ Черноморіи раньше и окончилась гораздо позже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ что, когда, къ началу 26-го года, въ Кабардѣ уже все было спокойно, здѣсь, на Нижней Кубани, борьба еще росла и разгоралась.

Началось съ того, что 23-го января 1825 года на Кубань, покрытую льдомъ, легендарный Казбичъ привелъ партію въ 2.500 человекъ шапсуговъ и абадзеховъ. Главныя силы его шли на Елизаветинское селеніе, правое крыло ударило на Александринъ постъ. Сильный ружейный и пушечный огонь и отчаянная вылазка съ послѣдняго поста остановили неприятеля. Это разстроило Казбичу весь планъ нападенія, а горцы, опасаясь

*.) Изъ сочиненія В. А. Потто „Кавказская война“.

повторенія того, что уже случилось разъ въ этой же мѣстности и съ тѣмъ же самымъ Казбичемъ, послѣдно отошли за Кубань. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли, однако же, схватки и стояли черноморцамъ 3 офицеровъ и 15 казаковъ, выбывшими изъ строя.

Не прошло и недѣли, какъ Власовъ, въ отместку Казбичу, былъ уже за Кубанью и 1-го февраля громилъ абадзехскіе аулы. Но едва онъ вернулся назадъ, какъ неугомонные черкесы снова собрались въ значительныхъ силахъ, и Власовъ, рассчитавъ основательно, что черноморцамъ легче нападать, чѣмъ выжидать самимъ нападенія, вторично повелъ ихъ за Кубань, и 16-го февраля появился въ землѣ шапсуговъ. Походъ этотъ былъ, однако, сопряженъ съ чрезвычайными трудами; отрядъ выдержалъ рядъ упорнѣйшихъ битвъ и, оставаясь побѣдителемъ, тѣмъ не менѣе потерялъ трехъ офицеровъ и около ста казаковъ.

Но болѣе ожесточенная борьба была еще впереди. Она началась въ сентябрѣ и совпала какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда въ Кабардѣ мятежъ горѣлъ полнымъ пламенемъ, а правому флангу угрожали черкесскія нашествія. Еще въ послѣднихъ дняхъ августа мѣсяца, изъ горъ стали получаться вѣсти, что черкесы намѣрены разорить Ново-Екатерининскую станицу, только что выстроившуюся на берегу Кубани. Власовъ легко могъ оградить ее, сдвинувъ сюда нѣсколько конныхъ и пѣшихъ полковъ. Но онъ не хотѣлъ подпускать неприятеля даже близко къ новымъ селеніямъ, чтобы избавить еще непривычныхъ къ военнымъ тревогамъ жителей отъ первыхъ тяжелыхъ впечатлѣній черкесскаго погрома, и рѣшилъ держаться разъ принятой имъ системы предупредительныхъ набѣговъ.

И вотъ, 5-го сентября, казаки опять стали переправляться на лѣвый берегъ Кубани. Но тутъ они сразу наткнулись на сильную партію, которая, при видѣ ихъ, поскакала въ горы. Власовъ остановилъ переправу, зная, какъ онъ выражается, „что уже не получить много успѣха, кромѣ большаго сраженія“, и возвратился назадъ.

Набѣгъ не удался; но слухъ о казацкомъ нашествіи былъ пущенъ и заставилъ черкесовъ нѣсколько дней держаться въ сборѣ около своихъ ауловъ. Не распуская отряда и Власовъ, предвидя, что слѣдуетъ ждать новыхъ нападеній. И онъ не ошибся. Прошло лишь нѣсколько дней, и сильное скопище снова появилось на Кубани, угрожая станицѣ Марьевской. Власовъ рассчиталъ, что и на этотъ разъ выгоднѣе предупредить ударъ нападеніемъ на ихъ аулы, и 19-го сентября, ночью, часть пѣшихъ казаковъ, перейдя чрезъ рѣку, уже заложила цѣпь, чтобы не допустить черкесовъ помѣшать переправѣ. Но едва пластуны залегли въ скрытыхъ мѣстахъ, какъ партія конныхъ черкесовъ, дѣлавшая развѣздъ по берегу, нечаянно врѣзалась въ самую середину расположенія нашихъ секретовъ. Осенняя

ночь была такъ темна, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно, и глазъ, и обычная чуткость шапсуговъ имъ пзмѣнились. Внезапно и со всѣхъ сторонъ принята въ перекрестный ружейный огонь партія до того смѣшалась, что бросила своихъ лошадей и уже ползкомъ, по одиночкѣ, спасалась въ разныя стороны. На мѣстѣ катастрофы осталось шесть непріятельскихъ тѣлъ, много оружія и до сорока осѣдланныхъ коней. Послѣ этой встрѣчи Власовъ опять долженъ былъ отложить свое намѣреніе и вернуться назадъ. Вернулась назадъ и партія.

Но черкесы ушли, однако, какъ оказалось, только затѣмъ, чтобы направить ударъ съ другой стороны, и, сдѣлавъ быстрый переходъ, 25-го сентября они появились въ первомъ участкѣ кордонной линіи. Но Власовъ и здѣсь стоялъ уже передъ ними, готовый броситься въ ихъ собственныя земли. Скопище отступило снова. Тогда Власовъ самъ перешелъ Кубань и, расположивъ отрядъ въ ближайшей засѣлкѣ, ожидалъ только случая, чтобы жестоко наказать горцевъ за безпрерывныя тревоги, причиняемыя линіи.

Лагерная стоянка въ ненастную осеннюю пору, въ низменномъ прикубанскомъ лѣсу, конечно, была тяжела, но зато Власовъ теперь не имѣлъ уже передъ собою трудной переправы и могъ свободно направлять удары въ какую угодно сторону. Черкесы это скоро и почувствовали.

Въ половинѣ октября, когда шапсуги и абадзехи въ четвертый разъ стали собираться на вершинахъ рѣкъ Супса и Шебже, впадающихъ въ Афиписъ, Власовъ быстро двинулъ отрядъ изъ своей засѣлки и, черезъ владѣнія хомышейцевъ, бросился на ихъ аулы, раскинутые по рѣчкѣ Догай, впадающей въ Шебже, верстахъ въ 40 по прямому направленію отъ Екатеринодара.

На разсвѣтѣ 16-го октября, казаки стояли уже передъ лѣсистымъ Догайскимъ ущельемъ. Когда-то сильное укрѣпленіе, состоявшее изъ толстыхъ палисадовъ, запирало выходъ изъ него къ сторонѣ ауловъ; но теперь оно было брошено, и казаки поспѣшно его разломали. За этимъ укрѣпленіемъ возвышался небольшой пригорокъ съ пологимъ спускомъ къ рѣчкѣ, а далѣе, верстахъ въ двухъ, стояли самые аулы; въ нихъ было все спокойно, и высланные впередъ пластуны слышали, какъ жители, при свѣтѣ луны, молотили хлѣбъ передъ своими домами.

Тотчасъ полковникъ Табанецъ съ пѣхотой и полковникъ Перекрестовъ съ конницей стали обходить аулы справа и слѣва, чтобы разомъ напасть на нихъ съ двухъ сторонъ. Власовъ остался въ центрѣ, у самаго укрѣпленія, прикрывая дороги отъ Супса и Шебже, гдѣ стояли скопища.

Казаки двигались тихо; но въ это самое время изъ ауловъ вышелъ небольшой караванъ, принадлежавшій закубанскимъ армянамъ, и сталъ подниматься на пригорокъ. При полномъ свѣтѣ луны одинъ изъ проводни-

ковъ увидѣлъ конницу, уже спускавшюся къ самой рѣчкѣ, и выстрѣлить. Въ аулахъ поднялась тревога. Караванъ немедленно былъ захваченъ, но Табанецъ и Перекрестовъ, бросившіеся въ аулы, застали ихъ уже готовыми къ оборонѣ. Только немногіе изъ жителей бѣжали въ окрестные лѣса; прочіе заперлись въ домахъ и открыли по казакамъ сильный ружейный огонь. Не прошло, быть можетъ, и получаса, какъ въ отрядѣ былъ убитъ офицеръ и ранено 29 казаковъ. Видя, что штурмъ поведетъ за собою потерн еще бблшія, Власовъ приказалъ зажечь аулы съ четырехъ сторонъ, и пламя быстро охватило все сакли. Къ 9 часамъ утра Табанецъ и Перекрестовъ отошли отъ ауловъ, въ которыхъ слышались вопли людей и ревъ скота, погибавшихъ въ пламени.

Поздно узнали на Сусѣ и Шебжѣ о грозномъ набѣгѣ Власова, и какъ ни торопились черкесы на выручку—они опоздали. Власовъ, сторожившій дороги, встрѣтилъ ихъ картечью и сдерживалъ напоръ, пока весь отрядъ не миновалъ разломаннаго укрѣпленія и не вышелъ на чистое поле,— а здѣсь непріятель вступитъ въ бой уже не отважился.

Въ этотъ набѣгъ истреблено было четыре большихъ аула, но изъ числа жителей въ плѣнъ взято 4 старика и 7 женщинъ; остальные, какъ доносилъ Власовъ, „погорѣли въ пламени“.

Впечатлѣніе догайскаго погрома было такъ сильно въ горахъ, что даже неугомонные шапсуги нѣсколько поугомонились и почти два съ половиною мѣсяца не тревожили линіи. Между тѣмъ наступили рождественскіе праздники, а съ ними явилась у горцевъ надежда, не распуститъ ли Власовъ отряда, не будутъ ли казаки оплошнѣе, — и партіи стали собираться снова.

26-го декабря, одна изъ нихъ, человекъ въ 200—300, съ распущеннымъ значкомъ, среди бѣлаго дня, явилась на лѣвомъ берегу, противъ Ново-Екатерининскаго селенія. Ближайшій постъ, однако, тотчасъ же завязалъ перестрѣлку, а на выстрѣлы со всехъ окрестныхъ станицъ прискакали резервы. Непріятель скрылся.

Съ этого дня и до новаго года лазутчики по нѣскольку разъ въ сутки извѣщали, что вотъ-вотъ черкесы нагрянутъ на линію. Всѣмъ было извѣстно, что горцы, подъ начальствомъ шапсугскихъ дворянъ Беги и Хопача, стоятъ наготовѣ, но нельзя было предвидѣть, куда направятъ они свой ударъ: ихъ ждали и около Бжедугскаля, главнаго войскового города, и въ Тимошевскомъ куту, и на посту Великолагерномъ, и противъ станицъ Елизаветинской, Марьевской, Ново-Екатерининской и Ольгинской. Нехорошія были эти святки; Власовъ такъ и не выѣзжалъ съ кордоновъ, перекочевывая съ поста на постъ и поддерживая бодрость и бдительность кордонной стражи.

Наконецъ, пластуны, каждую ночь занимавшіе Каракубанскій островъ, дали знать Власову, что на томъ берегу видѣли конную партію чело-вѣкъ съ полтораэта, что горцы, замѣтивъ ихъ, открыли огонь, но, когда прискакалъ резервъ со Славянскаго поста,—скрылись.

Внезапное появленіе партіи въ такомъ удаленномъ мѣстѣ дало мысль, что горцы имѣютъ намѣреніе напасть на Ольгинское. Извѣстія, приходившія 2-го и 3-го января, только подтвердили эти соображенія. Начальникъ 3-го кордоннаго участка, войсковой старшина Гаврюшъ, отправился на Кубанскій островъ самъ, чтобы ближе наблюдать за непріятелемъ, и какъ разъ наткнулся на три конныя партіи, рыскавшія по острову; четвертая скрывалась подъ берегомъ. Съ Гаврюшемъ былъ только обычный разъѣздъ изъ нѣсколькихъ казаковъ, а потому онъ спрятался въ кусты и сталъ выжидать, что будетъ.

До полудня горцы разъѣзжали по острову, видимо разыскивая тѣхъ пластуновъ, которыхъ видѣли здѣсь наканунѣ, но, наконецъ, всѣ партіи стянулись вмѣстѣ и ушли за Кубань. Гаврюшъ остался на острову. Вечеромъ онъ увидѣлъ за рѣкою большіе бивуачные огни, раскинутые на большомъ протяженіи и ясно говорившіе, что значительное скопище стоитъ тутъ, грозя рѣшительнымъ нападеніемъ.

Наступила ночь, и Власовъ сталъ сдвигать войска къ Славянскому посту. Часть ихъ расположилась въ окрестностяхъ Ольгинскаго, другая—около Ново-Екатерининской станицы. Ночь на 4-е января прошла, однако, спокойно. Казаки, только что сдѣлавшіе быстрый ночной переходъ, успѣли немного отдохнуть. Но едва забрезжилась заря, какъ весь лѣвый берегъ Кубани, между постами Ольгинскимъ и Славянскимъ, покрылся многочисленною черкесскою конницею. Власовъ отдалъ приказаніе войскамъ „не шелохнуться“ и дать непріятелю свободу перейти черезъ Кубань, а когда онъ удалится отъ берега,—разомъ зажечь всѣ маяки, ударить тревогу и всѣми силами съ тылу отрѣзать ему отступленіе. Три тысячи черкесовъ спустились, между тѣмъ, на ледъ и, не видя на русской сторонѣ никакого движенія, раздѣлились на партіи, чело-вѣкъ по 100, по 200 въ каждой, и стремительно бросились одновременно на всѣ дневные казачьи пикеты. Но плетневая хаты были пусты и стояли съ раскрытыми настежь дверями—Власовъ заранѣе убралъ пикеты, чтобы не подвергать ихъ опасности. Черкесы зажгли постовыя строенія и стоявшее тутъ же кордонное сѣно. Вспыхнули громадныя стога, далеко освѣщая мѣстность, — а на берегу ни звука, ни движенія. Горцы подозрительно смотрѣли на эту зловѣщую тишину; однако же, пѣшія толпы ихъ все-таки двинулись на Ольгинское селеніе, расположенное на самомъ берегу Кубани.

Власовъ увидѣлъ, что непріятель дальше внутрь страны не пойдетъ и,

конечно, ограничится только разгромом Ольгинскаго. Времени терять было невозможно. Гулко грянуло сигнальное орудіе, и еще не смолкъ отзвукъ выстрѣла, какъ пѣшіе полки разомъ выдвинулись и изъ Славянскаго поста, и изъ Тиховской батареи, и изъ Краснаго лѣса, и изъ самаго Ольгинскаго, а конница уже скакала къ Кубани и занимала переправу. Принятые орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ со всѣхъ сторонъ, растерявшіеся горцы стремительно повернули назадъ и бросились къ Кубани. Пѣшіе казаки настигли ихъ на льду, пушки били ихъ съ берега, и непріятелю грозило полное истребленіе, если бы къ нему не подошла другая партія, тысящи въ двѣ человекъ, оставшаяся по ту сторону рѣки. Она быстро спѣшилась, разсыпала цѣпь по лѣвому берегу, и, подъ ея прикрытіемъ, горцы кое-какъ успѣли убраться во свояси.

Неудача и большія потери не охладили, однако же, рвенія черкесовъ; они двинулись въ угрожающемъ положеніи вверхъ по Кубани, и вдругъ ринулись на Екатерининское селеніе. Но пока они переходили ледъ, Власовъ, зорко слѣдившій за каждымъ движеніемъ непріятеля, успѣлъ подойти сюда со всѣми казаками и принять ихъ картечью. И только тогда горцы рѣшились, наконецъ, прекратить нападенія и потянулись назадъ въ горы. „Я бы могъ преслѣдовать ихъ и за Кубань,—говоритъ Власовъ, —но зналъ, что это не обойдется безъ большой взаимной потери, совершенно бесполезной—и остановился“...

Непріятель, однако же, видимо рѣшилъ во что бы то ни стало разгромить Черноморію, и партіи его не разошлись по домамъ, а стояли во всеоружіи между рѣками Иль и Убыномъ. Непрерывное ожиданіе непріятеля до крайности утомило черноморцевъ, и, чтобы избавить ихъ отъ этого напряженнаго состоянія, Власовъ счелъ за лучшее самому атаковать непріятеля. Въ ночь съ 9-е на 10-го января 1826 года войска перешли Кубань, а въ часъ пополудни уже подходили къ тому мѣсту, гдѣ стояло скопище, огражденное ущельями горъ и густыми лѣсами. Непріятельскій карауль замѣтилъ подходившій отрядъ, и по всей Запльйской мѣстности разнеслась тревога. Загремѣли сигнальные ружейные выстрѣлы, а гдѣ-то въ горахъ глухо бухнула даже пушка. Власовъ не пошелъ дальше и, выбравъ крѣпкую позицію, сталъ ожидать приближенія дня. На разсвѣтѣ казаки ясно увидѣли большое скопище, занимавшее окрестныя высоты; а впереди, между горъ, на полянахъ, пересѣкаемыхъ частыми перелѣсками, видѣлись аулы. Можно было опасаться, что непріятель, воспользовавшись удаленіемъ войскъ отъ Кубани, самъ бросится на линію; и вотъ, чтобы отвлечь его отъ этой мысли, Власовъ послалъ полковника Табанца съ частію пѣшихъ казаковъ сдѣлать фальшивое движеніе на аулы. Обманъ удался. Непріятель, дѣйствительно, сосредоточилъ въ ту сторону значительныя силы, и

когда Табанецъ медленно сталъ отходить, горцы, въ жару преслѣдованія, почти на плечахъ его ударили на главный отрядъ—и бой завязался разомъ на всѣхъ пунктахъ нашей позиціи. Солнце уже склонилось къ закату, когда Власовъ приказалъ отступать. Войска, подъ натискомъ громадной толпы, отодвигались назадъ медленно, съ перестрѣлкою, поминутно останавливаясь и отражая нападеныя. Уже наступили темныя зимнія сумерки, когда непріятель прекратилъ, наконецъ, преслѣдованіе, и казаки стали бивуакомъ на обширномъ полѣ, сплошь заставленномъ скирдами шапсугскаго сѣна.

Ночь прошла спокойно, и только на пикетахъ кое-гдѣ раздавались ружейные выстрѣлы; но утромъ, 11-го числа, непріятель повелъ нападеніе всѣми силами, и бой разгорѣлся упорный, особенно на правомъ флангѣ, гдѣ не было артиллеріи; тамъ горцамъ удалось даже потѣнить стрѣлковъ. Конный полкъ Перекрестова блистательнымъ ударомъ въ пики высвободилъ цѣпь, но не сумѣлъ остановиться во-время, пронесся слишкомъ далеко, и былъ окруженъ черкесами... „Тутъ,—говоритъ Власовъ,—завязалась жаркая сѣча, и убійство съ обѣихъ сторонъ произведено жестокое“. Подавленные грозною массою конницы, казаки не выстояли и понеслись назадъ... Горцы настигали и рубили ихъ... 28 казачьихъ тѣлъ осталось въ рукахъ непріятеля, болѣе 20 казаковъ прискакали израненные шашками... По счастью, оправившаяся пѣхота остановила черкесовъ, и дальнѣйшаго испѣха они не имѣли. Въ два часа пополудни непріятель самъ прекратилъ нападенія и сталъ отступать. Поле сраженія осталось за нами. Власовъ приказалъ заечь разомъ все шапсугское сѣно и, подъ прикрытіемъ разливагося моря огня, отошелъ къ Кубани.

Потери, понесенныя казаками въ этомъ двухдневномъ бою, были бы ничтожны, если бы конница въ жару преслѣдованія не заскакала слишкомъ далеко. „Случай,—какъ выражается Власовъ,—непредвидѣнный и неизбѣжный въ подобныхъ военныхъ обстоятельствахъ“.

„Ни въ одномъ дѣлѣ со мною,—доносилъ онъ Ермолову,—непріятель еще не дрался съ такимъ жаромъ и остервененіемъ, и вѣроятно потому, что Заильская мѣстность есть та самая, съ которой черкесы обыкновенно производятъ всѣ свои нападенія на линію“.

Обезкураженные большою потерею, шапсуги велѣды затѣмъ разошлись по домамъ; но абадзехи стояли наготовѣ.

Была наготовѣ и линія. Тяжелую службу несли черноморцы въ эти послѣдніе два-три самые суровые въ году зимніе мѣсяца. Еще постовымъ казакамъ было ничего — на посту нѣтъ-нѣтъ да и задымитя, бывало, труба въ болѣе или менѣе гостепріимной хатѣ; но безпріютные вспомогательные отряды, вынужденные блуждать, какъ метеоры, по всему громад-

ному пространству этой ломаной, излучистой линіи постовъ и пикетовъ, довольствовались одними скудными бивуачными огнями и проводили ночи и дни подъ открытымъ, задернутымъ тяжелыми тучами небомъ, сыпавшимъ на нихъ безъ устали то хлопьями снѣга, то мелкою изморозью... А отдохнуть, обогрѣться—нельзя. Лазутчики то и дѣло наѣзжали изъ-за Кубани съ грозными вѣстями,—и что ни лазутчикъ, то новая вѣсть, и этихъ вѣстей такъ много, что трудно въ нихъ разобраться и отличить услужливую истину отъ коварныхъ подвоховъ или пустой, праздної лжи. Линейная опытность предписывала считать вѣрнымъ лишь то, что добудутъ свои неутомимые, безтрепетные лазутчики-пластуны, но нельзя было пренебрегать и слухами, шедшими изъ-за Кубани. А по этимъ слухамъ приходилось ждать нападеній на верховые, болѣе удаленные отъ моря, участки линіи. Пластуны тоже подтверждали, что абадзехи, подъ начальствомъ бѣглаго чирчинейскаго князя Евбока, стягивали партіи къ Корсунскому селенію. Въ ночь на 18-е января двинулся туда и Власовъ. Казаки незамѣтно перешли Кубань и скрылись въ лѣсу, на самой дорогѣ, которую горцамъ миновать было нельзя. Абадзехи уже подходили къ этому лѣсу и, конечно, поплатились бы жестоко за свою попытку, но мирные чирчинеевцы дали знать о засадѣ, и партія вдругъ повернула въ сторону. Быстро шель непріятель на лѣсную засѣку при Павловскомъ посту, гдѣ новые переселенцы съ небольшимъ прикрытіемъ рубили тогда лѣсъ. Власову нельзя было терять ни минуты. Усиленнымъ переходомъ онъ успѣлъ предупредить непріятеля; но абадзехи, и здѣсь предваренные мирными хомышеевцами, остановились во-время. Тогда Евбокъ, убѣдившись въ бесполезности дальнѣйшихъ попытокъ, распустилъ свою партію.

Разошлись абадзехи—стали собираться шапсуги. 23-го января пластуны дали знать на Славянскій постъ, что непріятель намѣренъ прорваться черезъ Каракубанскій островъ. Есаулъ Чепурный взялъ съ собою 12 конныхъ казаковъ и поѣхалъ осматривать каракубанскій берегъ; но тамъ онъ моментально былъ окруженъ сотнею пѣшихъ черкесовъ. Пришлось отчаянно и безнадежно прорубаться. Чепурный былъ раненъ, одинъ казакъ убитъ, и, вѣроятно, эта горсть сложила бы здѣсь свои казацкія головы, если бы не подоспѣла внезапная помощь. Изъ Ольгинскаго поста прискакалъ неутомимый, вездѣсущій Власовъ—и Чепурный былъ вырученъ.

Но тревожныя извѣстія не прекращались. Тогда на слѣдующій же день, 24-го числа, Власовъ самъ перешелъ Кубань въ Тимошевскомъ кутѣ и сталъ впереди Елизаветинскаго селенія, въ лѣсахъ, по лѣвому берегу Афипса, укрѣпивъ свой лагерь засѣками и тремя батареями. Шапсуги этого никакъ не ожидали. Пушечный выстрѣлъ въ горахъ возвѣстилъ тревогу, и партіи, уже находившіяся въ сборѣ, быстро стянулись къ русскому лагерю.

Теперь обѣ стороны стояли другъ противъ друга въ полной боевой готовности, но ни та, ни другая не начинали наступательныхъ дѣйствій. Казаки закрывали линію и угрожали ауламъ; шапсуги стерегли аулы и угрожали линіи. Такъ прошла недѣля. Въ самую полночь, съ 29-го на 30-е января, Власовъ тихо поднялъ отрядъ и отвелъ его обратно за Кубань, на отдыхъ. Въ лагерѣ осталась только горсть пластуновъ, которые днемъ поддерживали перестрѣлку, ночью раскладывали большіе огни и, вмѣсто часовыхъ, разставляли на вышкахъ чучель. Этимъ способомъ удалось продержать шапсуговъ еще два дня въ сборѣ противъ опустѣвшаго лагеря. Но, наконецъ, и ихъ терпѣніе истощилось. Шапсуги стали разсуждать, что если Власовъ стоитъ на Афинсѣ и большія силы закрываютъ 2-й участокъ, то, значить, въ остальныхъ частяхъ кордона охрана слаба, посты менѣе бдительны, и потому не мѣшало бы имъ заглянуть на Кубань. Предложеніе это было принято. И вотъ, 1-го февраля, оставивъ на мѣстѣ своего становища большіе огни, чтобы ввести въ заблужденіе Власова, котораго они все еще считали стоявшимъ въ лагерѣ, скопнице двинулось на Марьевскую станцію.

Въ Марьевской, дѣйствительно, не ожидали нападенія; къ тому же былъ праздникъ, Срѣтеніе, и казаки собирались къ обѣднѣ. Скотъ, какъ и всегда, съ ранняго утра былъ выпущенъ на пастьбу въ степь. Горцы все это вывѣдали, и 200 всадниковъ перебрались на русскую сторону, четыреста остались на томъ берегу, чтобы принять добычу и плѣнныхъ. Переправа сдѣлана была въ Марьевскомъ кутѣ, гдѣ стояла батарея, которую горцамъ миновать было нельзя. Но они такъ были увѣрены въ успѣхѣ, что даже не обратили на нее никакого вниманія. А между тѣмъ съ батареи дали сигнальный пушечный выстрѣлъ и пустили по нимъ нѣсколько ядеръ. Въ станицѣ также ударили тревогу. Тамъ въ это время стояли 70 конныхъ казаковъ, съ войсковымъ полковникомъ Зинченко, и пѣшіи Черноморскій полкъ, съ полковникомъ Долинскимъ. Не зная причины тревоги, оба они быстро двинулись къ той батареекѣ, откуда былъ поданъ сигналъ, и на пути, въ глухомъ Марьевскомъ кутѣ, тамъ, гдѣ Кубань дѣлаетъ крутую излучину, Зинченко первый наткнулся на непріятеля. 200 черкесовъ, скрытно пробравшихся камышами къ селенію, не дали казакамъ опомниться и бросились въ шашки. Казаки подались назадъ; но тутъ подоспѣлъ Долинскій,—и горцы, увидѣвъ передъ собой значительныя силы, поскакали къ Кубани. На переправѣ ихъ захватило, однако, подоспѣвшее орудіе и проводило картечью.

Въ тотъ же самый день и въ то же самое время двѣ другія партіи пытались прорваться въ дистанціяхъ Ольгинскаго и Славянскаго постовъ—

и также безуспѣшно. Горцы должны были убѣдиться, что линію стерегли зорко и бдительно.

Оставалась, впрочемъ, надежда на четвертый, низовой участокъ, на который горцы давно не обращали вниманія, и, слѣдовательно, какъ они полагали, не обращалъ вниманія и Власовъ. На этомъ расчетѣ они и основали цѣлое большое предпріятіе.

3-го февраля, семь тысячъ всадниковъ, съ двумя полевыми орудіями, появились въ 3-мъ участкѣ, противъ Елизаветинскаго селенія. Здѣсь уже были не одни шапсуги и абадзехи, но были и натухайцы—народъ, считавшійся покорнымъ и мирнымъ. Истинная цѣль предпріятія хранилась въ такой глубокой тайнѣ, что Власовъ не могъ быть предупрежденъ ни однимъ изъ своихъ лазутчиковъ. „И только сіе одно, —говоритъ онъ,—спасло толпу отъ пораженія, подобнаго калаусскому, ибо, не зная ни времени, ни мѣста переправы, я не могъ расположить свои войска такъ, чтобы пресѣчь ей всѣ пути къ возврату и потопить въ лиманахъ“.

4-го февраля, когда Власовъ находился на Ольгинскомъ посту, прискакалъ къ нему казакъ съ извѣстіемъ отъ войскового старшины Гаврюша, стоявшаго съ пѣшимъ полкомъ въ 4-мъ участкѣ, у Тиховской батарейки, что непріятель въ значительныхъ силахъ прошелъ Каракубанскій островъ и двигается къ Петровскому посту. Неожиданное направленіе, взятое горцами, заставляло думать, что они намѣрены напасть на новое селеніе у Черной Протоки. Власовъ приказалъ Гаврюшу занять переправы по Каракубани и тотчасъ извѣстить объ этомъ сигнальнымъ выстрѣломъ изъ орудія; на помощь къ Гаврюшу двинулись главные силы, а конный Черноморскій полкъ, изъ Ольгинскаго, отряженъ былъ черезъ Копыльскій постъ, также наперерѣзъ непріятелю, въ томъ предположеніи, что горцы, услыша орудійный выстрѣлъ въ тылу, обратятся назадъ, къ переправѣ.

Но едва Власовъ вышелъ изъ Ольгинскаго, какъ прискакалъ казакъ ужъ изъ 3-го участка, съ новымъ тревожнымъ извѣстіемъ, что другая партія, и также съ пушками, появилась противъ Ново-Екатерининской станицы и открыла по ней канонаду. Глухіе раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, дѣйствительно, чуть слышно доносились оттуда по вѣтру. Власовъ призадумался... Но такъ какъ первая партія была гораздо сильнѣе, то онъ отправилъ къ Екатерининской только половину отряда, а съ остальной поспѣшилъ на островъ.

Тѣмъ временемъ шапсуги и натухайцы уже достигли почтовой таманской дороги. Дневной пикетъ изъ четырехъ казаковъ, поавшійся имъ на пути былъ изрубленъ; другой—изъ 12 человекъ, стоявшій между Петровскимъ и Чернопротокою батарейкою—отбился. Горцы оставили противъ него только наблюдательный постъ, и пустились дальше, на новое селеніе.

Въ это самое время на Каракубанскомъ островѣ грянулъ сигнальный пушечный выстрѣлъ, а со стороны Копыльскаго поста заклубилась пыль — очевидно, скакала какая-то конница. Партія сообразила грозившую ей опасность и повернула назадъ такъ быстро, что казаки, на усталыхъ лошадяхъ, не только не могли обскákatъ, но даже и настигнуть непріятели; одни орудія проводили его гранатами и ядрами.

Наученные опытомъ, горцы не искали уже прежней переправы, а кинулись вправо, къ Калаусскимъ лиманамъ. И какъ ни торопились Власовъ, но съ пѣшими полками опередить конницу было нельзя, — и онъ опоздалъ. Пришлось и здѣсь ограничиться лишь нѣсколькими картечными выстрѣлами въ догонку непріятели.

Одною канонадою окончилось дѣло и подъ Екатерининскимъ селеніемъ; горцы увидѣли подходившее къ нему подкрѣвленіе и отступили.

Но тревожная пора не миновала. Продолжались еще морозы, доходившіе до 20⁰ и державшіе Кубань подъ крѣпкимъ, легко проходимымъ льдомъ. Нужно было ждать новыхъ и новыхъ нападеній. Опытъ научилъ, между тѣмъ, горцевъ, что самая система охраны линіи, принятая Власовымъ и основанная на быстрыхъ передвиженіяхъ сильнаго резерва, не дастъ имъ развернуться въ русскихъ предѣлахъ попрежнему, на всей своей волѣ, и они искали средствъ, чтобы заставить Власова прежде всего раздробить свои силы. Первое, что могло представиться имъ въ этомъ смыслѣ, было прорваться на нѣсколькихъ пунктахъ сразу. И вотъ, 13-го февраля они дѣйствительно собрались одновременно противъ селеній Марьевскаго, Ново-Екатерининскаго, Ольгинскаго и Чернопротоцкаго. Власову дали объ этомъ знать. Положеніе его представляло незаурядныя трудности. Раздѣлить войска для защиты каждаго селенія, значило стать слабымъ на каждомъ пунктѣ, а потому онъ рѣшилъ опять подѣйствовать на горцевъ страхомъ разгрома ихъ собственныхъ жилищъ,—и 15-го февраля былъ уже далеко за Афиномъ. Казаки наступали тремя колоннами: правая, подъ личнымъ начальствомъ Власова, шла изъ Екатерининскаго селенія, средняя, войскового старшины Чернаго, изъ Марьевской, а лѣвая, Стороженки, изъ Елизаветинскаго,—черезъ знакомыя мѣста бывшаго афинскаго лагеря. Внезапное вторженіе Власова произвело на горцевъ ошеломляющее дѣйствіе. Сами разсѣянные на большомъ протяженіи, они теперь уже не могли собраться во-время, чтобы остановить истребленіе, и съ ужасомъ видѣли, какъ на огромномъ пространствѣ кругомъ горѣли ихъ хутора и зимовники, погибали скотъ, уничтожались запасы. Броситься при такихъ условіяхъ на линію было невозможно, такъ какъ войска, подвигаясь все дальше и дальше, уже приближались къ самымъ ауламъ, гдѣ находились ихъ семьи. Горцы вернулись. Тогда Власовъ отошелъ назадъ и сталъ на Афинѣ.

Прошло нѣсколько дней. Томительное выжидательное положеніе скоро наскучило горцамъ, и они предпринимають новый быстрый набѣгъ, основывая его на этотъ разъ уже на самой системѣ Власовскихъ дѣйствій. 21-го февраля, въ сумеркахъ, сильная конная партія прошла мимо афипскаго лагеря и потянулась внизъ по Кубани. Черкесы рассчитывали, что Власовъ, постоянно слѣдившій за каждымъ движеніемъ ихъ и всюду встрѣчавшій врага лицомъ къ лицу, устремится за ними наперерѣзъ и, такимъ образомъ, откроетъ Елизаветинское селеніе. Партія поэтому отошла недалеко и притаилась въ одномъ изъ попутныхъ лѣсовъ; тамъ она дождалась ночи и скрытно, на быстрыхъ аллюрахъ, вернулась къ Тимошевскому куту. Но къ ихъ изумленію, Власовъ стоялъ передъ ними въ самомъ Елизаветинскѣ. Тогда, озлобленные, они бросились внизъ по Кубани, въ 4-й участокъ; но едва вступили на Каракубанскій островъ, какъ узнали, что Власовъ опять передъ ними—въ Петровскомъ...

Это была послѣдняя попытка, послѣднее усиліе прорваться внутрь Черноморія. Несокрушимымъ оплотомъ вездѣ вставали передъ ними казацкіе полки, и горцы должны были понять, что имъ не разорвать желѣзныя, на диво спаянныя Власовымъ звенья кордонной цѣпи... 23-го февраля партіи разошлись по домамъ.

Увольненіе Ермолова.

Въ интересномъ и замѣчательномъ трудѣ Н. Ф. Дубровина „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“ (т. VI) мы находимъ слѣдующее прекрасное описаніе того тяжелаго, скорбнаго впечатлѣнія на кавказскія войска,—да и на всю, пожалуй Россію, — которое произвело увольненіе А. П. Ермолова.

Ни одна перемѣна главнокомандующаго на Кавказѣ, говоритъ г. Дубровинъ, не производила столь сильнаго впечатлѣнія, какъ Ермолова. „Друзьями его,—говоритъ современникъ,—были всѣ честные, правдивые, трудящіеся и безкорыстные люди, а врагами были люди съ нечистою совѣстью. Въ обращеніи его не было обыкновенной середины: онъ первыхъ любилъ по-братски, а вторыхъ гналъ, какъ враговъ отечества.

Въ память десятилѣтняго управленія краемъ, съ ничтожными сравнительно средствами, Алексѣй Петровичъ оставилъ горцамъ ужасъ къ своему имени—не жестокостями, а непрерывными побѣдами, проложеніями просѣкъ, разореніями ауловъ и стѣсненіями ихъ территорій. Чеченцы, кабардинцы, лезгинны и прочія племена не терпѣли ни при комъ столько пораженій, сколько при Ермоловѣ. Въмѣсто прежней системы кротости и довѣрія, которыми горцы всегда пользовались ко вреду нашему, онъ употреблялъ

болѣ дѣйствительныя средства, служившія къ обезсилію неукротимыхъ, полудикихъ и своевольныхъ народовъ. Учрежденныя имъ новыя линіи крѣпостей въ Чечнѣ и Кабардѣ обезпечили Кавказскую линію отъ безнаказаннаго вторженія горцевъ; перемѣщеніемъ областного правленія изъ Георгіевска въ Ставрополь береглась жизнь многихъ тысячъ чиновниковъ и жителей. Перенесеніе Военно-Грузинской дороги изъ Моздока въ Екатериноградъ, кромѣ сокращенія пути, представляло болѣе удобствъ и безопасности въ сообщеніи Грузіи съ Кавказскою линією, а слѣдовательно и съ Россією. „Разработка этой дороги черезъ Тагаурское ущелье по рѣкѣ Тереку и черезъ высочайшія точки хребта, Крестовую и Гудъ-горы, взрывамъ скалъ и устройствомъ мостовъ, доставила возможность перевозить изъ Россіи въ Грузію осадную артиллерію, отъ которой пали и падутъ всѣ твердыни въ Азію“. Достигнувъ удаленія хановъ, Ермоловъ ввелъ въ присоединенныхъ областяхъ русское управленіе, уничтожилъ произволъ азіатской власти и тѣмъ положилъ начало введенію гражданственности и полнаго слиянія съ Россією населенія богатѣйшихъ провинцій въ Закавказьѣ. Съ этою же цѣлью, въ половинѣ 1825 года, Ермоловъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе отправлять ежегодно и на счетъ казны нѣсколько малолѣтковъ въ кадетскіе корпуса для пріобрѣтенія познанія въ наукахъ и европейскаго образованія. Въ десятилѣтнее пребываніе на Кавказѣ Алексѣй Петровичъ украсилъ Тифлисъ прекрасными зданіями и устроилъ полковыя штабъ-квартиры. Обративъ вниманіе на минеральныя воды, Ермоловъ обезпечилъ ихъ существованіе постройкою новыхъ укрѣпленій, возвелъ нѣсколько красивыхъ зданій и расширилъ ихъ дѣятельность, и въ память его заслугъ одинъ изъ источниковъ получилъ наименованіе „*Ермоловскаго*“.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

Послѣ Ермолова.



شامیل

(Ш а м и л ь).

Татары *).

I.

Татарское селеніе и домъ.—Бытъ татарина.—Кочевка.—Характеръ татаръ.—Татарская женщина.—Татарскіе пѣсни, танцы и музыкальные инструменты.—Одежда мужчинъ и женщинъ.—Положеніе женщины въ семействѣ.—Деспотизмъ мужа и стремленіе женщины выйти изъ рабскаго положенія.

Татары, въ отношеніи устройства домовъ своихъ, слѣдуютъ правиламъ восточной архитектуры, и, несмотря на то, что многія селенія находятся по сосѣдству съ снѣговыми хребтами, гдѣ морозы зимою доходятъ иногда до 25° по Реомюру, они строятъ свои жилища точно такъ же, какъ и тѣ изъ ихъ соплеменниковъ, которые никогда не испытываютъ морозовъ.

Домъ каждаго достаточнаго жителя раздѣляется почти всегда на два отдѣленія, изъ коихъ одно предназначается для гарема. Жилище татарина строится или изъ камня, или изъ глины. Въ первомъ случаѣ оно складывается изъ нежженного кирпича или голышеваго камня, взятаго изъ рѣки; во второмъ случаѣ, глина, смѣшанная съ саманомъ (солома), составляетъ главнѣйшій матеріалъ, а ненастное время, производящее готовую грязь на улицѣ, считается самымъ удобнымъ временемъ для постройки и лѣпной работы. Несмотря на первобытность такого зодчества, подобныя жилища существуютъ иногда по нѣскольку сотъ лѣтъ.

Татарскіе кочевники располагаются обыкновенно на мѣстахъ болѣе возвышенныхъ и лѣспистыхъ. Они устраиваютъ жилища изъ тростника или изъ нѣсколькихъ жердей или тычинокъ гибкихъ деревьевъ, согнутыхъ въ дугу и воткнутыхъ обоими концами въ землю. Эти жерди переплетаются другими въ горизонтальномъ направленіи, такъ что внутренность такого помѣщенія представляетъ видъ купола или, скорѣе, изображаетъ конусъ сѣна, которую

*) Статья эта взята изъ сочиненія Н. Ф. Дубровина „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, изданіе 1871 года (т. I, кн. 2-я). Это сочиненіе составляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость.

накрывают войлокомъ, лохмотьями изъ войлоковъ или камышевою рогожею, оставляя только для входа одно отверстіе, которое завѣшивается также войлокомъ. Чтобы войлоки не очень тяготили жерди, для этого, посреди палатки, становится шесть, который и поддерживает все зданіе. Наверху вырѣзываютъ круглое или четырехугольное отверстіе для выхода дыма, а иногда оно же служитъ и для освѣщенія внутренняго помѣщенія. Такая кибитка, извѣстная подъ именемъ *алачуги*, заключаетъ въ себѣ все имущество татарина. Противъ входа въ алачугу, у стѣны, сложены подушки, одѣяла, платье, оружіе, конская сбруя и проч. По одну сторону, за перегородкою, хранится масло, молоко и сыръ, а по другую сторону, также за перегородкою,—мука, сарачинское пшено и все съѣстное.

У богатаго татарина подобное помѣщеніе еще довольно сносно и удобно, но у бѣднаго алачуга не предохраняетъ обитателей ея ни отъ вѣтра, ни отъ дождя. Каждая палатка раздѣляется тростяковыми перегородками на нѣсколько комнатъ, имѣющихъ каждая свое назначеніе. Въ хорошую погоду края палатки приподнимаются, и вѣтеръ освѣжаетъ жаръ палящаго солнца; въ дурную же она закрывается вся войлокомъ, и если хорошо устроена, то, сохраняя внутреннюю теплоту, можетъ выдержать непогоду и дождь не хуже другого дома. Иногда кочевые татары вмѣсто алачуги устраиваются и живутъ въ *карачадрахъ*—четыреугольныхъ палаткахъ, сдѣланныхъ изъ шерстяной матеріи чернаго цвѣта. Карачадры составляютъ, впрочемъ, по преимуществу жилище кочевыхъ курдовъ, и татары устраиваютъ ихъ очень рѣдко.

На пространной и плоской горѣ, покрытой густою зеленью, тамъ и сямъ разбросаны эти алачуги. Кругомъ кибитокъ пасутся около десятка воловъ, „не-то подъ попонами, не-то подъ сѣдлами, прикрѣпленными подпругами“.

Между скотомъ бѣгають полунагія, а чаще и совершенно нагія дѣти, играя съ собаками. Возлѣ кибитокъ лежатъ, растянувшись, оборванные и грязные татары; другіе сидятъ и стругаютъ палочки; не менѣе оборванные татарки таскаютъ воду изъ балокъ, переносятъ разныя снадобья—словомъ, копошатся въ шалашахъ и возлѣ нихъ.

Въ алачугѣ грязно и нечисто, точно такъ же, какъ нечистоплотны ея обитатели, одѣтые въ лохмотья.

Осѣдлые татары живутъ или въ деревняхъ, или въ *обахъ*. Селенія ихъ раскинуты гдѣ-нибудь у рѣчки или у овражка, окружены часто густымъ лѣсомъ или группою пирамидальныхъ тополей, плакучихъ ивъ, огромныхъ орѣховыхъ деревьевъ и чинара.

Аулы расположены большею частью безъ всякаго порядка, а иногда образуютъ родъ кривыхъ улицъ и неправильныхъ площадокъ. Многія се-

ленія пользуются превосходною мѣстностью, счастливымъ климатомъ, утопаютъ въ обширныхъ шелковичныхъ плантаціяхъ, почти всегда окружены лѣсомъ и тянутся на весьма значительное разстояніе.

Если большинство зданій прочны, если они каменные, двухъ этажныя, то такое селеніе носитъ названіе деревни и часто въ ней можно встрѣтить и мечеть. Напротивъ того, дома, построенные на скорую руку и состоящіе преимущественно изъ турлучныхъ землянокъ, разбросанныхъ какъ попало, безъ всякаго порядка, составляютъ въ совокупности то, что называется *обами*. Окна въ такихъ землянкахъ не имѣютъ стеколъ и закрываются камышевыми рогожами. *Обу* обыкновенно населяютъ жители нагорныхъ деревень, спускающіеся въ долину только весной для воздѣлыванія полей, а осенью удаляющіеся въ свои горы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ татары свои избы называютъ *сарай*.

Жители татарскихъ дистанцій, входившихъ нѣкогда въ составъ Грузіи, помѣщаются въ хижинахъ, вырытыхъ въ землѣ и называемыхъ по-татарски *дамъ* или *евъ*, покрытыхъ деревомъ и сверху засыпанныхъ землею. Для поддержанія потолка такого дома укрѣпляютъ внутри четыре деревянныхъ столба; крышу дѣлаютъ большею частью круглую. Въ Ширванѣ домъ камышевый, обмазанный изнутри и снаружи глиною. Для постройки домовъ въ горахъ, вырываютъ обыкновенно яму въ полтора или два кубическихъ аршина и въ ней устанавливаютъ стѣны, одна половина которыхъ находится въ ямѣ, а другая выходитъ на поверхность. Такіе дома состоятъ преимущественно изъ одной небольшой комнаты, гдѣ помѣщается очень часто огромное семейство и все имущество. Нахичеванцы строятъ свои дома на равнинѣ, изъ глины, смѣшанной съ рубленною соломой и мелкимъ булыжникомъ, а въ горахъ—изъ камня. Дома ихъ вѣдъ одноэтажные и обносятся вокругъ каменною стѣною. У богатыхъ главный фасадъ обращенъ къ сѣверу, въ садъ или на небольшой дворъ, съ бассейномъ проточной воды.

Каждый зажиточный татаринъ имѣетъ отдѣльные жилища для женъ, лѣтнее помѣщеніе независимо отъ зимняго и часто, сверхъ того, особое помѣщеніе для приема гостей.

Лѣтній домъ почти всюду имѣетъ стѣны только съ трехъ сторонъ, а четвертая, оставаясь открытою, во время непогоды завѣшивается войлокомъ.

Собственно комната для приема гостей устраивается преимущественно въ конюшнѣ: это только уголь послѣдней, въ которой насыпана земля на аршинъ выше пола и который отдѣленъ перилами. Гости, въ особенности зимою, предпочитаютъ это мѣсто, потому что оно теплѣе всего остального помѣщенія татарина, и въ особенности въ мѣстахъ безлѣсныхъ,

гдѣ топливо составляетъ роскошь. Съ двухъ сторонъ возвышенія устраиваются нары или длинныя скамейки; на нихъ наложены войлоки, тюфяки, которые, съ прибытіемъ гостя, покрываются коврами. Въ углу такой комнаты можно встрѣтить и каминъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ гостинная, составляя часть жилого помѣщенія, состоитъ изъ двухъ капитальныхъ стѣнъ, а съ двухъ другихъ сторонъ огранчивается перилами, но и въ этомъ случаѣ за перилами почти всегда помѣщается семейство хозяина, а иногда и домашній скоть. У нахичеванцевъ иногда вмѣсто перилъ, отдѣляющихъ гостинную отъ прочаго жилья, дѣлается во всю стѣну рѣшетчатое окно, украшенное разноцвѣтными стеклами. Передъ входомъ въ такую гостинную устраивается нѣчто въ родѣ сѣней.

Въ горахъ всѣхъ провинцій татары складываютъ свои жилища изъ камня, какъ изъ матеріала наиболѣе дешеваго и находящагося подъ рукою.

Каменные постройки дома издали похожи на русскія, но всегда съ плоскою крышею. Жители строятъ свои дома изъ алыза, или нетесанаго камня, связываемаго между собою глиною и деревянными перекладинами; плоская крыша туземца засыпается землею.

При каждомъ почти домѣ имѣется нѣчто въ родѣ балкона, который состоитъ изъ комнаты о трехъ стѣнахъ съ нишами, а четвертая, обращенная на дворъ, не строится. Въ этой комнатѣ все хозяйство татарина: котелки, чувалы, кувшины, шерсть, масло въ бурдюкахъ и грубый станокъ для выдѣлки ковровъ. Многие дома двухъ этажные: въ верхнемъ живутъ хозяинъ и его семейство, а въ нижнемъ—скоть, лошади, и одна комната предназначается для исполненія обязанности кладовой. У кого домъ одноэтажный, тотъ для всего помѣщающагося въ нижнемъ этажѣ строятъ особый сарай. На каждомъ дворѣ построено нѣсколько вышекъ, гдѣ ночуютъ хозяева, такъ какъ въ комнатахъ мухи и комары не даютъ заснуть, несмотря ни на какую усталость. Вышки эти бываютъ часто въ два и три этажа, смотря по числу членовъ семейства. У богатыхъ бельэтажъ дѣлается на подобіе бесѣдки съ тесовою крышею и весь малюется яркими красками.

Въ богатыхъ татарскихъ домахъ вмѣсто печей устраиваютъ каминъ, а надъ нимъ широкую и прямую трубу; чаще же въ саклѣ не бываетъ ни печи, ни каминъ, ни трубы и огонь раскладывается на полу посреди хижины, въ небольшомъ углубленіи, обложенномъ камнями. Дымъ отъ горящаго костра стелется по потолку, коптитъ всю внутренность сакли и выходитъ въ двери; если же въ потолкѣ сакли туземецъ сдѣлаетъ небольшое отверстіе для выхода дыма, то считаетъ свое помѣщеніе роскошнымъ.

Случается, что недостатокъ дровъ и топлива во многихъ мѣстахъ ли-

шасть хозяевъ возможности пользоваться и этого рода прихотью; тогда, съ наступленіемъ холода, туземцы устраиваютъ въ одной изъ комнатъ что-то въ родѣ стола на весьма короткихъ ножкахъ, который и носитъ названіе *курси* и, въ общежитіи, часто называется *братскимъ диваномъ*. Подъ курси ставится *мангалъ* (жаровня) съ раскаленными углями, т.-е. глиняный или мѣдный сосудъ, на подобіе небольшого котла. Курси накрываютъ толстымъ длиннымъ и широкимъ одѣяломъ, подъ которымъ и прячется до самой груди все семейство, располагающееся вокругъ курси. Пользуясь жаромъ отъ мангала, удерживаемымъ одѣяломъ, жители согреваются такимъ образомъ нижнія части своего тѣла. „Такой неудобный и вредный способъ согревація себя составляетъ одно изъ любимѣйшихъ наслажденій татарина, тѣмъ болѣе, что этимъ способомъ удовлетворяется его склонность къ бездѣйствію и лѣнливой неподвижности“.

Для печенія хлѣбовъ складываютъ печи слѣдующимъ образомъ: вырываютъ неглубокую яму и замазываютъ въ нее круглый глиняный сосудъ; чтобы испечь хлѣбъ, раскачиваютъ этотъ сосудъ и, сдѣлавъ изъ тѣста лепешки, приплюсываютъ ихъ къ стѣнкамъ сосуда.

Полъ комнатъ устлается *паласами* или коврами ^и цвѣтными хоросанскими войлоками. Два-три окна съ узорчатой рѣшеткой *) или съ рамами и стеклами, а иногда только одно круглое отверстіе въ потолокъ **), освѣщаютъ комнату, въ стѣнахъ которой подѣланы ниши, наполненные домашними вещами. Тамъ стоятъ огромные сундуки, а на нихъ положена постель и завѣшена бумажной или клѣтчатою шелковой матеріей, которая впоследствии пойдетъ на чадру невѣстѣ-татаркѣ, молодой дочери хозяевъ. Нерѣдко, противъ входа въ саклю, возлѣ стѣны, ставится низкая скамья, на которую кладутъ шерстяные чемоданы съ одеждою и другими пожитками. По стѣнамъ иногда развѣшивается оружіе хозяина, а въ свободныхъ нишахъ или на полкахъ разставляются пузатые кувшины, узкогорлыя, кривыя бутылки, чашки и всякая домашняя утварь. Часто можно встрѣтить, что къ высокому, раскрашенному потолоку у богатыхъ привѣшены фруктовые гирлянды винограда, грушъ, сливъ и персиковъ, предназначенныхъ для сушенія.

Посреди стоитъ огромный четырехугольный ящикъ, слѣпленный изъ глины и выфѣленный, а надъ нимъ другой такой же ящикъ, въ видѣ трубы до самаго потолка. Эти ящики, съ виду похожіе на русскую печь,

*) Рѣшетки деревянные, выбиваются долотомъ изъ цѣльныхъ досокъ.

***) У бѣдныхъ бываетъ только одно окно въ потолокъ, а всѣ стѣны дѣлаются глухими.

предназначаются для склада муки (закрома). У богатых ящики эти устраиваются не въ комнатѣ, а въ особыхъ кладовыхъ.

Одно или два зеркала въ простыхъ рамахъ, окрашенныхъ голубою краскою, дополняютъ убранство комнаты.

Вечеромъ, въ каминѣ подѣ трубой, привѣшивается *чрахъ*—небольшой, наполненный нефтью, кувшинчикъ, ко дну котораго придѣлана горизонтальная трубочка, съ пылающимъ пламенемъ концомъ. Этотъ кувшинъ есть туземная лампа, освѣщающая комнату весьма удовлетворительно.

На чистоту своего семейнаго и обыденнаго помѣщенія татары не обращаютъ особеннаго вниманія: люди зажиточные и тѣ нерѣдко въ саклѣ, какъ въ конюшнѣ, помѣщаютъ на цѣлую зиму одну изъ самыхъ любимыхъ лошадей. Бѣдные же, по необходимости, должны помѣщать въ саклѣ на зиму весь свой скотъ, кромѣ овецъ, для которыхъ стараются всѣми мѣрами построить отдѣльное помѣщеніе.

Конечно, лучшія постройки домовъ принадлежать жителямъ городовъ. Фасадъ городского дома обращается всегда къ сторонѣ двора, а на улицу выводится глухая стѣна, безъ оконъ и дверей. Причиной такого безобразія постройки было, въ прежнее время, желаніе скрыть отъ постороннихъ взоровъ свое имущество и семейную жизнь. Каждый татаринъ зналъ и имѣлъ случай убѣдиться, что если ханъ или кто-либо изъ его приближенныхъ увидитъ зажиточность обывателя и чистоту его помѣщенія, то, при общественныхъ раскладкахъ повинностей, на него будетъ наложена такая часть податей, что онъ, по необходимости, сравняется съ своими бѣдными и грязными сосѣдями. Если же случалось, что хану бросалось въ глаза, что у такого-то красивая жена или что она одѣвается нарядно, то онъ всѣми мѣрами старался добровольно или насильно отнять жену у мужа, дочь у отца или брата и перевести ее въ свой гаремъ, а когда это не удавалось, то мщеніе всѣми способами сыпалось на сопротивлявшагося.

Обороняясь всѣми средствами отъ такого рода невзгодъ, татаринъ сосредоточивалъ всю свою жизнь внутри двора, какъ въ мѣстѣ, скрытомъ отъ постороннихъ взоровъ. Каждый хозяинъ старался вымостить свой дворъ камнемъ и содержать его въ опрятности.

Въ срединѣ двора почти всегда устраивался *гоузъ* (бассейнъ) съ водометомъ. За дворомъ—садъ безъ аллей и безъ дорожекъ; вода вездѣ проведена канавами; все вниманіе хозяина обращено на доходъ и ничего рѣшительно не придумано для симметріи, комфорта и удобства гуляющихъ.

Входъ въ домъ устраивается въ срединѣ фасада; восемь или десять ступеней ведутъ въ прихожую, занимающую всю ширину дома и имѣющую обыкновенно двѣ двери направо, двѣ двери налево и одну дверь прямо, насупротивъ входа.

Первыя двери, направо и налево, вводятъ въ лучшія комнаты дома, отлично отштукатуренныя гипсомъ и украшенныя лѣпными и рѣзными узорами вокругъ окошекъ, дверей, нишъ и въ особенности вокругъ каминна; эти комнаты достойны любопытства даже утонченнаго европейца. Въ стѣнахъ комнаты оставлены два ряда нишъ, между которыми въ пныхъ домахъ нарисованы яркими красками на гипсѣ цвѣты, гирлянды, птицы и т. п.; но все искусство штукатурщика и живописца потопчется на отдѣлку карнизовъ.

Вторыя двери направо и налево ведутъ, съ одной стороны, въ кухню, съ другой—въ кладовую, которыя обѣ не отдѣланы и темны. Дверь, расположенная прямо противъ входа въ прихожую, ведетъ въ верхній этажъ, въ такъ называемую *балахану* или дѣтскую. Это родъ балкона или мезонина, расположеннаго надъ прихожею,

Въ парадныхъ комнатахъ вмѣсто наружной стѣны дома, обращенной на дворъ, устраивается огромное, съ разноцвѣтными стеклами, окно, раздѣленное на отдѣленія, которыя опускаются и поднимаются каждое особо и независимо другъ отъ друга. Окна эти весьма красивы лѣтомъ, но зимою, допуская во внутренность жилища холодъ, теряютъ свою прелесть для полузамерзшихъ его обитателей.

Главное украшеніе комнатъ составляютъ цѣлыя кппы подушекъ, одѣяль, множество мелкой посуды и ковры, которыми убираютъ полы, а иногда и стѣны.

Жилища талышинцевъ отличаются отъ обыкновенныхъ татарскихъ построекъ. Селенія ихъ разбросаны по лѣсамъ и тянутся обыкновенно на нѣсколько верстъ; каждое семейство имѣетъ одинъ или два дома, окруженные или низкими заборомъ, или вовсе безъ всякой ограды. Талышинцы любятъ жить въ лѣсу и не вырубаютъ его даже вокругъ своихъ жилищъ. Дома строятся изъ бревень, часто неровныхъ и кривыхъ, которыя на углахъ кладутся крестъ на крестъ, какъ въ русскихъ избахъ; снаружи и изнутри домъ обмазывается глиною и имѣетъ высокую камышевую крышу.

Внутренность домовъ характеризуется особаго устройства каминомъ, имѣющимъ видъ выдолбленной сахарной головы въ продольномъ разрѣзѣ; онъ расположенъ всегда у передней стѣны, недалеко отъ наружныхъ дверей. По немѣвнью трубы, дымъ, поднимаясь кверху и оконтивши потолокъ и верхнюю часть стѣнъ, выходитъ въ дверь, которая дѣлается очень высокою и, такъ же, какъ въ нашихъ курныхъ избахъ, остается растворенною во время топки.

„Окно,—пишетъ П. Ф. Рисуъ,—не есть необходимая принадлежность талышинскаго жилища; въ только нѣкоторыхъ домахъ дѣлается квадратное отверстіе между каминомъ и боковой стѣной у самаго пола; оно затво-

ряется деревяннымъ ставнемъ: употребленіе же стеколь совершенно неизвѣстно въ этомъ первобытномъ уголкѣ земли. Талышинскіе дома имѣютъ ту замѣчательную особенность, что вдоль стѣны, отъ двери до каминна, дѣлается обыкновенно глиняная, довольно узкая лавка для сидѣнія; кромѣ того, задняя часть комнаты, по крайней мѣрѣ, на поларшина выше передней; возвышеніе идетъ также по боковымъ стѣнамъ, съ одной стороны до двери, а съ другой—почти до каминна; полъ земляной, но это возвышеніе обкладывается толстыми бревнами; потолокъ же досчатый“.

На чистоту улицъ въ селеніи и даже въ городѣ туземцы не обращаютъ никакого вниманія; тамъ и сямъ наваленъ огромными кучами скотскій пометъ; прислонившись къ стѣнамъ домовъ или вышекъ, стоятъ огромныя арбяныя колеса, кошелки для муки, плетенки для самана. На площадкахъ, образующихъ у cadaго дома родъ балкона, валяется домашняя посуда, горшки съ масломъ, шерсть, разная мелочь, а на нѣкоторыхъ размѣщены и станки съ начатыми коврами.

У одного станка сидитъ женщина и работаетъ; другая размоченною глиною замазываетъ растрескавшійся полъ своего балкона или площадки. За обѣими ими слѣдятъ ревнивые, ничего не дѣлающіе мужья, которые, развалившись на солнцѣ въ толстой овчинной шубѣ, поглаживаютъ, зѣвая во весь ротъ, свою бороду или выпускаютъ клубы дыму изъ маленькой трубочки съ длиннымъ и тоненькимъ чубукомъ. Они погружены въ апатію и созерцательное состояніе. По деревнѣ снуютъ взадъ и впередъ телята, въ навозной кучѣ копаются куры, а тамъ, среди грязной лужи, полощатся утки или возятся оборванные запачканныя дѣти.

У мостиковъ, перекинутыхъ черезъ садовую канаву, или просто тамъ, гдѣ канава, вслѣдствіе частыхъ переѣздовъ черезъ нее въ арбахъ, разлилась и образовала родъ небольшого болота, торчатъ загрязненные рога тья головы буйволовъ, предающихся по-своему кейфу. Туземное населеніе такъ свыклось съ неопытною, что дворъ и улица безъ грязи, навоза и мусора, повидимому, производятъ на него непріятное впечатлѣніе.

Таковъ общій видъ татарской деревни.

Богатая и плодородная почва, жаркій климатъ и обиліе природы сдѣлали изъ татаръ всего Закавказья народъ крайне лѣнливый. Туземцы болѣе всего склонны къ торговлѣ, не требующей особенной дѣятельности, и часто татаринъ проводитъ всю свою жизнь въ струганіи палочки, въ совершеніи омовенія и намаза.

Весною у рѣдкаго татарина есть нища, чтобы накормить себя и семейство.

Зимой, сидя въ своей норѣ праздно, онъ все съѣлъ, кромѣ пары воловъ, да десятка овецъ. Парою тощихъ воловъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, тата-

ринъ взроеть крючкомъ какъ попало и гдѣ попало землю, бросить въ нее нѣсколько четверпковъ проса да чалтыка (сарачинскаго пшена), и тѣмъ заканчиваетъ свои полевые работы, которыя, при всемъ томъ, хорошо окупаютъ его трудъ.

Кочующіе татары, называемые *таракияма*, по образу жизни, не претерпѣваютъ ни жестокости холода, ни несносныхъ жаровъ, потому что, перемѣняя мѣсто часто и по произволу, они отыскиваютъ и хорошо знаютъ мѣста съ одинаковою температурою. Для этого, съ наступленіемъ жаровъ, они отправляются въ горы, на возвышенныя мѣста, а въ холодъ спускаются въ долины, находя тамъ новую траву и тучныя пастбища. Такой образъ жизни весьма пригоденъ татарину: удовлетворяя прежде всего своей лѣнни, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ всякаго труда, можетъ содержать значительныя стада рогатаго скота, составляющаго источникъ его средствъ, жизни и богатства.

Съ наступленіемъ осени, въ ноябрѣ и до начала весны въ концѣ марта или началѣ апрѣля, кочевой татаринъ сидитъ въ *кишлагахъ* — зимнихъ помѣщеніяхъ, одинаково ничего не дѣлая, предаваясь азіатской лѣнни, и ожидаетъ, когда настанетъ время его скитаній. Съ наступленіемъ весны, когда на возвышенныхъ мѣстахъ покажется трава, что бываетъ обыкновенно въ апрѣлѣ, а въ долинѣ жара сдѣлается чувствительною, кочевники, вмѣстѣ со своими стадами, медленно поднимаются вверхъ, такъ что только въ началѣ мая достигаютъ до *яздаговъ* или весеннихъ пастбищныхъ мѣстъ.

Въ небольшомъ лѣсу располагаютъ они свои кочевки. Подъ тѣнью развѣстистыхъ деревьевъ стоитъ нѣсколько раскинутыхъ кибитокъ; татары и татарки занимаютъ каждый своимъ дѣломъ: женщины работаютъ, мужчины, безопасно развалившись на сухихъ листьяхъ или на зеленой травѣ, покуриваютъ трубки; полунагія ребятишки, обонхъ половъ и разныхъ возрастовъ, играютъ и бѣгаютъ среди кустовъ, по зеленымъ лужайкамъ; тамъ и сямъ по кустамъ и камышамъ бродитъ распущенная скотина; собаки съ лаемъ бросаются на прохожаго; татары крикомъ и швырками разгоняютъ ихъ... Такая жизнь привольна, безопасна и заманчива.

Здѣсь кочевникъ проводитъ весь май мѣсяцъ, и затѣмъ, когда кормъ для скота изсякнетъ, онъ, подымаясь еще выше въ горы, достигаетъ до *эйлаговъ* — лѣтнихъ мѣстъ кочевки. Оставаясь тамъ до сентября, онъ съ половины этого мѣсяца начинаетъ точно такимъ же образомъ спускаться и только въ ноябрѣ приходитъ опять въ свои *кишлаги*.

Переселеніе кочующихъ, кажущееся съ перваго взгляда безпорядочнымъ, какъ видно, подчинено строгой системѣ и находится въ прямой зависимости отъ подножнаго корма, обезпечивающаго содержаніе скота. Сознвая, что

послѣдній составляетъ его единственный источникъ богатства, каждый изъ кочевыхъ татаръ особенно заботится о сохраненіи своего стада. Онъ не требуетъ для себя никакихъ выгодъ, никакихъ удобствъ и готовъ жертвовать ими, лишь бы только стадо его было въ довольствѣ. Эта забота о послѣднемъ подала поводъ самимъ туземцамъ называть своихъ кочующихъ собратій *коино-нужеръ*—слуги барановъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаетъ татаринъ назначенія дня, когда можно подняться на кочевку. Назначеніе такого дня зависитъ отъ рѣшенія совѣта старшинъ. За недѣлю или за нѣсколько дней кочевники отправляютъ въ назначенное мѣсто свой скотъ, оставляя въ кншлагахъ только нѣсколько лошадей, воловъ и ословъ. Наконецъ, въ назначенный и радостный для татарина день всѣ снимаютъ свои алачуги, связываютъ жерди и укладываютъ весь домъ на одного быка, а имущество на другого. Мужчины идутъ пѣшкомъ, а женщины и дѣти ѣдутъ верхомъ, на быкахъ, на буйволахъ, на ослахъ и лошадяхъ; въ перекидныхъ корзинахъ разсаживаются маленькія дѣти. Часто случается, что вмѣстѣ съ ними слѣдуютъ и многочисленныя стада барановъ, рогатаго скота, лошадей. Крикъ, шумъ, пестрота одеждъ, разнообразіе положеній—все это дышетъ какою-то дикостью, но чрезвычайно интересно. Съ приходомъ на мѣсто, дома ихъ устраиваются въ полчаса: все получаетъ прежній порядокъ и тотъ же самый видъ. Лачуги бѣдныхъ и богатыхъ не имѣютъ отличія; разница бываетъ иногда въ томъ, что лачуга богатого обширнѣе, наполнена лучшими подушками, устлана коврами.

Кочуя, татаринъ не имѣетъ никакого уваженія къ чужой собственности: онъ воруетъ, грабитъ и топчетъ посѣвы осѣдлыхъ жителей, травитъ ихъ сѣнокосы и, такимъ образомъ, живетъ на чужой счетъ. Днемъ и ночью снуютъ по разнымъ направленіямъ татары-кочевники по пастбищамъ, не раздѣленнымъ между обществами, а часто и по землѣ, принадлежащей осѣдлымъ жителямъ. Запасшись лѣтомъ во время кочевки, чужимъ добромъ, татаринъ возвращается осенью въ свое зимнее логовище и проводитъ зиму точно такъ же, какъ проводилъ предыдущую.

Татары, знатные и простые, богатые и бѣдные, одинаково сохранили азіатскій бытъ, въ которомъ удовольствія гарема смѣняются тѣмъ состояніемъ полнѣйшаго покоя, о которомъ европеецъ не можетъ составить себѣ яснаго понятія. Фигура татарина, просиживающаго по цѣлымъ днямъ съ кальяномъ въ рукахъ, съ поджатыми ногами, съ неопредѣленно устремленнымъ взглядомъ, съ выраженіемъ апатіи на лицѣ, есть одна изъ наиболѣе знакомыхъ всякому жителю...

Относительно своихъ единоплеменниковъ и русскихъ начальниковъ татары весьма гостепріимны; для всѣхъ же остальныхъ лицъ, говоритъ одинъ

изъ путешественниковъ, у нихъ существуетъ прекрасное правило—*не рѣзаться дома*. Съ прїѣздомъ гостя, татаринъ встрѣчаетъ его очень привѣтливыми словами.

— Добро пожаловать, — говоритъ онъ: — милости просимъ, мою душу, дѣтей и все имѣніе дарю вамъ.

Говоря это, онъ вполне убѣжденъ, что вы не воспользуетесь его предложениемъ, но если почему либо вамъ необходимъ прїютъ въ татарской саклѣ, онъ не откажетъ въ немъ, угоститъ, но за порогомъ своей сакли не сочтетъ грѣхомъ ограбить и даже убить.

Принимая гостя, хозяинъ сажаетъ его близъ камина, по правую сторону входа. Однимъ изъ первыхъ угощеній подаютъ трубку, а иногда и кальянъ, который и обходитъ по очереди всѣхъ присутствующихъ; затѣмъ слѣдуетъ насыщеніе желудковъ.

Какъ всѣ вообще жители жаркихъ странъ, татары ѣдятъ мало и хлѣба почти вовсе не употребляютъ въ пищу. Последняя состоитъ преимущественно изъ зелени, молока, сыра, плодовъ и особенно любимого всеми—плова.

Изъ мяса они готовятъ *кебабъ* или шашлыкъ—баранина, жареная на вертелѣ. При пловѣ у богатыхъ подаютъ вареные въ меду корни и мелкіе фрукты. Хлѣбъ пекутъ только изъ пшеничной муки и въ видѣ тонкихъ лепешекъ. Бульонъ никогда не употребляется въ пищу, и онъ дѣйствуетъ на татарскій желудокъ какъ отравя. Отъ супа его рветъ, слабитъ, дѣлаются колики въ желудкѣ, головокруженіе, однимъ словомъ, чуть-чуть не всѣ болѣзни открываются у него въ организмѣ.

Туземцы употребляютъ пищу по два, а иногда по три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ, когда начинается смеркаться. Кушанья подаются всѣ вдругъ, на большихъ жестяныхъ подносахъ, на которыхъ помѣщаются одновременно огурцы, яйца съ разными травами, чашки съ молокомъ въ разныхъ видахъ: кислымъ, со снятыми сливочными пѣнками, съ сахаромъ и т. п. Угощеніе происходитъ на полу; каждый беретъ съ подноса руками то, что ему нравится. Для питья употребляютъ воду, а въ жаркое время *айракъ*—кислое молоко, разведенное водою; зажиточные же пьютъ шербетъ и лимонадъ. Послѣ ѣды обыкновенно курятъ кальянъ или трубку, причѣмъ первый подносится прежде всего почетному гостю.

Наибольшимъ гостепрїимствомъ отличаются татары, поселившіеся близости дагестанскихъ горцевъ. Такъ, кубанскіе татары отличаются своею предупредительностью, въ особенности, если гость принадлежитъ къ числу начальниковъ или почетныхъ и вліятельныхъ лицъ. Съ прїѣздомъ такого гостя, хозяинъ, даже если бы онъ былъ старшина селенія, предлагаетъ ему снятъ сапоги, въ знакъ особаго уваженія. Несмотря на отказъ прїѣзжаго, онъ неотступно надѣдаетъ свою излишнюю вѣжливостью и, ставъ на ко-

лѣни, снимаетъ обувь. Потомъ становится въ почтительномъ отдаленіи, сложа на крестъ руки и опустивъ ихъ на рукоять кинжала. На просьбу сѣсть, онъ безмолвно отвѣситъ поклонъ, не забывая приличія, опустится тутъ же на коверъ, но не сидитъ, а скорѣе стоитъ, передъ посѣтителемъ на колѣняхъ.

Гостепріимство татаръ есть слѣдствіе празднои жизни, жажды къ новостямъ, рассказамъ, хотя бы и вымышленнымъ. Не зная, какъ убить время, татары часто посѣщаютъ другъ друга и толпами стекаются отовсюду на всякаго рода увеселенія и зрѣлища.

Конская скачка, джигитовка и пляски составляютъ любимѣйшее занятіе народа.

Въ дни праздниковъ, богатыхъ свадебъ туземцы выѣзжаютъ попарно на лучшихъ коняхъ на ближайшій лугъ или на площадь и тутъ развертываютъ всю свою молодецкую удаль. При звукахъ азіатской музыки, они мчатся вскачь, ловко бросая въ противника *джиридъ* (небольшая палка), и каждый удачный ударъ вызываетъ одобреніе толпы. Ловкость татаръ доходитъ иногда до невѣроятія. Часто на всемъ скаку наѣздникъ, держа въ зубахъ кинжалъ, заряжаетъ ружье, ловко и быстро вертитъ его надъ головою, и едва произведенъ выстрѣлъ, какъ ружье уже за плечами, а въ рукахъ наѣздника блеститъ кривое лезвее персидской сабли. На всемъ скаку наѣздникъ подымаетъ шапки, джириды и даже самыя мелкія монеты.

Татаринъ выше, чѣмъ средняго роста, имѣетъ преимущественно смуглое и продолговатое лицо и темные глаза; онъ хорошо сложенъ и, несмотря на классическую лѣнь, во всѣхъ его движеніяхъ проглядываетъ живость, ловкость и сила.

Въ характерѣ туземца нѣтъ ничего постояннаго и опредѣленнаго.

Татары вообще словоохотливы, ловки въ обращеніи, пронирыливы, льстивы и, по наружности, всегда преданные друзья, несмотря на недавнее знакомство. При врожденной словоохотливости, все населеніе татаръ говоритъ медленно, и лицо ихъ имѣетъ видъ задумчивости, ясно свидѣтельствующей о свойственной имъ скрытности. Если туземецъ говоритъ, то всегда соображается съ обстоятельствами, мѣстомъ и тѣми лицами, съ которыми онъ ведетъ разговоръ; онъ говоритъ такъ, какъ будто не имѣетъ собственной воли въ сужденіяхъ даже о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, не имѣетъ желаній и старается не обнаруживать своихъ даже и самыхъ сильныхъ движеній души. Татары ловко скрываютъ истину, имѣютъ особую способность говорить много и не высказывать ничего, особенно если этого требуетъ расчетъ и собственная выгода говорящаго. Сохраняя до нѣкоторой степени гордость, татаринъ, въ случаѣ нужды, искателенъ и низокъ

передъ высшими, но, при малѣйшемъ возвышеніи, становится гордымъ и надмѣннымъ съ равнымъ себѣ. Почти всѣ они принадлежатъ къ числу такихъ людей, которые прежде всего соображаютъ свои поступки и поведеніе съ характеромъ и взглядомъ тѣхъ лицъ, которыя стоятъ во главѣ управленія ими, и при строгомъ начальникѣ татаринъ далеко не позволитъ себѣ того, что позволитъ при слабомъ, нерѣшительномъ или непостоянномъ. Татаринъ хитеръ, но не тонокъ, склоненъ къ обманамъ и интригамъ. Онъ храбръ, когда находится въ сообществѣ другихъ, но въ одиночку, къ сожалѣнію, часто свою храбрость замѣняетъ хитростью, вѣроломствомъ и незнаніемъ законовъ чести. Корыстолюбіе побуждаетъ ихъ къ предосудительнымъ дѣламъ всякаго рода. Татаринъ можетъ быть трудолюбивъ и дѣятеленъ, но онъ всегда предпочтетъ такой промыселъ, который доставитъ ему скорѣйшее обогащеніе безъ усиленныхъ трудовъ, хотя бы для этого потребовались и предосудительные поступки. Имѣя пристрастіе къ грабежу, онъ готовъ для того перенести всевозможныя лишеныя. Будучи въ обыкновенное время страшно лѣнивъ, онъ въ то же время неутомимъ въ бродяжничествѣ и кочевкѣ.

Кочующіе народы, будучи вспыльчиваго характера, готовы на смертоубійство, лживы, легкомысленны, невоздержны въ пищѣ и напиткахъ и весьма склонны къ воровству, грабежамъ и разбоямъ.

Чуть ли не съ колыбели и со дня рожденія, молодой татаринъ всасывается съ молокомъ матери всю язву разврата и затѣмъ воспитывается въ однихъ правилахъ безчестія.

Есть кочевыя общества, пишетъ Прушановскій, между коими умирающій дома на постели не отъ насильственной смерти, вмѣсто того, чтобы видѣть въ окружающихъ состраданіе къ себѣ, слышитъ одни упреки, что онъ осрамилъ родъ свой, умирая не отъ кнжала и пули, что для него нѣтъ рая въ будущей жизни, и мулла неохотно пойдетъ на его могилу. Напротивъ, трупъ павшаго на разбоѣ и грабительствѣ сопровождается рыданіями родственниковъ, друзей и цѣлаго общества.

Для юноши, который пріобрѣтаетъ насущный хлѣбъ и самое состояніе трудолюбіемъ, а не воровствомъ и разбоемъ, преграждается даже путь къ любви красавицы.

Похитить дѣвушку и, при сопротивленіи этому, убить брата и даже родителей ея, а потомъ жениться на похищенной—составляло еще не такъ гавно похвальное молодечество. Преступникъ тщеславился такимъ поступкомъ и становился предметомъ удивленія и зависти для всего юношества.

Татаринъ, какъ на кочевкѣ, такъ и у себя дома, проводитъ все почти время въ бездѣйствіи и занимается только тѣмъ, что украдетъ у сосѣда лошадь или уведетъ быка. Укрывательство вора и клятвопреступленіе среди

татаръ развито въ высшей степени. Сами татары хорошо сознаютъ это, и, терпя отъ сильнаго, многіе отъ души желали бы искорененія этого зла.

— У насъ нѣтъ,—говорятъ сами туземцы,—ни простого татарина, ни агалара, ни даже хаджіа, который бы самъ не воровалъ или не держалъ партіи воровъ изъ сосѣднихъ деревень или уѣздовъ. Чтобы производить слѣдствія по всѣмъ воровствамъ, надо одну половину уѣзда сдѣлать судьями для того, чтобы судить другую половину; затѣмъ, по окончаніи подобнаго суда, я уже не знаю, кто будетъ судить самихъ судей, которые ничѣмъ не лучше тѣхъ, которыхъ они осудили.

Татаринъ признаетъ присягу передъ кораномъ непремѣнно съ омовеніемъ; съ жертвами, и тогда онъ не станетъ думать одно, а говорить другое. Присягу же по нашимъ законамъ они ставятъ ни во что, считая ее не клятвою, а простымъ свидѣтельствомъ передъ русскими чиновниками.

Татары весьма большіе охотники до всякаго рода тяжёбныхъ и кляузныхъ дѣлъ. Рѣдкій, изъ жителей, въ особенности горожанъ, изъ какого бы сословія онъ ни былъ, не имѣетъ нѣсколькихъ дѣлъ въ судѣ или не состоитъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтелемъ или ходатаемъ по какому-нибудь дѣлу. Даже и въ настоящее время изъ дружбы, родства, вражды, а изъ бѣднаго класса весьма часто за рубль и дешевле, рѣдкій татаринъ не явится заочнымъ свидѣтелемъ происшествія, о которомъ онъ часто мелькомъ только слышалъ на базарѣ, и не приметъ ложной присяги въ судѣ. Случалось, что присягали въ несуществовавшемъ фактѣ цѣлыя деревни, а при разборѣ пустого дѣла въ здѣшнемъ мировомъ судѣ, по легкости пріобрѣтенія свидѣтелей, каждая сторона запасается, по возможности, большимъ количествомъ, и при разборѣ дѣлъ въ судѣ нерѣдко приходится допрашивать по 60 и болѣе свидѣтелей.

Вообще въ характерѣ татаръ встрѣчается странное сочетаніе хорошихъ и дурныхъ началъ. У нихъ нѣтъ той строгости, которая бы дѣлала ихъ разборчивыми въ выборѣ средствъ для достиженія предположенной цѣли; любовь къ корысти руководитъ поступками, и часто они готовы рассыпаться въ увѣреніи въ преданности и вредить тайно. Татаринъ кровожаденъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удивительно покоренъ начальству, уважаетъ строгость и тщательно скрываетъ преступника. Склонные къ пронкамъ и интригамъ, они лести считаютъ должною учтивостью, а хитрость и умѣнье обмануть—умомъ; покорные и раболѣпные въ необходимости—они мстительны; лицемерные и скрытные—они втайнѣ способны питать ненависть и злобу.

Столь мрачная характеристика татаръ явилась и можетъ быть нѣсколько оправдана слѣдствіемъ того гнета, которому они подвергались отъ разнаго рода правителей. Дурные пороки туземца есть стѣдствіе об-

стоятельство его жизни; они навязаны ему постороннимъ вліяніемъ. Сами татары сознають свою настоящую испорченность и готовы перейти къ лучшему. Въ народѣ очень много хорошихъ началь, которыя заглушались вѣтками.

„Хорошее въ характерѣ татаръ, — пишетъ г. И. Ш., — имѣть перевѣсъ надъ дурнымъ, и полагать должно, что они очень близки были бы слиться съ русскими, если бы посредничество между двумя народами, чувствующими симпатію одинъ къ другому, не приняла на себя армяне, которые извлекають изъ этой роли важныя выгоды, получая, съ одной стороны, деньги за мнимое покровительство, а съ другой — награды и почести; убытка же они ни въ какомъ случаѣ имѣть не могутъ, такъ какъ въ распряхъ кровь льется не армянская, а между тѣмъ нужны поставки хлѣба, лазутчики и т. п. Врожденная привязанность русскихъ къ татарамъ обнаруживается и въ томъ, что, по прибытіи въ мусульманскія провинціи, мы очень скоро изучаемъ звучный ихъ языкъ, между тѣмъ, какъ армяне, поставленные ближе по вѣрѣ, не могутъ научить насъ двумъ словамъ ихъ неудобопроизносимаго языка, но служатъ болѣе факторами“.

Тамъ, гдѣ не было этого факторства, гдѣ татаринъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ разнымъ изворотамъ, обману, лжи, гдѣ трудъ его и собственность были болѣе обезпечены и не зависѣли отъ большого произвола, и, наконецъ, тамъ, гдѣ онъ не скитался, не кочевалъ, а имѣя недвижимую собственность, велъ жизнь осѣдлую, — тамъ и характеръ его, имѣющій хорошія нравственныя начала, развивался въ совершенно обратную сторону. Въ подтвержденіе послѣдняго можно указать на шекинцевъ, и въ особенности на ихъ простой народъ. Они тихи, трудолюбивы и храбры: чуждаются воровства и вообще далеко не склонны къ обдуманымъ и умысленнымъ преступленіямъ. Будучи весьма покорны приказаніямъ начальства, они, даже въ случаѣ воровства, явно производимаго лезгинами, не рѣшались на самоуправство. Что же касается до талышцевъ, то они очень смирнаго нрава, далеко не храбры, гостепримны, безкорыстны и склонны къ лѣности.

Татарки живы, но осторожны, охотницы поговорить, любятъ веселье и наряды. По характеру и „въ фізіологическомъ отношеніи ихъ можно сравнить съ поляками“. Въ отсутствіе мужчинъ онѣ снимають съ себя покрывала и ходять въ самомъ легкомъ костюмѣ.

При постороннихъ мужчинахъ, женщина обязана ходить постоянно подъ покрываломъ, и если она, въ присутствіи одного или нѣсколькихъ мужчинъ, раскроетъ свое лицо, то слѣдствіемъ этого бываетъ непремѣнный разводъ съ мужемъ. Нѣкоторыя изъ женъ пользуются этимъ, чтобы развязаться съ нелюбимымъ человекомъ, который, по обычаю, считаетъ не-

возможнымъ жить съ подобною безстыдною женщиною. Тѣ же, которыя не желаютъ подобныхъ послѣдствій, все-таки, по врожденной своей натурѣ, не прочь отъ того, чтобы пококотничать. Замѣтивъ, что послѣднее можно дозволить себѣ сдѣлать безопасно, женщина, какъ будто нечаянно, оступится, опуститъ край покрывала и, какъ бы невзначай, покажетъ свои огненные глаза, розовыя щечки, алый ротъ, черныя локоны и пухлую ручку. Женщина—вездѣ женщина, и между азіатскими племенами кокетливыя движенія ихъ дѣлаются такъ же граціозно, мило, ловко, обдуманно, проворно и натурально, какъ и нашими барынями.

Одежда татарокъ состоитъ изъ широкихъ шальваръ, называемыхъ *ту-манами* и теряющихся вверху подъ разрѣзнымъ коротенькимъ архалукомъ, сквозь прорѣзы котораго, служащія вмѣсто рукавовъ, проходятъ рукава рубашки. Подъ архалуками нѣкоторыя носятъ родъ нашихъ корсетовъ. На головѣ небрежно повязанъ платокъ въ видѣ чалмы, съ оставленными позади длинными концами, а на шеѣ—ожерелье изъ бусъ или нанизанныхъ монетъ. Вмѣсто чулокъ, татарки носятъ узорчатые шерстяные носки, и почти всегда самыхъ яркихъ цвѣтовъ.

Татары одѣваются вообще весьма неопрятно, почти никогда не мѣняютъ бѣлья, отговариваясь тѣмъ, что его некому мыть, и говорятъ, что лучше надѣть новое, чѣмъ мыть старое. Вообще они нечистоплотны и грязны: у рѣдкаго жителя двѣ перемѣны бѣлья, а больше по одной рубашкѣ, да и та дырявая, пропитанная потомъ и саломъ. Оттого и запахъ отъ нихъ бываетъ весьма характеристиченъ, какъ отъ овецъ или другихъ животныхъ. Несмотря, однако же, на то, что одежда женщинъ часто состоитъ изъ лохмотьевъ, но чрезвычайно оригинальна, а лица ихъ, несмотря на всклокоченныя и нечесанныя волосы, красивы и замѣчательны по строгой правильности овала, тонкости и художественности чертъ. Смуглый цвѣтъ лица, окрашенный полуденнымъ жгучимъ солнцемъ, оживляется черными какъ уголь глазами.

Татаринъ одѣвается въ черную шерстяную чуху съ золотыми галуями и длинными рукавами, разрѣзанными сзади отъ плеча до кисти рукъ. Эти рукава обыкновенно впяты, но въ дурную погоду и холодъ ихъ плотно застегиваютъ отъ кисти руки и почти до локтя. Подъ чуху надѣвается черный шелковый архалукъ, изъ подъ котораго виднѣется красная канавосовая сорочка съ золотыми шнурками. Несмотря на стужу, грудь туземца всегда раскрыта, шея голая, подпоясанъ онъ красивымъ серебрянымъ поясомъ или шерстянымъ персидскимъ кушакомъ, на которомъ впяты длинный дагестанскій кинжалъ; широкія зеленыя шаровары его или подняты выше колѣнъ, или обтянуты ниже ихъ черными бинтами, называемыми *толагъ-алты*. Пестрые персидскіе чулки его прикрываютъ ступни ногъ, а кожа-

ные зеленые коши, съ загнутыми кверху носками, довершаютъ обувь. На сельскихъ работахъ или въ дурную погоду мужчины обертываютъ ноги толстыми тканями и надѣваютъ башмаки безъ каблукъ. При верховой ѣздѣ употребляются длинные сапоги, съ острыми, загнутыми вверхъ концами.

Высокая мѣховая папахъ изъ бараньей шкуры, нѣсколько загнутая назадъ, составляетъ головной уборъ. Имѣя видъ усѣченного конуса, папахъ у бѣдныхъ бываетъ или бѣлой или рыжей, а у богатыхъ—черной.

Впрочемъ, въ лѣтнее время и богатые, въ защиту отъ солнечныхъ лучей, носятъ также бѣлыя папахи, которыхъ туземцы никогда не снимаютъ *). На плечахъ зимою татаринъ носитъ въ накидку нагольный, дубленый тулупъ темно-шафраннаго цвѣта, съ узкими и предлинными рукавами.

Въ прежнее время татары были отличными наѣздниками; все дышало въ нихъ воинственнымъ духомъ. Отправляясь за нѣсколько верстъ, они были всегда отлично вооружены: ружье повѣшено черезъ плечо, за поясомъ сзади заткнутъ пистолеть, а спереди кинжалъ, съ боку—шайка. Татары и до сихъ поръ страстно любятъ хорошее оружіе, но оно, какъ и богатство въ конской сбруѣ, встрѣчается рѣдко.

Татаринъ, когда только сытъ, предается лѣни и по цѣлымъ днямъ лежитъ гдѣ-нибудь подъ тѣнью дерева, погружившись въ блаженство кейфа. До хозяйственныхъ работъ ему нѣтъ дѣла—это забота женъ или жены, на которую возложенъ весь трудъ. Жена у татарина—мать семьи, хозяйка, работница и раба мужа. Сохрани Богъ, если она понимаетъ не буквально значеніе этихъ словъ: удары плети, сыплющіяся съ избыткомъ на ея спину, скоро убѣждаютъ ее въ истинномъ значеніи этихъ словъ. Она дѣлается тогда безсловеснымъ животнымъ, надъ которымъ мужъ вполне тѣшитъ, а подѣ-часъ, если благовѣрный супругъ слишкомъ вышелъ изъ терпѣнія, то считаетъ не лишнимъ, сверхъ побоевъ и отвратительныхъ грубыхъ ругательствъ, кольнуть свою жену остриемъ кинжала на вѣчную память своего негодованія.

Относительно своихъ чувствъ, татаринъ не обязанъ давать отчета своей женѣ: онъ знаетъ, что она—его собственность, его рабыня, и потому дѣлиться съ нею чувствами считаетъ совершенно лишнимъ. Чувство любви мало извѣстно татарину.

— Ласкай женщинъ, —говоритъ татарская—мудрость, но не люби ихъ, если не хочешь изъ властелина сдѣлаться рабомъ. Любовь сладка только

*) Нѣкоторые изъ талышпидцевъ, напротивъ того, часто ходятъ постоянно безъ шапки, хотя все бреютъ голову.

въ пѣсняхъ, на дѣлѣ же начало ея—страхъ, середина—грѣхъ, а конецъ—раскаяніе. Не заглядывайся на чужихъ женъ и не слушай свою собственную.

Что такое жена въ понятіи татарина?—женщина... слѣдовательно, въ ней нѣтъ ни души, ни сердца, она создана для того только, чтобы быть терпѣливымъ животнымъ. Жена не смѣетъ высказывать чувства ревности—это дѣло мужа, но спаси ее Аллахъ, если послѣдній замѣтитъ что-нибудь и станетъ подозрѣвать жену въ невѣрности. Тогда расправа бываетъ коротка: кинжалъ наказываетъ преступницу. Женщина, какого бы возраста или сословія ни была, не имѣетъ права говорить съ мужчиной. Мужчина-соблазнитель подвергается кровавой мести, которая только одна можетъ снять пятно безчестія съ оскорбленнаго мужа. Никакой законъ, никакая сила, никакія угрозы не могутъ заглушить голоса мести въ обезчещенномъ татаринѣ. Пока преступленіе не отомщено, до тѣхъ поръ татаринъ-мужъ не можетъ говорить съ открытымъ челомъ ни съ какимъ мужчиной.

Бѣдные рѣдко имѣютъ болѣе одной жены; но едва татаринъ начинаетъ богатѣть, едва стада его увеличиваются, обороты дѣлаются обширнѣе, какъ часто мужъ получаетъ намекъ отъ жены о необходимости взять другую. Это понятно потому, что у нихъ нѣтъ обыкновенія нанимать прислугу. Вторая жена дѣлается вѣрною работницею, отъ которой, впрочемъ, мужъ прячетъ ключи, запирающіе деньги и лакомства. Многіе, однако же, считаютъ многоженство дѣломъ безумнымъ потому, что въ домѣ почти не бываетъ спокойствія: безпрестанныя сплетни, споры, драка требуютъ разбирательства мужа. Часто послѣдній предпринимаетъ путешествіе въ Мекку, чтобы только отдохнуть отъ прекрасныхъ подругъ его жизни.

Уваженіе къ старшимъ составляетъ основу семейнаго быта татаръ. Старшій въ семействѣ пользуется большимъ уваженіемъ отъ всѣхъ прочихъ членовъ. Въ случаѣ смерти отца, старшій сынъ заступаетъ его мѣсто, и сколько бы ни было братьевъ, они большею частью живутъ нераздѣльно въ одномъ семействѣ признавая старшаго своимъ главою. Женщины никогда не показываются постороннимъ мужчинамъ и даже закрываютъ часто свое лицо отъ живущихъ въ одномъ домѣ родственниковъ мужескаго пола. Занимаемыя женщинами комнаты недоступны для посторонняго глаза.

Угнетеніе женщины, затворническая жизнь и крайне деспотическое обращеніе съ нею мужчины, очень естественно, породило въ первой желаніе выйти изъ столь стѣснительнаго состоянія и приобрести себѣ права въ обществѣ и семействѣ. Злоупотребленіе мужей, праздная гаремная жизнь были двигателями къ тому, что женщина стремилась сравнять свои права съ мужчинами. По складу взаимныхъ отношеній мусульманскаго семейства, женщина должна была прежде всего считать своими личными врагами всю

родню мужа, съ которою она, съ давнихъ поръ, ведетъ вражду самую упорную и неутомимую; невѣстка непременно сдѣлаетъ противное тому, что желаетъ и говорить свекровь.

Дѣйствуя скрытно и въ виду оппозиціи мужчинамъ, явились женщины-законодательницы, которыя, стараясь улучшить свое положеніе, составили свои собственныя правила и назвали ихъ *женскимъ кораномъ*, который сталъ скоро извѣстенъ всѣмъ послѣдовательницамъ шіитской секты—если не весь, то все-таки каждая изъ женщинъ знаетъ многія мѣста его. Понятно, что женскій коранъ долженъ быть совершенно противенъ законамъ Магомета, какъ главнаго виновника униженія женщины и того рабскаго положенія, въ которомъ она находится до настоящаго времени въ мусульманскомъ мірѣ. Съ другой стороны, подобный коранъ долженъ быть далеко не по вкусу мужчинѣ, и дѣйствительно, по словамъ издателя корана, мужья съ ужасомъ узнали „цѣлый міръ адскихъ коварствъ и самыхъ демоническихкихъ происковъ нашихъ дражайшихъ половинокъ — *этого гнуснаго отродья!*“ ...

Женщины-законодательницы пустили въ ходъ тѣ невидимыя силы, которыя составляютъ ихъ особенность и противъ которыхъ мужчина, при всемъ его умственномъ и физическомъ превосходствѣ, почти не въ состояніи бороться.

Женскій коранъ отвергаетъ омовеніе нерѣдко въ теченіе трехъ дней для тѣхъ изъ женщинъ, которыя только что нарумянились и выкрасили себѣ брови и рѣсницы. Женщина, главное назначеніе которой нравиться мужчинамъ, не соблюдая этого правила, должна считаться незаконницей. Омовенія не слѣдуетъ дѣлать, если мужъ, отправившись надолго изъ дому, не оставилъ женѣ денегъ на баню, и когда общалъ женѣ подарокъ, то до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ своего обѣщанія.

Женщина можетъ не совершать намаза, т.-е. не молиться, когда услышитъ музыку, въ день обрученія кого-нибудь изъ знакомыхъ, когда мужъ возвращается изъ путешествія, если есть гости, когда женщина одѣта въ платье, убранный галунами, и проч.

Въ коранѣ мусульманокъ установлены свои особые посты, которые составляютъ смѣсь настоящей религіи съ законами древнихъ временъ. Женщины соблюдаютъ *постъ двѣи солнца*. Пропостившись цѣлое утро 17 числа реджаба мѣсяца, онѣ должны, по своему корану, разговѣться сахаромъ съ нѣсколькими зернышками риса, купленнаго на деньги, добытыя непременно милостынею. Во время *поста али* не ѣдятъ до самаго вечера, и потомъ, доставъ воды изъ разныхъ источниковъ, перемѣшавъ ее и выпивъ, постившаяся дѣлаетъ намазъ двумя колѣнопреклоненіями и затѣмъ разговляется.

Самый трудный постъ для женщины есть *постъ молчанія*. Отъ восхода и до заката солнца она не должна говорить, а въ часъ разговѣнья взять деревянную ложку и идти просить милостыню. Постучавъ семь разъ въ двери первыхъ встрѣчныхъ домовъ, она проситъ подаванія и на собранныя деньги покупаетъ молоко, рисъ и финики для начинки пирога, котормъ и обязана разговѣться.

Если у мужа одна жена, то, конечно, онъ болѣе ласкаетъ и тѣшитъ ее подарками, и тогда женскій коранъ, считая такого мужа достойнымъ, предписываетъ женѣ платить ему вѣрностью и любовью. Мужъ, разоряющійся для своей жены, по словамъ женщины, угождаетъ Богу и будетъ наслаждаться вѣчнымъ счастьемъ на томъ свѣтѣ въ раю. Мужъ не можетъ или, по крайней мѣрѣ, не долженъ запрещать женѣ посѣщать четыре мѣста: бани, представленія во время мухаррека, ея родныхъ и гулянья. Если же онъ запрещаетъ это, то жена въ правѣ послушаться его.

Съ нелюбимымъ мужемъ слѣдуетъ развестись, а для этого коранъ совѣтуетъ обходиться грубо съ дѣтьми, бить чаще служанокъ, ломать мебель, а если и при этомъ не достигнешь цѣли, то, говоритъ онъ, „прокляни и заколдуй тирана“.

Женщина должна тщательно закрываться и бѣжать, какъ чумы, отъ всѣхъ мужчинъ, украшенныхъ чалмами, мултъ, учителей, однимъ словомъ, отъ всѣхъ тѣхъ, отъ кого отзывается мечетью и школою. Но ежели, учить женскій коранъ, у отца есть молодой прекрасный сынъ, вы можете оказать особое вниманіе къ отцу, поднявъ передъ нимъ конецъ вашего покрывала и показавъ ему хоть одинъ вашъ глазъ. „Не закрывайтесь передъ красивымъ юношей, пока онъ еще безъ бороды; не закрывайтесь передъ молодымъ мужемъ, передъ жидомъ, а въ особенности передъ музыкантомъ. Ежели хотите, можете также не закрываться передъ цирюльниками, передъ сторожами бань, передъ фиглярами, передъ лавочниками и, наконецъ, передъ золотыхъ дѣлъ мастерами—это въ вашей волѣ“...

Вообще бани и музыканты пользуются особою благосклонностью женщины. Въ банѣ мусульманки предаются полному веселью, кейфу и слушанію музыки; музыканты приглашаются въ гаремы, и женщины передъ ними не закрываютъ своихъ лицъ.

По своему характеру, мусульманка чрезвычайно добра, попечительна о бѣдныхъ, гостепрѣимна и, какъ видно изъ только что приведеннаго, охотница пококетничать. При посѣщеніи мужа молодымъ и красивымъ женщиною, жена изъ-за двери старается сказать ему нѣсколько ласковыхъ словъ и даже взглянуть на него привѣтливо. Хотя всѣ эти ухищренія, употребляемыя женщинами противъ мужчинъ, и не составляютъ исключительной принадлежности татарокъ, но они извѣстны и общи имъ, какъ и всякой

мусульманской женщины. Про женщину же татарку можно сказать только то, что если онѣ не поступаютъ совершенно противоположно, то, во всякомъ случаѣ, не придерживаются во всей строгости закону пророка, въ которомъ сказано: „И повѣдай правовѣрнымъ женамъ, да потупляютъ очи свои и да хранятъ цѣломудріе, да не обнажаютъ прелестей своихъ; да скрываютъ перси свои подъ фатою, и да не узритъ ихъ никто, кромѣ мужа“.

Напротивъ того, одежда мусульманскихъ женщинъ по большей части открыта спереди, такъ что груди просвѣчиваютъ сквозь тончайшую фату...

II.

Свадебные обряды татаръ и ихъ увеселеніе.—Татарскіе пѣсни, танцы и музыкальные инструменты.—Борьба силачей.—Расторженіе браковъ.—Рожденіе.—Болезни и способы туземнаго леченія.—Погребеніе умершихъ.

Женщины-мусульманки убѣждены, что для мужчины на этомъ свѣтѣ не можетъ быть ничего лучше, какъ красивая жена. Мнѣніе свое онѣ основываютъ на разрѣшеніи и страсти самого Магомета къ многоженству. Дѣйствительно, безбрачіе считается у мусульманъ преступленіемъ. Каждый находитъ себя тѣмъ болѣе счастливымъ, чѣмъ многочисленнѣе его потомство. Дѣти—это благо, ниспосланное свыше и достойное зависти каждаго правовѣрнаго. Плодовитая жена пользуется большимъ почтеніемъ и уваженіемъ мужа, рѣдко рѣшающагося развестись съ такою женою или продать невольницу, отъ которой имѣлъ дѣтей.

Отецъ обязанъ отыскать для сына невшту, для дочери—жениха; обязанъ сочетать ихъ бракомъ и исполнить это не позже того времени, когда сынъ или дочь достигнутъ совершеннолѣтія, иначе проступки, въ которыхъ они будутъ виновны и которые неразлучны съ безбрачіемъ, лежатъ на отвѣтственности отца.

— Я воспиталъ тебя,—говоритъ отецъ сыну, взявъ его за руку,—обучилъ, женилъ и не отвѣчаю теперь болѣе за твое поведеніе ни въ этомъ мірѣ, ни въ другомъ.

Такая обязанность, возлагаемая на отца, часто заставляетъ послѣдняго торопиться скорѣйшимъ бракосочетаніемъ своихъ дѣтей и прибѣгать нерѣдко къ преждевременнымъ союзамъ. Преждевременная женитьба дѣтей мужескаго пола влечетъ за собою множество злоупотребленій въ семейной жизни. Мать и жены, если ихъ нѣсколько у татарина, твердятъ мальчику, достигшему только четырнадцатилѣтняго возраста, что ему пора жениться; мать особенно хлопочетъ объ этомъ. Женившись, онъ, на первыхъ порахъ, предается съ излишествомъ чувственнымъ наслажденіямъ, умъ его приту-

пляется, сердце черствѣетъ, и онъ, конечно, забываетъ при этомъ, что надо учиться. „На востокѣ зрѣлый возрастъ никогда не оправдываетъ надеждъ, подаваемыхъ въ дѣтствѣ и юности“.

Татарская дѣвушка предпочитаетъ выйти замужъ за человѣка, который прославилъ себя воровствомъ; она убѣждена, что воръ легче можетъ содержать свою семью и жить безбѣдно, чѣмъ всякій другой. Дѣвушки презираютъ тѣхъ молодыхъ людей, которые не отличились ни въ какомъ разбоѣ; оттого у туземцевъ ограбить на дорогѣ путешественника не считается дѣломъ постыднымъ: не жажда корысти, а удалство ведетъ его иногда на разбой и грабежъ.

Браки зависятъ отъ воли родителей, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ согласія жениха. Мусульманскій законъ, воспрещающій всякое сношеніе съ прекраснымъ поломъ, дѣлаетъ то, что жениху приходится выбирать невѣсту наобумъ или по слухамъ, не выдавъ ея лично. Мужчины же нятся рѣдко моложе двадцати пяти лѣтъ, потому что для совершенія этого акта необходимо имѣть достаточное состояніе, чтобы сдѣлать невѣстѣ подарки и уплатить *кебинъ* или *вѣно*.

При заключеніи брачнаго договора, родители условливаются о величинѣ вносимаго женихомъ кебина. Величина эта бываетъ различна и зависитъ отъ состоянія жениха, важности его происхожденія и красоты невѣсты. Такъ, у казахскихъ татаръ бѣдный вносилъ прежде за невѣсту отъ 20 до 40 руб. сер., а богатый до 500 руб.; у кубинцевъ кебинъ былъ не менѣе 20 червонцевъ, а беки платили отъ 50 до 100 червонцевъ; у шекинцевъ кебинъ вовсе не платился, а въ актѣ бракосочетанія обозначалась только та сумма, которая должна быть уплачена мужемъ въ случаѣ развода съ женою. Кромѣ кебина, во многихъ мѣстахъ женихъ дѣлаетъ подарки родителямъ невѣсты, состоящіе изъ извѣстной суммы денегъ, рогатаго скота, лошади, ружья, книжала и прочее. Затѣмъ женихъ дѣлаетъ подарки невѣстѣ и весьма часто, какъ, на примѣръ, у бакинцевъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до самой свадьбы. Кебинъ, вносимый въ брачный актъ, составляетъ собственность невѣсты, точно такъ же, какъ и тѣ вещи, которыя подарены женихомъ до свадьбы. Невѣста, въ свою очередь, приносить въ домъ мужа приданое, состоящее по большей части изъ мѣдной посуды, разныхъ женскихъ украшеній ея собственной работы, ковровъ, паласовъ и другихъ вещей, необходимыхъ въ хозяйствѣ.

Послѣ изъявленія согласія на бракъ, бываетъ обрученіе—*ширини*, собственно означающее сласти, но употребляемое и въ смыслѣ обрученія. Женихъ посылаетъ въ домъ невѣсты сласти и часто нѣсколько чудовъ сахара. Туда приглашается мулла, родственники и друзья съ обѣихъ сторонъ. Мулла читаетъ молитву, утверждаетъ взаимное желаніе брачующихся на

вступленіе въ бракъ, а присутствующіе поздравляютъ родителей жениха и невѣсты. Гостямъ раздаются угощенія, и они, пожелавъ молодымъ всякаго счастья, отправляются домой, захвативъ съ собою и угощеніе.

Во время обрученія молодыхъ, если посторонняя дѣвушка желаетъ найти себѣ мужа, то, по укореившемуся суевѣрію, должна вѣсть въ иглу зеленую шелковинку и, вмѣшавшись въ толпу, окружающую невѣсту, стараться продѣть иглу вмѣстѣ съ шелковинкою въ покрывало невѣсты. Затѣмъ тотчасъ же, вынувъ обратно иглу, носить ее постоянно на груди. Тогда, говоритъ женскій коранъ, „какъ бы вы ни были стары и дурны, крикливы и сварливы, не бойтесь ничего: иглка, съ шелковинкою не пробудетъ у васъ и болѣе мѣсяца, какъ какой-нибудь богатый и красивый мужчина пришлетъ сватать васъ“.

Духовная сторона обряда бракосочетанія у татаръ одинакова со всеѣмъ остальнымъ мусульманскимъ міромъ. Передъ совершеніемъ свадебнаго акта, въ которомъ излагаются условія брака и количество кебина, мулла или другое духовное лицо обращается прежде всего къ жениху.

— Хочешь ли ты взять такую-то женою?—спрашиваетъ онъ жениха.— Она (невѣста) можетъ сдѣлаться лѣнливою, сварливою, будетъ мотать и т. п.

Женихъ отвѣчаетъ на это, что онъ готовъ все перенести.

— Хочешь ли имѣть такого-то своимъ мужемъ?—спрашиваетъ мулла невѣсту.—Онъ будетъ тебя бить, принуждать къ работѣ, дурно одѣвать и дурно кормить.

— Все перенесу,—отвѣчаетъ невѣста.

Тогда мулла читаетъ *сигу* (молитву) и заключаетъ кебинъ. По магометанскимъ законамъ, если женщина, помолвленная замужъ, произнесетъ при свидѣтеляхъ слово *радде* (что значитъ отступаюсь и отрекаюсь отъ клятвы), добровольно, безъ принужденія и до брачнаго ложа, то она освобождается отъ брачныхъ узъ и, по очищеніи себя молитвою, можетъ выйти за другого.

Послѣ заключенія кебина начинается свадебный пиръ. Наполнивъ свои желудки свадебнымъ обѣдомъ, гости расходятся по домамъ, а молодой, въ сопровожденіи шафера и близкихъ людей, отправляется въ баню, при шумѣ азіатской музыки, сопровождающей его туда и обратно.

У талышпидцевъ, съ наступленіемъ вечера, пиръ возобновляется. Собираются гости, и, усѣвшись на коврахъ и поджавъ подъ себя ноги, присутствующіе пьютъ чай и наслаждаются туземною музыкою, пѣніемъ и танцами.

Ни одна свадьба не обходится безъ музыкантовъ, пѣвчихъ и танцовщицъ. Послѣднія, заинтересовавъ публику своимъ искусствомъ, вдругъ останавливаются, съ умысломъ получить вознагражденіе. Зрители бросаютъ имъ мелкія монеты, столько, сколько кто можетъ; собранныя деньги обра-

щаются частью въ пользу музыкантовъ и частью въ пользу самого хозяина. Получивъ подаяніе, труппа продолжаетъ увеселять гостей, которые, въ очарованіи и упоеніи, покуриваютъ кальянъ. Иногда на арену выходятъ сказочникъ или пѣвецъ и своимъ разговоромъ занимаетъ праздно воображеніе присутствующихъ.

Татары поютъ большею частью арабскія или персидскія пѣсни, хоромъ, въ одинъ или два тона, по строфамъ и непремѣнно съ аккомпаниментомъ *чонгури* или *сазы*—туземная балалайка съ металлпескими струнами, по которымъ перебираютъ тростинкой. Для подобныхъ случаевъ употребляются также бубны и небольшія скрипки особой формы, на которыхъ играютъ смычкомъ. Музыка татаръ оглушительна и состоитъ преимущественно изъ барабановъ и разногонныхъ гобоевъ. Пѣсни ихъ рѣдко выражаютъ любовь, но чаще восхваляютъ красоту женщины, подвиги богатырей, дѣянія шаховъ и хановъ; напѣвъ ихъ монотонный, протяжный, унылый, разсыпающійся въ какія-то гортанныя трели.

Одновременно съ этими увеселеніями мужчинъ, въ небольшой комнатѣ женскаго отдѣленія сидитъ невѣста. Она одѣта такъ хорошо, какъ позволяютъ средства. Голова ея повязана краснымъ шелковымъ платкомъ, къ которому сзади прикрѣпленъ кисейный вуаль розоваго же цвѣта съ разными узорами; на ней надѣта *нимтане*—курточка изъ малиноваго бархата съ большими золотыми пуговицами по рукавамъ и бортамъ; швы и края нимтане обшиты золотымъ шнуркомъ; широкія шелковыя шальвары, свѣтло-голубого цвѣта, обложены внизу узкимъ серебрянымъ галуномъ, а рубашка изъ желтаго канауса. На шеѣ висятъ, какъ ожерелье, нанизанные въ два ряда червонцы; на груди къ сорочкѣ пристигнута большая золотая брошка, осыпанная мелкими алмазами; на рукахъ браслеты, а въ ушахъ тяжелыя серьги съ драгоценными камнями.

Невѣста окружена женщинами и подругами; она старается быть задумчивою и показываетъ видъ, что не совсемъ довольна своимъ положеніемъ. Передъ нею стоитъ серебряный подносъ, наполненный сухими фруктами, а по краямъ подноса горятъ прилѣпленные восковыя свѣчи, разукрашенные разными красками. Всѣ присутствующіе поютъ общимъ хоромъ, по временамъ играютъ на бубнѣ и танцуютъ. Такъ тянется время до ужина, послѣ котораго, около 12 часовъ ночи, гости расходятся. Шафера и другіе близкіе знакомые отправляются къ невѣстѣ и, съ торжествомъ и музыкою, отвозятъ ее въ домъ жениха.

Невѣсту, покрытую съ головы до ногъ чадрую (покрываломъ), сажаютъ верхомъ на лошадь и, помѣстивъ позади ея, на ту же лошадь, одну изъ родственницъ, отводятъ шагомъ въ домъ мужа. Толпа окружаетъ проводника, ведущаго въ поводу лошадь; крики неистовой радости, бросаніе

вверхъ шапокъ, стрѣльба изъ ружей, музыка — все это сливается въ одинъ общій гулъ. Тутъ же во главѣ процессіи слѣдуютъ обыкновенно плясуны, которые останавливаются передъ домомъ каждаго знатнаго человѣка и отдаютъ ему честь ногами, часто въ продолженіе полчаса.

Насколько пріятно смотрѣть на танцующую татарку, настолько же въ танцѣ мужчины-татарина нѣтъ ничего привлекательнаго.

Татарки пляшутъ обыкновенно вдвоемъ и имѣютъ въ рукахъ кастаньеты, которыми пощелкиваютъ то часто, то медленно, то вдругъ удары кастаньеть вовсе умолкаютъ, и пляшущія остаются какъ бы неподвижны, а затѣмъ, съ судорожнымъ движеніемъ тѣла, съ ускореннымъ дребезжаніемъ кастаньетовъ и будто въ изступленіи танцующая бросается впередъ, но, одинъ шагъ — и она опять идетъ тихо, плавно, выражая своими легкими и стройными движеніями томленіе и страстную нѣгу. При каждомъ подобномъ движеніи, красная шелковая рубашка татарки, съ большимъ разрѣзомъ впереди и съ застежкой на шеѣ, обнаруживаетъ стройныя формы бронзоваго тѣла, татуированнаго въ разные узоры; густые черные волосы ея, кудрями рассыпанные по плечамъ, влажные и огненные глаза свидѣтельствуютъ, что въ самый разгаръ танца самая душа женщины какъ будто изнемогаетъ въ томленіи и пылкомъ наслажденіи.

„Другой родъ пляски, — говоритъ Н. Шопень, — называемый *гюванкъ*, вѣроятно, изобрѣтенъ олицетворенною лѣнью, потому что исполняется сидя. При началѣ пляски, двѣ пары, поджавъ ноги подъ себя, садятся одна противъ другой въ довольно дальнемъ разстояніи и, подъ тактъ музыки, придаютъ своему стану разныя положенія, прищелкивая пальцами и въ руку; вмѣстѣ съ этимъ всѣ пары, не вставая, подвигаются впередъ и сходятся вмѣстѣ, такъ что колѣна ихъ дотрогиваются; тутъ они придаютъ движеніямъ своимъ болѣе страсти и живости и, выказывая всю красоту стана, танцующія, то перегибая голову назадъ, такъ чтобы распущенными волосами касаться пола, то забрасывая ее впередъ, скрываютъ свои пламенные взгляды подъ густымъ покрываломъ волосъ.

„Вообще, въ пляскѣ татарокъ всѣ движенія дышатъ роскошью, нѣгой. Конечно, такія пляски не совсѣмъ благопрістойны, но такъ какъ онѣ совершаются въ глубинѣ гаремовъ, передъ людьми, ищущими сильныхъ побужденій страсти, то восторгъ и рукоплесканія служатъ наградою искуснѣйшей плясунѣ.

„Татары пляшутъ лезгинку и танецъ, весьма похожій на *русскую*, но только болѣе лѣнливую. Та же плавность, тѣ же расы, иногда присядка; тѣ же приемы, только нѣтъ одушевленія русской пляски, нѣтъ чувствъ въ жестахъ и въ физиономіи. Пляска выражаетъ одну только ловкость, силу, мужество и отвагу“.

Собравшись вмѣстѣ по нѣскольку человекъ и взявшись за руки, татары-мужчины составляютъ полукружіе. При медленныхъ звукахъ музыки, цѣпь танцоровъ раскачивается медленно, какъ бы желая расшевелить свои заснувшіе члены; съ ускореніемъ такта музыки, и движенія танцующихъ становятся болѣе порывистыми. Перестанавливая одну ногу за другую, танцующіе принимаютъ въ сторону, переваливаясь въ ту же сторону и всѣмъ корпусомъ; затѣмъ слѣдуетъ обратное движеніе, такъ что цѣпь двигается то въ право, то въ лѣво. Тактъ музыки постепенно ускоряется, а съ нею ускоряются и всѣ движенія танцующихъ и доходятъ до непостоянства; но сильный ударъ въ барабанъ, и быстрыя движенія прекращаются — танецъ попрежнему принимаетъ лѣтвый характеръ.

Въ прежнее время у татаръ былъ еще особый родъ пляски, имѣвшій въ себѣ что-то мистическое и религіозное. При ханахъ въ Нухѣ была цѣлая труппа особыхъ плясуновъ, состоявшая изъ двѣнадцати человекъ *погливановъ*—борцовъ или силачей. Люди эти, находясь подъ непосредственнымъ покровительствомъ хана, освобождались отъ всякихъ податей и повинностей. Съ уничтоженіемъ ханской власти и труппа эта разсѣялась, но въ 1846 году въ Нухѣ жило еще семь человекъ такихъ погливановъ. Люди эти въ самомъ дѣлѣ обладали и значительною силою, и геркулесовскими мускулами. Выступая на сцену боя, они снимали съ себя лишнее платье, засучивали рукава и преклонялись долу во все время чтенія молитвы, призывающей на нихъ божественное благословеніе, и затѣмъ, по окончаніи ея, прикладывали руку къ землѣ и челу.

При тихихъ и мѣрныхъ ударахъ музыки, погливаны брали огромныя палицы, въ родѣ большихъ кеглей, фунтовъ въ 20 каждая, и становились вокругъ главнаго погливана, вооруженнаго лукомъ, на тетивѣ котораго насаживались серебряныя бляхи и погремушки. „Потрясая гремящимъ лукомъ, погливанъ-дирижеръ подаетъ сигналъ, и дубины, поднявшіе надъ головами геркулесовъ, начинаютъ вертѣться въ тактъ, сперва медленно, потомъ чаще, образуя разныя условныя фигуры; потомъ силачи, не переставая вертѣть палицами, пляшутъ на маломъ пространствѣ съ какою-то систематическою точностью; дирижеръ-погливанъ, своими знаками и гремящей тетивою, ободряетъ усталыхъ; они становятся на колѣна, тактъ переходитъ изъ половиннаго въ четвертной, и, наконецъ, погливаны, дойдя до совершеннаго изнеможенія, прекращаютъ пляску“.

Послѣ небольшого отдыха, погливаны начинали борьбу. Двое изъ нихъ выходили на состязаніе и, какъ бы пробуя силы, ударялись обѣими ладонями, и потомъ оба, склонившись головою, сталкивались затылками. Одинъ изъ присутствующихъ читалъ надъ выступившими борцами молитву.

— Царь-Али, пособи!—произноситъ онъ,—достойнѣйшему раю пособи!
Когда раздастся крикъ раба твоего, пособи!..

По окончаніи молитвы, читавшія ее ударялъ по спинѣ каждого изъ борцовъ, стоявшихъ преклоненными къ землѣ. Удары эти производились въ знакъ благословенія на предстоящій бой. „Противники расходятся при звукахъ музыки, въ позиціи гладіаторовъ, крадутся другъ къ другу, дразнятъ, испытываютъ знаніе, осторожность, и вдругъ, съ быстротою, одинъ прыгаетъ къ другому, старается захватить за какую-нибудь часть тѣла; но осторожный противникъ удаляетъ отъ его рукъ весь корпусъ назадъ, пропуская голову къ плечу врага и позволяя ему сдѣлать то же. Тогда руки обонхъ борцовъ бороздятъ одни только напряженные мускулы голой спины; но если удалось кому-либо ухватить противника за ногу или за поясъ, то борьба скоро прекращается въ пользу перваго, и тогда противники цѣлуются, чтобы вражда не оставалась между ними. Иногда бои эти сопровождаются несчастьемъ. Въ заключеніе поглощены дѣлаютъ разныя гимнастическія упражненія, выказывающія необыкновенную силу и ловкость. Одинъ становится по срединѣ бокомъ, немного наклонившись, а прочіе, на бѣгу, касаясь одною только рукою головы его, перевертываются на воздухъ и становятся на ноги, а послѣ и безъ всякой опоры дѣлаютъ эти воздушные обороты“.

Подобныя лица весьма часто являлись на свадьбы, и иногда безъ всякаго приглашенія. Потѣшая публику, они не ждали себѣ вознагражденія отъ хозяина, но надѣялись на добровольное приношеніе присутствующихъ.

За хозяина расплачивались обыкновенно присутствующіе зрители, добровольно бросая деньги или покрывая плечи побѣдителей кусками какой-нибудь матеріи, аршинъ въ шесть.

Такъ какъ невѣсту большею частью отвозятъ ночью, то картина, представляемая пляшущими, при яркомъ красноватомъ свѣтѣ нефтяныхъ факеловъ, темной южной ночи и густой зелени огромныхъ каштановыхъ деревьевъ, представляется очаровательной. Не любитъ ею только одна невѣста, все время представленія сидящая верхомъ подъ чадрой и сѣткой на лицѣ.

Путешествуя въ такомъ видѣ къ мужу, беспокойная духомъ, ей надоѣдаетъ нѣсколько часовъ сряду смотрѣть на одно и то же, а мало ли бываетъ подобныхъ остановокъ!..

Когда молодая введена первый разъ въ спальню своего мужа и оставлена съ нимъ наединѣ, то опытная наставница совѣтуютъ ей не соглашаться ни за что снимать покрывала съ своего лица безъ хорошаго подарка, точно такъ же, какъ за трудъ пошевелить губами, долженъ быть полученъ еще большій подарокъ, для достиженія котораго молодой необхо-

димо сидѣть на коврѣ, какъ приклеенной, неподвижной и нѣмой, не слушать мужа и обращаться съ нимъ по возможности сурово.

— Мужчнна коваренъ,—говорять магометанки,—и болѣе или менѣе скупъ: ежели, напримѣръ, онъ такъ богатъ, что можетъ подарить тебѣ деревню, то ужъ вѣрно начнетъ съ какого-нибудь пустого подарка.

Законъ дозволяетъ каждому мусульманину имѣть четырехъ законныхъ женъ и столько наложницъ, сколько онъ пожелаетъ. „Берите въ супружество,—говорить коранъ,—изъ женъ, которыя вамъ нравятся, двухъ, трехъ или четырехъ, если же бонтесь, что это не хорошо, то берите одну изъ тѣхъ, кого приобрѣла десница ваша, т.-е. вашихъ рабынь“. Пользуясь послѣднимъ разрѣшеніемъ пророка, каждый мусульманинъ, вмѣстѣ съ законною женою, обзаводится нѣсколькими наложницами.

Мужья рѣдко имѣютъ болѣе одной законной жены, потому что послѣднія рѣдко уживаются между собою и требуютъ отъ мужа, чтобы для каждой было отведено особое хозяйство, а это возможно только для людей богатыхъ.

— У насъ рѣдко бываетъ болѣе одной жены,—говорять правовѣрные;—мы только имѣемъ право прогонять нашихъ женъ, когда ими недовольны, и брать на ихъ мѣсто другихъ.

Неудобства, встрѣчаемыя во многоженствѣ, весьма легко обходятся мусульманами тѣмъ, что они мѣняютъ одну жену на другую. Есть мужья, которые на своемъ вѣку перемѣнили до 30 женъ, и есть женщины, которыя перебивали у дюжины мужчинъ. Бесплодіе женщины законный и основательный предлогъ къ разводу, и мусульманину стоитъ только сказать своей женѣ при свидѣтеляхъ: *ты отвергнута*—и бракъ расторгнуть.

Точно такъ же какъ бракъ, такъ и разводъ есть простая сдѣлка, называемая *талагъ*. Хотя магометанскій законъ и опредѣляетъ случаи, когда мужъ и жена могутъ требовать развода, но послѣдователи ислама допустили множество дополненій и измѣненій и расторгаютъ браки большею частью безъ особенно уважительныхъ причинъ. Въ этомъ отношеніи мусульманское право предоставило въ пользу мужчины значительно большія права, чѣмъ въ пользу женщины, поставленной въ этомъ случаѣ въ весьма незавидное положеніе.

Отверженная жена можетъ выдти замужъ за другого черезъ три мѣсяца послѣ развода, а если она беременна, то черезъ 40 дней послѣ родовъ. Прогнанную жену мужъ обязанъ обезпечить только на условленное время.

Каждый правовѣрный можетъ два раза развестись съ своею женою и столько же разъ взять ее обратно. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ имѣетъ право поступить помимо воли своей жены, но съ соблюденіемъ только

назначеннаго закономъ срока: для беременной женщины послѣ ея разрѣшенія, а для небеременной черезъ три мѣсяца послѣ ея развода. Въ продолженіе времени беременности мужъ обязанъ содержать жену. Въ третій разъ онъ можетъ взять разведенную жену только съ ея согласія и долженъ снова жениться на ней.

Для вторичнаго соединенія съ женщиною, послѣдняя должна раздѣлить брачное ложе съ постороннимъ мужчиною или, другими словами, быть замужемъ за другимъ и получить новый разводъ. Но это правило легко обходится мусульманами: они покупаютъ раба, который и женится на такой женщинѣ. На другой день владѣлецъ раба даритъ его женѣ и тѣмъ расторгаетъ ея бракъ, потому что женщина не можетъ быть женою своего раба, хотя, впрочемъ, она можетъ тотчасъ же отпустить его на волю и остаться его женою. При многоженствѣ первая жена пользуется преимуществами передъ остальными и называется главною женою.

Приживъ ребенка съ рабынею, владѣлецъ лишается права продавать или дарить ее, а послѣ его смерти она дѣлается свободною. Онъ можетъ отпустить ее на волю и при жизни, но если и послѣ того захочетъ продолжать съ нею сожитіе, то обязанъ взять ее въ жены.

Невольницу онъ не можетъ прогнать, а обязанъ заботиться о ней и выдать замужъ, оттого участь невольницъ у мусульманъ бываетъ часто лучше законныхъ женъ.

Признанный отцомъ ребенокъ невольницы свободенъ, а не признанный обращается въ рабство.

Владѣлецъ можетъ выдать рабыню или женить раба на комъ угодно, но расторгнуть ихъ бракъ права не имѣетъ.

Чтобы имѣть первенца сына, необходимо, чтобы въ то время, когда молодая въ первый разъ переступить порогъ своего мужа, онъ приказалъ бы принести ей на блюдѣ розовой воды и леденцоваго сахару.

Во время родовъ, во все время болѣзни, днемъ и ночью, около больной долженъ быть непременно кто-нибудь бодрствующій, чтобы предохранить мать и новорожденнаго отъ кровожадности *Аюли*—демона, питающагося печенью новорожденнаго. По представленію народа, Аюли дряхлая и худая старуха, имѣющая способность дѣлаться невидимкою. Ноги ея крючками и на выворотъ, лицо багровое, волосы рыжіе. Она употребляетъ ужасныя средства для того, чтобы усыпить бодрствующихъ, находящихся у постели больной; но если ей это не удастся въ теченіе шести сутокъ, то больная и новорожденный виѣ опасности. Но если бы, по несчастію, Аюли успѣла завладѣть своею жертвою, то и тогда еще есть средство помочь горю. Если больная станетъ замѣтно худѣть и чахнуть, то слѣдуетъ купить черную овцу и обвести ее три раза вокругъ постели больной, а потомъ уго-

стить ею нищихъ; если это средство не поможетъ, то надо привести гнѣдую лошадь и дать ей ячменю въ полѣ одежды больной.

Магометанскій законъ предписываетъ матери непременно самой кормить своихъ дѣтей, и притомъ два года. „Для дитяти всего полезнѣе молоко матери“, говоритъ коранъ, но допускаетъ, въ случаѣ согласія мужа, передать ребенка кормилицѣ, точно такъ же, какъ и отнять отъ груди прежде двухъ лѣтъ. Если ребенокъ, отнятый отъ груди матери, возьметъ грудь чужой женщины—тѣкой, по вѣрованію мусульманъ, не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ.

Первою заботою родителей, какъ только станутъ подрастать дѣти, предохраненіе ихъ отъ дурного глаза. Выпуская со двора, ихъ одѣваютъ какъ можно хуже и грязнѣе; иногда нарочно пачкаютъ лицо, надѣваютъ на голову шапку странной формы, навѣшиваютъ на нее нѣсколько монетъ, перо, кисточку или какой-нибудь талисманъ—словомъ, стараются сдѣлать ихъ непривлекательными и тѣмъ отвратить порчу глаза. Похвалить хорошенькое дитя, значитъ нагнать на родителей ужасный страхъ и заставить ихъ прибѣгнуть къ какому-нибудь суевѣрному обряду, для того, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ завистливаго глаза хваливаго.

Народное суевѣріе совѣтуетъ, напримѣръ, окуриться дымомъ отъ сожженія въ мангалѣ (жаровнѣ) 140 зеренъ растенія *руто*.

Для этого женщины и дѣвушки становятся кружкомъ вокругъ мангала, и такъ какъ при этомъ необходимо полное веселье, то призываютъ музыку и, подъ звуки ея, танцуютъ, рѣзвятся, смѣются, цѣлуются, причемъ каждая старается захватить платьемъ своимъ какъ можно больше дыму—онъ долженъ окурить всѣ члены тѣла и складки платья. Женщина, которая успѣла окуриться вся этимъ дымомъ, совершенно безопасна отъ глаза.

Во избѣжаніе неприятностей отъ дурного глаза, родители держатъ дѣтей дома какъ можно дольше и никуда не выпускаютъ.

Но если ребенокъ заболѣетъ, то, какого бы рода болѣзнь эта ни была и отчего бы ни происходила, каждая татарка скажетъ непременно, что болѣзнь эта произошла отъ глаза. Она перенспытаетъ сначала всѣ средства отвратить порчу, и если они не помогутъ, тогда только обратится съ просьбою о помощи къ туземному лѣкарю или лѣкаркѣ.

Туземные медики всѣ свои познанія основываютъ на Галліенѣ и Иппократѣ, которыхъ называютъ *Джалинусъ* и *Бократъ*. Всѣ существующія болѣзни они раздѣляютъ на четыре рода, происходящія, по мнѣнію ихъ, отъ холода, отъ жара, отъ сырости и отъ сухости. Согласно съ этимъ, они распредѣляютъ и свои медикаменты такимъ образомъ, чтобы каждую болѣзнь лѣчить противоположными средствами,

„Мусульмане,—пишетъ Д. Ильинъ,—очень трусливы въ болѣзни. Какъ

только заболѣлъ, тотчасъ же обращается къ одному изъ персидскихъ медиковъ, которые большею частью бываютъ изъ евреевъ. Персидскій медикъ не разбираетъ—бѣдный ли его пациентъ, или богатый: онъ съ нимъ заключаетъ условіе, что на лѣкарство надо столько-то червонцевъ, за пользованіе въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ видѣ опыта, столько-то, и потомъ, если лѣченіе будетъ успѣшное, то за окончательное излѣченіе столько-то. Больной даетъ ему деньги на медикаменты, и шарлатанъ-медикъ покупаетъ на базарѣ различныя грошевыя травы и начинаетъ угощать лошадиными приѣмами своего пациента. Проходить условленное число дней, въ продолженіе которыхъ пациентъ выпилъ чуть ли не цѣлую лаханку всякихъ гадостей: медикъ видитъ, что дѣло плохо—пациентъ не поправляется: онъ начинаетъ *заговаривать* болѣзнь, но и этотъ методъ лѣченія не приноситъ никакой пользы. Тогда поневолѣ больному приходится прибѣгнуть къ помощи русскаго врача. Ради этого на сцену выступаетъ мулла, который на коранѣ гадаетъ, въ который день можно пригласить русскаго медика, т.-е. находить по корану тотъ счастливый день, когда прописанное русскимъ медикомъ лѣкарство принесетъ дѣйствительную пользу“ (*).

Если же въ городѣ два русскихъ медика, то гадаютъ, котораго нужно пригласить. Проидетъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько бесполезныхъ дней въ гаданіяхъ, пока по корану доберутся до счастливаго дня, и часто случается что въ этотъ счастливый-то день и умираетъ больной, такъ что русскій медикъ не успѣетъ даже прописать лѣкарства.

Народная медицина татаръ очень бѣдна средствами лѣченія. Туземцы очень уважаютъ медицину и русскихъ медиковъ, но прибѣгаютъ къ послѣднимъ только въ случаѣ крайности и предпочитаютъ своихъ доморожденныхъ, которые искусно лѣчатъ лишь ушибы и раны. Всѣ же остальные виды лѣченія состоятъ преимущественно изъ кровопусканій, производимыхъ пиявками и рожками, изъ потогонныхъ и слабительныхъ средствъ, даваемыхъ въ огромныхъ приѣмахъ. Ревень употребляется одинаково какъ для очищенія желудка, такъ и для прекращенія поноса; въ первомъ случаѣ даютъ чистый, въ видѣ порошка; а во второмъ—его поджариваютъ вмѣстѣ съ сахаромъ. Какъ прохладительное питье, даютъ выжатый арбузный сокъ, одинаково и лѣтомъ и зимою. Ртуть, сарсапарель принадлежатъ къ числу наиболѣе употребительныхъ медикаментовъ, а очень дорогія иллиопи изъ жемчуга и яхонта употребляются, какъ укрѣпляющее средство. При хроническомъ ревматизмѣ и ломотѣ, завертываютъ больного въ кожи собакъ

(*) Если во время гаданія кто-нибудь чихнетъ, то въ тотъ день уже не приглашаютъ медика: также точно, если въ то время, когда нужно принимать лѣкарство, чихнулъ больной, то онъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ принять лѣкарство.

шакаловъ и ослевъ. При геморроѣ сажаютъ больного въ свинью, распарывая ее пополамъ, а отъ чесотки многіе вовсе не лѣчатся изъ убѣжденія, что она предохраняетъ отъ геморроя.

Отъ лихорадки спасаются ношеніемъ на груди амулета, заключающаго въ себѣ молитву изъ корана. Если болѣзнь прекратится, то талисманъ, какъ сокровище, сохраняется, а въ случаѣ смерти больного, его кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу.

Почитая многія мѣста святыми (*пиръ*), татары приводятъ къ нимъ больныхъ, поля разведенною въ водѣ землею и приносятъ въ жертву барановъ. Въ случаѣ падежа скота, татаринъ отправляется со своимъ стадомъ къ тому же священному мѣсту и гоняетъ его нѣсколько разъ вокругъ могилы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Шекинскомъ ханствѣ, противъ всякаго рода болѣзней даютъ пить одну и ту же траву, которая производитъ рвоту. Въ Нухѣ больного лихорадкою сажаютъ въ холодную ванну, даютъ ему въ руки тяжесть и заставляютъ производить движенія, до тѣхъ поръ, пока онъ не почувствуетъ испарину.

Въ Ширванѣ есть очень много могилъ и мѣсть, которыя считаются священными и получили свое названіе по именамъ погребенныхъ тамъ людей, прославившихся въ исламизмѣ. Татары считаютъ, что трава и земля съ могилы такихъ людей излѣчиваютъ отъ разнаго рода болѣзней. Такъ, трава съ могилы *Агенъ-нира*, находящейся въ средней части Ширвана, полезна отъ ломоты и ранъ. Для этого берутъ траву, окуриваютъ больного, а размоченную землю съ могилы прикладываютъ къ больному мѣсту. На могилу *Дадагната* приводятъ сумасшедшихъ, кладутъ ихъ тамъ на цѣлую ночь и даютъ пить воду, смѣшанную съ землею, взятою съ могилы. Земля, взятая съ могилъ: *Софіялида*—предохраняетъ отъ укушенія змѣй; *Шихъ-Тосуръ*—помогаетъ въ болѣзняхъ рогатому скоту; *Пиръ-Денаръ*—лошадямъ и проч. Татары вѣрятъ въ талисманы и убѣждены, что вліяніе ихъ распространяется одинаково какъ на людей, такъ и на животныхъ.

Но если всѣ средства лѣченія не помогаютъ и больной скончается, тогда туземецъ говоритъ, что такъ Богу угодно, а что употребленные средства лѣченія все-таки хороши и цѣлительны. —

Какъ только скончается кто-нибудь въ аулѣ, жена, сестра или мать умершаго взбирается тотчасъ же на крышу и пронзительнымъ крикомъ возвѣщаетъ всему селенію о постигшемъ ее несчастіи. Крича и рыдая, она тутъ же пересчитываетъ разныя добродѣтели умершаго: и что онъ былъ храбръ, не любилъ спиртныхъ напитковъ и, послѣ четвертой жены, одну только ее и любилъ крѣпко, кунаковъ всегда угощалъ свѣжими чуреками, сыромъ и бараниной, не воровалъ чужихъ вещей, хорошо пахалъ

и уваживалъ землю, которая теперь безъ хозяина заглохнетъ, и что не только она, безутѣшная, но лошадь и ишакъ стануть оплакивать своего добраго господина, а она друга, пока Аллахъ не соединитъ ихъ. Праздныя односельцы спѣшать на крикъ несчастной раздѣлить съ нею горе.

Тамъ встрѣчаютъ они плачь и стоны, въ особенности женщинъ, находящихся въ той половинѣ, гдѣ стоитъ покойникъ.

Вотъ какъ описываетъ похоронную церемонію мусульманъ одинъ изъ присутствовавшихъ на похоронахъ, бывшихъ въ Тифлисѣ.

По маленькому двору, гдѣ стоялъ *табудъ*—гробъ, или скорѣе ящикъ на носилкахъ, то и дѣло сновали взадъ и впередъ мужчины, женщины и дѣти. Въ домѣ покойнаго собирались родные и знакомые: мужчины въ однихъ комнатахъ, женщины—въ другихъ; въ чухахъ и папахахъ сидѣли на коврахъ правовѣрные, поджавъ подъ себя ноги, сохраняя глубокое молчаніе и перебирая свои четки. Сохраняя видъ крайне печальный, они по временамъ глубоко вздыхали, а у нѣкоторыхъ даже блистали слезы. Прислонясь къ стѣнѣ, на первомъ мѣстѣ, сидѣлъ *хаджи* *), родной дядя покойнаго, еще свѣжій и крѣпкій старикъ. Онъ часто подымалъ взоры къ небу, и крупныя слезы катились по его блѣдному лицу.

— Аллахъ! Аллахъ!—произносилъ онъ изъ глубины души и крѣпко ударялъ себя кулакомъ въ грудь.

Подлѣ хаджи сидѣлъ *ахундъ*, сохранявшій также глубокое молчаніе. Налѣво, въ углу, приютился блѣдный молодой *сеидъ*—потомокъ Магомета, имѣющій исключительное право носить зеленую чалму—и безутѣшно плакалъ о покойникѣ, такъ ласкавшемъ, любившемъ и часто помогавшемъ ему въ нуждѣ.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, ахундъ открылъ свою назидательную рѣчь, длившуюся полчаса. Правовѣрные мусульмане, вздыхая и благоговѣя, слушали краснорѣчивое слово своей духовной особы. Духовная бесѣда кончилась тѣмъ, что ахунду подали кальянъ и трубку. Мулла принесъ *кяфьянъ*,—бѣлая матерія, которою укутываютъ покойника—и *халлятъ*—широкая бѣлая матерія, вся испещренная стихами изъ корана. Халляты приносятся изъ Мекки, стоятъ дорого и потому рѣдки. Въ нихъ погребаютъ только богатыхъ, и тогда халляты употребляютъ сверху кяфьяна. Пустьивъ густую струю дыма и передавъ кальянъ хаджи, ахундъ принялся самъ размѣривать и раздирать *кяфьянъ* на части для болѣе удобнаго пеленанія тѣла. Съ приближеніемъ времени послѣдняго прощанія, крики въ женской половинѣ увеличивались.

*) Хаджи называется каждый, побывавшій въ Меккѣ у гроба пророка. Такіе люди очень уважаются мусульманами.

До сотни женщинъ, плача и рыдая, голосили: *ай вай, ай вай!* Сестры, племянницы и жена покойнаго, съ распущенными волосами, били себя ладонями по лицу, кулаками въ грудь и въ голову, рвали на себѣ волосы, царапали лицо, шею и груди. Родственницы были тоже въ изступленіи.

Но мать, бѣдная мать его, была всѣхъ жалче, всѣхъ поразительнѣе: растрепанная, окровавленная, съ изступленными глазами, какъ сумасшедшая, сидя надъ тѣломъ сына, тряслась она всѣмъ тѣломъ и, обращаясь къ присутствующимъ, какъ будто защищая бездыханный трупъ, махала руками и громко, отрывисто кричала: *ай! ай! ай вай! ай вай!* между тѣмъ какъ родственники безпрерывно цѣловали руки, ноги, лицо и голову покойнаго.

Такъ продолжалось прощаніе до тѣхъ поръ, пока въ женскую комнату вошли всѣ присутствующіе мужчины. Мулла, съ нѣкоторыми родственниками, въ присутствіи ахунда, подняли покойнаго, вмѣстѣ съ тюфякомъ, на которомъ тотъ скончался, вынесли его на дворъ и опустили въ табудъ, вмѣстѣ съ тюфякомъ. Табудъ покрыли желтымъ шелковымъ покрываломъ и понесли на кладбище.

Впереди процессіи вели коня въ серебряной уздечкѣ, съ сѣдломъ и дорогимъ чапракомъ. На сѣдлѣ, тихо бряцаая, висѣли красная дорогая чуха, богатый кивжалъ, ружье, шашка и пистолеть, принадлежавшіе покойнику, а черная папаха была надѣта на высокую узорчатую луку сѣдла. За конемъ несли пять *альямъ* (знаменъ или значковъ). Значки бываютъ шелковые, разныхъ цвѣтовъ, на верхнемъ концѣ древка которыхъ дѣлаются у однихъ черныя желѣзныя руки съ распростертыми пальцами, у другихъ просто желѣзные черные шары. Алямы не составляютъ необходимой принадлежности похоронъ; ихъ употребляютъ при похоронахъ богатыхъ и при большихъ церемоніяхъ.

За значками слѣдовало нѣсколько человекъ съ подносами, на которыхъ была положена *ханча* (кутья). По ханчѣ можно узнать, кого хоронятъ: если ханча состоитъ изъ однихъ финиковъ, то покойникъ молодой человекъ; *алва*—старикъ, а сухіе фрукты, миндаль, финики и изюмъ составляютъ принадлежность похоронъ дѣтей.

Позади ханча несутъ гробъ, окруженный со всѣхъ сторонъ толпою мужчинъ; женщины слѣдуютъ позади, въ почтительномъ отдаленіи, а съ половины пути возвращаются домой. По обычаю, женщины не имѣютъ права присутствовать при погребеніи. На кладбищѣ покойника вносятъ въ *муръ-дашуръ-хана*, омывальню или чистильню, небольшое каменное зданіе, устроенное на кладбищѣ. Здѣсь покойника моютъ и пеленаютъ въ киянъ и халаты. Мулла, хаджи, самые близкіе родственники и мурда-

шюръ, запершпсь въ комнату, совершаютъ омовеніе, а остальные размѣщаются вокругъ зданія и курятъ въ ожиданіи окончанія церемоніи. Мюрдашюръ, обязанный омыватъ тѣла покойниковъ, приноситъ *сытыфъ-кя-фяръ*—воду съ мыломъ и камфорою или съ какимъ-нибудь другимъ духами и мастиками. Женщинъ омывають женщины и тогда, во время омовенія, коранъ читаетъ не мулла, а женщина. Часа полтора продолжается омовеніе и пеленаніе покойнаго.

Послѣ этого его выносятъ на могилу и ставятъ табудъ на землю такъ, чтобы лицо покойнаго приходилось на югъ. Ахундъ читаетъ молитву; присутствующіе молятся. По окончаніи чтенія, гробъ подносятъ къ самой могилѣ, вынимаютъ покойника изъ гроба и передаютъ его на руки ближайшимъ родственникамъ, стоящимъ въ могилѣ, которые, принявъ трущъ, кладутъ его къ лѣвой сторонѣ могилы, на правый бокъ, лицомъ на югъ; раскрываютъ немного ротъ покойника и правую щекою прикладываютъ къ землѣ. Къ могилѣ подходитъ служитель при мечети.

— Мамедъ-ага сынъ Сакине-Ханумъ!—кричитъ онъ громко, обращаясь къ покойнику и упоминая, по обычаю, имя отца и матери его.—Нынче послѣдній день твой въ здѣшней жизни и первый день твой въ будущей. Сегодня придутъ къ тебѣ два ангела, *Накиръ* и *Мюнкяръ*, посланные отъ Бога; ты не бойся ихъ. Они безъ воли Божіей ничего не могутъ сдѣлать тебѣ; они будутъ тебя спрашивать, ты смѣло отвѣчай имъ; спросятъ: „что есть Богъ?“—отвѣчай: „Богъ есть единъ, онъ сотворилъ меня и весь свѣтъ“. Спросятъ: „кто былъ Магометъ?“—отвѣчай: „Магометъ былъ пророкъ его“. Спросятъ: „что есть коранъ?“—отвѣчай: „коранъ—книга, въ которой написанъ законъ Божій“.

Послѣ окончанія такого напутствія, ахундъ читаетъ молитву; покойника прикрываютъ короткими досками, поверхъ которыхъ кладутъ слой сѣна, чтобы земля не сыпалась на тѣло сквозь щели досокъ, и засыпаютъ покойника, но немного, землею. Стоя въ могилѣ, родственники уравниваютъ и утаптываютъ землю, и затѣмъ вылѣзаютъ; тогда въ нѣсколько минутъ могила заваливается и прикрывается сверху кучею камней. Затѣмъ всѣ присутствующіе, съ душевнымъ прискорбіемъ, принимаютъ за ханчу и уничтожаютъ ее до послѣдней крупинки.

На третій день, и никакъ не ранѣе, знакомые и родные приглашаются на поминальный ужинъ, а черезъ недѣлю послѣ погребенія жена и всѣ родныя женщины покойнаго должны сходить въ баню для очищенія и уже послѣ нея принимать постороннихъ женщинъ, пришедшихъ навѣстить осиротѣвшихъ, и вмѣстѣ съ ними поплакать, на что мусульманки большія мастерицы. Не будучи въ состояніи нвода выжать ни одной слезинки,

онѣ, отвратительными стenanіями и возгласами, стараются увѣрить хозяевъ въ своемъ участіи къ ихъ утратѣ.

До сороковаго дня со времени кончины, каждую пятницу, собираются ко вдовѣ женщины оплакивать покойнаго. Въ сороковой день все идутъ для той же цѣли на могилу, гдѣ плачутъ, читаютъ коранъ, потомъ идутъ домой обѣдать, а послѣ отправляются опять въ баню для окончательнаго очищенія.

Съ окончаніемъ года устранивается *намазъ-дыхъ*. Мужчины и женщины ходятъ въ этотъ день на могилу покойнаго и читаютъ коранъ, но ходятъ такъ, что до обѣда посѣщаютъ кладбище женщины, а послѣ обѣда мужчины.

Развитіе мюридизма на Кавказѣ *).

При дворѣ халифовъ и въ окрестностяхъ Багдада, гдѣ постоянно жили и проповѣдывали вѣру ученѣйшіе богословы первыхъ временъ исламизма, положены были начала систематическихъ основаній ученія мюридизма, и оттуда уже оно распространилось на Востокъ, вмѣстѣ съ укорененіемъ въ Хороссанѣ и Маверо-Инаяхрѣ арабскаго просвѣщенія, когда Мервъ, Бухара и Самаркандъ сдѣлались любимѣйшими мѣстами пребыванія ученыхъ. Абу-Муслимъ и Саманиды въ особенности способствовали процвѣтанію тамъ богословія, и должно полагать, что въ ихъ времена построены первые ханакі (молельни шейховъ) въ древней Трансоксіанѣ, и едва ли не съ тѣхъ поръ Бухара заслужила лестное для нея имя силы исламизма и вѣры. Нашествіе Чингиса и царствованіе первыхъ его преемниковъ нѣсколько ослабило развитіе этого ученія, но уже въ XIV вѣкѣ мы видимъ, что Хазратп-Богоуддинъ-Шейхи-Накасъ-Бяндъ, одинъ изъ свѣтильниковъ ученія о таригатѣ, имѣлъ большое вліяніе на народъ, и гробъ его донынѣ считается у мусульманъ большою святынею; въ XV же вѣкѣ, при Тимурѣ, никто не усомнится въ процвѣтаніи таригата, если вспомнитъ первыя главы краснорѣчивыхъ записокъ „железнаго хромца“, какъ называли его наши лѣтописцы,—записокъ, гдѣ державный авторъ такимъ увлекательнымъ пластическимъ слогомъ описываетъ своего учителя и собственно свои созерцательные и молельные подвиги. Проповѣдью таригата начали свои дѣйствія и пріобрѣли потомъ огромное вліяніе и значеніе въ Персіи сафійскіе государи, носившіе названіе муршидовъ, а ихъ послѣдователи назывались *мюридами*. Въ 906 году магометанскаго лѣтосчисленія, а въ 1528 нашей эры, Муршидъ-Измаилъ, изъ дома Сафи, сдѣлался столь сильнымъ въ

*) „Русская Старина“.

Персіи, что вступилъ на престолъ шаховъ. Вообще въ XVI столѣтіи ученіе таригатъ постоянно процвѣтало на Востокѣ и чрезъ Бухару проникло и на Кавказъ, хотя уже далеко не въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ, отшельничество мюридовъ превращается въ постоянно-вооруженное ополченіе, и первое коренное правило мюридизма равенство между послѣдователями таригата, — какъ начало демократическое, даетъ возможность всѣмъ, кому жизнь и обстоятельства не улыбаются, расторгнуть узы, связывающія ихъ съ обществомъ, и, подъ видомъ угожденія Богу и истинной вѣрѣ, въ бунтахъ и крамолахъ нескать измѣненія существующаго порядка. При такихъ обстоятельствахъ, и вліяніе мюршида получаетъ совершенно другое значеніе: съ кораномъ въ рукѣ и съ возгласами о притѣсненіи вѣры врагами ея, онъ соединяетъ вокругъ себя многочисленныхъ послѣдователей и требуетъ отъ нихъ, на основаніи правилъ таригата, не только безсмысленнаго повиновенія, но и легко можетъ подвигнуть ихъ на кровавые подвиги борьбы съ христіанами и властями, основываясь на томъ, что всякій мюридъ, прежде чѣмъ предаться ученію таригата, долженъ исполнить во всей строгости требованія закона, однимъ изъ главныхъ догматовъ котораго есть *джезидъ* или война съ невѣрными. Мюршиду, разъ поставившему себя на этомъ направленіи (какъ, на примѣръ, Шамиль), уже легко будетъ придать законность своему незаконному стремленію пользоваться вліяніемъ на мюридовъ для достиженія личныхъ своихъ выгодъ, вовсе не исполняя или исполняя рѣдко трудную обязанность ученія, которая должна была бы быть основою его дѣятельности.

На Кавказѣ мюридизмъ появился не ранѣе конца прошедшаго столѣтія. Первымъ лжеучителемъ таригата, возмутившимъ тамошнія страны своею кровавою проповѣдью, былъ Шейхъ-Мансуръ, уроженецъ оренбургскихъ степей, замѣствовавшій свои духовныя познанія отъ бухарскихъ выходцевъ, если только онъ самъ не воспитывался въ Бухарѣ; но, послѣ взятія Шейхъ-Мансура русскими въ Анапѣ, приверженцы его разсѣялись, и о мюридизмѣ не было слышно до 1823 года, когда онъ съ новою силою распространился по всему Дагестану.

Въ это время, въ юринскомъ селеніи Ярагъ, снова появился проповѣдникъ мюридизма престарѣлый мулла Магометъ. Ревностный распространитель грознаго ученія былъ весьма замѣчательной наружности: высокаго роста, съ глазами опухшими отъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ въ непрестанной молитвѣ, и съ короткою сѣдою бородкою, окаймлявшею смуглое, худощавое, но выразительное лицо. Кротость и добродушіе въ чертахъ отличали ученаго аскета-муллу, званіе котораго обозначалось еще зеленою чалмою, такого же цвѣта архалукомъ и синею мантиєю. Роскошная зелень льсовъ Дагестана передъ балкономъ мечети и синія волны видѣвшагося

вдали Каспійскаго моря существовали для него только по воспоминаніямъ о молодости, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ ослѣпъ, онъ весь погружился во внутреннее созерцаніе своего бытія. И этотъ, повидимому, кроткій и мирный старикъ, этотъ слабый голосъ, едва слышный среди глубокой тишины, проповѣдывалъ всеобщее возстаніе мусульманъ на кровавую брань, на непримиримую вражду съ невѣрными. Дрожащія руки его благословляли то оружіе, которое должно было пролить потоки крови. По обширному уму, онъ былъ признаваемъ въ Дагестанѣ алимомъ (ученымъ), а по званію главнаго кадія имѣлъ возможность приобрести безбѣдное состояніе. Мало-по-малу вокругъ него собралось множество учениковъ, которые вмѣстѣ съ нимъ читали коранъ и усердно внимали его толкованію.

Мулла Магометъ, будучи самъ ученымъ, не могъ, конечно, не знать въ подробности корана, не могъ не знать и превратнаго толкованія таригата, а потому нельзя предполагать, чтобы онъ былъ только слѣпымъ орудіемъ Хаджи-Измаила и Хас-Магомета, но скорѣе можно допустить, что, будучи недоволенъ преданностью Асланъ-хана казникумыкского и вообще всѣхъ кавказскихъ владѣтелей нашему правительству и опасаясь, чтобы, чрезъ частыя сношенія съ русскими, магометанское духовенство не утратило вліянія на свою легковѣрную паству, самъ искалъ только случая для возбужденія фанатизма и ненависти къ невѣрнымъ. Теперь же, опираясь на благословеніе уважаемаго всѣми Хаджи-Измаила, провозгласившаго его, при кюринскихъ муллахъ, старшимъ мюршидомъ, мулла Магометъ могъ уже свободно и съ надеждою на успѣхъ приступить къ распространенію мюршидизма.

Возвратясь въ деревню Ярагъ, мулла Магометъ началъ употреблять всевозможныя средства для сближенія съ своими единоземцами, кюринцами, и для привлеченія ихъ на свою сторону. Онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни имущества и дѣлалъ частыя угощенія. Народъ толпился въ его домѣ и постоянно окружалъ его, съ жадностью слушая произносимыя имъ рѣчи. Когда мулла Магометъ убѣдился въ привязанности къ нему кюринцевъ, то однажды, пользуясь большимъ стеченіемъ народа, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Народъ! Мы ни магометане, ни христіане, ни идолопоклонники. По ученію пророка, магометане не могутъ быть подъ властью невѣрныхъ; магометанинъ не можетъ быть ничьимъ рабомъ и никому не долженъ платить подати, даже мусульманину. Кто мусульманинъ, тотъ долженъ быть свободный человекъ, и между всѣми мусульманами должно быть равенство. Кто считаетъ себя мусульманиномъ, для того первое дѣло *газаватъ*—война противъ невѣрныхъ, а потомъ исполненіе шаріата. Для мусульманина исполненіе шаріата безъ газавата не есть спасеніе. Кто испол-

няеть, тотъ долженъ вооружиться во что бы то ни стало, бросить семейство, домъ и не щадить самой жизни. А вы что сдѣлали, что дѣлаете?.. Вы—жалкіе трусы! Безъ вѣры, не слушая заповѣдей и словъ пророка, вы жадно гоняетесь за земными благами и даете гибнуть вѣрѣ. Присутствіе невѣрныхъ заграждаетъ путь къ трону Аллаха. Напрасно исполняете вы ваши намазы, соблюдаете посты, совершаете странствія въ Мекку; небо отвергаетъ ваши молитвы и поклоненія и наложило на васъ печать отверженія. На всѣхъ богатыхъ приношеніяхъ вашихъ, на всѣхъ бракахъ и на всѣхъ дѣтяхъ вашихъ тяготѣетъ проклятіе. Народъ! клянитесь оставить свои прежніе пороки и впредь удаляться отъ грѣховъ. Приготовьте себя къ священной войнѣ постомъ, молитвой и покаяніемъ. Дни и ночи проводите въ мечети и просите Бога, чтобы онъ помиловалъ васъ. Когда настанетъ время вооружиться противъ невѣрныхъ, я узнаю по вдохновенію свыше и объявлю вамъ; а до тѣхъ поръ—рыдайте и молитесь. Что касается до меня, то я самый грѣшный человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ; отберите все мое имущество, снимите съ меня это бремя; оно отъ вашихъ приношеній, и я не достоинъ его; я самъ нахожусь во мракѣ, и мое толкованіе корана часто было непонятно и даже ложно; но простите меня, я уже отказался отъ всего мірскаго“.

Понятно, какое магическое дѣйствіе должна была произвести восторженная рѣчь проповѣдника на фанатическихъ слушателей. Съ этого времени двери мечети не затворялись, и не только взрослые, но даже дѣти толпились въ храмѣ пророка, молились со слезами и калялись въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Между тѣмъ, самъ мулла Магометъ удалился въ свою келью, гдѣ заблаговременно приготовлено было имъ мѣсто для молитвы, въ родѣ узкой гробницы, въ которой можно было дѣлать только земные поклоны, и дни и ночи проводилъ въ молитвѣ. Слухъ о благочестивомъ старцѣ скоро распространился по всему Дагестану, и многочисленныя толпы со всѣхъ сторонъ стекались въ селеніе Ярагъ. Ревностные поклонники Магомета наперерывъ спѣшили объявить себя поклонниками мюридизма, а посѣщавшіе проповѣдника муллы изъ разныхъ обществъ, увлеченные святостью его жизни, старались во всемъ подражать ему. Не замедлили проявиться и другія слѣдствія проповѣди муллы Магомета: ярагскіе мюриды начали ходить по улицамъ и въ селенія съ деревянными шашками и, ударяя ими по встрѣчавшимся предметамъ, кричали, обращаясь лицомъ къ сѣверу (т.-е. къ Россіи): „Мусульмане, газавать! мусульмане, газавать!“ Затѣмъ мюриды и другихъ селеній стали подражать ярагскимъ, и изступленные возгласы: „Мусульмане, газавать!“ отъ кюринскихъ владѣній пронеслись по всему Дагестану.

Въ 1826 году политическія обстоятельства совершенно отвлекли внѣ-

маніе русскаго правительства отъ дѣлъ Дагестана. Занятая войною сначала съ Персією, а потомъ съ Турцією, Россія не могла принять дѣятельныхъ мѣръ къ уничтоженію быстро развивавшейся фанатической секты; а Асланъ-ханъ не только не содѣйствовалъ къ ея подавленію, но даже призвалъ муллу Магомета изъ Табасарана и опять дозволилъ ему жить въ селеніи Ярагъ, въ кругу его семейства. Впрочемъ, по возвращеніи на родину, мулла Магометъ уже не принималъ лично никакого участія въ дагестанскихъ происшествіяхъ, пересталъ проповѣдывать, удалился въ уединеніе и только наставленіями и совѣтами поддерживалъ начатое имъ дѣло, которое со всею ревностью фанатика усердно приводилъ въ исполненіе назначенный имъ газіемъ Казимулла.

Казимулла, возвратясь въ селеніе Гимры съ обѣщаніями скорой помощи со стороны Персіи и Турціи, сталъ явно проповѣдывать газаватъ противъ русскихъ. Гимринцы, увлеченные его словами, первые поклялись ему въ непрекословномъ повинновеніи; примѣру ихъ послѣдовали, но съ условіемъ не сражаться противъ русскихъ, жители дер. Чиркеи и другихъ селеній. Эти успѣхи новаго ученія обратили на него вниманіе, въ началѣ 1829 года, престарѣлаго шамхала тарковского, генераль-лейтенанта Мехти-хана, который пригласилъ къ себѣ Казимуллу. До сихъ поръ газій ограничивался распространеніемъ мюридизма только въ вольныхъ обществахъ, не смѣя показываться въ земляхъ владѣтелей; когда же онъ получилъ приглашеніе отъ самого шамхала Мехти-хана, весьма уважаемаго въ горахъ, то, конечно, неспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и отправился въ Параулъ, тогдашнее мѣстопробываніе шамхала. Объяснивъ Мехти-хану сущность проповѣдуемыхъ правилъ, не упоминая, впрочемъ, о газаватѣ, Казимулла просилъ позволенія научить шамхальцевъ истинному шаріату. Ханъ, извѣстный своею преданностью Россіи, не полагая, чтобы отъ этого позволенія могли произойти дурныя послѣдствія, приказалъ своимъ подвластнымъ слушаться наставленій Казимуллы, а самъ отправился въ Петербургъ и на возвратномъ пути умеръ. Отъѣздъ шамхала развязалъ руки Казимуллѣ, и тарковскія селенія Большія и Малыя Казанищи немедленно приняли его ученіе; но другія деревни, въ томъ числѣ Эрпели и Каранай, отвергли мюридизмъ. Тогда Казимулла отправился съ своими приближенными въ эти деревни, взялъ тамъ почетныхъ жителей въ аманаты, отправилъ ихъ въ Гимры и арестовалъ.

Между тѣмъ командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генераль-адъютантъ баронъ Розенъ, пройдя всю Чечню, заставилъ ее смириться и, наконецъ, подступилъ къ Гимрамъ, гдѣ засѣлъ Казимулла съ своими сообщниками. 17-го октября 1832 года войска наши стали лицомъ къ лицу съ непріателемъ. Произошла кровопролитная битва, и мятежники, потерявъ

совершенное поражение, разбѣжался, а Казн-мулла, вмѣстѣ съ 60-ю преданными ему и самыми отчаянными юридами, былъ убитъ въ башнѣ, заграждавшей доступъ къ Гимрамъ.

Такъ окончилъ свое буйное поприще первый имамъ, виновникъ многихъ смуть и бѣдствій въ Дагестанѣ. Впрочемъ, должно замѣтить, что какъ ни превратно было ученіе Казн-моллы, но онъ далъ довольно прочное устройство образованной имъ сектѣ. Намѣреваясь чрезъ своихъ послѣдователей дѣйствовать на остальную массу народа, онъ былъ строгъ въ выборѣ и принималъ къ себѣ только людей отважныхъ и ученыхъ. Каждый юридъ долженъ былъ знать грамоту и читать коранъ, не пить вина, не курить табаку, быть всегда готовымъ на бой, по требованію своего учителя или начальника секты, и, для отличія отъ другихъ, носить бѣлую чалму или повязку поверхъ своей папахи. Понимая, что съ цестройными толпами горцевъ трудно совершить большіе подвиги, Казн-мулла старался водворить между ними хоть какой-нибудь порядокъ, далъ имъ хорошихъ начальниковъ, а на себя взялъ обязанность заботиться о продовольствіи своего войска.

Поэтому, хотя постоянныя неудачи и, наконецъ, смерть Казн-моллы, повидному, и должны были бы охладить фанатизмъ его послѣдователей, но юридизмъ все таки не угасъ съ его жзнью, тѣмъ болѣе, что одно обстоятельство, сопровождавшее кончину имама и на первый взглядъ совершенно ничтожное, произвело на горцевъ сильное впечатлѣніе. Въ грудѣ тѣлъ погибшихъ въ гимринской башнѣ нашли и Казн-моллу: онъ лежалъ, откинувъ одну руку къ востоку, а другую держась за бороду; по мнѣнію же мусульманъ, это именно то самое положеніе, въ которомъ можетъ быть только праведникъ въ минуту самыхъ теплыхъ молитвъ, когда онъ возносится духомъ до постиженія могущества Всевышняго. Горцы, увидѣвъ трупъ Казн-моллы въ положеніи, доказывавшемъ, по ихъ понятіямъ, святость умершаго, а слѣдовательно и справедливость дѣла, за которыя онъ погибъ, начали расканваться въ своемъ поведеніи и упрекали себя за то, что не подали ему помощи, и когда первый его юридъ, Гамзатъ-бекъ, объявилъ себя его преемникомъ, то новый имамъ снова нашелъ себѣ между горцами многочисленныхъ приверженцевъ и послѣдователей.

Гамзатъ-бекъ родился въ 1789 г. въ аварскомъ селеніи Новый Гоцатъ, лежащемъ въ 18 верстахъ отъ Хунзаха. Онъ происходилъ отъ аварскихъ бековъ-джанковъ. Отецъ его, Алискендеръ-бекъ, былъ уважаемъ аварцами за храбрость и распорядительность. Али-Султанъ-Ахметъ-ханъ, тогдашній ханъ Аваріи, во многихъ важныхъ дѣлахъ совѣтовался съ нимъ, и Алискендеръ-бекъ во всемъ оказывалъ ему содѣйствіе.

Въ 1801 году Гамзатъ-бекъ былъ отданъ на воспитаніе моллѣ анда-

лальскаго селенія Чохъ-Махадъ-эфендію. Одаренный большими способностями, онъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ арабскомъ языкѣ, пользуясь у горцевъ большимъ уваженіемъ. Въ свободное же отъ занятій время любилъ стрѣлять изъ ружья и, живя противъ мечети, не разъ повреждалъ мѣткою пулею поставленный на минаретѣ знакъ луны. По прошествіи 12 лѣтъ Махадъ-эфендіи умеръ, не кончивъ воспитанія Гамзатъ-бека, который, имѣя страстную охоту къ ученію, отправился въ Хунзахъ, гдѣ и продолжалъ брать уроки у главнаго кадія, Нуръ-Магомета. Въ Хунзахѣ вдова Али-Султанъ-Ахметъ-хана, ханьша Паку-Бике, въ вознагражденіе заслугъ и преданности къ ихъ семейству Алискендеръ-бека; помѣстила его сына въ своемъ ханскомъ домѣ, обходилась съ нимъ какъ съ ближайшимъ родственникомъ и даже отказала въ требованіи барона Розена послать его аманатомъ въ Тифлисъ. По окончаніи своего ученія, Гамзатъ-бекъ возвратился въ Новый Гоцатль, гдѣ и женился. Онъ былъ отъ природы очень уменъ, а образованіе еще болѣе развило его способности; чрезвычайная настойчивость въ достиженіи цѣли, рѣшительность и веселость составляли главныя черты его характера. Онъ былъ средняго роста, довольно плотенъ и одѣвался по-черкесски, только всегда въ бѣломъ. На шапахъ онъ носилъ чалму сѣрую, бѣлую или черную, смотря по обстоятельствамъ и требованіямъ обычая.

Перейдя отъ умственныхъ занятій къ семейной жпзни, Гамзатъ-бекъ началъ искать развлеченій и пристрастился-было къ вину; но, сойдясь, въ 1829 году, съ Кази-муллою, оставилъ эту страсть и сдѣлался самымъ ревностнымъ приверженцемъ и помощникомъ перваго имама. Они вмѣстѣ склонили къ мюридизму Койсубу, Гумбетъ и Андію и вмѣстѣ напали въ 1830 году на Хунзахъ.

Кази-мулла вызвалъ его къ Гимрамъ, угрожаемымъ русскими. Какъ вѣрный сподвижникъ имама, онъ сдѣлалъ воззваніе къ прежнимъ своимъ сообщникамъ, но на этотъ разъ не могъ собрать болѣе 1.000 человекъ. Несмотря на незначительность этого подкрѣпленія, Гамзатъ-бекъ поспѣшилъ съ нимъ на помощь къ Кази-муллѣ и, не дойдя до Гимръ, увидѣлъ съ горы Наратовъ русскій отрядъ, штурмовавшій уже главное убѣжище самыхъ ревностныхъ послѣдователей мюридизма. Не смѣя съ своими ничтожными силами спуститься въ гимринское ущелье, онъ оставался празднымъ зрителемъ кровопролитнаго боя. Въ полночь дали ему знать о смерти Кази-муллы. Гамзатъ сначала не повѣрилъ этому извѣстію, но когда восходящее солнце отразилось на штыкахъ русскихъ въ гимринскихъ садахъ и въ самомъ селеніи, то онъ, оплакавъ сначала кончину имама, притворился потомъ погруженнымъ въ крѣпкій сонъ; пробудясь же отъ своего мнимаго забытья, обратился къ окружавшимъ его съ слѣдующими словами,

внушенными ему будто бы свыше: „Казн-мулла не умеръ; онъ святой, онъ въ раю и прелестныя гуріи улаждаютъ его новую жизнь. Изъ васъ, право-вѣрные мусульмане, каждый можетъ быть вмѣстѣ съ нимъ, если только будете слѣдовать его примѣру, а онъ всегда свято исполнялъ шаріать, первый объявилъ газаватъ и умеръ съ теплою молитвою, съ оружіемъ въ рукахъ, защищая родину. Знаете ли вы, что Казн-мулла не оставитъ насъ и будетъ вмѣстѣ съ нами дѣйствовать противъ невѣрныхъ, если мы не оставимъ газавата и послѣдуемъ его святому ученію? Мы не увидимъ его, но онъ будетъ устрашать враговъ нашихъ во время боя появленіемъ своимъ на бѣлой лошади въ зеленой одеждѣ и окруженный всѣми мюридами, съ нимъ погибшими. Казн-мулла будетъ врываться въ ряды невѣрныхъ, мечъ его будетъ для нихъ сокрушителемъ, и, объятые ужасомъ, они будутъ искать спасенія въ одномъ бѣгствѣ!“

Эти слова снова возбудили въ слушателяхъ фанатизмъ, но, по возвращеніи на родину, Гамзатъ-бекъ не предпринималъ нѣкоторое время ничего рѣшительнаго, стараясь сперва увѣрить послѣдователей новаго ученія въ справедливости сообщеннаго имъ на горѣ Наратовъ откровенія. Не ранѣе начала 1833 года онъ разослалъ воззваніе ко всѣмъ мулламъ и дагестанскимъ старшинамъ, приглашая ихъ собраться въ селеніе Кородахъ, гдѣ обѣщалъ имъ объявить весьма важное извѣстіе. Въ назначенный день приглашенные толпились у дверей мечети. Въ полдень Гамзатъ-бекъ вѣхалъ въ селеніе съ огромной свитой вооруженныхъ приверженцевъ. Гордо и смѣло вошелъ онъ въ мечеть, совершилъ намазъ и, обратясь къ народу, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Мудрые сподвижники таригата, почтенные муллы и старшины храбрыхъ обществъ! Казн-мулла молится за васъ на небѣ. Будемъ ли къ нему непризнательны? Уменьшимъ ли ревность въ исполненіи таригата, ослабѣемъ ли духомъ послѣ смерти Казн-муллы, святого, который во всякомъ дѣлѣ будетъ помогать намъ, оставляя во время битвъ нашихъ съ невѣрными гуріи и рай изъ любви къ намъ? Таригатъ велитъ намъ вести войну съ русскими, чтобы освободить нашихъ собратьевъ отъ ихъ власти. Кто убьетъ русскаго, тому обѣщано вѣчное блаженство; кто самъ будетъ убитъ въ дѣлѣ, тому предстоитъ рай со всѣми гуріями и утѣхами. Идите въ свои мѣста, собирайте народъ, внушайте ему наставленія Казн-муллы; скажите, что если они не будутъ ревностно содѣйствовать великому дѣлу освобожденія родины, то наши мечети превратятся въ церкви христіанскія, а христіане поработятъ насъ всѣхъ. Но мы не можемъ оставаться безъ имама. Казн-мулла избралъ меня своимъ помощникомъ и назначилъ преемникомъ. Я объявляю газаватъ невѣрнымъ, и съ этой же минуты начальникъ вашъ и имамъ я!“

Эта рѣчь, однако, не произвела желаемого впечатлѣнія на муллъ и старшинъ; слушатели Гамзатъ-бека, помня нѣкоторыя его неудачи, не совсѣмъ благосклонно приняли его воззваніе. Раздалось нѣсколько противорѣчащихъ голосовъ; въ толпѣ старшинъ послышался ропотъ... Тогда Гамзатъ-бекъ, не давая времени слиться въ одинъ голосъ нерѣшительному еще ропоту недовольныхъ, далъ знакъ рукою къ молчанію и сказалъ повелительнымъ тономъ: „Мусульмане! вижу, что вѣра начала ослабѣвать въ васъ! Мой долгъ, долгъ имама, велитъ мнѣ навести васъ на тотъ путь, съ котораго вы совратились. Я требую повиненія или Гамзатъ принудитъ васъ повинаться силою оружія“. Грозное лицо оратора, сжавшаго рукоять шашки, и приближеніе къ нему приверженцевъ, готовыхъ на все, смутили толпу правовѣрныхъ; ни одинъ голосъ не возвысился для возраженія; напротивъ, шопотъ согласія слышался въ толпѣ, и Гамзатъ торжественно вышелъ изъ мечети, вскочилъ на коня и помчался изъ деревни, окруженный преданными ему мюридами, которые, джигитую по сторонамъ, стрѣляли въ честь своего любимца—новаго имама.

Въ доказательство своей преданности вѣрѣ, Гамзатъ-бекъ отдалъ строгій приказъ, чтобы никто не смѣлъ курить табакъ и употреблять горячихъ напитковъ и, для отличія послѣдователей новаго ученія отъ упорствовавшихъ въ присоединеніи къ мюридизму, велѣлъ каждому мюриду подстригать усы, наравнѣ съ верхнею губою. Нарушителей этого приказанія угрожалъ посадить въ яму и наказать по пятамъ 40 палочными ударами. Хунзахцы и безъ того имѣли много причинъ быть недовольными Гамзатъ-бекомъ, а эти стѣснительныя распоряженія еще болѣе усилили ихъ негодованіе и послужили окончательнымъ поводомъ къ составленію заговора противъ похитителя аварскаго престола. —

Главными участниками заговора были: Османи-Язуль-Гаджіевъ, сынъ его Итипа-Магометъ, воспитатель убитыхъ аварскихъ хановъ и дѣти послѣдняго—Османъ и Хаджи-Муратъ, которымъ Умма-ханъ приходился имченомъ или молочнымъ братомъ. Несмотря на всѣ мѣры предосторожности, принятыя заговорщиками, одинъ изъ ревностнѣйшихъ мюридовъ успѣлъ узнать ихъ тайну и тотчасъ же сообщилъ Гамзату о покушеніи на его жизнь, подтверждая справедливость своихъ словъ клятвою. Но Гамзатъ былъ фаталенъ. Выслушавъ мюрида, онъ спросилъ его хладнокровно: „Можешь ли ты остановить ангеловъ, когда они придутъ за моею душою? Если не можешь, то иди домой и оставь меня въ покоѣ. Что опредѣлено Богомъ, того не избѣжишь, и если завтра назначено мнѣ умереть, то завтрашній день и будетъ днемъ моей смерти“. 19-го сентября, въ пятницу, былъ большой праздникъ у всѣхъ магометанъ, и Гамзатъ-бекъ, какъ глава духовенства въ Дагестанѣ, имѣлъ намѣреніе идти въ мечеть. Но едва на-

ступило утро, къ нему снова явился мюридъ, доносившій о заговорѣ, и, снова подтверждая клятвою справедливость своихъ словъ, объявилъ, что его непременно убьютъ въ этотъ день, во время молитвы въ храмѣ. Но Гамзатъ-бекъ, не допуская и мысли, чтобы участь его была уже рѣшена и минуты жизни сочтены, непременно хотѣлъ быть въ мечети и только отдалъ приказаніе, чтобы никто изъ жителей Хунзаха не смѣлъ входить туда въ буркѣ, подъ которою могло быть скрыто оружіе. Въ полдень раздался голосъ муллы, и толпы поклонниковъ Магомета начали сходить въ мечеть. Вооруженный тремя пистолетами и предшествуемый двѣнадцатью мюридами съ обнаженными шапками, вошелъ и Гамзатъ-бекъ въ храмъ пророка, въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ. Онъ готовился уже приступить къ молитвѣ, какъ, замѣтивъ нѣсколькихъ челоуѣкъ въ буркахъ, остановился посреди мечети. Тогда Османъ, братъ Хаджи-Мурата, сказалъ собравшимся: „Что же вы не встаете, когда великій имамъ пришелъ съ вами молиться“. Эти слова не предвѣщали ничего добраго, а потому Гамзатъ-бекъ началъ отступать къ дверямъ храма; но въ это время Османъ выстрѣлилъ изъ пистолета и нанесъ ему тяжелую рану. Велѣдъ за даннымъ сигналомъ быстро послѣдовали выстрѣлы, и убійца аварскихъ хановъ палъ мертвымъ на коврѣ мечети, прострѣленный нѣсколькими пулями. Приближенные Гамзатъ-бека хотѣли отомстить за смерть своего повелителя, однако успѣли убить только Османа, потому что, атакованные въ свою очередь ободрившимися хунзахцами, должны были спастись бѣгствомъ. Освободясь отъ своихъ притѣснителей мюридовъ, хунзахцы тотчасъ же ввели въ ханскій домъ престарѣлую ханшу Хистоманъ-Вине, которая изъ состраданія велѣла похоронить на четвертый день валявшееся возлѣ мечети обнаженное тѣло Гамзатъ-бека, пережившаго только съ небольшимъ мѣсяцъ несчастныхъ аварскихъ хановъ.

Но и со смертью второго имама не прекратилось на Кавказѣ грозное ученіе мюридовъ, потому что на мѣсто убитаго Гамзатъ-бека тотчасъ явился третій имамъ, нашъ знаменитый плѣнникъ— Шамиль.

Пронехожденіе Шамиля (Шамуля или Самуила) неизвѣстно, и потому спорно *). Такъ, напр., одни утверждаютъ, что онъ родился въ 1799 году отъ бѣднаго наѣстуха по имени Динкау, который, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, заставлялъ своего маленькаго сына продавать карагу (низшій сортъ перенковъ) и что малютка, нерѣдко усталый, бродилъ изъ селенія въ селеніе съ тяжелой ношей на плечахъ. Въ свободное же отъ этихъ занятій время Шамиль ходилъ, говорятъ, учиться къ муллѣ, который толко-

*) См. мою статью „Встрѣча съ сыномъ Шамиля“, помѣщаемую въ этой же книгѣ далѣе (изъ „Русской Старины“, кн. 8-ая, 1901 года).

валъ ему первоначальныя основанія религiи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставляя, по принятому обыкновенiю, затверживать наизустъ наиболѣе употребительныя изреченiя корана.

Успѣхи Кази-муллы, слухъ о сильномъ и могучемъ влiянiи его на умы дагестанцевъ привлекли къ нему Шамиля, и они свидѣлись въ Казанищахъ. Скромность вѣры безъ возраженiй на проповѣдь, восторженный голосъ въ пользу новаго ученiя, наружное теплое сочувствiе помысламъ фанатизма съ перваго свиданiя расположили къ юному послѣдователю мюридизма верховнаго главу этого кроваваго ученiя, и вскорѣ онъ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ его учениковъ. Быть можетъ, въ первыя минуты Шамиль дѣйствительно увлекался только безразсчетнымъ фанатизмомъ, но впоследствии всѣ его дѣйствiя доказываютъ скрытый и обдуманый расчетъ властолюбца. Да иначе, впрочемъ, и быть не могло; близость къ такимъ лицамъ, какъ Кази-булла и Гамзатъ-бекъ, не могла остаться безъ послѣдствiй и послужила для него превосходною школою. Постоянно наблюдательный, постоянно сосредоточенный въ самомъ себѣ, Шамиль все видѣлъ, изъ всего извлекалъ полезныя для себя уроки и научился распознавать и обстоятельства, и людей, такъ что, когда ему пришлось дѣйствовать самостоятельно, то никто лучше его не зналъ ни положенiя дѣлъ, ни силы препятствiй, ни средствъ, которыми можно было одолѣть ихъ. Никто такъ не умѣлъ понимать замысловъ своего имама, никто такъ удачно не разжигалъ одушевленную рѣчью босоногого горца и никто такъ удачно и такъ усердно не исполнялъ даваемыхъ мюридомъ порученiй, какъ Шамиль.

Развязка гимринскаго сраженiя еще болѣе характеризуетъ Шамиля. Легко раненый двумя пулями и распростертый вблизи своего падшаго учителя, онъ долго не показывалъ признаковъ жизни и тѣмъ избѣгнулъ смерти или плѣна; по удаленiи же русскихъ изъ селенiя, онъ не спѣшилъ безъ оглядки въ горы, а отыскалъ трупъ Кази-муллы и привелъ его въ положенiе молящагося—поступокъ, обнаруживающiй замѣчательную ловкость будущаго имама. Продѣлка его съ трупомъ убитаго мюрида имѣла двѣ цѣли и разомъ достигла обѣихъ: молящееся положенiе трупа знаменитаго проповѣдника мюридизма, воспламенивъ фанатизмъ въ его послѣдователяхъ, укрѣпило влiянiе самаго ученiя, на которое Шамиль, одаренный проницательностью, уже въ то время не могъ не разсчитывать, какъ на будущее средство своего возвышенiя; кромѣ того, этимъ поступкомъ Шамиль превосходно отрекомендовалъ свои способности преемнику Кази-муллы, Гамзатъ-беку, и заслужилъ особенное его вниманiе. Наконецъ, ко всему этому нужно присоединить и то впечатлѣнiе, какое произвело на мюридовъ, считавшихъ Шамиля убитымъ, появленiе его между ними, съ двумя ранами

въ груди, пзъ которыхъ не сочплась болѣе кровь. „Аллахъ спасъ Шампля отъ смерти,—воскликнулъ горцы,—чтобы онъ побѣдилъ живыхъ!“

Шамиль сталъ выжидать и изыскивать случая погубить преемника Казимуллы, чтобы, въ свою очередь, самому сдѣлаться его преемникомъ, и случай, дѣйствительно, скоро представился. Аварцы, а въ особенности родственники погибшихъ хановъ не могли, конечно, полюбить убійцу своихъ законныхъ властителей; не понравились имъ и новыя, оскорбительныя для народа, мѣры къ водворенію мюридизма. Шамиль, зная духъ, оживлявшій недовольныхъ хунзахскихъ аварцевъ, вошелъ съ нѣкоторыми пзъ ихъ въ тайныя сношенія и старался разбудить пламя ненависти, внушая недовольнымъ, что единственнымъ и неправымъ виновникомъ бѣдствій ихъ и всей Аваріи—Гамзатъ-бекъ. Составился заговоръ, и почти чрезъ мѣсяцъ послѣ кроваваго торжества надъ аварскими ханами погибъ въ хунзахской мечети второй имамъ. Нельзя не обратить вниманія, что и послѣднее событіе совершилось въ отсутствіе Шампля, который опять нашелъ возможность не прінять непосредственнаго участія въ результатахъ своей хитрой политики и издалека слѣдить за ходомъ заговора. Лишь только дошло до него извѣстіе о гибели Гамзатъ-бека, онъ тотчасъ же собралъ партію отчаяннѣйшихъ мюридовъ и провозгласилъ себя имамомъ и главою мюридизма. Нѣтъ свидѣтельствъ, какимъ образомъ произошло это самопровозглашеніе новаго имама, но исторія его предшественника заставляетъ предполагать что-нибудь подобное и при самозбраніи Шампля.

Достигнувъ власти имама, Шамиль началъ заботиться объ утвержденіи своего вліянія въ горахъ, потому что судьба его предшественниковъ указывала ему на всю шаткость его положенія. Казимулла дѣйствовалъ по убѣжденію въ истинѣ распространяемаго имъ ученія, но, работая, по выраженію самого Шампля, болѣе руками, чѣмъ головой, погибъ, хотя и со славою, но безъ всякой пользы. Гамзатъ-бекъ, какъ честолюбецъ, домогался достоинства аварскаго хана и владѣтеля Дагестана, но сдѣлался жертвою легкомыслія и непростительной безпечности и неосторожности. Не будучи столь религіознымъ, какъ Казимулла, ни столь опрометчивымъ и удалымъ, какъ Гамзатъ-бекъ, Шамиль превосходилъ обохъ умомъ, настойчивостью, а главное—умѣньемъ все дѣлать кетати, т.-е. качествомъ истинно-практическаго человѣка. Поэтому, для обезпеченія своей особы и распространенія моральнаго вліянія на умы горекихъ обществъ, Шамиль старался утвердить свою власть на политическихъ началахъ, прикрывая все свои распоряженія и предпріятія усердіемъ къ Аллаху и святошествомъ мюридизма.

Шамиль, подобно своимъ предшественникамъ, утверждалъ, что Аллахъ положилъ Кавказскій хребетъ границей, охранительной стѣной и вѣчнымъ

сборнымъ мѣстомъ народовъ и государствъ правовѣрныхъ противъ Гога и Магога, т.-е. невѣрныхъ; горскіе же народы призвать они, какъ стражей и защитниковъ, для веденія войны противъ невѣрныхъ, которые въ нынѣшнее время, предъ наступленіемъ страшнаго суда, ожесточеннѣе, чѣмъ когда-либо, нападаютъ на правовѣрныхъ. Но какъ калифъ (падишахъ) слабъ и находится подъ вліяніемъ невѣрныхъ, то Аллахъ, при этой опасности, избралъ изъ среды мусульманскаго народа пророковъ и полководцевъ для священной войны; такимъ образомъ, сначала призванъ былъ Казимулла, устами котораго говорилъ самъ Аллахъ, потомъ Гамзатъ-бекъ и, наконецъ, Шамиль. И имъ-то долженъ слѣпо повиноваться и слѣдовать всякій правовѣрный. Вообще, кавказскій юридизмъ не заключаетъ въ себѣ богословскихъ догматовъ, отличающихъ его отъ общаго магометанскаго ученія; напротивъ, онъ открыто проповѣдуетъ согласіе и единство шиитовъ и сунитовъ, требуетъ, чтобы они забыли домашній споръ о религіозныхъ догматахъ и еще разъ водрузили знамя пророка за ученіе Магомета, для завоеванія міра и искорененія невѣрныхъ.

Такимъ образомъ, достигнувъ полнаго могущества, Шамиль изъ мюрида, въ сущности, превратился въ деспотическаго свѣтскаго властителя, и стремленіемъ его было уже не нравственное совершенствованіе своихъ мюридовъ и народа, а успія отстаивать свою самостоятельность отъ владычества Россіи и держать въ слѣпомъ повиновеніи подвластные народы. Мюриды, его ученики и приверженцы, вмѣсто созерцанія величія Бога и пренебреженія къ земнымъ благамъ, послужили только опорой свѣтской власти и силы имама; это были не ученики духовнаго наставника, а преданная ему, изъ личныхъ интересовъ, преторіанская гвардія, его клеветы и шпионы, наблюдавшіе за духомъ и умомъ народа и членовъ административнаго управленія Шамиля. Народъ же, подвластный имаму, былъ не болѣе, какъ источникомъ его матеріальныхъ средствъ.

Несмотря, однако, на всю ложность ученія кавказскихъ имамовъ, власть ихъ возростала необыкновенно быстро. Съ первымъ появленіемъ мюридизма на Кавказѣ изъ отдѣльныхъ слабыхъ обществъ, болѣе или менѣе покорныхъ Россіи и способныхъ, въ прежнія времена, дѣлать лишь незначительныя хищническіе набѣги на наши предѣлы, образовался цѣлый союзъ дагестанскихъ племенъ, воодушевленныхъ одною идею и стремившихся къ одной общей цѣли. Такимъ образомъ Казимуллы повиновались уже Консуба, Гумбетъ, Андія и другія мелкія общества по Андійской и Аварской Койсу, половина шамхальства тарковского и всѣ почти аварскія селенія, за исключеніемъ одного только Хунзаха; а въ Андалалѣ и Чечнѣ дѣйствовали его эмиссары. Въ случаѣ нужды, Казимулла могъ вывести до 15.000 пѣхоты и конницы, готовой на все по его мановенію. Гамзатъ-

бекъ, овладѣвъ Хунзахомъ, окончательно подчинилъ власти имама всю Аварію. Въ 1837 году эта область была занята русскими войсками, выстроившими тамъ укрѣпленіе, а въ 1839 году взята была приступомъ Ахульго, съ паденіемъ котораго рушилась власть Шамиля въ Дагестанѣ.

Начиная же съ 1845 года, а въ особенности съ назначеніемъ князя Барятинскаго кавказскимъ намѣстникомъ, ходъ военныхъ дѣйствій на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи принялъ такой оборотъ, что смѣло можно было ожидать скорого замиренія всей восточной части Кавказа. Устройствомъ Буртанальскаго укрѣпленія въ Салатавін, занятіемъ верхняго Аргуна и Веденя были приготовлены не только всѣ средства для безпрепятственнаго вступленія нашихъ войскъ въ горы со стороны Чечни и сѣвернаго Дагестана, но обезпечены ихъ сообщенія и способы продовольствія. То же самое было сдѣлано для войскъ Лезгинской кордонной линіи, занятіемъ Дидо, Иланхеви и другихъ обществъ южной части нагорнаго Дагестана. Затѣмъ, пользуясь этими передовыми пунктами, произведено было одновременное нападеніе на долину Андійской Койсу, главную позицію горцевъ, съ фронта и обонхъ фланговъ, и слѣдствіемъ этого концентрическаго движенія нашихъ войскъ было быстрое, даже для насъ, паденіе всѣхъ оплотовъ власти Шамиля и, наконецъ, плѣнь самого имама, на вершинѣ Гунибъ-Дага. Теперь подвластны намъ всѣ жители восточной части Кавказа, отъ Военно-Грузинской дороги, до Каспія и, говоря словами Высочайшей грамоты на имя князя Барятинскаго, „отнынѣ предстоитъ во вновь покоренной странѣ не утвержденіе власти нашей силою оружія, а распространеніе между новыми подданными Россіи гражданственной образованности и общественнаго благосостоянія“.

Шамиль, говоритъ В. А. Потто, едва ли искрененъ въ своихъ разсказахъ, когда увѣряетъ, что причина священной войны, объявленной Дагестанѣ, заключалась вовсе не въ таригатѣ и даже не въ тѣхъ личностяхъ, которыя руководили движеніемъ, а въ вѣковой, воспитанной долгими страданіями, ненависти народа къ ханскому правленію. Когда русскіе, явившіеся властителями приморскаго Дагестана, не только не избавили народъ отъ ханскаго произвола, а, напротивъ, укрѣпили ханскую власть, до того боязливую и шаткую, своими штыками и пушками,—то населеніе нагорнаго Дагестана само разорвало свои путы и устремилось на русскихъ, обманувшихъ его завѣтныя упованія. Таковы сказанія объ этомъ самого Шамиля. Но Шамиль, какъ кажется, не правъ въ своемъ заключеніи уже потому, что юридизмъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ, окрѣпъ и замкнулся именно въ нагорной части Дагестана, гдѣ большинство населенія составляло вольныя общества, а въ существовавшихъ ханствахъ власть не была такъ тяжела, какъ на плоскости; а во-вторыхъ, если ханскія

земли и стали въ первое время ареною кровавой борьбы, то только благодаря полному отсутствію съ нашей стороны въ Дагестанѣ твердой энергической власти и цѣлому ряду такихъ грубыхъ ошибокъ, которыя въ концѣ концовъ вызвали возстаніе жителей. Ученіе фанатиковъ бросило первыя искры, мы стали ихъ раздувать и произвели пожаръ, который потушить потомъ уже были не въ силахъ. Позднѣе, когда фельдмаршалъ уѣхалъ изъ края, къ этому же убѣжденію пришелъ и его преемникъ, генераль-адъютантъ Панкратьевъ, писавшій государю, что преступныя дѣяствія Корганова были одною изъ главныхъ причинъ быстрого распространенія мюридизма на плоскости. Трудно, повторяемъ, повѣрить, чтобы человѣкъ, не имѣвшій, какъ Коргановъ, ни служебнаго положенія, ни высокаго чина, могъ такъ самовластно распоряжаться судьбами Дагестана, да еще въ такую трудную переживаемую имъ эпоху,—но на это есть достовѣрные свидѣтельства и старыхъ людей, и офціальныхъ документовъ, скрѣпленныхъ лицомъ, близко стоявшимъ къ Паскевичу—генераль-адъютантомъ Панкратьевымъ.

Угрожающее положене, занятое койсубулинцами, державшее въ напряженномъ состояніи весь край, убѣдило, наконецъ, Паскевича не въ ошибочности принятыхъ имъ мѣропріятій и отсутствіи нравственной системы дѣяствій, а въ необходимости покончить все однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Генераль-лейтенанту Розену приказано было принять начальство надъ всѣми войсками, собранными въ шамхальствѣ, войти въ земли койсубулинцевъ и взять Гимры открытою силою. Отъ этой экспедиціи Паскевичъ ждалъ умиротворенія всего Дагестана, которое, однако, не совершилось тогда и затянулось на цѣлыя десятилѣтія, и намъ довелось, какъ увидимъ изъ дальнѣйшихъ разсказовъ, много пролить крови и много потратить времени, чтобы покорить непокойныя племена, насъ окружавшія.

Покореніе карачаевцевъ *).

(1828 г.).

Въ верховьяхъ рѣки Кубани, по горнымъ отрогамъ Эльборуса, жило непокорное намъ общество карачаевцевъ, числомъ до восьми тысячъ душъ обоего пола. Карачаевцы считали себя выходцами изъ Крыма, были мусульманами, говорили татарскимъ языкомъ и находились въ полувассальномъ отношеніи къ кабардинцамъ, на землѣ которыхъ паслись ихъ стада.

*) Изъ сочиненія В. А. Потто „Кавказская война“.

Имѣя очень мало земли для хлѣбопашества, они занимались скотоводствомъ и разводили прекрасныя породы овецъ, выдѣлывая изъ ихъ шерсти грубыя сукна, паласы и бурки, не уступавшія андійскимъ по красотѣ и прочности.

Карачаевцы не были народомъ воинственнымъ, но центральное положеніе, занятое ими среди полупокорныхъ и непокорныхъ намъ племенъ, придавало имъ важное стратегическое значеніе. Въ рукахъ карачаевского народа находились все горныя тѣнины, по которымъ пролегали кратчайшіе пути изъ Западнаго Кавказа въ Восточный, и въ ихъ же землѣ стоялъ Эльборусъ—царь Кавказа, бѣлую мантию котораго еще ни разу не осквернила нога человѣка. Трущобы Карачая казались неприступными. Въ его гнѣздахъ, свитыхъ на голыхъ, почти отвѣсныхъ утесахъ, находили себя убѣжище все закубанскіе хищники, все абреки и люди безпокойные, которымъ не было пріюта въ собственныхъ обществахъ, которымъ нельзя было показаться даже въ предгоріяхъ Эльборуса безъ опасенія быть убитымъ своими или чужими. И не одни русскіе — еще ранѣе ихъ турки оцѣнили важное значеніе Карачая, особенно послѣ того, какъ въ концѣ минувшаго столѣтія уже потеряли другой горный проходъ противъ Баталпашинска. Извѣстный анапскій паша Чечень-оглы употребилъ все усилія, чтобы склонить карачаевскій народъ къ принятію турецкаго подданства. Онъ наводнилъ ихъ землею эмиссарамъ, которые дѣятельно принялись за пропаганду, доказывая карачаевцамъ, что рано или поздно русскіе сдѣлаютъ ихъ своими данниками, отберутъ отъ нихъ оружіе, и карачаевцы будутъ ходить, какъ женщины, возбуждая къ себѣ сожалѣніе и насмѣшки сосѣдей. Они говорили, что русскіе будутъ вербовать ихъ въ солдаты, разлучать съ родной и отправятъ на службу въ холодныя сѣверныя страны, откуда, по прошествіи длиннаго ряда лѣтъ, молодые будутъ возвращаться сѣдыми и немощными стариками. Если не ихъ самихъ, то ихъ дѣтей русскіе обратятъ въ свою вѣру, и дѣти стануть чуждаться родителей. Теперь этого пока нѣтъ,—говорили эмиссары:—русскіе боятся возстанія въ покорныхъ имъ мусульманскихъ обществахъ; но когда вся страна попадетъ въ ихъ руки и жители будутъ обезоружены, они тотчасъ же потребуютъ отреченія отъ корана, разорятъ мечети и на ихъ мѣстахъ будутъ строить церкви.

Аргументы были внушительны. Многіе карачаевцы увлеклись ими, другіе отнеслись къ проповѣдямъ эмиссаровъ недовѣрчиво и даже преслѣдовали проповѣдниковъ насмѣшками. У нѣкоторыхъ ненависть къ послѣднимъ дошла до того, что въ одного очень вліятельнаго эфендія сдѣланъ былъ выстрѣлъ съ улицы, въ раскрытое окно, въ то время, какъ онъ сидѣлъ въ своей саклѣ, углубившись въ чтеніе книги. Народъ карачаевскій

раздѣлился на двѣ партіи, изъ которыхъ одна требовала присоединенія къ Турціи, другая стояла за принесеніе покорности русскимъ. Событія на Кубани и въ особенности смѣлый набѣгъ Джембулата, заставившій говорить о себѣ въ карачаевскихъ трушобахъ болѣе, чѣмъ о разгромѣ Паскевичемъ далекой и чуждой имъ Персіи, положилъ конецъ такому разъединенію: весь народъ, безъ различія политическихъ мнѣній, склонился на сторону Турціи и о принесеніи покорности русскимъ не было больше даже и рѣчи.

Положеніе дѣлъ въ Карачаѣ не могло не отразиться на ходѣ нашихъ дальнѣйшихъ предпріятій за Кубанью. Въ послѣднее время не было набѣга, въ которомъ не участвовали бы карачаевцы, не было хищническихъ партій, которыя не находили бы себѣ пріюта въ ихъ владѣніяхъ. Пока существовалъ этотъ оплотъ закубанскихъ народовъ, имѣвшій значеніе стратегической цитадели, до тѣхъ поръ отъ нашихъ военныхъ операцій за Кубанью нельзя было требовать сколько-нибудь удовлетворительнаго результата. Пока войска находились въ движеніи, задача умпротворенія края казалась близкою къ осуществленію; но какъ только войска удалялись — все приходило въ прежній порядокъ: волны смыкались за прорѣзавшимъ ихъ кораблемъ и не оставляли даже слѣда на своей, подернутой зыбью, поверхности. Генераль Эмануель сознавалъ это ясно, и мысль о наступленіи въ Карачай поглотила все его вниманіе. Къ ней присоединилась и другая, которую, быть можетъ, не одинъ генераль лелѣялъ до него въ своемъ воображеніи, — мысль объ овладѣніи Эльборусомъ, этимъ центральнымъ узломъ и кульминаціонной точкой Кавказа. Эльборусъ въ нашихъ рукахъ могъ служить буферомъ между покорными намъ кабардинцами и непокорными закубанскими народами. Тогда абреки лишены были бы возможности укрываться отъ нашихъ преслѣдованій, и хищническія партіи сдѣлались бы гораздо осторожнѣй, зная, что Карачай не можетъ уже оказывать имъ прежняго гостепріимства.

Задуманный походъ въ Карачай Эмануель рѣшился предпринять во второй половинѣ октября мѣсяца, когда суровая осень препятствовала неприятелю долго находиться въ сборѣ. Но какъ ни скрытно дѣлались приготовления съ нашей стороны, въ горахъ, однако, узнали о нихъ прежде, чѣмъ собрались войска; узнали даже о цѣли движенія, — и карачаевцы приготовились къ отпору. Они только не знали, съ какой стороны ожидать русскихъ. Въ Карачай вели двѣ дороги: одна шла по лѣвому берегу Кубани, у верховьевъ которой лежала скалистая котловина — сердце карачаевскихъ владѣній; другая — со стороны Пятигорья. Это былъ кружный путь, пролежавшій по горнымъ тропамъ, подъ самую снѣговую линію, гдѣ неприятель менѣе всего могъ ожидать появленія русскихъ. Но карачаевцы и

этотъ путь не оставили безъ наблюденія—гдѣ только могла ступить нога человѣка, вездѣ стояли они наготовѣ. Эмануель рѣшилъ развлечь вниманіе непріятели и предварительно двинулъ небольшой отрядъ—двѣ роты егерей, 250 казаковъ и три орудія, подъ начальствомъ генераль-майора Турчанинова, вверхъ по Кубани къ Тибердинскому ущелью. Появленіе этого отряда у Каменнаго моста послужило сигналомъ для сбора непріятельскихъ партій, которыя быстро сосредоточились къ тѣсннамъ Аманъ-мхытъ, что въ переводѣ означаетъ „Гибельный путь“. Нагорная полоса осталась не занятою. Тогда Эмануель выступилъ съ главными силами изъ Бургустана, и обѣ колонны, двигаясь концентрически, соединились 19-го октября у сѣвернаго склона Эльборуса на одной изъ его террасъ, идущихъ діадемой вокругъ его бѣлой короны. Терраса эта извѣстна подъ именемъ Эль-Джурганъ-сыртъ и имѣетъ нѣсколько болѣе семи тысячъ футъ высоты. Отсюда войска двинулись къ Карачаю уже въ боевомъ порядкѣ. Впереди, подъ начальствомъ командира Волжскаго казачьяго полка, майора Вирзиллина, шелъ батальонъ Навагинскаго полка съ двумя кегорновыми мортирами, рота стрѣлковъ и двѣ сотни спѣшенныхъ линейцевъ съ коннымъ единорогомъ. На этотъ разъ движеніе войскъ нельзя было скрыть отъ непріятели, который внутренними дорогами бросился къ сѣвернымъ склонамъ Эльборуса и успѣлъ предупредить русскій отрядъ въ лѣсистыхъ оврагахъ на самой границѣ своей земли. Тенгинская цѣпь, постѣ получасовой перестрѣлки, принудила, однако, карачаевцевъ покинуть эту позицію. Тогда они заняли высокую гору Хоцекъ, покрытую отъ подошвы до самой вершины, почти на протяженіи трехъ верстъ, хвойнымъ лѣсомъ и усѣянную огромными обломками скаль. Эмануель приказалъ штурмовать гору. Было десять часовъ утра. Густая цѣпь стрѣлковъ первая начала наступленіе; за нею небольшими сомкнутыми частями, въ видѣ резервовъ, двинулись остальные войска авангарда. За авангардомъ шла главная колонна и тяжести.

Во всю ширину покатости изъ-за камней и гигантскихъ сосенъ вырывались бѣлые клубы дыма, и въ этомъ дыму сверкали длинные стволы карачаевскихъ винтовокъ. Бойкая перестрѣлка шла по всему протяженію боевого поля. Эхо сосѣднихъ горъ, сливаясь въ одинъ протяжный гулъ, вторило ударамъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ этотъ день въ первый разъ нарушено было царствовавшее вокругъ Эльборуса мертвое безмолвіе. Войска наши, тяжело дыша, скользя и спотыкаясь, двигались по крутому подъему съ небольшими роздыхами. Негостепрійная природа гораздо болѣе обращала на себя ихъ вниманіе, нежели безостановочно жужжавшія мимо ушей карачаевскія пули. Но мѣрѣ того, какъ войска приближались къ заваламъ, горцы покидали ихъ и поднимались все выше и выше, не переставая обдавать ружейнымъ огнемъ передовую цѣпь. При самомъ началѣ боя, майоръ

Вирзилинъ былъ раненъ пулею въ ногу и сдалъ начальство надъ авангардомъ подполковнику 39-го егерскаго полка Ушакову, который продолжалъ наступленіе съ тою же настойчивостью и съ тѣмъ же упорствомъ. Крутой подъемъ, обломки утесовъ, служившіе закрытіемъ непріятелю, скалистыя ребра горъ и среди нихъ мрачныя ущелья, вырытыя дождевыми потоками,—все это не могло не замедлить нашего движенія, и, несмотря на то, еще не было 11 часовъ утра, какъ русскіе штыки уже засверкали на вершинѣ Хоцека.

Но за Хоцекомъ вставала другая гора, еще болѣе крутая, извѣстная подъ именемъ Карачаевскаго перевала. Это былъ послѣдній оплотъ страны, цитадель, на защиту которой горцы употребили свои лучшія силы. Этихъ силъ было немного — всего 500 человекъ, но ихъ было бы вполне достаточно для удержанія этой крѣпкой позиціи, если бы только на мѣстѣ карачаевцевъ было другое, болѣе стойкое и воинственное племя.

На вершинѣ Хоцека Эмануель оставилъ все свои тяжести, всѣхъ раненыхъ и даже конное орудіе подъ прикрытіемъ ста егерей; остальные войска начали спускаться съ горы въ глубокую долину рѣчки Худесь-су. Спускъ былъ такъ же затруднителенъ, какъ и подъемъ. Тотъ же лѣсъ, тѣ же обломки скалъ и та же неумолкаемая перестрѣлка. Артиллеріи при авангардѣ не было, кромѣ двухъ кегорновыхъ мортирокъ, но и тѣ не могли дѣйствовать, что давало выстрѣламъ непріятеля, вооруженнаго винтовками, нѣкоторый перевѣсъ надъ огнемъ нашихъ гладкоствольныхъ ружей. Полтора часа длился бой, и только тогда наступилъ короткій перерывъ, когда колонны наши, случившись къ самой рѣкѣ, остановились на ровной площадкѣ для роздыха.

Лѣсъ, обрамлявшій горы по ту сторону рѣчки, кишѣлъ непріателемъ. Оттуда по временамъ раздавались ружейные выстрѣлы, доносился глухой стукъ топоровъ и голоса людей, очевидно спѣшившихъ устранивать завалы. Эмануель увидѣлъ, что если дать непріятелю время укрѣпиться на томъ берегу, то переправа черезъ небольшую, но быструю горную рѣчку обойдется намъ недешево. Три орудія, собранныя въ одну батарею, направили огонь на опушку, и когда гранаты разогнали рабочихъ и разметали завалъ, непріятель покинулъ лѣсъ и сталъ подниматься въ гору. Авангардъ нашъ, тотчасъ перешелъ Худесь-су и началъ наступленіе.

Подъемъ на Карачаевскій перевалъ былъ до того крутъ, что войска не разъ останавливались, чтобы перевести духъ, а непріятель, пользуясь этими остановками, усиливалъ перекрестный огонь, подъ которымъ все время держалъ наши колонны. Было уже два часа пополудни. На вершинѣ горы показалась новая партія, человекъ въ двѣсти, которая, разсыпавшись по гребню, усилила оборону перевала. Были ли то карачаевцы, прибывшіе

изъ дальнихъ ауловъ, или же закубанскіе народы выслали имъ въ помощь шайку своихъ отчаянныхъ головорѣзовъ--объ этомъ у насъ не знали; но во всякомъ случаѣ присутствіе лишняхъ двухсотъ винтовокъ не замедлило отразиться на самомъ ходѣ сраженія. Ружейный огонь со стороны карачаевцевъ, хотя частый, но урывчатый, теперь превратился въ батальный. Тѣмъ не менѣе, авангардъ нашъ подавался впередъ медленно, съ разстановками, но неуклонно. Онъ мужественною настойчивостью завоевывалъ себѣ каждый шагъ, и горцы должны были понять, что дѣло ихъ проиграно, что черезъ часъ, много черезъ два, Карачаевскій переваль—последняя опора ихъ страны, будетъ въ рукахъ русскихъ. Но надежда еще не покидала ихъ. Они знали, что ожидаетъ русскихъ тамъ, у самой вершины горы, и заранѣе представляли себѣ то смятеніе, въ какомъ эти стройныя колонны будутъ сброшены внизъ и побѣгутъ, объята паникой, а они будутъ преслѣдовать ихъ,—преслѣдовать и рубить до самой подошвы горы.

Какъ ни труденъ былъ подъемъ, особенно для арьергарда, куда отправляли убитыхъ и раненыхъ, бѣльшая часть его была пройдена; оставалось немного—разстояніе одного ружейнаго выстрѣла, но на этомъ разстояніи и цѣпь, и колонны вдругъ остановились. Произошло дѣйствительно нѣчто совершенно неожиданное. Гора вдругъ вздрогнула, заходила ходуномъ, и сверху на головы атакующихъ войскъ обрушились громадныя утесы, цѣлыя скалы и камни въ десятки и сотни пудовъ. Все это, гудя, прыгая, дробясь на части и вздымая пыль, за которой нельзя было ничего разобрать, летѣло внизъ съ ужасающей силой. Нѣсколько человѣкъ были буквально раздавлены камнями; многіе получили тяжелыяшибы или контузіи. Каменный дождь дѣйствительно озадачилъ войска и произвелъ въ нихъ нѣкоторое смятеніе. Наступила критическая минута экспедиціи. Было уже поздно, солнце уходило за горы, вечернія сумерки быстро охватывали окрестность, а сраженіе оставалось еще сомнительнымъ и не рѣшеннымъ.

Тогда Эмануель, убѣдившись, что фронтальная атака горы невозможна, двинулъ свой послѣдній резервъ въ обходъ непріятельскаго фланга. Это была рота егерей, силою въ 80 штыковъ, подъ командою поручика Митцкевича. Обходное движеніе ея было, однако, замѣчено горцами. Егеря попали подъ сильный перекрестный огонь; но, несмотря на это, Митцкевичъ пробился до подножія высокаго, отдѣльно стоящаго холма, съ котораго можно было анфилировать непріятельскую позицію, и взялъ его штурмомъ. Сильный огонь, открытый имъ во флангъ непріятелю, разстроилъ карачаевцевъ. Горцы, сбрасывавшіе камни, первые полетѣли внизъ вмѣстѣ съ ними и устлали своими трупами весь скатъ горы. Непріятель отшатнулся отъ гребня, и каменный дождь остановился. Въ это мгновеніе въ войскахъ раздалось „ура!“, прусскія колонны вскочили на переваль. Карачаевцы не

выдержали натиска и бросились бѣжать съ крикомъ: „нѣтъ болѣе Карачая! нѣтъ болѣе нашего отечества!..“

Стемнѣло, когда въ воздухѣ пронеслось и замерло эхо послѣднихъ выстрѣловъ. Преслѣдованія не было. Непрiятель, окутанный темнотою наступившей ночи, отступалъ по такой мѣстности, гдѣ мы легко могли потерять плоды дорого доставшейся намъ побѣды, если бы горцы опомнились и рѣшились сдѣлать ночное нападеніе. Генераль приказалъ ударить отбой. Этотъ сигналъ, благодаря обстановкѣ, среди которой онъ прозвучалъ, имѣлъ въ себѣ нѣчто торжественное—имъ какъ бы закрѣпился актъ покоренія карачаевцевъ.

Бой за обладаніе Карачаемъ длiлся ровно 12 часовъ. Въ 7 часовъ утра раздалась первая выстрѣлы, и въ 7 часовъ вечера смолкли послѣдніе. Въ продолженіе этихъ двѣнадцати часовъ съ нашей стороны убито и ранено 7 офицеровъ и 156 нижнихъ чиновъ. Потеря значительная,—но съ такими потерями можно мириться, когда онѣ отвѣчаютъ достигнутымъ результатамъ. Уронъ непрiятеля въ точности былъ неизвѣстенъ; но онъ не могъ быть особенно значителенъ, такъ какъ всѣ выгоды позиціи во всѣ моменты боя были на его сторонѣ. Войска не трогались съ поля битвы до слѣдующаго утра; они раскинули свой бивуакъ на той самой горѣ, на которой горцы никогда не надѣялись видѣть русскихъ. Ночлегъ, послѣ дня, проведеннаго въ непрерывномъ огнѣ, не отличался особенными удобствами, да ихъ никто и не требовалъ: небо, усыянное звѣздами, служило пологомъ, земля, обогрѣнная кровью,—постелью, костры, сложенные изъ цѣльныхъ сосенъ и елей.—ночниками. Утромъ къ отряду присоединились всѣ тяжести, и войска начали спускаться въ долину Кубани, уже усыянную аулами. Этотъ спускъ, продолжавшійся нѣсколько часовъ, показалъ Эмануэлю, какъ благоразумно онъ поступилъ, не позволивъ преслѣдовать бѣгущаго непрiятеля ночью. Это была одна изъ тѣхъ дорогъ, по которымъ не безопасно двигаться даже днемъ, въ ясную и сухую погоду. Она представляла изъ себя ломанные зигзаги, которые то обрывались въ глубокія пропасти, то взбирались на отвѣсныя скалы или же вдругъ пропадали и снова появлялись далеко въ сторонѣ отъ первоначальнаго направленія. Что случилось бы съ нашими войсками, тяжело одѣтыми и тяжело обутыми, въ темную ночь, на такой неприступной и незнакомой мѣстности! Сколько бы прибавилось къ жертвамъ упорнаго боя новыхъ жертвъ, погребенныхъ среди скалъ и пропастей Карачая!..

Солнце переступило за полдень, когда колонны спустились, наконецъ, къ подошвѣ перевала и, выстроившись въ боевой порядокъ, двинулись вверхъ по Кубани. Онѣ шли къ аулу Карта-юрту—центральному селенію.

гдѣ находилась резиденція правителя Карачая, Исламъ-крымъ-Шамхала, носившаго титулъ валія.

Ауль уже былъ въ виду, когда изъ воротъ его выступила депутація, во главѣ которой находился самъ валій. Войска остановились. Валій подошелъ къ Эмануелю и сказалъ ему: „Генераль! Мы были до сихъ поръ самыми вѣрными приверженцами турецкаго султана; но онъ измѣнилъ намъ, оставилъ насъ безъ защиты. Будьте же теперь вы нашими повелителями. Мы съ своей стороны никогда не измѣнимъ нашему слову“. Открытое, честное лицо валія, вся его представительная наружность и въ особенности его смѣлая, краткая рѣчь произвели на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Эмануель, человекъ настолько же гуманный, насколько храбрый, обомлелъ съ депутаціей привѣтливо. Карачаевцы не были крамольниками; они были открытыми нашими врагами и, какъ враги, имѣли право укрывать у себя нашихъ преступниковъ. Экспедиція противъ нихъ предпринята была не для усмиренія, а для покоренія ихъ — какъ требовали того наши военныя и политическія соображенія. Теперь, дѣло покоренія окончилось. Народъ въ лицѣ своего представителя просилъ пощады и давалъ обѣтъ неизмѣнной вѣрности. Генераль поспѣшилъ успокоить карачаевцевъ. „Мечъ,—сказалъ онъ,—отраженъ мечемъ; теперь вы встрѣчаете меня съ пальмовою вѣтвью мира, и миръ дастъ вашему народу счастье и благоденствіе, которыхъ карачаевцы не знали до настоящаго времени“. Онъ приказалъ всѣмъ старшинамъ и мулламъ собраться къ нему на другой день для переговоровъ. Депутація удалась, а войска расположились лагеремъ возлѣ самаго аула. Кругомъ поставили цѣпь, которая охраняла какъ лагерь отъ покушеній карачаевцевъ, такъ и карачаевскій ауль отъ какихъ-либо шалостей и насилій нашихъ солдатъ. Ночь прошла спокойно. На другой день, утромъ, передъ лагерною цѣпью собрались всѣ карачаевскіе старшины, муллы и кадін; сюда же прибылъ и самъ правитель ихъ, Исламъ-крымъ-Шамхаль валій. Когда на аванпостахъ отъ нихъ отбирали оружіе, никто не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія, но на лицахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ выразилось удивленіе и разочарованіе. Имъ невольно припомнилось одно изъ пророчествъ турецкихъ эмиссаровъ. Переводчикъ объяснилъ имъ, однако, что съ оружіемъ въ русскій лагерь никого не пропускаютъ, но что они получаютъ его обратно, когда будутъ возвращаться домой. Эмануель принялъ депутацію передъ своею ставкою такъ же ласково, какъ и наканунѣ. Старшины первые обратились къ нему съ просьбой о принятіи ихъ въ подданство Россіи и въ залогъ искренности своего заявленія предложили аманатовъ изъ лучшихъ фамилій.

Затѣмъ начались переговоры объ условіяхъ, на которыхъ владычество Россіи могло распространяться на карачаевское общество. Условія эти не

были тяжелыми, особенно если принять во внимание, что рано или поздно карачаевцы должны были покориться въ силу обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ ихъ экономическимъ бытомъ; довольно сказать, что всѣ зимнія пастбища ихъ находились у верховій Кумы, по рѣкѣ Марѣ и по нижнему теченію Тиберды, т.-е. въ такихъ мѣстахъ, куда легко доставало русское оружіе. Карачаевцы сохраняли право носить оружіе; самоуправленіе ихъ оставлено было во всей его неприкосновенности, и даже претензіи ихъ къ мусульманамъ, находившимся въ русскомъ подданствѣ, предоставлено было имъ разбирать по своимъ вѣковымъ адатамъ. Съ своей стороны карачаевцы обязались: выдать всѣхъ плѣнныхъ, вознаградить убытки, причиненные ихъ набѣгами, не давать у себя убѣжища абрекамъ, бѣглецамъ и вообще людямъ, вреднымъ общественному спокойствію, а въ случаѣ появленія на ихъ землѣ большихъ непріятельскихъ партій, тотчасъ извѣщать объ этомъ ближайшихъ русскихъ начальниковъ. Затѣмъ поставленъ былъ на очередь вопросъ, сильно интересовавшій народъ, — вопросъ о податяхъ и повинностяхъ. Отъ податей они освобождались, а что касается повинностей, то они обязывались выставлять на время нашихъ экспедицій только извѣстное число конныхъ, хорошо вооруженныхъ всадниковъ и давать подводы за условленную плату. Когда договоръ этотъ подписанъ былъ обѣими сторонами, карачаевскій валій и всѣ почетныя лица, муллы и кадін, были приведены передъ открытымъ кораномъ къ присягѣ на подданство. Моментъ былъ торжественный, — и съ этого момента карачаевское общество навсегда присоединилось къ русскимъ владѣніямъ.

— А знаете что, генераль, — обратился къ Эмануелю валій, когда обрядъ присяги окончился: — если бы вы не нашли дороги къ сѣвернымъ предгоріямъ Эльборуса, а избрали бы путь по Кубани, вы бы и до сихъ поръ стояли еще у Каменнаго моста.

— Почтенный валій! — отвѣчалъ на это Эмануель: — русскіе и отъ Каменнаго моста дошли бы до Карачая. Они достигаютъ цѣли, не обращая вниманія на тѣ препятствія, которыя ставятъ имъ природа и люди.

Тѣмъ не менѣе, замѣчаніе валія затронуло любопытство Эмануеля, и онъ рѣшилъ изслѣдовать на возвратномъ пути всѣ дороги, ведущія въ Карачай, и особенно путь отъ Каменнаго моста.

Послѣ роскошнаго завтрака, устроеннаго Эмануелемъ въ азіатскомъ вкусѣ, депутація выѣхала изъ лагеря съ самыми свѣтлыми надеждами на будущее своей страны и съ самыми восторженными отзывами о великодушій и привѣтливости генерала, прибывшаго къ нимъ съ войсками. Рассказы ихъ до того подѣйствовали на жителей Карта-юрта, что они всѣ высыпали изъ аула и буквально наводнили нашъ лагерь произведеніями своего скромнаго хозяйства: сыромъ, яйцами, домашнею птицею и въ осо-

бенности барашками. Карачаевскіе барашки извѣстны цѣлому Кавказу своимъ особенно нѣжнымъ и вкуснымъ мясомъ. Въ этомъ случаѣ Карачай можетъ соперничать даже съ извѣстнымъ островомъ Уайта, славящимся также барашками, мясо которыхъ составляетъ гордость королевскаго стола въ Англіи. Между жителями Карта-юрта и нашими солдатами скоро установились самыя дружескія отношенія. Весь словарь кавказскаго солдата исчерпывался только словами: яманъ, якши, кушай, работай, таши, сату и нѣкоторыми другими; словарь карачаевцевъ оказывался еще бѣднѣе, а между тѣмъ, и тѣ и другіе, дополняя мимикой и выразительными жестами то, для чего не хватало словъ, отлично понимали другъ друга. Захочется, напр., солдату достать яйцо—онъ пальцемъ правой руки чертитъ на лѣвой ладони овалъ и въ то же время кричитъ нѣтухомъ. И его понимаютъ: татаринъ смѣется, киваетъ головой и бѣжитъ въ саклю за яйцами.

Послѣ трехъ-дневной стоянки у Карта-юрта, войска возвратились назадъ къ сѣвернымъ предгорьямъ Эльборуса и были распущены: одни пошли въ Кабарду, другіе въ Бургустанъ, а самъ Эмануель съ небольшою частью нѣхоты и двумя сотнями линейныхъ казаковъ предпринялъ экскурсію къ Каменному мосту, чтобы обозрѣть прославленный своею неприступностью входъ въ карачаевскую тѣснину. И дѣйствительно, то, что онъ увидѣлъ, вполне оправдывало названіе этой тѣсины „Гибельный путь“. Эмануелю припомнились слова карачаевскаго валия, и онъ не нашелъ ихъ преувеличенными.

„Термопилы сѣвернаго Кавказа взяты нашими войсками и оплотъ Карачаева у подошвы Эльборуса разрушенъ!“ — этими словами начинается приказъ Эмануеля отъ 30-го октября 1828 года, возвѣстившій войскамъ и жителямъ о новомъ пріобрѣтеніи, сдѣланномъ Россіею.

Покореніе Карачая, дѣйствительно, составляетъ важную стадію въ исторіи кавказской войны, какъ первый шагъ къ замиренію остальныхъ кубанскихъ народовъ. Общественное мнѣніе того времени отнеслось къ нему восторженно. Быстрота совершившагося факта изумила всѣхъ и даже самихъ его участниковъ. Употребить какихъ-нибудь 12 часовъ для овладѣнія твердыней, которую Эмануель назвалъ въ своемъ приказѣ „Кавказскими Термопилами“,—для этого мало быть кавказскимъ солдатомъ, нужно, чтобы во главѣ ихъ стоялъ Эмануель.

Койсубулинская экспедиція и поэтъ Полежаевъ *).

Наступилъ май мѣсяцъ 1830 года. Въ Дагестанѣ готовилась большая койсубулинская экспедиція. Три отряда: Скалона, фонъ-Дистерло и Бутырскій полкъ Дурова уже стояли подъ Эрпильями, ожидая только прибытія съ линіи генераль-лейтенанта барона Розена, чтобы начать военныя дѣйствія.

Розень выступилъ изъ Грозной съ батальономъ Московскаго полка и батальономъ тарутинцевъ, при которыхъ находились восемь орудій и двѣ сотни линейныхъ казаковъ. Онъ прошелъ черезъ Внезапную и 15-го мая вступилъ въ шамхальскія владѣнія.

Въ рядахъ Московскаго полка, съ тяжелымъ солдатскимъ ружьемъ, во всемъ походномъ снаряженіи, шелъ извѣстный русскій поэтъ Полежаевъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 24-хъ, небольшого роста, худой, съ добрыми и симпатичными глазами. Во всей фигурѣ его не было ничего воинственнаго; видно было, что онъ исполнялъ свой долгъ не хуже другихъ, но что военная служба вовсе не была его назначеніемъ. Біографія Полежаева, его произведенія, носившія на себѣ печать несомнѣннаго и крупнаго дарованія, и вообще все подробности, касающіяся жизни и дѣятельности этого талантливаго человѣка, въ свое время были помѣщены въ нашихъ журналахъ, и потому безъ сомнѣнія извѣстны читающей публикѣ. Но тѣмъ не менѣе, здѣсь будетъ не лишнимъ воскресить въ памяти читателей образъ поэта, честно прослужившаго три года въ рядахъ кавказской арміи и воспѣваемаго въ своихъ стихахъ дѣла давно минувшихъ дней Кавказа.

Александръ Ивановичъ Полежаевъ, какъ извѣстно, былъ побочнымъ сыномъ богатаго пензенскаго помѣщика и приписанъ къ саранскому мѣщанскому обществу. Одиннадцати лѣтъ Полежаева отвезли въ Москву въ одинъ изъ модныхъ пансіоновъ, а затѣмъ онъ поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ жизнь его протекала въ кутежахъ и разгулахъ съ товарищами. Нужно сказать, впрочемъ, что это была обычная студенческая жизнь того времени, и въ этомъ отношеніи Полежаевъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей-студентовъ. Бѣда грозила ему съ другой стороны, откуда онъ ее не ожидалъ.

Въ бытность свою въ университетѣ Полежаевъ началъ писать и печатать свои стихотворенія, которыя сразу отвели ему не послѣднее мѣсто

*) Изъ сочиненія В. А. Потто.

между поэтами пушкинской школы. Къ сожалѣнію, не всѣ его произведенія были удобны къ печати. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1826 года, когда дворъ находился въ Москвѣ для торжества коронаціи, по рукамъ стала ходить рукописная юмористическая поэма его „Сашка“, заключающая въ себѣ множество строфъ очень нескромныхъ, полныхъ цинизма и смѣлыхъ выраженій. Въ другое время шуточная поэма, быть можетъ, и не обратила бы на себя особеннаго вниманія, но въ половинѣ 26-го года, въ мрачное время, послѣдовавшее за событіемъ 14-го декабря, когда каждому слову придавалось распространенное значеніе и политическій характеръ, дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ—поэма была доведена до свѣдѣнія императора Николая Павловича.

Съ этого времени начинается новая жизнь Полежаева,—жизнь, къ несчастію, полная суровыхъ и непрерывныхъ испытаній, которыя окончательно подломили молодыя силы и уложили самого страдальца въ преждевременную могилу. Винить въ этомъ, впрочемъ, кромѣ самого Полежаева, едва ли кого можно. Одно уже вниманіе, оказанное ему императоромъ Николаемъ Павловичемъ—этимъ монархомъ-рыцаремъ, его поцѣлуй и позволеніе писать въ собственныя руки—открыло передъ нимъ путь къ широкой, хотя, можетъ быть, и иной, карьерѣ, къ которой онъ готовился. Не много изъ политическихъ преступниковъ было обставлено такъ, какъ Полежаевъ. Но это не послужило къ его спасенію. Ошибкою, впрочемъ, было опредѣленіе Полежаева въ полкъ, стоявшій въ самой Москвѣ, гдѣ все напоминало ему прежнюю безшабашную жизнь и гдѣ онъ поминутно могъ наткнуться и на товарищей, и на лицъ, знавшихъ его въ иномъ положеніи. Очутившись въ чуждой ему средѣ, съ ея своеобразнымъ складомъ жизни, выбитый изъ прежней своей колеи, Полежаевъ не имѣлъ въ себѣ достаточно воли и нравственныхъ силъ, чтобы найтись въ этихъ новыхъ для него условіяхъ, такъ какъ, очевидно, смотрѣлъ на свое опредѣленіе въ военную службу только какъ на суровое наказаніе за шаловливую вольность своей юношеской музыки, а не какъ на возможность, примирившись со службой, продолжать свою жизненную дорогу на этомъ поприщѣ. Личное свое поведеніе, не относившееся къ политикѣ, Полежаевъ, очевидно, относилъ къ области своей собственной воли, а потому и въ мундирѣ солдата продолжалъ разгульный образъ жизни студенческаго бурша. Военное начальство смотрѣло, однако, иначе и, не имѣя возможности скрывать его поведеніе, аттестовало дурно. По всей вѣроятности, это и было причиною, почему два письма Полежаева къ государю остались безъ отвѣта. Тогда Полежаевъ бѣжалъ изъ полка, чтобы лично подать новую просьбу. Одумался ли онъ и вернулся назадъ добровольно, или былъ доставленъ въ полкъ, какъ дезертиръ—объ этомъ говорятъ различно, но такъ или иначе,

а Полежаевъ былъ преданъ военному суду, который, по принципамъ, не входилъ въ разсмотрѣнiе психическихъ причинъ, вынудившихъ совершить проступокъ, а просто за самовольную отлучку опредѣлилъ подвергнуть Полежаева прогнанiю сквозь строй... Этотъ приговоръ, ставившiй Полежаева уже подъ ферулу тѣлесныхъ наказанiй, окончательно разбилъ надежды и жизнь молодого поэта. Онъ рѣшился на самоубiйство...

Но отъ позорнаго и страшнаго наказанiя избавило его на этотъ разъ великодушiе императора Николая Павловича. Полежаеву вмѣнили въ наказанiе только долговременный арестъ и перевели изъ Бутырскаго полка въ Московскiй, находившiйся въ той же бригадѣ. Къ этому-то времени и относится прекрасное стихотворенiе Полежаева „Провидѣнiе“:

Я погибалъ—,
Мой злобный генiй
Торжествовалъ...

Московскимъ полкомъ въ то время командовалъ полковникъ Любавскiй, человекъ добрый и просвѣщенный, который принялъ живое участiе въ судьбѣ Полежаева. Но это уже запоздало: Полежаевъ, потерявшiй послѣднiя душевныя силы, при недостаткѣ характера и воли, неудержимо стремился внизъ по наклонной плоскости. Напрасно говорятъ, что сослуживцы сторонились отъ него, въ виду его прошлаго. Не это прошлое, а настоящее поэта было тѣмъ причиною. Бѣлннскiй не даромъ говоритъ, что Полежаевъ къ своей поэтической извѣстности присовокупилъ другую извѣстность, которая стала проклятиемъ всей его жизни, причиною ранней утраты таланта и преждевременной смерти,—онъ какъ извѣстно, сталъ пить...

Все это не могло не отражаться и на его произведенiяхъ. Особенность его поэзи состоитъ въ томъ, что она почти всегда была тѣсно связана съ его жизнью, а жизнь его представляла грустное зрѣлище талантливой природы, подавленной дикою необузданностью страстей. Лучшiя его произведенiя были не что иное, какъ поэтическая исповѣдь его безумной судорожной жизни. Можно удивляться только, какъ въ свѣтлыя минуты душевнаго умиленiя Полежаевъ еще обрѣталъ въ себѣ столько тихаго и глубокаго вдохновенiя, чтобы такъ прекрасно выразить одно изъ величайшихъ преданiй Евангелiя: „Грѣшница“, или написать „Пѣснь плѣннаго прокеца“ и т. под.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1829 года, т.-е. на третiй годъ солдатской службы Полежаева, 14-я дивизiя, въ составъ которой входилъ Московскiй полкъ, отправлена была на усиленiе кавказскаго корпуса, по случаю турецкой войны,—и такимъ образомъ Полежаевъ вмѣстѣ съ полкомъ попалъ на Кавказъ. Въ военныхъ дѣйствiяхъ ему, однако, не пришлось участвовать; только 2-я и 3-я бригады посланы были въ Грузiю, а полки Московскiй

и Бутырскій расположились на правомъ флангѣ для обороны Кубанской линіи. Полежаеву пришлось стоять въ Александріи, между Пятигорскомъ и Ставрополемъ, въ мѣстности, недавно служившей ареною кровавой дѣятельности Джембулата. Дымилась еще, сожженная имъ, Незлобная, лежали въ развалинахъ казацкіе хутора,—но туча уже пронеслась, и по Кубани царствовало сравнительное спокойствіе.

Эрпленскій походъ тридцатаго года былъ, такимъ образомъ, первымъ военнымъ походомъ, въ которомъ пришлось участвовать Полежаеву. Характеръ его въ это время началъ-было во многомъ уже измѣняться къ лучшему, но безысходное горе попрежнему не покидало поэта. При этомъ и красоты степныхъ безлѣсныхъ пространствъ Сѣвернаго Кавказа, вообще вдохновлявшаго нашихъ поэтовъ, далеко не привлекательны, почему и не восторгали собою Полежаева и не пробуждали въ немъ воображенія, слишкомъ охлаждаемого прозою жизни. Плодомъ похода его въ Дагестанъ явилась, однако, поэма „Эрпели“; но литературное достоинство ея не велико: все произведеніе растянута, стихъ мѣстами вялъ, картины слабы, хотя и стенографически вѣрны.

Во время слѣдующаго похода въ тотъ же Дагестанъ Полежаевъ былъ убитъ, и тѣло его, къ сожалѣнію, было оставлено въ лѣсу не подобранымъ солдатами во время отступленія.

Геройскій подвигъ рядового Тенгинскаго полка Архипа Осипова *).

Въ мартѣ 1840 года Михайловское укрѣпленіе, находившееся между фортомъ Раевскимъ и Геленджикомъ, подверглось, почти неожиданно, нападенію болѣе чѣмъ 10-тысячнаго скопища горцевъ. Въ укрѣпленіи находилось въ это время всего не болѣе 500 человекъ, изъ нихъ 440 человекъ строевыхъ, а остальные состояли изъ артиллерійской прислуги и больныхъ.

Въ укрѣпленіи старшимъ офицеромъ былъ штабсъ-капитанъ Лико. Получивъ свѣдѣнія, что сосѣднее Вельяминовское укрѣпленіе уже обложено непріателемъ, Лико собралъ вокругъ себя, 19-го марта, всѣхъ солдатъ и офицеровъ, произнесъ имъ рѣчь, въ которой онъ объявилъ о принятой имъ рѣшимости, въ случаѣ нападенія, защищаться до послѣдней капли крови, и, напомнивъ людямъ о долгѣ воинской присяги и непосрамленіи чести русскаго оружія, сдѣлалъ слѣдующее предложеніе:

*) Изъ разсказа К. Голохвостова, взятаго изъ книги Н. Ф. Дубровина „Исторія войны на Кавказѣ“.

— Намъ уже извѣстно, какія огромныя скопища окружили, напримѣръ, Вельяминовское укрѣпленіе. Какою бы львиною храбростью ни обладали его защитники, но ихъ была только слабая, ничтожная горсть передъ скопищами враговъ въ нѣсколько тысячъ! И тѣ, которые не успѣли лечь съ оружіемъ въ рукахъ на своихъ редутахъ, теперь томятся въ тяжкомъ плѣну! Вотъ почему я и предлагаю, чтобы не посрамить чести нашего оружія, на случай если непріятель не будетъ отбить и завладѣть валами, то лучше взорвать имѣющійся у насъ пороховой погребъ! Лучше погибнуть славною смертью, чѣмъ терпѣть стыдъ, пораженіе и уступать врагу хоть одну пядь ввѣреннаго государемъ нашей защитѣ укрѣпленія. Согласны ли вы на мое предложеніе, храбрые товарищи?

— Согласны!—первый крикнулъ Чернякъ и поднялъ надъ своей съдой головой папаху.

— Согласны! Согласны!—повторили офицеры.

— Рады стараться, ваше благородіе, согласны!—гаркнули единодушно стоявшіе подъ ружьемъ солдаты.

— Я этого ожидалъ отъ васъ,—сказалъ Лико, глядя съ восхищеніемъ на одушевленные мужественныя лица солдатъ и офицеровъ.—И во всю мою долготѣнную службу я еще никогда не видалъ, чтобы русскій солдатъ палъ духомъ и посрамилъ свое имя.—Затѣмъ, обратившись къ солдатамъ, онъ громко произнесъ:—Одинъ изъ васъ, братцы, долженъ выполнить рѣшенное нами намѣреніе взорвать, въ случаѣ нужды, погребъ; не найдется ли между вами охотника? Кто желаетъ, два шага впередъ!

Изъ рядовъ съ праваго фланга вышелъ высокій и бравый солдатъ.

— Ты, Архипъ Осиповъ, берешься взорвать погребъ?

— Такъ точно, ваше благородіе!

— Ну, и съ Богомъ! Этимъ желаніемъ ты заслуживаешь признательность нашего дорогого отечества и награду отъ Бога.

Затѣмъ ему переданъ былъ ключъ отъ погреба, котораго, какъ потомъ рассказывали уцѣлѣвшіе товарищи-очевидцы, онъ сдѣлался „хозяйномъ“.

Бывшій тутъ іеромонахъ о. Пансіей благословилъ гарнизонъ, обречшій себя на славную смерть.

Послѣ этого знаменательнаго дня были приняты всевозможныя мѣры предосторожности. Тѣ люди, которые надѣялись еще на спасеніе, благодаря увѣреніямъ лазутчиковъ, теперь начали раздѣлять справедливыя опасенія своего воинскаго начальника. И у всѣхъ, несмотря на твердую рѣшимость умереть, чувствовался на душѣ какой-то тяжелый гнетъ, какъ у людей, заранѣе приговоренныхъ къ смерти.

Теперь, съ 19-го по 22-е число, всѣ видѣли своего доблестнаго начальника, проводящимъ безсонныя ночи на валахъ, и они уже не находили

иного честнаго выхода изъ угрожавшаго имъ безпомощнаго положенія, какъ только честную смерть съ оружіемъ въ рукахъ, и въ эти послѣдніе дни приготовлялись встрѣтить врага: въ то же время со спокойнымъ духомъ стали готовиться встрѣтить по-христіански и смерть, для чего многіе исповѣдались, причастились, помылись и одѣлись въ чистое бѣлье и мундиры.

Настала ночь на 24-е марта. Люди были все на мѣстахъ, караулы удвоены. Казакъ Чернякъ со своими людьми отправился въ разѣздъ.

Повсюду царяла мертвая тишина, подобно той, какая бываетъ только передъ тѣмъ, какъ разразится грозъ.

Артиллеристы дремали около своихъ пушекъ, часть людей Тенгинскаго полка, при свѣтѣ фонарей, осматривали и поправляли кое-что около валоу и брустверовъ.

На скамейкѣ, около казармы, сидѣлъ Осиповъ, съ накинутою на плечи шинелью. Тутъ же сидѣли рядовые: Осипъ Мирославскій и Тимофей Дегтеревъ.

— А поди и страшно будетъ, какъ станешь погребъ запаливать, — сказалъ Дегтеревъ.

— Чево тутъ страшно?—спокойно отвѣтилъ Архипъ.—Страшнаго тутъ ничего нѣтъ. Не все ли единственно, что цуля тебя зря уколошматить, или тамъ чеченець кинжаломъ пырнетъ... Смерть одна.

— Пожалуй, никто изъ насъ теперь въ живыхъ не останется,—проговорилъ Мирославскій и какъ-то нервно вздрогнулъ.—Пороху этого тамъ страсть сколько, всю землю небось изроетъ...

— Чего не изрыть, изроетъ,—молвилъ Архипъ, держа въ зубахъ трубку и высѣкая изъ кремня огонь.—Я такъ полагаю, что отъ этой казармы и слѣдовъ не останется; ну и валы...

— И церква туда же?

— Ну и церква... не доставаться же ей поганымъ бусурманамъ, потому что тамъ Престоль Божій, ну и Дары Святые.

Все замолчали.

— Вотъ какъ зароетъ всехъ землю, такъ, пожалуй, вѣсточки объ насъ подать будетъ некому...—задумчиво проговорилъ Дегтеревъ.

— Зароетъ и есть,—согласился Мирославскій.

— А мнѣ думается, что не всехъ,—сказалъ Осиповъ.—Вонъ тотъ редуть какъ далеко отъ погреба.—Я такъ рассчитываю, что тѣ люди, которые будутъ тамъ, то останутся цѣлы... Вотъ я, такъ иное дѣло: изъ меня косточекъ не останется, куда нога, куда рука...

Осиповъ умолялъ и послѣ короткой думы продолжалъ.

— Вотъ я такъ и думаю, ребята, что кто-нибудь живой да оста-

нется... Такъ вотъ на случай я говорю: коли кого изъ васъ Господь спасеть и помилуеть, то не забудьте сказать потомъ, что вотъ-де былъ, моль. Архипъ Осиповъ, который взорвалъ погребокъ этотъ. Это я, значить, не изъ-за похвалы говорю, Боже меня сохрани, а такъ, что можетъ быть найдутся добрые люди, которые крестъ поставятъ на этомъ мѣстѣ.

— Это надо будетъ сказать тебѣ всѣмъ,—посоветовалъ Мирославскій;— потому незнамо, кому жить придется.

— Я-то скажу, но и вы не забудьте.

Въ эту минуту въ горахъ раздался выстрѣлъ.

Солдаты вскочили съ мѣстѣ.

— Это „онъ“,—сказалъ Осиповъ.

Дегтеревъ прислушался.

— Это навѣрно Чернякъ со свопми на черкеса нарвался.

Опять послышалось нѣсколько выстрѣловъ и затѣмъ мелкая дробь барабана, торопливо бьющаго тревогу.

Въ укрѣпленіи поднялась суматоха. Люди выбѣгали изъ казармъ, надѣвая на ходу амуницію, такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ ночей никто не имѣлъ права раздѣваться.

Прискакавшій съ объезда Чернякъ извѣстилъ воинскаго начальника, что изъ ближайшихъ ущелій двигается громадное скопище горцевъ.

Дѣйствительно, въ эту ночь непріятель въ числѣ болѣе 11.000 окружилъ укрѣпленіе, въ которомъ было всего только 440 человѣкъ защитниковъ.

Утромъ 22-го марта, на 4-й недѣлѣ Великаго поста, хищники цѣлою массою двинулись впередъ, неся за собою лѣстницы, и устремились на приступъ со всѣхъ сторонъ.

Осажденные встрѣтили ихъ картечью изъ пушекъ и сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ-за туровъ. Потерявъ сразу много убитыхъ, горцы смѣщались и подались назадъ. Затѣмъ началась сильная перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ, послѣ которой они снова полѣзли на валы, но были быстро отброшены тенгинцами, которые дружно приняли ихъ въ штыки. Отброшенные опять назадъ и осыпаемые пулями и картечью, горцы бросились бѣжать.

Очутившись внѣ выстрѣловъ, они остановились, и два племени, изъ которыхъ состояло это скопище, начали ссориться между собою, причемъ убыхи начали обвинять шапсуговъ въ нерѣшительности и бѣгствѣ. Взаимныя обвиненія чуть было не повели къ междоусобной дракѣ. Наконецъ, по соглашенію вождей одного и другого племени, было приказано наблюдавшей въ отдаленіи конницѣ подвинуться ближе и рубить всѣхъ, кто только обратится въ бѣгство. Тогда пѣшіе, видя безвыходность своего положенія,

снова съ дикимъ гиканьемъ устремились на приступъ, одновременно вошли на валъ и, одолѣвъ своею многочисленностью гарнизонъ, отгѣнили его съ трехъ фасовъ къ заваламъ.

Началась страшная рѣзня. Повсюду появившійся капитанъ Лико, съ братомъ, воодушевлялъ всѣхъ своихъ мужествомъ. Архипъ Осиповъ во все время штурма носилъ на ближайшіе бастіоны снаряды и патроны. Въ послѣдній приносъ онъ увидѣлъ смерть своего ротнаго командира, пораженного пулею въ упоръ; Осиповъ, видя, что теперь услуги его въ этомъ отношеніи бесполезны, бросилъ свою ношу и поднялъ ружье убитаго, желая принять участіе въ битвѣ.

Видѣлъ Архипъ Осиповъ гибель всей роты въ неравной борьбѣ—и батарей и вала. Эта небольшая группа сѣрыхъ шинелей и бѣлыхъ рубахъ оборонялась подобно львамъ противъ цѣлой лавины неистово гикающихъ черкесовъ въ пестрыхъ бешметахъ и огромныхъ папахахъ.

Осиповъ засѣлъ за прикрытіемъ и, зарядивъ ружье, выстрѣлилъ. Онъ видѣлъ, какъ при его глазахъ палъ подъ шашками молодой подпрапорщикъ Корецкій, котораго онъ такъ любилъ. Вонъ непріятель лѣзетъ черезъ валъ смежнаго фаса и заходитъ въ тылъ его храбрымъ товарищамъ.

— Лѣзьте, окаянныя, лѣзьте бусурманы! Больше лѣзьте, дьяволы, вотъ я васъ попотчю!..

Такъ ворчитъ Архипъ Осиповъ, продолжая стрѣлять... И видитъ онъ, какъ два младшихъ офицера отетанвываютъ заклепанныя горцами орудія и падаютъ одинъ за другимъ, дорого продавая свою жизнь. Съ пѣной у рта лѣзутъ враги на рѣдѣющую группу солдатъ и кучами сами падаютъ, пораженные штыками и прикладами. Одинъ за другимъ падаютъ обезснеленные боемъ чудо-богатыри: и видитъ Осиповъ, что они приближаются къ казармамъ.

— Не тронули бы храма Божія,—думаетъ онъ и, давъ по нимъ послѣдній выстрѣлъ и бросивъ ружье, бѣжитъ къ пороховому погребу.

Навстрѣчу ему, поднявъ надъ головою крестъ, идетъ о. Пансіей.

— Иди, воинъ христіолюбивый, иди исполнить великій подвигъ свой!—говорилъ іеромонахъ, прикладывая крестъ къ занекшимся губамъ Осипова,— и пронзаетъ: „и расточатся врази его, да погибнуть“.

Архипъ Осиповъ, приложившись къ кресту и творя молитвы, бѣжитъ къ погребу, освѣняемый издали благословеніемъ о. Пансія.

Перестрѣлка на завалахъ постепенно начинаетъ затихать. Ворвашіеся со всѣхъ сторонъ хищники, съ кинжалами въ зубахъ и съ окровавленными шашками въ рукахъ, бѣгають внутри укрѣпленія, ища добычи. Коегдѣ видны еще отдѣльныя группы солдатъ, которые бьются, не отступая ни на шагъ, и со стономъ падаютъ одинъ за другимъ...

Вотъ и старый урядникъ Чернякъ. Вьюномъ онъ вертится на своемъ карабахскомъ конѣ, рубя направо и налево. Цѣлыя улицы пробиваетъ старый казакъ и незамѣтно приближается къ погребу.

Вдругъ раздается страшный, оглушительный взрывъ, и вмѣстѣ съ клубомъ порохового дыма взлетаютъ на воздухъ обломки дерева, камни и цѣлыя массы разорванныхъ стѣнъ. Не попавшіе подъ мѣсто взрыва, оглушенные горцы, съ крикомъ ужаса, бѣгутъ назадъ. Послѣдніе защитники укрѣпленія, только что приготовившіеся умереть, невольно опускаютъ оружіе.

Архипъ Осиповъ исполнилъ свое слово.

Въ недавно вышедшей исторіи Тенгинскаго пѣхотнаго полка, по случаю исполнившагося столѣтія существованія полка, подвигъ Архипа Осипова рассказывается нѣсколько иначе, хотя, въ общемъ, описаніе все-таки сводится къ тому, что рядовой Осиповъ *заранѣе*, въ ожиданіи нападенія горцевъ,—говорилъ товарищамъ-солдатамъ:

„Я могу сдѣлать память Россіи—и въ минуту неустойки нашихъ, по дождю пороховой погребъ“.

Осипову и шт.-капитану Лико, какъ извѣстно, воздвигнутъ во Владикавказѣ, въ 1881 году, прекрасный памятникъ, а на самомъ мѣстѣ взрыва порохового погреба, въ бывшемъ Михайловскомъ укрѣпленіи, поставленъ, въ 1876 году, чугунный, ажурной работы, крестъ, высотой въ 15 аршинъ, установленный на пьедесталѣ изъ мѣстнаго камня, съ слѣдующею надписью: „77-го пѣхотнаго Тенгинскаго полка, рядовому Архипу Осипову, погибшему во славу русскаго оружія, 22 марта 1840 года, въ укрѣпленіи Михайловскомъ, на мѣстѣ котораго сооруженъ сей памятникъ“.

Впрочемъ, не всѣ погибли отъ этого взрыва, хотя Михайловское укрѣпленіе было совсѣмъ уничтожено, и погибло много враговъ.

Непріятелемъ было взято въ плѣнъ около восьмидесяти человекъ, въ томъ числѣ два офицера и іеромонахъ. Отца Пансія горцы почему-то приняли за плотника и при обратномъ движеніи въ горы навьючили его награбленными пожитками, когда же узнали объ его духовномъ санѣ, то продали его за полтора рубля горскимъ армянамъ, которые и доставили его на линію.

Генераль Пассекъ *).

Главная сокровищница Шуры—это кладбище, на которомъ поконится вѣчнымъ сномъ не мало русскихъ воиновъ, за вѣру, Царя и отечество животь свой положившихъ. Памятники здѣсь не отличаются красотой, но будятъ цѣлый рой воспоминаній и навѣвають грусть при мысли о тѣхъ рѣкахъ крови, которыя пролиты за Крестъ Святой и рай Магомета.

Здѣсь стоитъ памятникъ генералу Пассекъ, имя котораго въ сороковыхъ годахъ прогремѣло по всему Кавказу и стало извѣстно за предѣлами его. Популярность, которую онъ стяжалъ себѣ среди солдатъ за послѣдніе три года кратковременной службы, напоминаетъ Скобелевское обаяніе. Отъ Пассека ждали многого, но удалой командиръ сложилъ свою буйную голову въ злополучной Даргинской экспедиціи въ 1845 году.

Молодого подполковника генеральнаго штаба судьба закинула въ 1843 году начальникомъ небольшого отряда, стоявшаго въ центрѣ Аваріи, въ Хунзахѣ, въ то время, когда воинствующій мюридизмъ съ особенной силой охватилъ Сѣверный Дагестанъ и скопища Шамиля сняли тамъ все наши укрѣпленія. Пассекъ получилъ приказаніе очистить Хунзахъ и отступить къ Шурѣ. Около Зирянъ маленькая колонна была окружена многочисленнымъ непріятелемъ, предполагавшимъ своимъ стремительнымъ налетомъ раздавить русскихъ. Пассекъ отбилъ нападеніе, укрѣпился какъ могъ въ Зирянахъ и рѣшился отенживаться. Отряду пришлось въ зимнюю стужу переносить немовѣрныя трудности и лишения.

Въ солдатской пѣснѣ такъ описываются тѣ невзгоды, которыя вытерпѣлъ отрядъ:

Стали ѣсть мы лошадину
И варили, и пекли.
Вмѣсто соли мы солили
Изъ патрона порошкомъ.
Съно въ трубочкахъ курили.
Распростились съ табачкомъ.
Обносились, оборвались.
Все валилось съ плечъ долой.
Мы рогожки надѣвали.
Вмѣсто бурокъ и плащей;
Ноги кожей обшивали
Послѣ съѣденныхъ коней...

Цѣлый мѣсяць Пассекъ ждалъ помощи и отбивался отъ назойливаго врага; наконецъ, подошелъ на выручку отрядъ генерала Гурко, только что

*) Изъ книги В. С. Кривенко „По Дагестану“.

въ свою очередь освобожденный генераломъ Фрейтагомъ изъ блокированной Шуры.

За блистательное руководство колонной Пассекъ былъ произведенъ, минуя чинъ полковника, прямо въ генераль-майоры и награжденъ георгиевскимъ крестомъ.

Вскорѣ Пассеку довелось увѣнчать себя новыми лаврами: 3-го іюня 1844 года подъ Кака-Шурой съ 1.400 человекъ онъ смѣло бросился на свыше 20 т. скопище. Непрiятельское ополченiе стянуто было со всего нагорнаго Дагестана шамилевскими наибами, стремившимися наводнить Мехтулинское ханство и шамхальство.

Передъ боемъ генераль Пассекъ отдалъ по отряду приказъ *), проникнутый страстной поэзіей крови,—приказъ, будившій въ солдатѣ и чувство воина, и хищника.

„Товарищи, пора собираться въ походъ. Осмотрите замки, отточите штыки, поучитесь колоть наповаль. Наблюдайте всегда и вездѣ тишину! наблюдайте порядокъ и строй. Въ дѣло дружно идти, въ дѣлѣ меньше стрѣлять—пусть стрѣляютъ стрѣлки, а колонны идутъ и молчатъ. По стрѣльбѣ отличу, кто сробѣлъ и кто нѣтъ, робкимъ стыдъ, храбрымъ слава и честь. Безъ стрѣльбы грозенъ строй. Пусть стрѣляютъ враги. Подойдите въ упоръ, а тогда ужъ ура! А съ „ура“ на штыки и колите, губите враговъ. Что возьмете штыкомъ, то вамъ Царь на разживу даетъ. Грозны будете вы, страшны будете вы татарвѣ, нечестивымъ врагамъ.—Осѣнитесь крестомъ, помолитесь Христу и готовьтесь на славу на бой“.

Юный генераль разсѣялъ горцевъ. По словамъ одного бытописателя, послѣ блистательной побѣды, „конь Пассека хромалъ отъ ранъ, шашка была покрыта кровью, но лицо сіяло радостью“.

Черезъ годъ послѣ этой битвы, Пассекъ, командуя авангардомъ въ Даргинскую экспедицію, былъ изрубленъ въ чеченскихъ лѣсахъ.

Современникъ Пассека, очень замѣтный военный писатель Околыничій, характеризуя дѣятельность покойнаго, говоритъ, что приговоры о немъ совершенно противоположны. Одни находили его вреднымъ, слишкомъ увлекавшимся начальникомъ, а другіе утверждали, что именно такой генераль и нуженъ былъ Кавказу.

*) Потто, „Хроника полковъ 21-ой дивизіи“.

Смерть Слѣпцова *).

Кавказская быль.

Слѣпцовъ былъ сынъ зажиточнаго саратовскаго помѣщика, воспитанъ въ столицѣ, въ школѣ подпорщиковъ, и выпущенъ, въ 30-хъ годахъ, въ гвардейскій Литовскій полкъ. Начало очень обыкновенное; но стоило разъ взглянуть на этого человѣка, чтобы понять, даже не зная его, что онъ не могъ идти избитымъ путемъ. Онъ рано оставилъ столицу и вынесъ изъ этого перваго испытанія незагрязненную, юношескую свѣжесть души и тѣла. Съ перваго взгляда въ немъ виденъ былъ человѣкъ цѣлый, не сломанный,—ничѣмъ не закупленный и никогда не входившій въ сдѣлку ни съ какой низостью.

Въ 1845 году Слѣпцовъ назначенъ былъ командиромъ вновь учрежденнаго казачьяго Сунженскаго полка и вмѣстѣ начальникомъ Сунженской линіи. Дѣло, ему предстоявшее, было полно затрудненій и обставлено многочисленными неминуемыми опасностями. Мѣстность, которую занялъ Сунженскій полкъ, видала русскихъ уже не разъ и была щедро орошена ихъ кровью... Сильные ихъ отряды, съ грозною артиллеріей и съ храбрыми предводителями, проходили ее не разъ, какъ тучи, изъ края въ край, и возвращались обратно съ жестокой потерей, не совершивъ почти ничего, кромѣ подвиговъ бесполезной отваги, надъ которыми горцы между собою подсмѣивались. Это была знаменитая на Кавказѣ равнина Малой Чечни, одна изъ плодоноснѣйшихъ въ цѣломъ краѣ,—равнина, мѣстами пересекаемая балками и орошаемая быстрыми горными рѣчками: Сунжей, Асой, Фортангой, Надхоемъ, Валерикомъ, Гехи, и пр.; равнина—съ сѣверной стороны открытая, но къ югу—по склону горъ—на три четверти своего протяженія, густо заросшая вѣковымъ, дремучимъ лѣсомъ и усеѣнная непріятельскими аулами, весьма небольшая часть которыхъ, расположенная подъ выстрѣлами передовыхъ укрѣпленій, считалась въ числѣ мирныхъ. Казаки **) заняли, разумѣется, открытую, плодородную сторону и тѣмъ наступили на горло всему окружному населенію непріятеля, который не могъ смотрѣть равнодушно на этотъ захватъ. Горсть пришлыхъ людей заѣла среди него и овладѣла его исконнымъ наслѣдствомъ, его источникомъ пропитанія. У него отнимали лучшую полосу, издавна служившую

*) Разсказъ Н. Д. Ахшарумова.

**) Линейные (т.е. поселенные на военной линіи) казаки на Кавказѣ принадлежатъ къ чисто великорусскому племени, съ небольшою примѣсью горской крови отъ женъ, которыхъ они иногда берутъ изъ татарокъ. Многіе изъ нихъ старовѣры.

житницей не только для всей Чечни, но и для всѣхъ прилегающихъ къ ней нагорныхъ обществъ. Ярость его была понятна и такъ велика, что каждый часть можно было опасаться за существованіе всего поселенія, разьединеннаго кучками, по станицамъ, и связаннаго только однимъ могучимъ духомъ, одною недремлющей заботой своего предводителя. Въ первое время тревоги были безпрерывныя, иногда въ одинъ день по нѣскольку: не успѣють отбиться отъ одной партіи, какъ вѣстовая пушка уже призываетъ въ другое мѣсто. А между тѣмъ, подъ громомъ этихъ тревогъ, нужно было дѣлать другое дѣло, не менѣе важное. Нужно было селиться и строиться, обрабатывать землю, пасти стада, косить сѣно... Слѣпцовъ былъ вездѣ, заботился обо всемъ и подъ его недремлющимъ попеченіемъ все шло успѣшно... Но пылкое сердце его не могло удовольствоваться одною обороною. Онъ зналъ, что война на Кавказѣ, чтобы не остаться напрасной, должна быть прежде всего наступательною, и пылалъ нетерпѣніемъ показать другу и недругу, къ чему способенъ казакъ, такъ, какъ онъ его понималъ.

Въ четыре года Слѣпцовъ очистилъ отъ непріятеля всю плоскость Малой Чечни и покорилъ нагорныя общества: Галашковское, Карабулакское и Арштинское, отнявъ такимъ образомъ у врага не только самыя плодородныя земли, но и лучшей его боевой элементъ. Такой успѣхъ выходилъ далеко изъ предѣловъ всего, что въ обычномъ порядкѣ вещей можно было когда-нибудь ожидать, и привелъ въ изумленіе весь Кавказъ, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ дѣломъ случайной удачи. Въ короткое время совершены были подвиги зрѣло-обдуманнаго разсчета и баснословной отваги. Каждый ударъ Слѣпцова попадалъ въ цѣль и колебалъ власть Шамиля, колебалъ вѣру въ его могущество. Озлобленный и встревоженный имамъ, въ 1848 году рѣшился, во что бы ни стало, вернуть утраченное и отомстить за свой стыдъ, уничтоживъ однимъ ударомъ новую линію. Собравъ до 10.000 своего лучшаго войска, онъ двинулся съ ними на Сунжу. Нашествіе это имѣло такой неожиданно-грозный видъ, что, по первому слуху о немъ, главнокомандующій, князь Воронцовъ, счелъ нужнымъ лично прибыть на Сунжу и притянуть къ ней успѣшно войска изъ сосѣднихъ районовъ. Но Слѣпцовъ вырвалъ побѣду изъ рукъ друзей, стремившихся раздѣлить ее съ нимъ, и обошелся безъ помощи ихъ. Случилось это до крайности просто... Сильный отрядъ былъ въ сборѣ: нѣсколько батальоновъ и батарей, и цѣлый штабъ, и начальники разныхъ частей... Шли толки и совѣщанія; въ главной квартирѣ ждали извѣстій о непріятелѣ, но никакихъ извѣстій не было уже нѣсколько дней, и никто не зналъ, гдѣ Шамиль.

Въ одно туманное утро, Слѣпцовъ съ своимъ казачьимъ полкомъ вы-

ѣхалъ на развѣдку; какъ вдругъ въ сѣромъ туманѣ мелькнули значки, пахнулъ вѣтерокъ и, приподнявъ густую завѣсу, открылъ передъ казаками, на ружейный выстрѣлъ, всю грозную силу Шамиля. Слѣпцовъ не далъ ему опомниться. Не задумываясь ни на минуту, онъ командовалъ своимъ сотнямъ: „впередь!“... Пукъ ракетъ въ густыя массы врага, стремительная атака,—и непріятель разсѣянъ, какъ тотъ туманъ, который скрывалъ его за пять минутъ...

Зналъ ли Слѣпцовъ, гдѣ найти врага, и выѣхать съ этой цѣлью ему навстрѣчу, или одно геройское вдохновеніе руководило его къ побѣдѣ,—трудно рѣшить, но достоверно, что благодѣтели, собравшіеся его выручать, были весьма недовольны его поспѣшностью и тою безцеремонностью, съ которою онъ обошелся безъ нихъ.

Другой, не менѣе тяжкій, ударъ нанесенный былъ Шамилю въ Галашкахъ. Имамъ съ сильнымъ отрядомъ явился, чтобы вырвать изъ рукъ у Слѣпцова это нагорное общество, которое было уже покорено, но въ виду неожиданной помощи или, вѣрнѣе сказать, острастки со стороны Шамиля, не знало на что рѣшиться и ждало, какъ говорится, *чья возьметъ*. Слѣпцовъ съ казаками попалъ между двухъ огней. Малѣйшая неудача, малѣйшее колебаніе съ его стороны, и тѣ же галашковцы готовы были загородить ему дорогу;—а въ рукахъ у него было всего шесть сотенъ, и впереди, надъ головами, на высотѣ, мелькали значки въ три раза болѣе сильнаго непріятеля,—стоялъ самъ Шамилъ и виднѣлись чалмы его мюридовъ... Но ни имамъ, ни мюриды его, ни слѣдившіе издали за исходомъ дѣла галашковцы не ожидали того, что случилось. 600 казаковъ, съ Слѣпцовымъ, какъ и всегда впереди, не спѣшиваясь, вскарабкались по крутому подъему въ обходъ и, прежде чѣмъ непріятель успѣлъ придти въ себя отъ такой отчаянной дерзости, ударили на него съ фланга. Онъ не выдержалъ и минуты. Разбитый на голову, Шамилъ едва ушелъ; но мѣстность, неблагопріятная для атаки, была еще болѣе неудобна для бѣгства. На тѣсной площадкѣ отвѣсной скалы густая толпа непріятеля, сдавленная и обезумѣвшая отъ ужаса, не знала, куда уйти. Кровь полилась. Мюриды бросали оружіе и кидались съ кручи... Въ итогѣ — Галашки остались за нами.

А вотъ еще одно, можетъ быть, самое смѣлое изъ всѣхъ дѣлъ Слѣпцова.

Грозный оконъ возведенъ былъ Шамилемъ въ Большой Чечнѣ. На устройство его онъ потратилъ много времени и трудовъ, а когда кончилъ, то похвалялся, что позволить обрить себѣ бороду, если когда-нибудь русская нога перешагнетъ за черту его укрѣпленія. И дѣйствительно, рядъ неудачныхъ попытокъ грозилъ оправдать его похвальбу. Отряды въ пол-

номъ составѣ пытались взять его, но возвращались съ урономъ; а Шалинскій окопъ продолжалъ стоять бѣльмомъ на глазу у русскихъ и нѣсколько времени слылъ неприступнымъ. Онъ былъ внѣ круга Сунженской линіи, но тѣмъ не менѣе не давалъ спокойно уснуть Слѣпцову; и вотъ, улучивъ минуту, при свиданіи съ главнокомандующимъ, глазъ-на-глазъ, онъ чуть не насильно выпросилъ себѣ позволеніе попытать счастье въ чужомъ районѣ.—„Даю вашему сіятельству слово,—говорилъ онъ,—что я возьму Шалинскій окопъ одинъ, съ моимъ казачьимъ полкомъ и безъ всякой поддержки“... Воронцовъ долго отиѣкивался, считая, какъ и всякій на его мѣстѣ, конечно, считалъ бы, затѣю этого рода чѣмъ-то близкимъ къ безумству; но, наконецъ, побѣжденный увѣренностью и неотступными просьбами, далъ позволеніе... А Слѣпцову только того и нужно было. Онъ взялъ Шалинскій окопъ съ самой ничтожной потерей. Главная трудность и тутъ, какъ вездѣ, стояла въ подступѣ. Трудно было скрыть замыселъ такъ, чтобы ни друзья, ни враги не провѣдали о немъ ничего до самой минуты его выполненія. Еще труднѣе было подкрасться съ коннымъ полкомъ мимо постовъ и лазутчиковъ непріятели и просидѣть незамѣченнымъ день въ оврагѣ. На разсвѣтѣ Слѣпцовъ съ казаками ударилъ врасплохъ на Шалинскій окопъ и, прежде чѣмъ нѣсколько ротъ егерей, взятыхъ на всякій случай, поспѣли за конницей, чтобы поддержать атаку, все уже было кончено.

Впечатлѣніе этого ряда ударовъ на непріятеля было магическое. Въ аулахъ матери стали пугать блажныхъ дѣтей словами: „Слѣпцовъ идетъ!..“ Но не одинъ только ужасъ внушилъ онъ врагамъ. Слѣпцова любили въ горахъ за щедрость и чтили какъ патріарха—за гостепрѣимство, а вѣра въ его неподкупную справедливость облекла его славой какого-то Соломона въ глазахъ туземнаго населенія. Дѣло неслыханное: изъ непокорныхъ ауловъ къ нему приходили судиться его же враги, и приговоръ его исполняли свято.

* * *

Наслушавшись этого рода рассказовъ, мы поняли, отчего на Сунжѣ было такъ тихо, что резиденцію командира полка можно было принять за степную усадьбу. Старый слуга его, Яковъ, могъ спать спокойно: никто не въ состояніи былъ захватить Слѣпцова врасплохъ, а что до открытаго нападенія, то на всемъ пространствѣ Большой и Малой Чечни не было силы, которая бы отважилась на такое дѣло, зная, что ее ожидала бы вѣрная гибель.

Сказать, что Слѣпцовъ никогда не испытывалъ неудачъ, однако, было бы также странно, какъ воображать себѣ игрока, никогда не проигравшаго ни одной партіи. Бывали и съ нимъ прорухи; но ихъ не прятали.

Въ первый же вечеръ короткаго пребыванія нашего въ лагерѣ мы услышали исторію одного набѣга, предпринятаго, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ нашимъ прїѣздомъ, весною этого роковаго для него года.

Вотъ что намъ рассказывали.

Въ распоряженіи у Слѣпцова, кромѣ его лихихъ казачьихъ сотенъ, было обыкновенно еще нѣсколько ротъ егерей изъ самыхъ испытанныхъ, боевыхъ кавказскихъ полковъ—народъ, на который онъ могъ безусловно разсчитывать. Но, кромѣ этого первокласснаго элемента, существовалъ на линіи и другой: это такъ называемые линейные батальоны, почти никогда не участвовавшіе въ дѣлахъ и вся служба которыхъ была гарнизонная. Солдаты вели осѣдлую, мирную жизнь въ передовыхъ укрѣпленіяхъ, гдѣ имѣли свои дома, огороды, женъ и дѣтей и, понятно, не славились ни своей дисциплиной, ни особенною стойкостью въ бою. Съ такимъ упадкомъ воинственности во вѣренныхъ ему постоянныхъ частяхъ Слѣпцовъ никакъ не могъ помириться и горько жаловался своимъ приближеннымъ, что войско это приходитъ въ негодность только благодаря своей исключительно гарнизонной службѣ. Надо, молъ, чаще его провѣтривать и для этого брать хоть изрѣдка въ экспедиціи нѣсколько ротъ. Такъ онъ и сдѣлалъ весной; но первый набѣгъ, предпринятый имъ на аулъ Шалажи съ однимъ изъ такихъ батальоновъ, кончился самымъ несчастнымъ образомъ. Едва началось отступленіе, какъ колонна, преслѣдуемая въ лѣсу, вмѣсто того, чтобы поддерживать цѣпь застрѣльщиковъ и подъ прикрытіемъ ея отступать частями, столпилась въ кучу и повернула тыль. Озлобленный непріятель слѣдовалъ по пятамъ, минутами прекращая огонь и съ гикомъ кидаясь въ шашки.

Отрядъ вернулся съ давно неслыханною на Сунжѣ потерей,—болѣе 100 человекъ. Слѣпцовъ былъ въ отчаяніи, горько винилъ батальонныхъ офицеровъ, еще болѣе горько себя и до смерти не могъ ни забыть, ни равнодушно вспомнить о шалажинскомъ дѣлѣ... Онъ началъ сдѣлать послѣ него.

Въ штабѣ насъ нѣсколько разъ предупреждали, чтобы мы не заговаривали объ этомъ въ присутствіи Николая Павловича; но совершенно напрасно, такъ какъ онъ въ первый же день, за ужинкомъ, самъ коснулся большого мѣста, и стоило только взглянуть на него при этомъ, чтобы понять, какъ тяжело лежалъ на его душѣ этотъ несчастный день.

Вокругъ стола, кромѣ насъ, сидѣло еще человекъ десять, всѣ отъ генерала и до поручика, безъ эпюлетъ. Въ одно мгновеніе разговоры умолкли, веселыя лица вытянулись, и гробовое молчаніе распространилось въ служившемъ столовой, плетеномъ изъ ивняка, шалашѣ. Но мы не

знали еще, какъ далеко простирается эта власть его надъ сердцами людей... *).

Онъ былъ очень милъ и внимателенъ къ намъ, патурально чувствовалъ себя неловко въ этой, несвойственной намъ и озабоченной собственными дѣлами, воинственной обстановкѣ. Но это была не простая вѣжливость офицера, служившаго въ гвардіи, къ петербургскимъ гостямъ, а что-то ребячески искреннее и простодушное, что испыталъ на себѣ потомъ, несмотря на всю разницу положенія, и нашъ братъ.

Поздно вечеромъ, послѣ ужина, мы едва удалились въ свой красный шатеръ, какъ онъ вошелъ къ намъ съ вопросомъ, довольны ли мы своимъ помещеніемъ, пзвняаясь при этомъ: „à la guerre—comme à la guerre“, въ лагерѣ, молъ, невозможно имѣть городскихъ удобствъ...

Стульевъ въ палаткѣ не было,—онъ сѣлъ на кровать, мы—на другую, и, слово за слово, у насъ завязалась простая искренняя бесѣда, детали которой ни время, ни разстояніе не изгладили у меня изъ памяти... Говорили о дальнемъ другѣ его (Иванъ Давыдовичъ Я—нѣ), о послѣднихъ событіяхъ политической жизни во Франціи и даже поспорили объ идеяхъ Жоржъ Зандъ.

— Мы здѣсь какъ монахи,—жаловался онъ между прочимъ:—отрваны отъ всего, что красить и согрѣваетъ жизнь: безъ женскаго общества, безъ семейства, безъ книгъ...

Не помню, какимъ путемъ рѣчь перешла на его боевую жизнь; но лицо его какъ-то осунулось, и усмѣшка на немъ погасла. Еще раазъ онъ вернулся къ своей неудачѣ и, не стѣсненный на этотъ разъ присутствіемъ подчиненныхъ, высказалъ все, что у него наболѣло на душѣ. Онъ черезчуръ понадѣялся на природныя боевыя качества русскаго человѣка, но трудно представить себѣ, не испытавъ, до какой степени портитъ солдата сидячая, гарнизонная жизнь... Это не то, что казакъ, который, засѣвъ на новомъ мѣстѣ, самъ обрабатываетъ и самъ защищаетъ его, а чортъ знаетъ что: какіе-то огородники на казенныхъ харчахъ!.. Онъ разсказалъ намъ, кусая усы, въ короткихъ, оборванныхъ выраженіяхъ, что происходило въ отрядѣ въ этотъ несчастный день... Какъ люди, которые составляли цѣпь, не умѣли справиться съ своимъ дѣломъ и были изрублены... Какъ непріятель густыми толпами наслѣлъ на отступающую колонну, и эта послѣдняя, сжатая, нѣсколько разъ принималась бѣжать!.. „Да, батюшка, здѣсь, между

*) „Одинъ казачій офицеръ,—говоритъ А. Э. Циммерманъ,—человѣкъ образованный, сказалъ мнѣ, черезъ нѣсколько дней по его смерти: „Я былъ вѣренъ и преданъ ему, какъ лягавая собака господину, поклонялся ему, какъ дикій поклоняется солнцу“ („Кавказъ“ 1852. № 2. „Письмо изъ станицы Сунженской“ А. Циммермана).

нами, скажу:—бѣжали!.. А вы понимаете ли, что это значитъ сказать о русскомъ солдатѣ, что онъ бѣжалъ?.. Это гниль, которую невозможно терпѣть, потому что она, какъ гангрена, грозитъ перейти съ пораженныхъ частей на здоровыя!.. Если бы не моя конвойная полусотня съ Мезенцевымъ, которая спѣшивалась и кидалась на выручку, чтобы дать время пѣхотѣ оцравиться,—дѣло могло бы окончиться еще хуже!..“

Лицо его стало страшно, и взоръ выражалъ неизреченныя муки.

Я что-то сказалъ; но Слѣпцовъ, тревожно оглядываясь на незавѣшенное оконцо ставки, въ которое виденъ былъ часовой, молодой эриванецъ, расхаживающій при свѣтѣ мѣсяца, въ 20 шагахъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я говорилъ тише...

— Эти другого разбора,—шепнулъ онъ,—и я берегу ихъ какъ глазъ. Они не должны и догадываться, чтобы подобныя вещи были возможны...

Онъ былъ раздраженъ и мраченъ, какъ ночь; но только незнающій близко Слѣпцова могъ заподозрить въ немъ что-нибудь въ родѣ упадка духа. Виня въ неудачѣ прежде всего себя, онъ втайнѣ души кипѣлъ уже нетерпѣніемъ дать пострадавшему батальону случай загладить свой грѣхъ;—и какъ потомъ оказалось, къ этому времени въ отрядѣ, изъ-подъ рукъ, шли дѣятельныя приготовленія къ новому, неожиданному набѣгу, съ участіемъ тѣхъ же заржавѣвшихъ гарнизонныхъ ротъ... Никто обыкновенно не зналъ о подобныхъ затѣяхъ вплоть до минуты ихъ исполненія; но позже мы вспомнили озабоченный видъ, съ которымъ Слѣпцовъ, однажды, при насъ, допрашивалъ возвратившагося откуда-то, изжареннаго на солнцѣ и запыленнаго вплоть до бѣлковъ, офицера о состояніи переправъ.

* * *

Прошло двѣ недѣли... Мы были давно уже съ братомъ въ передовомъ Ачхоевскомъ укрѣпленіи, комендантъ котораго, тоже служившій ранѣе въ гвардіи, незабвенный Сергѣй Павловичъ Мезенцевъ *), окружалъ насъ нѣжнѣйшими попеченіями. Тутъ все говорило уже о непосредственной близости непріятели и рассчитано было на встрѣчу его во всякое время дня и ночи... Солидные стѣны и сильная артиллерія... Орудія постоянно заряженные и возлѣ орудій станки съ боевыми ракетами. Часовые съ зажженными фитилями... На обращенномъ къ горамъ и къ аулу фасѣ—крытая башня для наблюденія и на башнѣ флагштокъ.

Къ югу отъ укрѣпленія, составляющаго крайній опорный пунктъ Сунженской линіи, на 10 верстъ разстлалась степь, но дальше, по склону

*) Бывшій начальникъ конвоя и другъ Слѣпцова. Убитъ во время Севастопольской осады, при штурмѣ Редана, гдѣ онъ командовалъ Селегинскимъ полкомъ.

горь, синѣлъ все тотъ же дремучій лѣсъ и высились тѣ же вѣчныя снѣговыя вершины. Картина эта, при всемъ своемъ грозномъ величїи, навѣвала какую-то безотчетную, крадущуюся тоску... Цѣпь издали выглядѣла сплошной, неприступной стѣной и невольно напоминала безчисленныя, кровавыя жертвы, потраченныя на ея одолѣніе,—жертвы, которымъ въ ту пору не видно было еще конца.

—„Ты зачѣмъ, мой другъ, стремишься
На сей погибельный Кавказъ?
Ты оттоль не возвратишься—
Говорить мнѣ тайный гласъ!“

звучали въ ушахъ простыя, хватающія за сердце, слова солдатской пѣсни, когда на покосѣ, въ степи, подъ палящимъ іюньскимъ солнцемъ, рядъ загорѣлыхъ лицъ и бѣлыхъ рубахъ мелькалъ въ высокой травѣ, а за кочками медленно подвигались повозки съ ихъ ружьями и на ближайшемъ холму силуэтомъ вырѣзывался казачій сторожевой пикеть... „Сколько оторванныхъ отъ родного гнѣзда существованій!“ думалось:—„И какая ихъ ждетъ судьба?..“

По обомъ берегамъ Фортанги, подъ пушками укрѣпленія, разстилался большой, поневолѣ покорный аулъ, бѣдная жизнь котораго и полудникіе типы жителей служили по вечерамъ, на валу, любимымъ предметомъ нашего наблюденія... Низкія, плоскокрышія сакли, съ мѣстами значительно переросшею ихъ гигантскою кукурузой, маленькіе участки которой составляли единственную растительность среди аула,—стая свирѣпыхъ собакъ внутри его; изнуренныя полевыми работами, непокрытыя лица татарокъ, въ ихъ желтыхъ шальварахъ, спускающихся къ рѣкѣ за водой—все было своеобразно... Изрѣдка тамъ гремѣли выстрѣлы, что означало свадьбу или другое подобное торжество, и тогда надъ головами у насъ жужжали какъ пчелки шальные чеченскія пули *).

Лѣто стояло знойное, съ рѣдкими проливными дождями и грозами, послѣ которыхъ Фортанга вздугалась, и мутныя волны ея неслись съ бѣшеной быстротой.

※ ※
※

*) Выстрѣлы не всегда, однако, имѣли такой невинный смыслъ. Ауль населяли два враждовавшія между собою племена: чеченцы и карабузакі (тѣхъ и другихъ до 500 семействъ). Ихъ раздѣляла рѣчка: но, не смотря на то, иногда между ними завязывались схватки, и перестрѣлка подчасъ становилась такъ горяча, что на требованіе русскаго виннскаго начальника прекратить ее не обращали больше вниманія. Тогда приглашеніе измѣняло характеръ и подкрѣплялось пушечнымъ выстрѣломъ изъ укрѣпленій.

15-го іюня, вставъ поутру и не видя брата, мы стали спрашивать у хозяйки (мужъ у которой—большой юмористъ и философъ—унтеръ Ефремовъ, тоже исчезъ), и къ удивленію своему узнали, что Мезенцевъ, съ пятью ротами, ночью, куда-то ушелъ, ирпчемъ и брата тайкомъ отъ насъ тоже вытребовали!.. Къ этому прибавлялось, что еще съ вечера изъ отряда пришли приказанія и что слѣдуетъ ожидать большого дѣла...

Все утро мы провели на валу, съ подзорной трубой, направленной на одинъ далекій, указанный намъ знакомымъ татаринომъ пунктъ. Это была едва замѣтная, на разстояніи около 30 верстъ, поляна на склонѣ Малой Чечни, въ лѣсу *)... Часовъ въ 11 поутру, тамъ забѣлѣли крохотные дымки, и въ трубу замѣтно было что-то похожее на прозрачный туманъ, слегка застилавшій окранный лѣса... Дымки—были выстрѣлы русскіхъ орудій, а легкій туманъ обозначалъ мѣста, гдѣ шла ружейная перестрѣлка. Но выстрѣловъ, даже и пушечныхъ, на такомъ разстояніи не было слышно **). Нельзя было сомнѣваться, однако, что именно тутъ на полянѣ идетъ горячее дѣло, и я не могу передать, какое гнетущее впечатлѣніе производилъ на меня этотъ безкровный и безтѣлесный, а между тѣмъ реальный спектръ далекаго боя!.. Что тамъ такое дѣлается?.. Позже мы получили краснорѣчивый, хотя и спартаки-короткій отвѣтъ; но гораздо ранѣе прискакалъ гонецъ-татаринъ съ извѣстіями... Дѣло было горячее, но окончилось скоро... Братъ цѣлъ... Слѣпцовъ и Коведяевъ ранены... Со стороны татаръ—большая потеря: храбрый панбъ Мехемедъ-Мирза Анзоровъ убитъ ***) и у горцевъ захвачено нѣсколько тысячъ головъ скота... Отрядъ возвращается на Ачхой.

Прошло много времени, прежде чѣмъ голова колонны выдѣлилась изъ лѣса. Ее застилало, однако, долго еще отъ глазъ густое облако пыли, которую поднимали захваченныя стада; и только когда ихъ прогнали мимо, мы, наконецъ, разглядѣли, уже простыми глазами,—отрядъ. Онъ извивался темною полосою, поверхъ которой блистали на солнцѣ искорками штыки... Коляска Слѣпцова, съ его удалымъ казачьимъ конвоемъ, ѣхала впереди. Въ коляскѣ сидѣли Мезенцевъ и Слѣпцовъ; послѣдній въ папахѣ и въ

*) Нуркоевская поляна, близъ рѣчки Валерика.

**) Ихъ можно было, однако, разслышать изрѣдка, при ночной тишинѣ и безвѣтрін, и на болѣе дальнее разстояніе. Это зависѣло отъ погоды. Выстрѣлы изъ Ачхой бывали слышны иногда въ Назрани.

***) Узнавъ, что панбъ убитъ, Слѣпцовъ, самъ раненый, немедленно поручилъ передать вдовѣ его свое искреннее сожалѣніе объ ея горѣ, да при этомъ послалъ ей еще подарки.—„Такія черты,—говоритъ Нейманъ:—возбуждали къ нему невольную любовь и удивленіе, даже въ сердцахъ враговъ“.

бурой черескѣ, какъ-то безсилно сторбившійся и блѣдный... Онъ раненъ былъ въ ногу выше колѣна и, какъ потомъ оказалось, весьма глубоко; но, опасаясь дурного впечатлѣнія на отрядъ, не сказалъ никому и съ желѣзнымъ терпѣніемъ высидѣлъ на конѣ до конца, подѣ жаркимъ огнемъ непріятели. Это случилось съ нимъ первый разъ, и послѣ несчастнаго шалажинскаго дѣла, весьма вѣроятно, принято было имъ за вторичный намекъ судьбы, что старому его счастью—конецъ... Брови его были нахмурены; взоръ смотрѣлъ безучастно на все и на всѣхъ.

Въ хвостѣ колонны *шелъ* батальонъ, и въ рядахъ его мы увидали брата, причудой судьбы обращеннаго изъ оріенталиста въ завоевателя *) и первый разъ участвовавшего въ бою. Но мнѣ остается еще рассказать одно тяжелое впечатлѣніе, явственно уцѣлѣвшее у меня въ памяти. Ранѣе гарнизонныхъ ротъ показались раненые. Жалость брала смотрѣть: кто ѣхалъ верхомъ, шатаясь въ сѣдлѣ и свѣсивъ безсилно голову, а кого вели подѣ руки, съ искаженнымъ лицомъ и помутившимся взоромъ (лазаретный фургонъ былъ полонъ тѣми, кто не могли уже ни идти, ни сидѣть верхомъ). Несчастнаго Коведяева пронесли мимо насъ на буркѣ. Онъ раненъ былъ пулею въ грудь у плеча, и лѣчился потомъ при насъ въ укрѣпленіи, гдѣ мы и видѣлись почти каждый день **)... Шестіе замыкала повозка, при видѣ которой всѣ сняли шапки и перекрестились, а женщины на валу подняли вой и плачь. Повозка нагружена была, запросто и на скорую руку, окоченѣвшими уже тѣлами тѣхъ, для кого этотъ день былъ послѣднимъ. Дѣло понятное:—скудные средства обоза и попеченія не имѣваго отъ зари до пяти часовъ вечера ни минуты отдыха, страшно измученнаго отряда, конечно, были нужнѣе живымъ, чѣмъ мертвымъ. Но что поразило меня и чего я никакъ не могъ себѣ объяснить, это—кому понадобилось снять съ мертвыхъ не только обувь, но и почти всю одежду?.. Голая плечи, голая, запыленная руки и ноги торчали наружу!.. Спектръ отдаленнаго боя, видѣнный нами ранѣе въ зрительную трубу, не даромъ производилъ такое зловѣщее впечатлѣніе:—онъ былъ дорисованъ этой послѣдней чертой... Мы отвернулись... Намъ стало стыдно за человечество.

Вечеромъ, въ этотъ день, когда все успокоилось и Слѣпцовъ, послѣ мучительной операціи извлеченія пули, лежалъ на квартирѣ Мезенцева,

*) Въ бытность свою на Кавказѣ, онъ нѣсколько разъ, по порученію воинскихъ начальниковъ, переводилъ и снималъ копиі съ арабскихъ писемъ Шамиля, перехваченныхъ на линіи, при ихъ пересылкѣ наибамамъ.

**) Судьба Коведяева была очень печальная. Спустя два года я получилъ извѣстіе, что онъ зарѣзался. Побудительныя причины остались тайной для всѣхъ.

изъ непріятельскаго стана явились посланные, для переговоровъ. Николай Павловичъ приказалъ ихъ впустить. Они уже знали о томъ, что онъ раненъ, и, кажется, выразили ему по этому поводу сожалѣніе. Къ крайнему удивленію всѣхъ, Слѣпцовъ, пересиливъ боль, вскочилъ. — „Вы думаете, что я искалѣченъ?“—сказалъ онъ.—„А вотъ смотрите!“—онъ бодро прошелся по комнатѣ и затѣмъ остановился передъ прибывшимъ.—„Скажите вашимъ, чтобы они каждый день были готовы встрѣтить меня“... И онъ продолжалъ стоять, покуда длились переговоры.

* * *

Послѣ того мы видѣли Николая Павловича еще раза три. Разъ,—это было въ станицѣ Михайловской, на желѣзо-сѣрныхъ ключахъ, гдѣ онъ пролежалъ недѣль пять. Застали его измученнаго и раздраженнаго: лицо и даже бѣлки его глазъ были желты. Вынужденное и ненавистное для него бездѣйствіе, рана и лѣкаря, залитое солнцемъ тѣсное помѣщеніе, мухи, извѣстія съ линіи, рапорты изъ станицъ, друзья и враги, малѣйшее не-впопадъ обращенное къ нему слово, даже простое участіе къ нему, какъ къ больному,—все выводило его изъ себя. Такъ, на примѣръ, при насъ его навѣстилъ вліятельный его конкурентъ и сосѣдъ, красавецъ и молодецъ еще, князь Барятинскій, исправлявшій въ то время должность начальника лѣваго фланга. Онъ просидѣлъ не болѣе полчаса, но даже и этотъ короткій визитъ былъ для больного невыносимой пыткой; и я до сихъ поръ не могу забыть, какъ, по отъѣздѣ князя, Слѣпцовъ проклинали его въжливость.

— Слишкомъ любезно! Слишкомъ внимательно!—кипятился Слѣпцовъ, кусая усы и сверкая глазами изъ-подъ нахмуренныхъ, черныхъ бровей.

— Терпѣть не могу эти гофмейстерскіе, дипломатическіе демарши... Связываютъ они меня!..

Я вспомнилъ Шалинскій окопъ... Онъ былъ въ районѣ дѣйствій Барятинскаго, но (какъ сказано уже ранѣе) взятъ Слѣпцовымъ.

Въ другое мое посѣщеніе онъ былъ уже на ногахъ, и въ станицѣ происходило какое-то торжество, при которомъ онъ раздавалъ казакамъ награды.

Скоро потомъ мы разстались, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, не предчувствуя, что мы его видимъ въ послѣдній разъ.

Въ походѣ того же года я навѣстилъ его друга И. Д. Я—на.

— Вы ничего не слышали?—спросилъ онъ съ зловѣщимъ видомъ.

— Нѣтъ.

— Слѣпцовъ убить!

Слова эти поразили меня тѣмъ болѣе, что я, всего три недѣли тому назадъ, получилъ отъ самого Николая Павловича письмо съ извѣстіемъ,

что онъ 1-го декабря выступаетъ въ походъ, въ которомъ и братъ мой приметъ участіе... Скоро потомъ пришло письмо и отъ брата, съ горькими, потрясающими подробностями... Все въ человѣкѣ этомъ было необычайно, но обстоятельства, сопровождавшія его раннюю смерть, поистинѣ носятъ печать эпическаго преданія.

Я разскажу ихъ, какъ слышалъ, лично отъ двухъ друзей Слѣпцова.

*
*
*

Слѣпцовъ, при всей своей добротѣ, былъ безмѣрно вспыльчивъ, и эта черта характера ставила его часто въ весьма непріятныя, даже опасныя положенія. Въ жизни его бывали случаи жаркаго столкновенія съ равными и нерѣдко со старшими, въ которыхъ онъ доказалъ, что для него не существуетъ другого различія между людьми, кромѣ того, которое дѣлаетъ ихъ по внутреннему достоинству... Къ несчастью для него, порывистая бѣшеная натура его, въ минуты гнѣва, не знала мѣры; и это, въ связи съ его великодушнымъ сердцемъ, дѣлало его часто мученикомъ. Обидѣвъ кого-нибудь и чувствуя это, онъ становился нерѣдко на нѣсколько дней несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, не спалъ по ночамъ и думалъ только о томъ, какъ бы поправить дѣло.

— Чудно выражался гнѣвъ его,—разсказываетъ одинъ молодой энтузіастъ, участвовавшій въ послѣднемъ походѣ Слѣпцова.—Бывало, начнетъ спокойнымъ голосомъ;—и представить себѣ нельзя, что это начало грозы. Но сказанное спокойно въ слѣдующую минуту повторяется, съ легкой перестановкою словъ, уже гораздо громче, и въ выговорѣ звучитъ замѣтное раздраженіе. Еще разъ повторено то же самое, и молнія гнѣва уже сверкнула въ глазахъ. Такъ, напримѣръ, замѣтивъ какое-нибудь упущеніе со стороны одного изъ своихъ офицеровъ, онъ начиналъ съ укоромъ: „Вѣдь я просилъ васъ, Иванъ Ивановичъ, присмотрѣть за этимъ... Вѣдь я покорнѣйше васъ просилъ обратить на это вниманіе!.. Покорнѣйше васъ просилъ, чтобы этого больше не было! (Конь между тѣмъ, отзываясь на раздраженіе всадника, не стоитъ на мѣстѣ, и это еще усиливаетъ его досаду). А если вы не обращаете вниманіе на мои просьбы,—на мои покорнѣйшія къ вамъ просьбы, то (уже запальчиво и крикливо) я приказывать буду!.. А если для васъ это ничего не значитъ (бѣшено), такъ я выскривать буду!“ и прочее. Въ другой разъ, разгнѣванный на мусульманскую милицію за то, что она поскакала не туда, куда слѣдуетъ:— „Я говорилъ, что я не могу служить съ этой милиціей!.. Я сказалъ, что мнѣ невозможно служить съ этой милиціей!.. Не могу я съ нею служить!.. Не могу! Не могу!.. Не могу!“ Послѣднія слова онъ повторялъ, уже припавши къ гривѣ коня, и въ нихъ слышалось что-то похожее на рыданіе.

И такъ было почти всегда въ этихъ внезапныхъ порывахъ его; всегда подь конецъ въ нихъ звучали какія-то скорбныя ноты.

А вотъ что рассказываетъ другой биографъ его—Циммерманъ. „Когда что-нибудь исполнялось въ противность его приказаніямъ, онъ приходилъ въ совершенную ярость, кричалъ пронзительно, пѣна выступала у рта. Но эти взрывы страсти были всегда коротки, и онъ иногда, если былъ не правъ, спѣшилъ извиниться передъ обиженнымъ. Бывали примѣры, что онъ передъ всѣми просилъ прощенія у простыхъ казаковъ. И никто въ такихъ случаяхъ не считалъ себя оскорбленнымъ“.

* * *

О *последнемъ*, предсмертномъ, такъ сказать, походѣ Слѣпцова, рассказывается г. Ахшарумовымъ слѣдующее.

Въ ноябрѣ 1851 года Николай Павловичъ, съ своимъ обычнымъ пыломъ, отдался приготовленіямъ къ задуманному имъ раньше походу... Сильный отрядъ былъ въ сборѣ.

„Перваго декабря выступаемъ, — писалъ онъ мнѣ въ Петербургъ отъ 25-го ноября,—и какъ нарочно зима и холодъ къ намъ заглянули. Рота 7-го батальона назначена тоже въ походъ, и Дмитрію Дмитріевичу (брату) придется позябнуть, чего онъ, кажется, очень не любитъ, хотя и страстно полюбилъ войну... Онъ собрался, наконецъ, на Сунжу, и мы проводимъ съ нимъ каждый день по нѣскольку часовъ въ бесѣдахъ о близкихъ“...

Но этотъ спокойный и даже наружно-веселый тонъ былъ обманчивъ. Преданіе положительно говоритъ, что въ тайнѣ души Слѣпцовъ ждалъ смерти; и вотъ изъ чего это заключаютъ. Въ концѣ ноября онъ говѣлъ и приобщался, а передъ отъѣздомъ изъ Сунженской оставилъ роднымъ письмо, съ надписью: „последнее“, вручилъ его своему вѣрному старику Якову и приказалъ отправить по первой почтѣ. Преданіе идетъ далѣе. Оно увѣряетъ, что, чуя близкую смерть и готовясь встрѣтить ее во всей возможной для грѣшника чистотѣ тѣлесной, онъ два послѣдніе дня ничего не ѣлъ, а наканунѣ самъ совершилъ надъ собою, какъ надъ усопшимъ уже, посмертный обрядъ омовенія. Предчувствіе, молъ, никогда не обманывало Слѣпцова.

* * *

Ближайшей задачей экспедиціи была рубка лѣса; но дѣло это, какъ продолжительное, обыкновенно давало возможность врагу приготовиться и стянуть всѣ силы свои на неизвѣстный пунктъ... Такъ было и этотъ разъ.

Отрядъ стоялъ лагеремъ на Гезинской полянѣ, у входа въ ущелье—и поблизости отъ аула того же имени... За рѣчкой рубили лѣсъ. Не далѣе 7-го числа случилось нѣчто, служившее вѣрной примѣтой, что не-

пріятель имѣеть въ виду нападеніе. Въ три часа пополудни онъ вывезъ изъ лѣса орудіе, сдѣлалъ по лагерю нѣсколько выстрѣловъ и, получивъ на нихъ должный отвѣтъ, исчезъ; но черезъ лазутчиковъ въ тотъ же вечеръ узнали, что дальше, въ лѣсу, за тѣмъ мѣстомъ, откуда выскакало орудіе, стягиваются большія силы и складываютъ завалы.

Все это озабочивало Слѣпцова, въ особенности орудіе. Онъ постоянно о немъ говорилъ, твердя, что его слѣдуетъ непременно взять... Два дня, однако, прошло спокойно, только лазутчики доносили то же.

9-го декабря, вечеромъ, Николай Павловичъ призвалъ къ себѣ Неймана и войскового старшину Предимірова.—Я поручаю вамъ, господа, сказалъ онъ:—лихое казацкое дѣло. Необходимо, чтобы непріятель, когда мы его разобьемъ, не могъ увезти орудіе. Сберите, какъ можно тише, колонну пѣшихъ охотниковъ, переправьтесь ночью черезъ рѣку, зайдите имъ въ тылъ, засядьте въ лѣсу и ждите. По первому выстрѣлу изъ орудія, вы уже будете знать, что вамъ дѣлать. Ударьте на нихъ врасплохъ и старайтесь прежде всего захватить орудіе. А я къ этому времени буду съ другой стороны и возьму завалы.

10-го декабря, съ утра, всѣ части были уже на своихъ мѣстахъ, но непріятель медлилъ и только въ началѣ 8-го густая толпа его высыпала изъ лѣса... Грянуло, наконецъ, и его орудіе. Слѣпцовъ, съ казачьими сотнями, поскакалъ впередъ и ударилъ на атакующихъ такъ стремительно, что поляна мгновенно была очищена; но разсѣянные толпы засѣли въ лѣсу за завалами и открыли жаркій огонь. Тогда дѣло конницы было кончено, и Слѣпцовъ былъ вынужденъ дожидаться пѣхоты. Она подходила частями, и голова колонны была уже въ жаркомъ огнѣ, прежде чѣмъ хвостъ успѣлъ ее поддержать. Слѣпцовъ кипѣлъ нетерпѣніемъ и посылалъ офицера за офицеромъ, чтобы торопить отставшій второй батальонъ.

Въ эту критическую минуту издали донеслось „ура!“ колонны охотниковъ. Николай Павловичъ стоялъ въ 50 шагахъ отъ заваловъ, одинъ, на виду у всѣхъ, верхомъ на бѣломъ своемъ кабардинцѣ, и красный верхъ его папахи въ пороховомъ дыму мелькалъ какъ мишень для непріятельскихъ выстрѣловъ... Вдругъ спѣшенные конвойные казаки, не сводившіе съ него глазъ, замѣтили, что онъ пошатнулся въ сѣдлѣ и, повернувъ коня, ухватился за гриву его. Къ нему подбѣжали. — „Конецъ!“ произнесъ онъ глухо:— „Снимите меня!“

...Никто понять не могъ, что съ нимъ, такъ какъ крови на немъ не было видно; но онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и молчалъ. Его сняли съ коня и вынесли изъ-подъ пуль. Докторъ Лужинскій освободилъ его отъ пояса и оружія, растегнулъ черкеску, бешметъ, и только тогда на бѣлой рубашкѣ, замѣтили небольшое кровавое пятнышко. Пуля попала ему подъ

сердце, и докторъ, не находя ея, бросилъ зондъ; — угрюмый взоръ его подтвердилъ только то, что яено было уже для всѣхъ...

Къ смертельно раненому подъѣхалъ потребованный имъ ранѣ баронъ Сталь,—квартирмейстеръ отряда. „Команду послѣ меня принимаетъ полковникъ Каревъ“, сказалъ онъ ему.

Слѣпцовъ еще былъ въ памяти, когда его понесли на буркѣ въ лагерь, и спрашивалъ: взято ли непріятельское орудіе. Ему отвѣчали, что еще нѣтъ извѣстій, но что завалы взяты... Дробь барабановъ, осилившая ружейную трескотню, и дружные перекаты „ура!“ подтверждали отвѣтъ. „Ну, и за то слава Богу!“—сказалъ онъ, крестясь, и повторилъ опять:— „Команду послѣ меня принимаетъ полковникъ Каревъ“.

Другія слова, съ трудомъ уже выговоренныя, свидѣтельствовали, что мысли его озабочены дѣломъ. Все вмѣстѣ длилось не болѣе получаса... Когда переправлялись черезъ рѣку, онъ что-то еще шепталъ, какъ говорили—молитву, но словъ почти невозможно было разслушать... Еще минута, и все было кончено.

Слѣпцовъ умеръ тихо и съ твердою вѣрою. Ни единого стога не вырвалось изъ его груди, и даже едва-ли кто изъ присутствующихъ замѣтилъ, когда онъ отдалъ послѣдній вздохъ.

А дѣло, тѣмъ временемъ, было рѣшительно выиграно. Эриванцы, поддержанные колонной охотниковъ, взяли завалы, а охотники взяли аулъ и отрѣзали непріятельскому орудію путь отступленія по дорогѣ: — оно заскакало въ ущелье, гдѣ, говорятъ, опрокинуто было съ кручи въ оврагъ.

Въ войскахъ узнали о смерти Слѣпцова не прежде, какъ все уже кончилось, и они возвращались въ лагерь. Горе было всеобщее. Отрядъ, прежде полный шумнаго веселья, пѣсенъ и плясокъ, замолкъ совершенно. Мертвая тишина смѣнила разгулъ. Люди переговаривались между собою шопотомъ. Огни едва мерцали: было темно, холодно, жутко. Изъ непріятельскаго стана доносились жалобныя пѣсни по убитымъ, попеременно съ громкими визгами и ликоваціями о смерти Слѣпцова.

Горе было всеобщее, но среди казаковъ оно не знало границъ. Чтобы понять, какъ любили Слѣпцова на Сунжѣ, —говорить очевидецъ,—достаточно было видѣть, что тамъ проходило, когда везли его тѣло. Все населеніе высыпало навстрѣчу, и всѣ, отъ мала до велика, рыдали: плачь, надрывающій сердце, стономъ стоялъ въ стени. Слѣпыхъ подводили къ гробу, матери клали на крышку его грудныхъ дѣтей. Старики съ укоромъ смотрѣли на казаковъ, окружавшихъ траурную процессію, какъ бы вина ихъ въ случившемся. Даже коню досталось. „Вишь, волчья сыть! не умѣлъ сберечь; а самъ цѣль!“... Это былъ тотъ же конь, на которомъ Слѣп-

цовъ весной испыталъ жестокую неудачу, въ июнѣ былъ раненъ, а въ декабрѣ—убить.

Валерикъ *).

Я къ вамъ пишу случайно; право,
Не знаю какъ и для чего.
Я потерялъ ужь это право,
И что скажу вамъ?—Ничего!..
Что помню васъ?.. Но, Боже правый!
Вы это знаете давно,
И вамъ, конечно, все равно,
И знать вамъ также нѣту нужды—
Гдѣ я, что я, въ какой глуши?..
Душою мы другъ другу чужды..
Да врядъ ли есть родство души!
Страницы прошлаго читая,
Ихъ по порядку разбирая,
Теперь, остынувшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ.
Смѣшно жѣ сердцемъ лицемѣрить
Передъ собою столько лѣтъ;
Добро-бъ, еще морочить свѣтъ..
Да и притомъ, что пользы вѣрять
Тому, чего ужь больше нѣтъ?..
Безумно ждать любви заочной..
Въ нашъ вѣкъ все чувства лишь на срокъ;
Но я васъ помню—да и точно,
Я васъ никакъ забыть не могъ!
Во-первыхъ, потому, что много,
Что долго, долго васъ любилъ,
Потомъ, страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ;
Потомъ въ раскаяннѣ безплодномъ
Влачилъ я цѣпь тяжелыхъ лѣтъ—
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ..
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ молодыхъ проказъ.

*) Это стихотвореніе Лермонтова помѣщается здѣсь не только потому, что въ немъ обрисовываются взаимныя отношенія воссавшихъ сторонъ, но еще и потому, что описанное сраженіе происходило *въ дѣйствительности* (а не въ фантазій поэта) и что въ немъ принималъ участіе, въ качествѣ поручика Тенгинскаго полка, самъ Лермонтовъ.

Любовь, поэзію—но васъ
Забыть мнѣ было невозможно!
И къ мысли этой я привыкъ,
Мой крестъ несу я безъ роптанья,
То иль другое наказанье—
Не все-ль одно? Я жизнь постигъ;
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все я равно благодаренъ;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу:
Быть можетъ, небеса Востока
Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольнo сблизили... Притомъ,
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенію
И нѣтъ работы головѣ...
Зато лежишь въ густой травѣ
И дремлешь... подъ широкой тѣнью
Чинаръ иль виноградныхъ лозъ
Кругомъ бѣлѣются палатки:
Казачьи тощія лошадки
Стоять рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга;
Едва дымятся фитили:
Попарно цѣпь стоитъ вдали;
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били,
Какъ доставалось и намъ.
И вижу я, неподалеку,
У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирной татаринъ свой намазъ
Творить, не подымая глазъ;
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговищъ,
Ихъ шапки, рукава худые,
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.
Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... славный звукъ...

Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала;
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;
Вотъ проскакаль одинъ, другой!
Шумъ, говоръ... „Гдѣ вторая рота?“
„Что? выучить?“— „Что же капитанъ?“
„Повозки выдвигайте живо!“
„Савельичъ!“—Ой-ли?—„Дай огниво!“
Подъемъ удариль барабанъ;
Гудить музыка полковая;
Между колоннами вѣзжая,
Звенятъ орудья; генераль
Впередъ со свитой поскакаль;
Разсыпались въ широкомъ полѣ,
Какъ пчелы, съ гикомъ казаки.
Ужъ показались значки
Тамъ на опушкѣ—два и болѣ.
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ,
Въ черкескѣ красной ѣздитъ важно,
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машеть, кличетъ... Гдѣ отважный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?..
Сейчасъ... Смотрите: въ шапкѣ черной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... Выстрѣль... легкой дымъ...
„Эй вы, станичники, за нимъ!..“
„Что? ранень?—Ничего! бездѣлка!..“
И завязалась перестрѣлка...
Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало;
Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовались на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ;
Зато видаль я представленья,
Какихъ у васъ на сценѣ нѣтъ...
Разъ это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ.
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой...
Изъ горъ Ичкеріи далекой
Уже въ Чечню на бранный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ—

И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстигался облаками.
И оживилися лѣса,
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами..
Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну, дѣло началось.
Чу! въ аръегардъ орудье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ;
Вотъ тащутъ за ноги людей
И кличутъ громко лѣкарей..
А вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки..
И градомъ пуль съ вершинъ деревь
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Все тихо... Тамъ между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе..
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись... молчать..
Но вотъ подъ бревнами завала
Ружье какъ будто заблестало,
Потомъ мелькнуло шапки двѣ—
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье..
Не долго длилося оно,
И въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно.
Вдругъ залпъ... Глядимъ: лежать рядами..
Что нужды? Здѣшніе полки
Народъ испытанный... Въ штыки!
Дружище!—раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди..
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня..
Ура!—и смолкло.—Вонъ кинжалы!..
Въ приклады!.. И пошла рѣзня..
И два часа въ струяхъ лотока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь,
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть—
И зной и битва утомили
Меня—но мутная волна
Была тепла, была красна..
На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ первый рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ

Быль на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью. На шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ... онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ ранки; кровь изъ нихъ чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно; онъ шепталъ:
„Спасите, братцы!.. тащуть въ горы!..
Постойте... гдѣ же генераль?..
Не слышу“... Долго онъ стоналъ
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу...
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали... потомъ,
Его останки боевые
Накрыли бережно плащомъ—
И понесли... Тоской томимый,
Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я, недвижимый...
Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьямъ;
Ея тяжелымъ испареньемъ
Быль полонъ воздухъ. Генераль
Сидѣлъ въ тѣни на барабанъ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманъ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ...
А тамъ вдали—грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной
Тянулись горы—и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?!..
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу—онъ былъ
Кунакъ мой—я его спросилъ,
Какъ мѣсту эту назвать?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Валерикъ;—
А перевести на вашъ языкъ,

Такъ будетъ—*ручка смерти*; вѣрно,
Дано старинными людьми!“
— А сколько ихъ дралось, примѣрно,
Сегодня? „Тысячъ до семи!“
— А много горцы потеряли?
„Какъ знать! Зачѣмъ вы не считали?“
— Да будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый!—
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ...

Но я боюсь вамъ наскучить.
Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
Тревоги дикія войны;
Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ;
На вашемъ молодомъ лицѣ
Слѣдовъ заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Какъ умирають... Дай вамъ Богъ
И не видать! Иныхъ тревогъ
Довольно есть. Въ самозабвенн
Не лучше-ль кончить жизни путь.
И безпробуднымъ сномъ заснуть
Съ мечтой о близкомъ пробужденн?

Теперь, прощайте!—Если васъ
Мой безыскусственный рассказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость—
Я буду счастливъ: а не такъ...
Простите мнѣ его, какъ шлоость,
И тихо молвите: чудакъ!..

Три безвѣстныхъ героя *)

6-го іюля 1898 г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня взятія русскими войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ сильно укрѣпленнаго Шамилемъ аула Гергебиль. Въ исторіи кавказскихъ войнъ это событіе описано много разъ и подробно, но отдѣльными подвигамъ частныхъ начальниковъ въ этихъ описаніяхъ отведено весьма мало мѣста. Въ виду этого, „Русск. Инв.“ посвятилъ памяти нашихъ кавказскихъ героевъ слѣдующую статью.

Намѣстникъ Кавказа князь Воронцовъ два раза предпринималъ осаду аула Гергебиля—въ 1847 и 1848 годахъ. Въ первый разъ князь Ворон-

*) Изъ газеты „Кавказъ“.

цовъ двинулся къ Гергебилию съ двумя отрядами, князя Бебутова и князя Аргутинскаго-Долгорукова (въ составѣ 6 батальоновъ пѣхоты, 2 эскадроновъ конницы, 750 казаковъ и 10 орудій). Осада продолжалась недолго. Въ стѣнахъ и башняхъ аула были сдѣланы бреши, колонна охотниковъ и батальонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, бросившіеся на штурмъ, заняли брешь и селеніе, но двигаться дальше массою оказалось невозможнымъ, и поэтому Воронцовъ отступилъ.

Вторая осада Гергебиля, въ 1848 г., увѣнчалась успѣхомъ, несмотря на то, что Шамилемъ, принимавшимъ личное участіе въ оборонѣ, были высланы изъ Гергебиля семейства, вывезено все имущество горцевъ, гарнизонъ снабженъ запасами на долговременную оборону, наибо́льшое отдано было приказаніе держать людей въ сборѣ и защита Гергебиля ввѣрена отчаяннымъ мюридамъ. Самъ Шамиль со своими скопцами, готовый явиться на помощь осажденнымъ, стоялъ на сосѣднихъ высотахъ, имѣя сообщеніе съ Гергебилемъ черезъ мостъ на рѣкѣ Койсу.

Войска князя Воронцова, въ составѣ 15 батальоновъ пѣхоты, 2 стрѣльковыхъ ротъ, 2 ротъ саперъ, 2 эскадроновъ драгунъ, 500 конныхъ и 1.000 пѣшихъ милиціонеровъ, 12 орудій и мортиръ, 15-го іюня 1848 года расположились лагеремъ къ востоку отъ Гергебиля. Въ то же время генералъ Бриммеръ съ четырьмя батальонами занялъ передовую позицію, въ 150—300 саж. отъ аула, построилъ батареи и открылъ огонь изъ орудій, а полковникъ Евдокимовъ, со всей кавалеріей, съ четырьмя батальонами пѣхоты, опрокинулъ скопища наиба Муссы Бѣлоканскаго. Когда же полковники князь Барятинскій и князь Орбеліани заняли Кудухскія высоты и орѣховые сады, несмотря на отчаянное сопротивленіе непріятеля, и позиція, занятая нашими войсками, была обезпечена завалами, редутами и загражденъ входъ въ сосѣднее (Аймяклинское) ущелье, — началась (съ 24-го іюня) съ большою энергіею осада Гергебиля.

О самой осадѣ и о работахъ саперовъ подъ Гергебилемъ (1848 г.), а равно и объ отдѣльныхъ подвигахъ офицеровъ во всѣхъ военно-историческихъ сочиненіяхъ имѣются самыя скудныя свѣдѣнія. Между тѣмъ, эти работы, по своему характеру служившія особенно полезною школою для многихъ изъ русскихъ офицеровъ (напр., Э. Ф. Кесселеру, К. П. фонъ-Кауфману, Э. И. Тотлебену и др.), были весьма замѣчательны. Самая осада, продолжавшаяся съ 16-го іюня по 6-е іюля и стоившая многихъ жертвъ (мы потеряли за это время 2 штабъ-офицеровъ, 16 оберъ-офицеровъ и 333 чел. рядовыхъ), заключалась въ преодоленіи цѣлаго ряда трудноодолимыхъ препятствій. Ауль Гергебиль былъ расположенъ на высокомъ утесѣ (8.000 фут.), состоялъ изъ толстыхъ стѣнъ съ башнями и обнесенъ былъ съ одной стороны широкимъ и глубокимъ ровомъ, а съ другой обезпечи-

вался глубокимъ оврагомъ. Затѣмъ, гористая мѣстность не доставляла въ достаточномъ количествѣ матеріала для осадныхъ работъ, огромные камни приходилось вытаскивать или же рвать порохомъ; командующія высоты аула требовали постоянного дефилированія при постройкѣ редутовъ, батарей и ложементовъ; приходилось батареи составлять въ высоту изъ нѣсколькихъ туровъ и брусьевъ и увѣнчивать фашинами. Всѣ эти сложныя работы и удачное дѣйствіе нашей артиллеріи не повліяли на духъ осажденныхъ, пока не было прекращено снабженіе гарнизона аула водою, которую онъ получалъ изъ резервуара башни, расположенной въ оврагѣ. Нужно было прервать сообщеніе осажденныхъ съ этою водою. За это взялся капитанъ фонъ-Кауфманъ (Константинъ Петровичъ), съ двумя саперами. Переодѣтые въ платье подъ цвѣтъ скалы, они ночью, 29-го іюня, ползкомъ изъ траншеи спустились въ оврагъ и уже достигли дна его, какъ говорятъ черкесовъ остановилъ ихъ; затѣмъ, когда все стихло, они пробралсь до аула и открыли канавку, высѣченную въ скалѣ, сообщавшую воду въ аулъ изъ водяной башни. На этихъ данныхъ, добытыхъ въ теченіе ночи, составленъ былъ Кауфманомъ планъ перехода черезъ оврагъ. Самый переходъ произведенъ былъ уже подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Устройство крытаго перехода черезъ оврагъ, уничтоженіе канавки, доставлявшей изъ башни воду въ аулъ, было исполнено капитаномъ Кауфманомъ, штабсъ-капитаномъ Тотлебенемъ и поручикомъ Македонскимъ. Въ ночь на 6-е іюля, когда всѣ распоряженія въ русскомъ отрядѣ были сдѣланы и рѣшено было идти на штурмъ, непріятель бѣжалъ.

Вспоминая подвиги кавказскихъ героевъ, не слѣдуетъ забывать о тѣхъ изъ нихъ, которые, подобно Архипу Ошпову, прославились геройскимъ подвигомъ—взрывомъ того укрѣпленія, которое должны были защищать. За нѣсколько лѣтъ передъ описаннымъ событіемъ, въ 1843 году, въ окрестностяхъ того же Гергебиля, два слабые форта были заняты небольшимъ русскимъ отрядомъ (350 чел.), подъ командою майора Шаганова. Въ октябрѣ 1843 г. появились большія скопища (до 5.000) горцевъ, обложили укрѣпленія, заняли аулъ и, пользуясь своей многочисленностью, намѣрены были перейти въ наступленіе; когда же нѣсколько разъ повторенныя атаки были отбиты, они приступили къ постепенной осадѣ. Девять сутокъ гарнизонъ отбивалъ повторявшіяся атаки, переходя изъ одного форта въ другой, и только когда черкесскія скопища, съ появленіемъ Шампиля, усилились вдвое, когда укрѣпленія были разрушены орудійнымъ огнемъ осаждающаго, рѣшеніемъ военнаго совѣта гарнизонъ оказался вынужденнымъ оставить укрѣпленія, предварительно заложивъ горнъ. Воспламенить его остались: юнкеръ Чаевскій, унтеръ-офицеръ Невѣровъ и рядовой Семеновъ. Утромъ 3-го ноября (1843 г.), когда черкесы бросились на штурмъ

оставленнаго форта, эти три героя взорвали мину и погибли вмѣстѣ съ ворвавшимся непріателемъ.

Мужественная защита укрѣпленія Ахты въ 1848 году *).

Защита укрѣпленія Ахты, увѣнчавшая славою русское оружіе, составляетъ одинъ изъ блистательныхъ подвиговъ нашихъ храбрыхъ воиновъ, богатырей кавказской арміи. Эта геройская защита горсти храбрецовъ противъ многочисленнаго, сильнаго непріателя должна быть памятна каждому русскому, а въ особенности кавказцамъ.

Послѣ успѣшныхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Дагестанѣ и Чечнѣ и взятія Гергебиля въ 1848 году, Шамиль, усматривая, что вліяніе его между горцами сильно поколебалось, рѣшился сдѣлать вторженіе въ наши предѣлы. Онъ полагалъ, что войска наши не успѣютъ послѣ утомительнаго похода собраться въ скоромъ времени и что внезапное его появленіе на Самурѣ принудитъ мѣстныхъ жителей и нагорные аулы Джаробѣлоканскаго округа вновь признать его власть.

Начальникъ Самурскаго округа, полковникъ Ротъ, узнавъ о вторженіи непріателя въ наши предѣлы, сосредоточилъ силы свои около укрѣпленія Ахты, построеннаго въ 3 верстахъ отъ аула Ахты, на правомъ берегу рѣки Самура, близъ впаденія въ эту рѣку Ахты-Чая.

Крѣпость Ахты вооружена была 10 орудіями разныхъ калибровъ и 3 кегорновыми мортирами; провіанта, пороха и снарядовъ было достаточно для выдержанія продолжительной осады; водою гарнизонъ снабжался изъ рѣки Ахты-Чая и р. Самура. Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ 2 ротъ линейнаго Грузинскаго батальона № 6-го.

Вечеромъ 13-го сентября, Даніель-Бекъ занялъ селеніе Ахты, а наканунѣ этого дня, 12-го числа, жители его, ожидая къ себѣ Шамиля, хотѣли къ пріѣзду имама приготовить ему хорошій подарокъ:—обманомъ завладѣть укрѣпленіемъ Ахты. Подъ предлогомъ просить патроновъ, они намѣревались войти въ укрѣпленіе и завладѣть имъ; но коварство ихъ сдѣлалось своевременно извѣстнымъ чрезъ лазутчиковъ. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько часовъ ахтинцы толпой подѣхали къ укрѣпленію; но вопнекій начальникъ крѣпости, майоръ Старосило, заперъ ворота и тотчасъ же принялъ мѣры военной предосторожности. Ахтинцы, видя свою неудачу, стали просить патроновъ для защиты себя отъ партіи Шамиля. Патроны были имъ розданы.

*) Разсказъ этотъ изданъ редакціею „Чтеніе для солдатъ“.

13-го же числа, въ укрѣпленіе прибыла въ числѣ 48 человекъ команда выздоровѣвшихъ 1-го батальона Мингрельскаго егерскаго полка, слѣдовавшая подъ начальствомъ подпоручика Ищенко къ своему батальону, находившемуся при селеніи Борчъ на военно-ахтынской дорогѣ. Команда эта помѣщена была въ мостовой башнѣ, чтобы обстрѣливать мѣста, скрытыя отъ гарнизона, и не допускать непріятеля приближаться къ укрѣпленію по берегу Самура. Вся сила гарнизона, вмѣстѣ съ прибывшими мингрельцами, состояла изъ 300 штыковъ, 27 артиллеристовъ, при двухъ штабъ-п 12 оберъ-офицерахъ.

Прибытіе этого, хотя и слабаго, подкрѣпленія весьма обрадовало гарнизонъ. Мингрельцы были закаленные въ бояхъ войны; придя въ Ахты, они съ радостью узнали, что имъ вскорѣ предстоитъ новый славный подвигъ—защищать укрѣпленіе отъ скопища горцевъ, предводимыхъ самимъ Шамилемъ. Горцевъ въ виду Ахты было до 9.000 человекъ; въ аулѣ Ахты находилось до 3.000 человекъ. Большая часть горскихъ жителей Самурскаго округа была тоже противъ насъ. Съ Шамилемъ были Хаджи-Муратъ и Даніель-Бекъ, мулла Шабанъ и Мудиръ Адаловъ.

Командиръ 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи генералъ-майоръ Бриммеръ, получивъ 11-го числа донесеніе отъ начальника Самурскаго округа полковника Рота, что крѣпость Ахты находится въ затруднительномъ положеніи, приказалъ 5-й гренадерской ротѣ графа Паскевича полка немедленно выступить въ укрѣпленіе Ахты съ командиромъ роты капитаномъ Тизенгаузенемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ и капитана Новоселова, который, послѣ взятія Гергебиля, по болѣзни отъ ранъ *), прибылъ въ штабъ-квартиру полка. 12-го сентября, рота съ разсвѣтомъ выступила и ночью того же 12-го числа прибыла въ упраздненное укрѣпленіе Тифлисское, гдѣ и предполагала сдѣлать ночлегъ. Но Новоселовъ, узнавъ отъ нукеровъ, посланныхъ вторично отъ полковника Рота, съ донесеніемъ къ генералу Бриммеру, что передовые отряды горцевъ подходятъ къ укрѣпленію отъ рѣки Ахты-Чая и завязываютъ перестрѣлку, рѣшился сейчасъ же, не останавливаясь, слѣдовать впередъ, чтобы ночью пройти покатою горъ и съ разсвѣтомъ занять сады, находящіеся отъ Ахты на полтора ружейныхъ выстрѣла. Передъ разсвѣтомъ на 14-е сентября, гренадеры проходили чрезъ аулъ Мискинджи; жители встрѣтили ихъ, повидимому, довольно дружелюбно: „ахъ урूसъ, зачѣмъ гайда, ружья большое іохъ, яманъ будетъ“.

*) Новоселовъ былъ контуженъ въ правой високъ, въ рукопашномъ бою на р. Урупъ: въ 1846 году раненъ въ правую ногу при штурмѣ заваловъ на высотѣ Тлія и въ 1847 году раненъ подъ ауломъ Чохъ въ правую лопатку, съ оставшеюся пулею въ груди.

Гренадеры, смѣясь, отвѣчали имъ такимъ же языкомъ: „урусъ штыкъ якиши, Шамиль гамусомъ пропасть будетъ“ (русскій штыкъ хорошъ, Шамиль погибнетъ).

Новоселовъ чрезъ переводчика объяснилъ имъ: „мы идемъ впереди большого отряда, гдѣ и большое есть ружье, и большой отрядъ“. Человѣкъ тридцать жителей вызвались провожать grenадеровъ, но во время ночного тумана покинули ихъ, и только одинъ изъ всѣхъ дошелъ съ grenадерами до крѣпости.

Съ разсвѣтомъ 14-го сентября лихіе grenадеры заняли сады и, выходя изъ садовъ на поляну, были атакованы горцами: завязалась жаркая перестрѣлка, причеиъ нѣсколько человекъ было ранено и семь убито.

Стройно, какъ на ученіи, подходили къ крѣпости grenадеры съ пѣснями и барабаннымъ боемъ. Громкое „ура!“ осажденных встрѣтило ихъ.

Полковникъ Ротъ благодарилъ за мужество и храбрость grenадеръ, а офицеровъ пригласилъ обѣдать. Послѣ обѣда полковникъ распредѣлилъ офицеровъ по бастионамъ. Капитана Новоселова и капитана Тизенгаузена онъ назначилъ командовать отдѣльными бастионами.

Такъ, для предстоящей рѣшительной обороны, гарнизонъ усилился 48 человекъ храбрыхъ солдатъ Мингрельскаго полка и grenадерскою ротой князя Варшавскаго полка. Вообще же весь гарнизонъ Ахтынскаго укрѣпленія состоялъ изъ 500 человекъ, при 16 штабъ и оберъ-офицерахъ.

На разсвѣтѣ 14-го сентября, въ ожиданіи штурма, комендантъ, обходя крѣпость, въ краткомъ воззваніи напомнилъ гарнизону о долгѣ службы царю и отечеству, о важности точнаго исполненія приказаній и необходимой увѣренности въ собственныхъ силахъ. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, воины радостно готовились на доблестное дѣло.

Вскорѣ замѣтно стало сильное движеніе въ аулѣ и услышана была стрѣльба. Мюриды большими партіями переходили чрезъ мостъ въ аулъ. Изъ укрѣпленія ясно различали, въ подзорную трубу, Шамиля, который сидѣлъ въ шатрѣ на покатости горы. Онъ окруженъ былъ почтительною толпою набовъ, и двое нукеровъ держали надъ нимъ большой зонтикъ. Шамиль указывалъ на крѣпость и самонадѣянно рѣшалъ уже участь ахтынскаго гарнизона, какъ полупудовая граната, пущенная изъ укрѣпленія, разорвалась въ толпѣ мюридовъ, разогнала толпу около шатра, а вмѣстѣ съ тѣмъ заставила и Шамиля поспѣшно скрыться за гору.

Часовъ въ десять, неприятель, прикрываясь уступами и садами по рѣчкѣ Ахты-Чай, двинулся къ укрѣпленію и завладѣлъ форштадтомъ, который, по внезапности нападенія, не былъ заблаговременно уничтоженъ, такъ что даже небольшой складъ пороха въ цейхаузѣ достался неприятелю.

Самоотверженіе и хладнокровная распорядительность полковника Рота внушали бодрость солдатамъ. Однимъ изъ первыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ пробита была у него фуражка, и вскорѣ, въ то время, когда онъ наводилъ кегорнову мортирку, пуля ударила ему близъ горла. Пуля была вырѣзана, но, по болѣзни, онъ не могъ продолжать начальствованіе; поэтому всѣ находившіеся въ Ахтахъ офицеры собрались, чтобы выбрать изъ среды себя достойнаго начальника.

Общество офицеровъ, состоящее изъ 16 человекъ, единодушно избрало защитникомъ крѣпости капитана Новоселова, какъ опытнаго и боевого офицера, несмотря то, что въ гарнизонѣ находились двое старшихъ его по чину. Новоселовъ, высказавъ признательность за честь и довѣріе, потребовалъ безпрекословнаго повиновенія, если бы его приказаніе относилось и къ старшему въ чинѣ.

Первымъ его распоряженіемъ было привести укрѣпленіе, по возможности, въ надлежащее оборонительное положеніе. Онъ приказалъ, для прикрытія отъ ружейныхъ выстрѣловъ, поставить по всѣмъ бастіонамъ и частью по курттинамъ кули съ мукою, вмѣсто туровъ; очистить колодезь, подѣлать деревянные, обитые желѣзомъ, щиты въ амбразуры и маски на орудія, на нѣкоторыхъ бастіонахъ исправить туры; ружья, гранаты и камни были разнесены по бастіонамъ на случай штурма.

Передъ наступленіемъ вечера, онъ приказалъ подпоручику Ищенко, находившемуся съ командою Мингрельскаго егерскаго полка, оставить занимаемую ими отдѣльную мостовую башню и перейти въ укрѣпленіе, что было исполнено безъ затрудненія, потому что горцы еще не успѣли обложить всѣ бастіоны. Это распоряженіе было весьма благоразумно и предусмотрительно: лезгинны могли бы на слѣдующій же день прервать сообщеніе башни съ укрѣпленіемъ, и тогда храбрые егеря подверглись бы крайней опасности. Подпоручикъ Ищенко, оставляя башню, заклепалъ находившееся тамъ орудіе, изломалъ лафетъ и, безъ потери людей, благополучно прибылъ въ укрѣпленіе.

Въ крѣпости, между тѣмъ, положено было съ этого дня какъ можно бережливѣе пользоваться водою изъ единственнаго колодца, въ которомъ уже оказывалось мало воды, и такъ, что воду стали уже отпускать не иначе, какъ порціями, на cadaго въ день по манерочной крышкѣ. Всѣ приготовлялись къ упорной и долговременной осадѣ.

Непріятель, занявъ форштадтъ, былъ уже близокъ къ крѣпости: но какъ форштадтъ лежалъ въ небольшой лощинѣ, то ночью съ 15-го на 16-е непріятель вырылъ ровъ и, утромъ 16-го сентября, довольно ловко началъ подвигаться къ крѣпости противъ 1-го и 4-го бастіоновъ. Вмѣсто мавтелета, онъ набрасывалъ къ сторонѣ крѣпости небольшія фашинки

(въ родѣ санныхъ фашинъ) и бревна, принесенныя съ собою. За такимъ прикрытіемъ непріятель оставлялъ ровъ фута въ полтора глубины и въ два ширины, а землю изъ него выбрасывалъ къ сторонѣ крѣпости. Ядра наши и гранаты, хотя и пронизывали земляное прикрытіе непріятели, но поврежденія быстро ими исправлялись при страшныхъ возгласахъ изъ Алкорана. Шумъ этой работы осаждающаго непріятели надождалъ солдатамъ болѣе выстрѣловъ—невыносимо имъ было смотрѣть, какъ осадныя работы непріятели идутъ успѣшно, а они не имѣютъ возможности ни разрушить ихъ, ни остановить и даже вылазки не могутъ сдѣлать по малочисленности гарнизона. Въ двѣнадцать часовъ дня тяжело раненъ былъ завѣдывавшій 1-ю батареею капитанъ Жоржъ, достойный и храбрый офицеръ, одушевлявшій своимъ хладнокровіемъ и присутвіемъ духа ввѣренныхъ его командѣ людей.

Въ два часа брошенная непріателемъ съ батареи, расположенной на высокомъ утесѣ за рѣкою Самуромъ, граната ударила въ нашъ пороховой погребъ. Взрывъ четырехъ сотъ пудовъ пороха былъ ужасенъ: онъ разрушилъ до основанія зданіе порохового погреба, часть крѣпости и 5-й бастионъ съ двумя орудіями. вмѣстѣ съ 5-ю батареею, взлетѣли на воздухъ штабсъ-капитанъ Байдаковъ и сорокъ четыре челоѣка рядовыхъ. Поручикъ Чуприковъ, находившійся во второмъ пороховомъ погребѣ для дѣланія зарядовъ, былъ засыпанъ обрушившеюся стѣною и съ трудомъ приведенъ къ жизни. Многіе изъ защитниковъ крѣпости переранены и изувѣчены; капитанъ Новоселовъ получилъ сильный ушибъ камнемъ въ лѣвое колѣно. Ранены также жены офицеровъ, г-жи Жоржъ, Байдакова и Богуславская. Въ стѣнахъ крѣпости оказался значительный проломъ. Для защиты этого пролома назначены были сорокъ восемь челоѣкъ солдатъ Мингрельскаго егерскаго полка, которые, подъ градомъ пуль, вскорѣ возвели новую батарею изъ кулей съ провіантомъ, а брешь завалили кулями и мѣшками набитыми землею и, вообще, чѣмъ попало. Горцы съ оглушительнымъ воплемъ „алла!“, бросились на штурмъ такъ отчаянно, что защитники стѣны между 5-ю и 6-ю батареями дрогнули и бросились было внутрь крѣпости. Но примѣръ офицеровъ и личное присутствіе капитана Новоселова, который мгновенно изрубилъ на мѣстѣ двухъ бѣжавшихъ солдатъ, крикнувъ: „*всѣмъ трусамъ будетъ та же участь*“,— возстановили порядокъ. Солдаты, передавая другъ другу: „*капитанъ рубитъ*“, быстро возвратились къ своимъ мѣстамъ. Гарнизонъ ободрился, и солдаты снова дрались съ необыкновеннымъ мужествомъ, такъ что горцы вынуждены были отступитъ. Все это произошло въ нѣсколько минутъ.

Едва разоѣлся дымъ отъ взрыва, какъ пѣсенники 5-й гренадерской роты князя Варшавскаго полка, по приказанію Новоселова, уже заливались пѣсней: „За Царя, за Русь святую!“

Примѣровъ неустрашимости и находчивости было много: приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. Рядовой Щелкачевъ, безвредно отброшенный взрывомъ сажень на шесть въ сторону, вскочивъ на ноги, воскликнулъ: „экъ, проклятые, толкаютъ!“

Горнисть Борзовъ, у котораго взрывомъ сломало рожокъ, схватилъ ружье, началъ стрѣлять и, владѣя ружьемъ весьма искусно, въ то же время поддѣлывалъ солдатамъ пѣсню. Товарищи совѣтовали ему сыграть оборванцамъ отступленіе на новомъ его инструментѣ—ружьѣ.

Барабанщикъ Костычевъ, заряжая орудіе, вмѣсто убитаго бомбардира, общалъ пробить горцамъ похоронный маршъ. Солдаты смѣялись, что горцы не въ тактъ пляшутъ подъ его музыку. Особеннымъ мужествомъ отличались въ этомъ случаѣ фельдфебель Мингрельскаго егерскаго полка Михальченко и князя Варшавскаго полка унтеръ-офицеръ Руденко. Ихъ неутомимость, веселость и всегдашняя готовность на новый подвигъ радовали сердце солдатъ. Молодые солдаты спрашивали ихъ, какъ владѣть штыкомъ: „коли крѣпче, да скорѣй выдергивай, а схватятъ за штыкъ, береги голову. Вотъ и все!“ Молодые солдаты, поощряемые опытными служаками, ловко работали штыкомъ, защищаясь мужественно въ продолженіе болѣе полутора часа. Въ это время непріятельская граната, попавъ въ нашъ зарядный ящикъ, произвела взрывъ.

Эти два взрыва, одинъ велѣдъ за другимъ, причинили много вреда укрѣпленію, и изъ строя солдатъ выбыло значительное ихъ число; но отъ того не ослабился духъ гарнизона, поклявшася умереть съ оружіемъ въ рукахъ.

Камни, бревна и доски, оставшіеся отъ разрушенныхъ строеній, употреблены были для возвышенія стѣны бастионовъ; защитники относили для этого туда все, что попадало имъ подъ руку, какъ-то: столы, ящики, обломки мебели, кули съ мукою. При второмъ взрывѣ ранены были: майоръ Старосило и прапорщикъ Семеновъ. Сильно ранены также и изувѣчены храбрый почтальонъ, случайно находившійся въ крѣпости, и крѣпостной человекъ капитана Тизенгаузена, Борисъ, который заряжалъ орудіе послѣ убитаго бомбардира на 3-мъ бастионѣ. Оба они были молодцы на славу. Почтальонъ, едва отдохнувшій отъ ранъ, явился снова къ дѣлу и погнѣбъ честною смертью. Борисъ, изувѣченный и сильно обожженный взрывомъ ящика, лежа въ казармѣ, ободрялъ молодыхъ солдатъ до конца жизни и внушалъ имъ презрѣніе къ опасностямъ. Непріятель до поздняго вечера велъ непрерывную канонаду.

Во все время усиленной перестрѣлки съ непріятелемъ офицеры и солдаты приходили молиться предъ образомъ святителя Николая Чудотворца

и Георгія Побѣдоносца: здѣсь же толпились раненые, жены и дѣти защитниковъ укрѣпленія.

Жена капитана Жоржа, сильно ушибленная обрушившимся отъ взрыва потолкомъ, замертво отнесена была въ казармы. Когда она очнулась, первый вопросъ ея былъ: „живъ ли мужъ ея?“ Въ это время принесли ея мужа, тяжело раненаго; она сама, едва живая, перевязала ему рану.

Г-жа Богуславская, опасно раненая, забывая свои страданія, подавала помощь другимъ, лишая себя всякаго спокойствія.

Солдаты подавали помощь раненымъ, отыскивали живыхъ подъ грудами камней, земли, лошадей и труповъ, которыми завалена была крѣпость.

Послѣ взрывовъ, положеніе укрѣпленія стало почти безнадежное. Защитниковъ оказалось налицо только всего 440 человекъ. Крѣпость представляла страшное зрѣлище: трупы людей и лошадей валялись повсюду и могли произвести заразу, а убрать было некому и некогда... Стоны раненыхъ и умирающихъ надрывали сердце... А между тѣмъ горцы отовсюду окружили Ахты.

Такое затруднительное положеніе крѣпости заставило капитана Новоселова предложить штабсъ-капитану Бучкиеву извѣстить князя Аргутинскаго о настоящемъ положеніи крѣпости.

Въ ночь, съ 16-го на 17-е, штабсъ-капитанъ Бучкиевъ, подпоручикъ Али-Султанъ-Бекъ и прапорщикъ Али-Мулла-Шефиръ-оглы, въ сопровожденіи трехъ нукеровъ и казака Ивана Соловнина, переодѣтые по-лезгински, пользуясь темнотою, отправились изъ крѣпости на славный и вмѣстѣ опасный подвигъ.

17-го сентября, на третій день осады, непріятель подвигалъ уже свои работы на гребень гласиса 1-го и 4-го бастіоновъ, несмотря на сильнѣйшій и убійственный огонь изъ крѣпости. Горцы понять не могли, откуда у насъ берется порохъ, и поминутно кричали: „сдавайтесь, пороху нѣтъ!“ Солдаты отвѣчали: „будетъ чѣмъ васъ, нехристей, перебить!“ Прапорщикъ Шлиттеръ мѣткими выстрѣлами подбилъ у нихъ оба орудія, нанесшія столько вреда гарнизону и самой крѣпости.

По неимѣнію въ крѣпости зажигательныхъ снарядовъ, защитники Ахты бросали ручныя гранаты, обернутыя въ смоляную гаклю, а также и просто куски смоляной пакли. Но какъ фашинникъ у непріятели былъ сырой, то хотя противъ 1-й и 4-й батарей и загорѣлись траншейныя работы, но онѣ скоро были потушены непріателемъ; притомъ же, по причинѣ вѣтра отъ рѣки Самура, искры падали внутрь крѣпости, и за дымомъ можно было опасаться внезапнаго нападенія.

Въ то же время восемьдесятъ боченковъ пороху было приготовлено на случай взрыва укрѣпленія, если бы то понадобилось. Обходя батареи, ка-

питанъ Новоселовъ спрашивалъ солдатъ: „сумѣете ли вы, ребята, умереть, какъ умерли наши товарищи въ Михайловскомъ укрѣпленіи?“ Солдаты отвѣчали: „ваше благородіе! отъ насъ поживы не будетъ!“— „Да и первый взорву укрѣпленіе“,—говорилъ унтеръ-офицеръ князя Варшавскаго полка Дмитрій Ивановъ.

18-го сентября, поутру, подземный стукъ обнаружилъ, что непріятель ведетъ минную галлерею подъ бастіонъ.

Защитникамъ вести контръ-мину не было никакой возможности по недостатку людей и необходимыхъ для того инструментовъ. Капитанъ Новоселовъ, полагая, что у непріятеля не можетъ быть большого количества пороху, приказалъ людямъ быть въ ретраншаментѣ, а на бастіонѣ оставилъ только самое необходимое число людей, которые, при движеніи непріятеля, должны были также отступить въ ретраншаментъ.

До полудня 18-го сентября осадныя работы горцевъ постоянно подвигались впередъ. Ожесточенные горцы, казалось, не обращали вниманія на безпрестанный огонь нашихъ орудій: они не только подвели завалы къ лѣвому фасу 1-го бастіона, но уже стали заваливать ровъ укрѣпленія фашинникомъ и бревнами. Чтобы воспрепятствовать горцамъ, брошены были въ ровъ съ 1-го бастіона осмоленные, зажженные рогожи: вскорѣ фашинникъ вспыхнулъ, и пламя охватило всѣ подступы.

На скатѣ кургана, вдали отъ нашихъ выстрѣловъ, сквозь пороховой дымъ, носившійся въ воздухѣ густыми клубами, виденъ былъ шатеръ Шамиля. Самъ Шамиль, въ зеленой чалмѣ, сидѣлъ въ шатрѣ, окруженный своими тѣлохранителями, и оттуда раздавалъ свои повелѣнія. Онъ досадовалъ, что такъ долго не можетъ взять полуразрушенное укрѣпленіе. Угрюмо нахмуривъ брови, онъ произнесъ только: „возьму, и тогда никому не будетъ пощады!“ Шамиль хорошо понималъ, какъ опасно медлить, когда ежеминутно можетъ подоспѣть къ русскимъ помощь.

Вдругъ, въ полдень, въ толпахъ непріятеля, занимавшихъ окрестныя высоты, стало замѣтно какое-то сильное движеніе. Одна часть горскаго скопища отступила къ аулу, другая разсыпалась по долинь. Изъ-за Самура, въ горахъ, послышался звукъ рожка, мелькнули штыки, грянули выстрѣлы, и семь ракетъ упало въ толпу непріятеля. Уже не оставалось никакого сомнѣнія, что князь Аргутинскій-Долгорукій съ Дагестанскимъ отрядомъ пришелъ на выручку укрѣпленія!

Капитанъ Новоселовъ, какъ для ободренія гарнизона, такъ и для уничтоженія траншейныхъ непріятельскихъ работъ, вызвалъ охотниковъ подъ начальствомъ храбраго капитана Тизенгаузена.

Едва только князь Аргутинскій спустился на половину горы съ своими передовыми войсками, какъ горцы, работавшіе передъ 4-мъ и 5-мъ басті-

онами, отодвинулись назадъ. Въ то же время отрядъ храбрецовъ, въ числѣ 40 человекъ, подъ предводительствомъ капитана Тизенгаузена, бросился преслѣдовать отступавшаго непріятеля и, на возвратномъ пути, зажегъ завалы и старался уничтожить осадныя работы передъ 4-мъ и 5-мъ бастіонами; но трудно было храбрецамъ отступать—имъ пришлось отбиваться отъ многочисленныхъ непріятелей.

За Самуромъ, въ отрядѣ князя Аргутинскаго-Долгорукаго кричали „ура!“ и ободряли осажденныхъ. Но князь Аргутинскій сердился и говорилъ: „что дѣлаетъ этотъ сумасшедшій Новоселовъ? Зачѣмъ вылазка!“

Недолго осажденные предавались радостной надеждѣ на скорую помощь.

Отрядъ князя Аргутинскаго, по неимѣнію на р. Самурѣ моста, не могъ переправиться черезъ рѣку, для слѣдованія къ укрѣпленію ближайшимъ путемъ. Обнадеживъ, появленіемъ своимъ, въ скорой помощи мужественныхъ защитниковъ, онъ поднялся опять на гору и пошелъ въ обходъ къ укрѣпленію, такъ что къ вечеру онъ уже совершенно скрылся изъ виду, а непріятель быстро вновь занялъ прежнія мѣста. Въ ближайшихъ толпахъ горцевъ слышались громкіе насмѣшливые крики: „Э! Яманъ урусъ! Ушелъ якши!.. Не придетъ теперь!“—За Самуромъ слышна была еще перестрѣлка; нѣкоторые изъ офицеровъ гарнизона предполагали, что отрядъ Аргутинскаго окруженъ и вынужденъ къ отступленію. Стали раздумывать, что дѣлать и можно ли ожидать помощи.

Но недолго продолжалось и это уныніе. Каждый рѣшилъ въ душѣ своей защищаться до послѣдней капли крови. Рядовой Тихановъ вынулъ изъ кармана истертый молитвенникъ и началъ на площадкѣ бастіона громко читать молитвы, объясняя гарнизону долгъ cadaго православнаго воина. Офицеры также старались возстановить въ нижнихъ чинахъ прежнюю бодрость духа. Никто не покидалъ своего поста и только изрѣдка навѣщали своихъ раненыхъ товарищей. Даже больные и раненые только и думали о геройской защитѣ. Майоръ Старосило лежалъ въ это время раненый въ госпиталѣ. Онъ былъ безъ памяти, но и въ жару безпрестанно кричалъ: „впередъ, ребята! не сдавайтесь! умремъ, а не выдадимъ!“

19-е сентября прошло попрежнему въ жаркой перестрѣлкѣ. Непріятель приготовлялся къ приступу, устранялъ новые завалы, вмѣсто уничтоженныхъ, и забрасывалъ рвы. Солдаты кидали ручныя гранаты, обливали саломъ и варомъ рогожки и, зажигая ихъ, сбрасывали въ ровъ, чтобы зажечь фашинникъ.

Казалось, многочисленность непріятеля должна была восторжествовать; но гарнизонъ рѣшился уже не сдаваться живымъ. Раненые спѣшили изъ лазарета къ своимъ товарищамъ: ихъ невозможно было удержать. Такъ,

капитанъ Жоржъ, несмотря на преклонныя свои лѣта и сильныя раны, снова явился на стѣнахъ, въ своей ротѣ. Артиллерійской команды канониръ Александръ Даниловъ два раза былъ раненъ пулями и каждый разъ, послѣ перевязки, явился на батарею; онъ не владѣлъ уже правою рукою; наконецъ, третья пуля перебила ему и лѣвую руку. Когда его отвели въ лазаретъ и сдѣлали перевязку, онъ спросилъ: „а что, теперь могу идти къ своимъ?“ Ему отвѣчали: „лучше останься, нечего тому дѣлать при орудіи, у кого обѣ руки прострѣлены и голова ранена“. „Нельзя,—рѣшительно сказалъ Даниловъ,—я еще могу наводить свою пушку!“ Сказавъ это, онъ отправился на бастионъ; вскорѣ четвертая пуля ударила ему въ грудь, и храбрый канониръ, мертвый, упалъ на свое орудіе.

20-го сентября, едва засвѣтилось утро, какъ уже изъ крѣпости ясно увидѣли, что непріятель готовится къ рѣшительному приступу. Толпы горцевъ стали собираться въ разныхъ мѣстахъ, скрытыхъ отъ укрѣпленія, между тѣмъ какъ другія толпы, съ лѣстницами въ рукахъ, шли изъ аула садами и пашнями къ укрѣпленію. Гарнизонъ готовился къ отчаянной защитѣ.

Въ одиннадцатомъ часу утра непріятель взорвалъ часть 1-го бастиона. Этотъ взрывъ былъ сигналомъ къ штурму. Раздались крики: „Гялла пль Алла“, и густыя толпы горцевъ, съ обаженными шашками и кинжалами, кинулись съ трехъ сторонъ на штурмъ. Храбрый поручикъ Щекинъ встрѣтилъ ихъ картечью, а потомъ штыками въ рукопашной схваткѣ, гдѣ и погибъ славною смертью, вмѣстѣ съ двѣнадцатью солдатами, которые бросились къ нему изъ ретраншамента. Въ то же время мюриды схватили лѣстницы, мигомъ утвердили ихъ во рву, поднялись на стѣны и мгновенно овладѣли 4-ю и 5-ю батареями. Ихъ значки уже развѣвались въ крѣпости, но защитники укрѣпленія, ободряемые офицерами, дружно бросились въ штыки и вмигъ отгѣснили непріятеля. На прочихъ батареяхъ завязался также страшный рукопашный бой, и горцы были отбиты. Капитанъ Новоселовъ въ схваткѣ былъ раненъ пулею въ животъ и контуженъ камнемъ въ голову. Во время этого штурма, неизвѣстно отъ чего, близъ 4-й батареи взорвало зарядный ящикъ; при взрывѣ этомъ раненъ и обожженъ былъ капитанъ Тизенгаузенъ, а рядового Чмарева, стоявшаго у ящика, перебило убитого черезъ бастионъ.

Несмотря на неуспѣхъ перваго нападенія, горцы лѣзли со всѣхъ сторонъ по лѣстницамъ; три раза появлялись они на стѣнахъ и три раза, сброшенные штыками, летѣли внизъ, вмѣстѣ съ опрокинутыми лѣстницами, и заваливали ровъ своими трупами.

Трудно и представить себѣ столь отчаянную битву на такомъ тѣсномъ пространствѣ! Съ фасовъ гремѣли пушечные выстрѣлы, гранаты падали въ

ровъ, дымилсь и съ трескомъ разрывались въ тѣсотѣ, подъ ногами нахлынувшихъ непріятелей. Градь камней осыпалъ стѣны; непріятель дѣйствовалъ открыто и уже не скрывался за своими завалами. Солдаты дѣйствовали неумолимо: подъ градомъ пуль и камней устроили новую батарею изъ кулей, на мѣстѣ разрушенной № 1-й батареи.

Рядовой Янъ Свидерскій, переброшенный за стѣну взрывовъ 1-го бастиона, былъ смятъ подъ ногами лезгинъ, кинувшихся на приступъ. Всѣ полагали уже, что онъ убитъ, но когда на бастионѣ приняли въ штыки непріятеля, то въ толпѣ ихъ увидѣли и Свидерскаго, въ пылу рукопашнаго боя, обезображеннаго, окровавленнаго и съ огромнымъ кинжаломъ въ рукахъ. Одинъ солдатъ, не узнавъ въ Свидерскомъ своего товарища, бросился было на него и уже готовъ былъ его приколоть... „Что ты! Развѣ не видишь?—закричалъ ему Свидерскій, сбросивъ шапку:—мало тебѣ татаръ, что ли!“—„Экой проказникъ!“—пробормоталъ солдатъ, продолжая отбиваться отъ непріятеля.

Первый приступъ горцевъ былъ отраженъ, ровъ усѣянъ трупами, а одинъ изъ главныхъ предводителей, аварскій наибъ Османъ и его знаменосецъ лежали убитые на 5-мъ бастионѣ. Но большое малиновое знамя аварцевъ вскорѣ снова поднялось, и ожесточенная толпа горцевъ снова устремилась на бастионъ и смѣшалась въ рукопашномъ бою съ егерями Мингрельскаго полка.

Въ это время, на стѣнѣ укрѣпленія, рядовой князя Варшавскаго полка Зайцевъ бросился на мюрида. Въ борьбѣ оба они упали на землю, и мюридъ укусилъ солдата въ щеку. Между тѣмъ гарнизонъ вторично одержалъ верхъ надъ толпою враговъ, и егеря, впереди которыхъ былъ фельдфебель Михальченко, очистили бастионъ отъ враговъ. Офицеръ, отдавая достойную похвалу егерямъ, сказалъ: „теперь, братцы, мюриды васъ долго не забудутъ“.

„Да, ваше благородіе,—отвѣчалъ фельдфебель, указывая на солдата, укушеннаго за щеку,—крѣпко подружился! Извольте посмотрѣть, вотъ и Зайцевъ поцѣлуй утираетъ“.

У одного молодого солдата ружье было перебито ударомъ лезгинскаго кинжала. Уже кинжалъ блеснулъ надъ головою обезоруженнаго, какъ подошелъ къ нему унтеръ-офицеръ линейнаго батальона Андрей Савельевъ. „Не дремать!“ кричалъ онъ солдату, и лезгинъ съ раздробленною головою свалился со стѣны. Солдатъ схватилъ другое ружье отъ раненаго товарища и закололъ противника; но пронзенный штыкомъ горецъ оцѣпенѣвшими руками ухватился за ружье. „Столкни его со стѣны“,—закричалъ унтеръ-офицеръ. Солдатъ исполнилъ приказаніе, но горецъ, падая въ ровъ, увлекъ съ собою и ружье. „Молокососъ! съ укоризною сказалъ унтеръ-офицеръ

оторопѣвшему солдату:—тебѣ, видно, на каждаго татарина надобно по ружью. Вѣдь, ружье-то казенное!“

Въ минуту боя полковникъ Ротъ, хотя и сильно страдалъ отъ ранъ, но не могъ, чтобы не взглянуть на мужественный бой горсти защитниковъ. Съ трудомъ всталъ онъ съ постели и съ помощью рядового пошелъ къ ближайшему бастиону, который защищали храбрые мингрельцы. Въ это время егеря отбивали послѣдній штурмъ этого бастиона.

Ужъ три часа продолжался жестокой рукопашный бой; наконецъ, непріятель, утомленный продолжительнымъ напраснымъ усиленіемъ и опасаясь новыхъ потерь, сталъ отступать. Трупамъ горцевъ заваленъ былъ ровъ. усеяна вся покатость гласиса, покрыто все пространство между Самуромъ и стѣнами укрѣпленія.

Отступление непріятели дало время гарнизону собраться съ силами, но его положеніе дѣлалось съ каждымъ часомъ безнадежнѣе. „Мы уже не узнавали другъ друга!“—говорили впослѣдствіи солдаты. Постоянные труды, напряженіе силъ, бессонныя ночи, недостатокъ воды и горячей пищи совершенно изнурили храбрыхъ защитниковъ; глаза ихъ впали и глядѣли мутно, лица опалены были порохомъ, и, несмотря на такое изнуреніе, солдаты не только не унывали, но по временамъ забавлялись отвагой. Такъ, молодой солдатъ Иванъ Гродько вызвался достать изъ крѣпостного рва кегорнову мортирку, сброшенную туда взрывомъ мины. „Не дадимъ непріятелю захватить мортиру, она намъ самимъ нужна!“—сказалъ Гродько. Въ четыре часа пополудни онъ спустился, подъ непріятельскимъ пулями, на веревкѣ въ ровъ, отрылъ мортиру и втащилъ ее въ укрѣпленіе. „Ахъ, бестія,—сказалъ онъ,—осмотрѣвшись, шинель-то мнѣ совѣмъ перепортили, что я теперь буду дѣлать?“ Дѣйствительно, она была въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробита пулями.

Съ самаго утра 21-го сентября замѣтна была усиленная дѣятельность непріятели въ траншеяхъ противъ 5-го бастиона. Къ вечеру пошелъ маленькій дождь. Новоселовъ, полагая, что непріятель на слѣдующій день вновь рѣшится сдѣлать штурмъ, устроилъ для бодьшаго затрудненія непріятели за 5-мъ бастиономъ ретраншаментъ изъ кулей съ мукою и вызвалъ охотниковъ пробраться сквозь непріятели съ донесеніемъ къ князю Аргутинскому. На вызовъ этотъ явились многіе, но Новоселовъ назначилъ изъ нихъ унтеръ-офицера Меркулова и рядового Тиханова, которые, обривъ головы и переодѣвшись по-татарски, въ сопровожденіи двухъ нукеровъ, ночью на 22-е сентября вышли изъ крѣпости, напутствуемые благословеніями.

Еще до осады Ахты помѣщено было въ укрѣпленіи до 40 человекъ мирныхъ горцевъ; они занимали особую казарму въ куртнѣ между 2-мъ

и 3-мъ бастіономъ и всѣ они были вооружены. Отобратъ отъ нихъ оружіе въ это время было невозможно, а Новоселова преслѣдовала мысль, что, въ случаѣ отчаяннаго штурма, горцы, находящіеся въ крѣпости, ударятъ въ тылъ защитникамъ и помѣшаютъ имъ честно умереть. Чтобы опредѣлить, какъ поступить съ этими горцами, онъ пришелъ въ ихъ казарму ночью на 22-е сентября и чрезъ переводчика спросилъ горцевъ, желаютъ ли они умереть вмѣстѣ съ гарнизономъ; но отвѣта не послѣдовало. Новоселовъ повторилъ: „мы завтра ожидаемъ новаго штурма; подь каждымъ бастіономъ приготовленъ фугасъ; если непріятель ворвется на бастіоны, мы его будемъ взрывать; если и это не поможетъ, мы всѣ взорвемся; хотите ли съ нами умпратъ?“ Горцы, послѣ нѣкотораго между собою совѣщанія, просили, чтобы ихъ выпустили изъ крѣпости. Желаніе ихъ тотчасъ было исполнено. Новоселовъ полагалъ, что если они попадутся въ руки Шамля и перескажутъ о приготовленіяхъ гарнизона, то не всякій горецъ рѣшится идти на явную смерть.

Какъ ни велико было мужество солдатъ, но надѣяться на новый сильный отпоръ было уже нельзя—всѣ средства къ защитѣ были истощены. Оставалось одно—умирать...

Воздухъ уже сильно былъ зараженъ отъ гніенія непогребенныхъ тѣлъ, и, къ довершенію всѣхъ бѣдствій, въ ночь на 21-е сентября; отъ безпрестанной пальбы, загорѣлись на стѣнахъ кули, наваленные рядами; тушить ихъ было нечѣмъ: и уже нѣкоторые прогорѣвшіе кули свалились въ ровъ и открыли 4-й бастіонъ. Горцы загикали; офицеръ Мингрельскаго полка Ищенко громко скомандовалъ, „къ ружью!—Стоять твердо, братцы, вѣдь у насъ есть еще штыки!“

— И слава Богу!—прибавилъ линейнаго батальона унтеръ-офицеръ Егоровъ,—еще въ казармѣ не погасла наша свѣча передъ св. образомъ.

Солдаты перекрестились.

Егоровъ посмотрѣлъ на небо; въ эту минуту нѣсколько дождевыхъ капель упало изъ тучи. „Молитесь, братцы!—сказалъ онъ:—Господь смилостивился надъ нами!“ Дѣйствительно, вскорѣ полилъ сильный дождь и затушилъ горящіе кули на стѣнахъ укрѣпленія.

Наступало утро 22-го сентября: дождь не переставалъ идти; но гарнизонъ былъ радъ ему, какъ драгоценному дару: вся имѣвшаяся въ крѣпости посуда подставлена была подъ жолобы крышъ. Въ этотъ день солдаты варили даже кашу на дождевой водѣ. Между тѣмъ непріятель, готовясь къ новому приступу, рылъ новый подкопъ подъ 5-й бастіонъ, и безъ того уже разрушенный взрывомъ порохового погреба.

Гарнизонъ приготовлялся встрѣтить новый штурмъ. быть можетъ, еще

грозиле первого, снова дать клятву держаться до последней крайности, а, если нужно будет—всѣмъ погибнуть.

Вдругъ въ первомъ часу дня непріятельскія толпы начали поспѣшно отступать и потянулись въ разныя стороны отъ укрѣпленія. Осажденные не знали, чему приписать такое странное, неожиданное движеніе непрія-теля... Но вскорѣ все объяснилось къ укрѣпленію Ахты подходилъ отрядъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго.

Такимъ образомъ, укрѣпленіе было спасено.

Подвигъ князя Андронникова *).

Во время битвы 9.800 человекъ нашего войска съ 36-тысячнымъ турецкимъ корпусомъ, подъ Башь - Кадыкъ - Паромъ въ 1854 году, въ самый разгаръ стремительнаго натиска турецкой колонны на первый батальонъ Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества великаго князя Константина Николаевича полка, унтеръ-офицеръ изъ дворянъ Гогніевъ былъ такъ тяжело раненъ, что упалъ и остался на позиціи, на которую наступалъ непріятель. Гогніевъ, видя приближеніе его и не имѣя силъ подняться на ноги, закричалъ: „Арчилъ! спаси меня!“ Арчилъ, того же полка подирпорщикъ князь Андронниковъ, несмотря на то, что непріятель уже былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лежавшаго Гогніева, поспѣшилъ къ товарищу, поднялъ его и, взваливъ его себѣ на лѣвое плечо, понесъ къ батальону. Нѣсколько человекъ изъ непріятельскихъ рядовъ погнались за смѣлымъ княземъ, но это его ничуть не смутило, и онъ продолжалъ идти съ своей ношей мѣрнымъ шагомъ, оборачиваясь изрѣдка къ наступающимъ и отмахиваясь штыкомъ. Гогніевъ, увидя быстро приближавшихся враговъ, началъ просить избавителя своего: „Арчилъ, брось меня, пусть я одинъ погибну!“... Прѣсьба эта осталась безъ исполненія и отвѣта. Такимъ образомъ, князь Андронниковъ успѣлъ перенести Гогніева черезъ рѣку, напутствуемый выстрѣлами. Только подъ крыломъ своего ангела-хранителя могъ уцѣлѣть мужественный юноша! Когда же онъ сталъ входить съ тяжелою ношею на гору и почувствовалъ усталость, тогда только вызвалъ громкимъ голосомъ изъ батальона, бывшаго отъ него саженьяхъ въ пятьдесятъ, дядьку своего, рядового первой фузелерной роты Максима Иванова, съ которымъ и раздѣлил бремя. Между тѣмъ опасность увеличивалась съ минуты на минуту тѣмъ, что подъемъ на гору стано-

*) Изъ журнала „Художественный Вѣстникъ“.

вился все круче и круче. Гогніевъ повторилъ свою первую просьбу, укоряя притомъ себя, что изъ-за него могутъ погибнуть два человѣка, безъ всякой общей пользы. Дѣйствительно, казалось, что ихъ гибель неминуема. Турки были отъ нихъ въ десяти шагахъ... Но тутъ, откуда не возьмись, налетаетъ лихой всадникъ, подхватываетъ Гогніева съ рукъ его спасителей, перекидываетъ полумертваго отъ истеченія крови черезъ переднюю часть сѣдла, и мчится стрѣлой къ нашимъ войскамъ... Князь Андронниковъ и рядовой Ивановъ присоединяются здоровы и невредимы къ своему батальону, который, по командѣ, вдругъ устремляется на турокъ, сбиваетъ ихъ, топчетъ, колетъ и кидается на турецкія пушки. Подвигъ подпрапорщика Андронникова былъ совершенъ, но не совершилъ еще своего великодушный всадникъ... Вслѣдъ ему полетѣла туча пуль и картечи; четыре выстрѣла пронизываютъ его лошадь, пятая перебиваетъ ей ногу, и она падаетъ. Слѣженный всадникъ, оправясь отъ паденія, поднимаетъ Гогніева на руки, и пѣшій выноситъ его за ряды нашихъ войскъ... Гогніевъ былъ спасенъ; ему отняли правую руку и теперь онъ здоровъ... Подпрапорщикъ князь Арчилъ—единственный сынъ, а всадникъ—милиционеръ Мамедъ-Джанъ-Тыхъ-Джаръ-оглы, крестьянинъ генераль-лейтенанта князя Ивана Малхазовича Андронникова. Когда за башъ-кадыкъ-ларское дѣло присланы были въ полки знаки военного отличія, солдаты той роты, въ которой служилъ князь Арчилъ, единодушно присудили и поднесли ему Георгіевскій крестъ *).

Хаджи - Муратъ **).

Во время бывшей кавказской войны не мало истинныхъ героев появлялось и среди храбрыхъ горцевъ. Преданія, легенды и даже пѣсни, сложенные про многихъ изъ таковыхъ героев, еще и до сихъ поръ живутъ среди жителей въ аулахъ Дагестана. Одно изъ первыхъ мѣсть въ этихъ легендарныхъ разсказахъ занимаетъ, безспорно, Хаджи-Муратъ, одинъ изъ аварскихъ наповъ, соединившій въ своемъ лицѣ почти все,

*) Потомокъ этого доблестнаго героя, князь Семень Давидовичъ Андронниковъ, тоже георгіевскій кавалеръ, живетъ нынѣ (въ 1901 году) въ своемъ имѣніи Алазань, въ Кахетин, занимаясь сельскимъ трудомъ—садоводствомъ и виноградниками, смѣнивъ боевую шашку на мирную лопатку земледѣльца и виноградаря.

И. З.

***) Матеріаломъ для этой статьи послужили записки А. П. Андреева о Дагестанѣ, напечатанныя въ „Историческомъ Вѣстникѣ“.

что долженъ былъ имѣть, по понятію горцевъ, истинный герой: высокій ростъ и громадную физическую силу, красоту лица, безавѣтную храбрость и отвагу, сильное самолюбіе и не менѣе сильное чувство мести. Жизнь этого человѣка была полна самыми удивительными военными приключеніями, а смерть—исполнена высокаго трагизма. Родись этотъ даровитый несчастливецъ не въ горномъ аулѣ Аваріи, а среди какой-либо другой націи, болѣе цивилизованной,—изъ него вышелъ бы, вѣроятно, болѣе извѣстный герой на военномъ поприщѣ. Это была сильная, даровитая натура, да не туда его кинула судьба!..

Впервые имя Хаджи-Мурата стало извѣстно въ 1834 году, когда аварцы—племя, мирно относившееся къ Россіи и не подчинявшееся вліянію мюридовъ, проповѣдивавшихъ газавать—въ отмщеніе за вѣроломное истребленіе вторымъ имамомъ Гамзатъ-бекомъ ихъ хановъ, составили заговоръ и убили Гамзата въ мечети, куда онъ явился для молитвы, во время магометанскаго праздника. Во главѣ заговора стоялъ наибъ Османъ-Гаджіевъ, братъ Хаджи-Мурата, убитый въ это же время, во время общей свалки въ мечети. Хаджи-Муратъ, оставшійся въ живыхъ и стоявшій, вмѣстѣ съ убитымъ братомъ, во главѣ возставшихъ аварцевъ, сдѣлался фактическимъ властителемъ Аваріи; но онъ, имѣя въ это время всего 20 лѣтъ, оказывался слишкомъ молодъ для роли управителя такой обширной страны,—и онъ самъ, добровольно, допустилъ замѣнить себя сосѣднимъ ханомъ мехтулинскимъ—Ахметъ-ханомъ—и въ то же время, какъ принадлежащій къ племени горцевъ, преданныхъ Россіи, далъ знать тогдашнему главнокомандующему на Кавказѣ барону Розену о происшедшихъ въ Аваріи событіяхъ. Баронъ Розень, по недалновидности своей, не придавъ серьезнаго значенія аварскимъ дѣламъ, и новый имамъ Шамиль, избранный на мѣсто убитаго Гамзатъ-бека, едва не овладѣлъ Аваріей, и если и не успѣлъ ввести тамъ шаріатъ и подчинить эту страну своей власти, то только лишь благодаря отпору и вліянію Хаджи-Мурата, очень любимаго аварцами.

Такое положеніе вещей продолжалось вплоть до 1840 года, и Аварія продолжала попрежнему не признавать надъ собою власти Шамиля и его мюридовъ. Но вдругъ все дѣло было испорчено крайнею безтактностью русскихъ же военныхъ властей.

По клеветническимъ наговорамъ личныхъ враговъ Хаджи-Мурата, ставшихъ правителями Аваріи и завистливо взправшихъ на громадную популярность молодого Мурата среди аварскаго племени, онъ былъ заподо-

зрѣнь въ сношеніяхъ съ Шамилемъ. И вотъ, его, гордаго и, главное, ни въ чемъ неповиннаго именитаго аварца, вѣрой и правдой служившаго интересамъ Россіи и горячо отетанвавшего свою свободолюбивую родню отъ деспотической власти Шамиля, его, гордаго Хаджи-Мурата, приказано было заковать въ кандалы и подъ конвоемъ солдатъ доставить въ Темпръ-Ханъ-Шуру... Это было неслыханнымъ униженіемъ и позоромъ для родоваго горца...

Такъ какъ очень опасались извѣстной уже отваги Хаджи-Мурата и его страшной физической силы, то его не только заковали въ кандалы, но еще и окружили конвоемъ въ 40 солдатъ, при особо наряженномъ для его препровожденія офицерѣ. Но случай и отвага помогли Хаджи-Мурату спастись. Дорогою конвойный начальникъ сожалѣлъ надъ своимъ именитымъ плѣнникомъ и приказалъ снять съ него кандалы, а вмѣсто нихъ велѣлъ связать руки Хаджи-Мурата веревкою и держать ея концы двумъ солдатамъ—одному спереди, а другому сзади. Всю дорогу до Шуры предстояло совершить пѣшкомъ, и дорога эта была очень трудная и зачастую проходила по узкимъ горнымъ тропамъ и гребнямъ, надъ бездонными пропастями и отвѣсными обрывами. Этимъ и воспользовался Хаджи-Муратъ: въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надъ страшнымъ обрывомъ шла узкая тропа, и конвой поневолѣ растянулся гуськомъ. Муратъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ въ сторону и полетѣлъ въ пропасть вмѣстѣ съ обоими своими конвойными. державшими веревку. При паденіи, конвойные выпустили изъ рукъ веревку и разбились въ дребезги, на смерть, на глазахъ остальныхъ товарищей, а плѣнникъ исчезъ въ глубинѣ пропасти... Искать его, казалось, было бесполезно: не было сомнѣнія, что и онъ разбился на смерть о скалы, какъ и солдаты же. И вотъ, конвой двинулся дальше, пришелъ въ Темпръ-Ханъ-Шуру, гдѣ и донесъ о случившемся.

Но Хаджи-Муратъ не погибъ, хотя при паденіи въ бездну сильно разбился и повредилъ себѣ обѣ ноги, отчего потомъ и оставался хромымъ всю жизнь; онъ съ трудомъ *доползъ* до ближайшихъ кутановъ (овечьи загоны), гдѣ пастухи призрѣли его и накормили, а чрезъ нѣкоторое время онъ достигъ аула Цельмесь, откуда и началъ письменные переговоры съ своимъ недавнимъ врагомъ Шамилемъ, предлагая ему свою службу.

„Ты узналъ мою храбрость, — писалъ Хаджи-Муратъ, — когда я защищалъ противъ тебя Хунзахъ *). Желаетъ ли испытать ее теперь, когда я хочу биться рядомъ съ тобой?“

Шамиль, потерявшій незадолго передъ тѣмъ ужасное пораженіе подъ Ахульго, съ величайшею радостью и поспѣшностью принялъ предложеніе

*) Хунзахъ— главная резиденція аварскихъ хановъ.

Хаджи-Мурата, прославившагося уже своею храбростью и имѣвшаго громадное значеніе и вліяніе въ Аваріи и Дагестанѣ. Съ переходомъ его къ Шамилю, дѣло мюридизма (какъ ученія, проповѣдывавшаго газаватъ, т.-е. священную войну противъ русскихъ) мѣняло свой характеръ въ Аваріи, а власть Шамиля получала новый блескъ и распространеніе.

Имамъ тотчасъ же прислалъ Хаджи-Мурату письменный отвѣтъ, въ которомъ раскрывалъ ему свои объятія и предсказывалъ, что скоро русскій двуглавый орелъ сожжетъ свои крылья на сіяющемъ полумѣсяцѣ, красующемся на знамени правовѣрныхъ...

По прибытіи Хаджи-Мурата къ Шамилю, послѣдній оказывалъ ему величайшее довѣріе и сдѣлалъ его своимъ первымъ набомъ. А за Хаджи-Муратомъ, дѣйствительно, перешла на сторону мюридизма и вся Аварія... Чего не смогли сдѣлать долготѣнія усилія Шамиля и его мюридовъ, то сдѣлало вліяніе одного человѣка—Хаджи-Мурата. Потерявъ изъ сферы своего вліянія Аварію, русскія власти потеряли окончательно и свое вліяніе надъ Дагестаномъ, чрезъ что и отдалилось на много лѣтъ его подчиненіе намъ и завоеваніе.

Но недолга была дружба Хаджи-Мурата и съ Шамилемъ, такъ какъ натуры обоихъ этихъ лицъ были властныя и необузданныя. Неудовольствіе между ними вышло изъ-за того, что Хаджи-Муратъ, учинивъ какъ-то отчаянное нападеніе на аулъ Большой-Дженгутей, выкралъ оттуда и взялъ себѣ въ наложницы ханшу Нохъ-Вике, вдову своего бывшаго врага. Ахметъ-хана мехтулинскаго, оклеветавшаго его въ глазахъ русскихъ властей. А эта ханша приходилась тещей приверженцу Шамиля Даніэль-беку элнсейскому. Этотъ послѣдній пожаловался Шамилю, и Шамилъ приказалъ отдать ханшу ея зятю. Было и еще одно неудовольствіе, выраженное Шамилемъ Хаджи-Мурату за неудачный исходъ одного наоѣга, предпринятаго Шамилемъ въ концѣ 1851 года: въ этой неудачѣ обвинялся Хаджи-Муратъ...

Какъ бы то ни было, но только Хаджи-Муратъ, послѣ болѣе десяти-лѣтней службы въ рядахъ войскъ Шамиля, неожиданно явился къ князю Воронцову, намѣстнику Кавказа, въ Тифлисъ... Князь принялъ его очень любезно и далъ хорошее содержаніе, но, видимо, не довѣрялъ ему, такъ что къ Хаджи-Мурату былъ даже приставленъ особый конвой, не спускавшій съ него глазъ. Хаджи-Муратъ очень этимъ тяготился и въ апрѣлѣ 1852 года отпросился у намѣстника въ Нуху. Его отпустили, но велѣли князю Тарханову, начальнику Нухи, зорко слѣдить за нимъ. И вотъ, какъ только Хаджи-Муратъ попалъ въ Нуху и увидѣлъ вблизи родныя горы,—душа его не вытерпѣла, и онъ бѣжалъ, воспользовавшись оплошностью конвойныхъ и убивъ двоихъ изъ нихъ. Но сопровождавшій

его третій конвойный уцѣлѣлъ и далъ знать о происшедшемъ кн. Тарханову, который быстро и поднялъ всѣхъ, кого могъ, для поимки бѣжавшаго. На другой же день напали на слѣды Хаджи-Мурата и окружили его въ небольшомъ лѣсу. Наибъ защищался, какъ левъ, — убилъ четверыхъ преслѣдователей и ранилъ шестерыхъ. Но, наконецъ, сабля его сломалась, — и онъ, весь израненный и окровавленный, самъ вышелъ изъ кустовъ и отдался въ руки непріятели. Ему отрубили голову, а въ тѣлѣ нашли семь огнестрѣльныхъ ранъ, заткнутыхъ пыжами для удержаія лившейся изъ нихъ крови... Голову Хаджи-Мурата набальзамировали и отправили въ Тифлисъ.

До какой степени былъ отваженъ и смѣлъ этотъ человѣкъ, въ этомъ легко будетъ убѣдиться хотя бы, напр., изъ слѣдующихъ двухъ рассказовъ объ его подвигахъ въ этомъ родѣ, и рассказовъ не выдуманныхъ, а совершенно согласныхъ съ дѣйствительностью.

Первый рассказъ описываетъ намъ похищеніе той самой ханши Нохъ-Бике, изъ-за которой произошло у Хаджи-Мурата первое неудовольствіе съ Шамилемъ. Большой-Дженгутей, гдѣ проживала ханша, представлялъ собою громадный аулъ, расположенный на плоскости, въ 20 лишь верстахъ отъ города Темиръ-Ханъ-Шуры. Этотъ аулъ былъ резиденціей мехтулинскаго хана, имѣлъ 4-тысячное населеніе, и, кромѣ того, въ немъ постоянно стояло болѣе тысячи солдатъ—изъ конныхъ и пѣшихъ частей. Затѣмъ, весь аулъ былъ обнесенъ высокою и плотной оградой, въ которой было нѣсколько воротъ, охраняемыхъ военными караулами, а самый дворецъ хана стоялъ среди аула на высокомъ холмѣ и былъ охваченъ высокою же каменною стѣной.

И вотъ, изъ этого-то дворца Хаджи-Муратъ рѣшилъ выкрасть красавицу Нохъ-Бике, вдову своего злѣйшаго врага Ахметъ-хана мехтулинскаго. Набѣгъ этотъ былъ совершенъ ночью, всего съ двумя сотнями отважныхъ храбрецовъ—и увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Подобравшись незамѣтно къ оградѣ аула, партія внезапно и быстро овладѣла одними изъ воротъ, перебивъ часовыхъ, а затѣмъ ринулась маршь-маршемъ къ ханскому дворцу. Наболѣе ловкіе перебрались черезъ стѣны,—и черезъ нѣсколько минутъ, Хаджи-Муратъ скакалъ уже обратно изъ аула во главѣ своихъ храбрецовъ, увозя красавицу ханшу, а за нимъ—ближайшій его сотрудникъ Гейдаръ-бекъ везъ другую жену Ахметъ-хана, красавицу же Фатиму. Остальные джигиты удовольствовались кое-какимъ добромъ, второпяхъ награбленнымъ во дворцѣ... И все это было сдѣлано такъ внезапно, быстро и находчиво, что ни обитатели аула, ни русскія войска не успѣли собраться для отпора, и только рѣдкіе безвредные выстрѣлы провожали храбрецовъ...

Въ другой разъ Хаджи-Муратъ забрался такимъ же образомъ въ самую

Шуру, съ цѣлью выкрасть оттуда самаго главнаго начальника края, генераль-лейтенанта Орбеліани. А въ ту пору въ Шурѣ было сосредоточено войска до 25 тысячъ человѣкъ. Предпріятіе это было просто безумнымъ по своей смѣлости, но Хаджи-Муратъ, для большаго эффекта, рѣшилъ совершить его какъ разъ въ тотъ вечеръ, когда князь Орбеліани давалъ въ своемъ домѣ балъ для шуринской публики... Единственное неудобство для Хаджи-Мурата представлялось лишь въ томъ, что онъ не зналъ Шуры и гдѣ и на какой именно улицѣ находится домъ генерала.

И вотъ, съ небольшимъ числомъ отчаянныхъ удалцовъ, переодѣтыхъ казаками, Хаджи-Муратъ проникъ въ городъ и отправился по незнакомымъ улицамъ, отыскивая большой, освѣщенный домъ... Какъ разъ попадаетея, наконецъ, имъ такой домъ: въ немъ масса оконъ и всѣ освѣщены... По знаку Хаджи-Мурата, горцы бросаются внутрь дома, но... къ крайнему своему изумленію, вмѣсто офицеровъ въ мундирахъ и дамъ въ бальныхъ платьяхъ, встрѣчаютъ лишь какія-то странныя фигуры, одѣтыя въ сѣрые халаты... Горцы ошиблись домомъ — и, вмѣсто дворца генерала, попали въ военный госпиталь... Легко представить себѣ взаимное удивленіе больныхъ и ихъ непрошенныхъ гостей!.. Но, пока мюриды бросались изъ палаты въ палату, больные вооружились чѣмъ попало и напали на горцевъ. Тѣмъ временемъ тревога успѣла распространиться по всему городу—ударили въ набатъ, а барабаны забили тревогу... Въ результатъ этого безумнаго набѣга—часть удалцовъ легла подъ выстрѣлами и ударами сбѣжавшихся на тревогу войскъ, а другая часть съ Хаджи-Муратомъ успѣла ускакать въ горы...

Вотъ какихъ отважныхъ и безстрашныхъ людей создавали аулы кавказскихъ горцевъ!

Въ плѣну у черкесовъ *).

Проживъ цѣлый мѣсяцъ въ плѣну, офицеръ Жилинъ задумалъ убѣжать и сталъ подговаривать къ побѣгу и своего товарища по плѣну Костылина...

Днемъ ходитъ по аулу или рукодѣльничаетъ, а какъ ночь придетъ, затихнетъ въ аулѣ,—такъ онъ у себя въ сараѣ копаетъ. Трудно было копать отъ камней, да онъ подилкомъ камни теръ, и прокопалъ онъ подъ стѣнной дыру, что въ пору пролѣзть. „Только бы“,—думаетъ,—„мнѣ мѣ-

*) Отрывокъ изъ повѣсти гр. Л. Н. Толстого „Кавказскій плѣнникъ“.

сто хорошенько узнать, въ какую сторону идти. Да не сказываютъ никто татары“.

Вотъ онъ выбралъ время, какъ хозяинъ уѣхалъ; пошелъ послѣ обѣда за ауль на гору,—хотѣлъ оттуда мѣсто посмотрѣть. А когда хозяинъ уѣзжалъ, онъ приказалъ малому за Жилинымъ ходить, съ глазъ его не спускать. Бѣжитъ малый за Жилинымъ, кричить:

— Не ходи! отецъ не велѣлъ. Сейчасъ народъ позову!

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Я,—говорить,—далеко не уйду,—только на ту гору поднимусь: мнѣ траву нужно найти,—вашъ народъ лѣчить. Пойдемъ со мной; я съ колодкой не убѣгу. А тебѣ затра лукъ сдѣлаю и стрѣлы.

Уговорилъ малаго, пошли. Смотрѣть на гору—не далеко, а съ колодкой трудно; шель-шель, насилу взобрался. Сѣлъ Жилинъ, сталъ мѣсто разглядывать. На полдни за сарай лоштина, табунъ ходитъ, и ауль другой въ низочкѣ виденъ. Отъ аула другая гора—еще круче; а за той горой еще гора. Промежъ горъ лѣсъ снѣжется, а тамъ еще горы—все выше и выше поднимаются. А выше всѣхъ,—бѣлыя, какъ сахаръ, горы стоятъ подъ снѣгомъ. И одна снѣговая гора выше другихъ шапкой стоитъ. На восходъ и на закатъ—все такія же горы; кое-гдѣ аулы дымятся въ ущельяхъ. Ну, думаетъ, это все ихняя сторона. Сталъ смотрѣть въ русскую сторону:—подъ ногами рѣчка, ауль свой, садки кругомъ. На рѣчкѣ, какъ куклы маленькія, видно,—бабы сидятъ полоскаютъ. За ауломъ пониже гора, и черезъ нее еще двѣ горы, по нимъ лѣсъ; а промежъ двухъ горъ снѣжется ровное мѣсто, а на ровномъ мѣстѣ, далеко-далеко, точно дымъ стелется. Сталъ Жилинъ вспоминать, когда онъ въ крѣпости дома жилъ, гдѣ солнце веходило и гдѣ заходило. Видитъ—тамъ точно, въ этой долинѣ должна быть наша крѣпость. Туда, промежъ этихъ двухъ горъ, и бѣжать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снѣговыя горы изъ бѣлыхъ—алыя; въ черныхъ горахъ потемнѣло: изъ лошинъ паръ поднялся, и самая та долина, гдѣ крѣпость наша должна быть,—какъ въ огнѣ загорѣлась отъ заката. Сталъ Жилинъ вглядываться,—маячить что-то въ долинѣ, точно дымъ изъ трубъ. И такъ и думается ему, что это самое—крѣпость русская.

Ужъ поздно стало. Слышно—мулла прокричалъ. Стадо гонять—коровы ревуть. Малый все зоветъ: „пойдемъ“, а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. „Ну,—думаетъ Жилинъ, теперь мѣсто знаю; надо бѣжать“. Хотѣлъ онъ бѣжать въ ту же ночь. Ночи были темныя,—ущербъ мѣсяца. На бѣду—къ вечеру вернулись татары. Бывало, пріѣзжаютъ они—гонять съ собою скотину, и пріѣзжаютъ веселые, а на этотъ разъ ничего не пригнали, и привезли на сѣдлѣ своего убитаго татарина,

брата рыжаго. Приѣхали сердитые, собрались все хоронить. Вышелъ и Жилинъ посмотрѣть. Завернули мертваго въ полотно, безъ гроба, вынесли подъ чинары за деревню, сложили на траву. Пришелъ мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сѣли рядкомъ на пятки передъ мертвымъ.

Спереди мулла, сзади три старика въ чалмахъ рядкомъ, а сзади ихъ еще татары. Сѣли, потупились и молчатъ. Долго молчали. Поднялъ голову мулла и говоритъ:

— Алла (значить Богъ). Сказалъ это одно слово,—и опять потупились и долго молчали; сидятъ—не шевелятся. Опять поднялъ голову мулла:

— Алла—и все проговорили: „Алла!“—и опять замолчали. Мертвый лежитъ на травѣ, не шелохнется, и они сидятъ какъ мертвые. Не шевелится ни одинъ. Только слышно, на чинарѣ листочки отъ вѣтерка поворачиваются. Потомъ прочелъ мулла молитву, все встали, подняли мертваго на руки, понесли. Принесли къ ямѣ. Яма вырыта не простая, а подкопана подъ землю, какъ подвалъ. Взяли мертваго подъ мышки да подъ лытки, перегнули, спустили полегонечку, подеунули сидья подъ землю, заправили ему руки на животъ.

Притащилъ ногаецъ камышу зеленаго, заклали камышемъ яму, живо засыпали землей, сравняли, а въ головы къ мертвецу камень стоямя поставили. Утоптали землю, сѣли опять рядкомъ передъ могилкой. Долго молчали.

— Алла! Алла! Алла!—Вздохнули и встали.

Роздалъ рыжій денегъ старикамъ, потомъ всталъ, взялъ плеть, ударилъ себя три раза по лбу и пошелъ домой.

На утро видитъ Жилинъ—ведетъ красный кобылу за деревню, и за нимъ трое татаръ идутъ. Вышли за деревню, снялъ рыжій бешметъ, засучилъ рукава,—ручичи здоровыя,—вынулъ кинжалъ, поточилъ на брусокѣ. Задрали татары кобылѣ голову кверху, подошелъ рыжій, перерѣзалъ глотку, повалилъ кобылу и началъ свѣжевать—кулачищами шкуру подпарываетъ. Пришли бабы, дѣвки, стали мыть кишки и нутро. Разрубилъ потомъ кобылу, стащили въ избу. И вся деревня собралась къ рыжему поминать покойника.

Три дня ѣли кобылу, бузу пили, покойника поминали. Все татары дома были. На четвертый день, видитъ Жилинъ, въ обѣдъ куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поѣхали человекъ 10, и красный поѣхалъ: только Абдулъ дома остался. Мѣсяць только народился, ночи еще темныя были.

— Ну,—думаетъ Жилинъ,—нынче бѣжать надо,—и говоритъ Костылину. А Костылинъ заробѣлъ.

— Да какъ же бѣжать?—мы и дороги не знаемъ.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдемъ въ ночь.

— А не дойдемъ—въ лѣсу переночуемъ. Я вотъ лепешекъ набралъ. Что жъ ты будешь сидѣть? Хорошо пришлютъ денегъ, а то вѣдь и не соберутъ. А татары теперь злые, за то, что ихняго русскіе убили. Поговариваютъ—насъ убить хотять.

Подумаль-подумаль Костылинъ.

— Ну, пойдёмъ!

Полѣзъ Жилинъ въ дыру, раскопаль пошире, чтобъ и Костылину пролѣзть: и сидятъ они,—ждутъ, чтобы затихло въ аулѣ.

Только затихъ народъ въ аулѣ, Жилинъ полѣзъ подъ стѣну, выбрался. Шепчетъ Костылину: „полѣзай“. Полѣзъ и Костылинъ, да зацѣпиль камень ногой, загремѣлъ. А у хозяина сторожка была—пестрая собака. И злая-презлая; звали ее Уляшинъ. Жилинъ уже напередъ прикормилъ ее. Услыхаль Уляшинъ,—забрехалъ и кинулся, а за нимъ другія собаки. Жилинъ чуть свистнулъ, кинулъ лепешки кусокъ,—Уляшинъ узналъ, замахаль хвостомъ и пересталь брехать.

Хозяинъ услыхаль, загайкаль изъ сакли: „гайтъ! гайтъ! Уляшинъ!“

А Жилинъ за ушами почесываетъ Уляшина. Молчитъ собака, трется ему объ ноги, хвостомъ махаеть.

Посидѣли они за угломъ. Затихло все, только слышно—овца перхаеть въ закутѣ, да низомъ вода по камушкамъ шумить. Темно, звѣзды высоко стоятъ на небѣ; надъ горой молодой мѣсяць покраснѣлся, кверху рожками заходитъ. Въ лощинахъ туманъ, какъ молоко бѣлѣется.

Поднялся Жилинъ, говорить товарищу:—Ну, братъ, айда!

Тронулись; только отошли, слышатъ,—запѣлъ мулла на крышѣ:—Алла! Бесмилла! Ильрахманъ!—Значить—пойдемъ народъ въ мечеть. Сѣли опять, пританвшись подъ стѣнкой. Долго сидѣли, дожидались, пока народъ пройдетъ. Опять затихло.

— Ну, съ Богомъ!—Перекрестились, пошли. Прошли черезъ дворъ подъ кручь къ рѣчкѣ, перешли рѣчку, пошли лощиной. Туманъ густой, да низомъ стоитъ, а надъ головой звѣзды виднешеньки. Жилинъ по звѣздамъ примѣчаетъ, въ какую сторону идти. Въ туманѣ свѣжо, идти легко, только сапоги не ловки,—стойтались. Жилинъ снялъ свои, бросилъ, пошелъ боскомъ. Попрыгиваеть съ камушка на камушекъ, да на звѣзды поглядываетъ. Сталь Костылинъ отставать.

— Тише,—говорить,—иди; сапоги проклятые—вѣсь ноги стерли.

— Да ты сними, легче будеть.

Пошелъ Костылинъ босикомъ,—еще того хуже: изрѣзалъ всѣ ноги по камнямъ, и все отстаеъ. Жилинъ ему говоритъ:

— Ноги обдерешь—заживуть, а догонять—убьютъ, хуже.

Костылинъ ничего не говоритъ, идетъ-покряхтываетъ. Шли они низомъ долго. Слышать—вправо собака забрехали. Жилинъ остановился, осмотрѣлся, полъзъ на гору.

— Эхъ,—говоритъ,—ошиблись мы,—вправо забрали. Тутъ ауль чужой—я его съ горы видѣлъ: назадъ надо, да влѣво, въ гору. Тутъ лѣсъ долженъ быть.

А Костылинъ говоритъ:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть,—у меня ноги въ крови всѣ.

— Э, братъ, заживуть: ты легче прыгай. Вотъ какъ!

И побѣжалъ Жилинъ назадъ, и влѣво въ гору, въ лѣсъ. Костылинъ все отстаеъ и охаеъ. Жилинъ шикнетъ-шикнетъ на него, а самъ все идетъ.

Поднялись на гору. Такъ и есть—лѣсъ. Вошли въ лѣсъ,—по колючкамъ изодрали все платье послѣднее. Напали на дорожку въ лѣсу. Идутъ.

— Стой!—Затопало копытами по дорогѣ. Остановились, слушаютъ. Потопало, какъ лошадь, и остановилось. Тронулись они—опять затопало. Они остановятся—и оно остановится. Подползъ Жилинъ, смотреть на свѣтъ по дорогѣ,—стоитъ что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человѣка не похоже. Фыркнуло—слышнть. „Что за чудо!“ Свистнулъ Жилинъ потихоньку,—какъ шаркнетъ съ дороги въ лѣсъ и затрещало по лѣсу,—точно буря летитъ, сучья ломаеъ.

Костылинъ такъ и упалъ со страху, а Жилинъ смѣется, говоритъ:

— Это олень. Слышишь, какъ рогами лѣсъ ломитъ? Мы его боимся, а онъ насъ бонсея.

Пошли дальше. Ужъ высокожары спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идутъ, нѣтъ ли,—не знаютъ. Думается такъ Жилину, что по этой самой дорогѣ его везли и что до своихъ верстъ десять еще будетъ,—а примѣты вѣрной нѣтъ, да и ночью не разберешь. Вышли на полянку. Костылинъ сѣлъ и говоритъ:

— Какъ хочешь, а я не пойду,—у меня ноги не идутъ.

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Нѣтъ,—говоритъ,—не дойду, не могу.

Разсердился Жилинъ, плюнулъ, обругалъ его.

— Такъ я же одинъ уйду,—прощай!

Костылинъ вскочилъ, пошелъ. Прошли они версты четыре. Туманъ въ лѣсу еще гуще сѣлъ, ничего не видать передъ собой, и звѣзды ужъ чуть видны.

Вдругъ слышать—впереди топаетъ лошадь. Слышно—подковами за камни цѣпляется. Легъ Жилинъ на брюхо, сталъ по землѣ слушать.

— Такъ и есть,—сюда къ намъ конный ѣдетъ!

Сбѣжали они съ дороги, сѣли въ кусты и ждуть. Жилинъ подползъ къ дорогѣ, смотритъ—верховой татаринъ ѣдетъ, корову гонить, самъ себѣ подъ носъ мурлычетъ что-то. Проѣхалъ татаринъ. Жилинъ вернулся къ Костылину.

— Ну, пронесъ Богъ,—вставай, поидемъ.

Сталъ Костылинъ вставать и упалъ.

— Не могу,—ей-Богу, не могу; силъ моихъ нѣтъ.

Мужчина грузный, пухлый, запотѣлъ; да какъ обхватило его въ лѣсу туманомъ холоднымъ, да ноги ободраны, — онъ и разсолодѣлъ. Сталъ его Жилинъ силой поднимать. Какъ закричитъ Костылинъ:

— Ой, больно!

Жилинъ такъ и обмеръ.

— Что кричишь? Вѣдь татаринъ близко, — услышитъ. — А самъ думаетъ: „Онъ и вправду разслабъ: что мнѣ съ нимъ дѣлать? Бросить товарища не годится“.

— Ну, говоритъ, вставай, садись на закорки,—снесу, коли ужъ идти не можешь.

Подсадилъ на себя Костылина, подхватилъ руками подъ ляжки, вышелъ на дорогу, поволокъ.

— Только, говоритъ, не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину.—Ноги тоже въ крови и уморился. Нагнется, подправить, подкинетъ, чтобы повыше сидѣлъ на немъ Костылинъ, тащитъ его по дорогѣ.

Видно услышалъ татаринъ, какъ Костылинъ закричалъ. Слышитъ Жилинъ—ѣдетъ кто-то сзади, кличетъ по своему. Бросился Жилинъ въ кусты. Татаринъ выхватилъ ружье, выпалилъ,—не попалъ, завизжалъ по своему и поскакалъ прочь по дорогѣ.

— Ну,—говоритъ Жилинъ,—пропали, братъ! Онъ, собака, сейчасъ соберетъ татаръ за нами въ погоню. Коли не уйдемъ версты три—пропали.— А самъ думаетъ на Костылина: „И чортъ меня дернулъ колоду эту съ собой брать. Одинъ я бы давно ушелъ“.

Костылинъ говоритъ:—Иди одинъ, за что тебѣ изъ-за меня пропадать.

— Нѣтъ, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватилъ опять на плечи, поперъ. Прошелъ онъ такъ съ версту. Все лѣсъ идетъ, и не видать выхода. А туманъ ужъ расходится сталъ, и какъ будто тучки заходить стали, не видать ужъ звѣздъ. Измучился Жилинъ.

Пришелъ, у дороги родничекъ, камнемъ обдѣланъ. Остановился, ссадилъ Костылина.

— Дай, говорить, отдохну, напьюсь. Лепешекъ поѣдимъ. Должно быть недалеко.

Только прилежъ онъ пить, слышитъ — затонало сзади. Опять кинулись вправо въ кусты, подъ кручь, и легли.

Слышатъ голоса татарскіе; остановились татары на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они съ дороги свернули. Поговорили, потомъ зауськали, какъ собакъ пригравливаютъ. Слышатъ—трещитъ что-то по кустамъ, прямо къ нимъ собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лѣзутъ и татары—тоже чужіе; схватили ихъ, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проѣхали версты три,—встрѣчаетъ ихъ Абдуль, хозяинъ, съ двумя татарами. Поговорилъ что-то съ татарами, пересадили на своихъ лошадей, повезли назадъ въ ауль.

Абдуль уже не смѣется и ни слова не говоритъ съ ними.

Привезли на разсвѣтѣ въ ауль, посадили на улицѣ. Сбѣжались ребята. Камнями, плетками бьютъ ихъ, визжать.

Собрались татары въ кружокъ, и старикъ изъ-подъ горы пришелъ. Стали говорить. Слышитъ Жилинъ, что судятъ про нихъ, что съ ними дѣлать. Одни говорятъ—надо ихъ дальше въ горы услатъ, а старикъ говоритъ: „надо убить“. Абдуль спорить, говоритъ: „я за нихъ деньги отдалъ; я за нихъ выкупъ возьму“. А старикъ говоритъ: „Ничего они не заплатятъ, только бѣды надѣлаютъ. И грѣхъ русскихъ кормить. Убить,—и кончено“.

Разошлись. Подошелъ хозяинъ къ Жилину, сталъ ему говорить:

— Если, говоритъ, мнѣ не пришлютъ за васъ выкупъ, я черезъ двѣ недѣли васъ заporю. А если затѣешь опять бѣжать,—я тебя какъ собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли имъ бумаги, написали они письма. Набили на нихъ колодку, отвели за мечеть. Тамъ яма была аршинъ пяти,—и спустили ихъ въ эту яму.

Житье имъ стало совсѣмъ дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свѣтъ. Кидали имъ туда тѣсто непеченое, какъ собакамъ, да въ кувшинѣ воду спускали. Вонь въ ямѣ, духота, мокрота. Костылинъ совсѣмъ разболѣлся, распухъ, и ломота во всемъ тѣлѣ стала: и все стонетъ или спитъ. И Жилинъ приунылъ, видитъ—дѣло плохо. И не знаетъ, какъ выбраться.

Началь онъ-было подкапываться, да землю некуда кидать; увидалъ хозяинъ, пригрозилъ убить.

Сидитъ онъ разъ въ ямѣ на корточкахъ, думаетъ объ вольномъ житьѣ, и скучно ему. Вдругъ прямо ему на колѣнки лепешка упала, другая, и черешни посыпалась. Поглядѣлъ кверху, — а тамъ Дина. Поглядѣла на него, посмѣялась и убѣжала. Жилинъ и думаетъ: „Не поможетъ ли Дина?“

Расчистилъ онъ въ ямѣ мѣстечко, наковырялъ глины, сталъ лѣпить куколь. Надѣлалъ людей, лошадей, собакъ, думаетъ: „какъ придетъ Дина, брошу ей“.

Только—на другой день нѣтъ Дины. А слышитъ Жилинъ — затопали лошади, проѣхали какіе-то, и собрались татары у мечети, спорять, кричать и поминаютъ про русскихъ. И слышитъ голосъ старика. Хорошенько не разобралъ онъ, а догадывается, что русскіе близко подошли, — и боятся татары, какъ бы въ аулъ не зашли, и не знаютъ, что съ плѣнными дѣлать.

Поговорили и ушли. Вдругъ слышитъ — зашуршало что-то наверху. Видитъ:—Дина присѣла на корточки, колѣнки выше головы торчатъ, свѣсилась, монисты висятъ, болтаются надъ ямой. Глазенки такъ и блестятъ, какъ звѣздочки. Вынула изъ рукава двѣ сырныя лепешки, бросила ему. Жилинъ взялъ и говоритъ:—Что давно не бывала? А я тебѣ игрушкѣ надѣлалъ. На, вотъ!—Сталъ ей швырять по одной. А она головой мотааетъ, не смотритъ.—Не надо,—говоритъ. Помолчала, посидѣла и говоритъ:—Иванъ! тебя убить хотятъ.—Сама себѣ рукой на шею показываетъ.

— Кто убить хочетъ?

— Отецъ,—ему старики велятъ. А мнѣ тебя жалко.

Жилинъ и говоритъ:

— А коли тебѣ меня жалко, такъ ты мнѣ палку длинную принеси. Она головой мотааетъ, что „нельзя“. Онъ сложилъ, руки, молится ей:

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— Нельзя, говоритъ, увидятъ, всѣ дома,—и ушла.

Вотъ сидитъ вечеромъ Жилинъ и думаетъ: „что будетъ?“ Все поглядываетъ вверхъ. Звѣзды видны, а мѣсяцъ еще не выходилъ. Мулла прокричалъ, затихло все. Сталъ ужъ Жилинъ дремать, думаетъ: „побонтея дѣвка“.

Вдругъ на голову ему глина посыпалась; взглянулъ кверху — шесть длинный въ тотъ край ямы тыкается. Потыкался, спускаться сталъ, ползетъ въ яму. Обрадовался Жилинъ, схватилъ рукой, спустилъ,—шесть здоровый. Онъ еще прежде этотъ шесть на хозяйской крышѣ видѣлъ.

Поглядѣлъ вверхъ, — звѣзды высоко на небѣ блестятъ, и надъ самой ямой, какъ у кошки, у Дины глаза въ темнотѣ свѣтятся. Нагнулась она лицомъ на край ямы и шепчетъ:

— Иванъ, Иванъ?—А сама руками у лица все машетъ,—что „тише моль“.

— Что?—говорить Жилинъ.

— Уѣхали всѣ, только двое дома.

Жилинъ и говоритъ:

— Ну, Костылинъ, пойдѣмъ, попытаемся послѣдній разъ; я тебя подсажу.

Костылинъ и слушать не хочетъ.

— Нѣтъ, говоритъ, ужъ мнѣ видно отсюда не выдти. Куда я пойду, когда и повертиться силъ нѣтъ?

— Ну, такъ прощай,—не поминай лихомъ. Поцѣловался съ Костылиннымъ.

Ухватился за шесть, велѣлъ Динѣ держать, полѣзъ. Раза два онъ обрывался,—колодка мѣшала. Поддержалъ его Костылинъ,—выбрался кое-какъ наверхъ. Дина его тянетъ рученками за рубаху изъ всѣхъ силъ сама смѣется.

Взялъ Жилинъ шесть и говоритъ:

— Снеси на мѣсто, Дина, а то хватятся,—прибьютъ тебя.

Потащила она шесть, а Жилинъ подъ гору пошелъ. Слѣзъ подъ кручь, взялъ камень вострый, сталъ замокъ съ колодки выворачивать. А замокъ крѣпкій—никакъ не собьѣтъ, да и неловко. Слышитъ, бѣжитъ кто-то съ горы, легко подпрыгиваетъ. Думаетъ: „вѣрно опять Дина“. Прибѣжала Дина, взяла камень и говоритъ:

— Дай, я.

Сѣла на колѣночки, начала выворачивать. Да ручки тонкія какъ прутики—ничего силы нѣтъ. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилинъ за замокъ, а Дина сѣла подлѣ него на корточки, за плечо его держать. Оглянулся Жилинъ, видитъ—натѣво за горой зарево красное загорѣлось, мѣсяцъ встаетъ. „Ну, думаетъ, до мѣсяца надо лощину пройти, до лѣсу добраться“. Поднялся, бросилъ камень. Хотя въ колодкѣ—да надо идти.

— Прощай, говоритъ, Динушка. Вѣкъ тебя помнить буду.

Ухватила за него Дина, шаритъ по немъ руками, ищетъ—куда бы лепешки ему засунуть. Взялъ онъ лепешки.

— Спасибо, говоритъ, — умница. Кто тебѣ безъ меня куколь дѣлать будетъ?—И погладилъ ее по головѣ.

Какъ заплачетъ Дина,—закрылась руками, побѣжала на гору, какъ козочка прыгаетъ. Только въ темнотѣ слышно—монисты въ косѣ по спинѣ побрякиваютъ.

Перекрестился Жилинъ, подхватилъ рукой замокъ на колодкѣ, чтобы не бренчалъ, пошелъ по дорогѣ,—ногу волочить, а самъ все на зарево поглядываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаетъ. Дорогу онъ узналъ. Пряникомъ идти

версть восемь. Только бы до лѣсу дойти прежде, чѣмъ мѣсяцъ совсѣмъ выйдетъ. Перешель онъ рѣчку,—побѣлѣлъ уже свѣтъ за горой. Пошелъ лощиной, идетъ, самъ поглядываетъ: не видать еще мѣсяца. Ужъ зарево посвѣтлѣло, и съ одной стороны лощины все свѣтлѣе-свѣтлѣе становится. Ползеть подъ гору тѣнь, все къ нему приближается.

Идетъ Жилинъ, все тѣни держится. Онъ спѣшитъ, а мѣсяцъ еще скорѣе выбирается; ужъ и направо засвѣтились макушки. Сталь подходить къ лѣсу, выбрался мѣсяцъ изъ-за горъ,—бѣло, свѣтло совсѣмъ, какъ днемъ. На деревьяхъ всѣ листочки видны. Тихо, свѣтло по горамъ, какъ вымерло все. Только слышно внизу рѣчка журчитъ.

Дошелъ до лѣсу,—никто не попался. Выбралъ Жилинъ мѣстечко въ лѣсу потемнѣе, сѣлъ отдыхать.

Отдохнулъ, лепешку сѣлъ. Нашель камень, принялся опять колодку сбивать. Всѣ руки избилъ, а не сбиль. Поднялся, пошелъ по дорогѣ. Прошелъ съ версту, выбился изъ силъ,—ноги ломить. Ступитъ шаговъ десять и остановится. „Нечего дѣлать“, думаетъ, „буду тащиться, пока сила есть. А если сѣсть, такъ и не встану. До крѣпости мнѣ не дойти, а какъ разсвѣтетъ—лягу въ лѣсу, переднюю, а ночью опять пойду“.

Всю ночь шелъ. Только попались два татарина верхами,—да Жилинъ издалека ихъ услышалъ, схоронился за дерево.

Ужъ сталъ мѣсяцъ блѣднѣть, роса пала, близко къ свѣту, а Жилинъ до края лѣса не дошелъ.—„Ну, думаетъ, еще тридцать шаговъ пройду, сверну въ лѣсъ и сяду“. Прошелъ 30 шаговъ, видитъ—лѣсъ кончается. Вышелъ на край—совсѣмъ свѣтло; какъ на ладонкѣ передъ нимъ степь и крѣпость, и налѣво близехонько подъ горой—огни горять, тухнуть, дымъ стелется и люди у костровъ.

Вглядѣлся—видитъ: ружья блестятъ, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилинъ, собрался съ послѣдними силами, пошелъ подъ гору. А самъ думаетъ: „избави Богъ, тутъ, въ чистомъ полѣ, увидитъ конный татаринъ: хоть близко, а не уйдешь“.

Только подумалъ—глядь: налѣво, на бугрѣ стоятъ трое татаръ, десятины на двѣ. Увидали его,—пустились къ нему. Такъ сердце у него и оборвалось. Замахалъ руками, закричалъ что было духу своимъ:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши,—выскочили казаки верховые. Пустились къ нему — наперерѣзъ татарамъ.

Казакамъ далеко, а татарамъ близко. Да ужъ и Жилинъ собрался съ послѣдней силой, подхватилъ рукой колодку, бѣжитъ къ казакамъ, а самъ себя не помнитъ, крестится и кричитъ:

— Братцы! братцы! братцы!

Казаковъ челоѣкъ 15 было.

Испугались татары, не доѣзжаячи стали останавливаться. И подбѣжать Жилинъ къ казакамъ.

Окружили его казаки, спрашиваютъ: „кто онъ, что за челоѣкъ, откуда?“ А Жилинъ самъ себя не помянуть, плачетъ и приговариваетъ:

— Братцы! братцы!

Выбѣжали солдаты, обступили Жилина: кто ему хлѣба, кто каши, кто водки; кто шинелью прикрываетъ, кто колодку разбиваетъ.

Узнали его офицеры, повезли въ крѣпость. Обрадовались солдаты; товарищи собрались къ Жилину.

Разказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ все дѣло было, и говоритъ:

— Вотъ и домой съѣздить, женился! Нѣтъ, ужъ видно не судьба моя.

И остался служить на Кавказѣ. А Костылина только еще черезъ мѣсяцъ выкупили за пять тысячъ. Еще живого привезли.

Князь А. И. Бярятинскій *).

Князь Александръ Ивановичъ Бярятинскій, если и не принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ „героевъ“, то, несомнѣнно, можетъ быть причисленъ къ тѣмъ немногимъ баловнямъ судьбы, которыхъ отвага, случай и удачи возводятъ на степень тѣхъ же „героевъ“ и вѣнчаютъ лаврами, а самое ихъ имя переходить въ исторію и потомство. Князю Бярятинскому суждено было *взять въ плѣнъ Шамиля*,—и этотъ побѣдоносный эпизодъ, закончившій продолжительную кавказскую войну, доставилъ князю довольно громкую извѣстность.

Биографъ князя Бярятинскаго въ Энциклопедическомъ словарѣ говоритъ о немъ слѣдующее:

Князь А. И. Бярятинскій родился въ 1814 году, воспитаніе получилъ домашнее, на 17-мъ году поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, съ зачисленіемъ въ кавалергардскій полкъ; 8-го ноября 1833 года произведенъ въ корнеты лейбъ-кирасирскаго Наслѣдника Цесаревича (нынѣ Ея Величества) полка; въ мартѣ 1835 года командированъ на Кавказъ, съ отличіемъ участвовалъ въ дѣлахъ противъ закубанскихъ горцевъ, раненъ пулею въ бокъ и, по возвращеніи въ томъ же году въ Петербургъ, награжденъ золотою саблею съ надписью „за храбрость“. 1-го января 1836 года, Бярятинскій назначенъ былъ состоять при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ (впослѣдствіи императорѣ

*) Изъ Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Эфрона.

Александръ II), а 24-го марта 1845 года, по Высочайшему повелѣнію, снова отправился на Кавказъ, гдѣ былъ назначенъ командующимъ 3-мъ батальономъ Кабардинскаго егерскаго полка, съ которымъ и принималъ участіе во всѣхъ выдающихся дѣлахъ предпринятой лѣтомъ того же года экспедиціи въ Дарго. Особенныя отличія оказаны имъ 13-го іюня, при пораженіи скопищъ Шамиля близъ селеній Гогатль и Анди. Раненый пулею въ голень правой ноги, навывлетъ, онъ остался въ строю, и въ награду за оказанные имъ подвиги получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст. По возвращеніи, въ началѣ 1846 г., въ Петербургъ, кн. Барятинскій, для поправленія разстроеннаго здоровья, уволенъ былъ за границу; но проѣздомъ черезъ Варшаву, принялъ, по порученію фельдмаршала кн. Паскевича, командованіе надъ летучимъ отрядомъ, назначеннымъ для преслѣдованія и истребленія краковскихъ мятежниковъ. Порученіе это кн. Барятинскій выполнилъ въ 5 дней.

27-го февраля 1847 года, по возвращеніи въ Россію, онъ былъ назначенъ командиромъ Кабардинскаго егерскаго полка и затѣмъ принималъ постоянное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ. 26-го іюня 1848 года онъ особенно отличился въ бою при Гергебилѣ, за что былъ награжденъ чиномъ генераль-майора, съ назначеніемъ въ свиту Его Императорскаго Величества.

Въ октябрѣ 1850 года кн. Барятинскій назначенъ былъ командиромъ кавказской резервной гренадерской бригады. Зимой слѣдующаго года участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ чеченскаго отряда, причемъ, близъ Мезенинской поляны, разбилъ на-голову атаковавшія его превосходныя силы непріятеля.

2-го апрѣля 1851 года князь Барятинскій назначенъ командующимъ 20-ю пѣхотною дивизіею и исправляющимъ должность начальника лѣваго фланга Кавказской линіи,—и съ этимъ вмѣстѣ открылось для него болѣе обширное поприще для самостоятельныхъ дѣйствій, обнаружившихъ вполне рельефно его блестящія дарованія. Энергичный и вмѣстѣ съ тѣмъ систематическій образъ дѣйствій, котораго онъ держался въ Чечнѣ *)—главной ареной дѣятельности Шамиля,—постепенное, но неуклонное движеніе впередъ

*) Этотъ „образъ дѣйствій“ былъ, какъ извѣстно, установленъ на Кавказѣ, въ войнѣ съ горцами, еще въ 20-хъ годахъ, генераломъ Ермоловымъ и заключался, собственно, въ усиленной вырубкѣ лѣсовъ по дорогѣ къ мятежнымъ ауламъ и въ устройствѣ такъ называемыхъ „укрѣпленій“ на завоеванныхъ мѣстахъ. Князь Барятинскій прекрасно и очень умѣло и удачно воспользовался этою „системою“ даровитаго Ермолова которою не сумѣли воспользоваться кавказскіе намѣстники, управлявшіе краемъ послѣ увольненія этого знаменитаго генерала въ 1826 году.

съ твердымъ упроченіемъ русской власти на разъ занятыхъ пространствахъ — все это представляло какъ бы новую эру въ кавказской войнѣ...

6-го января 1853 года кн. Барятинскій назначенъ былъ генераль-адъютантомъ, а 5-го іюля того же года — исправляющимъ должность начальника главнаго штаба войскъ на Кавказѣ и вслѣдъ затѣмъ утвержденъ въ этой должности. Въ октябрѣ 1853 года онъ, по болѣзни кн. Бебутова былъ командированъ въ Александрополь для завѣдыванія дѣйствующимъ на турецкой границѣ корпусомъ. 24-го іюля 1854 года участвовалъ въ блистательномъ бою при Кюрюкь-Дара, за который награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

6-го іюня 1855 года кн. Барятинскій былъ назначенъ состоять при Его Императорскомъ Величествѣ, а затѣмъ, ему было поручено временное командованіе войсками въ Николаевѣ и окрестностяхъ.

Съ 1-го января 1856 года онъ состоялъ командующимъ гвардейскимъ резервнымъ пѣхотнымъ корпусомъ, а въ іюлѣ того же года былъ назначенъ главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и исправляющимъ должность кавказскаго намѣстника; въ послѣдней должности князь былъ утвержденъ 26 августа 1856 года, по производствѣ въ генераль-отъ-инфантеріи.

Вступивъ въ управленіе краемъ, по всему пространству котораго велась въ то время нескончаемая война, стоившая Россіи огромныхъ жертвъ людьми и деньгами, князь Барятинскій оказался вполнѣ на высотѣ своего назначенія. Единство дѣйствій, направленныхъ къ одной общей цѣли, неуклонная послѣдовательность въ веденіи ихъ, выборъ такпхъ сподвижниковъ, какъ Д. А. Милютинъ и Н. И. Евдокимовъ, — все это увѣнчалось блестящими результатами: черезъ три года по назначеніи князя намѣстникомъ, весь восточный Кавказъ былъ покоренъ, — и неувимый дотолѣ Шамиль взятъ въ плѣнъ. Заслуги эти доставили князю Барятинскому орденъ св. Георгія 2-ой степени и св. Андрея Первозваннаго съ мечами.

Одновременно съ рѣшительными дѣйствіями на восточномъ Кавказѣ, велась энергическая война и въ западной части этого края, приведшая къ покоренію многихъ племенъ, жпвшихъ между рѣками Лабою и Бѣлою. За эти новые успѣхи кн. Барятинскій былъ произведенъ въ генераль-фельдмаршалы и назначенъ шефомъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка.

Безпрерывная боевая дѣятельность и труды по управленію краемъ совершенно разстроили здоровье и прекратили блестящую карьеру князя: 6-го декабря 1862 года онъ былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ занимаемыхъ имъ должностей, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1871 году, кн. Барятинскій зачисленъ былъ въ Кирасирскій Ея Величества полкъ и назначенъ шефомъ 2-го стрѣлковаго батальона. Гер-

манскій императоръ также почтилъ заслуги князя, назначивъ его шефомъ Гусарскаго № 14 полка германской арміи. Последніе дни своей жизни кн. Барятинскій провелъ за границею и умеръ на 58-мъ году своей службы.

Графъ Н. И. Евдокимовъ.

Главнымъ и самымъ энергичнымъ виновникомъ окончанія войны на Кавказѣ былъ, несомнѣнно, генераль Н. И. Евдокимовъ, награжденный, впоследствии, за свои подвиги титуломъ графа, тремя орденами св. Георгія, чиномъ полнаго генерала, званіемъ шефа Дагестанскаго полка и пр.

Н. И. Евдокимовъ родился въ 1804 году, въ бѣдной дворянской семьѣ и лишень былъ первоначальнаго образованія; но онъ одарень былъ отъ природы большимъ природнымъ умомъ, здравымъ смысломъ и страстною склонностью къ военной службѣ. 17-ти лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ юнкеромъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, черезъ три года былъ произведенъ въ офицеры,—и затѣмъ, въ теченіе 41 года, прошелъ всѣ чины военной службы, отъ прапорщика до генерала-отъ-инфантеріи, всѣмъ обязанный лишь самому себѣ, своему уму и способностямъ и выдающимся военнымъ дарованіямъ.

Участвуя въ многочисленныхъ сраженіяхъ, Евдокимовъ имѣлъ нѣсколько ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ, а одна, княжальная—въ спину, была нанесена ему въ селѣ Унцукуль, въ 1842 году, во время возникшихъ между горцами волненій. Получивъ эту страшную рану сзади, внезапно, Евдокимовъ—тогда капитанъ и койсубулинскій приставъ—не растерялся и не сробѣлъ: онъ моментально выхватилъ шашку, обернулся назадъ въ сторону горца—и сильнымъ ударомъ со всего плеча разрубилъ его почти на двое. Убитый до вечера лежалъ на улицѣ, а его соплеменники, горцы, подходили къ труну и изумлялись силѣ удара, разсѣкашаго человѣка почти пополамъ...

Въ 1846 году Н. И. Евдокимовъ получилъ въ командованіе Дагестанскій полкъ, но недолго ему пришлось быть полковымъ командиромъ: въ 1848 году, за особыя отличія, оказанныя въ дѣлахъ противъ горцевъ, въ отрядѣ кн. Аргутинскаго-Долгорукова, Евдокимовъ былъ произведенъ въ генераль-майоры и вскорѣ назначень былъ начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи—и оставался на этомъ посту до конца 1855 года, постоянно предпринимаемая—по собственной уже инициативѣ—экспедиціи противъ закубанскихъ горцевъ. 28-го ноября 1855 года онъ получилъ 20-ю пѣхотную дивизію и, въ то же время, назначень былъ начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи.

Назначенный намѣстникомъ Кавказа, кн. Барятинскій, знавшій Евдоки-

мова ранѣе, за время своей прежней службы на Кавказѣ, избралъ его своимъ главнымъ сподвижникомъ и помощникомъ въ дѣлѣ окончательнаго покоренія Большой Чечни и Дагестана—и генералъ Евдокимовъ блестящимъ образомъ оправдалъ довѣріе, оказанное ему новымъ наместникомъ: цѣлымъ рядомъ блестящихъ боевыхъ дѣлъ, а главное—широкими просѣками въ лѣсахъ горъ, уничтоженіемъ мятежныхъ ауловъ и выселеніемъ ихъ жителей на плоскость, а также и возведеніемъ въ отвоеванныхъ горахъ и аулахъ Дагестана укрѣпленій и маленькихъ крѣпостей, генералъ Евдокимовъ занялъ, наконецъ, хребетъ Даргенъ-Дукъ, съ котораго виднѣлись окрестности Веденя, резиденціи Шамля.

Всѣ усилія Шамля преградить Евдокимову движеніе вверхъ по Аргунни остались безуспѣшными,—и въ концѣ Шамиль потерпѣлъ сильное пораженіе подъ Надраномъ, а сынъ его Казн-Магома былъ, въ то же время, разбитъ въ глубинѣ Аргунскаго ущелья.

Въ концѣ 1858 года всѣ свои усилія генералъ Евдокимовъ направилъ противъ Веденя, гдѣ засѣлъ Шамиль,—и 1-го апрѣля 1859 года Ведень былъ взятъ, а Шамиль отступилъ въ аулъ Килитль, на лѣвомъ берегу Андійскаго Косу, а затѣмъ, съ 400 отборныхъ мюридовъ, укрѣпился на неприступной горѣ Гунибѣ. 25-го августа того же года Гунибъ былъ взятъ, а Шамиль сдался въ качествѣ военноплѣннаго. За взятіе Гуннба и Шамля генералъ Евдокимовъ получилъ графскій титулъ и орденъ св. Георгія 3-го класса.

Въ слѣдующемъ, 1860 году были предприняты военныя дѣйствія противъ остававагося еще непокореннымъ западнаго Кавказа, — и графъ Евдокимовъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ, сосредоточенныхъ тамъ для этой цѣли. И здѣсь гр. Евдокимовъ примѣнилъ ту же систему при наступленіи вглубь страны, какую онъ примѣнялъ ранѣе въ восточной части Кавказа: онъ прокладывалъ дороги, рубилъ просѣки, выселялъ мятежные аулы на плоскость и даже въ Турцію (изъявившую въ то время готовность принимать переселенцевъ черкесовъ) — и черезъ три года непрерывныхъ и иногда очень жаркихъ военныхъ дѣйствій, закончившихся общимъ движеніемъ отрядовъ въ долину рѣки Туапсе, былъ покоренъ нами и весь западный Кавказъ. За эти послѣдніе подвиги графъ Евдокимовъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-го класса, чинномъ генерала-отъ-пифантеріи и шефомъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка.

Черезъ два года, въ 1865 году, графъ Н. И. Евдокимовъ былъ уволенъ отъ занимаемыхъ имъ должностей съ назначеніемъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ наместникъ Кавказа вел. кн. Михаилъ Николаевичъ и, спустя 8 лѣтъ, скончался на томъ же Кавказѣ, гдѣ прошла вся его полувѣковая, полная славы и великихъ трудовъ и подвиговъ, служба.

Шамиль въ русскомъ плѣну *).

I.

Представленіе полковнику Еропкину. — Знакомство съ шт.-капитаномъ Руновскимъ. — Товарищи-офицеры Шаровъ и Орловъ. — Представленіе Шамилю и его внѣшность. — Переводчикъ Грамовъ. — Непріятный инцидентъ во время аудіенціи.

По пріѣздѣ въ Калугу, я облекся въ полную парадную форму и отправился представиться, прежде всего, къ полковнику Еропкину, „командиру батальона внутренней стражи“, изображавшему собою въ Калугѣ и коменданта, и воинскаго начальника, которые въ то время еще не были учреждены. Я имѣлъ къ Еропкину рекомендательное письмо изъ Тамбова отъ его пріятели, дежурнаго штабъ-офицера нашего шестого корпуса, подполковника Корицкаго, — и, можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, встрѣтилъ не только любезный, но и радушный пріемъ: полковникъ познакомилъ меня съ своей семьей и просилъ „бывать“ у него въ домѣ.

Когда я уже уходилъ отъ Еропкина, онъ сказалъ мнѣ:

— Вы, конечно, знаете, что здѣсь Шамиль, и, по распоряженію военнаго министра, всѣ пріѣзжающіе въ Калугу офицеры, отъ прапорщика и до генерала включительно, обязаны являться и представляться ему. Поэтому, сейчасъ же, прямо отъ меня, поѣзжайте и разыщите штабъ-капитана А. И. Руновскаго, состоящаго приставомъ при Шамилѣ, и онъ уже назначитъ вамъ день и часъ, когда вы должны будете явиться къ этому знаменитому нашему плѣннику.

Я такъ и поступилъ: разыскалъ Руновскаго, отрекомендовался ему и, по его желанію, оставилъ ему свой адресъ.

— Я вамъ дамъ знать особою повѣсткою наканунѣ, когда именно вы должны будете прибыть въ домъ, занимаемый Шамилемъ, — сказалъ мнѣ на прощаніе Руновскій.

Затѣмъ я отправился еще къ другому военному начальству, завѣдывавшему артиллерійскимъ паркомъ и пороховыми складами, находящимися въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Калуги, съ которыми мнѣ предстояло имѣть дѣло.

Въ гостиницѣ, въ которой я остановился, проживало нѣсколько офицеровъ отъ различныхъ частей, командированныхъ въ Калугу, какъ и я же, за пріемкою огнестрѣльныхъ снарядовъ для своихъ полковъ и батальоновъ. Между ними было нѣсколько человѣкъ, пріѣхавшихъ раньше и уже пред-

*) Изъ моей статьи „Поѣздка къ Шамилю въ Калугу, въ 1860 году“ („Вѣстникъ Европы“ 1898 года, августъ).

ставлявшихся Шамилю. Мы, новички, разспрашивали ихъ обо всѣхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ это удивительное представленіе плѣннику, заклтому врагу Россіи, который велъ съ нами войну болѣе 20 лѣтъ и которому правительство, къ великой чести своей, не попомнило зла и отнеслось, вообще, какъ къ „дарю плѣненному“.

Въ той же гостинницѣ проживали два офицера, пріѣхавшіе въ Калугу одновременно со мною,—и намъ предстоялъ, слѣдовательно, одновременный пріемъ у Шамиля. Офицеры эти были: подпоручикъ Владимірскаго пѣхотнаго полка (16-й дивизіи) Шаровъ, прибывшій изъ Пензы, гдѣ былъ штабъ этого полка, и прапорщикъ Орловъ—Тарутинскаго полка, служившій раньше на Кавказѣ и имѣвшій солдатскій георгіевскій крестъ, полученный имъ въ званіи юнкера за взятіе какого-то аула. Я называю этихъ офицеровъ потому, что съ ними вмѣстѣ мнѣ довелось представляться Шамилю, и упомянутый георгіевскій крестъ поручика Орлова послужилъ поводомъ къ довольно непріятному случаю.

На второй же день моего свиданія съ шт.-капит. Руновскимъ, вечеромъ, вѣстовой принесъ мнѣ повѣстку, приглашающую прибыть на другой день, въ 11 часовъ утра, въ домъ Сухотина, на Одиогіевской улицѣ, для представленія Шамилю. Такія повѣстки получили и два вышеназванные офицера.

На другой день, одѣвшись въ парадную форму, мы, въ назначенный часъ, были уже на своемъ мѣстѣ. Насъ встрѣтилъ А. И. Руновскій и переводчикъ Грамовъ, одѣтые тоже въ эполетахъ и черкесахъ, при оружіи. Когда насъ ввели въ пріемную, во второмъ этажѣ дома, то тамъ оказалось еще нѣсколько офицеровъ, пріѣзжихъ въ Калугу. Мы чинно размѣстились на стульяхъ вокругъ низенькаго дивана пріемной, отдѣланной въ европейскомъ вкусѣ, и стали съ нетерпѣніемъ поглядывать на дверь, въ которую долженъ былъ войти бывшій грозный властитель Кавказа. Разговоръ между нами велся вполголоса. Руновскій и еще какой-то чрезвычайно блѣдный, высокій и смуглый офицеръ, лѣтъ 25-ти, безъ руки, тихо репетировали, такъ сказать, съ нами роли представленія, предупреждая, что Шамиль каждаго изъ насъ о чемъ-нибудь спроситъ, и мы должны отвѣчать коротко и ясно, не вдаваясь ни въ какое многословіе.

Наконецъ, мы услышали сильный скрипъ ступенекъ той небольшой деревянной лѣстницы, которая была вблизи входа въ пріемную... Мимо этой лѣстницы мы только что проходили, и намъ было объяснено, что она ведетъ въ верхній этажъ дома, гдѣ помѣщается семья Шамиля, т.-е. его двѣ жены и дѣти, и что онъ самъ находится, въ данное время, среди своей семьи. Мы поняли, что это спускается Шамиль, и встали съ своихъ мѣсть... Еще нѣсколько секундъ—и въ дверяхъ показалась высокая, атлетическая

фигура знаменитаго имама Кавказа... На видъ это былъ еще мощный и крѣпкій старикъ (Шамилю въ то время было 65 лѣтъ), но лицо его было болѣзненное и измученное на этотъ разъ, и онъ такъ тяжело и порывисто дышалъ, словно только что поднялся по лѣстницѣ вверхъ, а не спустился съ нея. Борода у него была большая, окладистая, лопатую, и вѣроятно сѣдая, но выкрашена персидскою хной въ темно-красный цвѣтъ; зеленые глаза подъ густыми насупленными бровями смотрѣли непривѣтливо и еще не утратили своего прежняго блеска; голова Шамиля была въ простой горской папахѣ, вокругъ которой была обмотана чалма изъ бѣлой и зеленой кисеи; одѣтъ онъ былъ въ нагольномъ коротенькомъ тулупѣ изъ бѣлыхъ овчинокъ, и тулупъ этотъ былъ разстегнутъ, и подъ нимъ виднѣлся простой, темнаго ситца, бешметъ; на ногахъ были мягкіе сафьянные сапоги съ мягкими же подошвами. Такъ просто было одѣяніе великаго Шамиля, врага всяческой роскоши и излишествъ!..

Шамиль остановился посреди комнаты и сказалъ намъ „селямъ“... Мы всѣ низко поклонились ему,—и затѣмъ шт.-капит. Руновскій сталъ представлять насъ, называя чинъ каждого офицера и фамилію; Шамиль протягивалъ руку, кивалъ головою и молча же переходилъ, по очереди, къ слѣдующему офицеру... Когда вся эта предварительная церемонія была окончена, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дивану и грузно опустился на него, сказавъ что-то по-татарски.

— Имамъ приглашаетъ васъ, господа, садиться!—быстро проговорилъ переводчикъ Грамовъ.

Мы тихо опустились на свои стулья,—и только тутъ я замѣтилъ, что вмѣстѣ съ Шамилемъ, въ пріемную вошли еще нѣсколько татаръ въ богатѣйшихъ черкесскихъ костюмахъ, съ дорогимъ оружіемъ за поясомъ и въ высокихъ папахахъ. Всѣ они чинно, неслышными шагами, прошли къ дивану, на которомъ сѣлъ Шамиль, и размѣстились, стоя, вдоль стѣны, по правую и по лѣвую сторону отъ своего повелителя. Всѣ эти рослые красавцы мюриды, между которыми, какъ оказалось послѣ, находились два сына имама и его зять, стояли не только безмолвно, но даже и не шевелясь, подобно статуямъ, съ скрещенными на груди руками и глазами, опущенными долу... Этого требовалъ восточный этикетъ и высокое положеніе Шамиля, какъ свѣтскаго владыки и, въ то же время, высшаго духовнаго лица.

Начался разговоръ, отрывочный, несвязный и малоинтересный. Шамиль, пристально глядя на офицера, предлагалъ какой-нибудь неважный вопросъ, переводчикъ быстро повторялъ этотъ вопросъ по-русски и, затѣмъ, передавалъ отвѣтъ по-татарски. Вопросы касались преимущественно самыхъ ординарныхъ вещей: гдѣ стоитъ вашъ полкъ?—какими особенностями отли-

чается мѣсто стоянки?—черезъ какіе города вы ѣхали?—и т. под. Если Шамиль видѣлъ на офицерѣ какой-нибудь орденъ съ мечами, то спрашивалъ—за какое дѣло полученъ былъ этотъ орденъ? Отвѣты наши были, по бѣльшей части, удачные, такъ какъ Руновскій предварилъ насъ о характерѣ вопросовъ.

Когда дошла очередь до меня, то я сказала, что пріѣхалъ изъ Чембара, за 1.000 верстъ, и что мнѣ многіе товарищи завидовали, что я ѣду въ городъ, гдѣ увижу его, имама... Шамиль, когда Грамовъ перевелъ ему мой отвѣтъ, слегка качнулъ головою впередъ и какъ-то странно и грустно улыбнулся...

— А чѣмъ отличается Чембаръ? — спросилъ онъ, — Я отвѣтилъ, что въ 12 верстахъ отъ этого города находится могила Лермонтова, знаменитаго поэта, бывшаго кавказскаго офицера.

— Я о немъ слышалъ, онъ описывалъ Кавказъ,—сказалъ Шамиль.

Дошла очередь до поручика Орлова. Узнавъ, какого онъ полка и что онъ долгое время служилъ на Кавказѣ, Шамиль спросилъ, въ какомъ дѣлѣ онъ получилъ свой георгіевскій крестъ.

Орловъ отвѣтилъ:

— За штурмъ аула Китури, когда былъ взятъ въ плѣнъ наибъ Хаджи-Магометъ.

Но едва только переводчикъ успѣлъ передать Шамилю отвѣтъ, какъ этотъ усталый и флегматичный съ виду старикъ мгновенно выпрямилъ свой сутоловатый согнутый станъ, брови его нахмурились, а глаза блеснули недобрымъ свѣтомъ. Въ то же время шевельнулась и вся его свита, которая до того стояла манекенами. Руновскій поблѣднѣлъ и завертѣлся на своемъ мѣстѣ. Мы все поняли, что произошло что-то особенное, непріятное. Вдругъ Шамиль быстро проговорилъ, два раза подъ-рядъ, какую-то фразу, въ которой упоминалось имя того же Хаджи-Магомета, оказавшаго, какъ объяснилось послѣ, отчаянное сопротивленіе (въ августѣ 1858 года) нашему отряду, которымъ командовалъ генералъ-лейтенантъ баронъ Вревскій, раненый въ этомъ дѣлѣ двумя пулями, отъ которыхъ вскорѣ и умеръ.

— Имамъ говоритъ, что Хаджи-Магометъ былъ взятъ въ плѣнъ мертвымъ,—проговорилъ сконфуженный Грамовъ. А между тѣмъ Шамиль, все еще хмурый и видимо недовольный, поднялся съ своего мѣста; это означало, что наша аудіенція была окончена, и мы стали откланиваться.

Едва только мы спустились въ нижній этажъ, какъ Руновскій накинулся на сконфуженнаго Орлова:

— Что вы надѣлили!?! какъ можно было говорить Шамилю такіа вещи!.. и пр.

Орловъ оправдывался, ссылаясь на официальную реляцію о дѣлѣ подѣ Китури, въ которой Хаджи-Магометъ былъ показанъ „взятымъ въ плѣнъ“... и что лишь на другой день послѣ битвы было отправлено дополнительное донесеніе, въ которомъ сообщалось, что плѣнный наибъ „умеръ отъ ранъ“...

Въ дѣйствительности же было такъ, какъ говорилъ Шамиль: то-есть Хаджи-Магометъ былъ найденъ мертвымъ въ башнѣ, въ которой онъ защищался до послѣдняго издыханія, получивъ множество ранъ. А для того, чтобы реляція казалась пышнѣе и побѣдоноснѣе, въ ней начальство немножко прихвастнуло, упомянувъ о такомъ трофеѣ, какъ „плѣнный“ предводитель племени, въ расчетѣ, конечно, на болѣе щедрыя награды за дѣло.

Такъ неловко закончилось наше представленіе Шамилю. Вскорѣ мнѣ довелось увидѣть этого знаменитаго плѣнника еще нѣсколько разъ—одинъ разъ на вечерѣ, въ домѣ полковника Еропкина, а два раза въ залѣ дворянскаго собранія на прореходившихъ въ то время дворянскихъ выборахъ.

II.

Вечеръ у полковника Еропкина съ Шамилемъ. — Мазурка. — Сыновья Шамиля: Кази-Магометъ и Магометъ-Шеффи.—Мюридъ Хаджію и Абдурахимъ.—Представленіе Шамилю бывшихъ плѣнныхъ солдатъ.—Калужскіе нищіе.—Посѣщеніе Шамилемъ дворянскихъ выборовъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ представленія Шамилю, я былъ приглашенъ къ полковнику Еропкину на вечеръ, „къ пяти часамъ“. Я былъ очень удивленъ такимъ раннимъ часомъ, но, тѣмъ не менѣе, постарался пріѣхать къ этому именно часу. Оказалось, что на вечеръ долженъ былъ пріѣхать и Шамиль; а такъ какъ онъ ложился зимою, обыкновенно, не позже восьми часовъ, то всѣхъ гостей и пригласили къ пяти.

Это былъ, какъ я узналъ, *первый* еще выѣздъ Шамиля въ частный домъ въ Калугѣ, да и вообще въ Россію; въ Петербургѣ плѣнный имамъ бывалъ лишь во дворцахъ, а собственно „въ гости“ ни къ кому не ѣздилъ.

Я засталъ у гостепріимнаго хозяина большое общество, преимущественно изъ военныхъ и ихъ женъ. Хотя это былъ простой „вечеръ“, но дамы были почему-то одѣты по бальному и декольтированы. Было нѣсколько очень красивыхъ дамъ и дѣвицъ.

Въ шестомъ часу въ комнатахъ произошло замѣтное движеніе: дали знать, что Шамиль подѣхалъ къ крыльцу, и хозяева направились въ переднюю встрѣчать его. Вскорѣ, дѣйствительно, въ залу вошелъ Шамиль: онъ шелъ тою же тихою и грузною походкою и такъ же тяжело и прерывисто дышалъ; но одѣтъ онъ былъ совсѣмъ уже иначе: взамѣнъ наголь-

наго полушубка, на немъ была темнокофейнаго сукна черкеска съ патронами на груди (гозыри), на поясѣ надѣтъ былъ кинжалъ въ ножнахъ, отдѣланныхъ, впрочемъ, не въ золото, какъ, напримѣръ, у его мюрда Хаджіо, а въ серебро; на головѣ тоже была болѣе нарядная чалма. Онъ проведенъ былъ хозяиномъ дома въ гостиную и сѣлъ на диванѣ. Съ нимъ вмѣстѣ вошли въ гостиную два сына, два зятя и нѣсколько мюридовъ, но никто изъ нихъ не осмѣлился сѣсть въ присутствіи плама, и все они смиренно стали по правую и по лѣвую сторону дивана, у стѣны—точь-въ-точь такъ, какъ стояли въ домѣ Сухотина, когда мы представлялись Шамилю. Руновскій и Грамовъ находились тутъ же неотлучно—первый въ качествѣ пристава, второй какъ переводчикъ. Хозяйка дома, ея старшая дочь и нѣсколько дамъ находились также въ гостиной, куда вскорѣ былъ поданъ чай, фрукты и разныя сласти. О чемъ былъ разговоръ въ гостиной—этого я не могъ знать, такъ какъ мы, т.-е. молодежь обоюго пола, находились въ большой залѣ и, по окончаніи чая, должны были сейчасъ же начать танцевать; мнѣ было извѣстно лишь, что Шамиль былъ очень изумленъ присутствіемъ на вечерѣ особъ прекраснаго пола не только съ открытыми лицами, т.-е. безъ чадръ, но даже съ весьма оголенными плечами. Ранѣе онъ видѣлъ такіе откровенные женскіе костюмы лишь въ театрахъ и полагалъ, что *тамъ*, въ общественныхъ мѣстахъ, это допустимо еще кое-какъ, но та же откровенность дамскихъ платьевъ въ частномъ домѣ его, видимо, ошеломила.

Онъ что-то спросилъ Грамова, и Грамовъ ему что-то отвѣтилъ, но, видимо, сконфуженный. Когда Еропкиня спросилъ потомъ переводчика, въ чемъ дѣло, то Грамовъ (молодой свѣтскій человекъ и большой волокита) сказалъ: „Шамиль хотѣлъ знать: не холодно ли дамамъ?..“

Затѣмъ онъ спросилъ у Еропкина, есть ли у него меньшія дѣти, и пожелалъ ихъ видѣть. Когда дѣти подошли, то онъ долго ласкать ихъ и не отпускалъ отъ себя до тѣхъ поръ, пока начались танцы.

Танцы начались обычнымъ вальсомъ. Затѣмъ стали танцевать только что вошедшее тогда въ моду лансье. Шамиль вышелъ въ залу, сѣлъ на стулъ и глядѣлъ на танцующихъ. Еропкиня спросилъ его о впечатлѣніи, производимомъ на него танцами,—и онъ отвѣтилъ, что удивляется свободному обращенію между собою двухъ половъ, что *у нихъ* этого нельзя; а относительно танцевъ сказалъ прямо, что *эти* танцы ему не нравятся. Хотѣли было танцевать лизгинку, такъ какъ нашелся умѣющій офицеръ, но на бѣду оказалось, что ни одна изъ дамъ не умѣла танцевать этотъ національный кавказскій танецъ,—и тогда рѣшили начать прямо мазурку. Хотя всей музыки былъ лишь рояль и скрипка,—такъ какъ это былъ собственно не балъ, а просто званый вечеръ,—но едва только раздалась по

залѣ увлекательные и торжественные звуки Глипки, какъ Шамиль ожилъ, качнулъ нѣсколько разъ въ тактъ головою и насторожился. Когда начался танецъ, полной граціи и пластикки,—Шамиль пришелъ въ окончательный восторгъ: онъ улыбался, взглядывалъ то на Еропкина, то на Руновскаго, и знаками выражалъ имъ свое полное удовольствіе отъ мазурки.

Болѣе часу смотрѣлъ Шамиль на танцующихъ; затѣмъ поднялся съ своего мѣста и сталъ прощаться. Съ нимъ вмѣстѣ уѣхалъ съ вечера одинъ его старшій сынъ Казн-Магометъ—угрюмый, неразговорчивый и некрасивый горецъ, по внѣшности мало похожій на отца: лишь такой же широкоплечій и высокій и немного сутуловатый; онъ былъ по виду лѣтъ 35, но почему-то безъ всякой растительности на лицѣ, которое онъ, повидимому, брилъ; лицо у него было длинное, глаза узкіе и маленькіе и крайне непріятные.

Съ ихъ отѣздомъ быстро измѣнился весь характеръ вечера: все оживилось, развернулось и стало непринужденно веселиться. Дамы тотчасъ же овладѣли горцами, изъ коихъ двое особенно привлекали на себя ихъ благосклонное вниманіе: первый былъ Магометъ-Шеффи, младшій сынъ Шамиля, имѣвшій въ то время всего 15 лѣтъ; онъ ростомъ былъ пониже брата и такой же здоровенный и крѣпкій юноша, но во всемъ остальномъ несхожій съ братомъ: чрезвычайно красивый, съ чисто женственнымъ лицомъ, очень разговорчивый и веселый, онъ старательно учился говорить по-русски, въ противоположность брату, который наотрѣзъ отказался учиться нашему языку.

Второй горецъ, полюбившійся калужскимъ молодымъ дамамъ того времени, былъ лыбимый мюридъ Шамиля, по имени Хаджію—красавецъ собой, типичнѣйшій представитель кавказскаго племени: бѣлоснѣжное лицо, обрамленное изящною, черною, небольшою бородою, черные блестящіе глаза и длинныя рѣсницы, строгій профиль, алый ротъ, жемчужные зубы, маленькая женская рука, средній ростъ и большая физическая сила; на немъ былъ шелковый бешметъ, дорогого сукна черкеска, рѣдкое оружіе—шашка и кинжалъ,—отдѣланное въ золото съ чернью; онъ имѣлъ страстное желаніе не только научиться говорить по-русски, но и танцевать; у него были манеры, полныя почти женственной граціи, постоянная улыбка на лицѣ и со всѣми привѣтливость и любезность—поскольку, конечно, это было возможно при его познаніяхъ въ русскомъ языкѣ. Таковъ былъ мюридъ Хаджію. За Шамилемъ въ ссылку онъ отправился съ Кавказа добровольно и былъ своему великому повелителю самымъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою, другомъ и въ то же время казначеемъ.

На томъ же вечерѣ обращалъ на себя вниманіе зять Шамиля—Абдуррахимъ, женатый на второй его дочери Фатиматѣ: онъ, подобно Хаджію,

настолько быстро усвоилъ пониманіе русскаго языка, что могъ уже, съ грѣхомъ пополамъ, разговаривать. Всѣ эти успѣхи онъ и Хаджію сдѣлали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ Калугѣ. На своемъ же языкѣ, по-черкесски, они свободно разговаривали съ тѣми казанскими татарами, солдатами калужскаго гарнизона, которые были отряжены къ Шамилю для постоянныхъ услугъ въ домѣ, въ качествѣ дворниковъ, истопниковъ *), конюховъ и проч.; оказывалось, что казанское нарѣчіе было очень схоже съ азербейджанскимъ, на которомъ говорили горцы,—и это значительно облегчало положеніе плѣнниковъ и ихъ сношенія съ мужскою прислугою. Интересно еще слѣдующее обстоятельство: по прїѣздѣ Шамиля въ Калугу, къ нему, какъ мнѣ рассказывали, явилось пять человѣкъ оставшихъ солдатъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, побывавшихъ когда-то въ плѣну у горцевъ. Когда они явились на дворъ дома, гдѣ проживалъ Шамиль, то Руновскій спросилъ ихъ, что именно нужно имъ и съ какою цѣлью они желаютъ предѣлаться?

— Мы желаемъ, ваше благородіе, явиться къ нашему бывшему *хозяину*,—отвѣчали солдатики, и ихъ, конечно, допустили, и Шамиль былъ очень доволенъ, что бывшіе плѣнники вспомнили о немъ, и надѣлилъ ихъ серебряными рублями.

Вообще, Шамиль не зналъ счету деньгамъ—правильнѣе, цѣны имъ,—чѣмъ и приводилъ въ величайшее отчаяніе своего казначея Хаджію, вѣдавшего всѣ расходы по дому, гдѣ жили знаменитые плѣнники. Калужскіе нищіе прежде всѣхъ провѣдали объ этой сторонѣ характера имама, и про-
ставвали иногда по цѣлымъ днямъ за углами сосѣднихъ домовъ, карауля какъ самого Шамиля, такъ и лицъ его свиты—сыновей, зятьевъ и мюридовъ,—когда они выходили на улицу, чтобы пройтись. Шамиль обыкновенно подавалъ имъ тѣ монеты, которыя были въ данное время въ его карманѣ—были ли то рубли, полтинники или гривенники,—безразлично. Хорошо еще, что золото стало уже исчезать тогда изъ обращенія: бумажекъ же татары не долюбивали и избѣгали имѣть ихъ.

— Какъ я могу подать нищему одну или двѣ копейки,—говорилъ Шамиль:—а вдругъ случится, что ему *въ тотъ день* никто болѣе не подастъ?!.. чѣмъ же онъ будетъ сытъ?..

И только спустя нѣсколько мѣсяцевъ Руновскому удалось, наконецъ, убѣдить и Шамиля, и его ближайшихъ родственниковъ, что они дѣлаютъ довольно сомнительное добро, подавая серебряныя монеты калужскимъ нищимъ.

*) Эти истопники, когда приходилось топить печи, находившіяся на женской половинѣ, приносили дрова лишь къ дверямъ комнатъ,—и тогда эти дрова брались особыми рабынями, которыхъ дамы Шамиля привезли съ собою съ Кавказа.

— Вы помогаете *злону* дѣлу, помогаете *грѣху*,— объяснилъ имъ Руновскій:—на вашу милостыню эти люди напиваются пьяны и потомъ дерутся и буйствуютъ и не хотятъ уже трудиться...

Шамиль былъ очень опечаленъ, когда увидѣлъ, что онъ, вмѣсто желаемого добра, творилъ зло, и съ того времени сталъ подавать милостыню лишь старикамъ и старухамъ.

Въ ту зиму въ Калугѣ не было никакого театра, а между тѣмъ изъ Петербурга шли инструкціи о томъ, чтобы Шамиль не скучалъ и чтобы, по возможности, его развлекали. Въ то время происходили въ Калугѣ дворянскіе выборы, повторяшіеся, обыкновенно, черезъ каждые три года. Шамилю предложили посѣтить эти выборы, и онъ согласился. Намъ, пріѣзжимъ офицерамъ, сказали объ этомъ, и мы, надѣвъ мундпы, отправились въ собраніе.

Мы застали Шамиля и всю его свиту уже въ залѣ собранія. Шамиль сидѣлъ, поджавъ по восточному ногги, на эстрадѣ или на небольшомъ возвышеніи отъ полу, на которомъ помѣщался громадный, въ натуральную величину, портретъ государя; по обѣимъ сторонамъ отъ него, какъ и прежде, стояли, не шевелясь, его сыновья, зятья и мюриды. Иногда кто-нибудь изъ присутствующихъ на баллотированіи дворянъ подходилъ къ нему и, при помощи переводчика, обмѣнивался нѣсколькими фразами; это позволяли себѣ исключительно тѣ заслуженные военные, которые уже ранѣе были гдѣ-нибудь ему представлены. Затѣмъ Шамиль поднялся съ мѣста и, величаво пройдя всю залу, уфхалъ изъ собранія. Свита же его осталась и тотчасъ же раздѣлилась на двѣ половины: Магометь-Шеффи и Хаджіо направилсь прямо на хоры, къ барынямъ, а остальные принялись разгуливать по заламъ и стали курить табакъ, чего отнюдь не смѣли дѣлать въ присутствіи Шамиля, который и самъ не курилъ, и имъ не позволялъ, находя это „роскошью“, съ которой суровые вонны горъ не должны быть знакомы.

III.

Клубъ въ Калугѣ.—Шамиль на вечеръ дворянства въ клубъ. — Судьба Шамиля и его сыновей.—Ученіе мюридизма. — Знакомство Шамиля съ губернскимъ предводителемъ дворянства Щукинымъ.—Снятіе фотографій съ черкешенокъ. — Исторія съ брилліантами женъ Шамиля. — Красота Керимать, жены Кази-Магомы.

Однажды, когда въ клубѣ устроенъ былъ какой-то торжественный вечеръ, даваемый дворянами избранному вновь на трехлѣтіе губернскому предводителю Щукину, и предположены были танцы, Шамиль явился въ

клубъ въ сопровожденіи своей свиты, и по случаю его посѣщенія, и помню, мазурку начали танцовать тотчасъ же послѣ перваго контрданса. Такъ какъ музыку оркестровъ вообще Шамиль почему-то не долюблялъ *), то мазурку танцовали, какъ и у Еропкина, подъ звуки рояля, инструмента, очень нравившагося Шамилю. Болѣе часу смотрѣлъ я на танцующія въ мазуркѣ пары и, обратясь къ Руновскому, сказалъ:

— Это лучше, чѣмъ балетъ, который я видѣлъ въ Петербургѣ; тамъ почти голыя танцуютъ.

Въ виду того обстоятельства, что Шамиль сталъ изъявлять любовь къ музыкѣ, Руновскій написалъ объ этомъ въ Петербургѣ, к оттуда присланъ былъ въ Калугу, въ даръ Шамилю, большой органъ, на которомъ онъ потомъ и игралъ съ величайшимъ удовольствіемъ самъ и часто открывалъ его, стараясь изучить и постигнуть секретъ его внутренняго механизма...

Впослѣдствіи, когда, случалось, Шамиль посѣщалъ частные дома своихъ калужскихъ знакомыхъ и если только видѣлъ въ залѣ рояль, то прежде всего спрашивалъ—умѣетъ ли кто-нибудь на немъ играть?—и такъ какъ отвѣтъ получался всегда утвердительный, то гость просилъ сыграть ему что-нибудь, и хозяева спѣшили исполнить его желаніе. При этомъ было принято избѣгать играть марши и все то, что можетъ ихъ напоминать, даже, напр., и извѣстный маршъ изъ „Фауста“ или „Славься“ изъ „Жизни за царя“.

Но не всѣ желанія Шамиля могли быть исполнимы. Такъ, напр., во время моего пребыванія въ Калугѣ, онъ изъявилъ Руновскому желаніе видѣть наше богослуженіе въ самомъ храмѣ и именно архіерейское, торжественное. Начались переговоры: Руновскій далъ знать въ Петербургѣ, поѣхалъ къ мѣстному архіерею; но ничего изъ этого не вышло: архіерей, соглашаясь, чтобы Шамиль въ храмѣ сидѣлъ, выразилъ неперемѣнное условіе, чтобы онъ снялъ съ головы папаху, а имамъ никакъ не соглашался подчиниться этому условію, въ силу обычая мусульманъ ходить вездѣ съ покрытою головою, и дѣло это не состоялось.

Въ заключеніе о жизни Шамиля и его семейства въ Калугѣ, въ то время, т.-е. въ началѣ 1860 года, нахожу интереснымъ сообщить еще нѣсколько свѣдѣній, которыя мнѣ довелось слышать тогда и узнать послѣ, во второй мой пріѣздъ въ Калугу, спустя годъ, по тому же казенному порученію.

*) Музыка эта, какъ говорили, напоминала Шамилю побѣдные марши русскихъ войскъ въ Венгъ и Гуннбъ, гдѣ была похоронена его власть и военная слава

Всего именитыхъ плѣнныхъ горцевъ, считая въ томъ числѣ женщинъ, проживало въ то время въ Калугѣ 22 человѣка. При Шамилѣ, какъ я упоминалъ, жили два его сына; старшій изъ нихъ, Кази-Магометъ, прибылъ въ Калугу нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ отца, и на одномъ изъ собраній у полковника Еропкина усердно благодарилъ представителей высшего калужскаго общества за вниманіе и ласки къ своему престарѣлому отцу и общалъ „заслужить за это вдвойнѣ — и за себя, и за отца“. И дѣйствительно „заслужилъ“ въ минувшую турецкую войну 1877 года, когда, состоя на службѣ въ Турціи въ чинѣ дивизіоннаго генерала, онъ обложилъ Баязеть и морилъ голодомъ, принуждая къ сдачѣ несчастный гарнизонъ этой маленькой крѣпости, находившійся, въ концѣ осады, подъ начальствомъ доблестнаго капитана Штоквича. Еще во времена владычества его отца на Кавказѣ, его хотѣли сдѣлать имамомъ за его выдающіяся военныя способности, которыя онъ проявилъ главнымъ образомъ во время своего знаменитаго по удачѣ набѣга на Кахетію въ 1854 году, когда горцамъ удалось разграбить и сжечь богатѣйшее имѣніе князя Чавчавадзе Цинондалы и захватить въ плѣнъ семейства какъ самого генерала Чавчавадзе, такъ и умершаго князя Орбеліани *).

Кромѣ сыновей, при Шамилѣ находились и его зятья, изъ коихъ я запомнилъ лишь одного, Абдуррахима, потому что онъ зналъ много русскихъ словъ, а когда я пріѣхалъ годъ спустя, то онъ и мюриды Хаджіо могли уже говорить по-русски нѣлыя фразы, а Хаджіо сталъ уже брить голову очень рѣдко, душилсѣ, курилъ табакъ, а на пальцахъ носилъ золотыя колечки—сувениры калужскихъ дамъ, которыя *сами* за нимъ ухаживали, и не безъ успѣха... Это былъ единственный горецъ изъ всей свиты Шамиля, имѣвшій въ Калугѣ любовныя приключенія, благодаря прежде всего, конечно, отважности самихъ дамъ, бросавшихся прямо на шею Хаджіо...

Младшій сынъ Шамиля поступилъ впоследствии въ ряды русской арміи, дослужился до чина генералъ-майора и, здравствуетъ и понынѣ, проживая въ одной изъ приволжскихъ губерній. Когда, въ 1865 году, ему поручено было съѣздить на Кавказъ и выбрать въ татарскій эскадронъ (конвойный) джигитовъ, то горцы изъ Чечни и Дагестана, какъ только узнали, что *сынъ Шамиля* прибылъ на Кавказъ, съѣзжались со всѣхъ сторонъ.

*) Впоследствии, обѣ плѣнныя княгини были возвращены намъ горцами въ обмѣнъ на старшаго сына Шамиля Джемалалдина, находившагося у насъ въ качествѣ заложника еще съ дѣтства, воспитавывшагося въ 1-омъ кадетскомъ корпусѣ и уже служившаго офицеромъ въ одномъ изъ уланскихъ полковъ. Этотъ несчастный юноша недолго прожилъ въ горахъ: привыкшій уже къ комфорту и советамъ инымъ условіямъ жизни, онъ зачахъ и вскоре умеръ.

чтобы только взглянуть на него и убедиться, что онъ живъ и служить русскому царю... Магометъ-Шеффи остался вѣрнымъ разъ принятой имъ присягѣ, и ему вельдствие этого пришлось, кажется, порвать родственныя связи съ братомъ, направившимся по иному пути.

Самъ Шамилъ, какъ извѣстно, присутствовалъ въ 1866 году на свадьбѣ цесаревича Александра Александровича въ Петербургѣ, гдѣ и произнесъ на арабскомъ языкѣ свою знаменитую рѣчь, окончивавшуюся словами: „Да будетъ извѣстно всѣмъ и каждому, что старый Шамилъ наклонѣ дней своихъ жалѣеть о томъ, что онъ не можетъ родиться еще разъ, дабы посвятить свою жизнь на служеніе бѣлому царю, благодѣянїями котораго онъ теперь пользуется!..“

Извѣстно, что вскорѣ послѣ этого покойный государь Александръ Николаевичъ отпустилъ Шамиля, которому было въ то время 72 года, „на честное слово“, на богомоленіе въ Мекку, что, когда старый имамъ, остановившись по дорогѣ въ Константинополь, ходилъ по улицамъ этого города, то турки всѣхъ возрастовъ, состояній и половъ падали передъ нимъ, въ знакъ величайшаго благоговѣнїя, ницъ и лежали распростертыя на землѣ все время, пока проходилъ мимо ихъ этотъ замѣчательный человекъ—духовный глава мюридизма и воинъ, провоевавшій почти 25 лѣтъ съ тою самою Россїей, которая, обыкновенно, разбивала этихъ турокъ наголову.

Здѣсь, кстати, слѣдуетъ сказать хотя нѣсколько словъ о томъ ученїи, во главѣ котораго стоялъ Шамилъ и которымъ онъ былъ такъ силенъ. *Мюридизмъ* не заключалъ въ себѣ особыхъ богословскихъ догматовъ, отличающихъ его отъ общаго магометанскаго ученїя; напротивъ, онъ открыто проповѣдывалъ *согласіе и единство шиитовъ и сунитовъ*, чтобы они, въ виду общаго врага, христіанства, забыли свою взаимную нетерпимость и домашніе споры и содннились воедино.

Въ Калугѣ было одно высокопоставленное лицо, къ которому старый Шамилъ былъ особенно расположенъ,—это былъ губернскій предводитель дворянства Щукинъ. Причины особенной симпатїи бывшаго кавказскаго владыки къ этому почтенному человѣку заключались въ томъ, что сынъ г. Щукина и старшій сынъ Шамиля, Джемалалдинъ, воспитывавшійся въ Россїи, не только служили въ одномъ уланскомъ полку, но были еще и очень дружны между собою. Вотъ это обстоятельство, въ связи съ тою любовью, которую имѣлъ Шамилъ къ своему, такъ безвременно умершему сыну, а равно и съ тѣмъ уваженїемъ, которое внушала къ себѣ самая личность Щукина, и были причиною, что Шамилъ сталъ открыто выра-

жать свое особенное расположеніе къ предводителю калужскаго дворянства и даже пожелалъ присутствовать въ дворянскомъ собраніи еще разъ— именно въ послѣдній день выборовъ, когда дворяне должны были избрать губернскаго предводителя, на каковую должность вновь баллотировался Щукинъ. Шамиль, какъ рассказывали, очень волновался и беспокоился за участь своего „кунака“, чтобы его не забаллотировали, и былъ чрезвычайно доволенъ, когда, по подсчету бѣлыхъ шаровъ, Щукинъ оказался избраннымъ и привѣтствуемъ громкими криками одобренія со стороны дворянъ.

Но эта же пріязнь Шамиля къ отцу друга и товарища его покойнаго сына послужила поводомъ къ нѣкоторому огорченію для имама. Все дѣло вышло изъ-за фотографіи. Семейство Щукина, т.-е. дамы, познакомившись съ дамами семейства Шамиля, подарили имъ свои фотографическіе портреты и пожелали, конечно, получить взаменъ *ихъ* фотографіи. Но это, по мусульманскому обычаю, оказалось невозможнымъ, такъ какъ мужчина не долженъ видѣть лицъ женъ и дочерей у магометанъ, исключая самыхъ близкихъ родныхъ—отца, мужа, братьевъ. А между тѣмъ, фотографіи „дамъ“ семейства Шамиля желали имѣть въ Петербургѣ многія великія княгини, и это дѣло надо было, во что бы ни стало, устроить. И вотъ, приставъ Шамиля, А. И. Руновскій, переговариваясь съ фотографами, придумалъ слѣдующій компромиссъ: снимать взялась жена одного изъ калужскихъ же фотографовъ... Шамиль, бывший вообще противъ снятія и ставившій ранѣе главнымъ препятствіемъ магометанскій законъ, долженъ былъ, скрѣпя сердце, согласиться, и такимъ образомъ, были сняты обѣ жены имама, двѣ его снохи и одна замужня дочь, жена Абдурахима.

Но наканунѣ дня, назначеннаго для снятія фотографіи, въ семействѣ великаго имама произошла маленькая драматическая сцена, во время которой было пролито не мало слезъ любимую и преданною женою Шамиля—Шуаннатъ (или Шуаннетъ), плѣнною христіанкою, обращенною потомъ въ мусульманство. Дѣло въ томъ, что для фотографіи слѣдовало, конечно, одѣться понаряднѣе, и по этой части дамы Шамиля имѣли все необходимое; но имъ хотѣлось имѣть на себѣ, во время снятія портретовъ, еще и брилліанты... И вотъ одна изъ супруговъ, Зейдатъ, имѣла эти брилліанты, а Шуаннатъ—нѣтъ; то-есть брилліанты эти, отобранные горцами отъ плѣнныхъ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани и доставшіеся женамъ Шамиля, были впоследствии, во время взятія Гунба русскими войсками, въ 1859 году, разграблены самими же приверженцами Шамиля во время всеобщей паники и суматохи въ конакѣ имама. Но хитроумная Зейдатъ, предвидя неизбежный погромъ, сумѣла припрятать принадлежащія ей драгоценности въ платьѣ и шальвары, которыя въ тотъ роковой день на себя надѣла, а преданная и любящая Шуаннатъ была занята лишь судьбою

мужа и готовилась раздѣлить съ нимъ его участь, т.-е. смерть, каковую легко можно было ожидать *), и не позаботилась о своихъ сокровищахъ, которыя и исчезли... И вотъ, теперь, узнавъ, что Зейдатъ хочетъ сниматься въ брилліантахъ, Шауннатъ стала горько плакать, а затѣмъ, излила свою печаль не только передъ мужемъ, но, при посредствѣ Хаджію, и передъ приставомъ Руновскимъ... Не помню, чѣмъ кончилась тогда эта исторія, но что фотографія со всѣхъ „дамъ“ семейства имама была снята— это я знаю навѣрное и, по всей вѣроятности, портреты эти сохраняются въ семьѣ гг. Щукиныхъ и по настоящее время. Особенною красотою на этихъ фотографіяхъ выдѣлялась черкешенка Кериматъ, жена Кази-Магомы, старшаго сына Шамиля, которая, спустя два года, — въ маѣ 1862 года — умерла въ Калугѣ, отъ переменъ климата, всего 25 лѣтъ отъ роду. Она была красоты поразительной, — и суровый мужъ ея не имѣлъ даже, при ея жизни, другихъ женъ, какъ это позволялъ ему законъ, его богатство и положеніе.

IV.

Какъ жилось горцамъ въ Калугѣ. — Лошади, подаренныя государемъ Шамилю. — Покушеніе на кражу этихъ лошадей. — Рѣшеніе горцевъ перестрѣлять воровъ. — „Кавказъ — въ Калугѣ“. — Встрѣча съ Шамилемъ годъ спустя. — Тоска по родинѣ у горцевъ. — Любовь Шамиля къ дѣтямъ. — Открытіе старыхъ ранъ у Шамиля. — Мюридъ Хаджію цивилизуется.

Въ общемъ, Шамилю, его семьѣ и свитѣ жилось въ Калугѣ недурно: они получали отъ щедротъ государя болѣе чѣмъ достаточное для нихъ содержаніе; имъ отведенъ былъ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Калугѣ, данъ многочисленный штатъ прислуги, они пользовались полнѣйшею свободою въ Калугѣ, всѣ ихъ самонадѣйшія желанія были немедленно исполняемы, самъ Шамиль пользовался полнѣйшимъ почетомъ и всѣми внѣшними знаками уваженія, приличествующими лишь коронованнымъ особамъ и пр.; въ одномъ лишь стѣснены были эти именитые горцы — съ нихъ было взято слово, что они не сдѣлаютъ попытокъ къ бѣгству и, вообще, не перейдутъ за городскую черту Калуги.

Заботливость императора Александра II о знаменитыхъ плѣнникахъ доходила до того, что онъ требовалъ иногда къ себѣ подлинныя донесенія

*) Шамиль не разъ говорилъ потомъ (послѣ взятія его въ Гунибъ): „Я, сдаваясь, исполнялъ лишь желаніе моихъ женъ и дѣтей; самъ же я рѣшилъ заколоться тотчасъ же, какъ только кн. Барятинскій оскорбилъ бы меня хотя чѣмъ-нибудь“...

Руновскаго. Прочитавъ однажды въ этихъ донесеніяхъ, что Шамиль вздыхаетъ о томъ, что у него нѣтъ лошадей, государь тотчасъ послать ему въ подарокъ четырехъ прекрасныхъ коней—пару для выѣзда и пару верховыхъ. Съ этими лошадьми вышла потомъ слѣдующая интересная исторія: калужскіе конокрады едва ихъ не увели; была уже проломана стѣна конюшни, выходящая въ садъ, и лишь простая случайность—дай маленькой собачонки, принадлежавшей истопнику—помѣшала этой дерзкой кражѣ. Шамиль долго потомъ не могъ переварить въ своихъ понятіяхъ этого казуса, что у него осмѣливались увести лошадей, подаренныхъ ему самимъ государемъ, и раза два спрашивалъ Руновскаго, пойманы ли воры и повѣшены ли они... А когда узналъ, наконецъ, что воровъ не нашли и что ихъ, если и найдутъ, то никоимъ образомъ не повѣсятъ, распорядился учредить ночной караулъ, и въ первую ночь отправился сторожить лошадей его зять, мюридъ Абдуррахимъ, съ винтовкою, заряженною пулею, и съ рѣшительнымъ намѣреніемъ перестрѣлять конокрадovъ, если они появятся... Едва-едва потомъ убѣдили горцевъ, что у насъ это „не полагается“...

Слѣдуетъ еще сказать, что всѣ эти горцы, съ Шамилемъ во главѣ, были чрезвычайно признательны и благодарны за оказываемыя имъ милости и вниманіе. Шамиль, напримѣръ, будучи еще въ Петербургѣ (по пути въ Калугу), просилъ своего перваго пристава, полковника Богословскаго, передать его признательность публикѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Скажите имъ, что вниманіе ихъ дѣлаетъ меня вполне счастливымъ и доставляетъ такое удовольствіе, какого я не испытывалъ при полученіи извѣстія объ очищеніи Дарго въ 45 году и какого не доставляли мнѣ даже успѣхи въ 43 году, въ Дагестанѣ“... Въ самой Калугѣ Шамиль не разъ, шутя, конечно, говорилъ окружающимъ его русскимъ лицамъ: „Если бы я зналъ, что мнѣ здѣсь будетъ такъ хорошо, я бы давно самъ убѣжалъ изъ Дагестана!“ Когда, однажды, высокопочтенный „кунакъ“ его, Щукинъ, спросилъ его, желалъ ли бы онъ вернуться на Кавказъ, то Шамиль, вздохнувъ, отвѣтилъ: „Зачѣмъ?! Теперь Кавказъ—въ Калугѣ“...

И дѣйствительно: здѣсь жило, такъ сказать, все *правительство* Кавказа—семья Шамиля, то-есть онъ самъ, двѣ его жены *) и его дочери

*) У Шамиля ранѣе была еще третья жена, Амминатъ, самая юная, красивая и веселая изъ его женъ: но она подверглась немилости и была удалена Шамилемъ за свои, иногда остроумныя и ядовитыя, шутки противъ самой вліятельной и злобой жены имама, старой Зейдатъ, оказавшейся все еще очень опасной соперницей, вслѣдствіе долголѣтней привычки, связывавшей съ мужемъ эту женщину, дочь Джемалалдина, бывшаго воспитателя Шамиля.

отъ Шауннатъ; затѣмъ жили двѣ отдѣльныя семьи его двухъ сыновей, два его зятя, женатыя на его дочеряхъ, мюридь Хаджію — словомъ, всѣ тѣ, которые ранѣ держали въ своихъ рукахъ судьбу Кавказа и все его разноплеменное, воинственное населеніе.

— Какой я теперь *имамъ!*—говорилъ иногда, вздыхая, этотъ плѣнный левъ и подписывался: „*рабъ Божій Шамиль*“; жена же его любимая, Шауннатъ, подписывалась такъ: „*жена бѣднаго странника Шамуля*“...

Когда я, годъ спустя, въ январѣ 1861 года, пріѣхалъ въ Калугу во второй разъ, семья Шамиля, его родные и свита жили попрежнему въ Калугѣ, но, судя по разсказамъ, тоска по роднѣмъ началась уже томить этихъ богатырей кавказскихъ горъ: мужчины становились менѣ общительны и болѣе мрачны, а женщины таяли, какъ воскъ... Единственнымъ наслажденіемъ горцевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, составляло смотрѣть, иногда по цѣлымъ часамъ, съ высокаго берега Оки, на которомъ расположена Калуга, вдаль, по ту сторону рѣки, на просторъ луговъ и полей...

Официальныя представленія Шамилю пріѣзжающихъ въ Калугу офицеровъ были уже отмѣнены, и я видѣлъ имама въ этотъ мой второй пріѣздъ всего разъ, въ домѣ того же гостепріимнаго полковника Еропкина, на вечерѣ, который посѣтилъ и Шамиль. Объ этой моей послѣдней встрѣчѣ съ Шамилемъ у меня сохранилось въ памяти очень немного. Первое, что поразило меня—это была та страшная перемена въ лицѣ плѣнника, за годъ времени: лицо его стало совсѣмъ желтымъ и крайне болѣзненнымъ, а дыханіе было до того прерывисто, что онъ не могъ выговорить подъ-рядъ десяти словъ — ему постоянно приходилось вбирать въ себя воздухъ... Видно, не сладка была для него неволя, хотя и въ золотой клѣткѣ!..

Отъ того вечера остались въ моей памяти еще слѣдующія обстоятельства. Едва только Шамиль вошелъ въ гостиную и сѣлъ, какъ къ нему подбѣжали дѣти хозяина, и онъ, улыбаясь, сталъ ласкать ихъ и посадилъ къ себѣ на колѣни. Оказалось, что Шамиль чрезвычайно любилъ дѣтей и обладалъ особою способностью привязывать къ себѣ сразу дѣтскія сердца. Затѣмъ я помню, что когда перешли въ столовую къ чаю, то Шамиль, взявъ одно яйцо и съѣвъ его, сказалъ, что красныя яйца, которыя подаютъ на Насху, гораздо вкуснѣе... Когда Грамовъ перевелъ это, то всѣ улыбнулись, а Шамиль, замѣтивъ это, еще разъ повторилъ свое мнѣніе насчетъ особаго вкуса крашенныхъ яицъ...

Прослушавъ нѣсколько пьесъ, неполненныхъ на фортепіано старшею дочерью хозяина, Шамиль сталъ прощаться, и мы всѣ, мужчины-гости, по-

дошли къ нему и стали откланиваться; онъ почему-то такъ крѣпко пожалъ всѣмъ намъ руки, что у насъ, какъ говорится, кости трещали, и мы долго потомъ расправляли пальцы на правыхъ рукахъ... Руновскій объяснилъ эту странность тѣмъ обстоятельствомъ, что у Шамиля открылись старыя раны, полученныя имъ при взятіи русскими войсками известной башни въ Гимрахъ, гдѣ былъ въ это время убитъ первый имамъ Кавказа, Кази-Мулла, и что Шамиль поэтому сталъ очень нервнъ и страненъ...

Одинъ лишь мюридъ Хаджіо нисколько не измѣнился за протекшіи годъ: онъ былъ такъ же веселъ и беззаботенъ, объяснялся по-русски уже безъ переводчика и выучился даже танцевать кадрили, позволяя себѣ, однако, это удовольствіе лишь въ отсутствіе своего повелителя. Любовныя похощенія этого красавца мюрида шли crescendo, и онъ имѣлъ теперь себѣ товарища въ этихъ дѣлахъ—въ лицѣ переводчика Грамова, который ему повсюду сопутствовалъ, раздѣляя съ нимъ если не плоды побѣдъ, то опасности...

Встрѣча съ сыномъ Шамиля и его рассказы объ отцѣ *).

I.

Встрѣча съ генераломъ Магометъ-Шеффи-Шамилемъ въ Кисловодскѣ. — Первое знакомство съ нимъ въ 1860 году, въ Калугѣ.—Встрѣча В. П. Далматова съ Шамилемъ у меня.—Особенное вниманіе горцевъ къ сыну Шамиля.—Имѣніе, пожалованное императоромъ Александромъ II Шамилю-отцу.—Вторая женитьба Магометъ-Шеффи.—Служба въ конвоѣ.—Просьба сына Шамиля въ турецкую войну.—Нечаянная встрѣча генерала Шамиля съ императоромъ Александромъ III.—Безвыходное положеніе и услуга портного.—Шамиль-самозванецъ въ Парижѣ.

Моя статья въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы“ 1898 года „Поѣздка къ Шамилю въ Калугу“ послужила поводомъ къ новой встрѣчѣ съ сыномъ бывшаго кавказскаго имама, генераломъ Магометъ-Шеффи; единственнымъ изъ трехъ сыновей Шамиля, вступившимъ на русскую службу и проживающимъ въ Россіи. Встрѣча эта произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Лѣтомъ 1889 года я жилъ въ Кисловодскѣ. Просматривая однажды въ „Сезонномъ Листкѣ“ списки лицъ, пріѣхавшихъ лѣчиться на минеральныя воды, я прочелъ въ этомъ спискѣ и имя генерала Магометъ-Шеффи-Шамиля, прибывшаго въ Кисловодскѣ. Такъ какъ я встрѣчалъ его

*) Моя статья въ „Русской Старинѣ“ (августъ, 1901 года).

назадъ тому 38 лѣтъ, въ Калугѣ, когда онъ былъ еще 15-лѣтнимъ юношей, то меня очень интересовало, конечно, встрѣтиться съ нимъ вновь— при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Нѣсколько дней спустя, я съ нимъ, дѣйствительно, и встрѣтился. Это произошло такъ. Я и генераль В. А. Потто сидѣли въ паркѣ и разговаривали о прошломъ Кавказа.

— Вотъ, кто многое могъ бы поразеказать о былыхъ герояхъ кавказской войны,—сказалъ вдругъ Василій Александровичъ,—и указалъ въ сторону подходившаго къ намъ, еще нестарого, генерала, очень полного блондина съ рыжеватою подстриженною бородою, высокаго роста и атлетическаго тѣлосложенія, въ которомъ я никакъ не могъ бы признать того, небольшого роста, безусаго юношу, котораго встрѣчалъ въ Калугѣ. Оказалось—это и былъ средній сынъ Шамиля, Магометъ-Шеффи.

Василій Александровичъ представилъ насъ другъ другу, и генераль Шамиль тотчасъ же спросилъ меня:

— Это не ваша ли статья была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“, въ прошломъ году, о моемъ отцѣ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Очень радъ, что съ вами встрѣтился,—сказалъ Магометъ-Шеффи,—и имѣю возможность поблагодарить васъ лично за эту статью. Въ ней нѣтъ ничего выдуманнаго—какъ, на примѣръ, въ статьѣ бывшего пристава при моемъ отцѣ, полковника Пржецлавскаго.

Генераль говорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, какимъ, обыкновенно, говорятъ наши горцы, не бывшіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но его рѣчь была правильная и округленная.—Далѣе, онъ продолжалъ:

— Я лѣчился въ прошломъ году морскими ваннами въ Кеммернѣ, и въ это время генераль С. прислалъ мнѣ книжку журнала съ этою вашею статьею.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ я спросилъ его, помнитъ ли онъ, какъ я и нѣсколько другихъ офицеровъ окружили его въ одной изъ боковыхъ залъ калужскаго дворянскаго собранія и просили вынуть изъ ноженъ и показать намъ кинжалъ.

— Чуть помню,—отвѣчалъ генераль.

Съ того времени мы стали, почти ежедневно, встрѣчаться въ Кисловодскомъ паркѣ и разговаривать. Затѣмъ, стали и бывать другъ у друга. Однажды Магометъ-Шеффи засталъ у меня извѣстнаго артиста В. П. Далматова.

— Мы немножко знакомы,—сказалъ генераль артисту:—когда вы были въ Казани, я наслаждался вашею игрою въ театрѣ.

В. П. поблагодарилъ за любезность и прибавилъ:

— А я вамъ, генераль, былъ очень обязанъ тогда за черкесскій

костюмъ. Вашъ сынъ *) выручилъ меня однажды, доставъ вашу черкеску, которая была нужна мнѣ въ одной пьесѣ.

— Да, да, помню. Сынъ пришелъ ко мнѣ и говорить: дай, папа, артисту Далматову свою черкеску; она ему необходима на сценѣ, а ни у кого въ Казани ея нѣтъ. Она вамъ не была мала? — улыбаясь, спросилъ генераль.

— Какое, мала! пришлось дѣлать складки, — смѣясь, отвѣчалъ г. Далматовъ, мужчина тоже нехуденькій.

Въ концѣ августа Магометъ-Шеффи-Шамиль уѣхалъ изъ Кисловодска. Наступила зима; я жилъ въ Петербургѣ. Однажды, въ рождественскій сочельникъ, я слышу, кто-то въ передней спрашиваетъ служанку, дома ли я. Оказалось — это былъ генераль Шамиль, разыскавшій меня въ Питерѣ. Онъ пріѣхалъ на цѣлый мѣсяць и жилъ въ Офицерскомъ собраніи, на Литейной, гдѣ я потомъ и посѣщалъ его. И вотъ, во время этихъ нашихъ свиданій, какъ и въ Кисловодкѣ же, Магометъ-Шеффи-Шамиль рассказывалъ мнѣ очень много о своемъ знаменитомъ отцѣ.

Я нахожу небезынтереснымъ привести здѣсь часть этихъ рассказовъ — главнымъ образомъ, то, что можетъ служить *поправками къ невѣрнымъ свѣдѣніямъ*, напечатаннымъ, какъ о самомъ имамѣ Шамилѣ, такъ и объ его семьѣ, а равно и такія свѣдѣнія, которыя не были напечатаны вовсе.

Но прежде скажу нѣсколько словъ о пребываніи генерала Шамиля въ Кисловодскѣ, такъ какъ это тоже представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ увидятъ читатели.

За все время своего пребыванія на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ Магометъ-Шеффи-Шамиль былъ, можно сказать, самымъ популярнымъ человекомъ: имъ всѣ пріѣзжіе въ Кисловодскъ очень интересовались, какъ сыномъ человека, которому такъ еще недавно принадлежала часть этого Кавказа, который былъ полновластнымъ владыкою горцевъ, имѣвшимъ право на ихъ жизнь и смерть, и который 25 лѣтъ велъ неустанную войну съ Россіей, считавшейся самымъ могущественнымъ военнымъ государствомъ въ мірѣ. Еще болѣе, чѣмъ пріѣзжіе на воды, интересовались сыномъ Шамиля горцы. Какъ только прошелъ по Кисловодску и сосѣднимъ ауламъ слухъ, что сынъ Шамиля пріѣхалъ на Кавказъ, и объ этомъ узнали ближайшія горскія племена — кабардинцы, карачаевцы и другія, — то вскорѣ же въ аллеяхъ Кисловодскаго парка стали появляться совсѣмъ необычные посѣтители водъ: можно было встрѣтить сѣдыхъ уже, но все еще статныхъ

*) Сыкъ генерала Шамиля живетъ въ Казани же, при отцѣ, состоитъ чинovníкомъ особыхъ порученій при тамошнемъ губернаторѣ и извѣстенъ за большого любителя театра.

и величавыхъ стариковъ-горцевъ, въ ихъ живописныхъ національныхъ костюмахъ, выждавшихъ возможности взглянуть „на сына Шамиля“... И Богъ вѣсть, какое чувство западало въ душу этихъ бывшихъ героевъ, закалившихся въ своей давно минувшей, героической, чисто-легендарной борьбѣ съ Россіей, — когда передъ ними проходилъ сынъ ихъ бывшего духовнаго владыки и неограниченнаго свѣтскаго повелителя, одѣтый, обыкновенно, въ военную тужурку съ генеральскими погонами!...

Генераль Магометъ-Шеффи не могъ, конечно, не замѣчать этого страстнаго любопытства, возбуждаемаго имъ въ горахъ. Все дѣло, впрочемъ, только и ограничивалось этимъ безмолвнымъ—и совершенно безвреднымъ—созерцаніемъ: горцы никогда не рѣшались заговорить съ генераломъ или разспрашивать его о чемъ-нибудь... Самъ генераль тоже никогда ихъ не останавливалъ и не заговаривалъ съ ними. Разъ только, при мнѣ, ему встрѣтилась цѣлая семья довольно, повидимому, богатыхъ кабардинцевъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, но безъ чадръ у женщинъ, т.-е. съ открытыми лицами, состоящая изъ двухъ женщинъ и дѣтей, и онъ заговорилъ съ ними на туземномъ нарѣчій: спросилъ ихъ, изъ какого онѣ аула и зачѣмъ пріѣхали?.. Оказалось, что кабардинки лѣчили въ Пятигорскѣ, а зачѣмъ пріѣхали доканчивать свое лѣченіе въ Кисловодскѣ. Самъ Магометъ-Шеффи пріѣхалъ на воды изъ Казани, тоже ради лѣченія; онъ пользовался, собственно, эссентукскими водами, которыя пилъ, живя въ Кисловодскѣ и купаясь въ Нарзанѣ. Ничто другое не призывало его на Кавказъ и не связывало съ нимъ.

Изъ всѣхъ его родныхъ проживалъ на Кавказѣ лишь *одинъ* его шуринъ—Абдуррахимъ, женатый на дочери Шамиля, Фатиматъ, давно уже умершей. Абдуррахимъ, бывший тоже на русской службѣ, имѣлъ чинъ подполковника, получалъ пенсію и жилъ „на своемъ хозяйствѣ“, въ Казп-Кумухѣ.

У генерала же Шамиля никакого имѣнія на Кавказѣ не было. Его покойному отцу императоръ Александръ II „подарилъ“ въ Дагестанѣ (нынѣшня Дагестанская губернія), въ Аварскомъ округѣ, селеніе (ауль) Гимры, гдѣ, именно, и родился имамъ, „съ прилежащими къ нему землями“; но съ этимъ высочайшимъ даромъ случилась исторія. Когда Шамиль, въ 1870 году, отправился въ Мекку, то поручилъ управленіе этимъ обширнымъ имѣніемъ своему родственнику (племяннику), Джемаль-эддину, съ тѣмъ, чтобы половину доходовъ тотъ бралъ себѣ, въ вознагражденіе за труды по управленію имѣніемъ, а другую половину отдавалъ на содержаніе сиротъ, дѣтей воиновъ, какъ русскихъ, такъ и черкесовъ, убитыхъ въ сраженіяхъ во время кавказской войны. Затѣмъ, прошли долгіе годы; умеръ Шамиль; равно умеръ и Джемаль-эддинъ,—и вотъ, въ этомъ лишь году, генераль Магометъ-Шеффи, пріѣхавъ въ Петербургъ, возбудилъ хода-

тайство о возвращеніи ему высочайше пожалованнаго его отцу пмѣнія, находящагося во владѣніи наслѣдниковъ Джемаль-Эдина. Имѣніе это довольно цѣнное: его прессованные фрукты — персики, абрикосы и пр.—въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ, идутъ по всей Россіи, и преимущественно въ Москву и Петербургъ.

Въ настоящее время генераль Магометъ-Шеффи-Шамиль, продолжая числится въ Конвоѣ Его величества, состоитъ въ распоряженіи командующаго войсками Казанскаго военнаго округа и проживаетъ постоянно въ Казани. Въ Казани же Шамиль и женился, такъ какъ его первая жена, Амминатъ, дочь чохскаго намба, въ Дагестанѣ, Энъкоу-Хаджію, умерла тоже въ Калугѣ, не перенеся тамошняго климата. Магометъ-Шеффи женился на ней еще до своего плѣна, именно въ 1858 году, когда ему, жениху, было всего только 13 лѣтъ, а невѣстѣ—12. Теперешняя супруга генерала Шамиля—дочь именитаго казанскаго мурзы; у нихъ двѣ дочери—красивыя молодыя дѣвушки,—судя по портретамъ, которые мнѣ довелось видѣть у ихъ отца.

Магометъ-Шеффи-Шамиль принялъ присягу на вѣрноподданство ранѣе, чѣмъ всѣ остальные члены семьи,—и уже въ 1863 году былъ зачисленъ въ Конвой. Въ сентябрѣ 1866 года, на парадѣ, бывшемъ въ день свадьбы наслѣдника-цесаревича Александра Александровича, молодой Шамиль подъѣзжалъ, въ качествѣ ординарца отъ Конвоя Его Величества, къ государю Александру II; затѣмъ, вечеромъ, во время торжественнаго бала, въ Зимнемъ дворцѣ, на которомъ присутствовалъ и старый Шамиль, государь, подойдя къ нему, сказалъ: „Я сегодня любовался твоимъ сыномъ—какимъ онъ молодецомъ былъ на конѣ“.

Во время послѣдней нашей войны съ турками, Магометъ-Шеффи былъ уже полковникомъ. Желая доказать свою преданность государю и своему новому отечеству, онъ однажды обратился къ императору съ просьбою послать его на мѣсто военныхъ дѣйствій въ Турцію; но покойный Александръ II, съ свойственною ему деликатностью, отказавъ въ просьбѣ, пояснилъ:

— Я не хочу, чтобы ты воевалъ съ единовѣрцами.—И затѣмъ, улыбаясь, прибавилъ:—Вотъ, подожди войны съ пруссаками,—я тебя тогда въ первый огонь пошлю.

Не лишень также интереса рассказъ генерала Шамиля о милостивомъ отношеніи къ нему и императора Александра Александровича. Приѣхавъ однажды въ Петербургъ изъ Казани въ двухъ-дневный отпускъ, чтобы повидать тяжело больного генерала Черевина, ранѣе бывшаго начальникомъ Конвоя, генераль отправился къ нему въ Царское Село, гдѣ жилъ въ то время и Дворъ. Когда онъ сидѣлъ у больного въ спальнѣ, туда неожиданно вошелъ ординарецъ и доложилъ:

— Его величество государь императоръ.

Магометъ-Шеффи хотѣлъ-было уйти въ другую комнату, такъ какъ онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ всего на два дня, не думалъ представляться ни государю, ни военному министру и даже не имѣлъ съ собою мундира и орденовъ; но генераль Черевинъ сказалъ, что это невозможно, т.-е., чтобы Шамиль какъ бы прятался отъ государя.

Государь, войдя въ комнату, прямо подошелъ къ Магометъ-Шеффи:

— Здравствуйте, Шамиль! Давно ли пріѣхали?

— Только вчера, ваше величество,—отвѣчалъ Магометъ-Шеффи.

Государь пробылъ у больного Черевина болѣе получаса и все время былъ очень любезенъ съ Шамилемъ. Такимъ образомъ, необходимо надо было представляться ему официально. Ордена достать было легко; но являлся вопросъ—гдѣ добыть генеральскій мундиръ, который пришелся бы на высокую, атлетическую фигуру Шамиля? Заказывать шить его было немислимо, такъ какъ надо было представиться въ слѣдующій же день... Въ виду такого безвыходнаго положенія, генераль Шамиль обратился къ придворному военному портному—не сможетъ ли онъ помочь горю? Портной объявилъ, что въ одинъ день сшить мундиръ никакъ нельзя; но что у него, въ мастерской, имѣется почти законченный, обще-генеральскій мундиръ для государя, которому онъ вовсе не къ спѣху, вслѣдствіе чего онъ, портной, успѣетъ сдѣлать ему новый. Магометъ-Шеффи примѣрилъ мундиръ и онъ, къ изумленію его и портного, оказался сшитымъ какъ будто бы прямо по немъ. Въ томъ мундирѣ пріѣзжій генераль и представлялся, а для государя сдѣлали новый.

Но еще болѣе интересный эпизодъ въ жизни генерала Магомета-Шеффи случился съ нимъ въ Парижѣ. Онъ жилъ тамъ вмѣстѣ съ графомъ К—ымъ; и вотъ однажды, пробѣгая „Фигаро“, графъ былъ пораженъ публикаціе-рекламой, приглашающей почтеннѣйшую публику посѣтить въ пассажѣ—сообщался адресъ—„сына знаменитаго Шамиля, бывшаго владыки Кавказа, воевавшаго съ русскими варварами въ теченіе сорока лѣтъ“; затѣмъ прибавлялось, что сынъ этотъ, *по имени Магометъ-Шеффи*, имѣетъ множество ранъ и лишь чудомъ спасся отъ смерти во время гунибскаго боя. Въ концѣ прибавлялось, что это удовольствіе стоитъ всего одинъ франкъ... Нечего, конечно, говорить, какъ глубоко былъ возмущенъ этою публикаціею дѣйствительный сынъ Шамиля, находившійся, по счастью, въ это время въ Парижѣ, и графу К. стоило немало труда удержать бывшаго горца отъ немедленной поѣздки къ обманщику, для расправы съ нимъ... Когда чувство перваго пыла негодованія улеглось, полковникъ Шамиль и графъ К. поѣхали по указанному адресу. Заплативъ два франка, они были допущены къ лицеизрѣнію „сына

Шамиля“... Это былъ громаднаго роста человекъ, брюнетъ, одѣтый въ черкесскій костюмъ и обвѣшанный съ ногъ до головы оружіемъ; по національности онъ оказался армяниномъ. Черезъ переводчика, знающаго армянскій и французскій языки, онъ изъяснялся съ публикою. Графъ К. обратился къ нему на французскомъ языкѣ и сталъ разспрашивать... Но молодой Шамиль все-таки не вполне выдержалъ свою роль посторонняго посѣтителя: онъ спросилъ обманщика прямо по-русски:

— Вы, дѣйствительно, сынъ Шамиля?

Армянинъ, услышавъ русскій языкъ, вначалѣ сконфузился—было немного, но затѣмъ, оправившись, началъ свое безстыдное вранье...

Шамиль взялъ подъ руку графа К., отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Поѣзжайте въ посольство, расскажите посланнику всю эту исторію и попросите немедленно принять мѣры къ арестованію этого обманщика. А я останусь здѣсь и не отойду отъ него ни на шагъ.

Спустя нѣкоторое время, графъ К. вернулся обратно, въ сопутствіи нѣсколькихъ французскихъ полицейскихъ чиновниковъ, и армянинъ былъ тотчасъ же арестованъ и затѣмъ препровожденъ въ Россію, на расправу.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ генераломъ Шамилемъ въ Петербургѣ, въ его скромномъ номерѣ въ Офицерскомъ собраніи. Онъ жилъ одинъ, безъ семьи, сильно расхворался и находился, вдобавокъ, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ извѣстія о внезапной смерти въ Казани одного изъ близкихъ своихъ друзей, генерала П—нна, который, въ послѣднее время, жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Офицерскомъ же собраніи и только за недѣлю передъ своею смертью выѣхалъ изъ Петербурга. Между прочимъ, я сталъ рассказывать генералу о томъ сочувствіи, которое возбуждаютъ къ себѣ воюющіе буры со стороны почти всѣхъ европейскихъ державъ и даже Америки. Шамиль внимательно слушалъ меня и, затѣмъ, вздохнувъ, проговорилъ:

— А вотъ, моему отцу, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, *никто* не помогалъ!..

II.

Поправка къ біографіи Шамиля и его юность.—Его первыя схватки съ русскими.—Его легендарный подвигъ въ Гимрахъ.—Пашка Шамиля.—Невиновность Шамиля въ избіеніи аварскихъ хановъ.—Фатализмъ Гамзатъ-бека и предостереженія Шамиля.—Нападеніе на соннаго Шамиля въ Веденѣ.—Религіозная терпимость Шамиля.—Его намѣреніе уничтожить рабство на Кавказѣ.

Перехожу, затѣмъ, къ тѣмъ дополненіямъ о покойномъ имамѣ Шамилѣ, которыя мнѣ довелось слышать отъ его сына, генерала Магометъ-Шеффи.

Нѣкоторые біографы Шамиля сообщаютъ, что онъ въ дѣтствѣ былъ,

будто бы, пастухомъ козъ въ Дагестанѣ. Это не вѣрно: Шамиль былъ сыномъ аварскаго *узденя* Денгау-Магомета; мать же его была дочерью аварскаго *бека*, Пиръ-Будоха; имя ея было Баху-Меседу. Узденъ—это именитый гражданинъ, бекъ—дворянинъ, иногда владѣтельный; собственно *князей* въ Дагестанѣ нѣтъ. И впоследствии, когда Шамиль предсталъ предъ княземъ Бяратинскимъ въ 1859 году, онъ самъ назвалъ себя узденемъ: „Я—простой узденъ, тридцать лѣтъ дравшійся за религію и свободу моего края“,—говорилъ онъ, между прочимъ, въ своей рѣчи... Воспитаніе Шамиля и обученіе было очень серьезное—для горца: онъ, послѣ первоначальнаго обученія, былъ отправленъ отцомъ въ Унцукуль, къ знаменитому среди горцевъ ученому Джемаль-эддину, у котораго и пробылъ съ 12 до 20 лѣтъ, обучаясь различнымъ наукамъ и, между прочимъ, арабскому языку, философіи и законовѣдѣнію. Въ особенности юнаго Шамиля плѣнили рассказы о жизни и подвигахъ древнихъ героев Греціи и Рима. Вся жизнь его въ тотъ цвѣтущій возрастъ проходила въ занятіяхъ науками и молитвѣ, такъ какъ учитель его былъ въ то же время и очень религіозный человекъ. Лишь иногда, жизнь молодого Шамиля разнообразилась боевыми схватками съ русскими, для чего приходилось становиться въ ряды дагестанцевъ, принимавшихъ набѣги въ русскіе предѣлы. Онъ обладалъ необычайною физическою силою и былъ очень отваженъ. Его физическая ловкость въ прыганьи и бѣгѣ не имѣла себѣ равныхъ,—и мы далѣе увидимъ, какъ эти чисто-физическія доблести, въ соединеніи съ феноменальною его силою, спасали не разъ ему жизнь. Въ единоборствѣ онъ между своими сверстниками и горцами вообще не имѣлъ равныхъ.

Главные военныя отличія Шамиля въ рядахъ чеченцевъ начинаются, собственно, съ тридцатыхъ годовъ, подъ начальствомъ перваго имама Кавказа, Кази-Магомета (Кази-муллы), въ учиненныхъ имъ набѣгахъ на Аварію, преданную, въ лицѣ своихъ хановъ, русскому правительству. Самый же легендарный подвигъ Шамиля, обратившій на него вниманіе всѣхъ горскихъ племенъ, произошелъ, какъ извѣстно, въ Гирахъ, въ 1832 году, когда Кази-Магометъ, окруженный со всѣхъ сторонъ отрядомъ барона Розена и покинутый дагестанцами, заперся съ Шамилемъ и пятнадцатью самыми преданными ему мюридами въ башнѣ. И вотъ, когда половина мюридовъ была уже перебита, Кази-мулла предложилъ Шамилю выскочить съ нимъ изъ башни и попытаться пробиться. Шамиль согласился. Кази-мулла выскочилъ первымъ и былъ тотчасъ же заколотъ штыками. Шамиль же, видя у дверей двухъ солдатъ съ ружьями, готовыми выстрѣлить по тому смѣльчаку, который рѣшится выскочить, подобно Кази-мултѣ, выпрыгнуть изъ верхнихъ дверей башни,—и такъ ловко и далеко, что очутился позади этихъ двухъ солдатъ, и, мгновенно изрубивъ ихъ, погнался за третьимъ солдатомъ,

убѣжавшимъ отъ него, нагналъ его и убилъ. Такъ какъ стрѣлять въ Шамиля въ это время никто не рѣшался, потому что кругомъ были солдаты и легко можно было поэтому попасть въ своихъ же, то борьба велась лишь холоднымъ оружіемъ. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда Шамиль рубилъ на смерть третьяго солдата, къ нему подбѣжалъ четвертый и ударилъ его штыкомъ въ грудь, и такъ сильно, что штыкъ вышелъ въ спину, у правой лопатки, и правая рука была парализована; тогда Шамиль быстро перехватилъ шашку въ лѣвую руку *), однимъ сильнымъ ударомъ разрубилъ солдату голову и побѣжалъ къ находившимся неподалеку густымъ деревьямъ. Охваченные паническимъ страхомъ и изумленные необычною силою и отчаяннымъ мужествомъ Шамиля, изрубившаго уже четырехъ человекъ, солдаты отхлынули отъ него... Въ этотъ моментъ вблизи его очутился мюридъ Магометъ-Али, единственный нераненый горецъ изъ бывшихъ въ башнѣ: пользуясь тѣмъ, что всеобщее вниманіе было сосредоточено на Шамилѣ, онъ безрешительно выскочилъ изъ башни и съ крикомъ: „Аллахъ! Аллахъ!“ явился на помощь Шамилю... Вдвоемъ они добѣжали до деревьевъ и скрылись; но вскорѣ Шамиль, истекая кровью, упалъ въ изнеможеніи, снявъ съ себя шашку и, отдавая ее Магомету-Али, сказалъ: „Сбереги мою шашку, она мнѣ не нужна больше,—я умираю“... Съ этими словами Шамиль склонилъ голову, и изъ его рта хлынула кровь... Русскіе сочли его убитымъ и оставили въ покоѣ, а Магометъ-Али, отбѣжавъ въ сторону, наблюдалъ за Шамилемъ издали и съ наступленіемъ вечера поспѣшилъ къ нему на помощь и перевязалъ ему раны, а ночью отвелъ его въ ближайшій аулъ Унцукуль, гдѣ жилъ тестъ Шамиля, Абдуль-Азисъ, славившійся въ Дагестанѣ, какъ искусный врачъ. Три мѣсяца Шамиль находился между жизнью и смертью, но могучая натура превозмогла, и онъ понемногу оправился. Раны помѣшали лишь избранію его въ имамы, каковое званіе и перешло къ Гамзатъ-беку. Шашка Шамиля, сослужившая ему такую службу, была очень тяжелая, такъ что никто изъ горцевъ не могъ владѣть ею. Эта шашка находится въ настоящее время, какъ сообщилъ мнѣ генералъ Шамиль, въ Меккѣ, у старшаго сына Шамиля, Кази-Магомы.

Въ общемъ, Шамиль, по словамъ его сына, Магометъ-Шеффи, имѣлъ 19 ранъ холоднымъ оружіемъ и три раны пулевыхъ; одна русская пуля такъ и осталась въ немъ навсегда и похоронена вмѣстѣ съ нимъ.

*) Во многихъ описаніяхъ и разсказахъ объ этой памятной для Шамиля и русскихъ битвѣ утверждается, что Шамиль былъ *львица*. Это не вѣрно: генералъ Магометъ-Шеффи, передавшій мнѣ всѣ подробности этого эпизода, объяснилъ, что его отецъ могъ рубить одинаково и правою и лѣвою руками—т.-е., когда уставала въ бою одна рука, онъ бралъ шашку въ другую руку.

При слѣдующемъ имамѣ (второмъ), Гамзатъ-бекѣ, въ 1834 году, произведено было нападеніе мирюдовъ на Хунзахъ, принадлежащій преданнымъ намъ аварскимъ ханамъ, при чемъ произошло и самое избіеніе этихъ хановъ. Разказывая объ этомъ кровавомъ эпизодѣ, почти всѣ историкн кавказской войны обвиняють Шамиля, внушившаго, будто бы, Гамзатъ-беку мысль воспользоваться пребываніемъ хановъ въ лагерь дагестанцевъ при рѣкѣ Тоботѣ и перебить ихъ, съ цѣлью подчинить своему вліянію аварцевъ и склонить ихъ, затѣмъ, къ газавату, то-есть къ веденію священной войны противъ русскихъ,—такъ какъ ханскій аварскій домъ былъ главнымъ препятствіемъ введенію газавата въ Аварію и къ распространенію власти имамовъ въ ея горахъ и аулахъ.

Въ дѣйствительности же, по словамъ генерала Шамиля, отецъ его отнюдь не подстрекалъ Гамзатъ-бека къ избіенію рода аварскихъ хановъ (Шамиль, будто бы, сказалъ Гамзатъ-беку, когда аварскіе ханы явились въ его лагерь: „Куй желѣзо, пока горячо!...“) и не хотѣлъ происшедшей рѣзни. Какъ на доказательство неучастія Шамиля въ этомъ трагическомъ и вѣроломномъ событіи, генераль Шамиль указываетъ на то обстоятельство, что, когда его отецъ, послѣ убіенія Гамзатъ-бека, былъ избранъ имамомъ, онъ тотчасъ же приказалъ снести головы всѣмъ тѣмъ, кто, *по приказу Гамзатъ-бека*, убивалъ аварскихъ хановъ и ихъ свиту. Равно, онъ приказалъ казнить и тѣхъ аварцевъ, которые потомъ, два года спустя послѣ избіенія ихъ хановъ, убили Гамзатъ-бека. При этомъ, передавая мнѣ объ избіеніи хановъ, генераль Шамиль сообщилъ слѣдующую интересную подробность. Когда, съ наступленіемъ ночи, началась между аварцами и мюридами Гамзатъ-бека рѣзня, то рубился, конечно, и Шамиль, защищаясь отъ нападавшихъ на него нукеровъ, которые, зная-его за друга Гамзатъ-бека, хотѣли непременно его убить. Среди самаго пыла битвы, одинъ аварскій бекъ крикнулъ: „Изрубите Шамиля! онъ въ бѣлой чалмѣ“... Тогда Шамиль быстро снялъ съ себя чалму (бѣлую) и надѣлъ ее на перваго подвернушагося ему мюрида, а его черную папаху надѣлъ на себя; мюридъ, слышавшій тоже крикъ аварца, безпрекословно повиновался Шамилю—и вскорѣ былъ изрубленъ въ куски, а Шамиль остался живъ, получивъ лишь легкую рану шашкой. Какъ извѣстно, вся эта страшная рѣзня началась почти случайно. Мюриды Гамзата хотѣли, по его приказу, взять изъ свиты аварскихъ хановъ лишь одного узденя Буга, жителя селенія Цудахаръ, убившаго когда-то двоюроднаго брата Гамзатъ-бека, нѣкоего Ампра-Али: аварцы отказались выдать Буга, и когда мюриды стали брать его силою, начался споръ, во время котораго одинъ изъ нукеровъ сдѣлалъ въ мирюда выстрѣлъ; это и послужило сигналомъ къ

общей рѣзни между давно уже враждовавшими между собою аварцами съ одной стороны, и партією мюридовъ Чечни и Дагестанта—съ другой.

Передъ убійствомъ Гамзатъ-бека, Шамиль всячески предостерегалъ его отъ возможности со стороны аварцевъ отмщенія за смерть ихъ хановъ; Шамиль совѣтовалъ имаму, между прочимъ, не избирать своей резиденціей аварскій Хунзахъ, а находится попрежнему въ Гочатлѣ; но Гамзатъ-бекъ не внималъ его совѣтамъ и, какъ бы фатально, шелъ навстрѣчу смерти. Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія сообщилъ мнѣ по этому поводу генералъ Магометъ-Шеффи (узнавшій ихъ отъ своего покойнаго отца). Отецъ его, Шамиль, за два дня до убійства, предостерегалъ Гамзатъ-бека отъ поѣздки, по случаю предстоящаго праздника, въ мечеть; но Гамзатъ, будучи фаталистомъ, отвѣчалъ ему:

— Не боюсь. Будетъ то, что написано мнѣ на доскахъ предопредѣленія.—Посланному же Шамиля, подавшему ему письмо, онъ сказалъ:— Никто не можетъ остановить ангела, если Аллахъ пошлетъ его за душой человѣка...

Получивъ эти отвѣты, Шамиль тотчасъ же отправилъ Гамзатъ-беку второе письмо, въ которомъ писалъ: „Ты очень слѣпо вѣришь въ предопредѣленіе. Это хорошо; но попробуй, однако, кинуться со скалы,—и ты увидишь, что *навѣрное* погибнешь, хотя бы тебѣ, по здоровью твоему, можно было прожить еще много лѣтъ“. Это второе письмо не дошло уже до Гамзата, а первое было найдено въ карманѣ архалука убитаго имама.

Не менѣе трагическіе эпизоды происходили иногда съ Шамилемъ и внѣ столкновеній съ партійными врагами въ горахъ и съ русскими отрядами. Такъ, напр., однажды въ Веденѣ, ночью, произошелъ съ нимъ слѣдующій случай. Къ нему въ Ведень былъ доставленъ *узденъ* (а не русскій солдатъ, какъ утверждаетъ г-жа Чичагова въ своихъ запискахъ), заподозрѣнный въ желаніи передаться русскимъ, т.-е. объявить себя и свое селеніе „мирнымъ“. Шамиль приказалъ его ослѣпить, а затѣмъ посадить въ глубокую яму, служившую мѣстомъ ареста для виновныхъ. Какъ могъ выбраться оттуда ослѣпленный узденъ, какъ могъ онъ подкрасться къ двумъ соннымъ тѣлохранителямъ Шамиля, вздремнувшимъ у входа въ домъ имама и даже, безъ всякаго шума, убить ихъ обоихъ и кто далъ ему кинжалъ,—все это осталось неизвѣстнымъ... Но только жизнь Шамиля висѣла въ эту страшную для него ночь на волоскѣ: убійца, прикончивъ часовыхъ, тихо прокрался въ его спальню и ударилъ соннаго Шамиля, раздѣтаго и безоружнаго, кинжаломъ въ бокъ, нанеся ему, по счастью, неопасную рану. Шамиль спасся, благодаря лишь своей необычайной силѣ: онъ, проснувшись, быстро обхватилъ нападавшаго руками и совѣмъ сдвинулъ его въ своихъ могучихъ, желѣзныхъ объятіяхъ, а зубами сталъ

грызть его за голову. Когда, наконец, прибѣжали къ Шамлю на помощь и онъ разжалъ руки, то на полъ упалъ совсѣмъ уже умирающій человекъ, который, спустя нѣсколько минутъ, и испустилъ духъ, унеся съ собою въ могилу тайну оказаннаго ему къмъ-то содѣйствія... Шамиль послѣ этого ночного нападенія на него нѣсколько реформировалъ лишь свой личный конвой, состоявшій изъ двухъ-сотъ тѣлохранителей, набранныхъ, преимущественно, изъ жителей аула Чиркей, питавшаго особую ненависть къ русскимъ.

Въ сферѣ управленія подвластными ему племенами горцевъ и вообще въ администраціи имамъ Шамиль не былъ особеннымъ фанатикомъ и проявлялъ иногда удивительную для магометанина снисходительность къ чуждой ему религіи. Такъ, напримѣръ, онъ разрѣшилъ нашимъ раскольникамъ, бѣжавшимъ къ нему въ горы отъ религіозныхъ преслѣдованій со стороны русскихъ властей, открыто отправлять свое богослуженіе въ устраиваемыхъ ими часовняхъ, а также предоставилъ имъ право устраивать и свои скиты гдѣ пожелаютъ. Онъ даже не бралъ съ нихъ за это право никакихъ налоговъ. По словамъ генерала Магометъ-Шеффи, отецъ его хотѣлъ даже освободить всѣхъ рабовъ подвѣдомственныхъ ему горскихъ племенъ; но наибы, владѣтельные „султаны“ и беки, прослышавъ объ этомъ, явились въ его резиденцію, въ Ведынь, и прямо угрожали имаму, что, если только онъ приведетъ въ исполненіе эту мѣру, то они всѣ примутъ русское подданство—и у нихъ, слѣдовательно, будутъ существовать русскіе порядки съ ихъ крѣпостнымъ правомъ... Это сообщеніе чрезвычайно интересно и знаменательно.

III.

Столкновеніе Шамиля съ приставомъ Пржецлавскимъ.—Отказъ Шамиля подписать петицію въ пользу поляковъ.—Мщеніе пристава Шамлю, его козни и интриги.—Жалоба Шамиля губернатору Лерхе.—Несостоявшееся прибытіе новаго пристава.—Обращеніе Шамиля къ заступничеству новаго калужскаго губернатора, Спасскаго.—Прибытіе въ Калугу полковника Брока на слѣдствіе.—Увольненіе пристава Пржецлавскаго.—Смертность въ семьѣ Шамиля въ Калугѣ.—Переводъ его въ Кіевъ.—Увольненіе въ Мекку.—Смерть Шамиля.—Его популярность въ Меккѣ и Константинополѣ.—Его записки о войнѣ на Кавказѣ.

По милости полковника Пржецлавскаго, бывшаго приставомъ при Шамилѣ въ Калугѣ же (послѣ А. И. Руновскаго), знаменитый плѣнникъ едва не былъ сосланъ въ Вятку. Исторія этого столкновенія между имамомъ и приставомъ не могла быть своевременно опубликована по крайней

деликатности Шамиля, не выдавшего даже и своего врага; но теперь, когда со времени этой исторіи прошло 38 лѣтъ, представляется возможнымъ огласить истинныя причины, послужившія къ столкновенію или, скорѣе, ко взаимной ненависти между Шамилемъ и его стражемъ. Объ этихъ „истинныхъ причинахъ“ разсказалъ мнѣ генераль Шамиль, и его разсказъ долженъ въ то же время опровергнуть многія неточности и даже просто выдумки, занесенныя полковникомъ Пржецлавскимъ въ его „Дневникъ“, появившійся въ 1877 году на страницахъ „Русской Старины“.

У пристава Пржецлавскаго произошло, уже на первыхъ порахъ, съ Шамилемъ слѣдующее неудовольствіе. Этотъ приставъ, служившій равнѣе на Кавказѣ, добылъ тамъ отъ какого-то лѣтописца-муллы рукопись на арабскомъ языкѣ „О трехъ имамахъ“—т.е. о Казимуллѣ, Гамзатъ бекѣ и Шамилѣ; затѣмъ, переведя эту рукопись на русскій языкъ съ цѣлію напечатать ее, онъ далъ *переводъ* (но не подлинникъ) Шамилю, прося его засвидѣтельствовать своею подписью вѣрность фактовъ, изложенныхъ въ разсказѣ. Шамиль, не видя въ глаза подлинника и не читая вовсе по-русски, категорически отказался подписать переводъ Пржецлавскаго. Это и послужило первымъ, хотя еще и не особенно важнымъ, поводомъ къ непріятнымъ отношеніямъ, установившимся между приставомъ и плѣннымъ имамомъ. Объ этомъ неудовольствіи упоминается, между прочимъ, и въ книгѣ г-жи Чичаговой о пребываніи Шамиля въ Калугѣ. Но истинная причина, особенно озлобившая пристава Пржецлавскаго противъ Шамиля, была не та; она заключалась—какъ разсказалъ мнѣ генераль Шамиль—въ слѣдующемъ.

Въ концѣ 1863 года, когда польскій мятежь былъ уже подавленъ, а надъ виновными лицами чинился судъ и расправа, полковникъ Пржецлавскій, полякъ родомъ, сталъ очень часто заговаривать съ Шамилемъ объ этомъ мятежѣ, постоянно описывая, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, тѣ жестокости, какимъ, будто бы, подвергались поляки по распоряженію Муравьева въ Литвѣ и графа Берга въ Варшавѣ. При этомъ Пржецлавскій всячески старался внушить Шамилю, что обо всѣхъ этихъ „жестокостяхъ“ государь ничего не знаетъ и не вѣдаетъ и было бы-де истинною услугою для самого царя, если бы кто-нибудь замолвилъ ему слово за „несчастныхъ“... Шамиль, нисколько не интересовавшійся польскимъ мятежомъ, пропускалъ всѣ эти подходы пристава мимо ушей, считая ихъ лишь обыкновенными *разговорами*. Но вотъ въ одно прекрасное утро полковникъ Пржецлавскій, поговоривъ нѣсколько минутъ въ обычномъ минорномъ тонѣ о „жестокостяхъ“, претерпѣваемыхъ его соотечественниками, и считая, по всей вѣроятности, почву достаточно уже подготовленной, неожиданно вынулъ изъ кармана и подаль Шамилю письмо на имя госу-

даря, прося подписать его... Письмо оказалось написаннымъ въ два текста—на арабскомъ и русскомъ языкахъ: на арабскомъ для Шампиля, а по-русски—для государя. Шампиль, пораженный такою назойливостью, взялъ все-таки письмо изъ рукъ Пржецлавскаго и прочелъ его арабскій текстъ. Въ письмѣ говорилось, приблизительно, вотъ что: „Четыре года тому назадъ, русскому государю была дарована Богомъ полная побѣда надъ кавказскими горами, воевавшими болѣе полувѣка съ Вѣлымъ царемъ. По своему величайшему милосердію, государю угодно было забыть о вредѣ и кровопролитіяхъ, учиненныхъ за время войны горскими племенами, а самому имаму—даровать полное прощеніе и осыпать его величайшими благодѣяніями и щедротами. Теперь повторилось-де то же самое: побѣдоносная войска государя одолѣли возставшихъ поляковъ — и война окончилась. Но послѣдствія побѣды, въ настоящее время, не тѣ, что были 4 года назадъ: *тогда* дагестанцамъ и другимъ племенамъ даровано было прощеніе; *теперь же* побѣжденныхъ и виновныхъ постигаетъ тяжкая кара: смертныя казни, ссылка на каторгу, тюрьма, конфискація имущества и пр. И вотъ, онъ, смиренный старецъ Шампиль, освѣдомившись обо всемъ этомъ, осмѣливается-де обратиться къ сердцу великаго государя и молить его о проявленіи того же великодушія къ побѣжденнымъ полякамъ, какое онъ, государь, проявилъ въ 1859 году къ нему, Шамплю, къ его семьѣ и всемъ, воевавшимъ вмѣстѣ съ нимъ напбамъ“... и т. д.

Вотъ смыслъ письма, преподнесеннаго, по разсказу генерала Шампиля, приставомъ Пржецлавскимъ для подписи плѣнному его отцу. Дѣло задумано было недурно—въ смыслѣ заступничества поляка Пржецлавскаго за своихъ, дѣйствительно несчастныхъ, собратій. Но оказалось, что Пржецлавскій мало зналъ характеръ осторожнаго и умнаго Шампиля, если позволилъ себѣ такой подходъ. Имамъ вѣжливо и терпѣливо выслушалъ своего пристава, внимательно прочелъ письмо и, возвращая его неподписаннымъ, проговорилъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ:

— Прошу васъ, полковникъ, не обращаться ко мнѣ съ подобными предложеніями. Я никогда не осмѣлюсь беспокоить государя такими письмами.

Полковникъ Пржецлавскій сумѣлъ въ это время не только скрыть предъ Шамилемъ свое неудовольствіе, но еще и взялъ съ него обѣщаніе никому не говорить обо всемъ этомъ дѣлѣ. Вотъ этотъ-то отказъ и послужилъ главною и единственною причиною положительной ненависти и злобы, которую съ тѣхъ поръ сталъ питать приставъ къ своему плѣннику: съ того времени онъ и началъ, постепенно, но систематически, изводить Шамиля. Полковникъ Пржецлавскій сталъ вмѣшиваться во внутренніе распорядки жизни Шамиля и его семьи, сталъ ссорить членовъ его

семьи между собою и прислугою; оскорблялъ Шамиля самымъ назойливымъ досмотромъ за каждымъ его шагомъ, когда онъ выходилъ изъ дому; распускалъ о немъ по Калугѣ такіе нелѣпые слухи и сплетни, что почетные жители города почти совсѣмъ перестали посѣщать имама; затѣмъ, въ своихъ донесеніяхъ военному министру онъ сталъ сообщать о постоянномъ, будто бы, недовольствѣ Шамиля государемъ и его мпlostями; что онъ ропщетъ, будто бы, на скудость назначеннаго ему содержанія *); что онъ мечтаетъ о возвращеніи своего владычества, и пр.

Шамиль, измученный всѣми этими мелочными оскорбленіями и неприятностями, въ конецъ отравлявшими его и безъ того тяжелую жизнь, попросилъ губернатора Лерхе ходатайствовать о смѣнѣ пристава. Вскорѣ, дѣйствительно, пріѣхалъ изъ Москвы въ Калугу денщикъ капитана по фамиліи Семенова, назначеннаго на смѣну Пржецлавскаго, съ письмомъ къ нему, въ которомъ Семеновъ писалъ приставу: „Я назначенъ на ваше мѣсто: примите мои вещи“, и пр.; но, спустя нѣкоторое время, стало извѣстно, что полковникъ Пржецлавскій оставленъ попрежнему на своемъ мѣстѣ... Предполагалось, что имъ былъ совершенъ положительный подлогъ, съ цѣлью удержаться на своей должности: по выраженному самимъ Шамилемъ подозрѣнію, впоследствии подтвердившемуся, Пржецлавскій написалъ отъ имени имама письмо въ военное министерство, съ просьбою оставить при немъ, Шамиль, прежняго пристава...

Такъ прошло еще два года. Полковникъ Пржецлавскій продолжалъ попрежнему всячески изводить и принижать Шаммля... Тогда имамъ, съ свойственною ему прямою, обратился прямо къ генераль-майору Чичагову, недавно прибывшему въ Калугу на только что учрежденную должность губернскаго воинскаго начальника, прося его доложить губернатору его, Шамиля, просьбу, чтобы тотъ, въ присутствіи всѣхъ высшихъ властей города, выслушалъ его жалобу на представленнаго къ нему полковника Пржецлавскаго.

Желаніе знаменитаго плѣнника было исполнено, и въ квартирѣ губернатора Спасскаго, въ присутствіи генерала Чичагова, вице-губернатора графа Шуленберга и губернскаго предводителя дворянства Щукина, Шамиль сообщилъ, чрезъ переводчика, о причиняемыхъ ему приставомъ Пржецлавскимъ оскорбленіяхъ и неприятностяхъ и просилъ собраніе ходатайствовать объ его смѣнѣ. Между прочимъ, онъ разсказалъ и о своемъ отказѣ удостоверить рукопись „О трехъ имамахъ“, но не упомянулъ все-таки ни однимъ

*) Шамиль получалъ въ это время въ Калугѣ вполне достаточное содержаніе: готовую квартиру въ домѣ Сухотина, экипажъ и 15.000 рублей въ годъ.

словомъ, въ силу даннаго Пржецлавскому обѣщанія, о петиціи въ пользу поляковъ, которую предлагалъ ему къ подписи полковникъ Пржецлавскій.

Собраніе внимательно выслушало Шамиля, и губернаторъ ходатайствовалъ у военнаго министра о смѣнѣ пристава. Но результаты этого представленія были для Шамиля на первыхъ порахъ очень неожиданны и непріятны. Въ Калугу прибылъ изъ Петербурга полковникъ Брокъ, командированный военнымъ министромъ для производства дознанія, но не надъ интриганомъ-приставомъ, а надъ плѣннымъ Шамилемъ.

— Шамиль здѣсь дурить. Его надо отправить въ Вятку,—вотъ фраза, которую встрѣтилъ Брокъ Чичагова.

Къ счастью для Шамиля губернской воинской начальникъ Чичаговъ успѣлъ уже, за время своего пребыванія въ Калугѣ, не только хорошо ознакомиться съ имамомъ и всею его семьею, но замѣтить также и всѣ козни и интриги, подводимыя подъ него приставомъ; онъ помогъ полковнику Броку раскрыть всѣ сложныя махинаціи и обстоятельства этого непріятнаго дѣла и всѣ интриги пристава—до подложнаго письма отъ имени Шамиля къ военному министру включительно.

Въ концѣ концовъ приставъ былъ смѣненъ, и Шамиль былъ, такимъ образомъ, избавленъ отъ проступка, который онъ неминуемо бы совершилъ и отъ котораго онъ не разъ былъ на одинъ только шагъ: онъ, хорошо понимая и чувствуя всѣ интриги, козни и клеветы пристава Пржецлавскаго и будучи человекомъ прямымъ, вспыльчивымъ, властнымъ и необузданнымъ, едва-едва иногда удерживался отъ кровавой расправы съ своимъ неблагороднымъ врагомъ...

Дальнѣйшая жизнь и судьба Шамиля были таковы. Суровый—сравнительно съ Кавказомъ—климатъ Калуги сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать 19 имѣвшихся у него ранъ: его исполинская, желѣзная натура стала видимо ослабѣвать... Этотъ климатъ еще сплывѣ и быстрее сталъ отражаться на женщинахъ семьи Шамиля: вначалѣ умерла отъ скоротечной чахотки самая красивая изъ всѣхъ женщинъ семьи Шамиля—Кериматъ, жена старшаго его сына Кази-Магомы; затѣмъ, умерла отъ чахотки же любимѣйшая дочь Шамиля Нафисата, жена Абдуррахмана и т. д.; вообще въ Калугѣ за время десятилѣтняго пребыванія тамъ Шамиля, умерло всего, семнадцать человекъ—изъ семьи и свиты плѣнника,—считая въ томъ числѣ и прислугу. Вольнымъ сынамъ горъ, привыкшимъ къ мягкому горному воздуху и дремучимъ хвойнымъ лѣсамъ своей родины, было тяжело и душно жить въ Калугѣ... Разъ Шамиль, будучи въ Петербургѣ, въ 1861 году, просился въ Мекку; но ему дано было понять, что эта просьба

преждевременна. Въ бытность же свою въ томъ же Петербургѣ въ 1866 году на торжествахъ бракосочетанія цесаревича Александра Александровича, онъ не рѣшился возобновлять свое ходатайство. Наконецъ, въ октябрѣ 1869 года, онъ былъ переведенъ на жительство въ Кіевъ, гдѣ климатъ былъ все-таки мягче и теплѣе. Затѣмъ, въ началѣ 1870 года, Шамиль, имѣя уже 74 года, получилъ разрѣшеніе отправиться въ Мекку со всѣмъ своимъ семействомъ— съ женами, дочерьми, зятьями и младшимъ сыномъ Магометомъ, за исключеніемъ двухъ сыновей: Казн-Магомы, проводившаго отца до Одессы, и Магомета-Шеффи. уже служившаго въ то время въ Конвоѣ Его Величества офицеромъ.

Недолго—менѣе года—пожилъ старый Шамиль на волѣ: 4-го февраля 1871 года онъ умеръ, окруженный почти всею своею семьею, такъ какъ и Казн-Магомъ было потомъ дозволено уѣхать къ умирающему отцу. По разсказу генерала Шамиля, смерть его отца произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ: имамъ, удачно совершивъ, въ 1870 году, свое первое путешествіе изъ Медины въ Мекку, пожелалъ, въ концѣ января 1871 года, поѣхать туда помолиться еще разъ. Такъ какъ онъ былъ, отъ многихъ ранъ и преклонныхъ лѣтъ, очень слабъ и не могъ уже ѣхать верхомъ, то ему было приспособлено особое сидѣнье-стулъ, укрѣпленное между двумя верблюдами, которыхъ и долженъ былъ вести, равнымъ шагомъ, особый поводарь. Случилось, что, въ первую же ночь по выѣздѣ изъ Медины, поводарь не досмотрѣлъ какъ-то, и одинъ изъ верблюдовъ шагнулъ впередъ другого, вследствие чего одинъ конецъ сидѣнья сорвался съ горба продвинувшагося впередъ верблюда, и старикъ Шамиль упалъ на землю и сильно расшибся. Караванъ тотчасъ же вернулъся въ Медину, гдѣ вскорѣ Шамиль и скончался. Онъ былъ похороненъ въ Мединѣ же, на кладбищѣ Джаннатъ-Эмъ-Баки.

Популярность Шамиля между магометанскимъ населеніемъ Мекки, Медины и даже Константинополя была очень велика, и никто даже изъ владыкъ Турціи не пользовался такимъ обожаніемъ и поклоненіемъ, каковыя выпали на долю бывшаго властителя Кавказа. Напримѣръ, въ мечетяхъ Мекки въ то время, когда туда приходилъ молиться Шамиль, происходила всегда такая страшная давка, что турецкая полиція и муллы рѣшили, наконецъ, назначить для Шамиля особые *ночные* часы, когда жители города и богомольцы отправлялись спать. Народъ бросался за нимъ влѣдъ и цѣловалъ не только его руки, ноги и одежду, но и тѣ мѣста на плитахъ мечети, гдѣ ступала его нога и гдѣ онъ стоялъ во время молитвы.

Не меньшій почетъ онъ встрѣтилъ и въ Константинополѣ, когда заѣхалъ туда по дорогѣ изъ Одессы. Султанъ принялъ его въ торжественной аудіенціи, какою удостоивалъ только хедива и царственныхъ особъ,

и при всѣхъ поцѣловаль его руку; а когда Шамилю доводилось проѣзжать или идти пѣшкомъ по улицамъ турецкой столицы, то османлисы падали предъ нимъ ницъ и лежали распростерты на землѣ все время, пока онъ мимо нихъ проходилъ или проѣзжалъ. Таково было въ глазахъ турокъ и другихъ восточныхъ народовъ обаяніе челоѣка, провоевавшего съ могущественною Россійскою имперіею почти 25 лѣтъ, — въ то время какъ та же Турція, начиная съ нами свои войны, всегда вынуждаема была заканчивать ихъ невыгоднымъ для нея миромъ—по истеченіи год или много-много двухъ лѣтъ.

Объ этой своей войнѣ съ русскими войсками на Кавказѣ имамъ Шамиль, за время своего десятилѣтняго проживанія въ плѣну, въ Калугѣ, составилъ подробныя записки на арабскомъ языкѣ, которыя находятся въ настоящее время у его старшаго сына, Кази-Магомы, проживающаго въ Мединѣ.

IV.

Дальнѣйшая судьба родственниковъ Шамиля. — Смерть его женъ, Зайдаты и Шаунаты. — Смерть отъ чахотки дочерей Шамиля и прочихъ родныхъ. — Измѣна Кази-Магомы. — Судьба младшаго сына Шамиля, Магомета. — Трагическая смерть наба Хаджію. — Ссылка его убійць въ Сибирь. — Поправка къ книгѣ г-жи Чичаговой о Шамилѣ. — Мнимое „скряжничество“ Шамиля по запискамъ пристава Пржецлавскаго. — Гостепрѣмство генерала Магометъ-Шеффи-Шамиля.

Теперь я нахожу небезынтереснымъ разсказать о дальнѣйшей судьбѣ членовъ семьи Шамиля и близкихъ къ нему лицъ.

Всѣ женщины, жившія съ Шамилемъ въ Калугѣ—его жены, дочери и снохи—въ настоящее время не находятся въ живыхъ. Я уже упоминалъ о смерти красавицы Керимать, жены Кази-Магомы, и о смерти любимой дочери Шамиля, Нафисаты—отъ скоротечной чахотки, приключившейся отъ суроваго, сравнительно съ Кавказомъ, климата Калуги. Точно также и здоровье остальныхъ женщечъ было подорвано десятилѣтнимъ проживаніемъ въ плѣну въ названномъ городѣ. Жена Шамиля Зайдата пережила мужа лишь на три мѣсяца и умерла въ маѣ 1871 года, въ Таифѣ, близъ Мекки, и была въ Меккѣ же и похоронена. Шуаната, любимѣйшая жена имама, мужественнѣе всѣхъ другихъ женщинъ перенесла калужскій климатъ, такъ какъ была, по рожденію армянка, а не жительница горъ; она была гораздо моложе Зайдаты, пережила мужа на шесть лѣтъ и умерла въ Константинополѣ въ 1878 году; тамъ же она была и похоронена. Умерли также и всѣ дочери Шамиля,—Наджавать, Фатимать,

Баху-Меседу и Сафіятъ, а также и жена средняго сына Шамля, нынѣ генерала Магомета-Шеффи—Аминатъ. Умерли и всѣ зятя Шамля, кромѣ Абдурахима, о которомъ я упоминалъ выше.

Остались въ живыхъ всѣ три сына Шамля: старшій Казн-Магома, средній—генераль-майоръ Магометъ-Шеффи и младшій,—Магометъ, родившійся у Шамля отъ Зайдаты, въ Калугѣ, въ 1861 году. О старшемъ изъ нихъ, Казн-Магомѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Когда я встрѣчалъ его въ Калугѣ, въ началѣ 1860 года, это былъ громаднаго роста горецъ, немного сутулый и короткошей, безъ всякой растительности на лицѣ (онъ брился тогда),—что вполне дозволяло видѣть его суровое, непривѣтливое и неспмпатичное лицо. Съ нами, молодыми офицерами, онъ былъ угрюмъ и неразговорчивъ, составляя въ этомъ случаѣ полную противоположность своему другому брату Магомету-Шеффи и мюриду Хаджію, которые были всегда очень привѣтливы и разговорчивы. Не знаю почему, но въ Калугѣ всѣ были увѣрены въ то время, между прочимъ, и въ „преданности“ Казн-Магомы,—и эта увѣренность доходила до того, что назначенный впоследствии въ Калугу губернской воинской начальникъ генераль-майоръ Чичаговъ уговаривалъ даже этого угрюмаго горца ходить въ гимназію и учиться русскому языку. Но послѣдствія, однако, показали, что это были однѣ только иллюзіи и излишняя довѣрчивость, столь свойственныя добродушной русской натурѣ. Да едва ли и можно было ожидать, чтобы этотъ гордый и самолюбивый горецъ, сынъ всецильнаго и властнаго имама, могъ примириться съ печальною участію военноплѣннаго... При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что Казн-Магома, будучи всего семи лѣтъ отъ роду, былъ уже раненъ русскою пулею *) и испыталъ, слѣдовательно, еще въ дѣтскомъ возрастѣ сильныя физическія мученія, которыя не легко забываются. Затѣмъ, онъ потерялъ въ Калугѣ страстно любимую имъ жену, бывшую первою красавицей Кавказа, Кериматъ, не вынесшую плѣна въ суровомъ климатѣ. Все это едва ли могло поселить въ сердцѣ Казн-Магомы особую пріязнь и расположеніе къ русскимъ, — въ особенности, если принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что этотъ человекъ, прежде чѣмъ попасть въ Калугу, уже закалилъ себя въ бояхъ, не разъ предводительствуя

*) Это было при взятіи русскими войсками у горцевъ аула Ахульго, когда русскими же пулями была убита жена Шамля гимрянка Джовгарадъ, въ то время, когда она кормила грудью своего сына Саида, который вскорѣ былъ тоже убитъ русскою пулею. Шамиль спасся въ это время лишь чудомъ и только благодаря своей отвагѣ и необычайной физической силѣ: онъ спустился по веревкѣ къ обрыву рѣки Кофсу, имѣя на плечахъ семилѣтнаго раненаго сына, Казн-Магому.

многочисленными отрядами горцевъ, сдѣлавшихъ даже, подъ его начальствомъ, извѣстный побѣдоносный набѣгъ въ Грузію и Кахетію чрезъ Алазань, въ 1853 году, когда, напавъ на Циндалы, Казн-Магома взялъ въ плѣнъ княгинь Чавчавдзе и Орбелианн, съ ихъ дѣтьми, губернантиками и прислугой; слѣдуетъ помнить и то, что онъ и самъ, какъ старшій сынъ Шамля, имѣлъ уже въ Дагестанѣ громадную власть и вліяніе. Все это, вмѣстѣ взятое, до извѣстной степени можетъ оправдывать вѣроломный поступокъ Казн-Магомы, совершенный имъ въ 1870 году, когда, будучи отпущенъ изъ Россіи въ Мекку, для свиданія съ тяжело больнымъ отцомъ, онъ, похоронивъ Шамля, не пожелалъ уже вернуться въ Россію и даже не отпустилъ отъ себя младшаго брата Магомета, а также и никого изъ членовъ семьи Шамля,—такъ что въ Россіи остались лишь средній сынъ, Магометъ-Шеффи, и зятья—Абдуррахимъ и Абдуррахманъ. Мало этого: въ 1877 году Казн-Магома, состоявшій уже въ турецкой арміи въ чинѣ дивизіоннаго генерала, обложилъ Баязеть и требовалъ сдачи этой крѣпости, въ которой оборонялась небольшая часть нашихъ войскъ подъ начальствомъ мужественнаго капитала Штоквича. Извѣстно, что на это требованіе Штоквичъ отвѣтилъ Казн-Магомѣ слѣдующею фразой: „Казн-Магома, вѣроятно, не научился, воюя съ нами на Кавказѣ, подъ начальствомъ своего знаменитаго отца, что русскіе умѣютъ лишь брать крѣпости, но не сдавать ихъ“...

Предательство Казн-Магомы усугубляется еще и тѣмъ немаловажнымъ обстоятельствомъ, что онъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и зятьями, принявъ, 26-го августа 1866 года, въ Калугѣ присягу на вѣрноподданство Россіи. Своимъ вѣроломствомъ Казн-Магома всего больше повредилъ своему младшему брату, Магомету, котораго предполагалось помѣстить въ Пажескій корпусъ и воспитать его такъ же, какъ былъ воспитанъ первенецъ Шамля, Джемаль-эддинъ, взятый въ аманаты и возвращенный впоследствии отцу, въ обмѣнъ на плѣвленныхъ княгинь.

Самая злая судьба выпала на долю любимѣйшаго муріда имама, Хаджію—его казначея, секретаря и вѣрнаго друга, добровольно раздѣлявшаго съ нимъ плѣнъ и десятилѣтнюю жизнь въ Калугѣ *). Принявъ, затьмъ, вмѣстѣ съ Шамлемъ и его семьею, въ 1866 году, присягу на вѣрноподданство, Хаджію, по отъѣздѣ Шамля въ Мекку, пожелалъ воз-

*) Объ этомъ Хаджію я говорилъ болѣе подробно въ своей статьѣ „Поѣздка къ Шамлю въ Калугу въ 1860 году“ („Вѣстникъ Европы“, кн. августъ, 1898 г.).

вернуться на родину, и русское правительство предложило ему въ управленіе Ункратльское напбство, въ Дагестанской области, въ Бетлинскомъ округѣ, которое онъ охотно и принялъ, такъ какъ самое званіе *наиба* было очень почетное и соединялось, кромѣ того, съ большою самостоятельностью и властью; на Кавказѣ это было нѣчто среднее между маленькимъ губернаторомъ и крупной величиною исправникомъ.

На первыхъ же порахъ своего управленія Ункратльскимъ напбствомъ, честный и вѣрный Хаджію возстановилъ противъ себя ту худшую и безпокойную часть населенія, которая продолжала втихомолку заниматься грабежами и разбоями: Хаджію строго преслѣдовалъ грабителей и, не щадя, выдавалъ ихъ въ руки русскихъ властей на Кавказѣ. Такимъ образомъ были сосланы въ Сибирь за убійства и грабежи нѣсколько вороватыхъ узденей, пользовавшихся большимъ вліяніемъ среди мѣстнаго населенія. Тогда оставшіеся родичи сосланныхъ рѣшили избавиться отъ Хаджію и, въ то же время, отомстить ему за ссылку своихъ ближнихъ. Для приведенія своего замысла въ исполненіе заговорщики воспользовались однажды прїездомъ Хаджію, по дѣламъ службы, въ одинъ глухой аулъ, гдѣ онъ долженъ былъ переночевать. Передъ разсвѣтомъ, нѣсколько десятковъ горцевъ окружили саклю, гдѣ спалъ Хаджію, и старались въ нее проникнуть; но онъ успѣлъ проснуться—и заперся. Сопровождавшій его конвой, ночевавшій у дверей его сакли и на дворѣ, тотчасъ же разбѣжался—отчасти изъ трусости, а отчасти и изъ сочувствія нападавшимъ,—и мужественный напбъ остался въ саклѣ одинъ одиошенекъ: онъ забаррикадировалъ дверь и окно, оставивъ лишь отверстіе для ружья, и сталъ отстрѣливаться. Нѣсколько человекъ изъ числа нападавшихъ было имъ, такимъ образомъ, убито и ранено, и это еще болѣе ожесточило разбойниковъ. Наконецъ, Хаджію разстрѣлялъ всѣ имѣвшіеся у него ружейные патроны... Нападавшіе замѣтили это и бросились—было къ дверямъ, но два выстрѣла изъ револьвера, почти въ упоръ, положили еще двухъ смѣльчаковъ... Толпа отхлынула, и рѣшила зажечь саклю. Но едва только имъ это удалось, какъ храбрый напбъ, распахнувъ дверь, выскочилъ изъ сакли и, съ обнаженною шашкою въ рукахъ, ринулся въ толпу нападавшихъ... Не прошло и минуты, какъ нѣсколько разбойниковъ были изрублены, но, въ то же время, подъ многочисленными ударами шашекъ и кинжаловъ, палъ и Хаджію,—и толпа, звѣрски умертвивъ его, надругалась затѣмъ надъ его трупомъ

Всѣ виновники этого убійства вѣрнаго слуги русскаго правительства были судимы и сосланы въ Сибирь. Такъ погибъ самый мужественный и храбрый изъ бывшихъ мюридовъ Шампля и самый преданный ему другъ!..

Мнѣ остается еще сдѣлать нѣсколько поправокъ къ невѣрнымъ свѣдѣніямъ, появившимся о Шамилѣ въ печати. Такъ, напр., въ книгѣ г-жи Чпчаговой—„Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи“,—авторъ, описывая важное историческое событіе, совершившееся въ Гуніибѣ 25-го августа 1859 года, когда имамъ Шамиль отдался въ плѣнъ русскимъ войскамъ,—говоритъ слѣдующее: „...Прапорщикъ Узбашевъ прискакалъ отъ графа Евдокимова съ приказаніемъ *обезоружить* Шамиля. Полковникъ Лазаревъ затруднился исполнить это приказаніе... такъ какъ обезоруженіе считается у горцевъ большимъ безчестіемъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній, полковникъ Лазаревъ рѣшился привести Шамиля вооруженнымъ, о чемъ и донесъ графу Евдокимову“. И далѣе: „Князь Бяратинскій, находившійся въ полторѣ версты отъ аула Гуніибъ, сидѣлъ въ рощѣ, на покатохъ горы, на камнѣ. Возлѣ князя стояли графъ Евдокимовъ, переводчикъ и полковникъ Трамповскій, а нѣсколько далѣе вся свита. Князь жалѣлъ Шамиля и въ душѣ благодарилъ Бога, что все такъ благополучно кончилось. Шагахъ въ шести отъ князя Шамиль остановился. *Столь храбрый на войнѣ, онъ теперь трусилъ.* Онъ былъ въ зеленой чухѣ и большой бѣлой чалмѣ съ хвостомъ, былъ блѣденъ, губы дрожали, но голосъ былъ твердъ. *Робко, пугливо озирался онъ вокругъ себя, въ полномъ убѣжденіи, что настала минута, когда онъ долженъ разстаться съ землею жизнью...*“

Говорить о *трусости* Шамиля можетъ только авторъ-женщина.. Слово „страхъ“ было незнакомо отважному и властному повелителю Кавказа, — и если уже разъ зашла рѣчь объ этомъ непохвальномъ чувствѣ, то Шамиль скорѣе всего могъ бы заподозрѣть въ немъ тѣхъ, кто такъ желалъ, чтобы онъ предсталъ „обезоруженный“... И ему ли, храбрѣйшему изъ храбрыхъ, прістало бояться „разстаться съ жизнью“, когда онъ видалъ смерть, лицомъ къ лицу, безсчетное количество разъ—и въ сраженіяхъ съ русскими, и въ междоусобныхъ битвахъ!

Проживъ двѣ зны въ Калугѣ—въ то время, когда тамъ жилъ Шамиль,—я и многіе другіе слышали не разъ отъ находившагося при особѣ Шамиля въ качествѣ пристава А. И. Руновскаго, закаленного кавказскаго воина, что Шамиль говорилъ впоследствии, что онъ рѣшилъ *заколоть себя*, на глазахъ князя Бяратинскаго, при первомъ оскорбленіи, если бы таковое ему нанесли,— и самымъ, конечно, тяжкимъ оскорбленіемъ было бы отобраніе отъ него оружія... Къ счастью для Шамиля и къ чести для побѣдителей, приказъ гр. Евдокимова не былъ исполненъ.

Въ бытность мою въ Тифлисѣ, въ октябрѣ 1899 года, я видѣлъ въ тамошнемъ военномъ музеѣ „Храмъ Славы“ интересную картину перваго представленія плѣннаго Шамиля князю Бяратинскому. Чувство невольной

жалости къ плѣнному герою вызываетъ въ зрителѣ эта картина... Интересна въ ней, между прочимъ, слѣдующая подробность: почти рядомъ съ вооруженнымъ Шамилемъ, стоящимъ потупивъ голову, виденъ, съ мрачнымъ лицомъ, Голиаевъ-горець, тѣлохранитель паша, босой, одѣтый въ рваную черкеску и обезоруженный; но отчаянная рѣшимость видна на лицѣ этого удалца: кажется, что, шевелья только его повелитель пальцемъ или скажи хотя одно слово,—и вся эта блестящая толпа побѣдителей и ихъ свита будутъ моментально снесены съ лица земли... И Богъ вѣсть, конечно, что бы произошло, если бы Шамилю показалось въ это время, что ему наносится оскорбленіе...

Вторую, не менѣе серьезную, поправку я долженъ сдѣлать по поводу записокъ пристава Пржецлавскаго, печатавшихся въ „Русской Старинѣ“. Между прочими дурными качествами, которыми такъ щедро надѣлилъ г. Пржецлавскій своего знаменитаго плѣнника, онъ говоритъ, что это былъ жалкій старикъ, слабодушный скряга, и пр. Выдуманность и несправедливость этихъ эпитетовъ, въ примѣненіи ихъ къ Шамилю, столь очевидна, что едва ли даже и подлежитъ опроверженію. Я могу лишь относительно мнимаго скряжничества Шамиля привести слѣдующій фактъ. Его положительная *щедрость*—т.-е. чувство совершенно противоположное скряжничеству—была, во время его жизни въ Калугѣ, такъ убыточна для его семьи и домашняго обихода, что мѣстныя власти вынуждены были, по просьбѣ его казначея Хаджію, принять нѣкоторыя мѣры къ обузданію назойливости калужскихъ нищихъ, постоянно караулившихъ домъ Сухотина, гдѣ жилъ Шамиль, ожидая его выхода на прогулку. Шамиль имѣлъ обыкновеніе подавать имъ то, что попадалось подъ руку въ его кошелекъ—была ли то ассигнація или золотой, или серебряный рубль (бывшіе въ то время въ обращеніи); и когда его спрашивали, зачѣмъ онъ подаетъ такъ много, то онъ, обыкновенно, отвѣчалъ:

— Я не могу подать нищему мѣдную монету, потому что можетъ случиться, что ему въ тотъ день никто другой не подаетъ ничего... Чѣмъ же тогда онъ будетъ сытъ въ этотъ день?...

Этимъ я и закончу мою настоящую статью, прибавивъ къ ней лишь нѣсколько строкъ о томъ гостепріимствѣ, которое я примѣтилъ и въ сынѣ Шамиля—генералѣ Магометѣ-Шеффи. Ужъ, кажется, какъ нелегко быть гостепріимнымъ и хлѣбосольнымъ въ номерѣ гостиницы, да еще, напр., въ Кисловодскѣ, на курортѣ; но генералъ Шамиль ухитрился и тутъ потчевать и принимать съ необычайнымъ радушіемъ, при чемъ ему лично приходилось исполнять роль хозяйки—разливать чай, рѣзать хлѣбъ и пр.

или, напр., никакія силы не могли отклонить и уговорить Магомета-Шеффи, чтобы онъ не снималъ съ вѣшалки пальто гостя и не подавалъ его самъ. На мои укоризны по этому поводу, генералъ отвѣчалъ очень серьезно:

— Гость—твой господинъ, а ты—его слуга,—это говорилъ мнѣ покойный отецъ, и я, услуживая вамъ, исполняю, между прочимъ, его завѣтъ и приказъ.
